
Конан Дойль

Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах

Том 4

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
М. Урнова.

Торговый
дом
Гердлстон

ГЛАВА I

ДЖОН ХАРСТОН ЯВЛЯЕТСЯ В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК

Вход в контору фирмы «Гердлстои и К⁰» не слишком величествеи и ничего не говорит непосвящеиным о солидности н богатстве этого торгового дома. Почти на самом углу широкой оживлеииой улицы, ярдах в двухстах от стаицин метрополитеиа «Феичерч-стрит», узкая дверь открывается в длиииый выбелеииый коридор. На стене виднеется медная дощечка с иадписью: «Гердлстон и К⁰, торговля с Африкой» — н страииым иероглифическим зиачком, который, по замыслу своего творца, должеи был изображать человеческую руку с указующим перстом. Послушно доверясь этой довольно зловещей эмблеме, посетитель оказывается затем в иебольшом квадратном дворе, где его со всех сторон окружают дверн, н на одиой он вновь видит название фирмы, выведеиное большнми белыми буквами, а под ним словечко «толкайте». Еслн он последует этому лаконичному совету, то очутится в длнииом инзком зале, в котором и помещается контора коммерсаитов, ведущнх торговлю с Африкой.

В тот деиь, с которого мы начиииаем свой рассказ, в конторе царилн тишина н спокойствие. У окошечек в проволочиой сетке не толклись посетители, хотя затоптаный линолеум свидетельствовал о том, что утро было

весьма деловым. Туманный лондонский свет еле просачивался сквозь матовые стекла окон, и в углах собирались густые тени. В глубине зала на высоком табурете сидел пожилой человек с утомленным лицом и, что-то бормоча и постукивая пальцами, выводил бесконечные столбики цифр. Поблизости от его табурета за двумя длинными полированными конторками красного дерева шесть молодых людей, склонив головы и сгорбив плечи, казалось, бешено неслись голова в голову на скачках жизни. Любой завсегдатай лондонских торговых контор, заметив их неиссякаемую энергию и неукоснительное прилежание, сразу заключил бы, что в зале находится кто-нибудь из владельцев фирмы.

В данном случае это был широкоплечий молодой человек с бычьей шеей; опираясь о мраморную каминную полку, он листал альманах и время от времени искоса посматривал на всех этих тружеников. Его энергичное квадратное лицо и прямая могучая фигура свидетельствовали о властном характере. Он был выше среднего роста и весьма плечист. Тяжелый, волевой подбородок, дерзкий, почти наглый взгляд, самая его поза говорили о решительности, доходящей до тупого упрямства. В правильных чертах смуглого лица и черной шапке жестких вьющихся волос было что-то античное. Но в этом классически правильном лице не читалась одухотворенность. Оно приводило на память какого-нибудь римского императора, великолепного в своей животной силе, но лишенного той особой мягкости взгляда и очертаний рта, которые свидетельствуют о богатой внутренней жизни. Тяжелая золотая цепочка поперек жилета и бриллиант, сверкавший на пальце, прекрасно гармонировали с чувственными губами и мощным подбородком. Вот каков был Эзра, единственный сын Джона Гердлстона и наследник всего его огромного коммерческого предприятия. Не удивительно, что предусмотрительные клерки прилежно гнулись над счетными книгами и трудились с усердием, рассчитанным на то, чтобы привлечь внимание младшего компаньона и показать ему, как ревностно они блюдут интересы фирмы.

Однако вскоре стало ясно, что молодой хозяин судит об их рвении отнюдь не по тому, как они усердствуют теперь. На его смуглом лице появилась сардониче-

ская улыбка, и, не отрываясь от альманаха, он произнес только одно слово:

— Паркер!

Белобрысый клерк, примостившийся у дальнего конца конторки, вздрогнул и с испугом поднял голову.

— Ну, Паркер, кто же выиграл? — спросил младший компаньон.

— Кто выиграл, сэр? — пробормотал юноша.

— Ну да, кто выиграл? — повторил хозяин.

— Извините, сэр, я не понимаю,— сказал клерк, краснея и окончательно теряясь.

— О нет, Паркер. Отлично понимаете! — ответил молодой Гердлстон, постукивая по альманаху ножом для разрезания бумаги.— Когда я вернулся после завтрака, вы играли в чет и нечет с Робсоном и Перкинсом. Поскольку я заключаю, что вы занимались этим все время, пока я отсутствовал, то мне, естественно, хотелось бы знать, кто выиграл.

Трое несчастных уставились в свои книги, стараясь избежать насмешливого взгляда хозяина. Он продолжал говорить все тем же спокойным тоном.

— Вы, господа, получаете от фирмы примерно тридцать шиллингов в неделю. Мне кажется, я не ошибаюсь, мистер Гилрей? — обратился он к старшему клерку, который сидел в стороне от других за собственной высокой конторкой.— Да, я так и думал. Разумеется, чет и нечет — вполне безобидная и очень увлекательная игра, однако это еще не значит, что мы готовы платить такие деньги только за удовольствие наблюдать ее в нашей конторе. Поэтому я порекомендую моему отцу вычесть по пять шиллингов из той суммы, которую каждый из вас получит в субботу. В счет времени, которое вы потратили на собственные забавы в часы работы.

Он умолк, и трое грешников начали успокаиваться и поздравлять себя, что отделались так дешево, когда вновь раздался его голос.

— Мистер Гилрей, приглядите, чтобы эти вычеты были произведены,— сказал Эзра Гердлстон.— И одновременно я попросил бы вас вычесть десять шиллингов из вашего собственного жалованья: в отсутствие владельцев фирмы вы, как старший клерк, отвечаете за под-

держание порядка в конторе, и, следовательно, вы пренебрегли своими обязанностями. Так позаботьтесь же выполнить мои указания, мистер Гилрей.

— Слушаю, сэр,— смиренно ответил старший клерк.

Это был пожилой человек, обремененный большой семьей, и потеря десяти шиллингов должна была значительно сказаться на воскресном обеде. Впрочем, он мог только склониться перед неизбежным, и на его худом, измученном лице появилось выражение кроткой покорности судьбе. Однако он не имел ни малейшего представления, каким образом заставить десять своих молодых подчиненных не нарушать порядка, и это сильно его тревожило.

Младший компаньон умолк, но клерки, которых он не назвал, продолжали работать с трепетом, полагая, что сейчас наступит и их черед. Однако боялись они напрасно: раздался резкий звук настольного гонга, и появился рассыльный, который доложил, что мистер Гердлстон просит мистера Эзру зайти к нему на минутку. Молодой человек обвел своих подданных пронзительным взглядом, но едва он удалился через внутреннюю дверь, как в воздух взлетели и были ловко пойманы десять перьев, и десять молодых людей предались насмешливому ликованию, не обращая ни малейшего внимания на робкие попытки кроткого мистера Гилрея восстановить закон и порядок.

От конторы кабинет мистера Джона Гердлстона отделяли две двери: внешняя, из полированного дуба, и внутренняя, обитая зеленой бязью. Сам кабинет был невелик, но с очень высоким потолком, а на стенах красовались модели кораблей в разрезе, прикрепленные к доскам, словно окаменевшие останки доисторических рыб в музеях. Между ними висели фотографии различных судов, принадлежащих фирме, а также карты, морские карты и расписания многочисленных рейсов. Большая акварель над камином изображала барк «Белинду», выброшенный на риф к северу от мыса Пальмас. Из подписи под этим творением искусства следовало, что оно принадлежит кисти второго помощника и было преподнесено им главе фирмы. По общему мнению, из-за этого крушения фирма понесла значительные убытки, и в том, что Гердлстон украсил свой кабинет напомина-

нием о столь печальном событии, многие усматривали лишнее доказательство его хладнокровия и железной воли. Эту точку зрения, однако, по-видимому, не разделял некий циничный служащий агентства Ллойда, который умудрился, ловко используя левое веко и правый указательный палец, дать понять совершенно недвусмысленно, что барк, возможно, был застрахован на значительно бо́льшую сумму, а убытки фирмы были не столь уж огромны.

Джон Гердлстон, сидевший в ожидании сына за квадратным письменным столом, несомненно, обладал незаурядной внешностью. Это суровое, худое лицо с резкими чертами и глубоко посаженными глазами говорило о сильном характере, который мог быть отдан служению как добру, так и злу. Он был брит, если не считать косматой бахромы седых бачков, соединявшихся с седыми волосами. По его непроницаемому лицу нельзя было прочесть решительно ничего, и свидетельствовало оно только о суровости и твердости, то есть о качествах, которые бывают свойственны и самым благородным натурам, и самым низменным. Быть может, именно благодаря этой неопределенности свет оценивал старого коммерсанта очень по-разному. Его считали фанатически религиозным, пуритански нравственным и щепетильно честным в делах. И все же находились люди, которые относились к нему подозрительно, и никто, за исключением только одного человека, не мог бы назвать его другом.

Когда в кабинет вошел его сын, Джон Гердлстон поднялся и встал спиной к огню. Он был гораздо выше сына, но плотное сложение молодого человека свидетельствовало о большей силе, которая объяснялась не только разницей в возрасте.

В кабинете отца Эзра оставил саркастический тон, который находил наиболее удобным для бесед с клерками, и стал самим собой, то есть резким и грубым.

— Ну, в чем дело? — спросил он, бросившись в кресло и побрякивая монетами в карманах брюк.

— Пришло известие от «Черного орла»,— ответил его отец,— оно отправлено из Мадейры.

— А! — оживившись, воскликнул младший партнер.— Ну и как?

— Идет как будто с полным грузом. Так по крайней мере сообщает капитан Гамильтон Миггс.

— Удивляюсь, что Миггс был способен хоть что-то сообщить. И еще больше удивляюсь тому, что вы ему верите,— раздраженно сказал младший партнер.— Он же никогда не бывает трезвым.

— Миггс — хороший моряк, и его уважают на побережье. Возможно, он иногда забывает о воздержанности, но у нас у всех есть свои недостатки. Вот список грузов, заверенный нашим агентом. Шестьсот бочек пальмового масла...

— Цены на масло упали,— перебил Эзра.

— Они поднимутся еще до прибытия «Черного орла»,— уверенно возразил старший партнер.— Кроме того, он везет большую партию кокосовых орехов, камедь, черное дерево, шкуры, кошениль и слоновую кость.

Молодой человек даже присвистнул от удовольствия.

— Тут старик Миггс не промахнулся,— сказал он.— Слоновая кость стоит очень высоко.

— Несколько выгодных рейсов нам совершенно необходимы,— заметил Гердлстон.— Последнее время в наших делах был неприятный застой. Однако печальное событие мешает нам испытать ту радость, которую доставило бы нам это известие. Три матроса скончались от злокачественной лихорадки. Имен их он не назвал.

— Черт подери! — воскликнул Эзра.— Мы-то хорошо знаем, что это означает. Три бабы, каждая с кучей ребятишек, будут торчать в конторе с утра до вечера и требовать пенсии. И почему это матросы не имеют обыкновения сами обеспечивать свои семьи?

Его отец неодобрительно поднял белую руку.

— Мне хотелось бы,— сказал он,— чтобы ты не говорил о столь священных предметах с таким легкомыслием. Семья, неожиданно лишившаяся кормильца... Что может быть печальнее? Я не в силах выразить, как мне это горько.

— Так, значит, вы собираетесь назначить пенсию вдовам? — осведомился Эзра с легкой улыбкой.

— Отнюдь,— без колебаний ответил его отец.— Фирма «Гердлстон и К°» — это не страховая компания.

Труженик достоин своего вознаграждения, но, когда он покидает наш мир, его семье следует рассчитывать лишь на то, что он сумел накопить благодаря трудолюбию и бережливости. Мы не можем назначить пенсии женам умерших матросов, потому что это создаст опасный прецедент и лишит их товарищей всякого желания откладывать деньги на черный день, а значит, косвенным образом явится поощрением порока и распущенности.

Эзра усмехнулся и громче забренчал мелочью и ключами в кармане.

— Однако я позвал тебя вовсе не для этого,— продолжал Гердлстон.— Моим правилом всегда было ставить дела фирмы выше моих личных дел, какими бы неотложными эти последние ни казались. Меня известили, что Джон Харстон умирает и хотел бы повидаться со мной. Оставить в настоящее время контору для меня крайне неудобно, но я чувствую, что долг христианина требует, чтобы я откликнулся на подобный призыв. Поэтому я прошу тебя заменить меня здесь на время моего отсутствия.

— Да неужели это правда? — удивленно воскликнул Эзра.— Наверно, произошла какая-то ошибка. Я же сам еще в понедельник разговаривал с ним на бирже.

— Это случилось очень неожиданно,— ответил отец, снимая с вешалки широкополую шляпу.— Однако сомневаться, увы, нельзя. Доктор говорит, что он вряд ли проживет до вечера. Какая-то форма злокачественного тифа.

— Вы же с ним старинные друзья? — заметил Эзра, задумчиво поглядывая на отца.

— С самого детства,— ответил тот с сухим покашливанием, представлявшим самую высокую ноту его ограниченной эмоциональной гаммы.— Твоя мать, Эзра, умерла в тот самый день, когда у жены Харстона родилась дочь,— тому минуло уже семнадцать лет. А миссис Харстон скончалась через несколько дней после родов. Я не раз слышал, как он говорил, что, быть может, и нам с ним суждено вместе покинуть эту юдоль. Однако все мы в руце Всемогущего, и, по-видимому, он пока призывает к себе только одного.

— А кому достанутся его деньги, если доктора не ошиблись? — с интересом осведомился Эзра.

— Все получит девушка,— ответил коммерсант.— Она будет богатой невестой. Насколько мне известно, у него нет других родственников, кроме Димсдейлов. А они и так богаты. Однако мне пора.

— Ах, кстати, тиф ведь очень заразителен, верно?

— Да, так говорят,— спокойно ответил коммерсант и, твердым шагом пройдя через всю контору, удалился.

Оставшись в кабинете один, Эзра Гердлстон протянул ноги к огню и, глядя в пламя, задумчиво пробормотал:

— Папаша — настоящий кремень. А все же это наверняка задело его больше, чем он показывает. Само собой! Единственный друг, который у него был на всем свете, а уж другим он больше не обзаведется! Впрочем, мне-то какое дело? — И, утешившись этой мыслью, он, насвистывая, принялся листать секретный журнал фирмы.

Возможно, что Эзра был прав в своем заключении, и невозмутимость сдержанного коммерсанта скрывала страдающее сердце, когда он подозвал извозчика и поехал в Фулем, где жил его друг. Они с Харстоном вместе учились в школе для бедных, вместе терпели тяготы в юности, вместе вырвались из нищеты и вместе разбогатели. В те дни, когда Джон Гердлстон был долговязым юнцом, а Харстон — круглолицым мальчишкой, этот последний привык смотреть на старшего товарища, как на своего защитника и руководителя. Бывают характеры паразитические по своей природе. Они чахнут в одиночестве и стремятся прилепиться к более сильной натуре, чтобы заимствовать чувства и мысли, так сказать, из вторых рук. Энергичный, деятельный ум со временем неизбежно собирает вокруг себя много других интеллектов, представляющих собой лишь слабую его копию. Вот почему с годами Харстон привыкал все больше и больше опираться на товарища своих школьных лет; он стремился привить многие из его суровых свойств своему простому и безвольному характеру, так что в конце концов превратился в нелепую пародию на оригинал. Для него Гердлстон был совершенством, поступки Гердлстона — единственно правильными, мнение Гердлстона — справедливейшим и непогрешимым. Сорок лет такой не-

изменной преданности не могли не произвести впечатления на Гердлстона, как бы он ни пытался это скрыть.

Харстон, неустанно трудясь и во всем себе отказывая, сумел основать экспортную торговую контору. В этом он последовал примеру своего друга. Однако интересы их столкнуться не могли, поскольку торговые операции Харстона ограничивались Средиземным морем. Его предприятие росло и процветало, так что в Сити на Харстона посматривали с уважением. Его единственной дочери Кэт недавно исполнилось семнадцать. Близких родственников у него не было, если не считать доктора Димсдейла, преуспевающего врача, практиковавшего в Вест-Энде. Не удивительно, что деловитый Эзра Гердлстон (а вероятно, и его отец) заинтересовался тем, как умирающий распорядится своим состоянием.

Гердлстон распахнул железную калитку и быстро пошел по усыпанной песком дорожке. С безоблачных небес осеннее солнце лило золотые лучи на зеленый газон и пестрые цветочные клумбы. Воздух, листья, птицы — все говорило о жизни, и трудно было представить себе, что костлявая рука смерти уже готовилась опуститься на того, кому принадлежало все это. По ступенькам крыльца сходил невысокий толстяк в черном.

— Скажите, доктор,— спросил коммерсант,— в каком положении ваш пациент?

— Неужели вы хотите увидеться с ним? — в свою очередь, спросил доктор, с любопытством поглядывая на землисто-бледное лицо и кустистые брови Гердлстона.

— Да, я как раз иду к нему.

— Это самая заразная форма тифа. Он может умереть в ближайший час, а может протянуть и до вечера, но надежды нет никакой. Боюсь, он вас не узнает, а помочь ему вы ничем не можете. Болезнь чрезвычайно заразна, и вы бесцельно подвергнете себя опасности. Настоятельно рекомендую вам отказаться от своего намерения.

— Однако, доктор, сами вы только что были у него.

— Но ведь это же мой долг.

— И мой,— решительно ответил коммерсант.

Поднявшись по каменным ступеням, он вошел в прихожую. Дверь в большую гостиную на первом этаже была распахнута, и посетитель увидел зрелище, которое за-

ставило его на мгновение замедлить шаг. В нише окна сидела молодая девушка; ее миниатюрная гибкая фигурка поникла, руки были сцеплены на затылке, а локти опирались о маленький столик, стоявший перед ней. Великолепные каштановые волосы падали густой волной на белые округлые руки, а изящный изгиб прекрасной шеи привел бы в восторг скульптора, который искал бы позу для статуи скорбящей богоматери. Доктор только что сообщил ей страшную весть, и она еще переживала первый пароксизм своего горя — такого мучительного горя, которое, как понял даже не склонный к сентиментальности коммерсант, отвергает самую мысль об утешении. Однако находившаяся в комнате борзая, казалось, была иного мнения: во всяком случае, она положила передние лапы на колени своей молодой хозяйке и пыталась протиснуть узкую морду между ее руками, чтобы лизнуть ей лицо в знак собачьего сочувствия. Коммерсант постоял в нерешительности несколько секунд, а потом поднялся по широкой лестнице, распахнул дверь в спальню Харстона и вошел.

Жалюзи были закрыты, и в комнате царила темнота. В ней стоял едкий запах карболки, смешанный с кисловатым тяжелым запахом болезни. Кровать находилась в дальнем углу. Еще не разглядев больного, Гердлстон услышал его хриплое, учащенное дыхание. Увидев посетителя, сиделка встала со своего места возле кровати, шепнула ему несколько слов и вышла из спальни. Гердлстон приоткрыл жалюзи, чтобы впустить в комнату немного света. Большая комната казалась унылой и голой, так как все ковры и занавеси были убраны, чтобы уменьшить возможность будущей инфекции. Джон Гердлстон тихими шагами приблизился к кровати и сел рядом со своим умирающим другом.

Страдалец лежал на спине, по-видимому, не сознавая, что происходит вокруг. Остекленевшие глаза были обращены к потолку, из полуоткрытых запекшихся губ вырывалось хриплое, прерывистое дыхание. Даже неопытный взгляд коммерсанта сразу различил, что над больным витает ангел смерти. Неуклюже, потому что нежность не была в его характере, Гердлстон смочил губку и провел ею по пылающему лбу Харстона. Тот повернул голову, и его взгляд стал осмысленным и благодарным.

— Я знал, что ты придешь,— сказал он.

— Да, я отправился к тебе, как только мне сообщили о твоем желании.

— Я рад, что ты здесь,— со вздохом облегчения произнес страдалец.

Его изможденное лицо так просветлело, словно даже теперь, на самом пороге смерти, присутствие старого школьного друга обнадеживало его и ободряло. Вытащив из-под одеяла исхудалую руку, он положил ее на руку Гердлстона.

— Мне нужно поговорить с тобой, Джон,— сказал он.— Я очень ослабел. Ты хорошо меня слышишь?

— Да, хорошо.

— Налей мне ложку лекарства вон из этого флакона. После него мысли меньше мешаются. Я написал завещание, Джон.

— Так,— сказал коммерсант, ставя флакон на место.

— Нотариус составил его сегодня утром. Нагнись пониже — так тебе будет слышнее. У меня осталось меньше пятидесяти тысяч. Мне следовало бы ликвидировать дело еще несколько лет назад.

— Я же тебя предупреждал,— сухо перебил его Гердлстон.

— Да, да, конечно. Но я хотел сделать как лучше... Сорок тысяч я оставляю моей дорогой дочери Кэт.

На лице Гердлстона появилось выражение интереса.

— А остальное? — спросил он.

— Остальное я распорядился разделить поровну среди лондонских школ для бедных. Мы с тобой оба были в юности бедняками, Джон, и знаем, как много значат такие школы.

На лице Гердлстона как будто отразилось разочарование. Больной очень медленно, с трудом продолжал:

— Моя дочь получит сорок тысяч фунтов. Но они помещены так, что до совершеннолетия она ни сама не сможет воспользоваться капиталом, ни уполномочить на это кого-нибудь другого. У нее нет друзей, Джон, и нет родственников, кроме моего троюродного брата доктора Джорджа Димсдейла. Она остается совсем одинокой и беззащитной. Умоляю тебя, возьми ее в свой дом. Обходись с ней, как если бы она была твоей дочерью. А главное, охрани ее от всех тех, кто будет готов погу-

бить ее юную жизнь, лишь бы завладеть ее состоянием. Обещай мне это, старый друг, и я умру счастливым.

Коммерсант ничего не ответил. Его густые брови задумчиво сошлись на переносице, а лоб прорезали глубокие морщины.

— Ты единственный праведный и справедливый человек среди тех, кого я знаю,— продолжал страдалец.— Дай мне воды, у меня совсем пересохло во рту. И если, чего да не допустит бог, моя милая девочка умрет до того, как выйдет замуж, тогда...— Больной задохнулся и умолк.

— Ну, что тогда?

— Тогда, мой старый друг, ее состояние перейдет к тебе, потому что никто не сумеет распорядиться им лучше тебя. Таковы условия моего завещания. Но ты будешь беречь и лелеять Кэт, как берег бы и лелеял ее я сам. Она нежный цветок, Джон, и слишком слаба, чтобы остаться без защиты. Обещай мне, что ты поможешь ей. Ты обещаешь?

— Обещаю,— ответил Джон Гердлстон глубоким голосом. Он встал и нагнулся совсем низко, чтобы расслышать слова умирающего.

Харстон быстро слабел. Он с трудом указал на лежащую на столе книгу в коричневом переплете.

— Возьми ее в руки,— сказал он.

Коммерсант взял книгу.

— А теперь повторяй за мной: я клянусь и торжественно обязуюсь...

— Я клянусь и торжественно обязуюсь...

— ...лелеять и охранять, как если бы она была моей собственной дочерью...— донесся дрожащий голос с кровати.

— ...лелеять и охранять, как если бы она была моей собственной дочерью...— повторил глубокий бас коммерсанта.

— ...Кэт Харстон, дочь моего покойного друга...

— ...Кэт Харстон, дочь моего покойного друга...

— ...И как я поступлю с ней, так да поступит со мной моя собственная плоть и кровь!

Голова больного бессильно упала на подушку.

— Благодарение богу,— пробормотал он,— теперь я могу умереть спокойно.

— Отврати свои мысли от суеты н праха этого мира,— сурово сказал Джои Гердлстои,— н устреми нх на то, что вечно и ие подвластно смертн.

— Ты уже уходншь? — грустно спросил больной, увидев, что коммерсаит взял свою шляпу и палку.

— Да, я должен ндти. У меня в шесть часов свиданне в Сити, иа которое я ие могу ие явиться.

— И у меня свиданне, на которое я не могу не явнться,— прошептал умнрающнй со слабой улыбкой.

— Я сейчас же пошлю к тебе сиделку,— сказал Гердлстон,— прощай.

— Прощай. Да благословит тебя бог, Джон.

Крепкая, сильная рука здорового человека иа мгновение сжала ослабевшие горячие пальцы больиого. А потом Джои Гердлстои тяжелым шагом спустнлся по лестинце, и иа этом закоичилось последиее прощаиие друзей, чья дружба длилась сорок лет.

Коммерсаит явился на свое свиданне в Сити вовремя, но задолго до того как ои добрался туда, Джои Харстои отправился на то последнее ужасное свиданне, вестинк которого — Смерть.

ГЛАВА II

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ A LA MODE[1]

Было пасмурное октябрьское утро. Со времеии вышеопнсанных событий прошло несколько недель. Сумрачный городской воздух казался еще более сумрачиым сквозь матовые стекла коиторы на Феичерч-стрнт. Гердлстон, такой угрюмый н серый, словно ои был воплощеинем осеиией погоды, склоиился иад своим столом красиого дерева.

Перед началом диевных трудов он отмечал в развернутом перед ним длинном списке биржевые курсы тех товаров, в которые были вложены капиталы фирмы. В кресле напротив него сидел, развалясь, его сын Эзра; лицо молодого человека несколько опухло, а под глазами видиелись темиые круги, потому что он веселился почти до утра, а теперь расплачнвался за это.

[1] По моде *(франц.)*.

— Фу! — воскликнул его отец, с отвращением оглядываясь на него.— Ты уже пил, хотя еще только утро.

— По дороге в контору я выпил коньяку с сельтерской,— равнодушно ответил Эзра.— Нужно же было взбодриться.

— Молодому человеку твоих лет вообще незачем взбадриваться. У тебя прекрасное здоровье, но не следует подвергать его таким испытаниям. Ты вернулся, должно быть, очень поздно. Я сам лег спать почти в час.

— Я играл в карты с майором Клаттербеком и еще кое с кем. Мы засиделись допоздна.

— С майором Клаттербеком?

— Да.

— Мне не нравится, что ты так много времени проводишь в обществе этого человека. Он пьет, играет в азартные игры — такое знакомство не принесет тебе пользы. Какую пользу он принес самому себе? Поберегись, а не то он тебя оберет!— Но, взглянув на смуглое хитрое лицо сына, коммерсант почувствовал, что подобное предупреждение излишне.

— Не беспокойтесь, отец,— обиженно ответил Эзра.— Я уже достаточно взрослый, чтобы уметь выбирать друзей.

— Но зачем тебе такой друг?

— Мне нравится знакомиться с людьми, принадлежащими к этому классу. Вы преуспевающий коммерсант, отец, но вы... Ну, в обществе вы мне особенно помочь не можете. Тут нужен человек, который знает там все ходы и выходы,— человек вроде майора. А когда я смогу обойтись без него, я сразу дам ему это понять.

— Ну, поступай как знаешь,— коротко ответил Гердлстон.

Этот суровый и безжалостный человек имел только одну слабость. Еще с тех пор, когда его сын был совсем мальчиком, все споры между ними заканчивались этой фразой.

— Однако сейчас время заниматься делом,— продолжал коммерсант.— Ну так и будем заниматься делом. Я вижу, что иллинойсские стояли вчера на ста двенадцати пунктах.

— Сегодня утром они стоят на ста тринадцати.

— Как, ты уже побывал на бирже?

— Да, я зашел туда по пути в контору. Я бы попридержал их. Они будут подниматься еще несколько дней.

Старший партнер сделал пометку на полях списка.

— Хлопок, какой у нас есть, мы пока придержим,— сказал он.

— Нет, продавайте немедленно,— решительно ответил Эзра.— Вчера вечером, а вернее, сегодня утром, я видел молодого Феверстона из Ливерпула. Разобрать, что говорил этот дурак, было трудно, но, во всяком случае, ясно одно: в ближайшее время хлопок упадет.

Гердлстон сделал в списке еще одну пометку. Он давно уже без колебаний следовал советам сына, так как долгий опыт показал ему, что они всегда были основательны.

— Возьми этот список, Эзра,— сказал он, протягивая ему лист,— и просмотри его. Если заметишь что-нибудь, что требует перемен, сделай пометку.

— Я займусь этим в конторе,— заметил его сын.— Надо же приглядывать за лентяями-клерками. Гилрею не под силу держать этих бездельников в руках.

В дверях Эзра столкнулся с пожилым джентльменом в белом жилете — тот как раз собирался войти и от плеча Эзры отлетел прямо на середину кабинета, где обменялся со старшим Гердлстоном самым сердечным рукопожатием. Судя по любезности, с которой последний приветствовал своего посетителя, это, несомненно, был человек влиятельный. И действительно, коммерсанта навестил не кто иной, как известный филантроп мистер Джефферсон Эдвардс, член парламента от Мидлхерста, чья подпись на векселе не многим уступала в солидности подписи самого Ротшильда.

— Как поживаете, Гердлстон, как поживаете? — воскликнул гость, утирая лицо носовым платком. (Он был невысок, суетлив и отличался резкими, нервными манерами.) — Как всегда в трудах, э? Ни минуты безделья. Удивительный человек. Ха-ха, удивительный!

— Вы как будто разгорячились,— ответил коммерсант, потирая руки.— Разрешите предложить вам кларета. У меня в шкафу найдется бутылочка.

— Нет, благодарю вас,— ответил гость, глядя на главу фирмы, как на какую-то ботаническую диковинку.— Необычайный человек! В Сити вас называют «Же-

лезиый Гердлстои». Хорошее прозвище, ха-ха, превосходиое — железо, жесткое на вид, ио мягкое здесь, мой дорогой сэр.— Филаитроп постучал тростью себя по груди в том месте, где расположеио сердце, и громко рассмеялся, а его угрюмый собеседник слегка улыбиулся и наклонил голову, благодаря за комплимеит.

— Я пришел сюда просителем,— сообщил мистер Джефферсон Эдвардс, извлекая из виутреннего кармана виушительиый список.— И зиаю, что пришел туда, где проситель не встретит отказа. «Общество по эволюции туземного иаселеиия», дорогой мой, и для того, чтобы учредить его, требуется лишь иесколько сотеи фунтов. Благородная цель, Гердлстои, чудесная задача!

— Но какова же цель? — спросил коммерсаит.

— Ну, эволюция туземцев,— слегка растерявшись, ответил Эдвардс.— Так сказать, дарвииизм на практике. Заставить их эволюциоиировать в высшие типы н в коице коицов сделать их всех белыми. Профессор Уилдер прочел нам об этом лекцию. Я пришлю вам экземпляр «Таймса» с отчетом о ней. Он говорил про их большие пальцы. Оии ие могут загнуть их иа ладоиь, и у нних есть рудиенты хвоста — то есть были... до тех пор, пока не нсчезли благодаря образованию. Волосы на спине они вытерли, прислоияясь к деревьям. Изумительно! Им требуется только немножко денег.

— Мне кажется это весьма похвальиая цель,— с глубокой серьезностью произиес Гердлстон.

— Я не сомневался, что вы это скажете! — восторжеиио воскликнул коротышка-филантроп.— И, разумеется, поскольку вы ведете торговлю с африканскими аборигеиамн, их развитие и эволюция, несомненно, чрезвычайно для вас важиы. Если, например, вам придется продавать свон товары человеку, обладающему рудиментом хвоста н иеспособиому загнуть собственный большой палец, это же... это же очеиь иепрнятно. Мы стремимся повести нх вверх по лестнице человечества н облагородить их вкусы. Хьюэтт, член Королевского Общества, примерио год назад отправился собирать сведення по этому вопросу, но пронзошел чрезвычайно прискорбиый иицидент. Еслн ие ошнбаюсь, Хьюэтта постигло какое-то иесчастье... Некоторые даже утверждают, будто его съелн. Как вндите, мой дорогой друг, у нас нмеются да-

же свои мученики, и мы, те, кто остается дома и не несет никаких тягот, во всяком случае, обязаны по мере сил поддерживать такое благое начинание.

— Кто уже подписал? — спросил коммерсант.

— Дайте-ка взглянуть,— ответил Джефферсон Эдвардс, разворачивая подписной лист.— Спригс — десять; Мортон — десять; Уиглуорт — пять; Хокинс — десять; Индерман — пятнадцать; Джоис — пять... и еще многие подписались на меньшие суммы.

— А какой пока наибольший взнос?

— Индерман, импортер табака, пожертвовал пятнадцать фунтов.

— Это — благое дело,— сказал мистер Гердлстон, макая перо в чернильницу.— «Рука дающего...» Вы знаете, что говорится в Писании. И, разумеется, список жертвователей будет опубликован в газетах?

— Непременно!

— Вот от меня чек на двадцать пять фунтов. Я горжусь этой возможностью внести свою лепту в дело возрождения несчастных, которых провидение поставило более низко, чем меня.

— Гердлстон! — с чувством сказал член парламента, пряча чек в карман.— Вы прекрасный человек. Я этого не забуду, друг мой, я этого никогда не забуду.

— У богатства есть свои обязанности, и оказание помощи нуждающимся — одна из них,— проникновенно ответил Гердлстон, пожимая протянутую руку филантропа.— До свидания, дорогой сэр. Будьте добры известить меня, если наши усилия увенчаются успехом. В случае, если понадобятся еще деньги, вы знаете, к кому можно обратиться.

Когда старший компаньон закрывал дверь за своим посетителем, на его суровом лице мелькнула ироническая улыбка.

— Выгодное помещение капитала,— пробормотал он, вновь усаживаясь.—Он пользуется влиянием в парламенте и очень богат, так что выгодно и потратиться, чтобы сохранить с ним хорошие отношения. И в списке это выглядит отлично и внушает доверие. Да, да, эти деньги не брошены на ветер.

Когда прославленный филантроп проходил через контору, Эзра вежливо ему поклонился, а Гилрей, сухонький

старший клерк, поспешил распахнуть перед ним дверь. Проходя мимо, Джефферсон Эдвардс повернулся и хлопнул старика по плечу.

— Счастливец,— сказал он своим обычным отрывистым тоном,— служить у такого хозяина... образец, достойный подражания... замечательный человек! Смотрите на него, берите с него пример, подражайте ему во всем — вот лучший способ продвинуться. Не ошибетесь.— И он рысцой пересек двор, отправляясь за новыми пожертвованиями на свою последнюю причуду.

ГЛАВА III

ДЖОН ГИЛРЕЙ ВЫГОДНО ПОМЕЩАЕТ КАПИТАЛ

Старичок клерк еще стоял на пороге, глядя вслед исчезающему миллионеру, и мысленно соединял его обрывочные фразы в красноречивый совет, который следовало обдумать дома на досуге, но тут он заметил неподалеку от двери бледную женщину с ребенком на руках. Она робко глядела на него, словно хотела заговорить с ним, но не решалась. Затем, быть может, уловив выражение доброты на его морщинистом лице цвета старого пергамента, она все же подошла к нему.

— Нельзя ли мне повидать мистера Гердлстона, сэр?— спросила она, приседая.— А может, вы и есть мистер Гердлстон?

Одета она была очень бедно, а глаза ее распухли и покраснели, словно от слез.

— Мистер Гердлстон у себя в кабинете,— ласково ответил старший клерк.— Он, наверное, примет вас: погодите, пока я схожу справлюсь.

Он не мог бы говорить любезнее, даже если бы обращался к самой величественной из тех одетых в шелка, украшенных перьями дам, которые порой посещали контору. Поистине в наши дни подлинный рыцарственный дух часто чуждается внешнего блеска и находит приют в самых неожиданных местах.

Когда посетительница вошла в кабинет главы фир-

мы, он посмотрел на нее с удивлением и некоторой подозрительностью.

— Садитесь, голубушка,— сказал он.— Чем могу быть полезен?

— Уж вы извините меня, мистер Гердлстон. Я миссис Хадсон,— объяснила она, робко присаживаясь на самый краешек стула. (Бедняжка очень устала, и у нее болели ноги, потому что ей пришлось нести малыша от самого Степни.)

— Хадсон... Хадсон... Что-то я не помню этой фамилии,— сказал Гердлстон, задумчиво покачивая головой.

— Да это, сэр, Джим Хадсон, мой муж — он много лет служил боцманом на вашем, значит, корабле, на «Черном орле». Он-то все старался заработать побольше для меня и малыша, сэр, да только помер от лихорадки, бедненький, и лежит, значит, в реке Бонни с пушечным ядром на ногах — это мне плотник сказал, который сам его зашивал в холстину. Да уж лучше бы и мне помереть вместе с ним.

Она расплакалась, закрывая лицо краешком платка, а ребенок, разбуженный ее всхлипываниями, протер глазки морщинистыми ручонками и принялся оглядывать мистера Гердлстона и его кабинет с философской взыскательностью раннего детства.

— Успокойтесь, голубушка, успокойтесь,— сказал глава фирмы.

Беда, напророченная Эзрой, настигла его, и он лишний раз с удовольствием убедился в деловой проницательности своего сына.

— Уж такое горе,— говорила миссис Хадсон, вытирая глаза, но все еще время от времени судорожно всхлипывая.— Я, значит, услышала, что «Черный орел» вошел уже в устье, да и потратила все деньги, какие у меня были, чтобы приготовить Джиму ужин повкуснее — яичницу с ветчиной, уж так-то он ее любил! И пинту портера и четвертинку виски, чтобы он, значит, мог согреться, а то ведь он такой мерзляк был, а тут-то еще возвращался из теплых стран... Ну, значит, я пошла к реке-то и вижу: подымается «Черный орел» вверх по течению, буксир его тащит. Ну, да я его сразу признала по двум белым полоскам, и попугаи еще верещали, даже на берегу слышно было. И вижу, там матросы толпятся

у борта. Ну, я, значит, помахала платком, а кто-то мне тоже оттуда помахал. «Уж Джим-то всегда свою женушку узнает»,— говорю я себе и так-то обрадовалась! Да как побегу туда, где они пристать должны были. Да только я до того разволновалась, что даже и не видела, куда бегу, ну и народу на пристани много было — вот я и добралась туда, когда корабль-то уже причалил. Я, значит, сразу бегу по сходням и прямо натыкаюсь на Сэнди Макферсона, а я его с тех пор знаю, как мы жили в Биннакл-лейн. «Где Джим-то?» — говорю я и бегу дальше, прямо в кубрик. Только он как схватит меня за руку. «Потише,— говорит,— не торопись так». Тут я на него поглядела, а лицо-то у него до того печальное, что у меня колени прямо так и подогнулись. «Где Джим?» — говорю я. А он мне: «Не спрашивай». «Где он, Сэнди?» Я, значит, закричала это, и сразу сама прошу: «Не говори ты этого слова, Сэнди, не говори». Но только, сэр, я и без его слов поняла все как есть да и повалилась на палубу без чувств. Помощник отвез меня домой на извозчике, и я вот вхожу, а стол-то, сэр, накрыт, и пиво стоит; все так прибрано, уютно, а девочка-то спрашивает, где, значит, ее папа: я ведь ей сказала, что он привезет ей подарок из Африки... А тут-то, сэр, как я подумала, что лежит он мертвый в реке Бонни, так, сэр, у меня чуть сердце не разорвалось.

— Большое несчастье,— сказал коммерсант, покачивая седой головой.— Тяжкая потеря. Но все это, миссис Хадсон,— ниспосланное нам испытание. Это предостережение, дабы мы не слишком предавались суете этого мира, а стремились к более высоким целям и лелеяли не столь преходящие надежды. Даже лучшие из нас — лишь бедные близорукие создания и нередко принимают зло за добро. И то, что ныне вас так печалит, если взглянуть на это надлежащим образом, возможно, в будущем окажется поворотным пунктом, с которого и начнется истинное ваше счастье.

— Да благословит вас бог, сэр,— сказала вдова, все еще робко утирая глаза кончиком платка.— Добрый вы джентльмен. У меня от ваших слов прямо на душе полегчало.

— У нас у всех есть свои невзгоды и несчастья,— продолжал глава фирмы,— у некоторых больше, у дру-

гих меньше. Сегодня — ваша очередь, а завтра, быть может, наступит моя. Но будем стремиться к достойной цели, и бремя невзгод не заставит нас упасть без сил у дороги. А теперь, миссис Хадсон, я должен пожелать вам всего самого лучшего. Поверьте, я глубоко вам сочувствую.

Вдова встала, нерешительно потопталась на месте, словно собираясь сказать еще что-то.

— А когда мне можно будет получить жалованье Джима, сэр? — спросила она робко.— Я уж заложила почти все вещи, и мы с дочкой совсем ослабли от голода.

— Жалованье вашего мужа,— сказал коммерсант, снимая с полки счетную книгу и быстро ее листая.— Мне кажется, вы заблуждаетесь, миссис Хадсон. Посмотрим, посмотрим: Доусон, Даффилд, Эверард, Фрэнсис, Грегори, Гантер, Харди. А... вот! Хадсон, боцман «Черного орла». Как я вижу, он получал в месяц пять фунтов. Плавание длилось восемь месяцев. Но ваш супруг скончался, когда судно находилось в море всего два с половиной месяца.

— Это верно, сэр,— сказала вдова, с тревогой вглядываясь в длинные столбцы цифр на странице книги.

— Разумеется, контракт с его смертью потерял силу, и, таким образом, фирма была должна ему двенадцать фунтов десять шиллингов. Однако, согласно моим книгам, все эти восемь месяцев вы получали половину его жалованья. Следовательно, фирма выплатила вам двадцать фунтов, и, таким образом, вы должны ей семь фунтов десять шиллингов. Пока мы не будем говорить об этом,— великодушным тоном заключил коммерсант.— Вы можете уплатить этот должок, когда ваши обстоятельства поправятся, но дальнейшей помощи от нас вам, разумеется, ожидать не следует.

— Да как же, сэр, ведь у нас ничего нет! — заплакала миссис Хадсон.

— Печально, весьма печально, но обращаться за помощью вам следует не к нам. Вы женщина рассудительная, и сами это поймете, ведь теперь я вам все объяснил. Прощайте. Желаю вам всего самого хорошего и надеюсь, вы будете время от времени извещать нас о том, как вы живете. Мы всегда интересуемся семьями наших служащих.— Мистер Гердлстон открыл дверь, и бедная

женщина побрела через контору, пошатываясь и сгибаясь под тяжестью ребенка.

Во дворе она остановилась, ошеломленно озираясь вокруг. Старший клерк, задержавшись на пороге, с тревогой наблюдал за ней. Затем он быстро оглянулся. Эзра Гердлстон внимательно изучал какие-то счета, а все клерки тоже были поглощены своей работой. Гилрей с виноватой улыбкой тихонько подошел к женщине, сунул ей что-то в руку и поспешил назад в контору с таким строгим выражением на лице, словно все его мысли были заняты делами фирмы. Есть спекуляции, недоступные дельцам. Быть может, Джон Гилрей, эти полкроны, которые были так нужны тебе самому, ты поместил куда более выгодно, чем твой хозяин свои двадцать пять фунтов.

ГЛАВА IV

ГАМИЛЬТОН МИГГС, КАПИТАН «ЧЕРНОГО ОРЛА»

Глава фирмы только-только успел вернуть себе душевное спокойствие, после того как он выполнил свой тяжкий долг и объяснил вдове Хадсон ее финансовое положение, когда его чуткий слух уловил звук тяжелых шагов в конторе. И тут же послышался грубый голос, который в выражениях, куда более энергичных, чем те, что обычно раздавались в этих респектабельных стенах, осведомился, можно ли видеть хозяина или нет. Ответ, по-видимому, последовал утвердительный, потому что грузные шаги начали быстро приближаться, а затем два мощных удара в дверь возвестили, что посетитель находится по ту ее сторону.

— Войдите! — крикнул мистер Гердлстон, кладя перо.

Вслед за этим приглашением ручка опустилась, и дверь медленно повернулась на петлях. Однако в комнату проник только сильный аромат спиртных напитков, за которым не последовало ничего более существенного.

— Входите же,— нетерпеливо повторил коммерсант.

При этом втором разрешении из-за косяка медленно возникла густая копна черных волос. Затем лоб цвета меди и пара косматых бровей, а вслед за ними — два глаза, желтоватых и нездоровых, которые словно стремились выскочить из глазниц. Глаза эти неторопливо оглядели сперва главу фирмы, а затем и весь кабинет, после чего, словно успокоенная осмотром, появилась и остальная часть лица: расплющенный нос, большой рот, нижняя губа которого отвисала, обнажая ряд пожелтевших от никотина зубов, и наконец всклокоченная черная борода, начинавшаяся от самых скул и неопровержимо свидетельствовавшая, что ее владелец ел за завтраком яичницу. За головой не замедлило последовать и туловище, но, впрочем, все тем же манером, свойственным больше анаконде, и наконец на пороге возник весь человек целиком. Это был коренастый моряк в неизменной куртке и синих штанах. Свою клеенчатую шляпу он держал в руке. Скрипя подошвами и неприятно ухмыляясь, он двинулся к коммерсанту, протягивая в знак приветствия волосатую руку, испещренную татуировкой.

— Здравствуйте, капитан,— сказал Гердлстон, подымаясь и сердечно тряся руку вошедшего.— Рад вас видеть целым и невредимым.

— И я рад вас видеть, сэр, очень рад.

Голос у посетителя был низкий и хриплый, а походка — неуверенная, словно после тяжелого запоя.

— Я вошел эдак осторожно,— продолжал он.— Я ж не знал, кто тут может у вас сидеть. Когда мы, значит, с вами беседуем, нам лишние уши не нужны.

Гердлстон чуть-чуть приподнял косматые брови, как будто этот намек на общие его секреты с капитаном пришелся ему не слишком по вкусу.

— Может быть, вы все-таки присядете? — сказал он.

Капитан взял плетеный стул и отнес его в самый дальний угол кабинета. Затем он внимательно осмотрел стену, постучал по ней костяшками пальцев и наконец сел, продолжая время от времени с опаской поглядывать через плечо.

— Чего-то на меня трясучка находит,— объяснил он владельцу фирмы.— Ну, и оно спокойнее, когда знаешь, что позади-то никого нет.

— Вам следовало бы побороть это отвратительное пристрастие к горячительным напиткам,— нравоучительно заметил мистер Гердлстон.— Так проматываются драгоценнейшие дары, которыми награждает нас провидение. Это не доведет вас до добра ни в этом мире, ни в том.

Однако этот разумнейший совет, казалось, не произвел на капитана Гамильтона Миггса ни малейшего впечатления. Более того, он испустил довольно громкий смешок и, хлопнув себя по колену, заметил вслух, что его хозяин «ловкая штучка», и несколько раз повторил это выражение с нескрываемым восхищением.

— Ну что же,— сказал Гердлстон после короткого молчания.— Дети есть дети, а моряки — моряки. Когда восемь месяцев треволнений и тяжкого труда завершаются полным успехом — я горжусь, что могу произнести эти слова! — почему бы не позволить себе небольшого удовольствия? К другим я не отношусь с той же строгостью и взыскательностью, с какой сужу свои собственные поступки.

Но изложение столь благородных принципов также не растрогало закоснелого Миггса, а только еще больше его развеселило и подвигло его сделать еще несколько восхищенных замечаний относительно интересных свойств характера его хозяина.

— Я должен поздравить вас с очень удачным грузом и пожелать такой же удачи и в следующем вашем плавании,— продолжал коммерсант.

— Слоновая кость, и золотой песок, и шкуры, и камедь, и кошениль, и черное дерево, и рис, и табак, и фрукты, и орехи. Хотел бы я посмотреть на груз получше этого!— вызывающим тоном ответил моряк.

— Прекрасный груз, капитан, да, да, прекрасный! Если не ошибаюсь, во время плавания вы потеряли троих людей?

— Да, их трое у меня концы отдали. Двоих доконала лихорадка, а одного змея укусила. И что это за матросы нынче пошли, хоть убей, не пойму. Когда я ходил простым матросом, мы бы постыдились дохнуть от таких пустяков. Да вот хоть меня взять: я шестнадцать раз переболел гнилой лихорадкой, валялся и с желтой лихорадкой и с дизентерией. А на Андаманских островах

меия кусала чериая кобра. И холерой я тоже болел. Я тогда плавал на бриге у Саидвичевых островов. И всей-то иашей комаиды было три матроса и семь покойииков. И все это с меня — как с гуся вода. И дальше тоже так будет. Только вот что, хозяин, ие найдется ли у вас тут хлебиуть чего-нибудь покрепче?

Старший компаньои встал и, взяв из шкафа бутылку рома, наполиил довольио большой стакан. Моряк с жадностью его осушил и с удовлетвореиным вздохом поставил на стол.

— А скажите-ка,— сказал он с иеприятиой фамильяриой усмешкой,— небось, вы очень удивились, что мы вериулись, а? Ну, скажите честио, как мужчина мужчиие.

— Отчего же? Ваше судно хоть и старое, да зато крепкое. Ему еще плавать и плавать,— ответил коммерсаит.

— Плавать и плавать! Да разрази меня бог! В Бискайском заливе мы чуть было не пошли на дио кормить рыб. Ну и иочка была, доложу я вам: штормяга задувал с вест-зюйд-веста и дул, проклятый, уже третий деиь, так что нам солоно пришлось. Еще когда мы из Аиглии уходили, старое корыто только-только держалось на воде. Ну, а солнышко вытопило всю смолу из швов — палец пролезет, если ие вся ладонь! Два дня и одну ночь мы не отходили от помп — текло оно, как решето. Фортопсель у нас прямо с раксами сорвало. Я уж думал, ие видать нам больше Лоидона.

— Раз оио выдержало такой шторм, то прекрасно может сделать еще один рейс.

— Отправиться-то оио отправится,— угрюмо сказал моряк,— только назад не вернется, это уж как пить дать.

— Что с вами сегодия, Миггс? Вы просто на себя не похожи. Мы высоко ценим вас как храброго и мужествеиного человека — разрешите, я вам еще налью! — который ие побоится малеиького риска, когда есть ради чего рисковать. Смотрите, вы лишитесь своей репутации, если не возьмете себя в руки!

— «Чериый орел» еле держится на воде,— не сдавался капитан.— И вам придется с ним что-то сделать, так он плавать больше не может.

— И что же с ним надо сделать?

— Поставнть в сухой док н хорошенько его подштопать. Не то он не успеет даже нз Ла-Манша выйтн.

— Прекрасно,— холодным тоном сказал коммерсант.— Раз вы настанваете, значнт, судно прндется ремонтнровать. Но, разумеется, это снльнейшнм образом отразнтся на вашем жалованье.

— Как это?

— В настоящее время вы получаете пятнадцать фунтов в месяц н пять процентов комнссионных. Мы платнм вам столько ввнду рнска, которому вы подвергаетесь. Мы поставнм «Черного орла» в сухой док, и с этнх пор вы будете получать десять фунтов в месяц н два с половнной процента комнссионных.

— Эй, погодите-ка! — закрнчал моряк. Его медно-багровое лнцо совсем потемнело, налнтые желчью глаза злобно заблестелн.— Вы эти штучкн со мной бросьте, черт бы вас подрал!— прошнпел он н, подойдя к столу, оперся на него так, что его сердитое лицо почтн вплотную прнблнзнлось к лицу коммерсанта.— Меня голымн рукамн не возьмешь, прнятель, потому что я свободный брнтанскнй моряк н надо мной хозяев нет!

— Вы пьяны,—сказал старшнй компаньон.—Сядьте!

— Жалованье мне убавлять! — ревел капнтан Мнггс, все больше разъяряясь.— Это мне-то! После того, как я служнл вам верой н правдой, жнзнн своей не жалея! Вы только попробуйте, хозяин, только попробуйте! А что, еслн я возьму н расскажу про то, как закрашнвались грузовые маркн? Что тогда будет с фнрмой «Гердлстон»?! Да вы мне жалованье удвонте, лншь бы это дельце не выплыло на свет божнй!

— О чем вы говорнте?

— О чем? Ах, вы не знаете, о чем я говорю? Где уж там! Это же не вы велели нам ночью замазать государственные маркн н поставнть нх повыше, чтобы можно было взять лншний груз. Это, значнт, не вы распорядились, а?

— Вы собнраетесь утверждать, будто я отдал вам подобное распоряженне?

— Само собой! —гремел рассерженный моряк.

Гердлстон ударнл в гонг, который стоял у него на столе.

— Гилрей,— спокойно распорядился он,— сходите за полицией.

Капитан Гамильтон Миггс был несколько ошеломлен этим неожиданым ходом своего противника.

— Потише, потише, хозяин,— сказал он.— Чего это вы затеваете?

— Я намерен потребовать вашего ареста.

— Это за что же?

— За угрозы, запугивание и попытку вымогательства.

— Свидетелей-то не было,— ответил моряк с некоторым вызовом, но уже явно струсив.

— Нет, были,— заметил Эзра Гердлстон, входя в кабинет. Он давно уже стоял между дверями, отделявшими кабинет от конторы, и слышал бо́льшую часть разговора.— Но, кажется, я перебил вас. Вы говорили, что замараете доброе имя моего отца, если он откажется повысить вам жалованье.

— Я ж ничего дурного не думал,— сказал капитан Гамильтон Миггс, тревожно переводя взгляд с отца на сына. В молодости он был хорошо известен полицейским властям и не имел ни малейшего желания возобновлять знакомство с ними.

— Кто закрасил эти грузовые марки? — спросил коммерсант.

— Я.

— Вам кто-нибудь велел это сделать?

— Нет.

— Попросить полицейского войти, сэр? — осведомился Гилрей, заглядывая в дверь.

— Пусть немного подождет,— ответил Гердлстон.— А теперь, капитан, вернемся к сути нашего разговора: поставим ли мы «Черного орла» на ремонт в сухой док и снизим вам жалованье, или же вы сочтете возможным отправиться в новое плавание на прежних условиях?

— Отправлюсь, будь оно трижды проклято! — отрезал капитан и, сунув руки в карманы куртки, вновь развалился на стуле.

— Совершенно правильное решение,— одобрительно произнес его суровый хозяин.— Но божба — весьма греховная привычка. Отошли полицейского, Эзра.

Молодой человек усмехнулся и вышел, оставив отца вновь наедине с капитаном.

— Если вы ничего с ним не сделаете, портовый инспектор все равно его в плавание не выпустит,— заметил моряк после долгого молчания, во время которого он успел перебрать в памяти все свои обиды.

— Ну, разумеется, мы что-то сделаем. Нашу фирму никто не обвинит в скупости, хотя мы избегаем излишних расходов. Надо будет покрасить и просмолить корпус, а также перебрать такелаж. Это ведь добротное старое судно, и под командой превосходного моряка — мы же знаем вам цену, капитан,— оно совершит еще немало рейсов.

— Мне-то платят за риск, хозяин, как вы только что сами сказали,— заметил капитан,— а вот как насчет тех, кто за него ничего не получает,— мои помощники, команда?

— Дорогой капитан, во всяком деле есть свой риск. Без риска в нашем мире прожить невозможно. Вы знаете, что сказано о тех, кто отправляется в море на кораблях: они видят чудеса пучины морской, но зато и подвергаются опасности. Землетрясение может разрушить мой дом на Экlстон-сквер, ураган может сокрушить его стены, однако же я не думаю об этих опасностях. Так почему же вы убеждены, что с «Черным орлом» обязательно должно случиться несчастье?

Моряк ничего не ответил на эти рассуждения, хотя они его и не убедили.

— Ну ладно! — сказал он угрюмо.— Я же согласился — и делу конец, так что говорить об этом больше нечего. Вам зачем-то нужно посылать в плавание дырявые лохани, и вы мне хорошо платите, чтобы я на них плавал. Это меня устраивает, и вас это устраивает. Ну, и об чем разговор?

— Справедливо. Хотите еще рому?

— Нет.

— Почему?

— А потому, что люблю быть в своем рассудке, пока разговариваю с вами, мистер Гердлстон. Вот уйду из вашей конторы и буду пить до дальнейших распоряжений. А дело делать и заодно дурманиться не желаю! Когда прикажете выйти в море?

— Когда разгрузитесь и снова погрузитесь. Недели через три или через месяц. К тому времени я жду Спендера с «Девой Афии».

— Если только с ними по дороге ничего не приключится,— заметил капитан Гамильтон Миггс с прежней нехорошей усмешкой.— Когда мы возвращались, он был в Сьерра-Леоне. Сам-то я зайти в порт не мог, потому что у тамошней полиции был ордер на мой арест: я всадил в одного черномазого хороший заряд дроби.

— Это был дурной поступок, Миггс, очень дурной,— проникновенно произнес коммерсант.— Вы обязаны заботиться об интересах фирмы. Нам слишком невыгодно, чтобы из-за подобной причины наши корабли лишались возможности заходить в такие хорошие порты. А вызов в суд вам вручили?

— Другой черномазый привез его на борт.

— Вы его прочли?

— Нет, бросил в море.

— А что стало с негром?

— Да видите ли,— ухмыльнулся Миггс,— когда я, значит, бросал вызов за борт, черномазый-то за него держался. Ну, и полетели они в воду вместе. А я поднял якорь и ушел в море.

— А акулы там водятся?

— Попадаются.

— Право же, Миггс,— сказал коммерсант,— вы должны научиться обуздывать свои греховные страсти. Вы нарушили шестую заповедь [1] и лишили «Черного орла» возможности торговать с Фритауном.

— Тоже мне торговлишка!— ответил моряк.— С английскими колонистами дела не сделаешь. Мне подавай настоящих черномазых, которые понятия не имеют о законах там или цивилизациях и всякой другой такой чуши. Вот с ними я полажу.

— Я часто задумывался над тем, как вам это удается,— с любопытством заметил Гердлстон.— Вы умеете взять полный груз там, где самые лучшие и степенные наши люди и мешка орехов не получат. Как вы этого добиваетесь?

---

[1] «Не убий» *(библ.)*.

— Это многим бы хотелось узнать,— ответил Миггс, выразительно подмигивая.

— Значит, это секрет?

— Да от вас-то чего скрывать: вы же не шкипер, и меня не убьете, если я вам и скажу. Ну, а так-то, я, конечно, не хочу, чтобы эта штука всем была известна.

— Как же все-таки вы этого достигаете?

— А вот послушайте,— ответил Миггс. К этому времени он, казалось, совсем успокоился и рассказывал о своих подвигах с большим удовольствием.— Я с ними напиваюсь. Вот как это у меня получается.

— Ах так!

— Да, в том-то вся и штука. Господи боже ты мой! Да когда эти хваленые капитаны с сертификатами, всякие там графские племянники да двоюродные братцы являются туда, так они смотрят на вождей и разговаривают с ними, будто Мафусаилы какие-нибудь! До того спесью надуваются, что сюртук самого господа бога им и в жилеты не пригодится. Ну, а я, значит, приглашаю всю эту братию к себе в каюту, какие они там ни есть черные и голые, да и попахивает от них не слишком чтобы приятно. А потом я, значит, вытаскиваю ром, и начинается у нас «выпей сам, передай бутылочку соседу!». Глядишь — у них языки и развязались. А я сижу и помалкиваю да мотаю на ус, какой у них есть товар. А уж когда я знаю, что покупать, так было бы довольно странно не купить. К тому же они не хуже христиан любят, чтобы с ними обходились уважительно, и помнят, что я их компанией не брезговал.

— Прекрасный способ, Миггс, чудесный способ,— сказал коммерсант.— Фирма чрезвычайно высоко ценит ваши услуги.

— Ну, ладно,— сказал капитан, вставая со стула,— у меня от этой болтовни совсем в глотке пересохло. Я, конечно, готов пить запанибрата с вождями черномазых, но будь я проклят, если стану...— Он умолк, но угрюмая улыбка на губах его собеседника показала, что тот понял намек.— А вот скажите-ка,— продолжал Миггс, фамильярно толкая хозяина локтем,— если бы мы, скажем, да пошли на дно в Бискайском заливе, так вышло бы, что вы маленько просчитались, а?

— Почему же?

— А потому, что уж очень намного мы были застрахованы. И приключись с нами беда в начале плавания, вы бы положили в карман не одну тысчонку, уж я-то знаю! Да только вернулись мы с грузом, который принесет больше, чем страховка. И, значит, потопи мы на обратном пути, так вы остались бы в чистом убытке, и попал бы боцман в собственную удавку, как говорит Шекспир.

— Подобных случайностей мы предусмотреть не можем,— с достоинством ответил коммерсант.

— Ну, пожелаю вам доброго утра, хозяин,— буркнул капитан Гамильтон Миггс.— Если я вам понадоблюсь, так найдете меня в известном вам заведении, в «Петухе и курослепе». Это, значит, в Ротерхите.

Когда капитан вышел из конторы, Эзра отправился к отцу в кабинет.

— Чудак! — заметил он, кивнув на дверь, через которую удалился Миггс.— Я услышал, что он ревет, как разъяренный бык, и решил, что мне следует послушать. Но иметь такого человека на службе очень полезно.

— Он просто полудикарь,— ответил его отец,— и прекрасно чувствует себя среди дикарей. Вот почему он так хорошо с ними ладит.

— И тамошний климат ему тоже, кажется, не вредит.

— Не вредит его плоти, ты хочешь сказать. Но его безнравственности можно только ужасаться. Впрочем, вернемся к делу. Будь добр, повидайся со страховщиками и уплати взнос за «Черного орла». Если окажется возможным, то увеличь сумму страховки. Но действуй очень осторожно, Эзра, с большим тактом. В следующее плавание «Черный орел» отправится в пору равноденственных штормов. И если с ним все-таки что-нибудь случится, то фирме незачем оставаться в убытке.

ГЛАВА V

СОВРЕМЕННЫЕ АФИНЯНЕ

Эдинбургский университет с угрюмым юмором именует себя «альма матер» своих студентов, но если его и можно признать матерью, то лишь самого героического спартанского склада, удивительно хорошо умеющей

скрывать свои материнские чувства. Университет интересуется своими сынами лишь в тех не слишком редких случаях, когда надеется получить от них гинею-другую. И тут остается только дивиться, с какой заботой старая курица считает своих цыплят и с какой быстротой эта просьба достигает каждого из тысяч ее питомцев, рассеянных по всей империи,— питомцев, которые, несмотря на пренебрежительное к ним отношение, питают в глубине души нежную привязанность к своему колледжу. Самый вид университета символичен: квадратное массивное здание, угрюмый серый фасад — ни колонны, ни барельефы нигде не смягчают скучного однообразия каменных стен. В этом оплоте учености и практической пользы нет места для сентиментальности и романтизма, что, впрочем, отвечает духу той нации, самым молодым и самым процветающим учебным заведением которой он является.

Юноша, поступивший в какой-нибудь английский университет, словно вновь оказывается в школе, лишь несколько более обширной и премудрой. Если же он окончил Харроу или Итон, то ему и вовсе трудно заметить разницу между жизнью, которую он вел в старшем классе, и той, которая ожидает его на берегах Кэма или верхней Темзы. Ему отводятся комнаты, в которых до него уже обитали неисчислимые поколения студентов и которые в будущем послужат приютом для стольких же поколений. Его религиозность служит предметом тщательной опеки, он обязан являться на общую молитву в зал и посещать часовню. Ему положено возвращаться в свой колледж не позже установленного времени. Специальные служители следят за его благонравием, и любой его проступок может навлечь на него строгое наказание. Но зато университет всячески им интересуется и гладит его по головке за каждый успех. Того, кто опояшет свои чресла и начнет трудиться, ожидают всяческие награды, стипендии, солидные денежные пособия.

В шотландском университете вы не найдете ничего подобного. Молодой человек вносит требуемую плату и становится студентом, после чего он волен делать все, что ему заблагорассудится. В определенные часы читаются определенные лекции, которые он может посещать, если хочет. Если же он их не посещает, то уни-

верситетское начальство не обратит на это ни малейшего внимания. Его религия также не интересует университет — он может поклоняться солнцу или какому-нибудь своему собственному фетишу, воздвигнув ему алтарь на каминной полке в своей комнате. Он может жить, где хочет, ложиться спать и вставать, когда хочет, и ему дано право безнаказанно нарушать любую из десяти заповедей при условии, что в пределах университета он все же воздержится от слишком уж непозволительных выходок. В любом отношении студент шотландского университета сам себе хозяин. В определенные сроки проводятся экзамены, но он может их сдавать, а может и не сдавать. Университет представляет собой огромную равнодушную машину, которая с одного конца поглощает поток долговязых, неотесанных юнцов, а с другого конца извергает их уже в виде ученых священников, проницательных юристов и искусных врачей. Из каждой тысячи штук сырья примерно шестьсот полностью проходят процесс обработки. Остальные в ее ходе отбрасываются.

Достоинства и недостатки шотландской системы высшего образования равно очевидны. Юноша, предоставленный самому себе в не слишком-то высоконравственном городе, нередко падает в самом начале жизненной скачки, чтобы больше уже не подняться. Многие студенты превращаются в бездельников или спиваются, а другие, зря потратив время и деньги, которые могли бы употребить на что-нибудь более полезное, оставляют колледж, не приобретя там ничего, кроме пороков. С другой стороны, люди, наделенные волей и здравым смыслом, которые помогают им противостоять соблазнам, получают наилучшую подготовку к самостоятельной жизни. С честью выдержав испытание, они приобретают уверенность в себе и умение стоять на собственных ногах. Короче говоря, они становятся взрослыми людьми в то время, когда их английские сверстники в духовном отношении еще остаются школьниками.

На верхнем, третьем этаже дома на Хау-стрит некий Томас Димсдейл проходил срок своего испытания в маленькой спальне и большой гостиной, которая, как это водится у студентов, служила ему также столовой, приемной и кабинетом. Ветхий буфет, четыре еще более вет-

хих стула и диван археологической древиости, а также заваленный тетрадями круглый стол красного дерева составляли всю обстаиовку комиаты. Над камииной доской помещалось засиженное мухами зеркало в венце из заткнутых за раму бесчисленных карточек и конвертов. По бокам его расположились две подставки для трубок. На буфете подозрительно аккуратным строем стояли внушительные тома, покой которых явно нарушался очень редко: «Остеология» Холдена, «Анатомия» Куэйна, «Физиология» Керка и «Беспозвоночные» Гексли, а также человеческий череп. Сбоку к камину были прислонены две берцовые кости, а по другую его сторону красовались две рапиры, два эспадрона и набор боксерских перчаток. На полке, в уютной нише, хранилась беллетристика, и стоявшие там книги выглядели куда более потрепанными, чем ученые тома. «Эсмонд» Теккерея, «Новые сказки тысячи и одной ночи» Стивенсона и «Ричард Феверел» Мередита тесно соседствовали с «Завоеванием Гренады» Ирвинга и романами в бумажных обложках, зачитанными почти до дыр. Над буфетом висела вставленная в рамку фотография команды регбистов Эдинбургского университета, а напротив — фотография самого Димсдейла в весьма скудном костюме (фотография была сделана сразу же после того, когда на внутренних университетских соревнованиях он выиграл забег на полмили). Под ней, на полочке, стоял большой серебряный кубок, которым он был награжден по случаю этой победы. Так выглядела комната вышеуказанного студента в то утро, о котором пойдет рассказ, и необходимо добавить только, что сам молодой ее хозяин лениво развалился в кресле в углу, посасывая короткую деревянную трубочку и закинув ноги на край стола.

Этот сероглазый белокурый юноша, широкий в плечах и узкий в бедрах, сильный, как бык, стремительный и легкий в движениях, как олень, мог бы считаться прекрасным образчиком молодого англичанина. Афинский скульптор с удовольствием скопировал бы эти длинные красивые ноги и круглую сильную голову, изящно посаженную на крепкую, мускулистую шею. Однако лицо его отнюдь не отличалось классической правильностью черт. Оно было законченно англосаксонским вплоть до широко расставленных глаз и маленьких усиков, казавших-

ся светлее загорелой кожи. Это лицо, застенчивое и все же волевое, не очень красивое, но приятное, могло принадлежать только человеку, который не умеет и не любит говорить о себе; но именно такие люди, а не ораторы и не писатели помогли опоясать нашу планету алым кушаком британских владений.

— Наверное, Джек Гарруэй уже готов,— пробормотал он и, отложив номер «Скотсмена», поглядел на потолок.— Ведь уже одиннадцать часов.

Он зевнул, поднялся на ноги, взял кочергу, влез на стул и трижды постучал в потолок. Сверху донеслись три глухих ответных удара.

Димсдейл, спрыгнув на пол, неторопливо снял куртку и жилет. В ту же минуту на лестнице послышались быстрые, энергичные шаги, и в комнату вошел худощавый, но крепкий на вид молодой человек среднего роста. Кивнув в знак приветствия, он отодвинул стол к стене, в свою очередь, разделся и взял лежавшие в углу боксерские перчатки. Димсдейл уже в перчатках стоял на середине комнаты, являя собой образчик мужественной грациозности и силы.

— Начнем отрабатывать твой удар, Джек. Бей сюда! — И он постучал себя по лбу пухлой перчаткой.

Джек стал в стойку, и его левая рука глухо стукнула по указанному месту. Димсдейл мягко улыбнулся и покачал головой.

— Плохо,— сказал он.

— Я бил изо всей мочи,— с виноватым видом ответил тот.

— Все равно плохо. Попробуй снова.

Гость ударил еще раз как мог сильнее.

Димсдейл огорченно покачал головой.

— Ты никак не можешь понять,— сказал он.— Вот смотри.

Он наклонился вперед, раздался звук резкого удара, и ученик, перелетев через всю комнату, чуть было не выбил головой дверную панель.

— Вот как надо,— терпеливо сказал Димсдейл.

— Да неужели!— ответил его товарищ, потирая затылок.— Чертовски интересно! Но, по-моему, я понял бы лучше, если бы ты показал мне этот удар на ком-ни-

будь другом. Это какая-то смесь между судорогами и взрывом порохового погреба.

Его наставннк мрачно улыбнулся.

— Другого способа научнться ему не существует,— сказал он.— А теперь — трехмннутный бой на блнжней днстанцнн, и утренний урок закончен.

Пока в жнлнще студентов происходила эта сцена, по Хау-стрнт неторопливо шел невысокий пожилой толстяк, поглядывая на номера домов. Он был объемист, как пузатая бутылка с голландским джнном, но на мяснстом красном лнце поблескивали проницательные, умные глаза, в которых прятались веселые искорки извечного мальчишества. Его румяные щеки были окаймлены пушистыми седеющими бакенбардами, н шел он спокойной походкой человека, довольного н собой и всемн, кто его окружает.

Он остановился перед домом номер трнндцать и громко постучал в дверь металлическнм набалдашннком своей тростн.

— Миссис Мактавиш? — спросил он костлявую женщину с суровым лицом, которая ему открыла.

— Да, это я, сэр.

— Если не ошибаюсь, мнстер Димсдейл проживает у вас?

— Третнй этаж, сэр.

— Он дома?

Женщина впернла в него подозрнтельный взгляд.

— Вы счет прннеслн? — спроснла она.

— Счет, любезная моя? Нет, ничего подобного. Я доктор Днмсдейл, отец этого молодца. Прнехал сюда из Лондона повндаться с ннм. Надеюсь, он не слишком переутомляет себя занятнямн?

По лнцу женщнны скользнула улыбка.

— Вроде бы нет, сэр,— ответнла она.

— Пожалуй, мне следовало бы прнйти попозже, днем,— сказал посетнтель, шнроко расставнв толстые ноги на коврнке у дверн.— Жаль отвлекать его. Ведь он по утрам заннмается.

— Ну, уж это вы напрасно, сэр.

— Ну-ну! Третнй этаж, вы сказалн? Он меня так рано не ждет. Придется оторвать милого мальчнка от работы.

Хозяйка по-прежнему стояла в прихожей и прислушивалась. Толстячок, тяжело ступая, поднялся на второй этаж. На площадке он остановился.

— Боже мой! — пробормотал он.— Тут кто-то выбивает ковры. И бедняжка Том вынужден заниматься в подобном шуме?

Когда он достиг площадки между вторым и третьим этажом, шум заметно усилился.

— Наверное, здесь кто-то дает уроки танцев,— решил доктор.

Однако когда он добрался до двери своего сына, его недоумение относительно источника этих звуков окончательно рассеялось. Из-за двери доносился топот и шарканье ног, слышалось шипение, словно кто-то втягивал воздух сквозь стиснутые зубы, а порой раздавался глухой стук, как будто кто-то бодал мешок с шерстью.

— Эпилептический припадок! — испуганно воскликнул доктор и, повернув ручку, кинулся в комнату.

Одного поспешного взгляда было достаточно: какой-то сумасшедший молотил его Тома кулаками. Доктор бросился на безумца, схватил его поперек живота, опрокинул на пол и уселся у него на груди.

— Ну-ка свяжи ему руки,— не без самодовольства распорядился он, всей тяжестью придавливая извивающуюся фигуру.

ГЛАВА VI

ВЫБОРЫ РЕКТОРА

Прошло немало времени, прежде чем сын, задыхавшийся от хохота, сумел втолковать воинственному доктору, что он восседает не на буйном сумасшедшем, а на весьма достойном и законопослушном члене общества. Когда доктор наконец понял, в чем дело, он немедленно освободил своего пленника и рассыпался в извинениях.

— Гарруэй, это мой отец,— сказал Димсдейл,— я его не ждал так рано.

— Приношу вам тысячу извинений, сэр. Дело в том, что я близорук и не успел надеть очки. Мне показалось, что тут происходит опасная драка.

— Да забудьте об этом, сэр,— с величайшим добродушием ответил Гарруэй.

— А ты, Том, плут ты эдакий! Так-то ты занимаешься по утрам? Я думал, что застану тебя за книгами. Я даже сказал твоей хозяйке, как мне неприятно отвлекать тебя от работы. Ведь, если не ошибаюсь, ты должен через несколько недель сдавать экзамены.

— Не беспокойтесь, папа,— кротко ответил его сын.— Мы с Гарруэем обычно немного разминаемся перед трудовым днем. Садитесь в кресло и выкурите папиросу.

Доктор увидел ученые тома на камине, череп, и его дурное настроение рассеялось.

— Как погляжу, у тебя все инструменты под рукой,— сказал он.

— Да, папа, все в полном порядке.

— Эти кости будят во мне старые воспоминания. Я, конечно, подзабыл анатомию, но думаю, что еще могу с тобой потягаться. Ну-ка, ну-ка, назови мне отверстия клиновидной кости и скажи, что через них проходит. А?

— Иду! — изо всей мочи крикнул его сын.— Иду! — И тут же исчез за дверью.

— Я ничего не слышал,— заметил доктор.

— Да неужели, сэр! — отозвался Гарруэй, быстро застегивая куртку.— По-моему, кто-то звал.

— Вы занимаетесь вместе с моим сыном, не правда ли?

— Да, сэр.

— Так, может, вы скажете мне, что проходит через отверстия клиновидной кости?

— Да-да, конечно, сэр. Ну, во-первых... Сейчас, Том, сейчас! Извините, сэр! Он меня зовет.— И Гарруэй исчез с той же быстротой, что и его друг.

Оставшись в одиночестве, доктор курил свою папиросу и печально размышлял о том, что становится туговат на ухо.

Вскоре оба студента вернулись с чуть-чуть пристыженным видом и немедленно пустились в многословные

рассуждения о погоде, городских новостях, об университете — о чем угодно, кроме клиновидной кости.

— Если вы хотите посмотреть университетскую жизнь, папа,— сказал Том,— то вы приехали в очень удачное время. Сегодня мы выбираем нашего нового лорда-ректора. Мы с Гарруэем все вам покажем.

— Да, мне часто хотелось посмотреть что-нибудь подобное,— ответил его отец.— Я ведь, мистер Гарруэй, учился по старинке и поступить в университет мне не довелось.

— Правда, сэр?

— Но я так ясно себе все это воображаю! Есть ли зрелище прекраснее, чем сообщество молодых людей, стремящихся к знанию и соревнующихся в прилежании и любви к занятиям? Но, конечно, я признаю, что им следует и развлекаться. Я вижу, как они прогуливаются по старинным дворикам своего древнего университета и на досуге обсуждают различные физиологические теории или последние добавления к фармакопее.

В течение этой речи Гарруэй некоторое время сохранял подобающую серьезность, но при ее заключительных словах он вдруг поперхнулся и вновь с молниеносной быстротой исчез за дверью.

— Твоему другу, по-видимому, стало смешно,— кротко заметил доктор Димсдейл.

— Да, это с ним случается,— ответил его сын,— и все братья у него такие же. Но я еще не сказал вам, папа, как я рад вас видеть.

— А я тебя, мой милый мальчик. Твоя мать и Кэт приедут вечерним поездом. Я уже снял нам номер в гостинице.

— Кэт Харстон! Шесть лет тому назад, когда я ее видел в последний раз, это была тихонькая девочка с длинными каштановыми волосами. Она обещала стать очень хорошенькой.

— Ну, так она сдержала свое обещание. Впрочем, ты сможешь сам судить об этом. Она живет у своего опекуна Джона Гердлстона — коммерсанта, ведущего торговлю с Африкой. Но мы ее единственные родственники. Ее отец был моим троюродным братом. Теперь она часто бывает у нас в Филлимор-Гарденс, так часто, как

позволяет ее опекун. Он предпочитает, чтобы она оставалась дома, и я его не виню — ведь она словно солнечный лучик. Ему было бы легче дать выдрать себе все зубы, чем согласиться отпустить ее с нами сюда. Но я настаивал, пока совсем его не измучил. Да-да, в буквальном смысле слова.— Толстенький доктор усмехнулся, вспомнив про свою победу, и протянул ноги поближе к огню.

— Экзамены помешают мне проводить с вами столько времени, сколько мне хотелось бы.

— Правильно, мой мальчик, ничто не должно отвлекать тебя от занятий.

— Впрочем, я не особенно опасаюсь. И я рад, что они приезжают теперь, потому что на следующую среду назначен международный матч в регби. Мы с Гарруэем хавбеки шотландской команды. Вы все непременно должны посмотреть эту игру.

— Вот что, Димсдейл,— сказал Гарруэй, появляясь в дверях.— Если мы не поторопимся, то вообще не успеем на выборы, ведь уже скоро двенадцать.

— Я совсем готов! — воскликнул доктор Димсдейл, вскакивая на ноги и застегивая сюртук.

— Ну, так идемте,— сказал его сын, и, взяв шляпы и трости, они быстро спустились по лестнице и вышли на улицу.

Выборы ректора — это специфический шотландский обычай, и каким бы он ни показался беспристрастному наблюдателю, сами студенты считают эту церемонию чрезвычайно торжественным и важным событием, которое может иметь самые серьезные последствия. Слушая речи и призывы соперничающих ораторов, можно вообразить, что от того, будет ли избран их кандидат, зависит целость конституции и самое существование Британской империи. Обычно в кандидаты выдвигаются какие-нибудь видные деятели консервативной и либеральной партий и назначается день выборов. Право голоса имеют только студенты, а профессора в выборах не участвуют. Среди возможных кандидатов всегда находятся желающие занять этот почетный пост, тем более, что с ним связаны лишь номинальные обязанности. Изредка выдвигаются кандидатуры какого-нибудь известного писателя или ученого, но, как правило, выборы носят чисто политический

характер и обставляются, точно настоящие парламентские выборы.

Уже за несколько месяцев до великого дня начинается деятельная к нему подготовка. Заседают тайные комитеты, вырабатываются правила, и вкрадчивые агенты рыскают повсюду, высматривая тех, кто еще не выбрал своего флага и доступен политической агитации. Затем проходит великолепный митинг «Ассоциации студентов-либералов», который немедленно затмевается банкетом «Студенческого консервативного общества». Теперь предвыборная кампания в полном разгаре. На воротах университета вывешиваются огромные доски, и к ним пришпиливаются ядовитые сатиры на того или другого кандидата, пародийные песенки, цитаты из их речей и яркие карикатуры. Осведомленные лица, претендующие на то, что им хорошо известно, как бьется пульс университета, разгуливают с многозначительным видом и не скупятся на намеки, какой кандидат должен собрать больше голосов. Некоторые берутся даже указать это с полной точностью. Другие покачивают головами и туманно объявляют, что, кто бы ни был избран, результат будет один. Неделя за неделей возбуждение нарастает, достигая кульминации с наступлением дня выборов.

В этот день ни доктору Димсдейлу, ни другим приезжим не пришлось бы спрашивать дорогу к университету, так как вопли и крики, доносившиеся из этого обычно столь солидного здания, были слышны повсюду от Принсис-стрит до Ньюингтона. Перед воротами собралась густая толпа горожан, которые заглядывали сквозь решетку в большой двор и немало развлекались, наблюдая за выходками веселой молодежи. Студенты с более мирными склонностями оставались под аркой и быстро расступились, давая дорогу новоприбывшим, так как и Гарруэй и Димсдейл, известные атлеты, пользовались среди своих товарищей куда большим уважением, чем те, кто пожинал лавры на поприще науки.

Широкий квадратный двор и все выходящие на него террасы и балконы были заполнены возбужденными толпами студентов. Тут собрались все значившиеся в списках университета три с лишним тысячи избирателей, но шум, который они поднимали, сделал бы честь и девятитысячной толпе. Это людское море непрерывно дви-

галось н колыхалось. Порой какой-нибудь оратор взбирался на плечи своих товарищей, но тут же общее движение увлекало тех, кто служил ему трибуной, и он летел вниз, а в другом углу двора над головами вскоре возникал новый любитель красноречия. Стоило назвать фамилию одного из кандидатов, как раздавался восторженный рев, перебиваемый не менее оглушительными воплями протеста. Счастливчики, устроившиеся на балконах, метали в толпу у своих ног всевозможные снаряды — горошины, яйца и картофелины, а также мешочки с мукой и серой. Те, кто подвергался этому обстрелу, не оставались в долгу, если только им удавалось выбраться на простор и хорошенько размахнуться. Мечты доктора об академическом благолепии и ученых беседах чинных студентов рассеялись, как дым, пока он созерцал это буйство. И все же, несмотря на свои пятьдесят лет, он хохотал, как мальчишка, наблюдая за смелыми проказами молодых политиков, и оценивая ущерб, который терпели сюртуки и куртки от сыпавшегося с балконов странного града.

Самая густая и шумная толпа собралась перед входом в аудиторию, где в это время происходил подсчет голосов. Результаты выборов предстояло огласить в час дня, и по мере того, как большая стрелка башенных часов подходила к цифре двенадцать, во дворе воцарялась напряженная тишина. Хрипло пробили куранты, двери распахнулись, кучка людей бросилась в толпу, и вокруг них закружился людской водоворот. В центре его происходила отчаянная борьба, и вся эта людская масса перекатывалась из стороны в сторону. Несколько минут охваченные возбуждением бойцы сражались, не слишком понимая, за что и почему. Затем над головами буянов возник угол большого плаката, на котором можно было прочесть слово «либералы», написанное огромными буквами; однако выше поднять плакат не удалось, он вновь исчез в толпе, и сражение закипело с еще большей силой. Затем плакат опять взмыл над дерущимися (на этот раз другой его угол), неся на себе слово «большинством», и вновь мгновенно исчез. Однако и этих слов было достаточно, чтобы показать, кому досталась победа, и над двором загремели торжествующие крики, шляпы реяли в воздухе, трости н палки барабанили по кам-

иям. Тем временем схватка вокруг плаката все ширилась, потому что на помощь сражавшимся бросались все новые приверженцы. Какой-то либерал гигантского роста завладел плакатом и поднял его как мог выше, так что все во дворе успели прочесть:

ЛИБЕРАЛЫ БОЛЬШИНСТВОМ

241

Впрочем, торжествовать ему пришлось недолго. На его голову опустилась палка, кто-то дал ему подножку, и он вместе с плакатом рухнул на землю. Победители, однако, сумели пробиться к дальнему концу двора, где, как известно каждому эдинбуржцу, стоит статуя сэра Дэвида Брустера, созерцая со своего пьедестала цитадель учености, столь любимую им при жизни. Какой-то дерзкий ниспровергатель основ вскарабкался на пьедестал и прицепил злополучный плакат к мраморной руке почтенного профессора. И тут прославленный изобретатель калейдоскопа, вступив таким образом на поприще политики, оказался центром яростной драки: побежденные прилагали все усилия к тому, чтобы уничтожить символ победы их противников, а те с не меньшим мужеством отражали их атаки. Бой был в самом разгаре, когда Димсдейл почел за благо увести оттуда своего отца, потому что трудно было предсказать, какой оборот могут принять события.

— Готы, варвары! — восклицал толстенький доктор, пока они шли по Бриджис.— А я-то думал, что найду здесь приют безмятежного спокойствия и ученых занятий.

— Они же не всегда такие, сэр,— виновато сказал его сын.— Сегодня они, конечно, чересчур уж разошлись.

— Чересчур уж разошлись! — повторил доктор.— Ну и плут же ты, Том! Да не будь меня здесь, ты, наверное, был бы первым среди зачинщиков.

Он перевел взгляд с сына на его товарища и понял по их лицам, что догадка его была более чем верна; и тут он разразился таким громовым хохотом, что его молодые спутники после секундной растерянности не замедлили к нему присоединиться.

ГЛАВА VII

АНГЛИЯ ПРОТИВ ШОТЛАНДИИ

День выборов ректора пришел и прошел, но на смену ему явилось другое знаменательнейшее событие. Наступил день встречи регбистов, защищающих честь Англии и Шотландии.

Погода не оставляла желать ничего лучшего. Солнце разогнало утренний туман, и теперь последние его клочки плыли, как пушинки, над хмурыми стенами Эдинбургского замка и колдовской гирляндой обвивали колонны незавершенного национального монумента на Колтон-Хилл. Примыкающие к Принсис-стрит обширные сады, которые занимают долину между старым и новым городом, были одеты весенней зеленью, и струи их фонтанов весело блестели в солнечных лучах. Эти аккуратные сады со множеством дорожек являли собой удивительный контраст с суровыми фасадами угрюмых старинных домов, подходивших к ним с другой стороны, и с величием огромного холма за ними, который, словно подобравшийся перед прыжком лев, днем и ночью бдит над древней столицей шотландских королей. Путешественники, объехавшие весь свет, не могли бы назвать более прекрасной панорамы.

Во всяком случае, такого мнения придерживалось трио путешественников, которые в это утро расположились у окна гостиницы «Ройял» и любовались зеленой долиной и серыми громадами за ней, где все дышало историей. Один из них нам уже знаком: дородный джентльмен с румяным лицом и черными глазами, в клетчатых брюках и светлом жилете, украшенном тяжелой часовой цепочкой. Широко расставив ноги и заложив руки в карманы, он взирал на открывающийся перед ним вид с тем критически-снисходительным одобрением, с каким много путешествовавший англичанин обычно смотрит на труды природы. Рядом с ним стояла молоденькая девушка в сшитом по фигуре дорожном платье со скромным кожаным поясом, белоснежным воротничком и такими же манжетами. Ее милое личико раскраснелось от волнения, и она смотрела на прекрасный пейзаж с удивлением и восторгом, в которых не было ничего крити-

ческого. В оконной нише в плетеном кресле сидела пожилая, очень спокойная дама и с тихой любовью наблюдала за быстрой сменой выражений на живом лице девушки.

— Ах, дядя Джордж! — вскричала та.— Как чудесно! Я все еще не могу поверить, что мы свободны. Я даже боюсь, что это только сон, и я вот-вот проснусь, и мне придется наливать кофе Эзре Гердлстону или слушать, как мистер Гердлстон читает тексты из Священного писания, приуроченные к утренним часам.

Дама по-матерински ласково погладила руку девушки своей мягкой ладонью.

— Не думай об этом,— нежно сказала она.

— Да-да, не думай об этом,— подхватил доктор.— Моя супруга совершенно права, не надо об этом думать. Но пришлось же мне помучиться, прежде чем я уговорил твоего опекуна отпустить тебя! Наверное, я в отчаянии махнул бы на это рукой — да-да!— если бы не знал, как тебе хотелось поехать.

— И вы и тетя так добры ко мне! — воскликнула девушка с искренней благодарностью.

— Ну-ну, Кэт!.. А впрочем, Гердлстон совершенно прав. Если бы ты жила у нас, я бы тебя никуда не отпустил, можешь мне поверить. Верно, Матильда?

— Да, мы бы ее никуда не отпустили, Джордж.

— Мы же оба заядлые тираны, верно, Матильда?

— Да, Джордж.

— Боюсь, что я плохая помощница в хозяйстве,— сказала Кэт.— Я ведь была слишком молода, чтобы вести дом для бедного папы. Но у мистера Гердлстона, разумеется, есть экономка. Каждый день после обеда я читаю ему «Финансовые известия» и уже узнала все, что можно узнать об акциях, ценных бумагах и этих американских железных дорогах, которые только и делают, что подымаются и падают. Одна из них разорилась на прошлой неделе, и Эзра выругался, а мистер Гердлстон сказал, что господь испытует тех, кого возлюбит. Только, по-моему, это ему вовсе не понравилось. Но, ах, как тут чудесно! Я словно попала совсем в другой мир.

Девушка, стоявшая у окна, была очень хороша; ее высокая, гибкая, грациозная фигура дышала пробуждающейся женственностью. Лицо ее скорее можно было на-

звать милым, чем красивым, однако художник пришел бы в восторг от хрупкой силы округлого подбородка и удивительной выразительности ее живых черт. Темнокаштановые волосы, отсвечивавшие бронзой там, где их касался солнечный луч, падали на плечи теми пышными локонами, которые безошибочно свидетельствуют о натуре по-женски сильной. Ее синие глаза сияли жизнерадостностью, а слегка вздернутый нос и чуткий улыбающийся рот говорили о мягком юморе. Вся она, от оживленного личика до изящного ботинка, который выглядывал из-под скромной черной юбки, была очаровательна. Так думали прохожие, случайно поглядевшие в большое окно, так подумал и молодой джентльмен, который подъехал к гостинице, а теперь взлетел по лестнице и ворвался в комнату. Длинный мохнатый плащ доходил ему до самых лодыжек, а бархатная, шитая серебром шапочка была беззаботно сдвинута на мощный кудрявый затылок.

— Вот и он! — радостно сказала его мать.

— Здравствуйте, милая мама! — воскликнул Том, нагибаясь и целуя ее.— Здравствуйте, папа! Доброе утро, кузина Кэт! Вы все должны поехать на игру и пожелать нам удачи. Хорошо, что день выдался такой теплый. Зрителям приходится нелегко, когда дует восточный ветер. Что вы думаете об этой игре, папа?

— Я думаю, что ты противоестественный юный ренегат, раз ты собираешься играть против своей родины,— заметил непреклонный доктор.

— Право же, папа! Я ведь родился в Шотландии и играю за шотландский клуб. По-моему, этого достаточно.

— В таком случае я надеюсь, что вы проиграете,— ответил его отец.

— А вот это вполне возможно. Аткинсон из «Западной Шотландии» вывихнул ногу, и беком нам придется ввести Блейра, а он намного хуже. Сегодня утром на англичан ставили пять к четырем. Говорят, они никогда еще не собирали для международного матча такой сильной команды. Я велел извозчику подождать, так что мы сможем отправиться, как только вы будете готовы.

Предстоящий матч волновал не только студентов. Возбуждение охватило весь Эдинбург. Регби было и остается национальной игрой Шотландии, хотя люди, не склонные к столь бурным физическим упражнениям, на-

чинают предпочитать ему гольф. Нет игры, которая более отвечала бы вкусу сильных и закаленных людей, чем это сложнейшее упражнение, разработанное Союзом регбистов, когда пятнадцать человек мерятся силой, быстротой, выносливостью и всеми другими такими же качествами с пятнадцатью противниками. Одного таланта или хитрости тут мало. В течение всей игры идет яростное личное состязание за мяч. Мяч можно отбивать ногами или руками, можно нести его — короче говоря, годится любой способ, лишь бы мяч прошел за линию ворот противника. Хороший игрок может схватить его и стремительно промчаться сквозь вражеские ряды. Широкоплечий великан может своим весом сокрушить всякое сопротивление. Но победа останется за самыми закаленными и самыми выносливыми.

Даже матчи между местными клубами возбуждают в Эдинбурге большой интерес и собирают множество зрителей. Так что же и говорить о том дне, когда цвету шотландской молодежи предстояло помериться силами с лучшими игроками страны, лежащей к югу от Твида! Тысячные толпы забили все дороги, ведущие к Каледонскому полю, где должен был состояться матч. Эти двигавшиеся в одном направлении живые потоки были настолько густыми, что экипаж Димсдейлов вынужден был продвигаться только шагом, несмотря на грозные заклинания кучера, который, как истый патриот, сознавал всю меру ответственности, выпавшей на его долю,— ведь он вез члена шотландской команды и должен был доставить его на место к сроку. В толпе многие узнавали молодого человека, махали ему руками или выкрикивали слова ободрения. Вскоре мисс Кэт Харстон и даже доктор заразились тем интересом и волнением, которые читались на всех лицах вокруг. Один Том, казалось, оставался равнодушен ко всеобщему энтузиазму и старательно объяснял правила игры своей прелестной спутнице, чье невежество в этой области было поразительным и всеобъемлющим.

— Как видите,— говорил он,— с каждой стороны выступает по пятнадцать человек. Но, конечно, вся команда не может играть одной кучей: ведь если противнику удастся прорваться вперед с мячом, у них тогда не окажется, так сказать, никаких резервов. Поэтому у нас

в Шотландии принято, чтобы кучей играло только десять человек. Их выбирают за большой вес, силу и выносливость. Называются они форвардами и должны всегда быть возле мяча, следовать за ним повсюду, не останавливаясь и не уставая. Против них противник, разумеется, выставляет своих форвардов. Кроме форвардов, есть два квотер-бека. Это должны быть очень подвижные игроки, верткие, способные быстро бегать. Они никогда не вмешиваются в самую свалку, а держатся позади форвардов, и если мяч вырывается из кучи, они обязаны тут же его подхватить и мчаться с ним вперед. Если они бегают быстро, то могут унести его очень далеко, прежде чем их догонят — «перехватят», как мы это называем. Кроме того, они обязаны приглядывать за вражескими квотер-беками и перехватывать их, если им удастся завладеть мячом. Позади квотер-беков располагаются два хавбека. Одним из них буду я. Они также должны уметь быстро бегать, и перехват — это в основном их обязанность, потому что хороший бегун противника нередко обходит квотер-беков, и тогда остановить его должны хавбеки. Позади хавбеков стоит один человек — бек. Он представляет собой последний резерв, когда все другие оказались бессильны. От него требуется умение хорошо и точно бить по мячу, чтобы этим способом отвести его подальше от ворот... Но вы не слушаете?

— Нет-нет, слушаю,— ответила Кэт.

На самом же деле огромная толпа и новизна обстановки так ее отвлекали, что лекция ее спутника пропадала втуне.

— Ничего, когда игра начнется, вы быстро все поймете,— весело сказал студент.— Вот мы и на месте.

При этих словах экипаж через широкие ворота въехал на обширный луг, где стоял большой павильон, перед которым виднелось огражденное пространство ярдов двести в длину и сто в ширину, с воротами на каждом конце. Это пространство было размечено пестрыми флагами, и со всех его сторон, наваливаясь на барьер, толпились люди в двадцать — тридцать рядов; все пригорки, все удобные возвышенности были также заняты зрителями, общее число которых, по самому скромному подсчету, составляло не менее пятнадцати тысяч. Немного по-

одаль выстроились коляски и кареты, и туда же повернул экипаж Димсдейлов, когда Том, сжимая в руках сумку, побежал в павильон переодеваться.

И вовремя! Едва экипаж стал в ряд с прочими, как над головой пронесся глухой рев, а затем повторился во второй и в третий раз. Это зрители приветствовали вышедших на поле английских игроков. Они были одеты в белые короткие штаны и фуфайки с вышитой на груди красной розой — во всем мире не нашлось бы других таких молодцов. Высокие, широкоплечие, стройные, подвижные, как котята, и могучие, как молодые быки, они, несомненно, были достойными противниками. Команда соединяла в себе цвет университетских и лондонских клубов, а также северных графств; имя каждого из игроков многое сказало бы любому поклоннику регби. Вот высокий, длинноногий Эванс, несравненный хавбек, чей удар с рук, как говорят, не имеет равного себе во всей истории этой игры. Вот Буллер, знаменитый кембриджский квотер-бек, весящий не больше шестидесяти пяти килограммов, но гибкий и увертливый, как угорь; под стать ему и Джексон, второй квотер-бек, — самого его не ухватишь, но в противника он вцепляется бульдожьей хваткой. Вон тот белобрысый — это Коулс, прославленный форвард, а рядом стоят девять достойных его товарищей, готовые кинуться за ним в жаркий бой.

Да, это была весьма внушительная команда, и если утром на них ставили пять к четырем, то теперь ставки упали до пяти к трем. Англичане, нисколько не смущаясь тем, что на них были устремлены десятки тысяч глаз, принялись разминаться и даже играть в чехарду, потому что их фуфайки были тонкими, а ветер пронзительным.

Но куда девались их противники? Медленно тянулись минуты, исполненные нетерпеливого ожидания, но вот возле павильона вновь раздались приветственные крики, прокатились по длинным рядам зрителей и слились в могучий вопль, когда шотландцы, перескочив через ограждение, выбежали на поле. Знатокам физической красоты было бы не так просто отдать пальму первенства той или другой команде. Северяне, на чьих синих фуфайках был вышит репейник, все до единого выглядели закаленными силачами и в среднем весили на два-

три фуита больше, чем их противникн. Эти последиие были, пожалуй, сложеиы более пропорционально и, по миеиию любителей, бегали быстрее, однако тяжеловесная подтяиутость шотлаидских форвардов как будто говорила о иесколько большей выносливостн. Впрочем, шотлаидская комаида и возлагала свою главную надежду иа форвардов. Присутствие иа поле трех таких игроков, как Буллер, Эваис и Джексои, обеспечивало аигличаиам чрезвычайио крепкий тыл. Одиако среди их нападающих иикто ие мог бы в одиночку потягаться снлой н быстротой с Милларом, Уотсом или Греем. А Димсдейл и Гарруэй, шотландские хавбеки, и квотер-бек Туки, чья пламеиио-рыжая голова, словно орифламма, пылала там, где завязывался самый жаркий бой, были лучшими защитиками, каких только могли выставить северяие.

Выбор ворот достался аиглнчаиам, и они предпочли играть так, чтобы ветер дул им в спиину. Любая мелочь может склонить чашу весов, когда борьба идет между равиыми командами. Эваис, капитан, положил мяч перед собой иа землю, а остальиые английские игроки выстроились по стороиам, полиые иетерпеиия, как гоичие иа своркe. Ярдах в пятидесяти перед иим, примерио в том месте, где должеи был бы упасть мяч, угрюмым строем стояли сииие шотландцы. Ударнл колокол — по толпе прокатился взволноваииый гул. Эваис сделал два быстрых шага, и желтый мяч, точио пушечное ядро, полетел прямо в группу иапряжеино ожидавших его шотлаидцев.

Несколько секунд мяч стремительио переходил из рук в руки, ио вот из кучи игроков вырвался Грей, великий форвард, иадежда Глазго. Крепко зажав мяч под мышкой и иаклоиив голову, ои мчался, как ветер, а за ним плечом к плечу следовали остальные девять форвардов, готовые сокрушить любое сопротивление, в то время как пятеро защитиков, понемиогу отставая от них, веером рассыпались по полю. Тут Грей встретнлся с аиглнчанами, которые рииулись за мячом, едва их капитан ударил по иему. Первый английский форвард прыгнул прямо иа Грея, ио тот, ие замедляя бега, свериул в сторону, и аиглнчаиин промахиулся. Ему удалось увериуться н от второго форварда противника, ио третий бросился ему

в ноги. Шотландец кувырком полетел на землю и был немедленно схвачен. Но что толку! Падая, он успел перебросить мяч назад. Гордон из «Пейсли» схватил его и пронес вперед еще ярдов на десять, но тут его догнали и опрокинули, однако уже после того, как он передал мяч товарищу, который мужественно отвоевал еще несколько шагов, прежде чем и его повалили на землю. Благодаря этой великолепной пасовке шотландцам удалось отыграть все преимущество, полученное англичанами при первом ударе, и зрители восторженно ревели.

И вот назначена так называемая «давка», или «схватка». Существовал ли какой-нибудь другой народ, который устраивал бы такие потасовки и называл бы их игрой? Двадцать юношей, сплетенные так тесно и плотно, что уже невозможно понять, кому, собственно, принадлежат все эти руки и ноги, напрягая каждый мускул, жмут и толкают друг друга, но силы их равны, и клубок человеческих тел сохраняет абсолютную неподвижность. В центре его хаотически вздымаются и опускаются головы и плечи. По краям он обрамлен бахромой из ног — ног, напряженных до крайности, даже роющих землю, чтобы крепче в нее упереться, и, по-видимому, полностью обособившихся от своих владельцев, чьи головы и туловища погребены внутри клубка. Давление там отчаянно велико, и все же ни та, ни другая сторона не уступает и дюйма. Возле, пригнувшись, упершись руками в колени, стоят невозмутимые крошки квотер-беки — они не спускают глаз с задыхающихся великанов и в то же время бдительно следят друг за другом. Пусть только мяч вырвется из кучи поблизости от кого-нибудь из них, и он, схватив его, успеет пробежать десяток ярдов, прежде чем сплетенные в схватке игроки поймут, что произошло. Чуть поодаль застыли хавбеки, настороженные, готовые к бою, а бек прогуливается, заложив руки в карманы, и ничуть не тревожится, потому что у него хватит времени подготовиться, прежде чем мяч успеет миновать четырех отличных игроков, которые расположились между ним и «схваткой».

Но вот клубок качнулся назад, а потом вперед. Одна сторона потеряла, а другая выиграла дюйм. Толпа вопит от восторга: «Дави, Шотландия!», «Дави, Англия!», «Англия!», «Шотландия!»

Такие крики способны пробудить энтузиазм даже в самом тихом из смертных созданий. Кэт Харстон вскочила на ноги, порозовев от волнения и удовольствия. Ее сердце отдано бойцам, чья эмблема — роза, хотя в рядах их противников и сражается друг ее детских игр. Доктор увлечен не меньше самого зеленого юнца в толпе, а извозчик машет руками и вопит крайне неприличным образом. Два фунта разницы в весе начинают сказываться. Англичан удается оттеснить на целый ярд. Из гущи белых фуфаек вырывается игрок в синем. Он прорвался через весь клубок, но мяч остался позади, и поэтому он обегает вокруг «схватки» и наваливается всей тяжестью на своих товарищей. Последний нажим, «схватка» разваливается на две половины, и из бреши появляются грозные шотландские форварды, увлекающие с собой мяч. Их сплоченная фаланга разметала англичан направо и налево, как мякину. А путь им преграждает один-единственный невысокий юноша, почти мальчик по росту и весу. Не ему же остановить этот стремительный натиск! Мяч лишь на несколько ярдов опережает бегущего впереди шотландца, и тут малыш прыгает. Он успевает выхватить мяч из-под самого носа противника и тем же стремительным движением вырывается из цепляющихся за него рук. Теперь лучший квотер-бек Кембриджа должен показать, чего он стоит. Толпа вопит от возбуждения. Справа и слева бегут огромные шотландские форварды, протягивая руки, спотыкаясь, снова бросаясь в погоню, а в самой их гуще, быстрый и стремительный, как форель в ручье, бежит спокойный невысокий юноша — вот он проскочил мимо одного, обогнул другого, проскользнул между пальцами третьего и четвертого. Но тут его схватили! Нет, нет, ему удалось обогнать всех форвардов, и он вырывается из людской лавины и мчится вперед с невероятной скоростью. Он увернулся от одного из шотландских квотер-беков, обогнал второго. «Хорошо сыграно, Англия!» — кричит толпа. «Хороший рывок, Буллер!» «Давай, Тукн!» «Давай, Димсдейл!», «Молодец, Димсдейл! Ну и захват!» Маленького квотер-бека все-таки удалось остановить: Том не уступал ему в быстроте и, когда он пытался прорваться, успел схватить его за талию и опрокинуть на землю. Крики стали громовыми, потому что от университетского

клуба на поле играли только два хавбека, а студентов среди зрителей было множество.

Добрый доктор даже покраснел от удовольствия, услышав, как тысячи взволнованных глоток выкрикивают похвалы его сыну.

Знатоки не ошиблись: игра идет очень ровная. В течение первых сорока минут одна сторона, делая отчаянные усилия, немедленно нейтрализует преимущество, завоеванное другой. Уже не раз сплетенные кучи игроков перекатывались взад и вперед по полю, но всегда не далее чем в тридцати ярдах от центра. Ни тем, ни другим воротам еще ни разу не угрожала серьезная опасность. Неискушенные зрители никак не могут понять, почему в пари шансы англичан оценивались выше, но посвященные стоят на своем. Они считают, что во втором тайме скажется превосходство южан в скорости и выносливости, и они возьмут верх над более тяжелыми шотландцами. Однако, когда истекают первые сорок минут и перед сменой ворот назначается короткий перерыв, шотландцы, которые, вытирая грязные лица и обсуждая игру, собираются тесной группой, совсем не кажутся более утомленными, чем англичане.

Но вот наступает вторая половина игры, которая должна показать, выращивает ли и холодный Север таких же молодцов, как те, кто живет на более плодоносной почве, под более теплыми небесами. Если игра и прежде была отчаянной, теперь она стала вдвое отчаяннее. Каждый игрок обеих команд играл так, словно исход матча зависел от него одного. Вновь и вновь Грей, Андерсон, Гордон и грозная фаланга растрепанных, задыхающихся шотландцев вырывалась вперед, но раз за разом английские квотер-беки и хавбеки благодаря превосходству в скорости более чем искупали слабость своих форвардов и уносили мяч далеко в глубь вражеской территории. Два-три раза Эванс, знаменитый «забойщик», который, по слухам, мог добросить мяч до ворот почти с любой части поля, успевал завладеть мячом, но прежде чем ему удавалось ударить по нему, его схватывал кто-нибудь из противников. И вот наконец наступила минута его торжества. Мяч выкатился из схватки в руки Буллера, который немедленно повернулся и перекинул его хавбеку позади себя. Никто из шотландцев уже не мог добежать

до него вовремя. Эванс быстро взглянул на далекие ворота, рванулся вперед, и его длинная нога взметнулась в воздух с чудовищной силой. Притихшая толпа с замиранием сердца следила, как мяч описывал величественную параболу. И вот он пошел вниз... вниз... вниз... с неумолимой меткостью стрелы чуть-чуть задел за перекладину и покатился по траве за воротами; раздался стон нескольких огорченных патриотов, но он был заглушен громовым «ура!», которым толпа приветствовала гол, забитый англичанами.

Впрочем, победа еще не была завоевана. До конца игры оставалось десять минут, чтобы шотландцы могли сквитать этот удар или англичане — забить им второй гол. Северяне играли так яростно, что мяч все время находился в опасной близости от английских ворот, и англичан спасала только великолепная игра их защитников. Прошло еще пять минут — и шотландцы, в свою очередь, были оттеснены за середину поля. Блестящие прорывы Буллера, Джексона и Эванса привели к тому, что сражение бушевало теперь на половине шотландцев. Казалось, гости твердо вознамерились забить еще один гол, но тут положение дел на поле внезапно изменилось. Всего за три минуты до конца игры Туки, шотландский квотер-бек, завладел мячом и в стремительном рывке миновал линию форвардов и квотер-беков противника. Эванс схватил его, но Туки успел бросить мяч назад. Следовавший за ним по пятам Димсдейл поймал мяч в руки. Теперь или никогда! Том почувствовал, что пожертвует чем угодно, лишь бы прорваться мимо трех людей, которые стояли между ним и английскими воротами. Он, как вихрь, пронесся мимо Эванса, прежде чем хавбек успел разделаться с Туки. Теперь перед ним осталось лишь два игрока противника. Второй английский хавбек, широкоплечий верзила, бросился ему навстречу, но Том, даже не попытавшись уклониться, пригнул голову и врезался в него с такой силой, что они оба отлетели в разные стороны. Однако Димсдейл оправился раньше и проскочил вперед прежде, чем английский хавбек успел его схватить. До ворот теперь оставалось не больше двадцати ярдов, но перед ними стоял английский бек, а сзади набегало шестеро форвардов. Бек схватил его поперек живота, один из форвардов вцепился сзади в ворот

фуфайки, и все трое полетели на землю. Но поздно! Падая, Том успел поддеть мяч ногой, и тот, кое-как взлетев, едва-едва перекатился через английскую перекладину. Не успел он коснуться земли по ту сторону ворот, как удар колокола возвестил о конце матча, хотя звон этот был совершенно заглушен громовым ревом толпы. В воздух взлетела тысяча шляп, десять тысяч глоток выли в унисон, а Том, причина всей этой сумятицы, все еще сидел на земле,— он, правда, улыбался, но очень побледнел, а одна рука у него повисла, как плеть.

Однако что такое сломанная ключица по сравнению с решающим голом, забитым в подобном матче! Во всяком случае, так думал Том Димсдейл, направляясь к павильону, в то время как его отец сдерживал восторженную толпу с правого его бока, а Джек Гарруэй — с левого. Надо сказать, что доктор проложил к нему путь через колышащуюся, обезумевшую людскую массу с энергией, доказавшей, что талант его сына был скорее наследственным, нежели благоприобретенным. Полчаса спустя Том уже спокойно сидел в углу экипажа, плечо его было перебинтовано по всем правилам медицинского искусства, а рука подвешена на платке. Его мать и Кэт быстро и ловко подкладывали ему под бок то шаль, то коврик, чтобы смягчить толчки. Во всякой женщине живет ангел, и покалеченные, беспомощные юность и сила способны тронуть ее гораздо больше, чем та же юность и сила в своем гордом расцвете. Это та компенсация, которую судьба предлагает несчастным. Когда Кэт склонялась над кузеном, ее синие глаза были полны невыразимого сострадания, и, встретив этот взгляд, он вдруг испытал неведомую прежде радость, по сравнению с которой все прошлые его надежды и удовольствия утратили всякий смысл и значение. Маленький бог поражает сразу и без ошибки, если его мишень еще только встречает золотую зарю жизни. Всю дорогу до дому Том лежал, откинувшись на подушках, грезил о сострадательных ангелах, и сердце его переполнялось тихим блаженством, когда он встречал взгляд прекрасных правдивых глаз, которые смотрели на него с неизъяснимой нежностью. Это был знаменательный день в жизни нашего студента: он спас свою команду, сломал ключицу, а главное — теперь вдруг понял, что по уши влюбился.

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Едва ключица Тома Димсдейла зажила, как приблизился день экзамена, и его отец, который, нажив порядочное состояние, удалился на покой, решил дождаться в Эдинбурге этого знаменательного события. Он не без труда убедил Гердлстона позволить Кэт остаться с ними, впрочем, коммерсант был в это время так занят делами фирмы, что оказался более покладистым, чем можно было бы ожидать при обычных обстоятельствах. Путешественники продолжали жить в гостинице, однако студент не покинул своей обители на Хау-стрит, где посвящал утро и день занятиям. Однако каждый вечер он выкраивал время, чтобы пообедать с ними в гостинице, и уходил только, когда отец начинал гнать его назад к книгам, и все его протесты и просьбы разрешить ему остаться еще на полчаса оказывались тщетными. Доктор был неумолим. И когда наставал роковой час, бедный юноша начинал собирать перчатки, шляпу и трость, растягивая эту процедуру елико возможно. Затем он грустно прощался с родными и неохотно отправлялся к своим книгам.

Впрочем, довольно быстро он сделал важное открытие: с одной скамейки в Садах была видна почти вся гостиная, куда удалялись его родные после обеда. Стоило ему обнаружить это обстоятельство — и домой он начал возвращаться поздно ночью. Сады, правда, вечером запирались, но чему мог помешать подобный пустяк! Том, как кошка, перебирался через ограду, усаживался на заветной скамейке и не спускал глаз с окна до тех пор, пока его родители и Кэт не отправлялись на покой. Случалось, что его кузина уходила к себе сразу же после обеда. В этих случаях Том угрюмо брел на Хау-стрит и, куря крепчайший табак, полночи проклинал судьбу. Но когда счастье ему улыбалось и он мог любоваться грациозной фигуркой подруги своих детских игр, это зрелище дарило ему почти такую же радость, как и ее общество, так что в конце концов он отправлялся домой в гораздо более веселом настроении. И пока доктор Димсдейл тешил себя мыслью, что его сын усердно постигает тайны науки в миле от гостиницы, нерадивый юноша си-

дел на скамье в каких-нибудь шестидесяти ярдах от нее, размышляя на темы, ничего общего с наукой не имеющие.

Кэт, разумеется, отлично понимала, что происходит. Даже самая неискушенная, самая юная девушка обладает тем таинственным женским чутьем, которое всегда подскажет ей, что в нее влюбились. И тогда впервые она понимает, что уже миновала ту невидимую границу, которая отделяет детство от юности. Кэт была смущена, чувствовала себя неловко и невольно стала держаться с Томом по-иному.

Прежняя дружеская, почти сестринская непринужденность теперь сменилась холодной сдержанностью. Том немедленно заметил эту перемену и молча бесился и негодовал. Он даже поступил настолько неразумно, что не стал скрывать, насколько он обижен, после чего Кэт стала обходиться с ним еще суше и холоднее. Теперь он все ночи напролет метался на постели и поверял свою тоску спинке кровати, убежденный, что ничего подобного еще никогда ни с кем не случалось за всю историю мира и ни в коем случае не повторится до конца времен. Кроме того, он принялся кропать скверные вирши, которые были немедленно обнаружены его хозяйкой, имевшей привычку ежедневно рыться в его бумагах и не замедлившей прочитать их вслух избранному обществу своих соседок. И те, очень растроганные, принялись сочувственно обсуждать сердечные дела молодого человека.

Постепенно у Тома появились и другие симптомы недуга, столь внезапно его сразившего. До сих пор в его внешности и костюме можно было заметить некоторую небрежность, отлично гармонировавшую с его богемными привычками. И вдруг он преобразился. В одно прекрасное утро он посетил подряд портного, сапожника, шляпочника и галантерейщика, и после его визита все эти достойные люди довольно потирали руки. Примерно через неделю он вышел из своей комнаты, одетый столь великолепно, что его хозяйка была поражена, а друзья несказанно удивлены. Приятели-студенты лишь с большим трудом узнавали честную физиономию Тома над воротником наимоднейшего сюртука и под самым глянцевитым из цилиндров.

Но даже эта перемена ничего не сказала его отцу.

— Ума не приложу, что творится с мальчиком, Кэт,— пожаловался он как-то после ухода сына.— Пусть он только попробует франтить! Я от него в ту же минуту отрекусь! А ты разве не замечаешь, как он переменился?

Кэт уклонилась от ответа, но ее яркий румянец мог бы многое объяснить почтенному доктору, если бы он только обратил внимание на краску, залившую ее щеки. Впрочем, ему просто в голову не приходило, что его сын — взрослый юноша, и он уж никак не мог счесть маленькую дочку Джона Харстона взрослой девушкой. Как правило, подобные открытия делают люди малознакомые, а друзья и близкие узнают об этом только потом и из вторых рук.

У любви есть неприятная привычка вторгаться в человеческую жизнь в самое неподходящее время, и все же она могла бы пощадить студента, который готовился к экзаменам.

Эти недели, пока Том разгуливал в сапогах, сшитых на два номера меньше, чем следовало бы, дабы придать большую элегантность его мускулистым икрам, и рвал перчатки в количестве, поражавшем перчаточника, ему, собственно говоря, полагалось бы сосредоточить все силы на постижении тайн ботаники, химии и зоологии. Драгоценные часы, которые следовало бы отдавать изучению подразделов целентератов или систематике эндогенных растений, он тратил на то, чтобы вспомнить слова романса, который пела накануне его кузина, или все оттенки ее интонации, когда она сказала ему, что погода как будто хорошая, или еще какое-нибудь столь же важное обстоятельство. В результате по мере приближения рокового дня наш студент в минуты отрезвления начинал чувствовать некоторую тревогу. Впрочем, одно время он занимался довольно усердно и мог надеяться, что ему все-таки повезет. Во всяком случае, он предпринял энергичную попытку за неделю сделать то, на что другим требовался месяц, и к письменному экзамену несколько наверстал упущенное. Вопросы ему достались знакомые, и, выходя из зала, он чувствовал, что судьба обошлась с ним гораздо милостивее, чем он того заслуживал. Однако устный экзамен был куда более грозным испытанием и внушал ему порядочный ужас.

И вот в прохладное весеннее утро настал его черед. Доктор и Кэт доехали с ним до ворот университета.

— Больше мужества, Том! — напутствовал его отец.— Держи себя в руках и не волнуйся. Сохраняй спокойствие, это самое главное!

— По-моему, я забыл даже то, что знал,— уныло сказал Том, подымаясь по ступеням. Оглянувшись, он увидел, что Кэт весело машет ему рукой, и это чрезвычайно его ободрило.

— Ждем тебя к обеду! — крикнул ему вслед отец.— Только смотри, принеси нам хорошие новости.

И карета покатила по Бриджнс, а Том присоединился к студентам, которые у дверей зала тревожно ждали, когда их вызовут.

Вид у них у всех был самый плачевный. Землистая бледность их унылых лиц лишь отчасти свидетельствовала о напряженных занятиях, но в основном — о снедавшем их страхе.

Было просто больно смотреть, как они стараются придать себе уверенный и беззаботный вид: одни поглядывали на небо, словно интересуясь погодой, а другие, вдруг воспылав любовью к старине, изучали надписи на древних стенах университета. Еще грустнее было наблюдать за ними в ту минуту, когда какой-нибудь храбрец, собравшись с духом, отпускал неуклюжую шутку, и вся компания старательно смеялась, словно желая показать, что даже в столь тяжкую минуту они не утратили чувства юмора. А порой, когда кто-нибудь из них заговаривал об экзамене и принимался раскрывать, какие именно вопросы задавались накануне Брауну или Смиту, маска равнодушия немедленно спадала с их лиц, и они жадно и молча впивались глазами в лицо говорящего. Как правило, в подобных случаях обязательно найдется злокозненный утешитель, который шепчет на ухо всем желающим головоломные вопросы и утверждает, будто это конек того или иного экзаменатора. Такой злой гений вырос рядом с Димсдейлом и погасил последний луч надежды, который еще таился в сердце юноши.

— Что ты знаешь про какодил? — внушительно спросил он.

— Какодил? — в ужасе повторил Том.— Какой-то допотопный ящер. Верно?

Его собеседннк крнво улыбнулся.

— Нет,—ответил ои.— Это— органнческое взрывчатое химическое соедииение. И уж про какоднл тебя спросят обязательно! Тестер на ием просто помешаи. Он всех спрашивает, как изготовляется эта штука.

Том, весьма расстроеиный таким сообщеннем, попытался было с лихорадочиой поспешиостью узнать у своего собеседника хоть что-нибудь про это таинственное вещество, но тут за дверью резко зазвеиел звонок, и на пороге появился красиолицый служнтель, держа в руке голубой листок.

— Д.:ллои, Димсдейл, Дуглас!— выкрикнул он важным голосом, н три несчастливца гуськом проследовалн через полуоткрытую дверь в сумрачный зал.

То, что онн увидели там, отнюдь их ие успоконло. В зале иа некотором расстоянии друг от друга стоялн три стола, загроможденные всевозможиыми учебными пособиями н приборами, и за каждым столом сндело по два пожилых профессора, весьма строгих и взыскательных. Перед одной парой красовались чучела различиых зверьков, миогочисленные скелеты и черепа, большие баикн с заспиртоваииыми рыбами и змеями, челюсти с огромиыми зубами, злобно ухмыляющнеся несчастному студенту, н всяческие другие зоологнческне диковиики. Второй стол был завалеи великолепными орхидеями н тропическими растениями, которые выглядели как-то неуместио в этом огромиом уиылом зале. По его краю щетнннлся ряд микроскопов. Но самым устрашающим был третнй стол, нбо на ием не было ничего, кроме стопки бумагн н карандаша. Химия счнталась самой опасной среди множества ловушек, подстерегающих беспечиого студента.

— Диллон — ботаиика, Димсдейл — зоология, Дуглас — хнмия! — выкрикнул служитель, и каждый направился к своему столу.

Прямо перед Томом оказался огромный краб, который, как ему почудилось, смотрел на иего с самым злорадным выражением, на какое только способио ракообразиое. Позади краба восседал низенький профессор, чьн выпуклые глаза и скрюченные руки придавали ему такое сходство с вышеупомянутым крабом, что Том не мог сдержать улыбки.

— Сэр,— сказал высокий бритый человек, сидевший у другого конца стола,— потрудитесь вести себя серьезно. Сейчас не время для пустого веселья.

После этого выговора на лице Тома застыло выражение, которое принесло бы любому немому попрошайке целое состояние.

— Что это такое? — спросил низенький профессор, вручая ему нечто маленькое и круглое.

— Это эхинус, морской еж! — победоносно ответил Том.

— Есть ли у него какой-нибудь орган дыхания? — спросил второй экзаменатор.

— Водно-сосудистая система.

— Опишите ее.

Том бодро принялся отвечать, но экзаменаторы вовсе не собирались допускать, чтобы студент потратил пятнадцать отведенных на него минут на то, что он знал хорошо. Через минуту они его уже перебили.

— Как он передвигается? — спросил крабоподобный профессор.

— С помощью присасывательных трубочек, которые выдвигает по желанию.

— А каким образом эти трубочки помогают ему передвигаться?

— Они снабжены присосками.

— На что похожи эти присоски?

— Это круглые пустотелые диски.

— А вы уверены, что они круглые? — резко спросил профессор.

— Да! — мужественно ответил Том, хотя имел об этом лишь весьма смутное представление.

— А каким образом действует этот присосок? — спросил высокий экзаменатор.

Том почувствовал, что любопытство этих людей переходит границы приличия. По-видимому, их любознательность была неутолима.

— Он создает вакуум! — в отчаянии вскричал он.

— А как он создает вакуум?

— Путем сжатия мускульного бугорка в центре,— ответил Том в миг озарения.

— А что заставляет бугорок сжиматься?

Измученный Том чуть было не ответил «электричество», но вовремя сдержался и пробормотал:

— Мышечное воздействие.

— Прекрасно,—сказали экзаменаторы, и несчастный студент перевел дух. Однако высокий тут же вновь ринулся в атаку, вопросив: — А эта мышца поперечнополосатая или гладкая?

— Гладкая! — взвизгнул Том наугад, и оба экзаменатора, потирая руки, пробормотали: «Отлично, отлично!» — после чего волосы Тома утратили вертикальное положение, и он перестал дышать так, словно находился в турецкой бане.

— Сколько зубов у кролика? — внезапно спросил высокий экзаменатор.

— Не знаю,— с подкупающей откровенностью ответил студент.

Профессора торжествующе переглянулись.

— Он не знает! — насмешливо воскликнул пучеглазый.

— Когда у вас в следующий раз на обед будет кролик, рекомендую вам пересчитать его зубы,— сказал высокий.

Догадавшись, что это шутка, Том тактично засмеялся весьма жутким, загробным смехом.

Затем экзаменаторы принялись терзать его вопросами о птеродактилях, о разнице в строении летучей мыши и птиц, о миногах, о хрящеперых рыбах и ланцетнике. На все эти вопросы он дал ответы, более или менее удовлетворившие экзаменаторов, но чаще — менее. Когда наконец звякнул колокольчик, указывая, что настало время экзаменующимся перейти к другим столам, высокий профессор нагнулся над лежащим перед ним списком и сделал на нем следующую иероглифическую пометку: S. B.

Зоркие глаза Тома различили эти буквы, и он направился к соседнему столу весьма довольный, так как знал, что они означают «satis bene», то есть «удовлетворительно», ну, а поставленный за ними минус его не тревожил. Ответил ли он лучше или хуже положенного, не имело для него ни малейшего значения. Зоологию он сдал, а все остальное его пока не интересовало.

ГЛАВА IX

ПРИСКОРБНЫЙ ПРОВАЛ

Однако впереди его ждало немало камней преткновения. Едва он подошел к ботаническому столу, как седобородый профессор молча указал на ряд микроскопов, подразумевая, что студенту следует посмотреть в них и объяснить, что он там увидел. Вся душа Томаса, казалось, сосредоточилась в глазу, прижатом к окуляру, пока он безнадежно сверлил взглядом нечто, походившее на каток, исчерченный коньками,— никакого другого ответа он найти не мог.

— Быстрее, быстрее!— нетерпеливо проворчал экзаменатор (вежливость на экзаменах в Эдинбургском университете поистине редкий гость).— Либо отвечайте, либо переходите к следующему микроскопу.

Этот почтенный профессор ботаники, человек, в сущности, очень добрый, славился как один из наиболее злокозненных экзаменаторов той школы, которая считает экзамены единоборством между профессорами и студентами. По его мнению, экзаменующийся стремился благополучно сдать экзамен, а его долг заключался в том, чтобы стремиться всячески этому воспрепятствовать, что ему в большинстве случаев блестяще удавалось.

— Быстрее, быстрее,— ворчливо повторял он.

— Это срез листа,— сказал студент.

— Ничего подобного! — с торжеством провозгласил экзаменатор.— Вы сделали грубую ошибку, сэр. Очень, очень грубую: это спирилла водяного растения. Переходите к следующему.

Том, объятый смятением, побрел вдоль стола и поглядел в следующую медную трубку.

— Это препарат устьица,— сказал он, вспомнив рисунок в своем учебнике.

Профессор мрачно покачал головой.

— Правильно,— сказал он.— Переходите к следующему.

Третий препарат поставил студента в точно такой же тупик, как и первый, и он, стиснув зубы, уже готовился к неизбежному, когда непредвиденное обстоятельство склонило чашу весов в его пользу. Второй экзаменатор,

еще не превратившийся в такую окаменелость, как большинство его коллег, сохранил достаточно жизнелюбия, чтобы интересоваться вещами, чуждыми его науке, и теперь он узнал в экзаменующемся студенте юного героя, который претерпел увечье, спасая честь своей страны. Профессор был пламенным патриотом и проникся к Тому живейшей симпатией; заметив, что бедняге грозит неизбежная гибель, он поспешил вмешаться, вывел его на правильную дорогу с помощью наводящих вопросов и помогал не сбиться с нее, пока вновь не звякнул колокольчик. Этот молодой экзаменатор с удивительной проницательностью и тактом сумел удержаться в пределах весьма ограниченных знаний Тома. Как ни трудна была эта задача, он достиг цели, и, хотя его собрат покачивал седовласой головой и всякими другими способами выражал порицание невежеству студента, он все же был вынужден поставить S. B. в лежавшем перед ним списке.

Увидев это, Том глубоко вздохнул и направился к третьему столу, испытывая то смешанное чувство уверенности и страха, с каким жокей на скачках приближается к последнему и самому трудному препятствию в стипль-чезе.

Увы! Именно последнее препятствие чаще всего оказывается роковым для наездника, и Томасу также было суждено потерпеть неудачу при этом заключительном испытании. По несчастной случайности, пока он шел через комнату, ему вдруг вспомнился студент, вещавший перед дверьми экзаменационного зала о таинственной субстанции, которая именуется «какодил». А стоит в голову экзаменующегося студента закрасться подобной мысли — и ее уже нельзя изгнать оттуда никакими силами. У Тома даже в ушах зазвенело, и он провел рукой по лбу и запустил ее в золотистые кудри, стараясь успокоиться. Садясь перед столом, он еле удержался, чтобы не сказать экзаменаторам, что ему прекрасно известно, о чем они собираются его спросить, и что ему даже не стоит пытаться отвечать.

Главный экзаменатор, румяный и благодушный старик в очках, прежде чем начать экзамен, обменялся со своим коллегой несколькими ничего не значащими фразами, доброжелательно давая время растерявшемуся

студенту прийти в себя. Затем, ласково посмотрев на него, он сказал чрезвычайно мягким тоном:

— Вам когда-нибудь приходилось кататься в лодке по пруду?

Том сознался, что приходилось.

— Так, быть может, в этих случаях,— продолжал профессор,— вы иногда задевали веслом ил на дне?

Том согласился, что в этом не было бы ничего удивительного.

— После этого вы, возможно, замечали, что со дна на поверхность поднимался пузырь или даже несколько пузырей. Так скажите же, какой это был газ?

Злополучный студент, весь во власти одной-единственной мысли, почувствовал, что сбылись самые худшие его опасения. И без малейших колебаний он, не задумываясь, высказал безапелляционное мнение, что газ этот именуется какодилом.

Когда экзаменаторы услышали его ответ, на их лицах отразилось глубочайшее изумление, и они разразились таким веселым смехом, какой не часто услышишь у важных ученых. Этот смех немедленно привел Тома в чувство. Он в отчаянии сообразил, что они спрашивали его про болотный газ — про один из самых простейших и зауряднейших химических соединений. Увы, было слишком поздно! Он знал, что спасения нет. Посредственно сдав ботанику и зоологию, он не мог рассчитывать, что ему простят подобную ошибку на экзамене по химии. И он поступил так, как, пожалуй, только и можно было поступить при подобных обстоятельствах. Встав со стула, Том почтительно поклонился экзаменаторам и направился к двери, к величайшему изумлению служителя, которому впервые довелось стать свидетелем подобного нарушения этикета. На пороге Том оглянулся и увидел, что профессора ботаники и зоологии подошли к столу химиков, по-видимому, желая узнать, что случилось. Раздавшийся затем взрыв хохота показал, что они в должной мере оценили смешную сторону происшествия. Студенты, ожидавшие под дверью, бросились к Тому в надежде узнать причину неожиданного смеха, но он сердито растолкал их и бросился к лестнице. Ему было хорошо известно, что анекдот этот станет всеобщим достоянием и без его содействия. К тому же он уже при-

нялся обдумывать план, который зрел в его голове несколько месяцев.

Доктор с супругой и мисс Кэт Харстон долго и напрасно ждали в гостинице известий от Тома. Доктор сначала пытался напустить на себя высокомерное равнодушие и рассеянность, но вскоре совсем забыл об этом и принялся бесцельно бродить по комнате, барабанить пальцами по столу и всякими другими способами проявлять жгучее нетерпение. Их гостиная находилась на втором этаже, и Кэт, как часовой, стояла у окна, вглядываясь в снующих по улице прохожих, чтобы сразу же предупредить остальных о появлении Тома.

— Неужели его еще не видно? — спросил доктор в двадцатый раз.

— Нет, нигде не видно,— ответила Кэт, снова посмотрев на улицу.

— Но ведь он должен был уже все сдать! И явиться прямо сюда. Отойди от окна, милочка. Я не хочу, чтобы шалопай догадался, как мы о нем тревожимся.

Кэт села рядом со стариком и, поглаживая белыми пальчиками его широкую темную руку, сказала:

— Не тревожьтесь так. Все будет хорошо, вот увидите!

— Да, он, конечно, сдаст экзамены,— ответил доктор,— но... А это еще кто?

Последнее восклицание относилось к круглолицей розовощекой девочке в скромном платьице, которая неожиданно вошла в гостиную, держа в руках связку с книгами и грифельную доску.

— Прошу прощения, сэр,— сказала незнакомка, делая книксен.— Я Сара Джейн.

— Ах, вот как!— отозвался доктор с легкой иронией.— И что же привело вас сюда, Сара Джейн?

— Прошу прощения, сэр, моя маменька миссис Мактавиш велела мне отнести вам вот это письмо от молодого джентльмена, который у нас проживает.

С этими словами девочка вручила доктору конверт, сделала еще один книксен и удалилась.

— Как! — удивленно вскричал доктор.— Письмо адресовано мне, и это почерк Тома. Что случилось?

— Боже мой,— вздохнула миссис Димсдейл, с жен-

ской проницательностью отгадав, в чем было дело.— Значит, он провалился.

— Не может быть,— пробормотал доктор, дрожащими пальцами разрывая конверт.— Да нет, ты права!— добавил он, пробежав глазами записку.— Он действительно провалился. Бедняга! Ему это намного тяжелее, чем нам, так что не следует его бранить.

Добряк перечел письмо несколько раз, а потом спрятал его к себе в бумажник с очень серьезным видом, показывавшим, насколько оно было важно. Поскольку это письмо окажет значительное влияние на дальнейший ход событий нашей повести, мы закончим эту главу тем, что, воспользовавшись привилегией автора, заглянем через плечо доктора и прочтем вместе с ним послание Тома. Вот оно от первого и до последнего слова:

«Дорогой отец!

Вы будете огорчены, узнав, что я не сдал экзамен. Мне это очень тяжело, потому что я представляю, какое горе и разочарование это причинит Вам — ничем не заслуженное горе и разочарование, да еще по моей вине.

Для меня же в этом провале есть своя светлая сторона, потому что теперь я могу обратиться к Вам с просьбой, которую обдумывал уже давно. Я хочу, чтобы Вы разрешили мне не изучать больше медицины и заняться коммерческой деятельностью. Вы никогда не скрывали от меня размеры нашего состояния, и я знаю, что и получи я диплом — мне не обязательно нужно будет заниматься врачебной практикой. Таким образом, я потрачу пять лет жизни на приобретение знаний, которые окажутся для меня бесполезными. Я не чувствую особой склонности к медицине, и в то же время мне глубоко неприятна мысль, что я буду просто тратить деньги, заработанные другими. Поэтому мне следует подыскать себе какое-нибудь другое занятие, и лучше всего будет сделать это немедленно. Выбор этого нового занятия я предоставляю на Ваше усмотрение. Сам же я считаю, что, вложив свой капитал в какое-нибудь коммерческое предприятие и прилежно трудясь, я мог бы преуспеть на этом поприще. Я так расстроен своим провалом, что у меня не хватает духу встретиться с Вами сегодня, но завтра я надеюсь выслушать ответ из Ваших собственных уст.

Том».

— Быть может, эта неудача окажется не такой уж и страшной,— задумчиво проговорил доктор, складывая письмо и устремляя взгляд на холодное пламя ноябрьского заката за окном.

ГЛАВА X

БОГЕМНОЕ ЖИЛИЩЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Никто из друзей отставного майора Тобиаса Клаттербека, служившего прежде в 119-м полку легкой пехоты, никогда не бывал у него дома. Правда, время от времени он мимоходом упоминал о своей «скромной обители» и даже любезно приглашал новых знакомых без стеснения заглядывать к нему, когда они окажутся в его краях. Однако эти приглашения не приводили ни к каким практическим результатам, поскольку майор предусмотрительно забывал упомянуть, где именно находятся вышеупомянутые края. И все же у приглашенных оставалось смутное ощущение, что им каким-то образом довелось воспользоваться гостеприимством майора, и порой они отплачивали ему менее эфемерной любезностью.

Бравый майор был постоянным украшением карточной комнаты «Бесхвостой лошади» и окна курительной клуба «Золотая молодежь». Высокий, важный, корпулентный, с одутловатым, бритым лицом, подпертым чрезвычайно высокими воротничками и старомодным галстуком, майор казался символом и воплощением респектабельного джентльмена средних лет. Цилиндр майора всегда отличался замечательным лоском. На сюртуке майора нельзя было подметить ни единой морщинки, и, короче говоря, нигде от лысой майорской макушки до ногтей на пухлых пальцах рук и подагрических пальцах ног самый взыскательный критик манер и одежды, даже сам прославленный Тервидроп, не сумел бы указать ни одного изъяна. Добавим к этому, что речь майора была столь же безупречна, как и его облик, а также, что он был заслуженным воином и бывалым путешественником, чья память казалась обширным хранилищем богатого опыта, приобретенного за долгую, изобиловавшую приключениями жизнь. Соедините все эти качества воеди-

но — и вы не усомнитесь, что знакомство с майором могло бы показаться весьма желательным и приятным.

Однако с огорчением приходится признать, что некоторые из тех, кто пользовался этой привилегией, придерживались прямо противоположного мнения. О майоре ходили слухи, бросавшие серьезную тень на его репутацию, и они получили такое распространение, что, когда бравый майор выставил свою кандидатуру в некий весьма аристократический клуб, он был позорнейшим образом забаллотирован, хотя его кандидатуру поддерживали лорд и баронет. На людях майор посмеивался над этим фиаско и, казалось, считал его забавной шуткой, которую сыграла с ним судьба, но в глубине души он негодовал и возмущался. Как-то раз он сбросил маску притворного равнодушия, играя на бильярде с высокородным Фунгусом Брауном, которому, как поговаривали, он был в значительной мере обязан своим провалом.

— Черт побери, сэр! — внезапно воскликнул ветеран, поворачивая побагровевшую физиономию к своему партнеру и выпячивая грудь.— В былые дни я вызвал бы вас всех, сэр, всю вашу проклятую братию, начиная от старшин и кончая всеми остальными. Да, вызвал бы, клянусь дьяволом!

Во время этой яростной тирады лицо высокородного Фунгуса побелело в той же мере, в какой побагровело лицо майора, и он от души пожалел, что, похваляясь в беседе с кое-какими знакомыми недоступностью вышеупомянутого клуба для выскочек-плебеев, он неосторожно привел в качестве доказательства неудачу майора.

Однако было бы не так просто объяснить, чем именно вызывалось то смутное недоверие, с которым многие относились к старому воину. Конечно, он играл на скачках и, по слухам, даже получал от служащих конюшни и от жокеев тайные сведения, нередко приносившие ему значительную выгоду, но ведь это отнюдь не было редкостью в обществе, в котором он вращался. Несомненно и то, что майор Клаттербек любил играть в вист по гинее за взятку и на бильярде на весьма значительные ставки, однако подобным азартным развлечениям предаются многие люди, которые в прошлом вели бурную жизнь и ищут острых специй, чтобы сдобрить будничное суще-

ствованне. Быть может, причииа заключалась в том, что умеине майора играть на бильярде в разиых случаях поразнтельиым образом меиялось н порой его скверная игра давала повод заподозрить, будто он, говоря языком посвященных, старается «взвинтить ставки». Суровое осуждение вызывала также горячая дружба, которая частенько завязывалась между старым воиином н пустоголовымн юнцами, которых ои любезио иачннал прнобщать к этой квазисветской жизни и учить, когда н каким образом им следует проматывать нх деньги. Возможио также предубеждеине против майора укреплялось н потому, что его резиденция инкому не была известна, да и вся его жнзнь за порогом различиых его клубов была окутана тайиой. И все же, как бы нн чериили его враги, оин ие могли отрнцать того факта, что Тобиас Клаттербек был третьим сыиом высокородиого Чарльза Клаттербека, который, в свою очередь, был вторым сыном графа Даиросса, чей род считался одним из самых древиих в Ирландии. Старый воии неизменно зиакомил со своей родословиой всех, кто его окружал, и непремеино — вышеупомяиутых пустоголовых юнцов.

И в тот деиь, о котором мы сейчас поведем рассказ, майор ораторствовал имеино иа эту тему. Стоя на верхней площадке широкой камеииой лестницы велнколепного дворца, который его обнтатели иепочтительио окрестили «Бесхвостой лошадью», он подробио рассказывал смуглому молодому человеку с бычьей шеей, какне имеино брачиые союзы в коице коицов завершились создаииeм его собствеиной корпулеитиой прямой фигуры. Собеседииком майора был не кто иной, как Эзра Гердлстон, младший компаньон прославлеиной фнрмы того же названия; прислонившись к колоине, он угрюмо выслушивал семейную хронику майора н время от времеии позевывал, даже не пытаясь этого скрывать.

— Это же ясио, как пять пальцев,— сказал старый вонн с такой хрнплой нрландской интонацией, словио его голос доиосился нз-под периньı.— Ну-ка, посмотрите, Гердлстои, вот мисс Летиция Сиеклс нз Сиеклтоиа, кузина старого сэра Джозефа...— Тут майор постучал серебряиым набалдашииком своей трости по большому пальцу, который должен был представлять девицу Снеклс.— Оиа выходит замуж за Крауфорда, лейб-гвардейца,—

за одиого из уорнкшнрскнх Крауфордов. Вот он,— тут ои подиял пухлый указательный палец,— а вот их трое детей: Джемнма, Гарольд н Джои (вверх поднялись еще три пальца). Джемнма Крауфорд вырастает, и Чарли Клаттербек похнщает ее. Второй мой большой палец представляет шалопая Чарли, а другие мои пальцы...

— Чтоб онн провалились, вашн пальцы! — с чувством воскликиул Эзра.— Все это очеиь интересно, майор, ио было бы гораздо яснее, еслн бы вы нзложнли этн сведения в пнсьменном вндe.

— Я так и сделаю, мой милый! — бодро воскликнул майор, иичуть не смутившись от того, что его столь грубо перебили.— Я нзложу все это иа большом листе бумагн. Дайте-ка вспомнить! Фенчерч-стрнт? Э? Пошлю вам, коиечио, в контору. Впрочем, достаточно написать «Гердлстои, Лоидон» —и пнсьмо вас иайдет. Я иа днях говорнл о вас с сэром Месгрейвом Муром — стрелковый полк, как вам известно,— н он сразу поиял, о ком идет речь. «Гердлстои?» — говорнт ои. «Он самый»,— говорю я. «Торговый магнат?» — говорит он. «Он самый»,— говорю я. «Я был бы счастлив познакомиться с ннм»,— говорнт он. «И познакомнтесь»,— говорю я.— Самая знатная семья в графстве Уотерфорд.

— Наверное, знатиости больше, чем деиег,— заметил молодой человек, поглаживая свои пушистые черные усы.

— Черт поберн! Так, да не так. Ои отправился в Калнфорнию и привез оттуда двадцать пять тысяч фунтов. Я встретил его в Лнверпуле в самый день его прнезда. «Мне этн деньги ни к чему, Тоби»,— говорнт он. «Что так?» — спрашиваю я. «Слишком мало,— говорит он.— Ровно столько, чтобы выбить меня нз колен». «И что ж ты думаешь делать?» — говорю я. «Поставнть их на фаворнта иа сеитлнджерскнх скачках»,— говорнт он. И поставнл — все до последнего гроша. А лошадь проиграла полголовы на самом фнннше. Джек спустил все двадцать пять тысяч за один деиь. Святая правда, сэр, клянусь честью! Ои пришел ко мие на следующнй деиь. «Ни гроша ие осталось»,— говорнт он. «Совсем ннчего?» — спрашиваю я. «Только одно»,— говорит ои. «Самоубийство?» — спрашиваю я. «Женитьба»,— говорнт ои. И не прошло и месяца, как ои женнлся на второй мисс Шат-

луорт — пять тысяч годового дохода да еще пять тысяч, когда лорд Дайджиесс протяиет ноги.

— Вот как? — лениво заметил его собеседник.

— Святая правда, кляиусь честью! И кстати... А, вон идет лорд Генри Ричардсон. Как поживаете, Ричардсои, как поживаете? Черт! Я помию Ричардсоиа еще в Клоигоусе, когда он был белобрысым мальчишкой и я, бывало, пускал в ход сапожную щетку, чтобы проучить его за дерзость. Ах, да! Я же собирался сказать... Чертовски иеприятиый случай... Ха-ха... Смешно, но очень досадио. Дело в том, мой милый, что второпях я забыл свой кошелек иа комоде в спальне, в моей скромной обители, а Джоррокс только что пригласил меня сыграть иа бильярде иа десятку. Но я отказался, потому что без денег в кармаие ие играю. Пусть Тобиас Клаттербек беден, мой дорогой друг, ио...— Тут майор выпятил грудь и постучал по ией круглым, похожим на губку кулаком,— он честен, и долги чести выплачивает сразу. Нет, сэр, про Тобиаса иикто ничего дурного ие скажет, только одио — что он старый дурак при половинном жалованье и сердца в нем побольше, чем ума. Впрочем,— прибавил он, внезапно меняя сентиментальный тон на деловой,— если вы, мой милый, одолжите мне эти деньги до завтрашнего утра, я с удовольствием сыграю с Джорроксом. Немного есть людей, кого я попросил бы о подобной услуге, и даже от вас я возьму деньги только иа самый короткий срок.

— Пусть вас это не беспокоит!— насмешливо ответил Эзра Гердлстон и, нахмурясь, принялся чертить тростью цифры на каменных ступенях.— Такой возможности вам ие представится. У меня есть правило — никому ие давать денег взаймы ни иа долгий срок, ни иа короткий.

— И вы ие одолжите мне такой пустячной суммы?

— Нет,— отрезал молодой человек.

На мгновение кирпично-бурое обветренное лицо майора вдруг потемнело еще больше, и карие глаза под густыми бровями бросили иа Эзру довольно злобный взгляд. Однако бравый воин сумел подавить свой гнев и громко захохотал.

— Черт побери! — хрипел он, шутливо тыкая молодого человека в бок своей тростью, которую за секунду

до этого приподнял так, словно собирался воспользоваться ею для другой цели.— Где уж бедному старому Тобиасу тягаться с вами, молодыми дельцами! Черт возьми! Остаться на мели из-за какой-то жалкой десятки! Вот будет хохотать Томми Хиткот, когда услышит об этом. Вы знакомы с Томми из 81-го полка? Он дал мне хороший совет: «Зашей по пятидесятифунтовой банкноте под подкладку всех своих жилетов и всегда будешь при деньгах». Я как-то попробовал его способ, и — черт побери! — мой проклятый лакей украл именно этот жилет да и продал его за шесть с половиной шиллингов. Как, вы уже уходите?

— Да, мне пора в Сити. Отец всегда уходит в четыре. Всего хорошего. Мы вечером увидимся?

— Как обычно, в карточной комнате,— ответил майор.

Он смотрел вслед своему недавнему собеседнику с выражением, которое никак нельзя было назвать приятным. Приближаясь к углу, молодой человек оглянулся, и майор с отеческой улыбкой весело помахал ему тростью.

Старый солдат продолжал стоять у дверей клуба, выпятив грудь, внушительный и респектабельный, и казалось, что его нарочно выставили здесь в назидание прохожим, как образчик аристократов, пребывающих в этих стенах. Он несколько раз пытался поведать проходившим мимо членам клуба о приключившейся с ним беде: об ожидающем Джорроксе и забытом кошельке. Однако, если не считать веселых шуточек, на которые не скупилась молодежь (майор по каким-то своим соображениям добровольно становился мишенью для насмешек), его похвальная настойчивость не принесла никаких плодов. Наконец он угрюмо смирился с судьбой, подняв трость, остановил проезжавший мимо омнибус и быстро вскочил в него, предварительно оглянувшись, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. Когда омнибус доставил его в дальний конец Сити, он вышел на широкой шумной улице, по обеим сторонам которой высились большие магазины. Свернув в узкий проход, майор вскоре очутился на длинной мрачной улице, которая тянулась параллельно вышеуказанной магистрали и была так же не похожа на нее, как оборотная сторона картины на яркие краски, обращенные к зрителю. Майор, сохраняя все тот же

внушительный вид, прошествовал между двумя рядами высоких закопченных домов и остановился перед одним из самых мрачных, окна которого пестрели билетиками с предложениями «меблированных комнат». Решетка, отделявшая дом от тротуара, была ржавой и сломанной, а внутри стоял запах плесени. Майор быстро поднялся по каменным ступеням, истертым подошвами бесчисленных поколений жильцов, и, распахнув большую облупившуюся дверь с медной дощечкой, сообщавшей, что заведение это принадлежит некоей миссис Робинс, вошел в переднюю с видом человека, возвращающегося к себе домой. Он поднялся на второй этаж, поднялся на третий этаж и только на площадке четвертого отворил одну из дверей и очутился в небольшой комнате — это и была та «скромная обитель», о которой в клубе он имел обыкновение поминать с таким искусным пренебрежением, что слушатель никак не мог решить, является ли майор счастливым хозяином большого поместья или просто владеет прекрасной виллой в одном из пригородов. Но даже это не слишком обширное убежище принадлежало не только майору, что доказывалось присутствием румяного человека с длинной светло-каштановой бородой, который, сидя у холодного камина, попыхивал длинной трубкой с фарфоровым чубуком и вел себя с непринужденностью, свидетельствовавшей, что он здесь отнюдь не гость. При появлении майора курильщик, не вынимая трубки изо рта, издал приветственный возглас, а бравый воин ответил ему небрежным кивком. После чего он поспешил снять свой великолепный цилиндр и бережно уложил его в шляпную картонку, затем он столь же осторожно снял сюртук, воротничок, галстук и гетры и также убрал их. Закончив все эти манипуляции, он облачился в длинный лиловый халат, надел шапочку и в этом наряде исполнил несколько па мазурки, чтобы показать, какое он испытывает облегчение.

— Хотя танцевать, мой милый, и нет причины! — объявил майор, усаживаясь на складной стул и кладя ноги на второй такой же стул.— Черт подери! Мы совсем на мели. Если счастье нам не улыбнется, неизвестно, что с нами будет.

— Нам уже не раз бывало более плохо, чем сейчас,—

ответил рыжебородый человек, чье произношение сразу выдавало в нем немца.— Мои деньги придут, или вы выиграете, или что-нибудь случится, чтобы все хорошо стало.

— Будем надеяться! — с чувством сказал майор.— Какое облегчение сбросить эту накрахмаленную сбрую! И все-таки ее нужно беречь, потому что мой портной — чтоб ему пусто было! — не желает шить мне в кредит, а наличными что-то не пахнет. Без хорошего костюма я ведь буду как мусорщик без метлы.

Немец проникновенно кивнул и пустил в потолок большой клуб синего дыма. Зигмунд фон Баумсер бежал из фатерланда по причинам политического характера, а теперь вел иностранную корреспонденцию небольшой лондонской фирмы, и это занятие спасало его от голодной смерти. Они с майором снимали комнаты в разных домах, пока их не свел случай, обычный для царства богемы. Сходные обстоятельства поставили их перед необходимостью покинуть прежние жилища, и майору пришло в голову, что, поселившись с фон Баумсером, он сократит свои расходы и в то же время обзаведется приятным собеседником — бравый ветеран в свободные часы был человеком общительным и, как большинство ирландцев, не терпел одиночества. Этот план понравился немцу, который искренне восхищался разнообразными талантами и житейским опытом майора, — он что-то буркнул в знак согласия, и дело было решено. Когда счастье улыбалось майору, в комнатушке на четвертом этаже воцарялось изобилие. С другой стороны, когда везло немцу, майор разделял с ним этот подарок судьбы. Когда же вслед за днями благополучия вновь наступали суровые времена, оба они переносили их мужественно и терпеливо. Майор иногда скрашивал темные часы, описывая великолепие расположенного в графстве Майо замка Данмор, родового поместья Клаттербеков. «Мы еще поживем там, мой милый,— говаривал он, хлопая приятеля по спине,— он еще будет моим, от темниц, расположенных в сорока футах под землей,— черт побери!— до флагштока, на котором реет эмблема верности и преданности!» И, слушая эти речи, простодушный немец довольно потирал красные ручищи и радовался так, словно ему преподнесли в вечное владение этот самый замок.

— Ну как, вы получили ваше письмо? — с интересом спросил майор, свертывая папиросу. Раз в четыре месяца немец получал вспомоществование от друзей, оставшихся на его родине, и теперь они оба нетерпеливо ожидали этих денег.

Фон Баумсер покачал головой.

— Ах, чтоб их! Они уже на неделю запаздывают. Вам бы следовало устроить штуку на манер Джимми Таулера. Вы не были знакомы с Таулером, сапером? Когда мы с ним служили в Канаде, он однажды совсем взбесился, потому что его дядюшка, старый сэр Оливер, задержал присылку денег. «Черт побери, Тоби, — говорит он мне, — я подогрею старого мошенника!» И вот он садится и сочиняет письмо дядюшке и заявляет, что тот не умеет вести дела и разорит их всех, ну и дальше все в том же роде. Когда сэр Оливер получил это письмо, он пришел в такую ярость, что только начал диктовать приписку к своему завещанию, как его хватил удар, и Джимми унаследовал чистенькие семь тысяч годового дохода.

— Больше, чем ему полагалось по заслугам, — заметил немец. — Ну, а вы... У вас как с деньгами?

Майор Клаттербек вытащил из кармана брюк десять соверенов и разложил их на столе.

— Вы знаете мое правило, — сказал он, — ни под каким видом не разменивать эти золотые. С меньшим играть не сядешь, а разменяй я хоть один — и они все тут же улетучатся. А когда я снова накоплю такой капиталец, одному богу известно! Кроме же этих денег, у меня нет ни пенса.

— И у меня нет, — грустно сказал фон Баумсер, хлопая себя по карману.

— Ничего, мой милый! Посмотрим-ка, что имеется в общем кошельке. — И майор заглянул в кожаную сумочку, висевшую на медном гвозде на стене.

В дни преуспеяния они имели обыкновение откладывать в эту сумочку мелочь «на черный день».

— Я боюсь, что не так уж много, — сказал немец, печально покачивая головой.

— Ну, в такой унылый вечер нам не мешало бы и встряхнуться. Пошлемте-ка за бутылочкой шипучего, а?

— Денег мало, — заспорил немец.

— Ну что ж, возьмем что-нибудь подешевле. Вот, например, бургундское. Утешительное питье. Ну что ж... Разопьем бутылочку бургундского и заплатим из общего кошелька?

— Денег мало,— упрямо повторил немец.

— Ну что ж! Пусть будет кларет. По такой погоде это даже и лучше. Ну как, пошлем Сьюзен за бутылкой кларета?

Немец снял сумочку с медного гвоздя и, перевернув, встряхнул ее. На стол выкатились трехпенсовик и пенни.

— Это все,— сказал он.— На кларет не хватит.

— Зато хватит на пиво!— радостно воскликнул майор.— Самое время выпить кварту за четыре пенса. Старик Гилдер, когда я служил под его командованием в Индии, всегда приговаривал, что человек, который в тяжелую минуту побрезгует пивом и глиняной трубкой, либо дурак, либо фат. А сам он в офицерском собрании курил только глиняную трубку. Дрейпер, который командовал нашей дивизией, сказал ему, что он роняет звание офицера. «А ну его к черту, звание офицера!»— ответил старик и чуть было не угодил за это под военный суд. Он получил Крест Виктории при Уоррисе и был убит под Севастополем.

В ответ на звонок в комнату вошла неряшливая служанка в стоптанных башмаках и, получив заказ вместе со всем объединенным капиталом двух приятелей, вскоре вернулась с пенящимися пинтовыми кружками. Покуривая папиросу, майор погрузился в какие-то размышления — по-видимому, неприятные, потому что лицо его посуровело, а брови сдвинулись. Наконец он выругался и сказал:

— Черт побери, Баумсер! Этот щенок Гердлстон доводит меня до белого каления. Придется мне с ним раззнакомиться. Это такая бездушная, черствая, расчетливая скотина, что... — Окончание этой фразы утонуло в пивной кружке майора.

— Так для чего же вы сделали его своим другом?

— Да видите ли,— признался старый воин,— мне показалось, что раз уж он хочет спускать свои деньги за картами и другими такими же развлечениями, так Тобиас Клаттербек может ими попользоваться не хуже другого. Да только он хитер, как сотня обезьян. Играет

осторожно и по маленькой, а уж своего никогда не упустит. Черт подери! Пожалуй, мне от этого знакомства одни убытки. А уж репутация моя от него наверняка пострадала, тут сомнений нет.

— А чем он такой плохой?

— Чем! Когда он старается быть приятным, это получается неестественно, а когда он ведет себя естественно, то становится весьма неприятным. Я себя за святого не выдаю. Я жил весело, да и в будущем, надеюсь, поживу не хуже, но есть вещи, до которых я не унижусь. Если я и живу на карточные выигрыши, так играю-то я честно! И расчет у меня один — на свое умение, а оно меня не подводит, если взять итоги не за один вечер, а за весь год. И пусть на бильярде я не всегда играю так, как мог бы: это называется стратегией. Незачем показывать всем и каждому, какого ранга ты игрок. Нет, я соломинки в чужом глазу не считаю, но этот молодчик мне не нравится, и его красная наглая физиономия мне тоже не нравится. Я всю жизнь разгадываю характер людей по их лицам и ошибаюсь, надо сказать, редко!

Фон Баумсер ничего не ответил, и некоторое время приятели молча курили, иногда прикладываясь к своим кружкам.

— А в обществе он меня только компрометирует,— вновь заговорил майор.— Если бы он хоть умел молчать, так еще ничего бы, но из него так и лезет торгаш. Попади он в рай, так сразу открыл бы там прокатную контору с арфами и венками. Я вам рассказывал, что̀ сказал мне в клубе высокородный Джек Гиббс? Черт, он говорил без всяких экивоков! «Милый мой,— сказал он,— против вас я ничего не имею. В конце-то концов вы человек нашего круга, но если вы когда-нибудь еще познакомите со мной субъекта вроде этого, то в дальнейшем я перестану кланяться не только с ним, но и с вами». А я познакомил их, чтобы привести этого мерзавца в хорошее расположение духа, рассчитывая произвести у него маленький заем, что было бы, как вам известно, весьма желательно.

— Как, вы сказали, его фамилия? — вдруг спросил фон Баумсер.

— Гердлстон.

— Его отец кауфман?

— Что это еще за кауфман, черт подери? — с досадой осведомился майор.— Может быть, торговец?

— А, да! Торговец. Тот, кто торгует с Африкой?

— Он самый.

Фон Баумсер извлек из внутреннего кармана объемистую записную книжку и принялся проглядывать длинный список каких-то фамилий.

— Да-да, верно! — воскликнул он наконец с торжеством и, захлопнув книжку, вновь положил ее в карман.— «Гердлстон и К°», кауф... то есть торговцы, ведущие торговлю с Африкой, Фенчерч-стрит, Сити.

— Все так.

— И вы говорите, что они богаты?

— Да.

— Очень богаты?

— Да.— Майору начало казаться, что его приятель злоупотребил в его отсутствие каким-то горячительным напитком: на его лице заиграла загадочная улыбка, а рыжая борода и спутанная шевелюра, казалось, дыбились от снедавшего его возбуждения.

— Очень богаты! Хо-хо! Очень богаты! — И немец расхохотался.— Я их знаю. Не как друзей, избави бог! Но я их знаю и все их дела.

— К чему вы клоните? Объясните! Ну объясните же!

— Я вам скажу,— ответил немец, вдруг обретая глубокую серьезность и взмахами руки подчеркивая каждое произносимое им слово.— Три-четыре месяца, но только не больше года, и фирма «Гердлстон» больше не будет существовать. Они прогнили, еле стоят — фу-у-у!— И он подул на воображаемую пушинку, чтобы показать всю непрочность этой фирмы.

— Вы с ума сошли, Баумсер!— воскликнул майор.— Да ведь у них безупречная репутация. В Сити они слывут солиднейшим предприятием.

— Не спорю, не спорю,— невозмутимо ответил немец.— Только я знаю, что знаю, и говорю, что говорю.

— А откуда вы это знаете? Неужто вы станете утверждать, будто вам известно больше, чем биржевым воротилам и фирмам, которые ведут с ними дела?

— Я знаю, что знаю, и говорю, что говорю,— повторил немец.— Этот табачник Бергер есть мошенник. В этой

жестянке табака — треть одна вода. Только и делает, что гасит.

— Так вы не скажете мне, где вы слышали, что Гердлстоны на краю разорения?

— Вам это не объяснит ничего. Достаточно, что мои слова — это верно. Скажем только, что имеются люди, которые должны говорить другим людям все, что они знают, о чем бы они ни знали.

— Теперь вас и вовсе понять невозможно,— проворчал старый воин.— Наверное, вы имеете в виду, что всякие там тайные общества и социалисты сообщают друг дружке все свои новости, располагая к тому же особыми способами получать тайные сведения?

— Может быть, так, а может быть, не так,— ответил немец все тем же торжественным тоном.— Я подумал, мой добрый друг Клаттербек, что я вам, как бы то ни было, предоставлю, как это у вас говорится, первоисточные сведения. Всегда полезно иметь первоисточные сведения.

— Спасибо, мой милый! — весело сказал майор.— Ну, если дела фирмы плохи, этот молодчик либо ничего не знает, либо он прирожденный актер, каких свет еще не видывал... Черт побери! Звонят к ужину; поторопимся, не то весь хлеб с маслом уже съедят.

Миссис Робинс кормила своих жильцов ужином, взимая за это довольно незначительную сумму с головы. Однако хлеб с маслом подавался к столу в весьма ограниченных количествах, и опоздавшие видели перед собой лишь пустое блюдо. Наши приятели придавали этому обстоятельству столь существенное значение, что, отложив на время обсуждение гердлстоновской фирмы, торопливо спустились в обеденный зал.

ГЛАВА XI

СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ

Хотя в коммерческих кругах никто ничего не подозревал, все же пророчества фон Баумсера, касавшиеся судьбы прославленного торгового дома «Гердлстон», имели некоторые основания. Последнее время положение фирмы стало весьма шатким. Если же зоркий глаз май-

ора Тобиаса Клаттербека не сумел подметить ничего странного в манере и поведении младшего партнера, то объяснялось это полной неосведомленностью Эзры относительно нависшей над ним угрозы. Он искренне считал, что их предприятие процветает и преуспевает, как в год смерти Джона Харстона. Роковой секрет был надежно укрыт в груди его сурового отца, который, подобно спартанскому мальчику, спрятавшему под одеждой лисицу, ни словом, ни жестом не выдавал тревоги, грызшей его сердце. Зная, что надвигается разорение, Гердлстон отчаянно боролся, пытаясь предотвратить его, но действовал хладнокровно и осторожно, используя все средства. Но больше всего он старался — и старания его увенчались успехом — помешать тому, чтобы в Сити узнали о критическом положении фирмы. Старый коммерсант прекрасно понимал, что стоит возникнуть неблагоприятным слухам, и его уже ничто не спасет. Говорят, раненого бизона добивает его же стадо, и точно так же попавший в тяжелое положение делец должен оставить всякую надежду на спасение, если это станет известно его собратьям. Однако до сих пор, несмотря на то, что фон Баумсер и несколько других таких же изгнанников без роду и племени каким-то образом проведали об истинном положении дел, в коммерческих кругах имя Гердлстона по-прежнему оставалось символом деловой честности и солидности. В конторе на Фенчерч-стрит, казалось, заключалось гораздо больше сделок, а жизнь в особняке на Эклстон-сквер обставлялась еще большей роскошью, чем в прежние дни. И только суровый, молчаливый глава фирмы знал, как обманчив этот блеск и какую бездну он скрывает.

На краю банкротства они оказались по многим причинам. Фирму постигло несколько значительных неудач, часть которых была известна всем, а остальные — лишь старшему Гердлстону. Несчастья, известные миру, принимались с таким глубочайшим стоицизмом и бодростью, что они скорее даже упрочили репутацию торгового дома. Но неизвестные беды были гораздо серьезнее, и переносить их было значительно тяжелее.

Теперь западное побережье Африки регулярно посещали многие прекрасные суда из Ливерпула и Гамбурга, и в результате конкуренции фрахтовые цены сни-

знлись до минимальиого уровня. Там, где прежде Гердлстоиы былн чуть ли ие моиополнстамн, в последнне годы у иих появилось миожество сопериихов. Да н местные жители за это время кое-чему иаучились н иачали разбираться в делах, так что о прежиих колоссальиых прибылях ие могло быть и речи. Те дии, когда кремневые ружья н манчестерские снтцы можно было обменивать по весу иа слоиовую кость и золотой песок, безвозвратио ушли в прошлое.

Кроме того, фирму «Гердлстои» постнгли и другне иеудачи, ие связаиные с вышеупомяиутыми общими причииамн. Убедившись, что прннадлежащне ему парусиые суда слншком тихоходиы, чтобы сопернннчать с современными, коммерсант приобрел два отлнчных парохода — «Провидеиие», прекрасное вннтовое судио водоизмещеиием в тысячу двести тонн, и «Вечернюю звезду» иесколько меиьшего водоизмещення. Оба этн парохода зиачились в списках Ллойда как первоклассные. «Провидеиие» обошлось фирме в двадцать две тысячи фунтов, а «Вечерняя звезда» — в семнадцать тысяч. Однако мистер Гердлстои всю жнзнь нмел слабость экономнть по мелочам, н иа этот раз ои решил не застраховывать свои новые суда. Еслн старые, дырявые лохаин, за которые он в расчете иа будущую прибыль ежегодио виоснл огромиые страховые суммы, продолжают плавать как ии в чем ие бывало, так уж этим новым, могучнм пароходам иичто ие страшио. Ему казалось, что их размеры и мощиые машииы надежио предохранят их от всех опасиостей, которые можио встретить в море. Одиако по одиой из тех страииых случайиостей, внушающих веру, будто морской стихией правнт какой-то злокозненный демои, «Вечерняя звезда», возвращаясь нз своего второго плавания, столкнулась в густом тумане в Ла-Манше с «Провнденнем», которое вышло в это утро нз Лнверпула в свой третий рейс. «Провидеиие», разрезанное почтн пополам, через пять миичт затонуло, прнчем погиб капитан н шесть человек команды, а «Вечерняя звезда» получнла такие пробоииы в иосовой частн, что, полузатоплеииая, еле добралась до Фалмута. Это столкновенне обошлось фирме в тридцать пять тысяч фуитов.

Несчастья преследовалн фнрму не только в ее торговых делах. Старший партиер без ведома младшего на-

чал спекулировать иа бирже с самыми роковыми последствиями. Ои вложил большие деньги в иекий корнуэлский рудник, который вначале прииосил большие доходы, но вскоре внезапно истощился, так что акции упали почти до иуля. Никакая фирма не могла бы выдержать подобиой цепи катастроф, и гердлстоновский торговый дом ие составлял исключеиия. До этих пор Джон Гердлстон иичего ие говорил сыну. Он принимал все возможные меры, чтобы как-то покрыть убытки, и всячески оттягивал тот иеизбежиый деиь, когда ему придется открыть Эзре истнниое положение вещей. Вопреки очевидности ои пытался внушить себе, что какая-нибудь приятная неожиданность или прибытие особо цениого груза с побережья еще могут поставить фирму на ноги.

Со дня иа день он ожидал известия от одного из своих судов. И вот как-то утром в контору принесли телеграмму. Коммерсант иетерпеливо распечатал ее, потому что она была помечеиа Мадейрой. Его агент Хосе Альвесирас сообщал, что плавание, на которое возлагались такие иадежды, оказалось крайне иеудачным. Груз еле-еле покрывал расходы. Когда Гердлстои дочитал телеграмму до конца, он прижался лбом к столу и застонал. Рухнула еще одна подпорка, стоявшая между ним и разорением.

Рядом с телеграммой лежало еще три письма, но и в них он не нашел ничего утешительного. Одно было от управляющего банком с извещением, что он несколько превысил свой кредит. В другом страховое агентство Ллойда иапоминало ему, что полисы на два его судна будут аннулированы, если он к такому-то сроку не погасит задолженности. Над фирмой собирались черные тучи, и все же старый коммерсант готовился встретить их с неколебимым мужеством. Ои сидел один в своем маленьком кабинете, опустив голову на грудь, и косматые брови иад проницательиыми серыми глазами угрюмо сдвинулись. Ему было ясно, что настало время открыть сыиу истинное положеиие их дел. Быть может, с помощью Эзры он сумеет осуществить плаи, который уже иесколько месяцев зрел в его мозгу.

Гордому и суровому старику нелегко было призиаться сыиу в том, что без его ведома ои спекулировал капи-

талами фирмы и лишился большей их части. Эти спекуляции обещали значительные прибыли, и Джон Гердлстон изымал деньги из надежных предприятий в расчете на более высокие дивиденды. Он отлично понимал весь связанный с этим риск и, зная, как осторожен и консервативен был его сын в том, что касалось биржевой игры, никогда не советовался с ним относительно вышеупомянутых вкладов и не заносил потраченные суммы в счетные книги фирмы. Вот почему Эзра даже не подозревал о грозившей им опасности, но теперь старший Гердлстон хотел заручиться энергичной поддержкой сына в задуманном им предприятии, а для этого должен был открыть ему глаза на всю отчаянность их положения.

Едва старик принял это решение, как в конторе послышались тяжелые шаги его сына, а затем и резкий голос Эзры, выговаривавшего клеркам. Минуты через две обитая зеленой бязью дверь распахнулась, молодой человек вошел в кабинет и сердито швырнул пальто и шляпу на стул. По-видимому, он был в очень дурном настроении.

— Доброе утро,— сказал он коротко, кивая отцу.

— Доброе утро, Эзра,— ласково ответил коммерсант.

— Что с вами, отец? — спросил сын, пристально на него посмотрев.— Вы на себя не похожи, и уже не первый день.

— Деловые заботы, мой мальчик, деловые заботы! — устало вздохнул Джон Гердлстон.

— Это все здешний гнусный воздух,— раздраженно бросил Эзра.— Даже на мне он и то сказывается. Почему бы вам не приобрести небольшое поместье, куда можно было бы пригласить приятеля пострелять, и чтобы был хороший бильярд и все прочее? А мы бы уезжали туда на субботу и воскресенье подышать свежим воздухом. Сколько есть людей, которым это далеко не так по карману, и все же они обзаводятся загородными домами. Какой смысл иметь хороший вклад в банке, а жить не лучше своих ближних!

— Я могу возразить на это только одно,— хрипло сказал коммерсант с вынужденным смешком.— У меня нет хорошего вклада в банке.

— Ну, во всяком случае, он недурен, весьма недурен! — уверенно возразил сын и, взяв узкую тонкую кни-

гу, в которую заносился торговый баланс фирмы, принялся постукивать ею по столу.

— Цифры в ней не совсем точны, Эзра,— продолжал его отец совсем хрипло.— Мы вовсе не располагаем такой суммой.

— Как?!— рявкнул младшнй партнер.

— Ш-ш-ш! Не дай бог услышат клерки! Мы ие располагаем такими деньгами. У нас нх очень мало. По правде говоря, Эзра, в банке у нас нет почти ничего. Все истрачено.

Несколько секунд Эзра смотрел на отца, окаменев от неожиданности. Недоверие на его лице тотчас исчезло, едва он понял, что старик не шутит, и дикая злоба до неузнаваемости исказила его черты.

— Безмозглый дурень! — взвизгнул он, подняв книгу, и бросился к отцу, словно собираясь его ударить.— Теперь мне все ясно! Ты спекулировал тайком от меня, проклятый осел! Куда ты девал деньги?— И, схватив отца за воротник, он принялся в бешенстве его трясти.

— Не смей ко мне прикасаться! — вскричал старший партнер, вырываясь из цепких рук сына.— Я распорядился этими деньгами насколько мог лучше. Как ты смеешь так со мной разговаривать?

— Насколько мог лучше! — прошипел Эзра, яростно швыряя книгу на стол.— А по какому праву вы спекулировали без моего ведома, а мне внушали, будто я знаю все дела фирмы? Разве я вас не предупреждал сотни раз, что это опасная игра? Вам просто нельзя доверять деньги.

— Вспомни, Эзра,— с достоинством произнес его отец, вновь опускаясь в кресло, с которого вскочил, вырываясь из хватки сына.— Вспомни, что я потерял те деньги, которые сам же и нажил. Когда ты родился, фирма уже процветала. В самом худшем случае тебе только придется начать с того, с чего начинал я. Но ведь нам еще далеко до разорения.

— Только подумать!— вскричал Эзра, бросаясь на кожаный диван и закрывая лицо руками.— Только подумать, как я рассказывал всем о нашем состоянии, о нашем богатстве! Что теперь будут говорить Клаттербек и члены клуба? Разве я могу отказаться от жизни, к которой привык? — Тут он сжал руки и, повернувшись к

старику, заговорил с жаром: — Мы должны вернуть наши капиталы, отец! Должны! Любой ценой, любыми средствами! И должны это сделать вы, потому что вы же их и потеряли. Что мы можем предпринять? И много ли у нас времени? А в Сити про это уже известно? Как же я теперь покажусь на биржу? — бессвязно бормотал Эзра, приходя в исступление при мысли о том, какое будущее его ждет.

— Успокойся, Эзра! Ну, успокойся же! — уговаривал его Гердлстон.— У нас остается еще немало возможностей, только надо умно ими воспользоваться. Что толку сетовать о прошлом? Я готов признать, что поступил дурно, употребив эти деньги без твоего ведома, но побуждения мои были самыми благими. Теперь же нам следует вместе хорошенько подумать о том, как возместить наши потери, а для этого есть несколько путей. Тут мне нужна помощь твоего ясного, делового ума.

— Жаль, что вы вспомнили про него только теперь,— угрюмо заметил Эзра.

— За свою ошибку я понес наказание,— кротко сказал его отец.— Изыскивая выход из нашего горестного положения, мы должны помнить, что всегда можем воспользоваться нашим кредитом, к которому еще никогда не прибегали. Так мы раздобудем средства, чтобы осуществить наши будущие планы.

— Много ли будет стоить наш кредит, когда станет известно, что нам грозит банкротство?

— Но это не может стать известным! Никто ничего не подозревает. В худшем случае подумают, что на наших делах сказался временный застой в торговле, но узнать печальную истину не может никто. Только ради всего святого, как-нибудь сам нечаянно не проговорись!

Эзра сердито выругался. Землистые щеки Гердлстона покраснели, а глаза гневно блеснули.

— Следи за тем, какие выражения ты употребляешь, Эзра! Моему терпению есть предел, хотя я и готов многое извинить тебе, понимая, как тебя поразило известие о катастрофе, в которой действительно виноват я.

Молодой человек пожал плечами и начал нетерпеливо постукивать каблуком по полу.

— Я вижу несколько возможностей вернуть наше прежнее состояние,— сказал коммерсант.— Если нам

удастся раздобыть достаточно денег, чтобы удовлетворить наших нынешних кредиторов и дождаться конца этой полосы неудач, счастье нам улыбнется и все будет хорошо. И прежде всего, мой мальчик, я хотел бы задать тебе один вопрос. Что ты думаешь о дочери Джона Харстона?

— Девушка как девушка,— коротко ответил молодой человек.

— Прекрасная девушка, Эзра, прекрасная и к тому же богатая, хотя в моих глазах ее деньги — ничто по сравнению с ее добродетелями.

Младший Гердлстон недобро усмехнулся.

— Разумеется,— сказал он с досадой.— Ну, а что дальше? При чем здесь она?

— При том, Эзра, что из всех девушек мира ее я всего охотнее назвал бы своей невесткой. Ах, плут! Ты прекрасно знаешь, что тебе ничего не стоит покорить ее!— И старик с неуклюжей игривостью погрозил сыну длинным костлявым пальцем.

— Ах, так вот что вы задумали! — отозвался младший партнер, злобно улыбаясь.

— Да, это один из способов покончить с нашими затруднениями. Ее сорока тысяч фунтов с избытком хватит, чтобы спасти фирму. А ты к тому же приобретешь очаровательную жену.

— Да, но есть немало других девушек, из которых выйдут очаровательные жены,— отрезал его сын.— Холостая жизнь мне еще не надоела.

— Но это же абсолютно необходимо,— настаивал его отец.

— Ах, необходимо! — в бешенстве перебил его Эзра.— Я свяжу себя на всю жизнь, а вы воспользуетесь ее деньгами, чтобы исправить свои же ошибки! Чудесное разделение труда, ничего не скажешь!

— Фирма принадлежит тебе так же, как и мне. И в твоих интересах вложить в нее деньги, потому что ее банкротство разорит не только меня, но и тебя. Как, по-твоему, ты можешь добиться ее согласия, если захочешь?

Эзра самодовольно погладил темные усы и повернулся к зеркалу над камином, чтобы взглянуть на свое дерзкое красивое лицо.

— Если уж мы будем вынуждены прибегнуть к подобному средству,— сказал он,— мне кажется, за успех я могу ручаться. И она недурна собой. Но вы ведь сказали, что у вас есть несколько планов. Так сначала обсудим остальные. Если другого выхода не останется, я, быть может, соглашусь и на этот, но, разумеется, на условии, что деньгами буду распоряжаться я один!

— Ну, конечно, конечно,— поспешил сказать его отец.— Я знал, что ты почтительный, любящий сын. И ты прав: если все остальное нам не поможет, у нас в запасе всегда будет этот выход. А пока я намерен занять столько денег, сколько позволит наш кредит, и вложить их в выгодное предприятие, которое принесет большие барыши в самом ближайшем будущем.

— Каким же образом? — с сомнением спросил сын.

— Я намерен,— сказал Джон Гердлстон, торжественно вставая и опираясь локтем о каминную полку,— я намерен устроить корнер на алмазах.

ГЛАВА XII

КОРНЕР НА АЛМАЗАХ

Джон Гердлстон объявил об этом намерении с такой гордостью и так многозначительно, словно рассчитывал поразить сына. И он добился того, чего хотел: Эзра широко открыл глаза от удивления.

— Корнер на алмазах? — повторил он.— Как же вы его устроите?

— Тебе, конечно, известно, что такое биржевой корнер,— начал его отец.— Если человек скупает, например, весь хлопок или сахар, какой только есть на рынке, с тем, чтобы сосредоточить весь товар в своих руках и потом продавать его по собственной цене, это называется сделать корнер на сахаре или на хлопке. Я же намерен сделать корнер на алмазах.

— Разумеется, я знаю, что такое корнер,— раздраженно перебил Эзра.— Но каким образом вы сумеете скупить все алмазы? Для этого нужен капитал по крайней мере Ротшильда!

— Нет, мой мальчик, значительно меньший, потому что одновременно на рынке бывает не так уж много алма-

зов. Цена регулируется поступлениями с южноафриканских копей. Эта мысль пришла мне в голову довольно давно, и я изучил вопрос. Разумеется, я даже и не стану пытаться скупать все алмазы, имеющиеся на рынке. Даже незначительная их часть принесет достаточную прибыль, чтобы фирма вновь встала на ноги.

— Но если вы приобретете лишь часть алмазов, то каким же образом вам удастся повлиять на рыночную их цену? Вы не сможете продавать дороже остальных держателей.

— Ха-ха! Прекрасно! Прекрасно! — воскликнул старый коммерсант, добродушно покачивая головой.— Но ведь ты еще не знаешь, в чем заключается мой план. Ты не понял самой сути. Вот слушай, я объясню.

Эзра снова развалился на диване, всем своим видом показывая, что подчиняется необходимости. Гердлстон по-прежнему стоял на половичке у камина и говорил медленно и веско, словно излагал результаты долгих и тщательных размышлений.

— Видишь ли, Эзра,— начал он,— алмазы, как очень ценный товар, поступающий на рынок лишь в весьма ограниченном количестве, чрезвычайно чувствительны ко всякого рода влияниям, и в их цене наблюдаются значительные колебания. Какой-нибудь пустяк может снизить их цену чуть ли не вдвое или, наоборот, взвинтить ее.

Эзра Гердлстон хмыкнул, показывая, что следит за рассуждениями отца.

— Когда я был моложе, я одно время занимался алмазами и имел возможность наблюдать, как колеблется их цена. И есть одно обстоятельство, которое неизменно приводит к снижению этой цены, а именно: известие о том, что где-то обнаружены новые алмазные россыпи. Стоит возникнуть подобному слуху, и камни сразу обесцениваются. Когда недавно алмазы были найдены в Центральной Индии, это сильно сказалось на рынке, и цены с тех пор так и не поднялись до прежнего уровня. Ты понимаешь, что̀ я имею в виду?

На лице Эзры давно уже появилось выражение интереса, и он кивнул, показывая, что слушает внимательно.

— А теперь предположим,— продолжал старший партнер с улыбкой на тонких губах,— что вновь пройдет такой слух. И предположим, что мы, пока рынок будет

охвачен депрессией, приобретем алмазов на значительную сумму. В таком случае, если слухи об открытии новых россыпей в дальнейшем не подтвердятся, приобретенные нами камни вновь подорожают, и мы сможем удвоить или даже утроить вложенные в них деньги. Тебе ясен ход событий?

— По-моему, тут слишком много всяких «предположим»,— заметил Эзра.— Как мы можем угадать наперед, что возникнут такие слухи? А если даже они и возникнут, то откуда нам знать, что в дальнейшем они не подтвердятся?

— Откуда нам знать? — повторил коммерсант, и его длинное худое тело затряслось от сдерживаемого смеха.— Видишь ли, мой милый, если мы сами распустим эти слухи, так у нас будут все основания считать их ложными. Ну, что скажешь, Эзра? Ха-ха! Как видишь, старик еще не совсем поглупел.

Эзра посмотрел на отца ошеломленно, но не без восхищения.

— Черт побери! — воскликнул он.— Это же мошенничество, и, быть может, даже подсудное.

— Мошенничество? Ерунда!— Коммерсант презрительно щелкнул пальцами.— Это тонкая биржевая игра, мой мальчик, ловкий ход. И скажи, пожалуйста, кому удастся ее проследить? Я еще не обдумал всех частностей — для этого мне нужна твоя помощь, но вот мой план в общих чертах. Мы посылаем надежного человека куда-нибудь на край света — в Анды или на Урал. Куда именно, не так уж важно, лишь бы подальше. Прибыв на место, наш агент пустит слух, что он отыскал там алмазы. Если он сочтет необходимым, мы можем даже снабдить его двумя-тремя камнями, чтобы он их там где-нибудь закопал, а потом выкопал для придания правдоподобности своей истории. Разумеется, местная пресса подымет шум. Он, скажем, может преподнести один из найденных камешков издателю ближайшей газеты. Со временем цветистое описание нового месторождения алмазов достигнет Лондона, а затем и Капской колонии. Я готов поручиться, что цена на алмазы тут же стремительно упадет. А мы пошлем на капские алмазные поля второго агента, и он скупит как можно больше камней, пока будет продолжаться паника. Затем, когда выяснится, что

произошла ошибка, цены, естественно, вновь подымутся, и мы выручим за наши алмазы кругленькую сумму. Вот что я имел в виду, когда говорил, что намерен устроить корнер на алмазах. Никакой просчет тут невозможен. Все точно, как какая-нибудь теорема Эвклида, и осуществить мой план будет не труднее, чем доказать такую теорему.

— Звучит очень заманчиво,— задумчиво произнес его сын,— но я не уверен, так ли уж это осуществимо.

— Все будет хорошо. Насколько человек способен предусмотреть будущее, неудача невозможна. Кроме того, мой мальчик, не забывай, что мы будем спекулировать на чужие деньги, а нам самим терять нечего, абсолютно нечего.

— Ну, уж этого-то я не забуду!— сердито отрезал Эзра, вновь преисполняясь обидой.

— Я полагаю, что мы без особого труда сможем занять сорок—пятьдесят тысяч фунтов. Как тебе известно, мое имя пользуется в Сити большим уважением. Почти сорок лет моя репутация оставалась безупречной. Если мы возьмемся за дело немедленно и благоразумно распорядимся деньгами, то все еще может кончиться благополучно.

— Выбора у нас все равно нет,— ответил молодой человек.— Мы должны испробовать какое-нибудь смелое средство. А вы подыскали хороших агентов? Чтобы подобный слух мог показаться правдоподобным, нужен человек с определенным положением. Иначе на него никто не обратит внимания.

Джон Гердлстон печально покачал головой.

— Вряд ли я сумею найти для подобного дела человека с положением,— сказал он.

— Нет ничего проще,— ответил Эзра с саркастическим смешком.— Я могу подобрать в клубах хоть десяток обнищавших господ, которые будут только рады заработать сотню-другую любым способом, который вы им предложите. Они очень мило и поучительно рассуждают о чести джентльмена и прочем, но это так, для парада. Разумеется, нам придется ему уплатить.

— «Им» — ты хочешь сказать.

— Нет, нам понадобится только один человек.

— А кто же будет скупать камни на алмазных полях?

— Неужто вы способны свалять такого дурака? — грубо сказал Эзра.— Доверить иаши деньги постороннему человеку? Да если бы я дал сорок тысяч фунтов самому архиепископу кеитерберийскому, я бы его от себя ни иа шаг не отпустил. Нет, туда я отправлюсь сам... То есть, конечно, если не побоюсь оставить вас здесь одиого.

— Ты меня обижаешь, Эзра,— сказал его отец.— А придумал ты превосходно. Я бы и сам это предложил, если бы не тяготы и неудобства подобного путешествия.

— Уж если делать, то делать как следует,— ответил молодой человек.— Ну, а что касается другого нашего агента, то у меня есть на примете подходящий человек — майор Тобиас Клаттербек. Ои достаточно умен и хитер и к тому же всегда без гроша. Только иа прошлой иеделе ои попробовал заиять у меия десять фунтов. Такое поручение придется ему очень по вкусу, а его чин и положение в обществе будут весьма способствовать нашему плану. Я гарантирую, что он ухватится за эту идею.

— В таком случае попробуй с иим поговорить.

— Хорошо.

— Я очень рад, Эзра,— сказал старый коммерсант,— что мы с тобой побеседовали по душам. То, что я спекулировал без твоего ведома и обманывал тебя при помощи фальшивой счетной киpermit, лежало тяжким бременем на моей совести, поверь мне. Признание облегчило мое сердце.

— Ну, и довольно об этом!— резко оборвал его Эзра.— Мне приходится примириться со случившимся, потому что иного выхода у меня нет. Дело сделано, и изменить ничего нельзя. Но я считаю, что вы растратили капитал фирмы.

— Поверь мие, я старался сделать как лучше. Доброе имя нашего торгового дома для меня важнее всего. На создание его я отдал всю свою жизнь, и, если суждено иаступить дню краха, я иадеюсь, что не доживу до него. Ради спасения фирмы я готов пойти на все.

— Ллойд напоминает об очередных взносах? — сказал Эзра, взглянув на распечатанное письмо.— И почему ии одна из этих дырявых посудии ие утоиет? Это иам очень бы помогло.

«Торговый дом Гердлстон»

«Торговый дом Гердлстон»

— Ш-ш-ш!..— умоляюще сказал Джон Гердлстон.— О подобных вещах надо говорить шепотом.

— Я вас не понимаю,— раздраженно заявил Эзра.— Из года в год вы страхуете наши суда на огромные суммы. Вот, например, «Леопард»: его страховка вдвое превышала его стоимость, даже когда он был новым. И с «Черным орлом», наверное, то же самое. И все же они знай себе плавают, а два ваших новехоньких незастрахованных парохода топят друг друга.

— Но что же я могу сделать? — спросил коммерсант.— Они насквозь прогнили. Уже много лет они плавают без ремонта. Рано или поздно они потонут. Я, право, не могу сделать ничего больше.

— Ну, у меня они бы живо пошли на дно! — с ругательством пробормотал Эзра.— Заставьте Миггса просверлить дырку в днище или бросить спичку в бочонок с керосином. Да ведь такие вещи делаются каждый день. Что это еще за разборчивость?

— Нет, нет, Эзра! — вскричал его отец.— Только не это. Одно дело — не вмешиваться в естественный ход событий, и совсем другое — распорядиться, чтобы судно утопили. Не говоря уж о том, что после мы окажемся во власти Миггса. Слишком опасно.

— Ну, как угодно,— насмешливо сказал Эзра.— Вы запутали наши дела, и вы же должны их распутать. А если все сложится скверно, то у меня-то есть выход: я женюсь на Кэт Харстон, расторгну свои отношения с фирмой, предоставлю вам улаживать дела с кредиторами, а сам буду жить на ее сорок тысяч фунтов.— И с этими угрожающими словами младший партнер взял шляпу и неторопливой походкой вышел из кабинета.

После его ухода Джон Гердлстон провел час, озабоченно обдумывая все детали плана, который только что изложил сыну. Затем его взгляд упал на два письма, по-прежнему лежавшие на столе, и он решил, что следует ими заняться. Пока ему меньше всего хотелось прибегать к кредиту. Однако, как указывалось ранее, Джон Гердлстон был находчивым человеком. Он позвонил и вызвал к себе старшего клерка.

— Доброе утро, Джон,— сказал он любезно.

— Доброе утро, мистер Гердлстон, доброе утро,

сэр,— ответил Джон Гилрей, от удовольствия потирая сухонькие, желтые ладони.

— Я слышал, Джон, что вы недавно получили наследство,— продолжал мистер Гердлстон.

— Да, сэр, полторы тысячи фунтов, сэр. За вычетом налога и побочных расходов — тысячу четыреста двадцать восемь фунтов, шесть шиллингов и четыре пенса. Это брат моей жены Эндрью завещал ей, сэр. Такие большие деньги, сэр!

Джон Гердлстон улыбнулся снисходительной улыбкой человека, для которого подобная сумма — абсолютно ничего не значащий пустяк.

— И как вы распорядились этими деньгами, Джон?— спросил он небрежно.

— Положил их в банк, сэр, в «Юнайтед метрополитен».

— В «Юнайтед метрополитен», Джон? Погодите-ка! Они, кажется, выплачивают сейчас три с половиной процента?

— Три, сэр,— ответил Гилрей.

— Три?! Послушайте, Джон, но это же очень, очень маленький процент! Как хорошо, что я вас об этом спросил! Я как раз собирался попросить тысячу четыреста фунтов ссуды у одного из моих корреспондентов. Я выплачивал бы ему пять процентов. Однако, Джон, вы служите у нас так давно, что я готов оказать предпочтение вам. Больше тысячи четырехсот фунтов я взять никак не могу, но буду рад принять от вас эту сумму и выплачивать указанные пять процентов.

Такая заботливость и доброта совсем ошеломили Джона Гилрея.

— Просто не знаю, как вас и благодарить, сэр, за вашу щедрость,— сказал он.

— Не стоит благодарности, Джон,— величественно ответил коммерсант.— Наша фирма всегда рада позаботиться об интересах своих служащих, когда представляется соответствующая возможность. Чековая книжка у вас с собой? Напишите чек на тысячу четыреста фунтов. Но не больше, Джон, не больше — к сожалению, одолжить вас на большую сумму я не могу.

Старший клерк выписал чек и поставил свою подпись — такую же старомодную и робкую, как он сам,—

получил официальную расписку и был отослан назад в контору. Там он весьма развлек остальных клерков, восторженно описывая великодушие и щедрость их хозяина. А Джон Гердлстон достал из ящика несколько листов голубой бумаги, и его гусиное перо забегало по ним, брызгая и скрипя.

«Сэр,— писал он управляющему банком,— прилагаю тысячу четыреста фунтов — всю свободную наличность, имеющуюся в настоящее время в конторе. В ближайшее время я собираюсь внести на свой счет значительную сумму. А пока, надеюсь, Вы будете и впредь оплачивать представляемые чеки.

Искренне Ваш *Джон Гердлстон*».

В страховое агентство Ллойда он адресовал следующее:

«Сэр, прилагаю к письму чек на двести сорок один фунт семь шиллингов шесть пенсов, то есть очередной взнос за «Леопарда», «Черного орла» и «Деву Афин». Прошу извинить задержку, но среди важных дел подобные мелочи порой ускользают из памяти».

Запечатав и отправив эти два послания, старший Гердлстон почувствовал некоторое облегчение и снова предался невинному развлечению, изыскивая наилучший способ для устройства корнера на алмазах.

ГЛАВА XIII

СВЕТ И ТЕНЬ

Дом Джона Гердлстона на Эклстон-сквер представлял собой обширный и солидный особняк, расположенный в районе, который катившаяся на запад волна моды оставила позади. Однако особняк этот все еще был как бы огражден щитом величайшей респектабельности. Массивный суровый фасад здания никак не позволял предугадать скрытую внутри роскошь. Несмотря на свою аскетическую внешность, старый коммерсант в глубине души был сибаритом и умел ценить земные удоволь-

ствия. Огромные апартаменты были обставлены с восточной, почти варварской пышностью, и великолепная мебель соседствовала там со шкурами из Габона, резной слоновой костью из Старого Калабара и с тысячей других ценных редкостей, которые были подарены главе фирмы его агентами в Африке.

Гердлстон сдержал слово, данное умирающему другу. Он забрал Кэт Харстон из опустевшего дома в Фулеме и поселил ее у себя. Она могла свободно бродить по всем комнатам этого дворца от чердаков до погребов и заниматься там чем угодно. В ее распоряжении был также квадратный сад с зачахшими в дымном воздухе деревьями и блеклым газоном,— она могла гулять там, работать или читать. У нее не было никаких обязанностей. За домом надзирала суровая экономка, которая, если бы не ее платье, была бы вылитым Гердлстоном, и сама решала все хозяйственные дела. Таким образом, Кэт оставалось только существовать и быть счастливой.

Однако второе было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Атмосфера этого дома была противопоказана счастью. Изо дня в день Кэт видела только сурового, сдержанного коммерсанта и его развязного, а иногда и просто грубого сына. Вначале, пока еще не притупилось ее горе, она особенно болезненно ощущала перемену в своей жизни, сравнивая новую обстановку со счастливым фулемским домом. Однако, когда боль утихла, она постепенно свыклась с тем, что ее окружало. Оба Гердлстона не слишком ей докучали. Коммерсант был так поглощен делами, что у него не оставалось времени интересоваться ее занятиями, а Эзру, имевшего обыкновение возвращаться домой за полночь, Кэт видела обычно лишь за завтраком, но и тогда она только молча и не без некоторой робости слушала его уснащенные жаргонными словами рассказы и циничные замечания в адрес хороших знакомых.

Гердлстон отнюдь не обрадовался, когда после возвращения Димсдейлов из Эдинбурга узнал, что его подопечная проводила там все время в обществе своего молодого кузена. Он встретил ее очень холодно и надолго запретил ей посещать Филлимор-Гарденс. Кроме того, он воспользовался случаем, чтобы поговорить с ней о

Томе, и заверил ее, что этот молодой человек находится на краю духовной гибели.

— Он отличается чрезвычайно изменными вкусами,— заключил старик,— и я прошу вас избегать его общества.

Узнав, что младший Димсдейл вернулся в Лондон, Гердлстон из предосторожности даже приставил к Кэт доверенного лакея, который должен был сопровождать ее, когда она выходила из дому, и бдительно оберегать.

Однако в один прекрасный день Кэт случайно обрела свободу на несколько часов. Вышеупомянутый лакей был послан по какому-то другому поручению. Кэт немедленно вспомнила, что ей нужно бы обменять книги в библиотеке, подобрать кружева и переделать еще несколько столь же важных женских дел. И вот когда она чинно шла по Уорик-стрит, ее взор упал на очень высокого широкоплечего молодого человека, который неторопливо брел ей навстречу, со скучающим видом постукивая тросточкой по садовым решеткам, как часто делают люди, ничем не занятые. Тут Кэт мгновенно забыла и про книгу и про кружева, а высокий юноша перестал стучать по решеткам и, просияв, поспешил к ней широким, упругим шагом.

— Вот уж не думала, кузен Том, встретить вас здесь! — воскликнула Кэт, когда они поздоровались.— Какая удивительная неожиданность! (Возможно, впрочем, Кэт не слишком удивилась бы, знай она, что последние недели Том каждый день в течение шести часов блокировал все подходы к Эклстон-сквер.)

— Да, удивительная! — воскликнул молодой лицемер.— Видите ли, я еще не подыскал себе никакого занятия и много гуляю по Лондону. Счастливый случай привел меня именно сюда.

— А как поживает доктор? — оживленно спросила Кэт.— И миссис Димсдейл? Непременно передайте им от меня самый нежный привет.

— Почему вы перестали бывать у нас? — с упреком спросил Том.

— Мистер Гердлстон считает, что последнее время я слишком много развлекалась и мне следует посидеть дома. Боюсь, я теперь не скоро сумею выбраться в Кенсингтон.

Том про себя послал ее опекуна в область значительно более жаркую, чем даже страны, с которыми вел торговлю старый коммерсант.

— А куда вы идете? — спросил он вслух.

— На Виктория-стрит сменить книгу, а потом на Форд-стрит.

— Как странно! — воскликнул молодой человек.— Я ведь иду именно в этом направлении! (Что было действительно очень странно, так как, когда они встретились, он шел в противоположную сторону. Однако ни Кэт, ни Тому, по-видимому, не хотелось обсуждать это обстоятельство, и они продолжали идти вместе к Викториястрит.)

— А вы еще не забыли дни, которые провели в Эдинбурге? — спросил Том после долгого молчания.

— Ну, конечно, нет! — горячо воскликнула его спутница.— Я буду помнить их всю жизнь.

— И я тоже! — убежденно сказал Том.— А помните день, который мы провели в Пентленде?

— И как мы объехали Трон Артура?

— И как мы все вместе были в Рослине и осматривали часовню?

— И тот день в Эдинбургском замке, когда мы осматривали драгоценности и старинное оружие? Но вы ведь видели все это много раз и прежде! И такого удовольствия, как нам, эти поездки вам доставить не могли.

— Нет, что вы! Наоборот! — упрямо сказал Том, удивляясь про себя своему косноязычию, тем более непонятному, что он всегда умел делать изящнейшие комплименты девушкам, к которым был равнодушен.— Видите ли, Кэт, ведь... ну... ведь вас не было рядом, когда я бывал там прежде.

— Ах! — произнесла благовоспитанная Кэт.— Какая сегодня прекрасная погода! А утром мне показалось, что будет дождь.

Однако эти метеорологические наблюдения не отвлекли Тома от его темы:

— Быть может, ваш опекун как-нибудь снова отпустит вас куда-нибудь с моими родителями?

— Боюсь, что нет,— ответила Кэт.

— Но почему?

— Когда я вернулась тогда домой, он, по-моему, был очень рассержен.

— Но почему же? — спросил Том.

— Потому что...— И Кэт чуть было не объяснила, что причина этого гнева заключалась в самом Томе, но вовремя спохватилась.

— Так почему же?

— Потому что у него было дурное настроение,— ответила Кэт.

— Как скверно, что вы зависите от чьих-то прихотей и настроений!— объявил молодой человек, сердито взмахивая тростью.

— Но что здесь такого? — рассмеялась Кэт.— Всегда над человеком кто-то есть. Иначе нельзя было бы отличить, что хорошо, а что дурно.

— Но он обходится с вами сурово.

— Что вы! — решительно возразила Кэт.— На самом деле он очень добр ко мне. Если он и бывает строгим, я знаю, что он думает только о моем благе, и я была бы дурочкой, если бы сердилась на это. Кроме того, он очень благочестив и добродетелен, и то, что нам кажется пустяком, в его глазах может быть серьезным проступком.

— Ах, так он, значит, очень благочестив и добродетелен? — произнес Том с сомнением в голосе. Проницательный доктор Димсдейл придерживался иного взгляда на характер Джона Гердлстона, и сын разделял его мнение.

— Ну, конечно! — ответила Кэт, поднимая на него большие, полные недоумения глаза.— Разве вам неизвестно, что он главный оплот общины исконных тринитариев на Пербрук-стрит и каждое воскресенье присутствует на трех службах и сидит на передней скамье?

— А!— сказал Том.

— Да! А кроме того, он не жалеет денег на всяческую благотворительность и дружит с мистером Джефферсоном Эдвардсом, прославленным филантропом. И вспомните, как он добр ко мне. Ведь он заменил мне отца!

— Гм! — с сомнением произнес Том, а потом добавил с некоторым страхом: — А Эзра Гердлстон вам тоже нравится?

— Нет, нисколько! — с жаром воскликнула его собеседница.— Ои очеиь плохой, жестокий человек.

— Жестокий? Но, конечно, вы имеете в виду ие себя!

— Разумеется. Я всячески стараюсь его избегать, и бывает, что за несколько недель мы н двумя словами не обменяемся. Вы зиаете, что он сделал иа днях? Я н сейчас дрожу прн одном только воспоминании! В саду жалобно мяукала кошка, н я вышла посмотреть, что случилось. Вдруг я увидела в окие Эзру Гердлстона с ружьем в руке — с духовым ружьем, которое стреляет бесшумно. А посреди сада была привязаиа к кусту кошка и... и он упражнялся в стрельбе. Бедияжка была еще жива, но совсем изувечеиа...

— Какой зверь! И что же вы сделали?

— Я отвязала кошку н унесла ее к себе, но иочью она умерла.

— А что сказал он?

— Когда я начала отвязывать кошку, ои поднял ружье, словио собирался выстрелить в меия. А позже, когда мы встретились, он сказал, что отучит меня вмешиваться не в свое дело. Но мне было все равно, раз кошка была уже у меня.

— Ои посмел сказать вам это?! — воскликиул Том, краснея от ярости.— Жаль, что его сейчас здесь нет! Я научил бы его приличиым маиерам или...

— Вас переедет какая-инбудь карета, если вы ие успокоитесь! — перебила его Кэт, так как молодой человек вне себя от негодования начал переходить улицу, не обращая ии малейшего виимаиия иа поток экипажей.

— Не волиуйтесь так, кузен Том,— продолжала Кэт, положив иа его локоть затянутую в перчатку руку.— Право же, у вас нет никаких причин сердиться.

— Нет? — в бешенстве повторил ои.— Да с какой статн вы должиы сносить оскорбления от злобиого щенка, вроде Эзры Гердлстоиа!

К этому времеин оин кое-как добрались до середины широкой улицы и теперь стояли под прикрытием фонариого столба, а перед ними лился иескончаемый поток желтых, лиловых и коричневых омнибусов, фургонов, пролеток и карет. Они были тут совсем одни, если ие считать полицейского, который, повернувшись к ним спиной, размахивал руками, как одушевленный семафор. И сре-

ди оглушительного шума и грохота огромного города юная парочка была укрыта от остального мира так же надежно, как если бы прогуливалась где-нибудь в центре Солсберийской равнины.

— Вам необходим защитник! — объявил Том решительно.

— Право же, это глупо, кузен Том! Я отлично могу сама себя защитить!

— Вам нужен человек, который имел бы право заступиться за вас! — Том говорил хрипло, так как у него вдруг по неизвестной причине пересохло в горле.

— Можете перейти, сэр! — рявкнул полицейский, ибо поток экипажей на мгновение иссяк.

— Погодите, ради бога, погодите!—в отчаянии крикнул Том, удерживая свою спутницу за рукав жакета.— Мы здесь одни и можем поговорить. Скажите, есть ли... есть ли у меня надежда, что вы, быть может, почувствуете ко мне расположение? Я вас так люблю, Кэт, что невольно начинаю надеяться — ведь подобная любовь не может остаться совсем безответной.

— Путь свободен, сэр! — снова крикнул полицейский.

— Не обращайте на него внимания,— сказал Том, удерживая ее у фонаря.— С тех пор, как мы встретились в Эдинбурге, Кэт, я живу, как во сне. Что бы я ни делал, куда бы я ни шел, я вижу только вас и слышу ваш милый голос. Наверное, ни одну девушку еще не любили так горячо, как я люблю вас, но мне трудно найти подходящие слова, чтобы выразить то, что я думаю! Ради бога, дайте мне хоть какую-нибудь надежду, прежде чем мы расстанемся. Ведь я не противен вам, Кэт?

— Конечно, нет, кузен Том, вы же знаете! — ответила девушка, опустив глаза. (Том так искусно выбрал место перед фонарем, что Кэт не могла обойти его ни справа, ни слева.)

— Значит, я вам нравлюсь, Кэт? — спросил он нежно, а его серые глаза светились любовью.

— Конечно.

— А как вам кажется, вы сможете меня полюбить? — продолжал допытываться настойчивый моло-

дой человек.— То есть не сразу и не сейчас, потому что я недостони вашей любви, это я зиаю, ио со временем, может быть, вы меня все-таки полюбите?

— Может быть,— прошептала Кэт, отворачиваясь.

Этн слова были сказаиы так тнхо, что расслышать их, по-видимому, было иевозможно; и все же оии зазвенели в ушах молодого человека, заглушнв улнчиый шум. Правда, он наклоиился к ией совсем близко.

— Не зевайте, сэр! — взревел семафор в полицейском муидире.

Если бы онн стояли в более укромиом уголке, Том, возможно, последовал бы этому совету, который хнтрый полицейский подал удивительно вовремя. Одиако центр оживленного лоидонского перекрестка ие слншком подходящее место для поцелуев. Впрочем, когда оии иачалн переходить улицу, лавируя между экипажами, Том взял руку своей спутиицы, и оии обменялись крепким рукопожатием, которое обоим показалось клятвой.

Какнми солнечиымн и веселыми представлялись теперь этой юиой паре уиылые улицы, застроеииые скучными кирпичными домами! Ведь их глаза смотрели в грядущее н виделн там лишь уходящую вдаль перспективу счастья н любви. Несомиенно, нз всех даров провидения самый милосердиый н драгоцеииый — это наше иезиание того, что нас ждет впереди.

Так безмятежно счастливы были влюблениые, что, только виовь оказавшись иа Уорик-стрит, оии иакоиец спустились с облаков на землю н вспоминлн о некоторых прозаических обстоятельствах, о которых все же следовало подумать.

— Коиечио, я могу сообщнть моим родителям о иашей помолвке, любимая? — спросил Том.

— Что скажет иа это ваша мама? — ответила Кэт с веселым смехом.— Как оиа удивнтся!

— Ну, а Гердлстон? — вдруг сказал Том.

Впервые за все это время они вспомиили про опекуиа Кэт. Теперь оии посмотрели друг иа друга, и иа лице девушки отразилась такая тревога, что Том иевольно рассмеялся.

— Не иадо бояться, милая! — сказал он.— Если хотнте, я прямо сейчас отправлюсь в львииое логово. Зачем откладывать?

— Нет, нет, милый Том! — поспешно перебила его Кэт.— Ни в коем случае!

Она не могла признаться ему, что Гердлстон прямо запретил ей видеться с ним, но понимала, насколько опасной может оказаться их встреча, и сказала:

— Мы должны скрыть нашу помолвку от мистера Гердлстона.

— Скрыть нашу помолвку!

— Да, Том. Он много раз предостерегал меня против чего-либо подобного, и я, право, не знаю, как он поступит, если узнает. Во всяком случае, он сможет сделать мое пребывание в его доме невыносимым. Но не огорчайтесь так, ведь мне уже скоро исполнится двадцать, и через год с небольшим я буду совсем свободна. А это не такой уж долгий срок.

— Не сказал бы,— ответил Том с сомнением.— Однако раз вам так будет спокойнее, то говорить больше не о чем. Хотя и неприятно скрывать нашу помолвку только из-за того, что старый медведь может рассердиться.

— Но ведь это всего несколько месяцев, Том! Своим же, конечно, расскажите обо всем. А теперь до свидания, милый, и не идите дальше: вас могут увидеть из окна.

— До свидания, моя любимая!

Они обменялись рукопожатием и разошлись: он помчался с радостным известием в Филлимор-Гарденс, а она весело направилась к своей темнице, впервые за долгое время совсем забыв тоску и заботы. Прохожие оглядывались на сияющее личико под нарядной шляпкой, а Эзра Гердлстон, увидев ее из окна гостиной, даже подумал, что брак с подопечной его отца будет, пожалуй, не таким уж тяжким испытанием, если спекуляция с алмазами кончится неудачей.

ГЛАВА XIV

НЕБОЛЬШОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Открыв Эзре Гердлстону истинное положение их дел, отец нанес ему тягчайший удар. Такой властной и необузданной натуре было трудно смириться с мыслью о крахе, банкротстве и нищете, которые им грозили. Эз-

ра привык сметать со своего пути те незначительные трудности и препятствия, с которыми до сих пор ему приходилось сталкиваться. Теперь же перед ним был почти неодолимый барьер, и он изнывал от бешенства и бессилия. Ярость его только возрастала при мысли, что он сам ни в чем не виноват. Всю свою жизнь он считал само собой разумеющимся, что после смерти отца станет почти миллионером. Получасовая беседа рассеяла это приятное заблуждение, и теперь его непрерывно терзала мысль о надвигающемся разорении. Он почти не спал, совсем утратил прежнее спокойствие, и под глазами у него легли темные круги. Раза два его видели пьяным среди бела дня.

Однако воля у него была сильная, и, как ни ошеломил его столь неожиданный удар, он все же не упустил ни одной комбинации в той игре, которую теперь вели они с отцом. Эзра был убежден, что спасти их может только какой-нибудь смелый ход, поэтому он отдал все силы плану спекуляции с алмазами и мастерски разработал все детали. Чем больше он его обдумывал, тем больше убеждался не только в возможности подобной операции, но и в ее абсолютной безопасности. Ему уже начинало казаться, что неудача практически исключена.

Эзра начал с того, что постиг все тонкости ремесла скупщика алмазов. Он был в хороших отношениях с одним из партнеров фирмы «Фуггер и Штольц», широко занимавшейся импортом драгоценных камней. Воспользовавшись любезностью своего приятеля, Эзра взял несколько практических уроков, ознакомился с разновидностями алмазов и их стоимостью, а также научился определять все те незначительные пороки и особенности, которые способен заметить только знаток, хотя от них в очень большой степени зависит цена камня. Эзра не тратил времени напрасно и уже через несколько недель мог бы потягаться в знании предмета с любым торговцем алмазами.

Оба Гердлстона понимали, что успех этого плана во многом зависит от их будущего агента, и оба были согласны в том, что майор Тобиас Клаттербек — именно тот человек, который им нужен. Эзра с самого начала их знакомства смутно чувствовал, что общественное положение майора в сочетании с его бедностью и отсутствием

щепетильности (о чем свидетельствовал его образ жизни) может сделать его ценным помощником в каком-нибудь деликатном деле. Что же касается согласия старого воина, то Эзра льстил себя мыслью, что полностью постиг его характер. По его мнению, все сводилось к цене. Несомненно, майор потребует кругленькую сумму, но коммерческий инстинкт подсказывал Эзре, что товар был первоклассным, и он готов был приплатить за качество.

Как-то в начале апреля майор в сюртуке и лайковых перчатках неторопливо шествовал по Сент-Джеймс-стрит, выпятив грудь и сверкая башмаками, которые выглядывали из-под чрезвычайно изящных гетр. Младший Гердлстон, давно уже высматривавший его из окна клуба, выбежал на улицу и заговорил с ним.

— Как вы поживаете, дорогой майор?— воскликнул он, протягивая ему руку со всей любезностью, на какую только был способен.

— Здравствуйте, здравствуйте! — ответил майор с некоторым высокомерием. К этому времени он уже не сомневался, что не сумеет извлечь никакой пользы из знакомства с молодым коммерсантом, и все же у него не хватало духа окончательно порвать с обладателем пухлого бумажника и любителем азартных игр.

— Мне давно уже хотелось поговорить с вами, майор,— начал Эзра.— Где мы могли бы увидеться?

— Ближе, чем сейчас, вы меня вряд ли увидите,— ответил старый солдат, поглядывая на своего собеседника с некоторым подозрением.

— Мне нужно приватно поговорить с вами кое о чем,— настаивал Эзра.— Это — довольно тонкое дело, которое следовало бы обсудить подробно, и к тому же оно требует тайны.

— Черт побери! — сказал майор с хриплым смешком.— Скажи это я, вы сразу же решили бы, что я вознамерился занять у вас денег. Но вот что: пойдемте в бильярдную Уайта, возьмем отдельный кабинет, и я вам дам вперед двести очков из пятисот, хоть давать такую большую фору — значит заранее обещать вам выигрыш. А пока мы будем играть, вы сможете все мне объяснить.

— Нет, нет, майор,— решительно возразил младший Гердлстон.— Поверьте, это — крайне важное дело для

нас обоих. Не могли бы вы встретиться со мной в кафе Нельсона в четыре часа? Я знаком с управляющим, и он оставит нам кабинет.

— Я пригласил бы вас в мою скромную обитель,— заметил майор,— но это слишком далеко. Так, значит, у Нельсона в четыре часа? Отлично! Пунктуальность — первая из добродетелей, как говорил старик Уиллоби, гвардеец. Вы ведь не знакомы с Уиллоби? Черт побери! Еще в 1847 году в Гибралтаре он был секундантом у одного своего приятеля. Они явились на место, но противников там не было. Через две минуты после назначенного срока Уиллоби потребовал, чтобы его приятель ушел. «Это научит их быть пунктуальными»,— сказал он. «Уйти никак нельзя»,— сказал его приятель. «Совершенно необходимо»,— сказал Уиллоби. «Об этом и речи быть не может»,— сказал его приятель и не двинулся с места. Уиллоби твердил свое — слово за слово, и они поссорились. Доктор поставил их в пятнадцати шагах, и приятель прострелил Уиллоби икру. Это был настоящий мученик пунктуальности. Так, значит, в четыре часа. А пока всего хорошего.— И, любезно кивнув, майор прошествовал дальше, изящно поигрывая тросточкой.

Майор, как он ни восхищался пунктуальностью, воплощенной в гвардейце Уиллоби, тем не менее намеренно опоздал к назначенному часу. Ему было ясно, что от него потребуют какой-то услуги, и тактика требовала, чтобы он отнюдь не торопился — пусть Гердлстон не думает, будто ему не терпится скорее узнать, в чем дело. И когда майор наконец вошел в кафе Нельсона, молодой коммерсант уже двадцать пять минут молча бесился в отдельном кабинете.

Это была довольно грязная комната, где имелось единственное кожаное кресло, набитое конским волосом, и шесть деревянных стульев, расставленных вдоль стен с математической точностью. Квадратный стол в середине и скверное зеркало над камином довершали обстановку. Майор, вспомнив былые походные привычки, немедленно опустился в единственное кресло, удобно откинулся, достал сигару и принялся ее раскуривать. Эзра Гердлстон сел возле стола и теперь слегка подкручивал темные усы, как делал всегда, когда собирался с мыслями.

— Что вы будете пить? — спросил он.
— Все, что угодно.
— Принесите графин коньяка и сельтерской воды! — приказал Эзра официанту.— Потом закройте дверь и не входите, пока мы вас не позовем.

Когда официант принес коньяк, Эзра одним глотком осушил рюмку и тут же вновь ее наполнил. Но майор поставил свою рюмку на каминную полку возле себя, даже не пригубив. Оба они намеревались приступить к беседе с ясной головой, но каждый добивался этого своим способом.

— Сейчас я объясню вам, почему мне понадобилось поговорить с вами, майор,— сказал Эзра и, внезапно распахнув дверь, поглядел, не подслушивает ли кто-нибудь в коридоре.— Мне приходится быть осторожным, так как наш разговор коснется важных интересов фирмы, и то, что я вам доверю, никому другому ни в коем случае знать не следует.

— Ну, так в чем же дело, мой милый? — с ленивым любопытством спросил майор и, затянувшись сигарой, пустил клуб дыма в закопченный потолок.

— Вы, конечно, понимаете, что в коммерческом предприятии преждевременное разглашение даже второстепенной мелочи может привести к многотысячным убыткам?

Майор кивнул, показывая, что вполне отдает себе в этом отчет.

— Мы намерены предпринять очень трудное дело,— сказал Эзра, наклоняясь вперед и понизив голос до шепота.— Оно потребует величайшей сноровки и такта, но при удачном его выполнении должно принести значительную прибыль. Вы понимаете?

Его собеседник снова кивнул.

— Для успешного завершения этого предприятия нам требуется доверенный агент. Агент этот должен быть очень способным человеком и в то же время абсолютно надежным. Разумеется, мы готовы будем хорошо заплатить обладателю подобных качеств.

Майор хмыкнул в знак полного согласия.

— Мой отец,— продолжал Эзра,— намеревался использовать кого-нибудь из наших служащих. Среди них есть немало людей, подходящих во всех отношениях.

Но я с ним не согласился. Я сказал, что у меня есть добрый друг майор Тобиас Клаттербек, который может справиться с этим делом лучше кого бы то ни было. Я упомянул, что в ваших жилах течет кровь царственных потомков Леды, ведь верно?

— Черт побери! Ничего подобного. Миледа, сэр, Миледа! [1]

— Ах, да, Миледа. Впрочем, это не составляет никакой разницы.

— Наоборот! И очень большую!— с негодованием ответил майор.

— Я хотел сказать, что это не составляет никакой разницы для моего отца. Он в таких тонкостях не разбирается. Ну, во всяком случае, я сказал ему о вашем царственном происхождении и о том, что вы бывалый путешественник, старый солдат и человек во всех отношениях солидный и надежный.

— Э-эй! — невольно воскликнул майор.— Впрочем, ничего... Продолжайте.

— Я объяснил ему все это,— медленно добавил Эзра,— и указал, что деньги, которые он предназначил для нашего агента, будет куда лучше вручить подобному человеку, чем тому, кто обладает только деловыми качествами.

— Я никак не предполагал, что в вас есть столько здравого смысла!— воскликнул майор с энтузиазмом.

— Я сказал ему, что, поручив это дело вам, мы можем быть совершенно спокойны и оно будет выполнено превосходно, а кроме того, мы получим удовлетворение и от сознания, что предложенная нами весьма значительная сумма попадет в достойные руки.

— И в этом вы также совершенно правы,— пробормотал бравый воин.

— Так, значит, вы согласны? — сказал Эзра, внимательно глядя на майора.— Согласны предоставить себя в наше распоряжение на условии, что вам будет за это хорошо заплачено?

— Не торопитесь так, мой юный друг, не торопитесь,— заметил майор, вынимая сигару изо рта и оку-

[1] Милед — мифический прародитель ирландцев.

тываясь голубым дымком.— Сперва послушаем, какой услуги вы от меня хотите, и тогда я смогу ответить, на что я согласен, а на что нет. Помнится, Джимми Бекстер в Техасе...

— Чтоб его повесили, этого вашего Джимми Бекстера! — раздраженно буркнул Эзра.

— Уже сделано,— хладнокровно ответил майор.— Его линчевали за конокрадство в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году. Впрочем, продолжайте, и я обещаю больше не перебивать вас.

После чего Эзра изложил план, от которого зависело спасение торгового дома «Гердлстон и К°». Однако он ни словом не упомянул о грозящем фирме разорении и не объяснил, почему была задумана эта спекуляция. Наоборот, он всячески подчеркивал, что дела фирмы идут превосходно, а это предприятие не играет для них никакой важной роли и задумано больше для развлечения. Тем не менее он не забыл указать, что хотя деньги, о которых идет речь, для фирмы — пустяк, но они представляют собой весьма значительную сумму в глазах других людей. Что же касается этической стороны вопроса, то Эзра предпочел обойти ее молчанием, полагая, что это будет совершенно излишне в разговоре с подобным человеком.

— Итак, майор,— закончил он,— если вы позволите нам воспользоваться вашим именем и вашими талантами в этом предприятии, фирма готова проявить всемерную щедрость в вопросе о вашем вознаграждении. Разумеется, все расходы по путешествию мы берем на себя. Если мы решим избрать Уральские горы в качестве места для воображаемой находки, вам придется отправиться до Петербурга морем. Я слышал, что на этих пароходах обычно идет крупная карточная игра, и с помощью своего прославленного искусства на зеленом поле вы, без сомнения, сумеете извлечь немалую выгоду из этого обстоятельства. Мы полагаем, что в России вам придется пробыть не более трех месяцев. Так вот, фирма считает, что не обманет ваших ожиданий, гарантируя вам двести пятьдесят фунтов вознаграждения при всех обстоятельствах и пятьсот — в случае успеха. Под последним мы, конечно, подразумеваем полный успех, который увенчал бы ваши труды.

Если бы в кабинете присутствовал третий человек и если бы этот третий человек отличался наблюдательностью, то во время длинной речи Эзры он мог бы подметить в поведении майора некоторые странности. Когда молодой коммерсант только приступил к объяснению, поза майора была исполнена сугубой респектабельности и спокойствия. Однако по мере того, как начала вырисовываться сущность плана, старый воин все чаще и чаще затягивался своей сигарой, так что вскоре его уже окутало густое сизое облако, в котором тлеющий кончик гаваны мерцал, как сумрачный метеор. Время от времени майор поглаживал пухлую щеку, что делал обычно в минуты волнения. Затем он принялся ерзать в кресле, хрипло покашливать и проявлять другие признаки нетерпения, в которых Эзра Гердлстон с радостью усматривал доказательства верности своего суждения, считая, что старый воин, естественно, должен был оживиться, услышав, какая удача нежданно выпала ему на долю.

Когда молодой человек кончил говорить, майор встал лицом к пустому камину, широко расставил ноги, выпятил грудь и начал покачиваться на каблуках.

— Позвольте мне проверить, правильно ли я вас понял,— сказал он.— Вы хотите, чтобы я поехал в Россию?

— Вот именно,— ответил Эзра, весело потирая руки.

— Вы любезно намекнули, что по дороге туда мне следует обобрать моих спутников?

— Ну, это в том случае, если вам захочется.

— Да, да, если мне захочется! После этого я должен буду отправиться через всю страну к каким-то там горам...

— На Урал.

— Где мне предстоит сделать вид, будто я открыл алмазную россыпь. Причем подтверждением этой истории будет служить, во-первых, тот факт, что я человек благородного происхождения, известный в обществе, а во-вторых, мешочек с алмазами, которыми вы снабдите меня в Англии.

— Совершенно верно, майор,— подбодрил его Эзра.

— Затем я должен протелеграфировать эту ложь в Англию с тем, чтобы она попала в газеты!

— Ну, к чему такое неприятное слово!— запротестовал Эзра.— Лучше скажем: «Это сообщение». Ведь сообщение, как вам известио, может быть верным или ошнбочным.

— И благодаря этому сообщению, раз вам так больше иравится,— продолжал майор,— цены иа алмазиом рынке, по вашему расчету, настолько упадут, что вы и ваш отец сможете скупать и перепродавать камнн с большой выгодой для себя, залезая прн этом в карман к другим людям.

— Вы прибегаете к не слишком прнятым выражениям,— заметил Эзра с вымучеииым смешком,— но общую мысль вы поиялн правильно.

— Я понимаю еще кое-что!— взревел старый солдат, багровея от ярости.— Я понимаю, что будь я на двадцать лет моложе, то я проверил бы, пролезете лн вы вон в то окошко, господии Гердлстон. Черт побери! Я иаучил бы вас не предлагать подобиых вещей человеку, в чьих жнлах течет голубая кровь, подлый мошенник!

Эзра откииулся иа спинку стула. Ои казался совсем спокойиым, но в его глазах можио было заметить опасный блеск, а смуглое лицо как-то все пожелтело.

— Так вы не согласны? — прошипел ои.

— Согласеи?! Неужелн, по-вашему, человек, который двадцать лет носил алый мундир ее величества, замарает руки подобным делом? Да я ие согласился бы иа это за всю наличность казначейства! Вот что, Гердлстои: я вас зиаю, ио вы, черт побери, меня ие зиаете!

Молодой коммерсаит ничего не ответил, ио его лицо сохраияло все тот же мертвенный цвет, а взгляд сделался еще более злобным. Майор Тобиас Клаттербек стоял у стола, слегка наклоиившнсь н опираясь на него руками, его выпучеииые глаза еще больше выпучились от негодоваиия, а редкие седые волосы словно вздыбились.

— Да какое право вы имели обращаться ко мне с подобным предложеиием? Я ие выдаю себя за святого, но, черт побери, у меия есть свои принцнпы, н я не намерен от иих отступать. Я взял себе за правило ие поддерживать знакомство с негодяями, и поэтому, мой юный друг, с этого дня мы не зиакомы. Черт побери! Я ие слишком разборчив, но где-то должеи быть предел, как сказал мой приятель Чарли Моитейт из индийского

кавалерийского полка, повернувшись спиной к своему тестю. Для меня же этим пределом станет знакомство с вами.

Пока майор произносил свою торжественную речь, Эзра, продолжая сидеть, смотрел на него с дикой яростью — его жестокие, плотно сжатые губы совсем побелели, а вены на лбу вздулись. Молодой человек был известным боксером-любителем и мог бы выстоять раунд-другой против любого лондонского профессионала. Справиться со стариком ему не представляло ни малейшего труда. И когда майор взял шляпу, готовясь выйти из кабинета, Эзра бросился к двери и запер ее изнутри.

— Это обойдется мне в пять фунтов штрафа, но дело стоит того,— пробормотал он, и, сжав свои огромные, унизанные перстнями руки в кулаки, он медленно приблизился к майору пружинистой походкой хищного зверя — голова его была опущена, и глаза свирепо сверкали из-под черных бровей. В этой неторопливости была характерная для него утонченная жестокость, словно он наслаждался беспомощностью своей жертвы и хотел, чтобы майор успел как следует понять, что̀ его ожидает.

Если его намерения были действительно таковы, то ему не удалось произвести желаемого эффекта. Едва бравый воин заметил его маневр, как он выпрямился во весь рост, словно на параде, и, сунув руку под фалды сюртука, извлек из заднего кармана маленький блестящий предмет, который навел на лоб молодого коммерсанта.

— Револьвер! — ахнул Эзра и попятился.

— Нет, пистолет,— невозмутимо поправил его ветеран.— Привычка носить его с собой сохранилась у меня еще с тех пор, как я жил в Колорадо. Ведь заранее неизвестно, когда именно может пригодиться такая штучка.

Говоря это, майор по-прежнему направлял черное дуло своего пистолета в самую середину лба молодого человека, и его рука сохраняла каменную неподвижность. Эзра не был трусом, но он не знал, на что решиться.

— Ну-ка, отоприте дверь! — резко скомандовал майор.

Эзра поглядел на грозное багровое лицо своего вра-

га, на смертоносную черную дырочку, повернутую в его сторону, нагнулся и отодвинул задвижку.

— Теперь откройте ее. Черт подери, пошевеливайтесь, не то мне все-таки придется подстрелить вас. Вы будете не первым человеком, которого я убил, а может быть, и не последним.

Эзра поспешно распахнул дверь.

— А теперь идите впереди меня к выходу.

Официанты известного ресторана Нельсона были несколько удивлены, заметив, что два посетителя покидают их заведение с очень мрачными лицами и держатся на некотором расстоянии друг от друга.

— C'est la froideur Anglais! [1] — сказал маленький Альфонс Лефанн собрату-изгнаннику, с которым он накрывал на стол. Но ни тот, ни другой не заметил, что идущий сзади полный джентльмен сжимает в руке, изящно заложенной за лацкан сюртука, темную рукоятку пистолета.

У дверей стоял извозчичий экипаж, и майор Клаттербек сел в него.

— Послушайте, Гердлстон,— сказал он Эзре, который хмуро оглядывал улицу,— пусть это послужит вам уроком. Никогда не бросайтесь на человека, не удостоверившись прежде, что он не вооружен, иначе вас могут подстрелить.

Эзра продолжал угрюмо смотреть прямо перед собой и, казалось, не обратил никакого внимания на слова своего недавнего собеседника.

— Еще одно,— продолжал майор.— Никогда не считайте само собой разумеющимся, что всякий ваш знакомый — такой же гнусный негодяй, как вы сами.

Молодой коммерсант посмотрел на него с бешеной злобой в черных глазах и уже повернулся, чтобы уйти, но майор протянул руку и удержал его.

— И последний урок,— сказал он.— Никогда не дрожите перед пистолетом, если вы твердо не знаете, что в нем есть пуля. Мой не заряжен. Извозчик, поезжайте! — И, пустив эту прощальную стрелу, бравый майор покатил по Пикадилли, твердо решив не выходить из дому без двух-трех патронов центрального боя в кармане.

[1] Это английская сдержанность! *(франц.)*

ГЛАВА XV
ПРИБАВЛЕНИЕ К ФИРМЕ

Известие о помолвке Тома было встречено его родителями с восторгом, ибо доктор и его супруга сердечно привязались к Кэт — «нашей Кэт», как они с гордостью ее называли. Вначале необходимость скрывать помолвку от Гердлстона чрезвычайно не понравилась доктору, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что, сообщив о ней старому коммерсанту, они ровно ничего не добьются, а жизнь Кэт все то время, пока она будет вынуждена оставаться под его кровом, окажется гораздо более сносной, если он останется в неведении. Влюбленные по-прежнему почти не виделись, и Том утешался только мыслью, что каждый день приближает ту минуту, когда он не скрываясь и без страха сможет назвать Кэт своей. И во всем Лондоне трудно было бы найти человека более счастливого и беззаботного, чем он. Мать не могла нарадоваться его веселому настроению, однако добряк доктор был не так доволен. «Мальчишка совсем распустился,— сказал он себе.— И уже привык бездельничать. Видно, такая жизнь ему очень по вкусу. Надо заставить его взяться за дело!»

И вот однажды после завтрака доктор попросил сына зайти к нему в кабинет и, закурив трубку с длинным вишневым чубуком, как у него было в обычае после каждой еды, некоторое время попыхивал ею в молчании.

— Пора, мой милый, чем-нибудь заняться,— отрывисто сказал он затем.— Иначе это добром не кончится.

— Я готов, папа,— ответил Том.— Только я не знаю, на что гожусь.

— Во-первых, что ты скажешь вот об этом? — без всяких предисловий спросил доктор, протягивая сыну письмо, которое тот развернул и прочел следующее:

«Дорогой сэр!

От своего сына я узнал, что ваш сынок оставил занятия медициной и что вы еще не решили, чему он должен посвятить свои силы. Я давно уже намеревался подыскать молодого человека, который мог бы стать членом на-

шей фирмы и снять часть забот с моих старых плеч. Эзра настаивает, чтобы я написал вам и предложил это вашему сыну. Если его интересует коммерция, мы с удовольствием окажем ему всемерную помощь. Разумеется, он должен будет приобрести долю в фирме, что обойдется ему в семь тысяч фунтов, за каковые он будет получать пять процентов годовых. Оставляя эти проценты в деле и вкладывая в него свою долю прибылей, он со временем сможет стать владельцем значительной его части. В случае, если он пожелает присоединиться к нам на этих условиях, мы не будем иметь ничего против того, чтобы его имя фигурировало в названии фирмы. Если все вышеуказанное вас заинтересует, то я буду рад обсудить подробности и объяснить вам, какие выгоды может предложить фирма, у меня в конторе на Фенчерч-стрит в любой день между десятью и четырьмя часами.

Прошу передать мой нижайший поклон вашей семье и остаюсь в надежде, что все они пребывают в добром здравии, искренне ваш

Джон Гердлстон».

— Ну, что скажешь? — спросил доктор, когда его сын кончил читать письмо.

— Право, не знаю, — ответил Том. — Мне хотелось бы немного подумать.

— Семь тысяч фунтов — деньги немалые. Они составляют больше половины того капитала, который я положил на твое имя. Однако я слышал от людей осведомленных, что во всем Лондоне не найти другой такой солидной и прекрасно управляемой фирмы. Никогда не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, Том. Бери шляпу, и мы вместе отправимся на Фенчерч-стрит и все узнаем.

Пока они катили на извозчике из Кенсингтона в Сити, у Тома было достаточно времени, чтобы обдумать положение. Ему хотелось заняться делом, а то, что ему предлагали, казалось вполне приемлемым. Правда, оба Гердлстона, которых он почти не знал, очень ему не нравились, но, с другой стороны, став членом фирмы, он, вероятно, получит возможность видеться с подопечной старого коммерсанта. Это последнее соображение решило дело, и задолго до того, как кэб остановился

перед длинным грязным проходом, который вел к конторе прославленной фирмы, наиболее заинтересованное лицо уже твердо знало, как ему поступить.

Их незамедлительно провели в небольшой кабинет, украшенный моделями кораблей в разрезе, картами, морскими картами, списками судов и акварелью с барком «Белиндой» на первом плане, и там их приветствовал глава фирмы. С приятной скромностью, к которой примешивалась законная гордость за созданное им великое предприятие, мистер Гердлстон подробно описал деятельность своего торгового дома, не преминув упомянуть и про всю его важность для коммерческой жизни страны. Он снимал с полок один гроссбух за другим и показывал доктору бесконечные столбцы цифр, объясняя, как возрастает ежемесячная прибыль и неуклонно увеличивается капитал. Затем он трогательно упомянул о своем почтенном возрасте и давнем намерении отдохнуть в уединении и спокойствии от тяжких жизненных трудов.

— Когда мой юный друг,— сказал он, ласково похлопывая Тома по плечу,— и мой любимый сын Эзра начнут работать вместе, они вдохнут в фирму молодость и новую жизнь. Они придадут ей энергию, а если им понадобится совет, то они смогут обратиться за ним к старику. Через год-два, когда дела окончательно войдут в новую колею, я намереваюсь съездить в Палестину. Вам это, возможно, покажется слабостью, но всю свою жизнь я лелеял мечту когда-нибудь ступить на эту священную землю и своими глазами увидеть те места, которые нам всем не раз рисовало воображение. Ваш сын начнет самостоятельную жизнь, уже имея прекрасное положение и вполне приличный доход, который он, возможно, удвоит в ближайшие же пять лет. Его вклад нужен просто для того, чтобы он был достаточно заинтересован в процветании фирмы.

И Гердлстон еще долго говорил в том же духе, так что Том и его отец, выйдя из конторы, были равно оглушены колоссальными денежными суммами, огромными прибылями, гигантскими сальдо и надежнейшим размещением капитала, и оба приняли твердое решение относительно будущего, которое ждало Тома.

Вот почему дня через два в юридической конторе Джойса, Моргана и К° царило большое оживление. Шуршала гербовая бумага, подписывались различные документы и была распита бутылочка довольно посредственного хереса. В результате всего этого фирма «Гердлстон и К°» увеличила свои капиталы на семь тысяч фунтов, а Томас Димсдейл стал признанным членом прославленного торгового дома со всеми правами и привилегиями, отсюда вытекающими.

— Неплохой денек, Том,— заметил добряк доктор, когда они вместе вышли из юридической конторы.— Ты сделал решительный шаг, мой мальчик. Перед тобой открывается прекрасное будущее. Ты теперь член первоклассной фирмы, и дальнейшее зависит только от тебя. Будем надеяться, что тебя ждет преуспеяние и благоденствие.

— Если все сложится по-иному, то, во всяком случае, не по моей вине,— решительно сказал Том.— Я буду работать со всем усердием и старанием, на какие только способен.

— Неплохой денек, Эзра,— говорил в ту же самую минуту Гердлстон в своем кабинете на Фенчерч-стрит.— Вот и снова у фирмы есть деньги на текущие расходы. Это нас выручит! — И он пододвинул через стол к сыну листок зеленой бумаги.

— Выручит на время,— ответил Эзра, хмуро проглядывая цифры.— Конечно, недурно, что мне удалось свести вас с ним. Однако это лишь капля в море. Если алмазная спекуляция сорвется, нас ничто не спасет.

— Но она не сорвется,— твердо сказал его отец. Ему удалось подыскать агента, который, казалось, подходил для подобного поручения не меньше взбунтовавшегося майора, и уже отбыл в Россию, где ему предстояло сделать свое сенсационное открытие.

— Надеюсь, что так,— отозвался Эзра.— Мы, помоему, не упустили ни одной мелочи. Лэнгуорти сейчас должен быть уже в Тобольске. Я сам передал ему мешочек с алмазами, которые вполне годятся для его цели.

— И деньги для тебя тоже готовы. Я могу твердо рассчитывать на тридцать тысяч с лишком. Наш кредит позволил бы занять и больше, но я не хотел совсем

его истощать, чтобы не дать повода для досужих разговоров.

— Я намереваюсь отплыть в ближайшее время на пакетботе «Сайпрнен»,— сказал Эзра.— Примерно через месяц я уже буду на алмазных полях. Вероятно, Лэнгуорти потребуется больше времени, но там от меня будет больше толку, чем здесь. Я смогу, не торопясь, осмотреться. Видите ли, если бы я появился там одновременно с известием о новых россыпях, это могло бы вызвать подозрения. Ну, а так наша затея не известна никому.

— Кроме твоего приятеля Клаттербека.

Красивое лицо Эзры потемнело, и его жестокие губы сжались в узкую полоску, сулившую мало приятного майору, если бы тот когда-нибудь оказался в его власти.

ГЛАВА XVI

ПЕРВЫЙ ШАГ

Бывший студент-медик испытал невероятную гордость, когда впервые вошел в контору фирмы, ведущей торговлю с Африкой, и ощутил, что он является одним из властителей этого делового мирка. Том Димсдейл обладал умом весьма практического склада, и, хотя изучение медицины было ему скучно, коммерцией он занялся с большим увлечением и энергией. Клеркам скоро пришлось убедиться, что этот загорелый, атлетически сложенный юноша отнюдь не смотрит на свое положение как на синекуру, после чего и они и старик Гилрей стали относиться к нему с уважением.

Гилрей вначале негодовал на это новшество — насколько вообще был способен негодовать такой кроткий и смиренный человек. Ведь до сих пор в отсутствие Гердлстонов он был в конторе самодержцем, но теперь в самой середине зала воздвигли конторку еще более высокую, чем его собственная,— и предназначалась она для пришельца. Гилрей, прослуживший фирме тридцать лет, был очень обижен подобной узурпацией его законных прав; однако захватчик оказался таким простодушным и доброжелательным человеком, он был так

искренне благодарен за всякую помощь в его новых обязанностях, что досада старого клерка вскоре рассеялась без следа.

Затем небольшое происшествие окончательно расположило его к Тому. Через несколько дней после водворения Тома в конторе несколько клерков, еще не совсем раскусивших, что̀ он за человек, воспользовались отсутствием Гердлстонов, чтобы посмеяться над старшим клерком. Один из них, долговязый шотландец, по фамилии Макалистер, после двух-трех не слишком безобидных шуточек в заключение уронил тяжелую линейку на край конторки, так, что она ударила старика по голове и сгорбленным плечам. Том, возмущенно наблюдавший за маневрами Макалистера, соскочил с табурета и бросился к нему через всю контору. Макалистер хотел было ответить ему какой-нибудь дерзостью, но грозно расправленные плечи Тома и краска негодования на его щеках заставили шотландца переменить намерение.

— Я нечаянно задел его,— пробормотал он.

— Не бейте его, сэр! — воскликнул Гилрей.

— Немедленно извинитесь перед ним! — потребовал Том сквозь зубы.

Макалистер, заикаясь, кое-как извинился, и дело на этом закончилось. Однако обитатели конторы увидели нового компаньона в неожиданном свете. Они не удивились бы, если бы обстоятельства происшествия были доложены главе фирмы, но то, что младший компаньон сам, прямо на месте, учинил суд и расправу, не укладывалось ни в какие привычные рамки. И с этого дня клерки начали относиться к Тому с большим почтением, а Гилрей стал его преданным рабом. Дружба со старым клерком оказалась очень полезной для Тома: терпеливые наставления Гилрея и вовремя подсказанные решения помогли ему в самое короткое время постичь тонкости ведения торгового дела.

Однажды Гердлстон пригласил его к себе в кабинет и поздравил с успешным началом.

— Мой юный друг,— сказал он обычным отеческим тоном,— я чрезвычайно рад тому, как вы близко принимаете к сердцу интересы фирмы. Если на первых порах вам может показаться, что поручаемую вам работу

способен выполнить простой клерк, то причиной тому лишь наше желание помочь вам разобраться в особенностях нашего дела на всех его ступенях.

— Я и сам хочу именно этого,— ответил Том.

— Ну, конторская работа и надзор за клерками — это само собой разумеется, но, кроме того, я хотел бы, чтобы вы во всех подробностях изучили правила погрузки и разгрузки наших судов, а также правила хранения товаров на берегу. Когда наши суда будут прибывать в порт, я хотел бы, чтобы вы присутствовали при разгрузке и за всем наблюдали.

Том кивнул, мысленно поздравив себя с этими новыми обязанностями, которые обещали быть очень интересными.

— Когда вы станете постарше,— продолжал глава фирмы,— вы поймете, как это важно — обладать практическим опытом во всем, что должны делать ваши подчиненные. Этому научила меня жизнь. Если у вас будут какие-нибудь затруднения, то за помощью и советом обращайтесь к Эзре. Хоть он и молод, но вы можете смело брать с него пример, ибо он наделен истинным деловым талантом. Когда же он уедет в Африку, то приходите ко мне, если чего-то не поймете.

Джон Гердлстон во время этой беседы, как и прежде, был, казалось, исполнен самой искренней благожелательности, и Том, не замедлив почувствовать к нему симпатию, пришел к выводу, что его отец судил старого коммерсанта слишком строго. Доброта Гердлстона произвела на него большое впечатление, и раза два он чуть было не рассказал ему о своей помолвке с его подопечной, но воспоминание о испуганном выражении, появившемся на личике Кэт, когда он высказал такое намерение, удержало его от подобного шага — он чувствовал, что без ее согласия не имеет права открыть их общую тайну.

Однако, хотя старший Гердлстон сильно выиграл при более близком знакомстве, сказать то же об Эзре было никак нельзя. Неприязнь, которую с самого начала питал к нему Том, только усугубилась при частом общении, да и Эзра, по-видимому, платил ему той же монетой, так что молодые люди почти не разговаривали. Эзра взял на себя ведение всех финансовых дел фирмы, и,

сообразив, что новый компаньон совсем не так прост, как ему прежде казалось, он еще более ревностно оберегал их тайну. Таким образом, у Тома не было возможности самому разобраться в истинном положении фирмы, и, подобно Гилрею, он твердо верил, что каждое их предприятие приносит большие и надежные прибыли. Оба они немало бы удивились, если бы узнали, что текущие расходы фирмы оплачиваются их собственными деньгами в ожидании той минуты, когда удачная спекуляция вернет торговому дому его былое благосостояние.

Однако в одном отношении Том, став членом фирмы, выиграл чрезвычайно много,— если бы не это, неизвестно, когда ему вновь удалось бы увидеться с Кэт. Последнее время коммерсант усилил надзор за ней и холодно отклонял все приглашения миссис Димсдейл и других знакомых, жалевших одинокую девушку, коротко сообщая, что здоровье его подопечной слишком хрупко и он не может подвергать ее опасности простудиться. В сущности, Кэт была пленницей в огромной каменной клетке на Эклстон-сквер, и, как мы знаем, даже на прогулках ее сопровождал стражник в облике приставленного к ней лакея. Какими бы соображениями ни руководствовался Джон Гердлстон, одно было ясно: он считал совершенно необходимым держать Кэт взаперти.

И все же Тому в силу его положения время от времени удавалось проникать за невидимые крепостные стены, которыми старик окружил молодую девушку. Если во время отсутствия главы фирмы в конторе вдруг возникал какой-нибудь важный вопрос, то мистер Димсдейл тотчас отправлялся на Эклстон-сквер, чтобы сообщить ему об этом,— и разве это не было вполне естественным? А если старого коммерсанта не оказывалось дома, то разве молодой человек не мог подождать его полчаса, коротая время в обществе мисс Харстон, которая была рада поболтать с другом детских лет, что также было вполне естественным? Как драгоценны были короткие минуты этих свиданий! И вдвойне драгоценны, потому что выпадали они так редко! Они озаряли унылые дни скучной и тягостной жизни, которую была вынуждена вести Кэт, а Том возвращался в контору, пре-

исполненный новых сил н надежды. И не за горамн были черные дин, когда воспоминаиие об этнх мнеутах стало еднистевнным проблеском солнечного света в мрачиых тучах, сомкиувшнхся над нх головами.

Накоиец прнблизнлось время, когда должно было решиться, спасет ли последиий отчаянный шаг кредит торгового дома «Гердлстои» нлн эта дерзкая попытка сделает положение фирмы еще более безиадежиым, а разореиие ее владельцев немннуемым. Не слишком щепетнльиый агент по фамилии Лэнгуортн был, как уже упоминалось, отправлеи в Россию с совершенио точнымн ннструкциями, что делать н каким образом. В свое время он служил в Одессе у английского хлеботорговца н немиого говорил по-русскн — обстоятельство, которое могло сыграть существеиейшую роль в его предприятии. Выдавая себя за аиглнйского джеитльмеиа, любителя научных заиятий, он должен был поселиться в каком-иибудь подходящем селеиии среди Уральских гор н пробыть там некоторое время, чтобы местные жители отнеслись с довернем к его предполагаемому открытию. Затем ему предстояло отправиться с алмазами в ближайший большой город, а имеино в Тобольск, и показать там драгоценные камии, подкрепив свое заявление свидетельскими показаниями местных крестьяи, которые прнсутствовалн прн иаходке. Гердлстоны твердо верили, что одиого этого нзвестия будет достаточно, чтобы вызвать паиику иа неустойчнвом алмазном рынке. А к тому времеин, когда будет произведено официальиое расследование, Лэигуорти успеет бесследио исчезнуть, а оии — успешно завершнть свою малеиькую спекуляцню. После этого чем раньше станет нзвестио, что слух оказался ложиым, тем лучше будет для иих. В том же, что установить нсточиик этого слуха окажется невозможно, они не сомневалнсь. И вот Эзра купнл билет на пакетбот «Сайпрнеи», направлявшийся в Капскую колонню. Перед отъездом он довольно долго сндел в бнблнотеке дома иа Эклстои-сквер, в последний раз обсуждая с отцом все подробиости их предприятия.

Старнк был бледен н расстроен. Его единствениой слабостью была любовь к сыну; как ин старался он скрыть ее под строгостью, любовь эта тем не менее была настоящей. И теперь, впервые расставаясь с сыиом иа

длительный срок, Джон Гердлстон болезненно переживал разлуку. Эзра был оживлен и думал только об ожидавшей его перемене и смелой операции, которую ему предстояло осуществить. Он бросился в кресло и вытянул во всю длину свои крепкие, мускулистые ноги.

— Теперь я разбираюсь в алмазах не хуже любого лондонского специалиста! — воскликнул он радостно.— Сегодня я оценил партию алмазов у ван Хелмера, а он считается знатоком. Он сказал, что ни один эксперт не оценил бы их точнее. Господи боже ты мой! Камушки были и самой чистой воды и с пороками, и прозрачные и с надцветом, и с изъянами и двойные, но я в них во всех разобрался! И, определяя рыночную цену, ни разу больше, чем на фунт, не ошибся!

— Твоя настойчивость и быстрая сообразительность достойны всяческих похвал,— ответил его отец.— Эти знания сослужат тебе неоценимую службу на алмазных полях. Но будь там очень осторожен, сын мой, хотя бы ради меня! Люди в подобных местах нередко грубы и бесчестны, но ты должен говорить с ними мягко. Я знаю, как ты вспыльчив, но помни мудрый завет: «Владеющий собой лучше завоевателя города» [1].

— Не бойтесь за меня, папа,— ответил Эзра, указывая со зловещей улыбкой на небольшую кожаную кобуру, лежавшую среди других его вещей.— Это лучший шестизарядный револьвер, какой только можно было купить за деньги. Как видите, я кое-чему научился у нашего доброго друга майора Клаттербека и приготовил шесть исчерпывающих ответов для всякого, кто решит мне перечить. Будь тогда со мной эта штучка, он от меня так просто не отделался бы!

— Ах, что ты, Эзра! — в величайшем волнении воскликнул его отец.— Нет, дай мне обещание, что ты будешь вести себя осмотрительно и избегать ссор и кровопролития. Ведь это же значит нарушить величайшую заповедь Нового Завета!

— Ну, сам я в ссоры ввязываться не буду,— ответил младший Гердлстон.— Мне это ни к чему.

---

[1] Изречение из библейской «Книги притчей».

— Однако если ты будешь твердо знать, что твой противник ни перед чем не остановится, так сразу же стреляй в него, мой милый мальчик, и не жди, чтобы он вытащил свое оружие. Я слышал от тех, кто бывал в подобных местах, что в таких случаях все решает первый выстрел. Я очень боюсь за тебя и успокоюсь только, когда снова с тобой увижусь.

«Черт побери! Да у него никак слезы на глазах!» — подумал Эзра, чрезвычайно удивленный этим беспрецедентным обстоятельством.

— Когда ты едешь? — спросил его отец.

— Мой поезд отходит примерно через час. Около трех утра я буду в Саутгемптоне на пакетботе, который должен отплыть в шесть при полном приливе.

— Береги свое здоровье,— продолжал старик.— Старайся не промачивать ног и обязательно носи фланелевое белье. И не забывай молиться и посещать церковь. Это всегда производит хорошее впечатление на тех, с кем мы заключаем деловые сделки.

Эзра, досадливо выругавшись, вскочил с кресла и принялся расхаживать по комнате.

— Уж когда мы вдвоем, можно было бы обойтись без елейности! — сказал он раздраженно.

— Мой милый мальчик! — с легким недоумением сказал его отец.— Мне кажется, ты находишься в заблуждении. По-видимому, ты считаешь, что мы затеяли что-то неблаговидное. Это ошибка. Мы просто готовы прибегнуть к небольшой коммерческой хитрости, сделать тонкий ход. Ведь всеми признанный принцип торговли издавна состоит в том, чтобы, покупая, добиваться снижения цены, а продавая, вновь ее всемерно повышать.

— То, что мы затеваем,— дело почти подсудное,— возразил его сын.— И запомните: никаких спекуляций в мое отсутствие! Любую будущую прибыль надо использовать на то, чтобы выбраться из этой трясины, а не завязать в ней еще глубже!

— Без крайней необходимости я не истрачу и пенни.

— Ну, в таком случае прощайте,— сказал Эзра, вставая и протягивая руку.— Приглядывайте за Димсдейлом и не доверяйте ему.

«Торговый дом Гердлстон»

«Торговый дом Гердлстон»

— До свидания, сын мой, до свидания! И да хранит тебя господь!

Старый коммерсант был искренне опечален, и голос его дрожал. Несколько минут он стоял неподвижно, пока не стукнула тяжелая парадная дверь, а тогда он распахнул окно и с грустью посмотрел вслед отъезжающему кэбу. Поза старика была такой горестной, что Кэт, войдя в библиотеку, почувствовала к своему опекуну непривычную жалость и симпатию. Она тихонько подошла к нему и нежно взяла его за руку.

— Он скоро возвратится, дорогой мистер Гердлстон,— сказала она.— Не надо так тревожиться!

В белом платье, с красной ленточкой на шее и красным кушаком Кэт была прелестна — вряд ли во всем Лондоне отыскалась бы еще одна девушка, в которой так полно воплощалась бы истинно английская красота. И когда Гердлстон посмотрел на ее свежее личико, его хмурое лицо прояснилось, и он протянул руку, словно собираясь приласкать ее, но тут ему в голову, по-видимому, пришла какая-то неприятная мысль, во всяком случае, он внезапно помрачнел и отвернулся от девушки, не сказав ей ни слова. И в эту ночь Кэт не раз вспоминала выражение, сходное с ужасом, которое внезапно исказило черты ее опекуна, когда он смотрел на нее.

ГЛАВА XVII

СТРАНА АЛМАЗОВ

Любящему отцу недолго пришлось ждать вестей от сына. Первого июня огромный пароход вышел из саутгемптонской гавани в Ла-Манш, а пятого достиг Мадейры, откуда коммерсант получил две телеграммы: от сына и от своего тамошнего агента. Затем наступило долгое молчание, так как в то время с Капской колонией еще не существовало телеграфной связи, но наконец восьмого августа пришло письмо, в котором Эзра сообщал о своем благополучном туда прибытии. Затем он написал из Веллингтона, где тогда кончался железнодорожный путь, а потом из Кимберли, главного города алмазного края,

подробно рассказав о том, как проехал эти последние восемьсот миль и какие приключения пережил в дороге.

«Кимберли,— сообщал Эзра в своем письме,— стал довольно большим городом, хотя несколько лет назад тут был только маленький поселок. Теперь в нем есть несколько церквей, банки и клуб. На улицах можно увидеть немало прилично одетых людей, хотя большинство прохожих составляют довольно грязные субъекты с копей в широкополых шляпах и пестрых рубахах — по виду все отчаянный народ, хотя ведут они себя довольно тихо. Разумеется, тут полно чернокожих всех оттенков — от угольного до светло-желтого. Попадаются черномазые с деньгами и очень нахальные. Вы подивились бы их наглости. Вчера в гостинице я дал одному такому хорошего пинка, а он спросил, какого черта я себе позволяю, так что мне пришлось сбить негодяя с ног. Он сказал, что подаст на меня в суд, но вряд ли здешние законы настолько подлы, чтобы поощрять дерзость негров по отношению к белым.

Хотя Кимберли считается столицей этого края, самая добыча алмазов ведется не здесь, а в поселках по реке Вааль, рассеянных на расстоянии в пятьдесят—шестьдесят миль. Обычно камни скупаются прямо в поселках и оплачиваются чеками на кимберлийские банки. Поэтому я перевел наши деньги в здешнее отделение Южно-Африканского банка. Все складывается для нас прекрасно. Завтра я выезжаю в Хеброн, Клипдрифт и другие поселки при копях, чтобы самому посмотреть, как ведутся тут дела, и, может быть, купить несколько камней, чтобы стать известным. Как только новости дойдут сюда, я скуплю все, что будет предложено. Приглядывайте за Димсдейлом и следите, чтобы он ничего не пронюхал».

Он написал еще раз через две недели, и в Атлантическом океане пароход, везший его письмо, встретился с пакетботом, который должен был доставить в Южную Африку известие о чудесном открытии английского геолога, который нашел алмазы среди Уральских гор.

«Я езжу по поселкам,— писал Эзра.— Я побывал во всех между Хеброном и Клипдрифтом: в Пенниэле,

Ковудс-Хопе, Вальдекс-Плаите, Ньюкеркс-Хопе, Уиитерраше и Блуджекете. Завтра уезжаю в Делпортс-Хоп и Ларкинс-Флэт. Всюду меия прииимают отлнчно, и не рады мие только скупщнкн, в большннстве немецкие евреи. Онн прослышали, что я лоидонский богач, н опасаются, как бы нз-за меия ие подиялнсь цеиы. Им неизвестно, что я сейчас покупаю только дешевые камни, так как нам следует сохраиить все свон ресурсы в целости.

Процесс добывания алмазов очеиь прост. Люди копают ямы в песке на речном берегу, и в этих-то ямах н отыскнваются алмазы. Всю работу исполняют негры, «бои», как их тут иазывают, а хозяии, «босс», следит за иими. Все иаходкн принадлежат боссу, ио боям выплачивается точно установлениое жаловаиье, иезавнсимо от того, отыскивают ли они что-нибудь или иет.

Когда я в Хеброне наблюдал за работой такой команды, белый иадсмотрщик вдруг закричал, суиул руку в только что выброшенную кучу песка н вытащил неприглядиый шарнк велнчниой с небольшой грецкнй орех. На его крнк сбежались хозяева всех соседннх участков.

«Прекрасиый камень!» — сказал тот, кто его нашел.

«Пятьдесят каратов, не меиьше!» — воскликиул другой, взвешивая алмаз иа ладонн.

Со мной былн весы, н я предложил взвеснть его. Ои потянул шестьдесят четыре с половнной карата. Затем онн вымыли его и внимательио осмотрелн. Потом оии долго шептались, после чего хозяии камия подошел ко мне.

— Вы ведь покупаете камни, мистер Гердлстои? — спросил он.

— Иногда,— ответнл я.— Но вообще-то я этнм не слишком нитересуюсь н езжу больше для удовольствия, чем для дела.

— Ну,— ответил он,— вам прндется долго поездить, прежде чем вы найдете камень получше. Сколько вы за него дадите?

Я поглядел на камень н сказал:

— Окраска неравномерная.

— Ои же белый! — заявил хозяин, а приятели его поддержалн.

— Господа! — сказал я. — Камень вовсе не белый. Он с желтым надцветом. И ничего не стоит.

— Да коли он желтый, — говорит какой-то чернобородый верзила в вельветовых штанах, — так от этого за него надо взять дороже. Желтый алмаз ничуть не хуже белого.

— Конечно, — отвечаю я. — При условии, что окраска равномерная. А этот камень — грязно-желтый. И вы это знаете не хуже меня.

— Так вы его не купите? — спрашивает один из них.

— Могу дать за него семьдесят фунтов и ни пенни больше, — говорю я.

Слышали бы вы, как они взвыли!

— Да он стоит пятьсот фунтов! — завопил кто-то.

— Прекрасно, — сказал я, — оставьте его себе и продайте за эту сумму. Всего хорошего! — И я уехал.

В тот же вечер мне прислали этот камень с просьбой выписать чек на семьдесят фунтов, а через два дня я продал его за сто фунтов. Как видите, уроки ван Хелмера мне весьма пригодились. Я рассказал вам про этот случай только для того, чтобы вы убедились, что хоть я и новичок в этом деле, провести меня никому не удастся. В здешних газетах нет никаких известий из России. Но я к ним готов. Как вы поступите, если что-нибудь помешает нашей операции? Сбежите с остатком капитала или пойдете ко дну с развернутым флагом, уплатив столько-то шиллингов за фунт? Чем больше я об этом думаю, тем сильнее проклинаю ваше безумие, из-за которого мы очутились в нынешнем положении. Всего хорошего».

— Он прав, это было безумие! — сказал старый коммерсант, опуская голову на руки. — Конечно, мальчик мог бы и не упрекать меня, находясь так далеко, но ведь он всегда был грубоват и не любил обиняков. «Если что-нибудь помешает нашей операции...» Вероятно, его гнетут какие-то сомнения, иначе он не написал бы так. Лишь богу известно, как я поступлю в подобном случае. Есть и еще способы... другие способы...— Он провел рукой по глазам, словно отгоняя страшное видение. Его сумрачное лицо так исказилось, что в нем трудно было узнать почтенного старейшину тринитарианской об-

щины или всеми уважаемого коммерсанта с Фенчерч-стрит.

Некоторое время Гердлстон размышлял, а потом поднялся на ноги и позвонил. По этому сигналу в комнате появился Гилрей — так быстро и так бесшумно, что его можно было бы принять за какого-нибудь послушного джина из восточной сказки, если бы только весь его облик от кончиков измазанных в чернилах пальцев до изношенных башмаков не был столь прозаичен и не выдавал в нем сразу старого клерка.

— А, Гилрей! — начал коммерсант.— Мистер Димсдейл в конторе?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Он, кажется, является сюда аккуратно?

— Очень аккуратно, сэр.

— И, кажется, начинает хорошо разбираться в делах?

— На редкость быстро привыкает, сэр,— ответил старший клерк.— Он и в порт поспевает и в контору, так что прямо с утра до ночи трудится.

— Так и следует, так и следует,— сказал Гердлстон, поигрывая пресс-папье.— Прилежание в юности, Гилрей, приносит досуг в старости. «Дева Афин» разгружается?

— Мистер Димсдейл побывал там утром, сэр. Разгрузка идет быстро. Только он хотел обратить ваше внимание на состояние судна, мистер Гердлстон. Он говорит, что оно даже в порту течет и что некоторые матросы отказываются идти на нем в новый рейс.

— Гм-гм! — досадливо хмыкнул Гердлстон.— А для чего же существуют портовые инспектора? Зачем им платят жалованье, если мы сами будем осматривать суда? Когда инспекция потребует ремонта, мы его произведем.

— Инспектора были на судне одновременно с мистером Димсдейлом, сэр,— робко сказал Гилрей.

— Ну и что же? — спросил хозяин.

— Он говорит, сэр, что инспектора спустились в каюту с капитаном Спендером, и он угостил их шампанским. Потом они заявили, что вполне удовлетворены состоянием судна, и ушли.

— Ну, вот видите! — с торжеством воскликнул глава фирмы. — Разумеется, инспектора с одного взгляда могут определить положение вещей, и они не преминули бы обратить внимание капитана на неполадки, если бы действительно там было что-нибудь серьезное. И впредь лучше не поднимать ложной тревоги. Скажите об этом мистеру Димсдейлу, но от своего имени, а не от моего. Посоветуйте ему быть осмотрительнее и не торопиться с выводами.

— Непременно, сэр.

— И подайте мне тридцать третий гроссбух.

Гилрей протянул руку и, сняв с полки пухлый томик, почтительно положил его на стол перед хозяином. Затем, убедившись, что больше от него ничего не требуется, старший клерк тихо удалился.

Тридцать третий гроссбух был снабжен специальным замочком, который надежно охранял его от посторонних глаз. Джон Гердлстон вынул из кармана маленький ключик и с легким щелчком отпер замок. Это была бесценная книга, личный гроссбух главы фирмы. Только он показывал истинное положение дел, а все остальные счетные книги создавали обманчивую иллюзию благополучия. Только благодаря этой книге старый коммерсант мог так долго держать своего сына в неведении, открывшись ему лишь тогда, когда его принудила к этому горькая необходимость.

Гердлстон медленно и грустно листал ее страницы. Вот суммы, поглощенные «Компанией по добыче золота у озера Танганьика», которая должна была приносить тридцать три процента дивидендов, но лопнула на втором месяце своего существования. А вот ссуда, предоставленная «Дюреру, Холлету и К°» под обеспечение, которое при ближайшем рассмотрении не обеспечило ничего. Далее были запечатлены сделки фирмы с «Левантийской нефтяной компанией», казначей которой скрылся с большей частью капитала компании. Тут же следовали суммы, погибшие вместе с «Вечерней звездой» и «Провиденнем», чье злосчастное столкновение нанесло фирме смертельный удар. Это были печальные страницы, но, пожалуй, самой печальной была последняя. На ней старый коммерсант в сжатой форме изложил

финансовое положение фирмы к этому моменту. Вот слово в слово, что он собственноручно написал там:

ГЕРДЛСТОН И К°

Октябрь 1876 года.

Дебет:		Кредит:	
Долги, сделанные до признания Эзре	34 000 ф.	Эзра в Африке располагает следующими деньгами для скупки камней	35 000 ф.
15 000 ф., занятые на полгода, и 20 000 ф., занятые на девять месяцев	35 000 ф.	Наличность в банке, включая остатки вклада Димсдейла	8 400 ф.
Проценты на вышеуказанный заем из пяти годовых	1 125 ф.	Прибыль от груза «Девы Афин», стоящей в порту	2 000 ф.
Текущие расходы фирмы на ближайшие полгода, включая затраты на суда по 150 ф. в неделю	3 900 ф.	Прибыли от груза «Черного орла», «Лебедя» и «Пантеры», прикинутые из того же расчета	6 000 ф.
Расходы на дом на Эклстон-сквер примерно	1 000 ф.	Дефицит	25 425 ф.
Расходы Лэнгуорти в России и моего милого сына в Африке примерно	600 ф.		
Страховые взносы	1 200 ф.		
Итого:	76 825 ф.	Итого:	76 825 ф.
Все эти деньги необходимо изыскать самое крайнее через девять месяцев.		Возможная гибель какого-нибудь из судов может принести от 12 000 ф. до 20 000 ф.	

— Но ведь это не так уж скверно в конце-то концов! — пробормотал коммерсант после того, как он долго и внимательно изучал вышеприведенные цифры. Он откинулся в кресле и уставился в потолок гораздо более бодрым взглядом.— В худшем случае дефицит не превысит тридцати тысяч фунтов. Да многие фирмы сочли бы его пустяком. Дело в том, что я привык слишком долго видеть большие сальдо на правой стороне, и теперь, когда я увидел такие же цифры слева, мне показалось это ужасным. Есть десятки возможностей исправить поло-

женне! Но не следует забывать,— продолжал он, нахмурясь,— что я совсем истощил свой кредит и любой новый заем может вызвать подозрения, после чего все эти стервятники разом накинутся на нас. Нет, наша главная надежда заключена в алмазах. Эзра не может потерпеть неудачу. Он должен добиться успеха. И кто может помешать ему?

— Майор Тобиас Клаттербек,— раздался скрипучий голос Гилрея, словно в ответ на этот вопрос, а затем старый клерк, стук которого не был услышан, распахнул дверь и впустил в кабинет старого ветерана.

ГЛАВА XVIII

МАЙОР ТОБИАС КЛАТТЕРБЕК ПОЛУЧАЕТ ТЫСЯЧУ ФУНТОВ

В те дни, когда Эзра находился с майором в приятельских отношениях, Джон Гердлстон часто слышал о нем от сына и приписывал некоторые из наиболее очевидных пороков молодого человека развращающему влиянию этого безбожника. Кроме того, Эзра в несколько искаженном виде сообщил ему о беседе и ссоре в кафе Нельсона. Таким образом, старик, вполне естественно, питал к своему посетителю отнюдь не дружеские чувства и поздоровался с ним чрезвычайно холодно. Однако этот ледяной прием нисколько не смутил майора, который, сияя улыбкой, протянул коммерсанту пухлую руку, так что тот волей-неволей пожал ее.

— Как поживаете? — осведомился майор, отступая шага на два и оглядывая коммерсанта с таким видом, словно примеривался к покупке.— Я много о вас слышал. И познакомиться с вами — большое удовольствие. Ну, так как же вы поживаете? — И, схватив руку Гердлстона, он снова горячо ее пожал, нисколько не смутившись, когда это пожатие осталось без ответа.

— По милости провидения я нахожусь в добром здравии,— холодно ответил Джон Гердлстон.— Могу я предложить вам кресло?

— Вот мой приятель Фейген двенадцать лет ждал, чтобы ему предложили кресло в парламенте, и это его

погибло. Он выставил свою кандидатуру от консерваторов в Мерфитауне и получил всего один голос, да и то слепого, который по ошибке подписал не тот бюллетень. Ха-ха-ха! — И майор, громко захохотав над собственным анекдотом, вытер лоб носовым платком.

Эти два человека, стоявшие друг против друга, представляли собой странный контраст: один — высокий, строгий, бледный и сдержанный, другой — шумный и важный, с выпяченной по-военному грудью и багровым лицом. Однако между ними было и нечто общее: из-под косматых бровей коммерсанта и редких белесых ресниц майора с одинаковой беспокойной настороженностью смотрели проницательные глаза. Оба они были хитры, и каждый равно не доверял другому.

— Мне говорил о вас мой сын, — сказал коммерсант, указывая своему посетителю на стул. — Если не ошибаюсь, вы имели обыкновение встречаться ради карт, бильярда и других таких же азартных игр, которые я отнюдь не одобряю, хотя мой сын, к несчастью, питает к ним некоторую слабость.

— Ах, так вы сами, сэр, не играете! — сочувственно сказал майор. — Черт побери, начать никогда не поздно, а немало людей очень приятно коротали старость с помощью бильярда и виста! И если вы склонны начать, я готов дать вам для затравки семьдесят пять очков форы на сотню.

— Благодарю вас, — сухо ответил коммерсант. — Такого желания у меня нет. Следовательно, это и есть то дело, которое привело вас сюда?

Бравый воин захохотал так, что даже клерки в конторе перепугались.

— Черт возьми! — пробормотал он, задыхаясь. — Неужто, по-вашему, я отправился бы ради этого за пять миль? Нет, сэр, я хотел бы поговорить с вами о вашем сыне.

— О моем сыне?

— Да, о вашем сыне. Умный мальчик, сэр, очень умный, и своего не упустит. Грубоват, конечно, но таков уж дух века, дорогой сэр. Мой друг Тафлтон, лейб-гвардеец, утверждает, что деликатность вышла из моды вместе с пудреными волосами и мушками. Чертовски язвительный человек этот Тафлтон! Вы с ним не знакомы, а?

— Нет, сэр, не знаком,— сердито ответил Гердлстон.— И не имею ни малейшего желания с ним знакомиться. Перейдемте к делу, потому что я дорожу своим временем.

Майор посмотрел на него с дружеской улыбкой.

— Это у вас семейная вспыльчивость,— сказал он.— Я замечал ее у вашего сына Эзры. Ну, как я уже говорил, он умный мальчик, но, друг мой, при этом ему свойственна большая неосмотрительность и опрометчивость. Вам следовало бы поговорить с ним.

— Что означают ваши слова, сэр? — вскричал коммерсант, побелев от гнева.— Или вы явились сюда для того, чтобы оскорблять моего сына в его отсутствие?

— В его отсутствие...— протянул майор все с той же дружеской улыбкой.— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить. Он сейчас в Африке, на алмазных копях. Замечательное предприятие, и ведется оно с поразительной энергией, но и со столь же поразительной опрометчивостью, сэр... Да-да, черт побери, с непростительной опрометчивостью!

Гердлстон взял в руки тяжелую линейку черного дерева и начал нервно ею поигрывать. Его снедало непреодолимое желание швырнуть ее в голову собеседника.

— Вот, например, что вы сказали бы,— продолжал ветеран, закидывая ногу за ногу и переходя на конфиденциальный тон,— что вы сказали бы, если бы к вам явился молодой человек и, считая вас старым мошенником, попросил бы вас поспособствовать ему в одном довольно темном деле? Это доказало бы его неосмотрительность, не так ли?

Коммерсант сохранял полную неподвижность, и только его бледное лицо побледнело еще больше.

— А если бы в довершение всего он сообщил бы вам свой план в подробностях, не озаботившись даже узнать, одобряете ли вы подобные вещи или нет, так это была бы уже не простая оплошность, не так ли? Ваш здравый смысл, несомненно, подскажет вам, дорогой сэр, что он поступил бы в подобном случае до преступности глупо... до преступности, сэр!

— Ну и что же, сэр? — хрипло спросил коммерсант.

— Да вот,— ответил майор.— Я не сомневаюсь, что он рассказал вам об одном нашем с ним небезынтерес-

ном разговоре. Он был так любезен, что обещал мне от имени вашей фирмы щедрое вознаграждение, если я соглашусь съездить в Россию и сделать вид, будто мне удалось открыть там несуществующие россыпи. В конце концов он вынудил меня указать ему, что определенные принципы, которым издревле привыкли следовать члены моего рода,— тут майор еще больше выпятил грудь,— не позволяют мне воспользоваться его выгодным предложением. После чего он, к сожалению, вышел из себя, мы оба погорячились и в результате расстались так поспешно, что я не успел дать ему понять, насколько он был неосторожен.

Коммерсант все еще сидел неподвижно и только постукивал по столу черной линейкой.

— Разумеется,— объяснил майор,— то, что я узнал об этом плане, пробудило во мне любопытство, и я с интересом стал следить за дальнейшим его развитием. Я видел, как некий джентльмен отбыл в Россию — его фамилия Лэнгуорти, если не ошибаюсь. Черт возьми, я знал одного Лэнгуорти — он служил в морской пехоте и каждое утро перед завтраком пил коньяк с кайенским перцем. А вы были с ним знакомы? Ну, конечно, откуда же... О чем, бишь, я говорил?

Гердлстон мрачно смотрел на своего посетителя, который взял понюшку табаку из черепаховой табакерки и тщательно стряхнул несколько табачных крошек, упавших на лацканы его сюртука.

— Да,— продолжал он.— Я видел, как Лэнгуорти уехал в Россию. А затем я узнал, что ваш сын отправился в Африку. Он очень энергичный молодой человек и, несомненно, там преуспеет. «Coelum, non animam mutant» [1],— как мы имели обыкновение говорить в Клонгоусе. Он всегда пробьется вперед, где бы он ни находился, если, конечно, будет остерегаться промахов вроде того, о котором мы сейчас говорим. Примерно в то же время я услышал, что фирма «Гердлстон и К°» произвела заем в размере тридцати пяти тысяч фунтов. Эти деньги, я полагаю, также отправились в Африку. Порядочная сумма для подобной игры; впрочем, неудачи было бы трудно ожидать, зная обо всем вы один, но раз есть и другие...

[1] «Небо, не души меняют те...» — строка из «Послания IX» римского поэта Горация. Она заканчивается: «...кто за море едет».

— Другие?

— Ну, я, разумеется,— ответил майор.— Мне все известно, и я никак с вами не связан. Я мог бы уже сегодня вечером пойти к торговцам бриллиантами и сообщить им новость о предполагаемом падении цен, которая их очень удивит.

— Послушайте, майор Клаттербек! — воскликнул Гердлстон голосом, дрожавшим от сдерживаемой ярости.— Вам стал известен важный коммерческий секрет. Так к чему все эти недомолвки? С какой целью вы явились сюда сегодня? Что́ вам нужно?

— Отлично! — сказал майор, словно про себя, и улыбнулся еще более дружеской улыбкой.— Это по-деловому. Вот в чем ваша сила — вас, коммерсантов. Вы прямо переходите к сути и уж от нее не отступаете. И сейчас, когда я гляжу на вас, мне невольно вспоминается ваш сын. Те же самые умнейшие глаза, то же самое бодрое выражение, та же отчаянная беззаботность и суховатый юмор...

— Ответите вы на мой вопрос или нет? — свирепо перебил его Гердлстон.

— И та же вспыльчивость,— невозмутимо продолжал майор.— Я забыл, дорогой сэр, о чем вы меня спросили.

— Что вам нужно?

— Ах да, конечно! Что мне нужно? — задумчиво повторил старый солдат.— Одни запросили бы больше, другие меньше. Кое-кто потребовал бы половину, но это значит перегнуть палку. Что вы скажете о тысяче фунтов? Да, мне кажется, мы можем остановиться на тысяче фунтов.

— Вам нужна тысяча фунтов?

— Черт побери, она была нужна мне всю мою жизнь! Разница в том, что теперь я ее получу.

— А за что?

— За молчание... за сохранение нейтралитета. Мы теперь все соучастники, и это будет честным разделением труда. Вы придумываете план, ваш сын его выполняет, я держу язык за зубами. Вы зарабатываете ваши десятки тысяч, я зарабатываю мою скромную тысчонку. И мы все получаем вознаграждение за наши труды.

— А если я не соглашусь?

— Но вы же согласитесь... Вы не можете не согласиться,— любезно возразил майор.— Черт побери, сэр, мы знакомы не так уж давно, но я слишком высокого о вас мнения, чтобы предположить, будто вы способны на подобную глупость. Если вы не согласитесь, ваша спекуляция лопнет. И это неизбежно. Мне будет крайне неприятно подвести под нее мину, но вам известно старинное присловье, что своя рубашка к телу ближе. И знания следует продавать там, где за них дадут больше всего.

Гердлстон погрузился в размышления, и его косматые брови совсем сошлись над беспокойными глазками.

— Вы сказали моему сыну,— произнес он наконец,— что принять участие в нашем предприятии вам не позволяет честь. Но вы считаете, что честь не является препятствием для того, чтобы с помощью сведений, вам доверенных, вымогать деньги?

— Дорогой сэр! — ответил майор, неодобрительно подняв ладонь.— Вы ставите меня перед крайне неприятной необходимостью изложить мою точку зрения прямо и без смягчений. Если бы я увидел человека, готового совершить убийство, я убил бы его, не моргнув и глазом. Если бы я увидел карманника, занятого своим ремеслом, я с удовольствием обчистил бы его карманы и счел бы это веселой шуткой. Ну, а это ваше дельце, скажем... э... несколько необычно, и если мой поступок также представляется вам несколько необычным, он все же извинителен. Нельзя бросать во всех камнями, мой милый, а потом удивляться, что и в вас кто-то бросил камень. Вы берете за горло торговцев алмазами, а я слегка прижимаю вас. Все честно и справедливо.

Коммерсант снова задумался.

— Предположим, мы согласимся купить ваше молчание за эту цену,— сказал он затем.— Но какая у нас будет гарантия, что вы не потребуете еще денег или всетаки не выдадите нашу тайну?

— Честь солдата и джентльмена,— ответил майор, вставая и прижимая к груди два пальца правой руки.

По бледным губам Гердлстона пробежала злая усмешка, но он промолчал.

— Мы в вашей власти,— сухо начал он несколько секунд спустя,— и нам приходится принять ваши условия. Вы сказали, пятьсот фунтов?

— Тысяча,— весело поправил майор.
— Это очень большие деньгн.
— Весьма! — охотио согласнлся ветеран.
— Хорошо, вы их получнте. Я сообщу вам, когда,— и Гердлстои встал, показывая, что разговор окончен.

Майор ничего не ответнл, а только снова оскалнл свои белые зубы н постучал по чековой книжке мнстера Гердлстона серебряиым набалдашником своей тростн.

— Как? Сейчас?
— Да, сейчас.

Онн посмотрелн друг другу в глаза, после чего коммерсант снова сел, выпнсал чек и броснл его своему собесединку. Тот внимательно его оглядел, достал нз недр грудного кармана пухлый маленький бумажиик, аккуратно уложил в него драгоцениый листок, а затем тщательио засуиул бумажинк иазад в кармаи. Покоичнв с этим, он неторопливо взял свою щегольскую шляпу с загнутыми полямн н блестящие лайковые перчатки, весело кивнул коммерсанту, который в ответ только нахмурился, н величественной походкой вышел нз кабннета. В конторе ои пожал руку Тому, с которым познакомнлся за несколько месяцев до этого, предложнл ему, во-первых, угостнть его любым количеством шампаиского, во-вторых, сыграть с ннм на бильярде по любым ему угодным ставкам, а в-третьих, поставнть за него десятку на Эмнлию на Оукских скачках нз расчета семь к четырем (все три предложения Том по очередн с благодарностью отверг) и с поклоном удалнлся, а его улыбки, воротничкн и гетры надолго запечатлелись в памятн клерков, почтительно иа иего взиравших.

Как бы беспристрастный судья нн оцеиил способ, с помощью которого майор Тобнас Клаттербек успешно выжал нз фнрмы «Гердлстон» тысячу фунтов, одно несомиенио: закаленная совесть вышеупомянутого джентльмена ничуть его не укоряла. Наоборот, его душа была нсполнена величайшего ликования. На протяженнн каких-нибудь ста ярдов ему пришлось дважды остановнться и опереться на трость, чтобы оправнться от одышки, вызваниой тщетиымн усилиямн подавить радостные смешки, которые вырывались из самых глубнн его обшириой груди. Остаиовнвшнсь во второй раз, ои с трудом засунул руку под лацкаи сюртука, сидевшего на нем в об-

тяжку, долго извивался так, словно был намерен сбросить с себя одежду, как змея кожу, н наконец вновь извлек иа свет божнй пухлый бумажинк. Из иего он достал чек н с нежиостью посмотрел на тонкий лнсток. Затем подозвал извозчика.

— Гоните в «Столичный н провннцнальный банк»! — приказал он. (Ему пришло в голову, что ввиду непрочного положеиня фирмы будет лучше получить свои деньги елико возможио быстрее.)

В банке угрюмый кассир взял у майора чек н принялся его рассматривать, что продолжалось несколько дольше, чем того требовалн обстоятельства. Прошло, правда, лишь две-три миуты, но майору онн показалнсь вечностью.

— Как вам угодно их получнть? — спросил наконец кассир мрачиым голосом. Человек не может не стать цнником, если весь деиь он выдает другнм людям сказочиые богатства, в то время как его жеиа н шестеро детей чуть лн не голодают.

— Сотню дайте золотом, остальное банкнотами,— со вздохом облегчеиня распорядился майор.

Кассир отсчитал и пододвииул к иему толстую пачку хрустящих бумажек н небольшую кучку сверкающих совереиов. Баикиоты майор спрятал в бумажиик, а золото — в кармаиы брюк. Затем он нетороплнво вышел из баика еще более величествеииой походкой и прнказал своему нзвозчику ехать на Кеииедн-плейс.

Фои Баумсер сидел на складиом стуле майора, курил свою фарфоровую трубку н мечтательно следнл за голубоватыми струйкамн дыма. Последнее время дела приятелей шли очеиь плохо, о чем достаточио красиоречиво говорил жалкий облик иемца. Его друзья в Германнн перестали высылать ему вспомоществоваиие, а контора Эккермаиа, в которой ои работал, известнла его, что некоторое время они должиы будут обходиться без его услуг. Теперь он все дии проводил за изучеиием колоикн «требуются» в «Дейли телеграф», и его выпачкаиный в чернилах указательиый палец иеопровержнмо свидетельствовал об упорстве, с какнм фон Баумсер отвечал на все объявления, которые могли иметь к нему хоть какое-то отношеиие. На столе лежала стопка конвертов с надписаииыми адресамн, и только тяжелое финансовое поло-

жение в сочетании с тем фактом, что при частом употреблении скромные марки ценой в пенни обходятся в шиллинги, мешало ему еще увеличить число писем с предложением своих услуг. Увидев приятеля, он поднял голову и поздоровался с ним.

— Убирайтесь отсюда! — еще в дверях скомандовал майор.— Идите в спальню.

— Потцтаузенд![1] Что такое произошло? — вскричал удивленный немец.

— Убирайтесь, убирайтесь! Мне нужна эта комната.

Фон Баумсер пожал плечами, тяжело переваливаясь, словно добродушный медведь, ушел в спальню и притворил за собой дверь.

Едва он скрылся, как майор принялся раскладывать на столе банкноты так, чтобы каждая была видна. Затем в их центре он воздвиг кружок из десяти золотых колонок, по десять соверенов в каждой, соорудив таким образом нечто вроде мегалитического Стонхенджа[2] на равнине из банкнот. Закончив эту работу, майор наклонил голову набок, словно жирный надутый индюк, и с большой гордостью и удовлетворением принялся созерцать плоды своих трудов.

Однако одинокие восторги скоро приедаются, и ветеран поспешил позвать своего приятеля. Немец был настолько потрясен видом такого богатства, что на несколько минут лишился дара речи и только мог, раскрыв рот, тупо глядеть на стол. Наконец он протянул руку, взял банкноту, потер ее между большим и указательным пальцами, словно желая убедиться в ее подлинности, а затем принялся отплясывать вокруг стола какой-то военный танец, ни на миг не отрывая взгляда от сказочного сокровища.

— Майн готт! — восклицал он.— Гнедигер фатер! Ах, химмель! Вас фюр айнен шатц! Доннерветтер![3] — и еще всяческими столь же неблагозвучными словечками выражал свою радость и изумление.

---

[1] Тысяча чертей! *(нем.)*

[2] Крупнейшее мегалитическое сооружение, расположенное в Англии у города Солсбери. Представляет собой круг вертикально поставленных камней.

[3] Мой бог! Отец небесный! О небо! Какое сокровище! Черт побери! *(нем.)*

Когда майор достаточно насладился игрой чувств, отражавшихся на физиономии немца, он собрал банкноты, сгреб половину золотых и запер все это в бюро. Оставшиеся пятьдесят фунтов он вновь водворил в свои карманы.

— Пошли!—скомандовал он, обращаясь к приятелю.

— Куда пошли? В чем все дело?

— Пошли! — сердито рявкнул майор.— Что это вам вздумалось задавать вопросы? Берите шляпу и идем!

Майор велел извозчику дожидаться у дома, и теперь они оба прыгнули в карету.

— В ресторан Верди,— распорядился майор.

Когда они прибыли в это аристократическое и весьма дорогое заведение, майор заказал обед на две персоны — самый лучший, какой только можно получить за деньги.

— Чтобы он был готов ровно через два часа! — заявил он метрдотелю.— И, запомните, никаких разбавленных вин! Мы предпочитаем настоящее вино и, черт побери, умеем отличить его от подделки!

Внушив метрдотелю глубокое почтение, приятели отправились в магазин готового платья.

— Я туда не пойду,— сказал майор, всовывая в руку фон Баумсера десять соверенов.— Идите вы и скажите, что вам нужен самый лучший костюм, какой только у них есть. В этом магазине недурной выбор, я знаю.

— Готт им химмель! — воскликнул пораженный немец.—Но, мой дорогой друг, я не могу, чтобы вы здесь на улице меня ждали. Пойдите со мной.

— Нет, я подожду,— ответил старый воин.— Иначе они подумают, что за вашу одежду плачу я.

— Да, но ведь так...

— Пойдете вы или нет? — рявкнул майор, поднимая трость, и фон Баумсер поспешно бросился в магазин.

Через двадцать минут он вновь появился на улице, но уже в элегантном костюме из твида лиловатого оттенка. Затем приятели посетили сапожника, шляпочника и галантерейщика, в результате чего фон Баумсер обзавелся лакированными сапогами, щегольской шляпой и парой бледно-лимонных перчаток. К концу их прогулки от былого фон Баумсера осталась только светло-каштано-

вая борода и еще выражение полнейшей изумленной растерянности.

По завершении этой трансформации приятели вернулись в ресторан Верди, где воздали должное ожидавшим их яствам, а затем майор покорил сердца служащих этого заведения, раздавая щедрые чаевые всем, кто попадался ему на дороге. Что же касается дальнейших приключений этих двух подданных царства богемы, то, пожалуй, лучше всего будет опустить над ними завесу тайны. Достаточно сказать только, что в два часа ночи достойная миссис Робинс была разбужена громовым басом, вопрошавшим на улице: «Во ист дас фатерланд?»[1] Вопрос этот с немалой досадой задавал собственник вышеупомянутого голоса одинокому фонарю на Кеннеди-плейс. Выглянув из двери, хозяйка меблированных комнат обнаружила, что общественную тишину и порядок нарушает одетый по последней моде господин, в котором при ближайшем рассмотрении она, к величайшему своему изумлению, узнала одного из самых тихих своих жильцов, делившего с другом апартаменты на четвертом этаже. Что же касается майора, то он спокойно вернулся домой на следующий день часов около двенадцати, одетый с обычной изысканной аккуратностью, но без единого пенса; куда делись остатки пятидесяти фунтов, он не объяснил и вообще никогда ни словом не упомянул об этом довольно чувствительном ущербе, нанесенном его капиталу.

ГЛАВА XIX

ВЕСТИ С УРАЛА

Майор Тобиас Клаттербек совершенно справедливо рассудил, что чем дольше он придержит свою козырную карту и чем позже он с нее пойдет, тем больший будет эффект. Препятствие, возникающее в последнюю минуту, ошеломляет гораздо больше, чем препятствие, с которым сталкиваются в самом начале предприятия. Однако оказалось, что он чуть было не опоздал со своим шан-

[1] Где отечество? *(нем.)*

тажом, так как дня через два после его беседы с главой фирмы пришло известие о замечательном открытии алмазных россыпей среди Уральских гор. Началось с того, что Центральное агентство новостей получило следующую телеграмму:

«Москва, 22 августа. Из Тобольска сообщают, что в отрогах Уральских гор неподалеку от этого города открыто крупное месторождение алмазов. Сделал это открытие геолог-англичанин, который в доказательство своей находки представил много великолепных камней. В Тобольске эти камни осмотрели ювелиры и признали их равными по качеству лучшим алмазам, добывающимся в различных частях мира. Уже образована компания, намеревающаяся приобрести землю и начать разработку месторождения».

Несколько дней спустя агентство Рейтер сообщило дальнейшие подробности.

«Касательно алмазных россыпей под Тобольском,— говорилось в телеграмме,— есть основания предполагать, что по богатству они превосходят все известные доныне алмазные поля. Подлинность открытия не вызывает сомнения, так как его совершил английский джентльмен, известный и уважаемый человек, чей рассказ подтвердили и местные крестьяне, сами выкапывавшие камни. Правительство намерено дать компании отступного, чтобы самому начать разработку месторождений, используя принудительный труд политических каторжников, который издавна с большой выгодой используется на соляных копях Сибири. Открытие это повсеместно оценивается как значительный вклад во внутренние ресурсы страны, и ходят слухи, что совершивший его энергичный ученый должен получить весьма весомый знак благодарности».

Примерно через неделю после телеграмм в Лондон начали приходить письма корреспондентов различных газет, еще более подробно освещавшие это сенсационное событие. «Таймс» посвятила ему передовую.

«По-видимому,— заявила прославленная газета,— список минеральных богатств Российской империи пополнился весьма существенным добавлением. Серебряным рудникам Сибири и нефтяным скважинам Кавказа, судя по всему, придется уступить первенство алмазным

россыпям Уральских гор. Неисчислимые тысячелетия эти бесценные кристаллы углерода таились в угрюмых ущельях, ожидая, чтобы их подняла человеческая рука. И указать русской нации на сокровище, которое лежало, никому неведомое, в самом сердце их страны, выпало на долю нашему соотечественнику. История эта весьма романтична. Оказывается, некий мистер Лэнгуорти, богатый английский джентльмен из хорошей семьи, путешествуя по России, достиг наконец величественного горного барьера, который отделяет Европу от Азии. Будучи страстным охотником, он как-то бродил в поисках дичи по одной из долин Урала, где его внимание внезапно привлекли кучи крупного песка в русле пересохшего потока. Вид этого песка и вся местность привели ему на память южноафриканские алмазные поля, и впечатление было настолько сильным, что он тотчас положил ружье и принялся просеивать песок. Его поиски были вознаграждены находкой нескольких крупных камней, которые он унес с собой, и, очистив их дома, убедился, что это алмазы самой чистой воды. Окрыленный этим успехом, он на следующий день вернулся на место с лопатой и, отыскав еще много драгоценных кристаллов, пришел к выводу, что россыпь тянется на большое расстояние вверх и вниз по обоим берегам потока. После этого наш соотечественник отправился в Тобольск, где показал свою драгоценную находку нескольким богатым купцам и начал создавать компанию для разработки нового алмазного месторождения. Его начинание оказалось весьма успешным, акции компании уже продаются по цене, значительно превышающей номинальную, и, по сообщению нашего корреспондента, крупные капиталисты соперничают друг с другом за право вложить деньги в столь многообещающее предприятие. Через несколько месяцев предполагается уже установить необходимое оборудование и начать добычу».

«Дейли телеграф» предпочел шутливый экскурс в историю.

«Геологи и археологи давно уже ломали головы над тем,—писала эта газета,—где, собственно, были добыты драгоценные камни, которые Соломон привез с Востока. Немало догадок вызвало и происхождение менее апокрифических бриллиантов, сверкавших в регалиях индий-

ских владык и украшавших дворцы Дели н Беиареса. И наша страна, так сказать, лично заинтересована в этом, поскольку самый большой н самый велнколепиый нз этнх камией прнналежнт ныие иашей всемилостивейшей королеве. Мнстеру Лэнгуортн удалось пролить свет на указаииый темный вопрос. Согласно изыскаииям этого ученого джентльмена, вышеупомянутые драгоценности былн иайдены среди мрачиых и угрюмых гор, которые провидение воздвигло между зарождающейся цивнлнзацией н варварскнм континентом. И открытие мистера Лэнгуортн опнрается не только иа теорию. Ои подкрепнл свон доводы, предъявив алчным взорам тобольских купцов мешочек, полиый ценных алмазов, которые, по его словам, он собрал в этнх бесплодиых и негостепрнимиых долииах. Аиглийский путешественник в костюме нз твида, возникиув, словно добрый дух среди соииых московитов, указывает нм на бесцениое сокровище, столетиями лежавшее под самымн нх иогами, и с характериой иациональной энергией одиовременио объясняет, как можно извлечь нз его находки коммерческую выгоду. Еслн это месторождеиие действнтельно окажется столь богатым, как предполагают, то наши потомки, весьма возможно, станут носить в очках вместо стекол брнллнаиты (еслн тогда еще люди будут пользоваться очкамн) и дивиться невежеству своих предков, считавших видоизмеиенные кусочки камениого угля самым цениым нз даров прнроды».

В большинстве англнйских домов отец семейства, проглядывая утром газету, вероятио, тут же забывал о замечательиом открытнн иа Урале, но в деловых кругах Сити оно сразу было оценено по достоинству. Оно ие только вызвало глубокую озабоченность среди тех, кто был так или ниаче связан с добычей алмазов, но н повлияло на все другне отрасли южиоафрнканской торговли. На бирже только об этом и говорнлн, прнчем высказывались всяческне догадки о том, как уральская находка скажется на кнмберлийскнх копях. Фуггер, патриарх торговли алмазами, как раз обсуждал эту тему, когда к нему подбежал низенькнй розовощекий делец по фамилин Гольдшмндт. Он был очень взволиоваи, так как спекулировал алмазамн и только что приобрел большую партию, собираясь играть иа повышеиие.

— Мистер Фуггер! — вскричал он.— Вас-то мне и надо! Майн готт! Что с нами всеми будет? Во что превратится торговля алмазами, если их можно будет подбирать с земли, как ракушки на морском берегу?

— Надо дождаться точных сведений,— равнодушно ответил знаменитый финансист. Его собственное состояние было так велико, что вопрос о достоверности уральского открытия трогал его очень мало.

— Точных сведений! Да газеты полны всякими сведениями! — воскликнул Гольдшмидт. — Чтоб этому Лэнгуорти свернуть себе шею, лазая по Уральским горам, до того, как он подстроил нам такую штуку! И зачем ему понадобилось рыться в песке и шарить по всяким сухим речкам? Ни один приличный человек никогда бы даже не подумал отправиться на этот Урал.

— На вас это никак не скажется,— утешил его Фуггер.— Просто вы будете платить за камни меньше и продавать их дешевле после огранки. Очень скоро все придет в прежнее равновесие.

— Как бы не так! Да ведь у меня же на руках сейчас сотня камней! Что мне с ними теперь делать?

— Да, это невесело. Придется вам привыкнуть к мысли, что на них вы понесете убытки.

— А может, вы купите их у меня, мистер Фуггер? — вкрадчиво спросил Гольдшмидт.— Вдруг да окажется, что это все выдумки! Я за всю партию дал три тысячи, слово чести, а вам отдам их за две. Ну как, мистер Фуггер, по рукам?

— Нет, благодарю вас, мне больше алмазов не нужно,— решительно заявил Фуггер.— А для того, чтобы узнать, не выдумки ли все это, я телеграфировал в Роттердам, и оттуда послали на Урал верного человека. Однако пройдет несколько недель, прежде чем он сможет сообщить нам что-нибудь определенное.

— А вот мистер Гердлстон! Великий мистер Гердлстон! — возопил Гольдшмидт, заметив в толпе нашего достойного коммерсанта с Фенчерч-стрит.— Ах, мистер Гердлстон! У меня есть алмазы, которые стоят три тысячи, но вам я их отдам за две — да-да, черт подери! Идемте, и я вам их тут же вручу!

— Не приставайте ко мне! — сказал Гердлстон, от-

талкивая низенького дельца длинной костлявой рукой.— Можно вас на минуту, Фуггер?

— Разумеется,— ответил торговец алмазами. Гердлстон был на бирже известным человеком и пользовался там всеобщим уважением.

— Что вы думаете об этом сообщении? — спросил он вполголоса.— По-вашему, оно может повлиять на цены в Африке?

— Повлиять на цены! Дорогой сэр, да если это правда, африканские копи вылетят в трубу. Даже то, что известно сейчас, заставит цены упасть вдвое.

— Да неужто! — пробормотал Гердлстон, прекрасно разыгрывая изумление.— Меня это беспокоит потому, что сейчас там находится мой сын. Алмазы — его конек, и я разрешил ему поехать туда. А теперь я побаиваюсь, как бы его не обвели вокруг пальца.

— Ну, он сам кого хотите обведет!— грубовато ответил Фуггер. Ему не раз приходилось иметь на бирже дело с Эзрой Гердлстоном, и деловая хватка этого молодого человека произвела на него самое неблагоприятное впечатление.

— Бедный мальчик! — сокрушенно вздохнул отец.— Он так молод и совсем неопытен. Мне остается только надеяться, что с ним не случится ничего дурного.

Гердлстон грустно покачал головой и неторопливо вышел на улицу, но сердце его ликовало: теперь он твердо знал, что вести с Урала повлияют на цены так, как он и предвидел, а следовательно, эта дерзкая спекуляция принесет их фирме желанные богатые плоды.

ГЛАВА XX

МИСТЕР ГЕКТОР О'ФЛАЭРТИ ОБНАРУЖИВАЕТ В ГАЗЕТЕ НЕОЖИДАННУЮ НОВОСТЬ

В Кимберли Эзра Гердлстон поселился в двухкомнатном номере гостиницы «Центральная» и уже успел снискать в городе немалую популярность благодаря «непринужденности» своих манер, а также княжеской щедрости, с какой он угощал наиболее видных граждан маленькой столицы алмазного края. Его сила и красота

обеспечили ему то уважение, какое физическое совершенство всегда вызывает в полуварварских общинах, и блестящий лондонец приобрел значительную клиентуру среди старателей, к отчаянной зависти скупщиков-евреев, в чьих руках до сих пор находилась монополия. Таким образом, Эзра добился намеченной цели, и его имя было уже хорошо известно во всех поселках от Вальдекс-Плаита до Ковудс-Хопа. Сделав Кимберли своей штаб-квартирой, он непрерывно разъезжал по разработкам. Но все это время его снедало тайное нетерпение, и он никак не мог понять, почему из Англии все еще не приходит долгожданная весть.

Как-то в очень жаркий день он вернулся из дальней поездки и, пообедав, вышел на улицу погулять с панамой на голове и сигарой во рту. Было 23 октября, и со дня его приезда в колонию прошло почти два с половиной месяца. За это время Эзра отрастил бороду. А в остальном его наружность почти не изменилась, если не считать темного загара, придавшего его лицу еще более здоровый вид. По-видимому, жизнь на вольном африканском воздухе пошла ему на пользу.

Когда Эзра свернул на Касл-стрит, его обогнал человек, который вел на поводу двух измученных, покрытых пылью лошадей, волочивших по земле постромки. Затем появился человек с еще одной парой лошадей, а за ним и третий. Они вели усталых коней на конюшню.

— Э-эй!—окликнул их Эзра, внезапно оживляясь.— Что случилось?

— Прибыла почта.

— Из Кейптауна?

— Да.

Эзра ускорил шаг и, миновав Кинг-стрит, вышел на Хай-стрит, главную улицу Кимберли. Он оказался на углу рядом с редакцией «Вааль ривер адвертайзер энд даймонд филд газетт». Перед дверями собралась порядочная толпа. «Вааль ривер адвертайзер» была скверной газетенкой, скверно печатавшейся на скверной бумаге, но продавалась она по шесть пенсов за экземпляр и брала от семи с половиной шиллингов до фунта за объявление. В то время ее издавал некий Гектор О'Флаэрти, который, побывав поочередно зубным врачом, клерком, бакалейщиком, механиком и маляром и потер-

пев неудачу на всех этих поприщах, избрал издательскую деятельность, как наиболее легкую и доходную. И действительно, мистер О'Флаэрти сумел до чрезвычайности упростить этот процесс. В понедельник почта доставляла ему лондонские газеты двухмесячной давности, вторник он посвящал тому, что с величайшей беспристрастностью выстригал из них все, что казалось ему интересным. Среду он тратил на то, чтобы всячески ругать и проклинать трех наборщиков-негров, а в четверг в свет выходил новый номер «Вааль ривер адвертайзер энд даймонд филд газетт». Оставшиеся три дня недели мистер О'Флаэрти предавался пьянству, но в понедельник вновь стойко потреблял только содовую воду и литературу.

Таким образом, толпа у дверей «Адвертайзера» была редким зрелищем. Сердце Эзры вдруг застучало, и он весь подобрался, как бегун перед финишем. Он бросил сигару и поспешно приблизился к собравшимся.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Почта привезла новости, — ответил кто-то.— Очень важные.

— Какие?

— Пока неизвестно.

— А кто говорил про новости?

— Кучер.

— Где же он?

— Не знаю.

— А кто еще может сказать, в чем дело?

— О'Флаэрти.

Тут раздался хор сердитых голосов, призывавших О' Флаэрти, и в дверях редакции появился желчного вида человек с багровым, опухшим лицом и щетинистыми волосами.

— Какого дьявола вам тут нужно? — взревел он, грозя толпе гусиным пером.— Чего вы сюда явились? У вас что, другого дела нет, кроме как слоняться у входа в приличную редакцию?

— Какие новости? — крикнули человек десять.

— А, так вам захотелось новости узнать? — совсем разъярился О'Флаэрти.— Вы, что, не можете заплатить по шесть пенсов, как порядочные люди, и все узнать из «Адвертайзера»? Да ведь эта газетка, хоть я сам так

говорю, дала бы жару всяким там «Телеграф» и «Кроникл», выходи она в Лондоне! А вы, черт подери, вместо того чтобы поощрять местные таланты, толпитесь без толку на улице и пытаетесь задарма узнать новости, за которые положено платить!

— Вот что, хозяин,— заявил хмурый верзила, стоявший в первом ряду,— не кипятись так и попридержи язык, не то как бы тебе солоно не пришлось, да и твоей газете заодно. Мы прослышали, что почта привезла важные новости, и пришли сюда их узнать, а чтоб задарма, так об этом разговору нет, не такие мы люди. Я думаю, мы соберем по шесть пенсов, вот оно и выйдет никому не обидно, а ты нам все и расскажешь.

О'Флаэрти что-то мысленно прикинул.

— Давайте по шиллингу с головы,— сказал он.— Тираж ведь к дьяволу пойдет, раз уж все заранее будет известно.

— За деньгами мы не постоим,— сказал старатель.— Как, ребята?

Толпа изъявила согласие, и по рукам заходила широкополая соломенная шляпа. Когда ее отдали О'Флаэрти, она была наполовину полна серебром. «Адвертайзер» еще никогда не приносил подобной прибыли — дело в том, что толпа все время увеличивалась и теперь перед редакцией стояло несколько сот человек.

— Спасибо, джентльмены,— сказал издатель.

— Выкладывай новости,— нетерпеливо потребовала толпа.

— Да ведь я еще не открывал сумку с почтой! Ну, а ваши новости наверняка там. Эй, Билли, дьяволенок, где сумка?

При этом призыве на крыльцо выскочил шустрый темнокожий мальчишка с коричневым мешком, и мистер О'Флаэрти принялся исследовать содержимое этого мешка с медлительностью, доводившей старателей до белого каления.

— Вот «Стандарт», а вот «Таймс»,— заявил он, вручая названные газеты своим подчиненным.— Черт подери, да разве вы можете понять, почем обходится содержание такой замечательной газеты? Да и сколько ума это дело требует! А прибыли никакой — одни хло-

поты и убытки. Вот «Пост», а вот «Ньюс». Да будь вы приличными людьми, так каждую неделю давали бы в газету по объявлению, и не из корысти, а чтобы поддержать изящную литературу. А вот кейптаунский «Аргус», тут, значит, и надо искать.

С величайшей медлительностью мистер Гектор О'Флаэрти водрузил на нос очки и аккуратно развернул газету. Затем он откашлялся с важностью, присущей почти всем людям в ту минуту, когда они собираются что-нибудь прочесть вслух.

— Валяй, хозяин! — подбадривала его толпа.

— «Вспышка оспы в Веллингтоне» — не то, верно? «Германия и Ватикан»... «Таможня в Порт-Элизабет»... «Продвижение русских в Центральной Азии», э? А может, вот это: «Открытие колоссальных алмазных россыпей»?

— Это самое! — взревела толпа.— Давай читай подробнее!

Голоса звучали тревожно, а лица, повернутые к О'Флаэрти, стали хмурыми и настороженными.

— «В России найдено месторождение алмазов,— читал издатель,— которое, по мнению осведомленных лиц, превосходит по богатству все известные до сих пор алмазные поля. Никто не сомневается, что в случае подтверждения это открытие самым губительным образом скажется на африканской торговле». Вот что дает «Аргус» в разделе лондонских новостей.

Толпа возбужденно загудела.

— Может, там есть еще что-нибудь? — крикнул кто-то.

— Вот другая газета, хозяин, поновее,— сказал темнокожий мальчишка, усердно просматривавший даты.

О'Флаэрти развернул ее и даже присвистнул от удивления.

— Ну, уж это вас ублаготворит,— заметил он.— Все набрано самым крупным шрифтом и занимает чуть ли не целиком первую страницу. Я прочту вам только заголовки, потому как нам надо браться за работу и готовить специальный выпуск. Он выйдет часика через три-четыре, и из него вы узнаете все подробности. Вы только посмотрите, какую они из этого шумиху устрои-

ли! — И издатель повернул газету, показав толпе черные ряды кричащих заголовков вроде:

«Русские алмазные поля».
«Замечательное открытие,
сделанное англичанином».
«Угроза главному источнику
благосостояния Капской колонии».
«Резкое падение цен».
«Мнение лондонской прессы».
«Все подробности».

— Ну-с, что скажете? — торжествующе воскликнул О'Флаэрти, словно все это было делом его собственных рук.— А теперь я пошел работать, и скоро вы сможете сами все прочесть. Вы должны благодарить небо, что среди вас есть человек, который снабжает вас самыми последними известиями. Желаю вам доброго вечера! — И он исчез, крепко держа свою шляпу с ее серебряной начинкой.

Толпа рассыпалась на многочисленные возбужденно переговаривающиеся и жестикулирующие кучки, а потом и совсем разбрелась. Эзра Гердлстон выждал, чтобы рядом с редакцией никого не осталось, и быстро вошел туда.

— Ну, что там еще?— сердито осведомился О'Флаэрти. (Он жил в состоянии хронического раздражения.)

— Есть у вас второй экземпляр этой газеты?

— Предположим, что есть.

— За сколько вы его продадите?

— Сколько даете?

— Полсоверена.

— Соверен!

— Идет!— И Эзра Гердлстон вышел из редакции с нужными ему сведениями под мышкой.

Вернувшись к себе в гостиницу, он медленно и внимательно прочел все, что касалось нового открытия. По-видимому, то, что он узнал, ему очень понравилось: читая, он посмеивался. Полностью удовлетворив свое любопытство, Эзра аккуратно сложил газету, спрятал ее

во внутренний карман сюртука, а затем приказал оседлать себе лошадь и отправился в старательские поселки, чтобы известить их о случившемся.

Две причины заставили Эзру скакать в этот октябрьский вечер по африканской степи. Во-первых, он хотел сам увидеть, какое впечатление произведет эта новость на старателей, а во-вторых, подобно всем злым натурам, Эзра испытывал удовольствие, когда мог сообщить другим что-нибудь неприятное. В поселках, несомненно, уже узнали роковую новость, но без подробностей. А младшему Гердлстону лучше, чем кому-либо другому, было известно, что это сообщение из Европы должно принести разорение и гибель множеству владельцев небольших участков, что оно разобьет тысячи надежд и обречет на горе и нищету людей, среди которых он провел последние два месяца. И все-таки его сердце билось столь же радостно, как сердце его отца в описанный выше день на лондонской бирже, и, пришпоривая коня, он мчался вперед сквозь сумрак, готовый вопить от восторга.

Дорога от Кимберли до Ларкинс-Флэт была очень скверной, но светила полная луна, и молодой коммерсант легко находил путь. Когда он достиг гребня невысокого холма, по которому вилась дорога, внизу перед ним засверкали огни поселка. Было десять часов, когда он въехал на главную улицу, и ему сразу стало ясно, что он не ошибся и новость опередила его. Перед трактиром «Грикваленд» собралась большая толпа старателей, возбужденно между собой переговаривавшихся.

Свет факелов озарял атлетические фигуры, пестрые рубахи и встревоженные бородатые лица. По-видимому, тут собрался весь поселок, чтобы обсудить положение, и озабоченные взгляды и приглушенные голоса свидетельствовали, что оно представляется старателям очень серьезным.

Едва молодой человек спрыгнул с лошади, как его окружили и забросали вопросами.

— Вы ведь прямо из Кимберли? Это все правда, мистер Гердлстон? Скажите нам правду!

— Дело скверно, друзья,— ответил Эзра, обводя взглядом круг хмурых лиц.— Я прочел все, что сообщает кейптаунский «Аргус». В России отыскали богатейшие поля. И, по-видимому, ошибки тут быть не может.

— Как, по-вашему, цены и правда упадут, как там написано?

— Боюсь, что да. У меня у самого немало камней, и я с радостью сбыл бы их за любую цену. Можно опасаться, что работать на своих участках вы теперь будете только в убыток.

— И цена участков тоже упадет?

— Разумеется.

— Э-эй, погодите-ка, мистер! — крикнул тощий чумазый человечек, проталкиваясь вперед и хватая Эзру за рукав, чтобы привлечь к себе его внимание.— Да вы, никак, сказали, что цена участков упадет? Что-то вы путаете, верно? Ведь всякому ясно, что Россия — это одно, а мы тут — совсем другое. Правильно, ребята? — Он посмотрел вокруг умоляющим взглядом, ожидая подтверждения, и нервно усмехнулся.

— Попробуйте продайте,— холодно ответил Эзра.— Если вы вернете хоть треть того, что отдали за свой участок, считайте, что вам повезло. Да неужели вы думали, что добываете алмазы для местного потребления? Их ведь экспортируют в Европу, а если Европа будет получать все, что ей нужно, из России, то кому вы станете продавать свои камни?

— Это верно! — воскликнуло несколько голосов.

— Я бы вам посоветовал,— продолжал Эзра,— продать все, что у вас есть, за любую самую убыточную цену, не то потом вы и вообще ничего не получите.

— Нет, послушайте только! — воскликнул коротышка, вскидывая руки.— Меня прозвали Джим Неудачник, и так неудачником я, видно, и помру. Да вы послушайте, хозяин! Мы с Сэмми Уокером вложили в этот проклятый участок все свои деньги до последнего гроша — все, что заработали за девять лет тяжкого труда, а вы тут приезжаете и говорите, что все это пропало зря.

— Ну, другим-то придется не слаще, чем тебе,— сказал кто-то в толпе.

— Да, если так, нам всем будет плохо,— отозвался второй.

— Надоело мне все это,— пробормотал Джим, проводя по глазам грязной рукой, оставившей темный след поперек его лица.— И ведь не в первый раз со мной

так получается и не во второй! Такое уж мое невезение. Брошу карты — и все тут!

— Пойдем лучше выпьем виски,— с грубоватым сочувствием заявил кто-то, и неудачника тут же затащили в «Грикваленд» искать утешения в многочисленных бутылках, которые украшали это заведение внутри. Однако алкоголь на этот раз утратил обычную силу, и маленький поселок был скован тяжким унынием. Оно владело не только Ларкинс-Флэтом. Страшная новость разнеслась по всем старательским поселкам с удивительной быстротой. В одиннадцать часов она поразила Клипдрифт, а в половине первого подняла на ноги и потрясла Хеброн. В три утра конный гонец влетел в Пенниэл, а в Уинтерраше еще до зари собрался старательский совет, чтобы обсудить случившееся. Всю эту зловещую ночь в длинной цепи поселков по реке Вааль царили отчаяние, бессильная ярость и гибель, а в пяти тысячах миль оттуда почтенный старик, чей хитрый ум измыслил причину всех этих горестей и бед, безмятежно почивал в своей мягкой постели, не тревожимый никакими сновидениями.

Быть может, вышеупомянутый почтенный старец не сумел бы проспать эту ночь так сладко, если бы и его взору открылось то зрелище, которое на следующее утро предстало перед его сыном. Эзра переночевал в Ларкинс-Флэт в хижине гостеприимного старателя. Проснувшись, он неторопливо одевался, когда его хозяин, отправившийся подышать свежим воздухом, просунул голову в окошко.

— Пойдите-ка сюда, мистер Гердлстон,— позвал он.— Вот смеху будет! Кто-то из ребят мертвецки напился, и его несут в поселок.

Эзра накинул сюртук и выбежал наружу. И он и его приятель уже готовы были встретить приближающуюся процессию какой-нибудь подходящей шуткой, как вдруг они заметили, что позади идущих на дорогу ложится страшный след из красных пятен. Они кинулись навстречу, спрашивая, что произошло.

— Это Джим Стюарт,— ответил один из носильщиков.— Ну тот, которого прозвали Неудачником.

— Что с ним такое?

— А он прострелил себе голову. Знаете, где мы его

нашли? Прямо посередь его участка — руками вцепился в песок, а сам давно мертвый.

— Душа, значит, была жидковата, если уж он вздумал стреляться,— сказал приятель Эзры.

— Да,— согласился крупье из трактира.— Если бы он подождал новой сдачи, так, может, к нему пришли бы все козыри. Только Джиму всегда твердости не хватало, а вчера вечером он без конца твердил, что теперь-то уж никогда не сможет вернуться в Англию к жене и детям — последняя, говорил, была надежда. А выстрелил он в себя чистенько. Хотите взглянуть, мистер Гердлстон? — И он уже протянул руку, чтобы сдернуть окровавленный платок с лица покойника, но Эзра в ужасе отшатнулся.

— Мистеру Гердлстону вроде как не по себе! — сказал кто-то.

— Да,— ответил Эзра побелевшими губами.— Это меня расстроило. Я, пожалуй, хлебну коньяку.

По дороге к хижине он задумался над тем, смутило бы случившееся его отца.

— Наверное, он и это назвал бы частью нашей коммерческой ловкости,— с горечью пробормотал молодой человек.— Однако дело начато и никакие самоубийцы останавливать нас не должны!

С этими словами он успокоил свои нервы большим глотком коньяка и приготовился к трудовому дню.

ГЛАВА XXI

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР

Паника, охватившая африканские алмазные поля, превзошла все ожидания тех, кто ее подстроил. Ничего подобного еще никогда не случалось в Южной Африке. Цена на алмазы непрерывно падала и вскоре стала настолько низкой, что ни один скупщик всего месяц назад не мог бы даже вообразить ничего подобного, а что касается участков, так владельцы с радостью уступали их за стоимость установленного на них оборудования. Конторы кимберлийских скупщиков и других дельцов днем и ночью осаждались толпами растерянных старателей, которые соглашались на любые цены, лишь бы спасти хоть что-то в катастрофе, которая, по их мнению,

постигла алмазные поля Южной Африки. Наиболее дальновидные, а может быть, и самые отчаявшиеся продолжали разрабатывать свои участки, откладывая продажу найденных камней до того дня, когда, как они надеялись, цены вновь повысятся. Однако с каждой почтой из Кейптауна приходили все новые и новые подтверждения страшной новости, и число этих упорных старателей сокращалось, а оставшиеся совсем пали духом, так как рабочим надо было платить каждую неделю. А где было взять для этого деньги? Скупщики также заразились всеобщей тревогой, и никакие самые соблазнительные предложения не могли вынудить их расстаться с наличными деньгами в обмен на камни, которые грозили стать самым ненходким товаром. Всюду властвовали горе и растерянность.

Эзра Гердлстон не замедлил воспользоваться столь благоприятным положением вещей, но он был достаточно хитер, чтобы не привлекать внимания к себе и своим действиям. Во время первых своих поездок по окрестностям Кимберли он свел знакомство с отщепенцем по фамилии Фаринтош — с человеком, который некогда был священником и магистром в дублинском Тринити-колледж, но теперь превратился в забулдыгу-игрока с тощим кошельком и весьма загрубелой совестью. Однако он сохранил хорошие манеры и вкрадчивую речь, благодаря чему и привлек к себе внимание молодого коммерсанта. Дня через два после получения новостей из Европы Эзра послал за Фаринтошем и довольно долго сидел с ним на веранде гостиницы, обсуждая положение.

— Видите ли, Фаринтош,— сказал он.— Ведь это может оказаться и ложной тревогой, не так ли?

Бывший священник кивнул. Он не отличался многословием.

— В таком случае те, кто будет покупать сейчас, отнюдь не прогадают.

Фаринтош кивнул еще раз.

— Разумеется,— продолжал Эзра,— это очень похоже на правду. Однако я по опыту знаю, что вещь тем ненадежнее, чем надежнее она выглядит. Вот почему мне сейчас хочется рискнуть. Если я ошибусь, большого ущерба это мне не причинит, но ведь я могу и оказаться прав! Сюда я приехал, собственно говоря, чтобы посмот-

реть мир, но раз подвернулась такая возможность, упускать ее я не хочу.

— О, конечно! — ответил Фарнитош, потирая руки.

— Но беда в том,— продолжал Эзра, закуривая чируту[1],— что тут я слыву человеком богатым и знающим откуда дует ветер. Если обнаружат, что я покупаю камни, другие тут же последуют моему примеру, и цены скоро поднимутся до прежнего уровня. Так вот: я хотел бы действовать через ваше посредство, понимаете? Вы можете проехать по поселкам, втихую скупая камни. Добивайтесь самой низкой цены, а потом посылайте продающих сюда, в гостиницу. Расплачиваться с ними мы будем здесь. Вам совершенно незачем возить деньги с собой.

Бывший священник нахмурился, словно придерживался прямо противоположного мнения. Однако он ничего не сказал.

— Можете подыскать себе одного-двух помощников,— продолжал Эзра.— Конечно, один объехать все поселки вы будете не в силах. Само собой, если вы пообещаете дать за камень больше, чем входит в мои намерения, разбираться с этим будете вы сами, но справьтесь с этой работой хорошо, и в накладе вы не останетесь. Будете получать комиссионные, а кроме того, еженедельное жалованье.

— А какую сумму вы предполагаете вложить в это дело? — осведомился Фарнитош.

— Я не мелочен,— ответил Эзра.— Когда я за что-нибудь берусь, то берусь по-настоящему. Тридцать тысяч фунтов — вот мой предел.

Фарнитош был так поражен этой величественной цифрой, что совсем обмяк в своем кресле.

— Знаете, сэр,— сказал он,— сейчас за эти деньги вы, по-моему, скупите всю страну.

Эзра рассмеялся.

— Во всяком случае, попробуем,— ответил он.— Разумеется, вы можете покупать не только камни, но и участки.

— И вы даете мне карт бланш на эту сумму?

— Конечно.

— Хорошо, я начну сегодня же вечером.— С этими

[1] Сорт индийских сигар.

словами бывший священник взял шляпу, которую выбрал за особенно широкие поля из уважения к прежнему своему сану, и отправился выполнять возложенное на него поручение.

Фарнитош был неглупым человеком и скоро подобрал себе двух энергичных помощников — рудокопа по имени Бурт и молодого уэльсца Уильямса, который покинул родные края в вихре поддельных чеков и, переменив фамилию, начал новую жизнь к югу от экватора. Эта троица работала днем и ночью, скупая камни у самых бедных старателей, для которых наличные деньги могли стать единственным спасением. Фарнитош, кроме того, приобрел камни, хранившиеся у нескольких мелких скупщиков, чьи нервы не выдержали всеобщей паники. Таким манером Эзра наполнял алмазами мешочек за мешочком, хотя, казалось бы, ничего не делал и все дни проводил на веранде гостиницы «Центральная», куря сигары и потягивая коньяк.

Он довольно сильно тревожился, не зная, долго ли будет продолжаться это заблуждение, и опасаясь, что в любую минуту из Кейптауна может прийти известие о том, что уральские россыпи, по наведении справок, оказались мифом. Он, правда, не сомневался, что его никто ни в чем не заподозрит. И все же считал, что к этому времени ему следует отбыть домой: если бы по какой-нибудь роковой случайности правда все-таки обнаружилась, разъяренные старатели его не пощадили бы — это он понимал хорошо. Вот почему Эзра всячески торопил Фаринтоша, но достойный богослов и два его помощника трудились так усердно, что не прошло и недели, как от тридцати пяти тысяч фунтов почти ничего не осталось.

Эзра лишний раз доказал свое умение оценивать характеры, когда выбрал своим агентом Фаринтоша. Однако проницательность сочеталась у него с некоторой опрометчивостью. Конечно, умный человек как надежный помощник — весьма ценное приобретение, но если его ум затем обращается против недавнего союзника, это преимущество мгновенно становится своей противоположностью.

Фаринтош сразу сообразил, что хотя заезжий богач и мог бы рискнуть тысячью-другой фунтов, но даже сам Ротшильд вложил бы в такую спекуляцию сумму, подоб-

ную той, которая прошла через его руки, только твердо рассчитывая на успех. Сделав этот вывод, хитроумный священник затем прикинул, что сообщение из России пришло как-то удивительно быстро после приезда в Кимберли младшего партнера фирмы «Гердлстон», и заподозрил истину. Разъезжая по поселкам, он продолжал размышлять о своем открытии и постоянно погружался в глубокую задумчивость, весьма опасную в столь умном помощнике для интересов его нанимателя. Эти размышления в конце концов завершились совещанием, которое он устроил со своими подчиненными в задней комнате трактира «Приют старателя». Это было насквозь прокуренное низкое помещение, щедро уставленное плевательницами, хотя, судя по состоянию пола, посетители заведения упорно избегали ими пользоваться. Помощники Эзры расселись вокруг тяжелого, старомодного стола, стоявшего в середине комнаты; лицо бывшего священника дышало задумчивой удовлетворенностью, а на хмурых физиономиях его товарищей было написано любопытство. Созвал это совещание Фарнитош, и остальные двое не сомневались, что он придумал какую-нибудь выгодную комбинацию. Поэтому они только усердно прикладывались к стоявшей на столе бутылке дешевого джина и ждали, чтобы их начальник заговорил.

— Ну, что же,— сказал наконец бывший священник,— игра подходит к концу, и наши услуги скоро станут не нужны. Гердлстон денька через два отбывает в Англию.

Бурт и Уильямс испустили глубокий вздох. Теперь найти работу на участках было почти невозможно, а нынешнее их занятие оплачивалось очень хорошо.

— Да, отбывает,— продолжал Фарнитош, пристально глядя на своих товарищей.— И увозит с собой алмазы ценой в тридцать пять тысяч фунтов, которые мы ему купили. Бедняги вроде нас с тобой, Бурт, должны делать всю черную работу, а потом нас отшвыривают в сторону за ненадобностью, как ты свое кайло, когда оно тебе больше не нужно. Когда он продаст камешки в Лондоне и наживется на них, он и не вспомнит, что три человека, без которых у него ничего бы не вышло, умирают с голоду в Гриквалеиде.

— А он нам на прощание ничего не подарит? — спросил Бурт, рудокоп. Это был свирепого вида, заросший волосами человек с кирпично-красным лицом и кустистыми бровями.— Так-таки ничего не подарит нам на память?

— Подарит! — с усмешкой воскликнул Фаринтош.— Да он уже и без того твердит, что переплатил вам.

— Вот, значит, что? — взревел рудокоп, багровея даже больше, чем ему назначила природа.— Он, значит, вот как разговаривает? А что бы он без нас делал? Подлюга! Я что люблю? Чтобы все по-хорошему и по-честному было, а не ругаться на тех, кто тебе помогал!

Фаринтош понизил голос и пригнулся над столом. Приятели невольно последовали его примеру, и теперь три хитрых, злых лица совсем сблизились.

— Никому неизвестно, что у него есть эти камни,— прошептал Фаринтош.— Он слишком осторожен, чтобы болтать, и о них знаем только мы.

— А где он их прячет? — спросил Уильямс.

— В сейфе у себя в комнате.

— А ключ?

— Носит на часовой цепочке.

— Отпечаток с ключа можно снять?

— Я уже снял.

— Ну, так ключ я сделаю! — ликующе воскликнул Уильямс.

— Он уже готов,— ответил Фаринтош и вынул из кармана небольшой ключ.— Он точь-в-точь как настоящий и сейф откроет. Я снял отпечаток с настоящего, пока беседовал с Гердлстоном.

Рудокоп хрипло захохотал.

— Вот это ловко! — заявил он.— А как же мы доберемся до сейфа? Так ему и надо, сквалыге, если камушки достанутся нам. Пусть зарубит себе на носу, что с людьми вроде нас надо дело вести по-честному, хоть ты и жуликом родился. Я люблю, чтоб все было по-честному, и, черт подери, так оно и будет! — И в подкрепление столь достохвальных чувств он стукнул по столу тяжелым кулаком.

— Это не так просто,— задумчиво произнес Фаринтош.— Уходя, он всегда запирает дверь, а в окно не влезешь. На мой взгляд, мы можем сделать только одно.

Его номер расположен немного в стороне от остальных. К нему ведет галерея футов двадцать в длину. Так вот, мне и подумалось, что нам бы следовало навестить его как-нибудь вечерком, чтобы пожелать ему счастливого пути — ну, а если, пока мы будем там, он вдруг почему-нибудь свалится без чувств, мы могли бы спокойно уйти с камнями и скрыться, прежде чем он успеет поднять тревогу.

— А почему это он вдруг свалится без чувств? — спросил Уильямс, тощий юнец, с бледным, золотушным лицом, которое при последних словах священника позеленело от страха. Уильямс обладал всеми задатками гнусного и опасного преступника, кроме кровожадности,— он был шакалом, а не тигром.

— Почему он лишится чувств? — многозначительным тоном осведомился Фарнтош у Бурта.

Бурт снова весело ухмыльнулся в свою густую бороду.

— Это уж предоставь мне, приятель,— сказал он.

Уильямс перевел взгляд с одного на другого и стал еще больше походить на мертвеца.

— Я в этом не участвую,— пробормотал он, заикаясь.— За такое дело могут и вздернуть. А вдруг он не выживет?

— Как так не участвуешь? — проворчал рудокоп.— Да ты еще как участвуешь, трусливый ты сукин сын! И назад тебе ходу нет, ясно? Разве же мы позволим, чтобы ты испортил нам дельце, какого нам, может, и не подвернется больше никогда?

— Да ведь вы и без меня обойдетесь,— прошептал Уильямс, дрожа всем телом.

— Чтобы ты донес на нас, как только объявят награду? Нет, шалишь, приятель, назад тебе ходу нет! А если не хочешь нам посодействовать, так я сумею заткнуть тебе глотку.

— И подумай об алмазах! — вставил Фарнтош.

— Подумай о собственной шкуре,—добавил рудокоп.

— Ты сможешь вернуться в Англию богачом, если пойдешь с нами.

— А не пойдешь, так совсем туда не вернешься!

Они продолжали поочередно то прельщать Уильямса, то запугивать, пока он не сдался. Допив свой стакан и снова его наполнив, он наконец сказал:

— Я не боюсь. С чего это вы взяли, что я струсил? А вы его не сильно стукнете, мистер Бурт?

— Только так, чтобы он не сразу прочухался,— ответил рудокоп.— Господи боже ты мой, да разве ж я его первого так? Но, правду сказать, алмазов на тридцать пять тысяч я за свои труды прежде ни разу не получал!

— А как же хозяин гостиницы и прислуга?

— Можешь не беспокоиться,— ответил Фаринтош.— Положись на меня. Если мы пойдем к нему спокойно и открыто и выйдем так же спокойно и открыто, так кто что заподозрит? А лошадей привяжем перед дверьми и ускачем сразу. Ну как, попробуем завтра вечером?

— Очень уж скоро,— дрожащим голосом пробормотал Уильямс.

— Чем скорее, тем лучше! — с ругательством оборвал его Бурт и добавил, устремив на молодого человека пристальный взгляд налитых кровью глаз: — И вот что, малый, только попробуй улизнуть, и я выдам тебе куда побольше, чем ему. Понял, а?—Он схватил бледную руку Уильямса и так ее сжал, что тот задергался от боли.

— Да я же с вами всей душой и сердцем! — воскликнул Уильямс.— Вы ведь с мистером Фаринтошем дурного не посоветуете, я знаю.

— В таком случае мы встречаемся здесь завтра,— сказал главарь.— К девяти все закончим, и у нас будет вся ночь, чтобы ускользнуть от погони. Я раздобуду хороших лошадей, и с нашей-то форой им нас никогда не догнать.

И вот, обсудив еще кое-какие подробности своего плана, достойная троица разошлась в разные стороны: Фаринтош направился в гостиницу «Центральная», чтобы отчитаться перед Эзрой, как он делал каждый вечер, а остальные двое — в поселки, где они подвизались в это время.

Только что описанное совещание произошло во вторник, в самом начале ноября. В субботу Эзра Гердлстон твердо решил завершить все свои дела и отправиться восвояси. Он стосковался по лондонским удовольствиям, и ему смертельно надоело унылое однообразие бесконечной южноафриканской степи. К тому же задача его была выполнена и благоразумие требовало, чтобы он покинул Кимберли до того, как старатели узнают, что стали

жертвой бессовестного обмана. Вот почему Эзра начал складывать вещи и вообще готовиться к отъезду.

Именно этим он и был занят в среду вечером, когда в дверь постучали и в номер вошел Фаринтош в сопровождении Бурта и Уильямса. Гердлстон посмотрел на них и сухо поздоровался. Их появление его не удивило, так как они и прежде иногда заходили к нему все вместе, чтобы отчитаться или получить дополнительные инструкции. Фаринтош, входя, почтительно поклонился, Бурт кивнул, а Уильямс нервно потер ладонь о ладонь, кривя губы в улыбке.

— Мы зашли узнать, мистер Гердлстон,— начал Фаринтош,— не будет ли каких-нибудь распоряжений.

— Я уже говорил вам, что не будет,— резко ответил Эзра.— В субботу я уезжаю. Эта спекуляция с алмазами была ошибкой. Цены продолжают падать.

— Как жаль! — сочувственно вздохнул Фаринтош.— Но будем надеяться, что рынок еще оправится.

— Может быть,— ответил коммерсант.— Но, судя по всему, это вряд ли случится.

— А нами-то вы довольны, хозяин? — вмешался Бурт, заслоняя грузной фигурой Фаринтоша.— Мы свое дело сделали исправно, так?

— У меня нет к вам никаких претензий,— холодно ответил Эзра.

— В таком случае, хозяин, не след вам уезжать, не преподнеся нам на прощание чего-нибудь, чтобы у нас осталась от вас память, как мы вам хорошо послужили и ни разу вас не подвели.

— За ваши услуги вы аккуратно получали плату каждую неделю,— ответил Эзра.— И больше вы от меня ни пенса не получите. Так что можете на это не рассчитывать.

— Значит, вы нам ничего не желаете дать? — сердито крикнул рудокоп.

— Ничего! И еще одно, Бурт: хоть вы и силач, но посмейте только еще раз повысить голос, и я вас отделаю так, что и родная мать вас не узнает.

Эзра вскочил на ноги, по-видимому, собираясь привести свою угрозу в исполнение.

— Ах, зачем ссориться на прощание! — воскликнул Фаринтош, становясь между Эзрой и Буртом.— Мы ведь

и не ждем от вас денег. Речь шла просто о стаканчике рома, чтобы выпить за ваш успех.

— Ну, если так...— С этими словами молодой коммерсант повернулся к столу и взял бутылку, но тут Бурт стремительно бросился на него и ударил кастетом по голове. Глухо застонав, Эзра ничком рухнул на пол, все еще сжимая бутылку бесчувственными пальцами, так что кровь, хлынувшая из раны на затылке, смешивалась с ромом и жуткой лужицей растекалась по ковру.

— Очень аккуратно, даже изящно! — одобрительно воскликнул бывший священник тоном взыскательного знатока, оценивающего какой-нибудь интересный образчик, и поспешил к сейфу.

— Отлично, мистер Бурт, отлично! — дрожащим голосом воскликнул Уильямс и, подойдя к неподвижному телу, пнул его в бок.— Вы же видите, мистер Бурт, что я ничего не боюсь, верно?

— Заткни пасть,— буркнул рудокоп.— Эх, рому-то сколько зря пропало! — Он схватил бутылку, допил то, что не успело вытечь, и прошептал, доставая из кармана черный холщовый мешок.— Вот сумка, ваше преподобие. Хорошо сработано, без шума.

— А вот и камни,— все так же спокойно сказал Фаринтош.— Раскрой-ка мешок пошире...— И в темные недра мешка хлынул поток алмазов.— А вот банкноты и золото. Заодно прихватим и их. А теперь завязывай, да потуже. Вот так. Если нам кто-нибудь встретится на лестнице, держитесь спокойно. Уильямс, погаси лампу, чтобы тот, кто заглянет в комнату, ничего не увидел. Ну, пошли!

И трое преступников, унося с собой добычу, осторожно выбрались из комнаты и благополучно, никем не задержанные и не остановленные, спустились по лестнице.

Когда в этот вечер над африканской степью поднялась луна, она осветила трех всадников, которые неслись по кейптаунской дороге, шпоря лошадей так, словно от этого зависела их жизнь. Ее безмятежные лучи струились на тихие крыши Кимберли и лились в некое окно гостиницы «Центральная», разрисовывая ковер серебристым узором, а также одевая прихотливыми тенями неподвижную фигуру, все еще лежавшую на полу бесформенной грудой.

ГЛАВА XXII
ГРАБИТЕЛИ И ОГРАБЛЕННЫЙ

Быть может, как для скорейшего заключения этой повести, так н для нитересов человечества вообще оказалось бы лучше, если бы удар, нанесенный могучей рукой рудокопа, раз и навсегда оборвал жизиеиный путь младшего Гердлстона. Однако организм Эзры отличался завидной крепостью, и молодой человек не только совсем оправился от этого удара, ио н потребовалось иа это удивительно мало времени. Распростертая на полу фигура тнхо застоиала, пошевелнлась, а затем раздался второй, более громкий стои н ругательство. Эзра с трудом приподиялся на локте и ошеломлеино посмотрел вокруг, прижав свободиую руку к ране на затылке, из которой все еще сочилась кровь.

Он медленно обвел взглядом стол, стулья, стены и, наконец, сейф. Луна светила прямо туда, и Эзра сразу увидел, что сейф открыт и в ием ничего нет. Ои мгиовенио вспомнил все, что произошло, и с хриплым воплем ярости и отчаяиия заковылял к звонку.

Каковы бы ии были недостатки Эзры, нерешительность и трусость к иим не отиоснлись. Он сразу же оценил положение н понял, что у иего есть только одии выход: действовать и притом иемедлению. Алмазы было необходимо вериуть любой цеиой, ииаче пришлось бы смириться с мыслью о полиом и быстром разореиии. На его крики и звонки в иомер сбежались хозяин гостииицы н слугн, как белые, так и чериые.

— Я подвергся иападеиию и был ограблеи,— сказал Эзра, держась рукой за камиииую полку, так как голова у него кружилась, а колеии подгибались.— Прекратите это кудахтаиье и делайте то, что я вам скажу. Во-первых, зажгите лампу.

Лампа была зажжеиа, и слуги, к которым тем временем присоедииилось иесколько завсегдатаев буфета, заахалн, увидев царивший в комиате беспорядок и большое багровое пятио иа ковре.

— Воры явнлнсь сюда в девять,— сказал Эзра торопливо, ио деловито.— Их зовут Фариитош, Бурт и Уильямс. Мы иесколько миииут разговаривали, так что

вышли они не раньше чем в четверть десятого, а может быть, и позже. Теперь половина одиннадцатого, и, значит, особенно далеко они ускакать еще не могли. Джеймисон и ван Мюллер, разузнайте, не видел ли кто, как от гостиницы отъезжали три всадника. А может быть, они были в двуколке. Расспрашивайте всех, кого встретите на улицах. Вы, Джонс, бегите к инспектору Эйнсли. Скажите ему, что меня ограбили и пытались убить и что мне нужны десять его самых лучших конников. Не самых лучших полицейских, а тех, у кого самые лучшие лошади, поняли? Если он поторопится, то я сумею его отблагодарить. Где мой слуга Пит? Пит, негодяй, немедленно оседлай мою лошадь и подведи ее к крыльцу. В Грикваленде она догонит кого угодно.

Эзра отдавал распоряжение за распоряжением, и слуги разбегались в разные стороны выполнять их. Затем он поправил на себе одежду и туго обвязал голову носовым платком.

— Да неужто, сэр, вы сами собрались ехать? — спросил его хозяин гостиницы.— У вас сил недостанет.

— Достанет или нет, я поеду,— решительно ответил Эзра.— Хотя бы для этого меня пришлось привязать к седлу! Прикажите принести мне коньяку. И пусть его нальют во фляжку. Возможно, мне надо будет подкрепиться в пути.

К этому времени перед гостиницей собралась большая толпа, привлеченная слухами о грабеже. Вся площадь была запружена старателями, лавочниками и множеством негров, причем все они старались пробиться к крыльцу, чтобы узнать новые подробности. Через дорогу, в редакции мистера Гектора О'Флаэрти, шли торопливые приготовления, так как издатель собирался в специальном выпуске «Вааль ривер адвертайзера» по-своему осветить случившееся. Сам великий человек, лишь совсем недавно вырвавшийся из-под власти горячительных напитков, обмотал голову мокрым полотенцем и усердно писал передовицу. Творение его пера, весьма звучное и поучительное, пестрело выражениями вроде «защита частной собственности», «надругательство над величием закона» и «подонки цивилизации» — мистер О'Флаэрти так часто пользовался этими словами, что считал их уже своей законной собственностью и громо-

гласно обвинял лондонские газеты в плагиате в тех случаях, когда встречал что-либо подобное на их страницах.

Толпа возбужденно зашумела, увидев, что на крыльцо вышел Эзра, бледный как полотно, с обвязанной головой; на воротнике темнели пятна запекшейся крови. Когда молодой коммерсант сел на коня, к нему подбежал один из его посланцев.

— Они поскакали по кейптаунской дороге, сэр,— сообщил он. Их видели человек десять. Лошади у них не больно резвые, я ведь знаю, у кого они их купили. Вы их легко догоните.

Бледные губы Эзры раздвинулись в улыбке, которая не обещала беглецам ничего хорошего.

— Черт побрал бы этих полицейских! — выругался он.— Сколько можно мешкать?

— Да вот они,— сказал хозяин гостиницы.

Действительно, раздалось бряцание оружия, стук копыт, и на забитую народом площадь выехали шесть всадников — это был отряд гриквалендской конной полиции. Они остановились возле крыльца — все как на подбор молодые силачи, вооруженные карабинами и саблями. Их лошади были неказисты на вид, но отличались быстротой и выносливостью. Эзра с удовольствием отметил про себя это последнее обстоятельство, пока подъезжал к седому сержанту.

— Нельзя терять ни минуты, сержант,— сказал он.— Они опередили нас на полтора часа, но лошади, правда, у них скверные. Скорее! На кейптаунскую дорогу! Сто фунтов, если мы их догоним.

— Справа по трое заезжай! — рявкнул сержант.— Рысью марш!

Толпа раздалась, и маленький отряд с Эзрой во главе ринулся в образовавшийся проход.

— В галоп! — скомандовал сержант, и они помчались по главной улице Кимберли, выбивая искры из камней, разбрызгивая песок, и вскоре стук лошадиных копыт слился в глухой отдаленный шум, а потом и вовсе замер, хотя толпа на площади еще напрягала слух.

Первые несколько миль отряд скакал в полном молчании. По-прежнему ярко светила луна, и они ясно различали впереди белую ленту дороги, уходившую вдаль

по холмистой степи. Справа и слева к горизонту простирались широкие пространства, поросшие жесткой травой и редким кустарником. Порой через эти кусты в панике продирались длинноногие худые овцы, которые бросались врассыпную от бешено мчавшегося отряда. Жалобное блеяние этих овец одно лишь нарушало ночную тишину, да порой заунывно кричала полевая сова.

Эзра на мощном сером жеребце скакал немного впереди, однако сержант все-таки сумел его догнать.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он, поднося руку к козырьку своего кепи,— не слишком ли быстро мы скачем? Эдак мы загоним лошадей!

— Если мы поймаем негодяев, то пусть! — ответил Эзра.— Я готов каждому из вас купить по дюжине лошадей, лишь бы они не ушли от нас.

Молодой коммерсант говорил твердым голосом и уверенно держался на лошади, хотя голова у него разламывалась от боли. Снедавшая его ярость прибавляла ему силы, он грыз от нетерпения усы и шпорил коня так, что по шелковистым бокам заструилась кровь. Богатство, репутацию, а главное, месть — вот что обещало ему удачное завершение этой ночной погони.

Сержант и Эзра скакали теперь рядом, стремя в стремя и голова в голову, а полицейские — чуть сзади.

— Милях в двух отсюда на дороге есть дом,— сказал сержант.— Там мы о них что-нибудь узнаем.

— С дороги они ведь не могли свернуть, верно?

— Навряд ли, сэр. Так оно быстрее. Да и скакать прямо через степь — дело опасное. Того и гляди, угодишь в какую-нибудь яму.

— Если они едут по дороге, мы их нагоним,— заявил Эзра.— Веди она хоть прямо в ад, я не остановлюсь, пока не догоню их.

— Мы с вами, сэр! — воскликнул сержант, заражаясь упрямым упорством своего спутника.— Если лошади выдержат, то мы нагоним их еще до рассвета. А вон и огонек в окне дома!

Дорога в этом месте изгибалась дугой, в конце которой слабо мерцало желтое пятно света. Когда они с ним поравнялись, то обнаружили, что это открытая дверь; на ее пороге стоял с трубкой во рту коренастый бур, заложив руки в карманы штанов.

— Добрый вечер,— сказал сержант, и маленький отряд остановил взмыленных коней.— Кто-нибудь проезжал по дороге до нас?

— Много тысяч человек проезжало по ней до вас,— ответил бур и вынул трубку изо рта, чтобы удобнее было смеяться.

— Сегодня вечером! — раздраженно крикнул сержант.

— Да, одна компания проехала тут меньше чем час назад. Три человека. И гнали они своих лошадей так, будто решили их доконать.

— Хватит! Вперед! — крикнул Эзра, и они вновь помчались по широкой белой дороге.

Они миновали Блутерс-Дрифт в два часа ночи, а в половине третьего были у фермы ван Хейдена. К трем часам Моддер остался далеко позади, в четверть четвертого они уже неслись по главной улице небольшого городка Якобсдала, но с боков их обессилевших лошадей срывались хлопья пены. На улице им встретился полицейский патруль.

— Тут кто-нибудь проезжал? — крикнул сержант.

— Три человека четверть часа назад.

— Они поехали дальше?

— Да. Не останавливаясь. Но лошади у них были совсем измучены.

— Вперед! — властно крикнул Эзра.— Вперед!

— Четыре лошади почти падают, сэр,— сказал сержант.— Они больше и шагу не ступят.

— Так обойдемся без них!

— Может быть, прихватим патрульных? — предложил сержант.

— Нам надо будет прежде сообщить об этом в участок,— сказал якобсдалский полицейский.

— Поменяйтесь с ним лошадьми, сержант! — крикнул Эзра.— До участка он и на вашей доедет. Ну, а уж мы с вами их непременно догоним. Вперед, в галоп!

Они снова поскакали бешеным карьером, и мирные бюргеры Якобсдала просыпались от дробного перестука копыт.

Когда городок остался позади, преследуемых и преследователей уже ничто не разделяло. Последние не сомневались, что увидеть беглецов им мешает только тем-

нота, и эта мысль придавала им новые силы. Сержант на свежем коне скакал во главе отряда, пригнувшись и наклонившись вперед, чтобы не замедлять бег лошади. Прямо за ним несся Эзра на своем благородном сером жеребце, и окровавленный платок трепетал и бился на его волосах. Он сидел, выпрямившись в седле, и губы его были сложены в злобную улыбку. В правой руке он держал револьвер со взведенным курком. Ярдах в ста позади двое отставших полицейских изо всех сил работали шпорами и хлыстом, чтобы заставить своих изнемогающих лошадей продолжать скачку. На востоке разгоралась розовая полоска, предвещая утро, и над степью разливался серый свет. Внезапно сержант придержал коня.

— Кто-то едет нам навстречу! — крикнул он.

Эзра и полицейские остановили задыхающихся лошадей. В призрачном свете они разглядели приближавшегося к ним одинокого всадника. Сначала они предположили, что кто-то из беглецов решил повернуть назад, но вскоре убедились в своей ошибке. Никто из них прежде не видел этого человека. Однако пропыленная одежда и хлопья пены на боках усталой лошади яснее всяких слов говорили, что и он проехал за эту ночь немало миль.

— Вы не видели трех всадников? — крикнул Эзра, едва он приблизился.

— Я даже разговаривал с ними,— ответил незнакомец.— Они обогнали вас примерно на полмили.

— Вперед! Вперед! — закричал Эзра.

— Я везу важное известие из Ягерсфонтейна...— начал было незнакомец, но Эзра перебил его, яростно повторив «вперед», и лошади, напрягая одеревеневшие ноги, вновь пошли тяжелым галопом.

Эзра и сержант опять ускакали вперед, а двое полицейских кое-как следовали за ними. Внезапно в тишине они различили впереди глухой топот, напоминавший щелканье кастаньет.

— Это они! — воскликнул Эзра, и полицейские сзади крикнули «Ура!», показывая, что и они поняли значение этого звука.

Кругом простиралась дикая, безлюдная местность — равнина здесь была лишена даже обычного скудного покрова зелени. Там и сям из бурой земли вздымались гранитные скалы, словно в незапамятные времена приро-

де в этом краю были нанесены тяжкие раны и до сих пор из них торчали ее обнаженные кости. Когда Эзра и сержант полиции миновали крутой поворот дороги, они увидели впереди трех беглецов, окутанных облаком пыли. И почти в ту же минуту позади них раздался крик и послышался глухой удар. Оглянувшись, они увидели на дороге бесформенную кучу: лошадь первого полицейского упала от утомления и придавила всадника. Его товарищ остановился, чтобы помочь ему.

— Посмотрим, не ранен ли он! — крикнул сержант.

— Вперед! — потребовал Эзра, который при виде грабителей вновь впал в исступление.— Ни шагу назад!

— А вдруг он сломал шею? — проворчал сержант, беря в руки карабин.— Держите револьвер наготове, сэр. Мы нагоним их через несколько минут, и они, наверное, окажут сопротивление.

Однако нагнали они беглецов даже раньше, чем предсказал сержант. Фарнтош понимал, что им не уйти, и, когда преследователей осталось всего двое, решил прибегнуть к хитрости. Ярдах в ста впереди дорога снова круто поворачивала — воспользовавшись этим, он и его товарищи спрыгнули с лошадей и залегли в кустах. Когда Эзра на сером коне и сержант на гнедом вылетели из-за поворота, их встретил треск частых револьверных выстрелов из кустов, и серый конь с глухим ржанием упал на колени, смертельно раненный в голову. Эзра тотчас вскочил на ноги и бросился к засаде, а сержант, которому пуля царапнула щеку, спрыгнул с лошади и последовал за ним. Бурт и Фарнтош встретили их плечом к плечу со всем англосаксонским мужеством, которое обычно сопутствует англосаксонской жестокости. Бурт кинулся на сержанта и ударил его в шею ножом. Фарнтош выстрелил в полицейского, но получил пулю от Эзры. Бурт, увидев, что его товарищ упал, проскочил между нападающими, сильно пнув Эзру в бок, прыгнул на лошадь сержанта и умчался прочь — ни одна из пуль, которые посылал ему вслед сержант, не достигла цели. Что касается Уильямса, то в самом начале схватки он ничком упал на землю и теперь, извиваясь от страха всем тощим телом, молил о пощаде.

— Кончено! — злобно сказал Эзра, глядя вслед беглецу.— Гнаться за ним нам не на чем.

— Еще немного, и со мной тоже было бы кончено! — ответил сержант, вытирая кровь, струившуюся из раны, которая, правда, была не столько опасной, сколько болезненной.— Он меня сильно зацепил.

— Ничего, мой друг, вы в накладе не останетесь. А ну, вставай, мерзавец! — добавил он, обращаясь к Уильямсу, который все еще корчился на земле.

— Пощадите, мистер Гердлстон! — завопил тот, вцепляясь в сапоги Эзры длинными худыми пальцами.— Это не я вас ударил, а мистер Бурт. И грабил вас тоже не я, а мистер Фаринтош. Я бы с ним ни за что не пошел, да только я знал, что он священник, и ничего дурного не ждал. Я возмущаюсь вами, мистер Фаринтош, очень возмущаюсь. И очень рад, что мистер Гердлстон застрелил вас.

Бывший священник сидел, опираясь спиной о трухлявый пень. Он прижимал руку к груди, и при каждом вздохе в его ране раздавался зловещий свист, а изо рта брызгала струйка крови. Взгляд его стекленеющих глаз был прикован к тому, кто его застрелил, а на губах у него играла странная улыбочка.

— Подойдите сюда, мистер Гердлстон,— прохрипел он.— Подойдите сюда.

Эзра подошел к нему с лицом неумолимым, как судьба.

— Вы меня прикончили,— еле слышно сказал Фаринтош.— Странная смерть для человека, который был лучшим выпускником своего курса в Тринити, магистром, сэр, удостоенным Джексоновской премии. Но что толку от этого сейчас, верно? Кто бы подумал тогда, что я умру, как пес, в этой пустыне? А впрочем, так ли уж важно, как именно умирает человек? Не сверни я с честного пути, так, пожалуй, прожил бы еще несколько лет и умер бы, возможно, настоятелем собора Святого Патрика. Но что из этого? Я хорошо пожил! — При воспоминании о былых греховных радостях глаза умирающего заблестели, и он продолжал: — Если бы я мог снова прожить свою жизнь, то ничего не стал бы менять. Я ни в чем не раскаиваюсь, сэр. Не желаю ни хныкать на смертном одре, ни искать короткого пути в рай. Но я хотел сказать вам другое. В горле у меня клокочет, но, наверное, вы разбираете мои слова. Вы ведь

встретили всадника, направлявшегося в Якобсдал, верно?

Эзра угрюмо кивнул.

— Вы с ним не говорили? Некогда было — гнались за вашим покорным слугой, э? Хотите получить обратно свои камни? Что же, они здесь в мешке у меня за спиной, да только пользы от них вам никакой не будет. Ваша маленькая спекуляция на этот раз действительно лопнула. Вы ведь не знаете, какое известие он вез?

Эзру охватило мучительное предчувствие надвигающейся катастрофы. Он покачал головой.

— Он вез вот какое известие,— прохрипел Фаринтош, опираясь на ладонь.— В Оранжевом Свободном Государстве найдены новые алмазные россыпи. И значит, что бы там ни оказалось в России, цена на камни не поднимется. Ха-ха-ха! Не поднимется. Поглядите-ка на его лицо! Оно, пожалуй, белее моего. Ха-ха-ха! — Но вдруг этот смех оборвался, изо рта священника хлынула кровь, и он медленно перекатился на бок — уже мертвый.

ГЛАВА XXIII

ВАЖНЕЙШЕЕ РЕШЕНИЕ

В течение тех месяцев, которые Эзра Гердлстон провел в Африке, дела в конторе на Фенчерч-стрит шли превосходно. Торговля на побережье заметно оживилась, и три корабля фирмы один за другим прибыли в Англию с выгодным грузом. Среди этих судов был и «Черный орел», который, к большому удивлению капитана Гамильтона Миггса и отчаянию своего владельца, еще раз благополучно прибыл в порт, выдержав в Ла-Манше сильный шторм. Эта полоса удачи в сочетании с деловыми талантами старого коммерсанта и неукротимой энергией Тома Димсдейла настолько поправила дела фирмы, что Гердлстон окончательно уверовал в возможность спасения: стоило только отвратить висевшую над фирмой угрозу, а дальше все должно было пойти превосходно. И он потирал руки, читая письма из Африки, в которых его сын описывал, как удалась их хитрость и как были одурачены старатели. Плечи старика распрямились, по-

ходка стала более твердой, ибо он уже не сомиевался, что фирма вскоре вернет себе былое благосостояние.

Поэтому нетрудно вообразить, как потрясло и удручило Джона Гердлстона известие о том, что в Ораижевом Свободиом Государстве найдены вполне реальные алмазные россыпи. В тот же самый день, когда он прочел об этом в газетах, пришло письмо, в котором Эзра сообщал, что их предприятие окончилось неудачей. Ои подробно описывал грабеж, погоню, смерть Фаринтоша и получение известия о новом открытии, а затем рассказывал, что́ произошло после.

«Негодяй, к сожалению, не солгал,— писал ои.— Когда мы заехали на ближайшую ферму, чтобы перекусить и заняться раной сержанта, там только об этом и говорили. Один малый только что приехал оттуда и знал все подробности. Расспросив его, я убеднлся, что сомиеиий в подлинности открытия нет никаких.

Полицейскне вернулись в Якобсдал, забрав с собой Уильямса, а я обещал, что приеду позже, ио, поразмыслив, решил, что делать этого ие следует. Рассказы о том, сколько у меня оказалось алмазов, несомнеино, вызвали бы всяческие пересуды, а к тому же сержант слышал все, что говорил мне Фарнитош, и если бы я вернулся в Кимберли, то мог бы попасть в очень неприятное положеиие. Все камни и деньги были теперь при мне, поэтому я написал в гостиницу, чтобы хозяин выслал мои вещи в Кейптауи, и обещал расплатиться с ним по их получении. Затем я купил лошадь и отправился прямо на юг. Я сяду иа первый же пароход и приеду домой вслед за этим письмом.

Что же касается нашей спекуляции, то оиа, разумеется, сорвалась. Даже когда выясиится, что на Урале ничего ие найдено, цена на алмазы останется низкой нз-за этого нового месторождения. Возможно, мы получим некоторую прибыль от продажи моих камией, но оиа не поможет иам сразу разбогатеть, как вы предсказывали, и не вызволит фирму из ямы, в которую вы ее столкнули. Покидая Африку, таким образом, я жалею только о том, что теперь некому будет отдать под суд негодяя Уильямса. Моя рана почти зажила».

Это письмо было тяжелым ударом для Гердлстоиа. Примерио через неделю в кабннет на Фенчерч-стрит во-

шел Эзра, угрюмый, в пыльной дорожной одежде, и подтвердил все самые худшие сообщения. Выдержка старика не изменила ему и тут, но его костлявые пальцы судорожно впились в ручки кресла, а на морщинистом лбу выступил холодный пот, пока он выслушивал те подробности, которые счел нужным сообщить ему сын.

— Но камни ты привез все в целости? — наконец пробормотал он.

— Они дома, у меня в чемодане,— угрюмо и холодно ответил Эзра, прислоняясь к холодному мрамору каминной доски,— но только богу известно, чего они стоят. Нам еще повезет, если мы выручим потраченные на них деньги и возместим мои расходы и расходы Лэнгуортн. Ваши чудные планы принесли мне только рану на затылке.

— Но кто же мог предусмотреть подобную случайность? — жалобно спросил старик. Он мог бы упомянуть тут про тысячу фунтов майора Клаттербека, которую также нужно было возместить, но предпочел умолчать об этом.

— Любой дурак предусмотрел бы такую возможность! — резко сказал Эзра.

— Так, значит, цена на алмазы больше никогда не подымется? — спросил старик.

— Во всяком случае, не раньше, чем через несколько лет,— ответил Эзра.— Ягерсфонтейнские россыпи очень богаты и, кажется, весьма обширны.

— А мы через несколько месяцев должны вернуть и долг и проценты. Мы разорены.— Голос старого коммерсанта прерывался, и голова его тяжело упала на грудь.— Когда настанет этот день,— продолжал он,— фирма, которая тридцать лет обладала безупречной репутацией и служила примером всему Сити, будет объявлена обанкротившейся. Хуже того: будет доказано, что в течение многих лет она спасалась от банкротства средствами, считающимися незаконными. Мой милый сын, если можно будет отыскать какое-нибудь средство, чтобы отвратить это — любое средство! — я без колебаний к нему прибегну. Я дряхлый старик и с радостью отдал бы оставшийся мне краткий срок, лишь бы твердо знать, что труд всей моей жизни не оказался напрасным!

— От вашей смертн никакого толку не будет: ведь застрахованы вы не на такую уж большую сумму,— зло сказал Эзра, хотя искренность отца его немного растрогала.— Может быть, нам еще удастся найти какой-нибудь выход,— добавил он более мягко.

— И ведь дела фирмы идут превосходно, и торговля приносит большие прибыли — вот почему мне так больно. Если бы фирма стала приносить убытки сама, это было бы легче перенести. Но ведь она гибнет из-за посторонних спекуляций — моих гибельных, гибельных спекуляций! Вот почему все это так мучительно.— Он позвонил, и в кабинет вошел Гилрей.— Ну-ка, послушай, Эзра. Каков был наш оборот за прошлый месяц, Гилрей?

— Пятнадцать тысяч фунтов, сэр,— ответил старый клерк, подпрыгивая, совсем как буек вураган, от радости, что снова видит молодого хозяина.

— А расходы?

— Девять тысяч триста фунтов. До чего же вы загорели, мистер Эзра! Удивительно загорели и прекрасно выглядите. Надеюсь, вы хорошо провели время в Африке, сэр, и задали жару всем тамошним гогемотам и бурдам.— И с этим загадочным этиологическим замечанием мистер Гилрей, подпрыгивая, удалился из кабинета и, сияя, вновь уселся за своей залитой чернилами конторкой.

— Только подумать,— сказал старый коммерсант, когда щелчок внешней двери возвестил, что Гилрей ушел,— больше пяти тысяч фунтов дохода за один месяц! Разве не ужасно, что такое предприятие обречено на разорение? Каким оно было бы для тебя золотым дном!

— Черт побери! Его нужно спасти! — воскликнул Эзра, засунув руки глубоко в карманы брюк и задумчиво жмурясь.— А деньги этой девушки? Не могли бы мы ими временно воспользоваться?

— К сожалению, это невозможно,— со вздохом ответил его отец.— По условиям завещания даже она сама до совершеннолетия не может ими распоряжаться. И до тех пор деньги останутся неприкосновенными, если только она не выйдет замуж или... не умрет.

— В таком случае мы должны получить их единственным доступным нам путем.

— А именно?

— Я женюсь на ней.

— Ты согласен?

— Да. Вот вам моя рука.

— Значит, мы спасены! — воскликнул старик, воздевая к небу дрожащие руки.— «Гердлстон и сын» выдержат и эту бурю.

— После чего Гердлстон удалится от дел,— заметил Эзра.— Я иду на это не ради вас, а ради себя самого.

С этими откровенными словами он надел шляпу и отправился на Эклстон-сквер.

ГЛАВА XXIV

ОПАСНОЕ ОБЕЩАНИЕ

Пока Эзра Гердлстон был в Африке, жизнь нашей героини текла еще более монотонно, чем прежде. Жилище старого коммерсанта во всем напоминало своего хозяина. Сам дом был строгим и угрюмым, и каждая комната, несмотря на великолепную мебель и отделку, казалась унылой и неуютной. И все слуги, за одним-единственным исключением, производили гнетущее впечатление, все, от суровой экономки до лакея-кальвиниста. Единственным же исключением из этого общего правила была Ребекка Тейлфорс, горничная Кэт, носившая яркие платья темноглазая девица с громким голосом, которая горько плакала, когда Эзра уехал в Африку. Присутствие этой молодой особы в доме было очень неприятно Кэт, да и самому Джону Гердлстону тоже, и он не отказывал ей от места только потому, что опасался поссориться с сыном, а это могло положить конец всем его планам.

Все эти месяцы единственным собеседником Кэт был сам старый коммерсант, но их разговоры обычно исчерпывались несколькими фразами за завтраком, когда они вежливо справлялись о здоровье друг друга. Возвращаясь вечером из Сити, Гердлстон теперь всегда был мрачен и обедал молча и торопливо. После обеда он аккуратно прочитывал финансовые столбцы в газетах и занимался этим до самого отхода ко сну. Иногда Кэт

читала ему газеты вслух, и жизнь ее была настолько скучна, что ей казались интересными даже колебания биржевых курсов и акций. После того как газеты были прочитаны, звонок созывал слуг, и когда они все собирались, коммерсант металлическим голосом читал поучения, предназначенные для этого дня, и вечерние молитвы. По праздничным дням он добавлял еще краткую речь, в которой до тех пор поражал своих испуганных слушателей суровыми, беспощадными текстами из Писания, пока не доводил их до надлежащей степени душевной горести. Не удивительно, что под влиянием подобной жизни розы на щеках его подопечной начали вянуть, а ее юное сердце переполняла печаль.

Однако у Кэт имелось некое целительное средство, и она прибегала к нему ежедневно. Как ни строго охранял ее Гердлстон, как ни ревностно ограждал от всего мира, он не сумел помешать лучику солнечного света проникнуть в ее темницу. Помышляя о будущем, он постарался, и, как ему казалось, успешно, воспрепятствовать какому бы то ни было ее общению с внешним миром. Ей было запрещено ездить в гости и принимать гостей. Она ни под каким видом не должна была выходить из дома одна. И все же его предосторожности оказались тщетными, ибо в распоряжении любви есть много средств и хитростей, которые преодолеют любые препятствия и посрамят самого искусного интригана.

Нельзя сказать, чтобы Экклстон-сквер находился между Кенсингтоном и Сити. И все же каждое утро и вечер, когда часы показывали половину десятого или без четверти шесть, Том неизменно проходил по тихой площади мимо угрюмого дома, который вовсе не казался ему угрюмым, потому что в нем обитала его светлая радость. Лишь одно мгновение он видел милое лицо в окне верхнего этажа и быстрый взмах белой ручки, но это мгновение укрепляло в нем мужество и надежду и озаряло унылую жизнь Кэт.

Иногда, как мы видели, ему удавалось даже пробраться в замок людоеда, где томилась его прекрасная принцесса. Однако Джон Гердлстон скоро положил этому конец, распорядившись, чтобы ни при каких обстоятельствах сообщения о делах не присылались к нему домой. Но даже это не обескуражило влюбленных, и они

скоро нашлн новые средства преодолевать разделявшнй их барьер.

Середнну площадн занимал сквер, прямоугольный и не слишком прнветлнвый — он был обнесен высокой оградой, преграждавшей доступ в него всем посторонним н превращавшей его в подобне тюремного двора. За оградой виднелись купы кустов, а средн ннх там н сям клонилн ветвн чахлые деревья, словно оплакнвая жестокую судьбу, которая повелела нм растн в столь неподходящем месте. Среди деревьев н кустов былн расставлены скамьн, предназначавшиеся, как и весь сквер, для обитателей окружавшнх площадь домов. Этот садик громко нменовался Эклстонскнм парком. Однако Кэт разрешалось ходнть туда без сопровождения лакея, н вскоре садик стал ее излюбленным приютом, где она проводнла несколько часов за книгой нли работой средн скудной зелени.

И вот однажды Томас Димсдейл, направляясь в Снтн несколько ранее обычного, не увндел в окне прелестного видения. Растерянно оглядываясь по сторонам, он пытался отгадать прнчнну этого, как вдруг заметил средн лнствы садика изящную белую шляпку, а затем н пару веселых глазок, которые, смеясь, гляделн на него нз-под полей этой шляпкн. Калитка была открыта, и в мгновение ока святотатственные стопы молодого человека попралн священную землю, по которой имелн право ходнть только ногн эклстонцев. Нетрудно догадаться, что в это утро он опоздал в контору н продолжал опаздывать день за днем, так что клерки только дивилнсь тому, как быстро младший компаньон начал утрачнвать свое былое усердие.

Том вновь н вновь просил разрешения сообщнть мнстеру Гердлстону об нх помолвке, но Кэт твердо стояла на своем. Дело в том, что она знала характер своего опекуна гораздо лучше, чем Том, н, памятуя его постоянные наставления о суетности н греховности всех мнрских радостей, опасалась его гнева, еслн бы он узнал правду. Через год она должна была стать совершеннолетней и получить возможность самой распоряжаться своей судьбой, но до тех пор она оставалась в полной властн опекуна, н ей вовсе не хотелось терпеть незаслуженные упрекн н суровое обращение. Если бы ее опекун дей-

ствительно заменил ей отца, то он имел бы право узнать о ее помолвке, но Кэт не считала, что их отношения возлагают на нее подобный долг, и решила скрыть от него все. Однако судьба, к несчастью, распорядилась поиному.

Как-то утром свидание влюбленных затянулось дольше обычного, а когда Кэт вернулась домой, Том остался сидеть на скамье, грезя, как это свойственно людям в его положении. Однако ему пришлось внезапно вернуться с облаков на землю, потому что на песок дорожки перед ним упала черная тень, и, подняв глаза, он увидел перед собой главу фирмы, который глядел на него отнюдь не ласково. Гердлстон решил в это утро погулять по саду и, не замеченный влюбленными, которые были слишком заняты друг другом, оказался свидетелем их свидания.

— Вы идете в контору? — спросил он сухо.— Если да, то мы можем пойти вместе.

Том встал и молча вышел вслед за ним из сада. По лицу Гердлстона он понял, что тот обо всем догадался, и в глубине души был только рад этому. Он опасался лишь последствий, которые гнев старика мог иметь для Кэт, и твердо решил защитить ее. Они молча дошли до конторы, но там Гердлстон попросил своего младшего компаньона пройти к нему в кабинет.

— Итак, сэр,— сказал он, закрыв за собой дверь,— мне кажется, я имею право спросить, что означала сцена, которую я случайно увидел сегодня утром?

— Она означала,— ответил Том твердо, но почтительно,— что я помолвлен с мисс Харстон, и уже довольно давно.

— Ах, вот как,— холодно сказал Гердлстон и, сев за стол, принялся перебирать письма.

— По моей просьбе,— продолжал Том,— вы не были поставлены в известность о нашей помолвке. У меня были основания предполагать, что вы не одобряете ранние помолвки, и я опасался вашего неудовольствия. (Надеюсь, что ангел, ведущий запись людских грехов, извинит нашему другу эту первую и единственную ложь, когда-либо сорвавшуюся с его уст.)

Все время, пока они молча шли в контору, коммерсант обдумывал, какой образ действий следует ему избрать, и пришел к выводу, что легче направить бурный поток

юношеской любви, нежели попробовать его преградить. Он не знал силы того чувства, которое связало молодых людей, и полагал, что, действуя разумно и терпеливо, сумеет разлучить их навсегда. Поэтому, постаравшись придать своему суровому лицу выражение добродушия, он ответил на признание своего собеседника следующее:

— Я думаю, вы поймете мое удивление. Ничего подобного мне и в голову не приходило. Вам следовало бы сообщить мне об этом раньше.

— Мне остается только просить у вас прощения, что я этого не сделал.

— Что касается вас,— ласково сказал Джон Гердлстон,— то вы мне кажетесь трудолюбивым и нравственным молодым человеком. Вступив в нашу фирму, вы вели себя выше всяких похвал.

Том благодарно поклонился, очень обрадованный подобным вступлением.

— Что касается моей опекаемой,— продолжал глава фирмы, говоря очень медленно и, по-видимому, взвешивая каждое слово,— я не мог бы пожелать ей лучшего мужа. Однако при решении подобного вопроса мне, как вы понимаете, в первую очередь необходимо считаться с желаниями моего покойного друга мистера Джона Харстона, отца девушки, с которой, по вашим словам, вы помолвлены. На меня был возложен определенный долг, и я обязан выполнять его точно и неукоснительно.

— Ну, разумеется,— сказал Том, не понимая, как он мог дурно думать об этом добром и праведном старике.

— Мистер Харстон особенно желал, чтобы его дочь не говорила и даже не думала о подобных вещах, пока не достигнет совершеннолетия, то есть, пока ей не исполнится двадцать один год.

— Но ведь он не мог предвидеть всех обстоятельств,— умоляюще сказал Том.— Я убежден, что за этот год ее чувства не изменятся.

— Я должен следовать не только духу, но и букве его поручения. Однако,— добавил мистер Гердлстон,— я не отрицаю, что определенные обстоятельства могут побудить меня сократить этот испытательный срок. Если мое дальнейшее знакомство с вами подтвердит то прекрасное впечатление, которое сложилось у меня о ваших деловых способностях, это, конечно, может сыграть из-

вестную роль; и опять-таки, если я смогу убедиться, что решение мисс Харстон принято твердо,— это также может на меня повлиять.

— А что же мы должны делать пока? — тревожно спросил младший компаньон.

— А пока ни вы, ни ваши родные не должны писать ей, разговаривать с ней или еще каким-либо образом вступать с ней в общение. Если я узнаю, что вы или они не посчитались с этой моей просьбой, я буду вынужден, выполняя последнюю волю мистера Харстона, отослать ее в какой-нибудь закрытый пансион за границу, где вы не сможете ее отыскать. И тут мое решение останется неизменным. Это дело не личной склонности, но совести.

— И надолго мы будем разлучены? — воскликнул Том.

— Это зависит от вас самих. Если вы покажете себя человеком чести, я, возможно, соглашусь признать вашу помолвку. Тем временем вы должны дать мне слово, что пока забудете о ней и не сделаете попытки увидеться с мисс Харстон или написать ей, а также не позволите этого и своим родителям. Это условие, быть может, кажется вам суровым, но я придаю ему величайшее значение. Если же вы не найдете в себе силы дать такое обещание, мой долг вынудит меня отослать мою подопечную туда, где вы не сможете ее отыскать, что будет очень тяжело для нее и неприятно мне.

— Но ведь я должен сообщить ей об этом договоре! Я должен рассказать ей, что вы обещаете нам надежду, если мы на некоторое время расстанемся.

— Не разрешить вам этого было бы жестоко,— ответил Гердлстон.— Вы можете послать ей одно письмо. Но помните, что ответа не будет.

— Благодарю вас, сэр, благодарю вас! — пылко воскликнул Том.— Теперь у меня есть ради чего жить! Эта разлука только усилит нашу любовь. Ведь время перед ней бессильно.

— О, разумеется,— сказал с улыбкой Джон Гердлстон.— Но помните: прогулки по площади должны прекратиться. Если вы хотите получить мое согласие, разлука должна быть полной.

— Это — трудное условие, невыносимо трудное... Но я обещаю свято его соблюдать. Я готов согласиться на

что угодно, лишь бы приблизить день, когда мы сможем больше не разлучаться.

— Следовательно, мы обо всем договорились. А теперь я был бы очень обязан, если бы вы отправились в порт и пригляделн за погрузкой разборных железных домиков для Нового Калабара.

— Хорошо, сэр. И еще раз благодарю вас за вашу доброту,— сказал Том и, попрощавшись, ушел.

Он не знал, радоваться или горевать, но в конце концов пришел к выводу, что ему следует быть довольным результатами этой беседы. Ведь в худшем случае им придется подождать год. Однако теперь можно было надеяться, что опекун даст свое согласие раньше. Правда, он обещал не видеться с Кэт и не писать ей, но тем счастливее будет их встреча, решил он.

Все утро он был занят в порту, следя за тем, как большие листы железа грузились в поместительный трюм «Девы Афин». Когда же настал час обеда, Том даже и не подумал о еде, а, устроившись в задней комнате маленького блэкуоллского трактира, приказал принести перо, чернила и бумагу и принялся писать письмо своей возлюбленной. Никогда еще не удавалось уложить на четырех небольших листках столько любви, утешений, советов и надежды, а затем уместить их все в тесных пределах конверта. Кончив, Том перечел свое послание и почувствовал, что оно нисколько не передает его мысли. Но когда влюбленному удавалось запечатлеть на бумаге свои мысли так, чтобы это его удовлетворило? Опустив в ящик письмо, в котором он подробно объяснил, какие условия были ему поставлены, Том ощутил значительное облегчение и с новой энергией принялся наблюдать за погрузкой листового железа. Однако он вряд ли чувствовал бы себя таким довольным, если бы видел, как Джон Гердлстон взял его письмо из рук лакея, а потом в уединении своей спальни прочел его с сардонической улыбкой на губах. Еще меньше удовольствия он получил бы при виде того, как коммерсант разорвал письмо на мелкие клочки и сжег их в своем большом камине. На следующее утро Кэт тщетно глядела из заветного окна, но внизу так и не появилась знакомая высокая фигура, дружеская рука не послала ей утреннего приветствия, и на ее сердце легла свинцовая тяжесть.

ГЛАВА XXV

ПЕРЕМЕНА ФРОНТА

Все вышеописанное произошло за две недели до возвращения Эзры из Африки и было подробно рассказано ему отцом.

— Но пусть это тебя не тревожит,— закончил старший Гердлстон,— я не допущу, чтобы они виделись, а, не видя его и видя тебя — особенно, если ей будет неизвестно, почему он исчез, она в конце концов оскорбится и предпочтет тебя.

— Не понимаю, как вы позволили, чтобы дело зашло так далеко,— угрюмо ответил сын.— Да как смеет этот щенок браконьерствовать в наших охотничьих угодьях? Девушка принадлежит нам. Ее отдали под вашу опеку, чтобы вы хорошенько за ней присматривали, но вы и тут умудрились все испортить.

— Ничего, мой мальчик,— ответил коммерсант,— я обещаю, что они больше не увидятся, если ты, со своей стороны, сделаешь все, что в твоих силах.

— Я сказал, что сделаю, и свое слово сдержу,— ответил Эзра, а дальнейшие события показали, что он говорил серьезно.

Перед отъездом Эзры в Африку отношения между ним и подопечной его отца были не слишком дружескими, однако Кэт была так чиста душой и так легко забывала зло, что не умела таить вражды и радостно приветствовала Эзру, вернувшегося из дальних краев. Через несколько дней она вдруг заметила, что он удивительно переменился, и, как ей показалось, к лучшему. Прежде он неделями не заговаривал с ней, а теперь всячески стремился быть ей приятным. Иногда Эзра целые вечера рассказывал ей о том, что́ видел в Африке, и эти его рассказы о людях и событиях были ей по-настоящему интересны. Бедняжка чрезвычайно обрадовалась такому его перерождению и делала все, что было в ее силах, чтобы помочь ему и показать, как она ценит эти новые его качества. И в то же время она нередко терялась в догадках, так как порой какая-нибудь грубая выходка или злобная вспышка показывали ей, что истинная натура Эзры осталась прежней и он насилует себя, стараясь быть любезным.

Шли дни, а Том не подавал о себе никакой вести, и девушку начали томить тревога и недоумение. Она ничего не знала о беседе в конторе и не могла найти объяснения этой загадке. Неужели Том сообщил ее опекуну об их помолвке и услышал в ответ такую отповедь, что в отчаянии решил с ней расстаться? Это казалось невероятным; но почему же он теперь больше никогда не появлялся на площади? Она знала, что он здоров, так как коммерсант и его сын нередко упоминали о нем, говоря о делах фирмы. Так в чем же дело? Ее нежное сердечко изнемогало, раздираемое тысячью сомнений и страхов.

А Эзра тем временем снова и снова доказывал, насколько путешествие его преобразило. Как-то в разговоре она упомянула, что любит махровые розы. На следующее утро, спустившись к завтраку, она увидела, что рядом с ее прибором лежит прекрасная махровая роза. И с этих пор каждое утро ее ждал на столе такой же цветок. Эта любезность, которая, как она прекрасно знала, могла исходить только от Эзры, удивила ее и обрадовала: меньше всего она ожидала от него подобной деликатности.

Другой раз она пожалела, что не может прочесть романы Теккерея, так как книги в библиотеке слишком уж потрепаны. Вечером, войдя в свою комнату, она, к своему величайшему удивлению, обнаружила на столике собрание сочинений вышеупомянутого писателя в великолепных переплетах. На мгновение ее душой овладела слепая неразумная надежда: а вдруг это подарок Тома, вдруг он прибегнул к этому средству, желая показать ей, что она ему по-прежнему дорога? Но вскоре она поняла, что книги могли появиться лишь из одного источника с цветами, и опять удивилась этому новому доказательству доброты Эзры.

Однажды ее опекун сказал ей:

— Вам, конечно, живется немножко скучно, моя дорогая. Я взял для вас на сегодня ложу в опере. Сам я не охотник до подобных развлечений, но я позаботился о том, чтобы вам было с кем пойти. Небольшое развлечение будет вам только полезно.

Бедняжку Кэт томила грусть, и ей вовсе не хотелось развлекаться, однако она заставила себя улыбнуться, чтобы не показаться неблагодарной.

— С вами поедет моя добрая знакомая миссис Уилкинсон,— продолжал коммерсант,— и Эзра. Он очень любит музыку.

При его последних словах Кэт невольно улыбнулась еще раз, подумав, что все годы их знакомства молодой человек чрезвычайно искусно скрывал это свое пристрастие.

Однако в назначенный час она была готова, и, когда явилась миссис Уилкинсон, чопорная и важная старуха, обыкновенно сопровождавшая Кэт в тех редких случаях, когда ей разрешалось выезжать, все трое отправились в оперу. Давали «Фауста», и Кэт, которая чуть ли не впервые оказалась в театре, была поражена великолепием декораций и костюмов. Она сидела как зачарованная, на ее щеках играл нежный румянец, глаза сияли, и она казалась удивительно красивой. Так, во всяком случае, думал Эзра Гердлстон, наблюдая из глубины ложи за сменой выражений на ее подвижном личике. «На ней стоило бы жениться, даже не будь у нее приданого»,— подумал он и в этот вечер ухаживал за ней особенно усердно.

Маленькое происшествие, случившееся в антракте, несомненно, доставило бы большое удовольствие старому коммерсанту, присутствуй он тут. Кэт глядела из ложи третьего яруса на море голов внизу. Внезапно она вздрогнула, и ее лицо побледнело.

— Это ведь мистер Димсдейл? — спросила она у своего спутника.

— Где? — осведомился Эзра, вытягивая шею.— Да, да, это он... во втором ряду бенуара.

— А вы не знаете, кто эта девушка, с которой он разговаривает? — спросила Кэт.

— Не знаю,— ответил Эзра.— Последнее время я часто встречаю их вместе (это было прямой ложью, но Эзра увидел, что ему представилась возможность очернить соперника, и не замедлил ею воспользоваться). Она настоящая красавица,— добавил он вскоре, глядя на свою собеседницу.

— О, неужели?..— произнесла Кэт и заговорила с миссис Уилкинсон. Тем не менее ее сердечко болезненно сжалось, и опера уже не доставляла ей никакого удовольствия. А Эзра, как он ни обожал музыку, мирно про-

дремал в уголке ложи весь последний акт. Никто из них не огорчился, когда Фауст наконец был увлечен в преисподнюю, а Маргарита вознеслась к небесам на двух деревянных облачках. Дома Эзра рассказал отцу, кого они видели в бенуаре, и старик от удовольствия начал потирать руки.

— Как удачно! — воскликнул он радостно.— Играя на этой струне, мы можем добиться многого. А кто эта девушка, ты не знаешь?

— Кажется, какая-то бедная родственница, которую он иногда развлекает.

— Мы узнаем ее имя и все подробности! Превосходно! Превосходно! — воскликнул Джон Гердлстон, и они разошлись по своим спальням, очень довольные, что судьба дала им в руки такой козырь.

В течение грустных недель, пока Том Димсдейл, верный своему обещанию, тщательно избегал Эклстон-сквер и всего, что могло бы напомнить Кэт о его существовании, Эзра продолжал прилагать все старания, стремясь втереться к ней в доверие. Единственным утешением бедняги Тома было воспоминание о последнем страстном письме, которое он написал в блэкуоллском трактире,— он твердо верил, что это письмо объяснило Кэт причину его отсутствия и она не испытывает, таким образом, ни тревоги, ни удивления. Знай он, какая судьба постигла это послание, он вряд ли продолжал бы так старательно выполнять свои обязанности в конторе и так терпеливо дожидаться, когда мистер Гердлстон наконец даст согласие на их помолвку.

По мере того как проходили дни, не принося известий о Томе, личико Кэт становилось все бледнее, а ее сердце преисполнялось тоски и уныния. Теперь она твердо знала, что молодой человек был здоров,— ведь она своими глазами видела его в опере. Так чем же могло объясниться его поведение? Неужели он сообщил мистеру Гердлстону об их помолвке и ее опекун каким-то образом сумел убедить его эту помолвку порвать, воззвав, например, к его корыстолюбию, которое оказалось сильнее его любви? Однако она слишком хорошо знала характер Тома, чтобы серьезно поверить в такую возможность. К тому же, если бы Гердлстон проведал об их помолвке, он, конечно, бы упрекнул ее. А старый ком-

мерсант последнее время держался с ней гораздо ласковее, чем прежде. Но вдруг Том, познакомившись с девушкой, которую она видела в опере, не смог устоять перед ее чарами? Когда Кэт вспоминала честные серые глаза, глядевшие в ее глаза во время их последнего свидания в саду, ей не верилось, что он способен на подобное непостоянство. И все же его поведение надо было как-то объяснить. Чем больше Кэт думала об этой загадке, тем непонятнее она ей казалась. И ее бледное личико становилось все бледнее, а тоска, томившая сердце,— все тяжелее.

Впрочем, вскоре ее сомнения и страхи начали разрешаться в нечто более конкретное, чем простые предположения. Гердлстоны теперь все чаще заговаривали о своем компаньоне, и всегда одинаково: отец на что-то намекал, а сын смеялся.

— Сейчас уж от него нельзя ждать прежнего усердия,— огорчался коммерсант.— Когда человек влюблен, счетные книги его не слишком привлекают.

— Но ведь она премиленькая девушка,— отвечал Эзра на подобные замечания.— Я так и думал, что дело серьезно. Мы же видели их вместе в опере. Верно, Кэт?

Так они болтали, и каждое их слово поражало бедняжку, как удар ножа. Она пыталась скрыть свои чувства, да к тому же гнев и гордость помогали ей превозмочь горе, так как она видела, что с ней обошлись незаслуженно жестоко. Однажды, застав старшего Гердлстона одного, она решилась заговорить с ним.

— Правда ли,— спросила она, задыхаясь,— что мистер Димсдейл помолвлен?

— Как будто так, моя дорогая,— ответил ее опекун.— Во всяком случае, таково общее мнение. Когда девица и молодой человек ведут оживленную переписку, это считается верным признаком.

— Ах, так они переписываются?

— Еще бы! Она посылает ему письма на адрес конторы. Не могу сказать, чтобы это мне нравилось. Можно подумать, что они обманывают его родителей.

Все это было чистейшей выдумкой, но Гердлстон зашел слишком далеко, чтобы считаться с подобными пустяками.

— А кто она? — спросила Кэт. Лицо ее было спокойно, но губы дрожали.

— Какая-то его дальняя родственница. Зовут ее мисс Оссари, если не ошибаюсь. Должен признаться, что я не слишком об этом жалею, так как он теперь, возможно, остепенится. Признаюсь, Кэт, одно время я опасался, что он увлечется вами. Я знаю, что он может нравиться, и это меня тревожило.

— Вы можете быть спокойны, — с горечью произнесла Кэт. — Мне кажется, я знаю истинную цену мистеру Димсдейлу.

И с этими мужественными словами она удалилась в свою комнату гордой походкой, высоко подняв голову, а там разрыдалась так, словно ее сердце разрывалось.

Джон Гердлстон рассказал об этом разговоре своему сыну в тот же вечер, когда они возвращались домой из конторы.

— Нам надо бы поторопиться, — сказал он, — не то этот дурачок может потерять терпение и нарушить все наши планы.

— Это не так-то просто, — угрюмо ответил Эзра. — Я кое-чего добился, но этого мало. Дело оказалось потруднее, чем я ожидал.

— Но ведь у тебя в отношении женщин довольно скверная репутация, — с некоторой язвительностью заметил коммерсант. — Сколько раз меня огорчала твоя распущенность. И я полагал, что хоть теперь этот твой опыт мог бы принести тебе некоторую пользу.

— Есть женщины и женщины, — ответил его сын. — С такой девушкой приходится возиться, как с капризной лошадью.

— Стоит один раз ее запрячь, и ты прекрасно сможешь управиться с ней.

— Еще бы, — ответил Эзра, расхохотавшись. — Но пока у нее в руках все козыри. Она все еще думает об этом шалопае.

— Ну, сегодня утром она говорила о нем без всякой нежности.

— Возможно, но тем не менее она думает только о нем. Если бы мне удалось внушить ей, что он действительно ее бросил, я мог бы поймать ее на этом. Она со-

гласилась бы выйти за меня замуж, если не по любви, то назло ему.

— Вот именно, вот именно! Но погоди. Я думаю, это можно устроить, если ты все предоставишь мне.

Старик размышлял над этой задачей весь день, потому что с каждой уходящей неделей необходимость раздобыть деньги становилась все более грозной, а раздобыть их они могли только, если бы ухаживания Эзры увенчались успехом. Не удивительно, что глава фирмы тщательно взвешивал любую мелочь, которая могла бы склонить чашу весов в ту или иную сторону, и что даже колебания цен на нефть и слоновую кость занимали его теперь гораздо меньше.

На следующий день, когда они сели обедать, лакей подал Гердлстону несколько писем.

— Переслано из конторы, сэр,— объяснил он.— Клерк говорит, что мистера Гилрея не было, а он сам не решился их вскрыть.

— Это на него похоже,— сердито пробормотал Гердлстон, отодвигая тарелку с супом.— Терпеть не могу заниматься делами в неположенные часы.— Говоря это, он вскрывал один конверт за другим.— Ну-с, что тут? Тара возвращается, согласно счету-фактуре... Ну что ж, отлично. Извещение от «Раддера и Сакса»... На это можно ответить завтра. Записка с указанием таможенных сборов в Сьерра-Леоне... Э-э! А это что? «Мой любимый Том...» От кого бы это? «Навеки твоя. Мэри Оссари». Да это же любовное письмецо барышни молодого Димсдейла, попавшее в мою почту. Ну что ж, придется извиниться перед ним за то, что я его вскрыл. Но раз уж он ведет подобную переписку через контору, то должен понимать, насколько неизбежны подобные случайности. А я был уверен, что все это деловые письма, и даже не смотрел на конверты.

Лицо Кэт во время этого монолога побелело. За обедом бедняжка почти ничего не ела и при первой возможности поспешила уйти к себе.

— Прекрасно проделано, папа,— одобрительно заметил Эзра после ухода Кэт.— Это ее сильно задело. Сомнений не может быть никаких.

— По-моему, это ранило ее гордость. Гордость же — большой грех. Об этом предупреждает нас Писание. А

теперь гордость не позволит ей больше думать об этом молодом человеке.

— А кто изготовил это письмо?

— Я сам. Мне кажется, в подобном деле допустима любая хитрость. Решается судьба столь важных интересов, что мы должны идти на крайние меры. Я совершенно согласен с церковником старых времен, который сказал, что «цель иногда оправдывает средства».

— Превосходно, папа, чудесно! — воскликнул Эзра, грызя зубочистку.— Мне нравится слушать, как вы рассуждаете. Это удивительно бодрит!

— Я поступаю согласно ниспосланным мне побуждениям,— торжественно ответил Джон Гердлстон, и Эзра, откинувшись на спинку кресла, громко захохотал.

На следующее утро коммерсант решил побеседовать с Томом: он заметил, что молодой человек теряет терпение, и опасался, как бы какой-нибудь неодолимый порыв не заставил его нарушить обещание, а это положило бы конец всем их планам.

— Присядьте, пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить,— сказал он ласково, когда младший компаньон явился к нему за распоряжениями на этот день.

Том сел, и в его сердце вспыхнула надежда.

— Справедливость требует, мистер Димсдейл,— продолжал Гердлстон любезно,— чтобы я сообщил вам, как высоко я ценю благородство вашего поведения. Вы со всей щепетильностью соблюдали обещание, которое дали относительно мисс Харстон.

— Да, конечно, я сдержал свое обещание,— резко ответил Том.— Однако, надеюсь, вы отмените этот запрет в ближайшее время. Такое испытание невыносимо трудно для меня.

— Я настоял на нем, ибо этого требует мой долг, как я его понимаю. В подобных вопросах каждый следует своим взглядам, а те, которых всю жизнь придерживаюсь я, могут показаться суровыми. Я считаю, что уважение к памяти моего покойного друга требует, чтобы я оберегал его дочь, которую он вверил моему попечению, от совершения непоправимой ошибки. Как я уже говорил, я могу переменить мнение, если вы и впредь будете доказывать, что достойны ее. Хотя ваше поведение с тех пор, как вы вступили в нашу фирму, было безупречным, в

Эдинбурге, насколько я слышал, вы порой позволяли себе некоторые шалости.

— Я ни разу не совершил поступка, которого стал бы стыдиться! — воскликнул Том.

— О, разумеется! — ответил Гердлстон, не сдержав насмешливой улыбки.— Но, быть может, вы совершали поступки, которых стыдился ваш отец?

— Конечно, нет! — вспылил Том.— Я не был ни тихоней, ни ханжой, распевающим псалмы, но обо всем, что я делал, я мог бы рассказать отцу, не покраснев!

— Не говорите столь пренебрежительно о псалмах! Петь их весьма похвально. И если бы вы иногда предавались этому занятию, вам оно могло бы пойти только на пользу. Впрочем, мы говорим о другом. Я хочу, чтобы вы ясно поняли одно: мое согласие на ваш брак зависит лишь от того, как вы будете себя вести. И я требую, чтобы в настоящее время вы ни в коем случае не смущали душевный покой моей подопечной.

— Я ведь уже обещал. И, как это мне ни тяжело, я сдержу слово. Во всяком случае, меня утешает мысль о том, что, продлись наша разлука и двадцать лет, мы останемся верны друг другу.

— Да, конечно, это очень приятно,— угрюмо заметил коммерсант.

— Тем не менее это мучительно! Если бы я мог написать хотя бы строчку...

— Ни единого слова!— перебил его Гердлстон.— Я не увез ее из Лондона только потому, что доверяю вам. Если бы я заподозрил возможность подобной попытки с вашей стороны, то немедленно отослал бы ее за границу.

— Я ничего не предприму без вашего разрешения,— сказал Том, беря шляпу. У двери, уже взявшись за ручку, он вдруг остановился.— Однако если я сочту это необходимым, то буду считать, что, предупредив вас заранее, могу взять назад свое слово.

— И сделаете большую глупость!

— Пусть так, но я сохраняю за собой подобное право,— ответил Том и с тяжелым сердцем удалился, чтобы приступить к дневным трудам.

— Теперь путь перед тобой расчищен! — с торжеством заявил сыну старый коммерсант.— Тебе никто не

может помешать, а девушка как раз в настроении искать утешения. Льщу себя мыслью, что все было проделано с большим тактом. Помни, как много зависит от твоей победы. Приступай к делу и победи!

— Приступить я приступлю,— ответил Эзра.— И мне кажется, у меня есть шансы победить.

Услышав эти ободряющие слова, старик рассмеялся и одобрительно похлопал сына по плечу.

ГЛАВА XXVI

ПОДГОТОВКА ПОЧВЫ

Несмотря на стоическое поведение Джона Гердлстона и отдельные удачи, которые выпадали на его долю, во всем Лондоне не было, пожалуй, более несчастного и измученного душой человека. Длительные попытки предотвратить надвигающуюся катастрофу подорвали его железное здоровье, ослабили его тело и дух. На бирже начали поговаривать, что за последнее время он сильно сдал, и моралисты не упускали случая нравоучительно указать на бессилие и суетность богатства, которое не способно разгладить морщины на осунувшемся лице почтенного коммерсанта. Он сам, глядя в зеркало, дивился происшедшей с ним перемене.

— Ну, ничего,— упрямо твердил он про себя сотни раз на дню.— Им меня не побить! Пусть делают что хотят, но меня им не побить!

Только эта мысль поддерживала и утешала его. Сохранение былой репутации фирмы стало теперь единственной целью и смыслом его жизни, и ради достижения этой цели он был готов принести в жертву что угодно.

Хитро задуманная операция с алмазами окончилась неудачей из-за случайности, которую нельзя было ни предугадать, ни предотвратить. Для исполнения этого плана он, как мы видели, был вынужден занять деньги, и теперь их пришлось вернуть. Это он кое-как сумел сделать, продав привезенные Эзрой камни и прибавив к вырученной сумме прибыль последних месяцев. Однако прежний дефицит так и не был покрыт, и Джон Гердлстон знал, что, как бы он ни оттягивал из месяца в ме-

сяц окончательный расчет, все же неизбежно должен был настать день — и уже довольно скоро, когда ему придется либо заплатить свои долги, либо открыто признать себя банкротом. Если бы ухаживание Эзры увенчалось успехом и в их распоряжении оказались сорок тысяч фунтов его подопечной, фирма смогла бы раз и навсегда избавиться от давящего ее гнета. Но вдруг Кэт откажет его сыну? Что тогда? Условия завещания не оставили иной возможности завладеть ее деньгами. И когда старик размышлял над этим, на его лице появлялось хищное выражение.

Однако, как ни странно, Джон Гердлстон в эти дни, более чем когда-либо, был убежден в праведности любого своего поступка. Каждое утро и каждый вечер он опускался на колени вместе со своими домочадцами, молился о том, чтобы дела фирмы шли успешно, и не испытывал никаких угрызений совести, никаких сомнений в добропорядочности своих замыслов. По воскресеньям седая голова коммерсанта над первой скамьей казалась такой же неотъемлемой частью обстановки молитвенного дома, как и сама скамья, но в этой голове ни разу не промелькнула мысль о несовместимости его веры и его поступков. В течение пятидесяти лет он убеждал себя в собственной праведности, и теперь эта уверенность стала неискоренимой. Эзра ошибался, считая отца расчетливым лицемером. Действиями коммерсанта руководили слепая сила воли и эгоизм, но он очень удивился бы и вознегодовал, если бы его обвинили в показном благочестии или в желании извлечь выгоду из своей религиозности. Для него фирма «Гердлстон» была как бы представителем его религии в коммерческом мире, и, следовательно, ради ее процветания в ход можно было пустить любые средства.

Его сыну все это было непонятно, и он попросту считал отца законченным и хитрым лицемером, который видел в благочестии только удобную личину, надежно скрывавшую его истинный характер. Сам же он унаследовал лишь упрямую настойчивость старика и его коммерческие таланты, а кроме того, был абсолютно лишен совести и приходил в ярость, встречая на своем пути какое-нибудь препятствие. Теперь он всеми фибрами души ощущал, что от успеха его ухаживания зависит самое

существование фирмы, а кроме того, прекрасно видел, какие высокие доходы обещает в дальнейшем торговля с Африкой, если банкротство будет предотвращено. Он твердо решил в случае удачи совсем отстранить отца от дел и взять бразды правления в свои руки. Его практический ум успел уже измыслить сотни способов увеличения прибылей. Но прежде всего ему следовало обеспечить себе доступ к сорока тысячам фунтов, и этому были посвящены теперь все его усилия. А когда два подобных человека помогают друг другу в достижении общей цели, они редко терпят неудачу.

Было бы ошибкой думать, что Эзра хоть немного увлекся Кэт. Он замечал ее душевную прелесть и кротость, но подобные качества его не привлекали. Мягкие, сдержанные манеры Кэт казались пресными человеку, который привык к обществу совсем других женщин.

— В ней нет ни огня, ни изюминки,— жаловался он отцу.— Ну, ничего общего с Полли Льюкас из «Павильона» или с Минни Уокер.

— И слава богу! — воскликнул коммерсант.— Подобная развязность всюду отвратительна, а в собственном доме и подавно.

— Зато она сильно облегчает ухаживание,— ответил Эзра.— Когда девушка подыгрывает и сама делает тебе авансы, все куда проще!

— Ты ведь не умеешь писать стихи?

— Чего нет, того нет,— с усмешкой отозвался Эзра.

— Очень жаль! Если не ошибаюсь, женщины это весьма ценят. Может быть, тебе кто-нибудь напишет, а ты прочтешь их ей как свои? Или просто выучи наизусть два-три стишка.

— Пожалуй, попробую. Сейчас я пойду покупать ошейник для ее мерзкой собачонки. Вчера все время, пока я с ней разговаривал, она возилась с этой тварью и, по-моему, не слышала и половины из того, что я рассказывал. У меня прямо руки чесались взять псину за загривок и выбросить в окошко.

— Только держи себя в руках, мой мальчик! — воскликнул коммерсант.— Один неверный шаг, и ты погубишь все!

— Не бойтесь! — самоуверенно ответил Эзра и отправился покупать ошейник. Заодно он купил и хлыст,

который спрятал в своем бюро впредь до удобного случая.

Кэт же и не подозревала о надеждах и намерениях Эзры. Она была знакома с ним столько лет и так привыкла к его неизменной грубости, что никак не могла представить его в роли претендента на свою руку. Перемену в нем она приписывала тому, что он повидал свет, и нередко дивилась, какое глубокое влияние оказало на него столь краткое пребывание в Капской колонии. Дом, в котором ей приходилось жить, был так угрюм, что ей не могло не быть приятно общество человека, казалось, питавшего к ней симпатию. Вот почему она поощряла его ласковой улыбкой и красноречивыми взглядами благодарила за то, что считала знаками самого бескорыстного внимания.

Однако ухаживания Эзры вскоре стали такими настойчивыми, что Кэт уже не могла оставаться в заблуждении. Он не только пренебрегал своими обязанностями, чтобы с утра до ночи ходить за ней по пятам, но и осыпал ее неуклюжими комплиментами и другими подобными же способами намекал на свои чувства. Как только Кэт с удивлением поняла, в чем дело, она сразу переменилась к Эзре и теперь держалась с ним холодно и старательно его избегала. Эзра, ничуть не обескураженный, стал еще более нежен и настойчив, а однажды даже поцеловал бы ей руку, если бы она не успела ее вовремя отнять. После этого Кэт заперлась в своей комнате и выходила только, когда Эзры не было дома. Она твердо решила прямо показать свое отношение к происходящему.

Джон Гердлстон наблюдал за этими маневрами с живейшим интересом. И когда Кэт уединилась в своей комнате, решил, что пора вмешаться ему.

— Вам следует почаще выходить и дышать свежим воздухом,— сказал он ей однажды, когда они остались после завтрака одни.— Иначе розы на ваших щечках совсем увянут.

— Пусть вянут, мне все равно,— ответила Кэт безразличным тоном.

— Но ведь другим это далеко не все равно! — заметил коммерсант.— Мне кажется, Эзра этого не перенесет.

Кэт покраснела от столь иеожиданного поворота разговора.

— Право, ие понимаю, почему это может взволиовать вашего сыиа,— сказала оиа.

— Взволиовать! Да иеужели вы так слепы, что не видите, как он в вас влюблен? Ои побледиел за эти последние дни и вот-вот заболеет, потому что не видел вас и боится, не обидел ли он вас чем-нибудь.

— Ради бога, убедите его выбрать себе другой предмет привязанности! — воскликиула Кэт.— Иначе будет тяжело и ему и мие. Ведь это не может ни к чему привести!

— Но почему? Почему вы...

— Ах, не надо говорить об этом! — взволиованио перебила Кэт.— Даже мысль об этом ужасиа. Мне невыносимо вас слушать!

— Но почему, моя дорогая, почему? Вы слишком впечатлительны. У Эзры есть свои недостатки, ио кто безупречен? В юности он был немножко шалопаем, но давно остепенился и обещает стать отличным коммерсантом. Поверьте, как он ни молод, мало кто пользуется на бирже таким уважением. Ои превосходно справился с делом фирмы, ради которого ездил в Африку. Он уже богат, но должен разбогатеть еще больше. Я не вижу никаких оснований для иеприязни, выказанной вами. Что же касается внешиости, то согласитесь, что в Лондоне не так-то просто найти другого такого красавца.

— Пожалуйста, не говорите больше об этом, забудьте про это! — ответила Кэт.— Я твердо решила никогда не выходить замуж — и уж за него во всяком случае.

— Вы еще передумаете,— сказал опекун, наклоияясь к ней и ласково поглаживая ее каштановые волосы.— С тех пор, как ваш бедный отец поручил вас моим заботам, я оберегал вас и лелеял по мере моих сил. Сколько бессоиных ночей я провел, думая о вашем будущем и подыскивая способы сделать его счастливым! И я не стал бы сейчас давать вам плохой совет или толкать вас иа шаг, который может сделать вас иесчастной. Разве я когда-нибудь обходился с вами плохо?

— Вы всегда были очень справедливы,— с рыданием в голосе ответила Кэт.

— А вы, как вы хотите отплатить мне? Вы намерены разбить сердце моего сына, а значит, и мое. Он — мое единственное дитя, и если с ним случится несчастье, то знайте, эта седая голова вскоре в печали упокоится на смертном одре. В вашей власти свести меня в могилу, как в вашей власти сделать мою старость счастливой от мысли, что мой сын нашел себе достойную подругу жизни и самое горячее желание его сердца сбылось.

— Но я не могу! Не могу! Не говорите больше об этом!

— Обдумайте все хорошенько,— сказал старик.— Взгляните на вопрос с разных точек зрения. И не забудьте, что любовью честного человека играть не следует! Меня, естественно, очень волнует ваше решение, так как от него зависит не только будущее счастье моего сына, но и мое собственное.

Джон Гердлстон был доволен этим разговором. Ему казалось, что последний отказ девушки прозвучал далеко не так решительно, как первый, а это значило, что его слова произвели на нее впечатление и могут поколебать ее, когда она поразмыслит над ними на досуге.

— Дай ей немного времени,— посоветовал он сыну.— Мне кажется, она согласится, но с ней надо обходиться осторожно.

— Если бы я мог получить эти деньги без нее, для меня это было бы лучше! — с ругательством воскликнул Эзра.

— И лучше для нее,— угрюмо добавил Джон Гердлстон.

ГЛАВА XXVII

МИССИС СКЭЛЛИ ИЗ МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТ МАДАМ МОРРИСОН

Как-то раз майор Тобиас Клаттербек сидел возле окна в своей комнате, дымя папиросой и потягивая вино, что было у него в обычае, когда дела шли более или менее сносно. Во время этого приятного занятия он случайно бросил взгляд через улицу и заметил прядь темных волос и еще более темный глаз, глядевший на него

из-за портьеры окна в доме напротив. Это видение весьма заинтересовало бравого майора, и он встал, чтобы получше его рассмотреть, но — увы! — прежде чем он успел навести на него монокль, видение исчезло! Майор весьма долго и упорно не позволял своему взгляду отвлекаться в сторону, выкурил по меньшей мере полдюжины папирос, не говоря уже о бутылке вина, которую он прикончил, но, помимо каких-то одеяний, круживших и порхавших в темной глубине комнаты, не увидел ничего более определенного.

На следующий день в тот же самый час наш воин находился на своем наблюдательном посту и был вознагражден появлением теперь уже пары глаз, весьма лукавых и опасных, а также миловидного округлого личика, которое ни в коей мере нельзя было назвать непривлекательным. Обладательница всех этих очаровательных предметов, высунувшись из окна, чрезвычайно целеустремленно поглядела вправо, затем так же целеустремленно поглядела влево, после чего решила поглядеть прямо перед собой и была поражена, увидав солидного джентльмена довольно почтенного возраста, наделенного пунцовым румянцем и взиравшего на нее с беспредельным восхищением. Это повергло ее в такой испуг, что она тотчас скрылась за портьерой, а у майора возникло опасение, что он никогда ее больше не увидит. По счастью, однако, испуг этой дамы был, по-видимому, не слишком непреодолим, ибо через пять минут она снова появилась у окна, и взгляд ее снова упал на улыбающееся лицо и элегантную фигуру майора, принявшего в этот момент самую эффектную позу, слегка подпорченную тем, что он еще был облачен в свой лиловый халат. Теперь глаза ее задержались на нем чуточку дольше, а на лице промелькнуло некое подобие улыбки. Тут майор улыбнулся и отвесил поклон, и дама улыбнулась еще раз, обнажив при этом хорошенькие беленькие зубки. На какой шаг отважился бы затем наш доблестный воин, сказать невозможно, ибо дама разрешила эту проблему сама, скрывшись из глаз, и притом на сей раз окончательно. Тем не менее майор был весьма доволен и, надев долгополый сюртук и безупречный белый воротничок, чтобы отправиться в клуб, все время тихонько посмеивался себе под нос. Он был когда-то лихим кавалером и в своей до-

вольно бурной и пестрой жизни отличался в схватках с Венерой не меньше, чем с Марсом.

Воспоминание об этом маленьком эпизоде преследовало его весь день. Оно так занимало его воображение, что он даже допустил за картами грубый промах, чем погубил себя и своего партнера. Это был первый и единственный случай в истории клуба, чтобы майор проиграл так — по собственной небрежности. Воротясь домой, он поведал обо всем фон Баумсеру.

— Не знаю, кто она такая, но это чертовски хорошенькая женщина,— заключил он свое повествование, перед тем как отправиться на боковую.— Черт побери, давно я не встречал такой хорошенькой женщины.

— Она покойница,— сказал немец.

— Она... что?

— Покойница — жена покойного инженера.

— Вы хотите сказать, вдова? А что еще вам о ней известно? Как ее зовут и откуда она сюда прибыла?

— Слышал я — служанка болтала,— что какая-то покой.., какая-то вдова живет там, напротив, столуется в пансионе мадам Моррисон и что это окошко — ее личной циммер... ну, это самое... комнаты. А вот как ее имя, я что-то не слыхал, а может, и забыл.

— Черт побери! — сказал майор.— У нее такой взгляд, который пронзает тебя насквозь, и фигура Юноны.

— Ей не меньше как фирцинг... как это, сорок,— заметил фон Баумсер.

— А хотя бы и так, дружище! Женщина в сорок лет как раз в самом соку. Поглядели бы вы на нее, когда она стояла у окошка, так попали бы в плен с ходу. Стоит она вот эдак, потом поднимает глаза вот эдак и тут же опускает их вот эдак.— И бравый майор постарался придать своим воинственным чертам выражение, которое, по его мнению, должно было совмещать в себе невинность с завлекательностью.— Затем она бросает взгляд через улицу, видит меня, и ее ресницы захлопываются, как крышка фонаря. После этого она заливается румянцем и украдкой бросает на меня еще один взгляд — из-за края портьеры. Она два раза поглядела в мою сторону, я это ясно видел, черт побери!

— Так это очень хорошо,— ободряюще сказал немец.

— Ах, мой друг, конечно, двадцать лет назад, когда объем груди у меня был сорок дюймов, а в талии — тридцать три, на меня стоило посмотреть дважды. Увы, приходит старость, а с нею — одиночество, и начинаешь понимать, каким ты был дураком, что так мало пользовался жизнью, когда представлялась возможность.

— Майн готт! — воскликнул фон Баумсер.— Может, вам хочется сказать, что вы будете жениться, если бы вдруг получилась возможность?

— Не знаю,— задумчиво произнес майор.

— Женщинам нельзя доверять,— печально сказал немец.— У себя на фатерланд я знал одну девушку — дочь хозяина гостиницы. Так мы с ней дали друг другу слово, что поженимся друг на друге. Карл Хагельштейн должен был у нас быть это самое... ну, что у вас называется дружкой. Он был очень красивый мужчина, этот Карл, и я часто посылал с ним моей девушке разный маленький презент, когда какие-либо причины мешали мне этого сделать сам. Карл был больше обаятельный, чем я, потому что у меня волосы рыжие, и он быстро нравился ей, и она быстро нравилась ему. И вот за день до свадьбы она садится на пароход и плывет по Рейну во Франкфурт, а он едет туда же на поезд, и там они встречаются и женятся друг на друге.

— Ну, а вы что сделали? — с интересом осведомился майор.

— А, вот это самый скверный вещь и есть, потому что я поехал за ними и взял еще один друг, и когда мы их настигли, я не пошел к моей девушке, а пошел в гостиницу к Карлу и сказал ему, что он должен со мной драться. И это был моя ошибка. Мне следовало нанести ему оскорбление, и тогда он вызывал бы меня на дуэль, а я выбирал бы себе оружие. А выбирал-то он и выбрал шпаги, потому что я шпагу еще в руке не держал, и ему это было известно, а сам он был первый фехтовальщик на весь земной шар. Ну, утром мы с ним встретились, и не успел я это самое... глазами моргнуть, как он проткнул мне левое легкое. Я вам показывал этот рубец. Два месяца или больше я лежал в постели, да и сейчас у меня покалывает в боку, когда холодная погода.— Баумсер помолчал.— Говорят, что это называется

получить удовлетворение,— добавил он, задумчиво пощипывая свою длинную рыжую бороду.— А я скажу вот как: такого неудовлетворения я еще никогда за свою жизнь не получал.

— Не удивительно, что вы боитесь женщин после такого случая,— смеясь, сказал майор.— Тем не менее на свете очень много хороших женщин, надо только, чтобы посчастливилось с одной из них встретиться. Знаете вы такого малого — Тома Димсдейла? Нет, верно, не знаете, а я встретился с ним как-то в клубе. Он ухаживает за воспитанницей того самого старика Гердлстона, о котором мы с вами толковали. Я видел как-то раз эту молодую парочку вместе. Они ворковали — счастливые, как голубки. Стоит посмотреть на ее личико, и сразу видно: эта девушка — чистое золото. И ручаюсь, что дама в доме напротив такого же сорта.

— А эта дама крепко сидит у вас в голове,— усмехаясь, сказал немец.— Она, как пить давать, приснится вам сегодня. Вот когда я был в Германии, одна дама...— И так эти два холостяка проболтали до утра, вспоминая свои былые похождения и потчуя друг друга воспоминаниями, часть которых, пожалуй, следует опустить и предать забвению. Удалившись к себе, майор заснул, и его последняя мысль была о даме у окошка и о том, каким образом может он о ней что-нибудь разузнать.

Дело это оказалось более легким, чем он предполагал, так как на следующее утро, допросив ту же самую девочку-служанку, от которой фон Баумсер получил свои сведения, майор тотчас выяснил все, что ему требовалось. Согласно утверждению этого осведомленного лица, дама эта была некая миссис Скэлли, оставшаяся вдовой после смерти мужа-инженера и недавно поселившаяся в пансионе мадам Моррисон — предприятии, конкурирующем с тем пансионом, в котором проживали майор и фон Баумсер.

Вооружившись этими сведениями, майор некоторое время предавался размышлениям, вырабатывая план действий. Он не видел возможности быть представленным очаровательной соседке, и ему оставалось только прибегнуть к какой-либо отчаянной хитрости. Поговорка «Смелость города берет» всегда была девизом этого

отважного воина. Поднявшись со стула, он скинул с плеч лиловый халат и облачился в лучшее из своих одеяний. Еще никогда не уделял он такого внимания туалету. Чисто выбритое лицо его блестело, редкие волосы прикрывали лысину наивыгоднейшим манером, воротничок был белоснежен, сюртук — угнетающе безупречен, и весь его облик — крайне респектабелен. «Черт побери! — подумал он, обозревая себя в трюмо.— Будь у меня чуть побольше волос на голове, я бы выглядел так же молодо, как Баумсер! Чтоб им пропасть, всем этим киверам и каскам, от них у меня весь ворс повытерся».

Когда туалет был завершен парой светлых перчаток и эбеновой тростью с серебряным набалдашником, наш ветеран с весьма решительным видом, но немалым трепетом в душе тронулся в путь, ибо укажите нам столь хладнокровного мужчину, который не испытывал бы робких опасений, предпринимая первый шаг к сближению с очаровавшей его женщиной. Тем не менее что бы ни творилось у майора в душе, он весьма успешно сумел скрыть это от посторонних взоров, когда позвонил у подъезда конкурирующего пансиона и справился у открывшей ему дверь служанки, дома ли миссис Скэлли.

— Да, сэр, она дома,— ответила служанка и испуганно присела, воздавая должное воинственному виду майора и его элегантному костюму.

— Не будете ли вы так любезны передать ей, что мне бы хотелось ее увидеть,— храбро сказал майор.— Я не злоупотреблю ее временем. Вот моя визитная карточка — я майор Тобиас Клаттербек из 119-го полка легкой пехоты. Ныне в отставке.

Служанка исчезла, взяв карточку, и тут же возвратилась и предложила майору подняться наверх. Бравый воин зашагал по лестнице поступью решительной и твердой, как человек, намеренный любой ценой довести предпринятое дело до конца. Где-то в отдалении ему послышался женский смех. Но, даже если он не ошибся, смех, по-видимому, не мог иметь никакого отношения к даме, знакомства с которой он искал, ибо его ввели в большую, хорошо обставленную комнату, где сидела его дама с видом вполне серьезным и даже подчеркнуто застенчи-

вым, так же как и другая молодая особа, помещавшаяся с вышиваньем в руках на оттоманке возле нее.

Майор отвесил самый изысканный поклон, хотя чувствовал себя в эту минуту одним из тех испанцев, которые, оглянувшись, увидели свои объятые пламенем корабли.

— Я надеюсь, вы извините меня за вторжение,— начал он.— Мне случайно довелось узнать, что в этом пансионе проживает некая миссис Скэлли.

— Это я — миссис Скэлли, сэр,— сказала дама, чьи черные глаза заставили майора совершить этот отчаянный подвиг.

— В таком случае, сударыня,— сказал наш воин, снова отвешивая поклон,— позвольте мне спросить вас, не состоите ли вы в родстве с генерал-майором Скэлли, который командовал индийскими саперами?

— Прошу вас, садитесь, майор... майор Клаттербек,— сказала миссис Скэлли, заглядывая в визитную карточку, которую она держала в своей изящной ручке.— С генерал-майором Скэлли, говорите вы? Ах, боже мой, я знаю, что один из родственников моего мужа был в армии, но мы не знаем, что с ним сталось. Он генерал-майор, говорите вы? Кто бы мог подумать!

— И притом самый лихой вояка, который когда-либо врубался в ряды противника или штурмовал снежные вершины Гималаев, сударыня,— сказал майор, разгорячаясь и становясь красноречивым.

— Подумать только! — воскликнула молодая особа с вышиваньем.

— Бывало не раз,— продолжал воин,—что мы с ним после жестокой сечи спали рядом на залитой кровью земле, укрывшись одним плащом.

— Как вообразить себе такое! — в один голос воскликнули обе дамы, и трудно, пожалуй, было бы подобрать более уместное выражение.

— И когда наконец он умер, разрубленный надвое кривой индийской саблей в схватке с горными племенами,— продолжал майор с чувством,— он обернулся ко мне...

— После того, как его разрубили надвое? — вмешалась дама помоложе.

— Он обернулся ко мне,— стойко продолжал майор, вложил свою руку в мою и сказал, испуская свой последний вздох: «Тоби,— так он меня называл всегда,— Тоби,— сказал он,— у меня есть...» Ваш муж доводился ему братом, вы, кажется, сказали, мадам?

— Нет, в армии служил дядюшка мистера Скэлли.

— Ах, совершенно верно. «У меня есть племянник в Англии,— сказал он,— к которому я очень привязан. Он женат на очаровательной женщине. Разыщи эту молодую чету, Тоби! Береги ее, охраняй ее!» И это были его последние слова, сударыня. Еще миг, и его душа отлетела. И когда при мне случайно упомянули ваше имя, сударыня, я понял, что не успокоюсь до тех пор, пока не появлюсь перед вами и не удостоверюсь, что вы именно та дама, о которой шла речь.

Рассказ этот, признаться, не только удивил вдову, что отнюдь не было странно, так как он являлся чистым плодом фантазии старого воина, но задел и кое-какие слабые ее струнки. Отец господина Скэлли был человеком низкого происхождения, и узнать, что среди его родственников отыскался генерал-майор (хотя бы и покойный), было для вдовы весьма приятной неожиданностью, ибо она лелеяла честолюбивые мечты, которые до сих пор никак не сбывались. Поэтому она столь нежно улыбнулась старому воину, что это еще больше окрылило его для новых полетов фантазии.

— Да, поверите ли, мы с ним были как братья,— сказал он.— Это был такой человек, что всякий мог только гордиться знакомством с ним. Сам главнокомандующий сказал мне как-то раз. «Клаттербек,— сказал он,— ума не приложу, что мы будем делать, если Европа начнет воевать. Нет у меня человека, на которого я мог бы положиться». Да, вот как он сказал. «Но у вас есть Скэлли»,— говорю я ему. «Верно,— говорит он;— Скэлли — вот кто нам нужен». Главнокомандующий был совсем убит, когда случилось это несчастье. «Какой удар для британской армии!» — произнес он, глядя на Скэлли, который лежал с пулей в голове. Именно так он и сказал, сударыня, клянусь богом!

— Но как же, майор! Вы как будто сказали, что он был разрублен надвое?

— Так оно и было. Он был разрублен надвое, в че-

репе у него засела пуля, и еще десяток смертельных ран было нанесено ему в различные другие части тела. Ах, если б он мог предвидеть, что я встречусь с вами, он умер бы счастливым!

— Как странно, что он, пока был жив, никогда не ставил нас в известность о своем существовании,— заметила вдова.

— Гордость мешала ему, сударыня, гордость! «Пока я не взберусь на самую вершину этой лестницы, Тоби,— говорил он мне, бывало,— я не открою своего инкогнито моему брату».

— Племяннику,— поправила вдова.

— Совершенно верно... «Нет, я не откроюсь своему племяннику!» Он сказал мне эти слова буквально за несколько мгновений до того, как роковое ядро уложило его на месте.

— Ядро, майор? Вы хотите сказать — пуля?

— Ядро, сударыня, ядро,— решительно заявил майор.

— Бог ты мой! — несколько растерянно воскликнула миссис Скэлли.— Как все это ужасно! Мы чрезвычайно вам признательны, майор Боттлтоп...

— Клаттербек,— сказал майор.

— Прошу прощения, майор Клаттербек. Это очень любезно с вашей стороны, что вы нанесли нам дружеский визит и сообщили все эти подробности. Когда умирает кто-нибудь из родственников, всегда, разумеется, интересно знать, как это произошло, даже если мы довольно мало знали о нем при жизни. Ты только подумай, Клара,— продолжала вдова, вытаскивая из ридикюля носовой платок и вытирая глаза,— ты только подумай, что этот бедняга, разрубленный надвое пулей где-то там в Индии, вспоминал Джека и меня за несколько секунд до смерти!! Мы, конечно, чрезвычайно вам признательны, майор Боттлнос...

— Клаттербек, сударыня! — с некоторой досадой воскликнул майор.

— Ах, ради бога, простите! Мы должны, Клара, очень поблагодарить майора за то, что он взял на себя труд навестить нас и все это нам рассказать.

— Не благодарите меня, дорогая миссис Скэлли,— сказал майор, протестующе взмахнув рукой, и, откаш-

лявшись, добавил: — Я уже полностью вознагражден, получив удовольствие познакомиться с вами и лицезреть на более близком расстоянии все то, чем я до сих пор восхищался издалека.

— Ах, тетушка, вы слышите?..— воскликнула Клара, и обе дамы хихикнули.

— Не исключая и вас, мисс... мисс...

— Мисс Тиммс,— сказала миссис Скэлли.— Дочь моего брата.

— Включая и вас, очаровательная мисс Тиммс,— продолжал майор, отвешивая элегантный поклон.— Для такого одинокого мужчины, как я, один вид столь прелестной дамы благодетелен, как роса для цветка. Я обновлен, сударыня, я воодушевлен, я чувствую прилив сил! — И майор расправил плечи, а лицо его над высоким белоснежным воротничком апоплексически побагровело.

— Главная цель моего посещения,— сказал старый воин, помолчав,— выяснить, не могу ли я быть вам чем-либо полезен. После понесенной вами тяжелой утраты, о которой мне довелось слышать, я, даже не будучи близко с вами знаком, был бы счастлив оказать вам услугу в деловых вопросах.

— Вы, право, очень добры, майор,— отвечала вдова.— После смерти бедного Джека все дела у нас пришли в беспорядок. В дальнейшем я буду очень рада воспользоваться вашим советом, если это не покажется вам слишком обременительным. Как только я немного разберусь в делах сама, я с большой радостью прибегну к вашей помощи. А то ведь эти стряпчие думают только о своей собственной выгоде.

— Совершенно верно,—сочувственно вздохнул майор.

— После бедного Джека осталась тысяча пятьсот страховых полисов. И они еще никуда не помещены.

— Тысяча пятьсот! — воскликнул майор.— Это семьдесят пять фунтов в год из пяти процентов.

— Ну, я могу получить проценты и повыше,— весело сказала вдова.— Я поместила две тысячи из семи процентов, верно я говорю, Клара?

— И очень надежно притом,— заметила девушка.

«Черта с два!» — подумал майор.

— Так что, когда мы начнем заниматься этими делами, я буду просить вашего совета и помощи, майор Тангл-

бобс. Я знаю, что мы, женщины, очень слабо смыслим в делах.

— С нетерпением буду ожидать этого дня,— галантно сказал майор, поднимаясь и беря шляпу. Он был очень доволен своей маленькой хитростью, которая помогла ему так успешно сломать лед.

— Черт побери,— сказал он фон Баумсеру вечером.— У нее не только хорошенькая мордашка, но еще и деньги водятся. Повезет тому, кто ее заполучит.

— Держу пари, что вы сделаете ей предложение,— усмехаясь, сказал фон Баумсер.

— Держу пари, что получу отказ, даже если сделаю,— уныло отвечал майор, но тем не менее отправился на покой значительно более окрыленный, чем накануне вечером.

ГЛАВА XXVIII

СНОВА У ХОЛОСТЯКОВ

В последнее время счастье снова улыбнулось нашим холостякам. После достопамятного посещения Фенчерчстрит майор получил возможность жить в достатке, уже давно ставшем для него непривычным. В это же самое время его дядюшка-граф снизошел вспомнить о своем скромном родственнике и выделил ему небольшое содержание, что в соединении с прочими источниками дохода освобождало майора от тягостных забот о будущем. Фон Баумсер также по мере сил помог наступлению этого неожиданного процветания. Немец снова поступил на службу в торговый дом «Эккерманн и Компания» на прежнюю должность коммерческого корреспондента, так что его материальное положение тоже изменилось к лучшему. Оба холостяка даже поговаривали о том, что сейчас было бы вполне своевременно перекочевать в другое жилье — попросторнее и подороже, но крепнущее и становившееся все более интимным знакомство майора с прекрасной вдовушкой, обитавшей напротив, стояло на пути такого переселения. Да и к тому же каждому из наших друзей, в сущности, совсем не хотелось покидать свой четвертый этаж и обременять себя перевозкой имущества.

Это имущество было чрезвычайно дорого сердцу майора и служило предметом его гордости. Хоть и невелико было помещение, где хранились все эти сокровища, оно представляло собой подлинный музей всевозможных диковинок, вывезенных из самых разных уголков света; большинство из них не представляло особой ценности, но для их хозяина все они были овеяны прелестью воспоминаний. То были его трофеи — трофеи путешественника, охотника, воина. Каждый из этих предметов — от бизоньих и тигровых шкур на полу до большой летучей мыши с острова Суматра, свисавшей, как в дни своего земного бытия, вниз головой с потолка,— имел особую историю. В одном углу стоял афганский мушкет и рядом — связка копий с берегов южных морей; в другом — резное индийское весло, кафрский дротик и американская духовая трубка с пучком маленьких отравленных стрел. Был тут и богато инкрустированный кальян со всеми полагающимися к нему принадлежностями, подаренный майору двадцать лет назад неким магометанским властителем, и высокое мексиканское седло, в котором он путешествовал по земле ацтеков. Каждый квадратный фут стен был украшен либо ножами, либо копьями, либо малайскими мечами, либо китайскими трубками для курения опиума и еще разными безделушками — неизменным ассортиментом всех закоренелых путешественников. Возле камина приютилась старая полковая сабля в потускневших ножнах — особенно потускневших вследствие того, что приятели нередко пользовались ею как кочергой, когда этот нужный предмет куда-нибудь исчезал.

— Дело не в их стоимости,— говаривал майор, окидывая взглядом свою коллекцию.— Тут, понимаете ли, нет ни одной штуковины, у которой не было бы своей истории. Вон поглядите на эту медвежью голову, которая там над дверью скалит на вас зубы. Это тибетский медведь, он не крупнее ньюфаундлендского пса, но свиреп, как гризли. Это тот самый, что сцапал Чарли Траверса из 49-го. Да, черт побери, была бы ему крышка, если бы не мое ружье. «Голову прячь, голову!» — крикнул я ему, когда они с медведем сплелись в такой клубок, что уж не разобрать, где один и где другой. Чарли спрятал голову,

и моя пуля угодила зверю точнехонько между глаз. Там и сейчас виден ее след.

Майор умолк, и оба приятеля некоторое время задумчиво покуривали папиросы; сгущались сумерки, фон Баумсер только что вернулся из Сити, и все располагало к табаку и размышлениям.

— А видите это ожерелье из раковин каури, которое висит рядом с головой? — продолжал старый воин, тыча папиросой в направлении вышеназванного предмета.— Оно снято с шеи одной готтентотки, и, клянусь Юпитером, это была настоящая черная Венера! Мы пробирались через страну перед второй Кафрской войной. Ну, назначил ей свидание, не смог пойти: получил наряд на дежурство,— послал одного надежного малого предупредить... Наутро его нашли с двадцатью ассегаями в теле. Это, понимаете ли, была просто ловушка, а Венера служила у них приманкой.

— Майн готт! — воскликнул фон Баумсер.— Ну и жизнь у вас происходила! Вот который-раскоторый месяц живем мы с вами, как это... бок к боку, и я всяких историй от вас наслушался, и все вы мне что-нибудь новенькое рассказываете.

— Да, это была удивительная жизнь,— отвечал майор, вытянув свои длинные ноги в гетрах и глядя в потолок.— Вот уж не думал, что могу на старости лет остаться без средств. Впрочем, не разъезжай я, а сиди на месте, можно бы неплохо жить на мою пенсию, но я однажды взял все свои деньги и отправился в Монте-Карло с намерением сорвать банк. Однако вместо этого ободрали там меня, ободрали как липку, и тем не менее я все равно верю в свою систему и не сомневаюсь, что выиграл бы, будь у меня денег побольше.

— Многие так говорят,— недоверчиво проворчал фон Баумсер.

— А я все-таки верю в свою систему,— упорствовал майор.— Послушайте, дружище, мне же всегда черт знает как везло в карты. Конечно, я в первую очередь полагаюсь на умение играть, но то, что мне везет,— это само собой. Помнится, как-то раз в штиль я на целых две недели застрял в Бискайском заливе на маленьком транспортном суденышке. Мы со шкипером старались убить время, играя в наполеон. Ну, сначала играли по

маленькой, а потом ставки стали расти, потому что шкиперу хотелось отыграться. К концу второй недели все, что он имел, перешло ко мне. «Слушай, Клаттербек,— сказал он наконец, и вид у него при этом был довольно жалкий,— это судно более чем наполовину принадлежит мне. Я основной его хозяин. Ставлю мою долю в этом судне против всего, что я тебе проиграл». «Идет!» — сказал я, стасовал, дал ему снять и сдал. У него туз и три старших козыря, и он объявил «четыре», а у меня — четыре маленьких козыря! «Жаль мне моих кредиторов!» — сказал он, бросая карты на стол. Черт побери! Я уходил в это плавание бедным капитаном, почти без гроша, а возвратился в порт с неплохими денежками в кармане да еще на собственном судне. Ну, что вы скажете?

— Вундербар! — воскликнул немец.— А что же шкипер?

— Коньяк и белая горячка,— изрек майор между двумя затяжками.— На пути домой прыгнул за борт где-то возле мыса Финистерре. Страшная штука карточная игра, когда тебе не везет.

— Ах, готт! А эти два ножа, там, на стене,— один прямой, а другой кривой. Они тоже с какой-нибудь историей?

— Так, эпизод,— небрежно бросил майор.— Странная история, но истинная правда. Видел собственными глазами. Во время Афганской кампании я конвоировал обоз с боеприпасами, который надо было переправить через перевал, а мы тогда были окружены со всех сторон этими разбойниками — горцами-афридиями. У меня под командованием было пятьдесят солдат из двадцать седьмого пехотного полка и один сержант. А у афридиев был вождь, здоровенный такой детина, он стоял на скале, вон с тем самым, длинным, ножом в руке и всячески поносил наших солдат. А мой сержант был очень ловкий, сметливый, маленький такой темнокожий малый, и он не стерпел этой наглости. Да, черт побери! Он швырнул свое ружье на землю, вытащил вот тот, кривой, нож — это ножи гурков — и бросился на того здоровенного горца. И мы и наш неприятель прекратили стрельбу — стали наблюдать, как они сражаются. Когда наш сержант полез на скалу, их вождь бросился к нему и со всей силой нанес удар. Да, черт побери! Мне уже

показалось, что кончик его ножа торчит между лопатками нашего сержанта! Но только тому удалось увернуться от ножа, и в то же мгновение он нанес вождю такой удар снизу вверх, что поднял его на воздух, и тут мы все увидели, что афридий уже похож на овечью тушу, вывешенную перед входом в лавку мясника. Он был рассечен ножом от низа живота до горла! Это зрелище нагнало такого страху на всех остальных негодяев, что они припустились улепетывать от нас во весь дух. Я взял себе нож убитого вождя, а сержант продал мне свой за несколько рупий, и вот теперь они оба здесь. Когда рассказываешь, это не очень получается занятно, но там было на что поглядеть. Я бы на этого вождя поставил три против одного.

— Никудышная была дисциплина, никудышная,— заметил фон Баумсер.— Вышел из строя и бросился куда-то с ножом, да наш унтер-офицер Критцер, как дать попить, взбесился бы.— Фон Баумсер служил когда-то в прусской армии и все еще хорошо помнил годы муштры.

— Вашим упрямым колбасникам пришлось бы хлебнуть лиха в этих горах,— отвечал майор.— Там каждый должен был действовать на свой страх и риск. Хочешь — лежи, хочешь — стой, хочешь — делай все, что тебе вздумается, только не беги. В такой войне вся дисциплина летит к чертям.

— Ну да, это то, что у вас называется война партизанская,— сказал фон Баумсер не без горделивого сознания, что он овладел этим мудреным иностранным словом.— А все же дисциплина — прекрасная вещь, отличная. Я вот помню: во время большой войны — нашей войны с Австрией — мы изготовили мину, и была надобность ее испытать. Поставили часового — там, где зарыли мину,— а потом фитиль подожгли, а часового снять забыли. Часовой хорошо понимал, что порох под ним сейчас взорвется и его на воздух поднимет, но он ведь не получал другой приказ на место первый приказ и потому остался на посту до самого взрыва. Больше его никто не видел. И, может, и не вспомнили бы, что он там стоял, только нашли его нагельгевер [1]. Вот это был на-

[1] Игольчатое ружье (*нем.*).

стоящий солдат! Оставайся он живой, его бы поставили командовать ротой.

— Его бы поместили за решетку в сумасшедший дом, останься он в живых,— раздраженно сказал ирландец.— Эй, кто это там?

Последнее относилось к появившейся в дверях служанке из пансиона напротив; в руках у нее был поднос с маленьким розовым конвертиком, на котором чрезвычайно изящным женским почерком было начертано: «Майору Тобиасу Клаттербеку Ее Величества сто девятнадцатого пехотного полка, в отставке».

— А! — воскликнул фон Баумсер, посмеиваясь в свою рыжую бороду.— Послание от женщины! Вы, как это у вас, англичаи, говорится,— хитрый лисец... или, как это... лисий хитрец, ну, сами понимаете.

— Это касается и вас тоже. Слушайте: «Миссис Лавиния Скэлли шлет поклон майору Тобиасу Клаттербеку и его другу мистеру Зигмунду фон Баумсеру и надеется, что они окажут ей честь своим посещением во вторник в восемь часов вечера, дабы она имела возможность представить их своим друзьям». Там будет бал,— заметил майор.— Теперь понятно, зачем им понадобилась арфа и все эти столы, и стулья, и корзины с вином, которые тащили туда сегодня все утро.

— А вы пойдете?

— Разумеется, я пойду, и вы пойдете тоже. Давайте-ка пошлем ответ.

Итак, радушное приглашение миссис Скэлли было принято, о чем она без промедления и была поставлена в известность.

Никогда еще в комнатах верхнего этажа пансиона миссис Робинс не производилось такой яростной чистки одежды и наведения такого глянца на башмаки, как это имело место два вечера спустя в тихой спальне двух холостяков. Ухаживание майора за вдовой продолжалось с неослабной энергией с того самого дня, когда он позволил себе сделать первые смелые шаги в этом направлении, однако протекало оно не без трудностей и приносило не слишком обнадеживающие результаты. При каждой случайной встрече с прелестной соседкой майор очаровывался ею все больше и больше, но не имел возможности узнать, разделяет ли она его чувства. Приглашение

на бал обещало, по-видимому, что теперь он получит эту возможность, к которой так стремился, и, стоя перед зеркалом и добиваясь, чтобы вид воротничка и галстука мог его удовлетворить, бравый майор принимал самые непреклонные решения одно за другим. Фон Баумсер, облаченный в долгополый сюртук устарелого покроя, сильно лоснившийся на локтях и плечах, присев на краешек кровати, с завистью и восторгом взирал на безупречный наряд своего приятеля.

— Ловко сел,— заметил он, имея в виду сюртук майора.

— Это от Пула,— небрежно уронил майор.

— А я так свой еще ни разу не носил здесь, в Англии,— сказал фон Баумсер.— Правду вам рассказать, я ведь маленький охотник к этим танцам и обедам, сами знаете. А ради вас я с охотой пойду туда. Упаси меня бог обидеть симпатию моего друга. Ну, а когда идти — надо идти, как положено джентльмену.— И он с удовольствием окинул взглядом свою поношенную черную пару.

— Однако, друг мой,— воскликнул майор, уже завершивший к этому времени свой туалет,— у вас галстук торчит из-под левого уха! Это, правда, придает вам несколько причудливый и живописный вид, но тем не менее галстуку там все же не место. Точно вам пришпилили ярлык для продажи.

— Если я галстук не сдвину немного на сторону, из-под бороды его никто не увидит,— кротко объяснил немец.— Но раз вы говорите, его надо спрятать, пусть будет спрятан по-вашему. А как вам нравятся мои запонки? У вас, я вижу, золотые, но у меня тоже из перламетра...

— Из перламутра,— смеясь, сказал майор.— Что ж, запонки вполне сойдут. Черт побери, какая уйма экипажей уже стоит у их подъезда! — продолжал он, отодвинув край шторы и глянув в окно.— Все комнаты освещены, и я слышу, как настраивают инструменты. Пожалуй, надо идти и нам.

— В таком случае форвертс! — решительно сказал фон Баумсер, и приятели направились к дверям, один из них — с твердым решением узнать свою судьбу еще до наступления ночи.

ГЛАВА XXIX

БОЛЬШОЙ БАЛ В ПАНСИОНЕ МОРРИСОН

Никогда еще за все время существования пансиона Моррисон не видели там таких оживленных приготовлений к балу. Сама хозяйка предалась этим приготовлениям душой и телом, и все жильцы, получив приглашение для себя и своих друзей, старались как могли, чтобы вечер удался на славу. В большой гостиной произвели генеральную уборку и натерли пол, доведя его до неслыханного совершенства, в чем тотчас пришлось убедиться поварихе, которая, вбежав в гостиную, со всего размаха упала навзничь и с такой стремительностью описала при этом в воздухе полукруг, что уже наперед затмила все чудеса проворства, какие предстояло показать танцорам вечером на балу. Вестибюль был с большим вкусом декорирован и превращен в столовую, а в нескольких маленьких комнатках зажгли свет и гостеприимно распахнули двери, чтобы они могли служить местом отдыха для тех, кто почувствует себя утомленным. В маленькой гостиной раскинули два карточных стола и позаботились о прочих забавах для любителей сидячих развлечений. Торжественный конклав всех жильцов во главе с миссис Моррисон, собравшись, пришел к заключению, что все выглядит чрезвычайно заманчиво и бал, несомненно, сделает честь пансиону.

Съехавшиеся гости были столь же разнообразны, как и поданные к столу вина, хотя, быть может, и не столь отборны. Широкое гостеприимство миссис Скэлли распространилось, как уже было отмечено выше, не только на ее друзей, но и на друзей ее соседей по пансиону, так что помещение его стало заполняться очень быстро, и к девяти часам для танцоров уже почти не оставалось места. Беспрерывным потоком к подъезду с грохотом подкатывали пролетки и кабриолеты и освобождались от своего груза. Поперек тротуара перед крыльцом была постелена ковровая дорожка — «совсем как у королей», заметила повариха,— а стоявший в дверях зеленщик выглядел столь торжественно и величественно в своем великолепном одеянии, что собственные кочны капусты, вероятно, могли бы его не признать. Как ливрейный лакей

он обладал только одним крупным недостатком: был туговат на ухо и, стараясь возместить этот недостаток, фантастически перевирал все, что ему говорилось, с самыми неожиданными порой результатами. Так, например, когда он, возвещая о прибытии одного весьма азартного игрока, капитана Сампергай, громогласно объявил, что прибыл капитан Самсебепомогай, все сочли, что это было не очень-то любезно, так как слишком походило на истину. Едва успело общество оправиться от этого маленького конфуза, как появились двое наших холостяков.

Миссис Скэлли, одетая с большим вкусом в черный шелк и кружева, стояла в дверях гостиной, принимая гостей, и выглядела в высшей степени прелестно и обольстительно. Так, во всяком случае, думал майор, когда он, приблизившись к ней, пожал ей руку и ловко ввернул галантный комплимент.

— Разрешите мне представить вам моего друга господина фон Баумсера,— добавил он.

Миссис Скэлли подарила немца такой очаровательной улыбкой, что сразу покорила сердце этого тевтона.

— Возьмите вот там программку,— сказала она.— Если не ошибаюсь, первый танец — кадриль. Нет, благодарю вас, майор, я должна остаться здесь, иначе кто же будет принимать гостей.— И она поспешила навстречу вновь прибывшим гостям, а майор и фон Баумсер отправились искать себе партнерш.

Танцы были разнообразны, и веселье било ключом. Вальс исполнялся на всевозможные лады: если акцизный чиновник мистер Сноддер танцевал по старинке на три счета, как и положено, то молодой Баклбери из банка, отвоевав местечко точнехонько под люстрой, с невероятной скоростью вращал себя и партнершу вокруг своей оси, отчего они казались парой жуков, насаженных на одну булавку, а мистер Смит из медицинского колледжа медленно кружился в вальсе с мисс Кларой Тиммс, и на лицах у них застыло то мучительно-напряженное, сосредоточенное выражение, которое появляется в танце на лицах всех англичан, создавая впечатление, что их ноги вдруг по собственному почину бросились отплясывать что-то и повлекли за собой тело совершенно против его воли. Танцевал и наш майор, которому все-таки удалось заполучить миссис Скэлли и который, как и подобает

бравому офицеру, прокладывал себе путь в толпе танцующих с легкостью, изобличавшей многолетний опыт. В это же время в другом конце зала фон Баумсер с широкой улыбкой на лице проделывал какие-то па с пожилой дамой, прижатой, словно банджо, где-то под правой подмышкой. Короче говоря, все веселились до упаду, и вальс сменялся полькой, и полька мазуркой в таком темпе, что ряды танцующих слегка поредели за счет тех, кто послабее, а музыканты показали свою выносливость.

Но вот открылись двери карточной комнаты, куда и направилась вдова Скэлли вместе с майором и еще кое-кто из гостей постарше, для которых темп танца оказался слишком бурным. Здесь все выглядело чрезвычайно уютно, вокруг квадратных столов были чинно расставлены стулья, и на зеленом сукне сверкающими веерами раскинулись колоды карт. Майор и хозяйка дома играли против капитана Сампергая и одного пожилого джентльмена, приехавшего из Ламбета, и по окончании игры бравый капитан и его партнер поднялись из-за стола с облегченными карманами и опечаленной душой, что явилось довольно неожиданным ударом для капитана, рассчитывавшего немного поправить здесь свои дела и никак не ожидавшего встретить в лице майора такого поднаторелого в этом искусстве ветерана. Затем наш бравый воин вместе с капитаном играли против хозяйки дома и еще одной дамы, и на этот раз наш прожженный хитрец — майор — умудрился проигрывать, и притом весьма естественно, и расплачиваться крайне непринужденно и галантно, с изысканнейшими комплиментами и маленькими восторженными спичами по адресу своих противниц, что явно произвело сильное впечатление на партнершу вдовы, но, как ни странно, отнюдь не понравилось самой вдове. После этого игроки парами направились ужинать и обнаружили, что танцоры уже завладели столом, в результате чего снова возникла небольшая суматоха и давка, заставившая отбросить всякую церемонность и чопорность и весьма способствовавшая тому, чтобы непринужденное веселье не пошло на убыль.

Если в первую половину вечера майору удалось в какой-то мере завоевать расположение миссис Лавинии

Скэллн, то теперь он всячески закреплял и развивал достигнутые успехи. Прежде всего он громогласно осведомился у капитана Сампергая, сидевшего в другом конце стола, не доводилось ли ему встречаться с покойным генерал-майором Скэллн, и, получив отрицательный ответ, принялся весьма красноречиво распространяться о заслугах этого порожденного его воображением воина. После такого несколько беспринципного приема майор перешел к восхвалению вина, а затем начал предаваться воспоминаниям. Это были воспоминания воина, охотника, путешественника и светского льва, и все они неизменно вызывали восторг у слушателей. Когда же ужин пришел к концу, и была откупорена последняя бутылка и наполнен последний бокал, и танцоры вернулись к своим танцам, а игроки — к своим карточным столам, майор с удвоенным усердием принялся обхаживать вдову.

— Не кажется ли вам, что здесь очень жарко, майор? — спросила вдова.

— Да, жара изрядная,— чистосердечно подтвердил майор.

— Тут есть комнатка, где, вероятно, прохладнее,— сказала вдова.— И там вы можете выкурить папиросу. Эти комнатки мы решили превратить в курительные.

— Но вы должны сопровождать меня туда.

— Нет, нет, майор. Не забывайте, что я хозяйка.

— Но вам совершенно не требуется никого развлекать. Все развлекаются кто во что горазд. Вы слишком мало думаете о себе.

— Право же, майор...

— А я утверждаю, что вы устали и вам необходимо отдохнуть.

И майор распахнул перед ней дверь с таким настойчивым видом, что вдова уступила. Они вошли в маленькую уютную комнату, расположенную несколько в стороне от центра веселья. Здесь стояло два-три обитых ситцем стула и такая же кушетка. Вдова присела на одном конце кушетки, майор водрузился на другом; лицо его приняло еще более пунцовый оттенок, чем обычно, и, как всегда в трудную минуту, он сдвинул брови и выпятил грудь.

— Почему вы не закуриваете вашу папиросу? — спросила миссис Скэллн.

— А как же дым?

— Я люблю запах табака.

Майор достал папиросу из своего плоского серебряного портсигара. Вдова свернула бумажку и зажгла ее от газового рожка.

— Для того, кто так одинок, как я,— заметила она,— приятно сознавать, что возле тебя есть кто-то расположенный к тебе и ты можешь услужить кому-то, хотя бы в мелочах.

— Так одинок?—воскликнул майор, перемещаясь на кушетке.— Мне ли этого не знать! Если я завтра отправлюсь к праотцам, ни одна живая душа даже не вздохнет обо мне, разве что старик фон Баумсер.

— О, не говорите так! — с чувством произнесла миссис Скэлли.

— Но это факт. Однако порой мне хочется взбунтоваться против такой судьбы. Последнее время я начинаю мечтать о том, чтобы сделать свою жизнь более веселой и счастливой. Эти мечты появились у меня, когда я сидел вот там, у своего окна. И теперь, сколько ни старайся, уже не вытравишь их из сердца. А я знаю: это безумие — лелеять их, ведь если они не сбудутся, еще невыносимее станет мое одиночество.

Майор умолк и откашлялся. Вдова молчала; голова ее была опущена, глаза прикованы к узору ковра.

— Эти мечты о том,— сказал майор, понизив голос, наклоняясь вперед и сжимая маленькую, унизанную кольцами руку своей загрубелой рукой,— что вы сжалитесь надо мной, что вы согласитесь...

— Ах, вы здесь, мой очень добрый друг! — радостно воскликнул фон Баумсер, неожиданно просовывая свою кудлатую голову в дверь и дружелюбно улыбаясь.

— Подите к черту! — зарычал майор, в бешенстве вскакивая с кушетки, и голова немца исчезла столь же внезапно, как и появилась.— Простите мою горячность и грубость языка,—смущенно проговорил старый воин,— но я не мог совладеть со своими чувствами. Согласны ли вы стать моей, Лавиния? Я простой солдат и почти ничего не могу предложить вам, кроме преданного сердца, которое и так уже принадлежит вам и будет принадлежать вечно. Согласны ли вы стать моей женой и сделать меня счастливым до конца моей жизни?

Майору уже удалось обхватить вдовушку одной рукой за талию, но она вскочила с кушетки и повернулась к нему; задорная и лукавая улыбка заиграла на ее миловидном полном лице.

— Вот что, майор,— сказала она.— Я люблю говорить напрямик, так же как мой покойный Том. Он всегда все говорил напрямик. И теперь я спрошу вас прямо: вам нужна я или мои деньги?

Майор был так поражен этим откровенным вопросом, что с минуту продолжал сидеть на софе, лишившись дара речи, но, как человек, бывавший в разных переделках и умевший быстро принимать решения, он тотчас овладел собой.

— Вы, конечно! — воскликнул он.— Если бы у вас не было ни гроша за душой, это бы ничего не изменило.

— Берегитесь! Берегитесь!— произнесла вдова, предостерегающе погрозив ему пальцем.— Слыхали вы о том, что банк Агра лопнул?

— Слышал. Но что из того?

— А то, что все мои деньги, до последнего пенни, были вложены в этот банк.

Это был уже второй удар — наотмашь. Впрочем, от этого удара наш воин оправился быстрее и произнес с еще более важным видом, выпятив вперед грудь.

— Лавиния,— сказал он,— вы были искренни со мной, и я, черт побери, тоже буду откровенен с вами. Когда я впервые увидел вас, дела мои были очень плохи, и, признаться, хоть я и восхищался вами, не только вы сама, но и ваши деньги служили для меня приманкой. Я был тогда в таком положении, что не мог помышлять о женщине, которая не внесла бы своей лепты хотя бы на покрытие своих личных расходов. Но с тех пор мои обстоятельства изменились. Каким образом — здесь об этом говорить не время и не место, но так или иначе у меня есть кругленькая сумма в банке и возможность несколько ее увеличить. Вы говорите, что у вас пропали все деньги, а я говорю вам, что у меня теперь хватит на двоих. Так что скажите, что вы согласны, сердце мое,— и по рукам.

— Как! Даже если без денег?

— К черту деньги! — воскликнул майор Тобиас Клаттербек, и его рука вторично обвила талию дамы, и

на этот раз так и осталась там. Что произошло потом — это уже меня не касается да и читателя тоже. Парочки, пережившие свою первую молодость, так же имеют право на счастье, как и более юные создания, и порой их чувства бывают даже более пылки.

— Гадкий мальчишка, как вы смеете так ругаться!— промолвила наконец вдова.— Теперь я должна воспользоваться случаем и прочитать вам нотацию.

— Нет, вы поглядите только на эти лукавые глазки! — воскликнул майор, сияя от восторга.— Да бога ради, читайте мне нотации, пока не надоест.

— Вы должны быть умником, Тоби, если хотите стать моим мужем. Вы не должны больше играть в бильярд на деньги.

— Не играть в бильярд? Это как же так? Бильярд приносит мне три-четыре фунта в неделю.

— Все равно. Никаких бильярдов, никаких карт, никаких бегов и никаких пари. Тоби должен быть паинькой и вести себя, как подобает почтенному, заслуженному воину.

— Да что это вы такое выдумали? — вскричал майор.— Если я откажусь от бильярда и от виста, так на какие же средства такой заслуженный воин, а главное, жена такого заслуженного воина, будет существовать?

— Ну, как-нибудь проживем, мой милый,— сказала вдова, шаловливо заглядывая ему в глаза.— Я ведь говорила вам, что все мои деньги были помещены в банк Агра, который лопнул.

— Говорили, и очень жаль, что вам так не повезло!

— Да, но только я не сказала, что взяла оттуда все деньги, еще до того, как банк лопнул, мой милый Тоби. Вероятно, это очень скверно — подвергать вас такому испытанию, но я не могла устоять против соблазна. Тоби не нужно играть в азартные игры — у него и без этого будет достаточно денег, и он может сидеть себе спокойненько, рассказывать свои истории и вообще делать все, что ему заблагорассудится, и не беспокоиться ни о чем.

— Да благословит вас небо! — с жаром воскликнул майор. Наконец-то после стольких лет бурных скитаний по свету он был у тихой пристани! И когда этот, уже потрепанный жизнью старый холостяк наклонился, что-

бы поцеловать вдову, он почувствовал, как слезы прихлынули к его глазам.

— Итак, никаких бильярдов, никаких карт на три месяца,— сказала эта маленькая женщина твердо, сжимая в руках его большую руку.— Ничего, запомните, друг мой! Я отправляюсь в Хампшир, в деревню, навестить мою кузину, и нам придется расстаться на это время, но я разрешаю вам писать мне. Если после моего возвращения вы сможете заверить меня честью, что бросили свои гадкие привычки... ну, тогда...

— Что тогда?

— Подождем до тех пор, и вы увидите,— лукаво рассмеявшись, отвечала вдова.— Нет, нет, ни секунды я здесь больше не останусь. Что скажут гости? Право же, Тоби, я должна... Нет, в самом деле, я должна...

И она ускользнула, а майор остался один, и ему показалось, что его душа очистилась от всего дурного, что могло загрязнить ее с тех пор, когда он еще юным прапорщиком в последний раз поцеловал на прощание свою мать в Портсмутской гавани, перед тем как сесть на большой транспортный корабль, отплывавший в Индию.

Но все на свете рано или поздно приходит к концу, и бал миссис Скэлли не был исключением из правил. Впрочем, уже занималась заря, когда последние гости закутывались в шали и последний кабриолет отъезжал от крыльца. Майор задержался дольше других, он попрощался с хозяйкой последним, затем присоединился к своему приятелю, который, не имея ключа от двери, вынужден был его дожидаться.

— Послушайте, майор,— сказал немец, когда они поднялись к себе в комнату,— хорошо ли это, прусского офицера к черту посылать? Вы меня крепко обидели. Честное слово, я поражен, что вы могли такое произносить!

— Мой дорогой друг,— сказал старый вояка, пожимая ему руку,— ни за какие сокровища в мире не хотел бы я вас обидеть! Ей-богу, если я только сунусь в комнату в тот момент, когда вы будете там делать предложение даме, можете припечатать меня самым крепким немецким словцом, какое только подвернется вам на язык!

— Так вы ей предложение сделали? — воскликнул добродушный немец, тотчас забывая все свои обиды.

— Да, сделал.

— И она его взяла... приняла его?

— Да.

— Так это же великолепно! — воскликнул фон Баумсер и даже захлопал в ладоши.— Ура, ура, ура, фрау Скэлли, и еще раз ура, фрау Клаттербек! Надо же выпить по этому случаю, непременно надо!

— И мы обязательно выпьем, дружище, но сейчас пора на боковую. Она прекрасная женщина и отлично понтирует. Черт побери, она сегодня так ловко показала козырей — я еще в жизни не видал такой превосходной игры! — И с этой оригинальной эклогой на устах майор повернулся к двери, пожелал приятелю спокойной ночи и удалился к себе.

ГЛАВА XXX

В ТРАКТИРЕ «ПЕТУХ И КУРОСЛЕП»

Работу Тома Димсдейла никак нельзя было назвать легкой. Он не только обязан был проверять все счета клерков и вести дела с оптовыми торговцами, но к тому же еще довольно много времени проводить на пристанях, наблюдая за погрузкой уходивших в море кораблей и проверяя груз судов, прибывавших в гавань. Впрочем, эти последние обязанности пришлись ему больше по душе — он был рад выбраться из душной конторы и глотнуть немного морского воздуха,— считая, конечно, что в сутолоке Вулиджа можно было почувствовать свежесть моря. Притом здесь, в устье широкой, мутноватой реки, одной из крупнейших водных артерий страны, всегда царило приятное оживление и суета. Двумя нескончаемыми потоками, приплывая и уплывая, двигались по ней суда всех видов и всех размеров.

Жизнь этого большого водного пути так занимала пытливый ум Тома, что он нередко, покончив с дневными делами, продолжал стоять на старой пристани, задумчиво покуривая трубку. Здесь было потише — жизнь, которая когда-то кипела ключом, отхлынула к другим, более удобным причалам. Повсюду валялись огромные ржавеющие якоря, тяжелые цепи, тут и там уныло торчали брошенные котлы и другие отжившие

свой век предметы, которых много накапливается в подобных местах, и людям, чья фантазия достаточно прихотлива, они кажутся скелетами каких-то диковинных чудовищ, выброшенных на берег приливом. Кому принадлежали они когда-то? Кто ими дорожил? Какую и кому сослужили они службу? Тому казалось порой, что все первоначальные владельцы этих предметов и даже их наследники давно сошли в могилу, бросив эти мрачные останки на произвол судьбы, и они ждут теперь, чтобы кто-нибудь из милосердия удостоил их погребения.

С этого удобного наблюдательного пункта Тому далеко была видна река, и он, следя взглядом за проплывавшими по ней судами, бороздил вместе с ними безбрежный океан и уносился мыслями к далеким прекрасным странам, где жарче солнце и синее небеса. Вот трудолюбиво пыхтит крошечный паровой буксир и тянет за собой величественный трехмачтовик, тяжеловесный черный корпус которого с устремленными в небо мачтами вздымается над водой, а стеньги кажутся издали тончайшей паутиной какого-то гигантского паука. Он приплыл из Кантона, из страны крошечных ног и миндалевидных глаз, проплыл с грузом чая, кофе, пряностей и прочих хороших вещей. А вот судно компании «Мессажери» — французский флаг изящно полощется над его кормой, а его пронзительный гудок шлет предостережение неповоротливым лихтерам, ползущим со своим черным грузом к чумазому угольщику, паровой ворот которого свиристит, словно коростель. А вот этот плавучий дворец — корабль из Австралии; его бесчисленные иллюминаторы подобны желтым глазницам, и в сгущающихся сумерках все ярче брызжут из них струи света. А вот медленно приближается роттердамский пакетбот; он рад вернуться в тихие воды после изрядной трепки, выпавшей на его долю в Северном море. А этот каботажный бриг, как видно, испытал трепку похуже: его грот-мачта треснула, и на всех реях копошится крошечная человеческая мошкара — берет рифы, сплеснивает, чинит паруса.

А наш старый знакомец тоже попал в этот шторм и сейчас держит путь к надежному пристанищу — к докам Альберта. Конечно, это не кто иной, как неустрашимый капитан Гамильтон Миггс, чей корабль все еще про-

должает упорно держаться на воде к изумлению самого бравого капитана и всех, кому известны мореходные качества этой посудины. Не раз и не два уже готова была она погрузиться на дно; не раз и не два внезапно наступивший штиль или усердное выкачивание воды из трюма всей командой помешало ей выполнить предначертанную ей судьбу. Сам шкипер был так поражен этим неустанным вмешательством провидения, что уверовал в сверхъестественную способность судна не тонуть ни при каких обстоятельствах и с легким сердцем и удвоенной энергией отдался своему старому, излюбленному занятию — снова стал периодически напиваться до белой горячки и периодически протрезвляться снова.

«Черный орел» прибыл с ценным грузом, и капитан Миггс был соответственно в приподнятом настроении. Открытое лицо Тома и его честные глаза пришлись по душе этому старому морскому волку и пропойце, и, когда на следующее утро Том поднялся на борт корабля, Миггс приветствовал его с шумной сердечностью.

— Разрази меня гром, а вы неплохо выглядите! — закричал он.— Сразу видно, что вы не лежали в штиле возле Фернандо-По и не глотали сырой туман в Габоне.

— Вы тоже неплохо выглядите, капитан,— сказал Том.

— Сносно, сносно. Так, познабливает малость по временам.

— Ну что ж, начнете, верно, сейчас разгрузку? Вот накладная — я должен проверить груз. Будем открывать люки?

— Эта работа не для меня,— решительно ответил капитан Гамильтон Миггс.— Вот Сэнди — Сэнди Макферсон станет на разгрузку. Верно, Мак? Тебе надо немножко поразмять свои старые шотландские кости. А с меня хватит того, что я привел сюда из Африки это решето — не хватает еще, чтобы я работал на выгрузке.

Макферсон, помощник капитана, был высоченный рыжебородый детина из Абердина.

— Ладно, я займусь,— сказал он без дальних слов.— Идите на берег или куда вам нужно.

— В трактир «Петух и курослеп» — вот куда,— сказал капитан.— Послушайте, вы, мистер Димсдейл, как закончите здесь, приходите туда, разопьем по стаканчику

вния. Я простой моряк, но у меня тоже, черт побери, еще кое-что бьется в груди. И ты, Макферсон, валяй туда же — покажешь мистеру Димсдейлу дорогу. Значит, «Петух и курослеп», на углу Секстен-Корт.

Том и Макферсон поблагодарили за приглашение, и капитан загромыхал по сходням, стремясь поскорее стать на твердую землю.

Весь день Том стоял у открытого люка «Черного орла», проверяя груз, поднимавшийся на свет божий из его недр, а Макферсон со своими разнообразными помощниками — матросами, грузчиками и негром-либерийцем из Западной Африки — трудились в трюме. Пыхтела и фыркала машина, с бряцаньем опускалась в трюм тяжелая цепь.

— Ну, живей! — кричал помощник капитана.

— Есть, сэр!

— Все в порядке?

— Все в порядке, сэр.

— Подымай!

И снова гремела и бряцала цепь, и гудела машина, и подималась в воздух пара бочонков с пальмовым маслом — казалось, кран, словно гигантские щипцы, выдернул из челюсти судна два деревянных зуба. Том стоял с записной книжкой в руке, смотрел вниз, в черную пропасть трюма, и ему чудилось, что корабль привез в своих недрах малярийный воздух тропиков, — такой затхлой сыростью веяло на него оттуда. Огромные жуки ползали по тюкам, а порой из трюма выскакивала и крыса, да еще такой величины, какие бывают лишь на судах, приплывающих из тропиков. Один раз, когда поднимали тюк со слоновой костью, раздались испуганные возгласы, и Том увидел, как длинная желтая змея, притаившаяся в складках тюка, скользнула обратно во мрак. Нередко случалось, что эти смертоносные твари находили себе пристанище в углублениях тюков и лежали там, притаясь, пока холодный воздух Англии не пробуждал их от спячки на беду какого-нибудь незадачливого грузчика.

Весь день Том стоял среди шума, грохота и сквернословия, вдыхал пар и запах машинного масла, проверял грузы и направлял их на склады. После полудня все пошли обедать, а в два часа работа возобновилась и про-

должалась до шести часов, когда все кончили работу и разошлись — кто по домам, кто в пивные, в зависимости от наклонностей. Том и помощник капитана, порядком притомившиеся за день, решили принять предложение капитана и явиться в указанный им трактир. Помощник капитана нырнул к себе в каюту и вскоре появился обратно: лицо его лоснилось, а всклокоченные волосы были приведены в некоторый порядок.

— Я совершил свои омовения,— заявил он с важным видом, сделав торжественное ударение на последнем слове, ибо, как многие шотландцы, испытывал непреодолимое тяготение к мудреным и звучным словам. Надо признаться, что в лице мистера Макферсона эта национальная черта приобрела несколько преувеличенные формы, так как он никогда не мог устоять против искушения уснастить свою речь каким-нибудь замысловатым, хотя и не совсем идущим к делу словечком, если считал, что оно должно в общем и целом усилить впечатление.

— Наш капитан,— продолжал он,— не чувствовал себя целесообразно в этом плавании. По глазам было видно, что его одолевают телесные недуги.

— Может, просто ипохондрия,— заметил Том.

Шотландец поглядел на него с возросшим уважением.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул он.— Вот это здорово сказано. Пожалуй, после того словечка, которое отчубучил Джимми Мак-Джи с «Кориско» в прошлое плавание, я не слышал ни одного такого удачного выражения. Не будете ли вы так добры повторить это еще разок?

— Ипохондрия,— весело рассмеявшись, повторил Том.

— И-п-о-х-о-идрия,— раздельно произнес помощник капитана. — Верно, Джимми Мак-Джи не знал этого словечка, а то бы он мне его сообщил. Теперь уж я обязательно пущу его в ход, спасибо вам, что научили.

— Не стоит благодарности,— сказал Том.— Если вы коллекционируете длинные слова, я постараюсь подобрать для вас побольше. Но что, как вы полагаете, случилось с капитаном?

— Его одолевал алкоголь,— сказал помощник капитана серьезно.— Я сам не прочь хлебнуть малость, и даже

с превеликим удовольствием, но это уж совсем другое дело, когда человек запирается у себя в каюте и тянет ром от утренней вахты до вечерней, от четырех склянок на рассвете до восьми склянок на закате. А потом, как протрезвится, начинает клясть все на свете, и послушали бы вы, как он тогда божится и бранится — просто страх берет. Настоящий пандемониум подымает, точнее слова не найти.

— И часто у него это? — спросил Том.

— Часто. Да по-другому и не бывает, сэр. И все же он хороший моряк и как бы ни напился, а соображает, что к чему. И почти никогда не уклоняется от курса. Он прямо какая-то двусмысленность для меня, сэр, потому что прими я хоть половину того, что он вливает себе в глотку, так тут же бы слетел с катушек.

— Вероятно, с ним опасно иметь дело, когда он в таком состоянии? — спросил Том.

— А то как же! В последний раз он как напился, начал палить на палубе из шестизарядного и чуть не продырявил нашего плотника. Другой раз подвернулся ему кок — так он гонялся за ним с гандшпугом и загнал его на самые верхние реи. Кок сидел там до тех пор, пока у него не начались галлюцинации.

Том снова не мог удержаться от смеха.

— Это совсем новое выражение,— сказал он.

— Еще бы! — с удовлетворением воскликнул его собеседник.— Новое, верно? Значит, мы теперь с вами квиты, за ипохондрию.— Он был так доволен заключенной им сделкой, что еще долго посмеивался в свою рыжую бороду.— Да,— продолжал он потом,— нам с ним порой опасно иметь дело, да и вам тоже. Скажу по секрету и от чистого, так сказать, сердца, что он, как только хватит лишнего, так начинает распространяться насчет фирмы, и страховок, и гнилых посудин, и всякого такого прочего, и это все еще куда ни шло, пока оно циркулирует, так сказать, между джентльменами вроде нас с вами, но, черт возьми, разве это годится для слуховых, так сказать, аппаратов нашей судовой команды!

— Возмутительно! — сказал Том на этот раз совершенно серьезно.— Как он может распространять такие слухи о своем хозяине! Суда у нас старые, и на некоторых из них, на мой взгляд, плавать небезопасно, но это

же совсем другое дело, это же не значит, что можно, как я понял из ваших намеков, приписывать мистеру Гердлстону намерение их потопить.

— Ну, этого мы с вами касаться не будем,— сказал осторожный шотландец.— Мистер Гердлстон своего не упустит. Может, он хочет, чтобы они плавали, а может, хочет, чтоб затонули. Не нам судить. Вы сами сегодня услышите, как капитан будет распространяться на этот счет, потому что стоит ему хватить лишнего, как он ни о чем другом говорить не может. Ну, вот мы и пришли, сэр. Видите эту сооруженцию на углу, с красными ставнями на окнах?

Пока велся этот разговор, они пробирались сквозь лабиринт грязных улочек, которые привели их из портовых кварталов к предместью Степни. Уже совсем стемнело, когда они очутились на длинной улице с бесчисленными лавками, освещенными газовыми фонарями. Почти все они торговали различными предметами морского обихода, и над входом в них вместо вывесок раскачивались клеенчатые плащи, похожие в этом призрачном свете на отощавших пиратов, повесившихся на реях. На каждом углу поблескивали окна пивных, а перед дверями толпились, отпихивая друг друга и протискиваясь к входу, неряшливо одетые женщины и мужчины в грубых свитерах. К одному из самых больших и внушительных заведений такого сорта и направился помощник капитана вместе с Томом Димсдейлом.

— Вот сюда,— сказал Макферсон, явно побывавший здесь уже не раз. Он толкнул вращающуюся дверь, и они очутились в переполненном народом баре. Том вдохнул удушливый запах винного перегара, нищеты и грязи человеческой, и он показался ему еще ужасней, чем миазмы, поднимавшиеся из трюма корабля.

— Капитан Миггс здесь? — спросил Макферсон краснолицего человека в белом переднике, возвышавшегося за стойкой.

— Здесь, сэр. В своей комнате, как всегда, и поджидает вас, сэр. С ним какой-то господин, но он велел мне направить вас прямо к нему. Пожалуйте сюда, сэр.

Они начали протискиваться сквозь толпу к двери за стойкой, но тут внимание Тома невольно привлек к себе

какой-то субъект довольно потрепанного вида, привалившийся к оцинкованной стойке.

— Послушайся моего совета,— говорил он пожилому человеку, стоявшему рядом с ним.— Держись лучше пива. Крепкие напитки здесь — чистый яд. Стыд и срам продавать такую пакость добрым людям. Вот гляди сюда, гляди на мой рукав! — И он показал на потертый обшлаг своего сюртука, проеденный так, словно на него капнули крепкой кислотой.

— Клянусь тебе, я и всего-то два-три раза утер этим рукавом губы, когда выпивал здесь за стойкой. Я тогда еще не знал, что ихнее виски — чистый купорос. Если уж простая ткань не может его выдержать, так что, хотелось бы мне знать, происходит у нас внутри с облицовкой нашего несчастного желудка?

«А мне хотелось бы знать,— подумал Том,— кто должен быть в ответе, если какой-нибудь такой бедняга, воротясь отсюда домой, зарежет свою жену. Кого следовало бы повесить — его или этого гладкорожего мерзавца, там за стойкой, который, чтобы нажить два-три грязных медяка, продает ядовитое пойло, лишающее человека рассудка?» Он все еще размышлял над этим нелегким вопросом, когда они добрались до комнаты, в которой их ждал капитан.

Этот достойный человек расположился в кресле-качалке, задрав ноги на каминную решетку; большой стакан разбавленного водой рома стоял в удобной близости от его загрубелой руки. Напротив него в таком же кресле-качалке и с таким же стаканом рома возлежал не кто иной, как наш старый знакомый фон Баумсер. В качестве торгового представителя одной из гамбургских фирм в Лондоне фон Баумсер свел знакомство со шкиперами торговых кораблей, плавающих к берегам Африки, и особенно сдружился с пьяницей Миггсом, который в минуты просветления был весьма общительным и занятным собеседником.

— Входите, друзья, входите! — приветствовал их сиплый голос капитана.— Пришвартовывайтесь, мистер Димсдейл. Ну, а ты, Сэнди, уж не можешь, что ли, стать на якорь без приглашения? Тебе-то уж, кажется, пора бы знать свой причал. А это мой друг, мистер фон Баумсер из конторы Эккермана.

— А это, значит, мистер Димсдейл? — сказал немец, пожимая Тому руку.— Мой добрый друг майор Клаттербек не раз, сэр, о вас мне говорил.

— А, старик майор! — сказал Том.— Конечно, я его прекрасно помню.

— Не такой уж он старик,— сказал фон Баумсер немного ворчливо.— Он сейчас одной весьма очаровательной, весьма приятной дамой пленен был, и через три месяца они будут жениться друг на друге. Позвольте мне вам сказать, сэр, что вот я уже долго с ним живу бок с боку, а еще человека не встречал, который бы так уважения достоин был, хоть они там ему черных шаров и кладут в этом их дурацком клубе и задирают перед ним носы.

— Наливайте себе,— прервал его Миггс, пододвигая ему бутылку с ромом.— А там, в этом ящике, сигары... Пошлины не плачены ни за то, ни за другое. Да, черт побери, Сэнди, два дня назад мы не очень-то надеялись, что нам еще доведется встретиться здесь снова.

— Да, сэр, это несколько перепревзошло наши прогнозы,— важно сказал помощник капитана, потягивая ром.

— Что верно, то верно! Крепко нас трепало, мистер Димсдейл, сэр, а наша старая посудина так нахлебалась воды, что не могла подниматься на волны, и они так и хлестали через палубу и посносили все что только можно.

— Ну, теперь, вероятно, вы ляжете в капитальный ремонт? — заметил Том.

Оба моряка от души расхохотались над таким предположением.

— Это не пойдет, а, Сэнди, как ты считаешь? — сказал Миггс, покачивая головой.— Мы не можем так урезать заработок всей команде.

— Урезать заработок? Вы что ж, хотите сказать, что получаете жалованье пропорционально ветхости судна?

— А зачем мне делать из этого секрет, раз я говорю с друзьями? — ответил Миггс.— Именно так и обстоит у нас дело. Позапрошлый раз, уходя в море, я потолковал с мистером Гердлстоном и сказал ему кое-что. «Поставьте корабль в док на ремонт, сэр»,— говорю я ему. «Ну, что ж, прекрасно,— говорит он.— Но это зна-

чит, такую-то вот сумму из вашего жалованья долой,— говорит он,— и из жалованья помощника — тоже». Я тут крепко на него насел, но он остался при своем. Ну мы с Сэнди покумекали вдвоем и сошлись на том, что пятнадцать фунтов, пусть даже с риском, все-таки лучше, чем двенадцать фунтов, хотя бы и без риску.

— Но это же позор! — с жаром воскликнул Том Димсдейл.— Я просто не могу этому поверить!

— Да бог с вами, это же делается каждый день и будет делаться до тех пор, пока можно получать страховку,— сказал Миггс, пуская в потолок клубы голубоватого дыма.— Это же самый легкий способ заработать несколько тысчонок в год, пока есть в продаже старые суда и существуют конторы, которые страхуют их, оценивая выше стоимости. Взять хоть Д'Арси Кемпбела с «Серебряного крыла» — что только он творил! Ну и ловок же был, каналья, дьявольски ловок! Он давал налетать на себя — это была его специальность, и здорово это у него получалось. Не было ни одного шкипера во всем Ливерпульском порту, который мог бы так натурально потопить судно, как он.

— Потопить судно?

— Ну да. Он, бывало, чуть туман, так начинает таскаться по Ла-Маншу и прется прямо на огни какого-нибудь парохода или же, если туман так плотен, что ничего не видно, держит курс на гудки. Рано или поздно кто-нибудь да пробьет ему брешь до самой ватерлинии. Да, черт побери, отчаянные он проделывал штуки! А потом газеты принимались расписывать на все лады его благородное поведение во время столь непредвиденной и страшной катастрофы, и иной раз храброму английскому моряку посвящалась даже целая передовая статья в газете. Помнится, однажды дело дошло даже до сбора пожертвований в его пользу! — И Миггс расхохотался так, что едва не задохнулся от смеха.

— Что же с этой английской знаменитостью теперь стало? — спросил немец.

— Он и сейчас плавает. Перешел на пассажирский корабль.

— Потцтаузенд! — воскликнул фон Баумсер.—Ни за какие ковры и коврижки я бы на его корабль не сел.

— Да мало разве способов существует на этот счет,

сэр? — сказал помощник капитана, снова наполняя свой стакан и передавая бутылку капитану.— Можно, например, загрузить трюм ветхого судна зерном, сняв переборки. Попадет в трюм хоть малость воды — а на таком судне без этого никак не обойдется,— и зерно начнет разбухать, и будет разбухать до тех пор, пока судно не раздастся по всем швам, и вот вам, пожалуйста,— раз, два — и вы идете ко дну. А на пароходе может воспламениться угольный газ. Это самая верная штука — тут уж никто ни к чему не подкопается. Затем бывают несчастные случаи с гребными винтами. Если вал гребного винта треснет во время шторма, тут уж гляди в оба. Я слышал о кораблях, которые выходили из дока с подпиленным с двух сторон валом гребного винта. Да, черт побери, как только не мудрят, конца-края этому нет.

— И все-таки я не могу поверить, что мистер Гердлстон потворствует таким вещам,— стоял на своем Том.

— А он так: притаится и ждет,— отвечал моряк.— Он не топит их сам, он просто выжидает, держит свои страховые полисы и отдается на волю провидения. И не раз ему доставался неплохой улов, правда, это уже было давненько. Вот хотя бы «Белинда», которая затонула у мыса Пальмас. Он получил за нее пять тысяч чистоганом и ни пенни меньше. А вот с «Сокату» скверная была история! Сгинул — и все. И корабль и вся команда — ни слуху, ни духу. Затонул где-то, и следа не осталось.

— И вся команда тоже! — с ужасом воскликнул Том.— Но если это правда, так как же вы?..

— А за это нам и платят,— дружно ответили оба моряка, пожимая плечами.

— Но ведь существует же государственная инспекция!

— Ха, ха! А вы сами разве не видали, как эти инспектора работают? — спросил Миггс.

Том был поистине в ужасе от того, что ему довелось услышать. Если этот коммерсант был способен на такие проделки, то от него можно было ожидать всего. Как же в таком случае полагаться на его слово? И что же в действительности представляет собой эта фирма — такая благонадежная с виду,— в которую он вложил все свое состояние? Вот какие мысли проносились в его мозгу,

когда он прислушивался к неторопливой беседе двух словоохотливых морских волков. Однако вскоре его ждало еще большее потрясение.

— Слушайте! — внезапно перебивая моряков, воскликнул фон Баумсер, который с добродушной улыбкой тоже внимал их разговору.— Я сейчас расскажу чего-то вам про вашу фирму! Вы еще ничего не знаете. Слыхали вы, что мистер Эзра Гердлстон женится?

— Эзра женится?

— Ну да! Я сегодня у нас в конторе услышал. Все Сити об этом говорит уже.

— На ком же он женится? — без особого интереса спросил Мигсс.

— Вот имя-то я ее позабыл,— отвечал фон Баумсер.— Майор эту девушку знает, она у Гердлстонов в доме живет. Старик приходится ей ну как это... опекàном.

— Опекуном? Нет, нет, не может быть! — воскликнул Том, побледнев, как мел, и вскакивая на ноги.— Это не мисс Харстон, нет? Не хотите же вы сказать, что он женится на мисс Харстон?

— Вот, вот, на этой самой. Правильно, на мисс Харстон.

— Это ложь, бесчестная ложь! — пылко воскликнул Том.

— Все может быть,— невозмутимо отвечал фон Баумсер.— Я только то повторяю, что слышал; слышал не раз и не два и от очень почтенных лиц.

— Если это правда, тут кроется какая-то подлость,— вскричал Том, бешено сверкнув глазами,— самая гнусная подлость, какая когда-либо свершалась на земле! Я ухожу... Я должен его увидеть сейчас же! Клянусь богом, я узнаю правду!

Том опрометью бросился вниз по лестнице и выбежал из бара. У входа стоял кэб.

— В Лондон, Эклстон-сквер, 69! — крикнул Том.— И гони во всю мочь!

Извозчик вскочил на козлы, и экипаж загромыхал по мостовой со всей стремительностью, на какую была способна извозчичья кляча.

Это внезапное бегство, как легко можно себе представить, несколько озадачило общество, собравшееся в одной из комнат трактира «Петух и курослеп».

— Какой порывистый молодой человек! — заметил помощник капитана.— Скрылся из глаз, как клиппер в бурю.

— Я вижу,— сказал фон Баумсер,— что он даже шляпу забыл свою. Я теперь вспомнил, что мой добрый друг майор как-то про него и про эту молодую девушку что-то говорил.

— Так это он, похоже, приревновал ее,— сказал капитан Миггс, понимающе покачивая головой.— Со мной тоже так бывало прежде. Год назад, на прошлое рождество, я крепко посчитался с Билли Барлоу с «Летящего облака» по этой самой причине. Но все равно, я считаю — дурь это, чтобы молодой человек срывался с места, даже не сказав «с вашего разрешения, сэр», или «если вы позволите», или хотя бы «доброй ночи, господа, всем вам». Что ни говорите, а этак уходить не положено.

— Я даже скажу, что это эксцентрично, — сердито заметил помощник капитана,— да, я именно так и скажу.

— Ах, друзья мои,— сказал немец,— когда человек влюблен, будем к нему снисходительны. Я уверен, что он никого не хотел обидеть.

Но, несмотря на это заверение, капитан Гамильтон Миггс продолжал чувствовать себя весьма задетым. Лишь с помощью разнообразных доводов и после многократного наполнения его стакана приятелям удалось возвратить ему хорошее расположение духа. А тем временем юный беглец спешил сквозь ночь с твердым намерением еще до наступления утра разузнать досконально обо всем и развеять все терзающие его сомнения.

ГЛАВА XXXI

КРИЗИС НА ЭКЛСТОН-СКВЕР

Ободряющие слова отца настолько окрылили Эзру, что он с удвоенным рвением возобновил свои назойливые ухаживания. Вероятно, никогда еще ни один мужчина не посвящал так безраздельно все свое время завоеванию сердца женщины. С утра и до поздней ночи одна-

единственная мысль неотступно владела его умом; он предугадывал каждое, самое малейшее желание Кэт, проявляя при этом такую заботу и предусмотрительность, что это приводило ее в немалое изумление. Великолепные фрукты и цветы внезапно появлялись в ее комнате; на ее письменном столе росла гора последних книжных новинок, а на пюпитре ее рояля всегда можно было увидеть самые модные ноты. Ничто, в чем могла проявиться неусыпная забота со стороны сына или отца Гердлстона, не было забыто.

Однако, несмотря на все эти знаки внимания и постоянные уговоры опекуна, Кэт оставалась тверда и непреклонна. Если даже Том изменил ей, она все равно останется верна тому Тому, которого сохранила ей память, тому юноше, из уст которого она впервые услыхала слова любви. Что бы ни случилось, она не изменит своему идеалу. Никогда другой мужчина не вытеснит Тома из ее сердца.

А то, что Том по какой-то невероятной, непостижимой причине изменил ей, казалось, не подлежало сомнению. В невинное доверчивое сердце Кэт ни на секунду не закралось подозрение о хитроумной сети интриг, которая плелась вокруг нее. Ведя уединенный образ жизни, она слишком плохо знала людей и коварство мира, и ей ни на секунду не приходило в голову, что она может стать жертвой тщательно продуманного обмана. В тот день, когда Кэт из уст своего опекуна услышала содержание некоего письма, она чистосердечно поверила, что в контору приходят письма подобного рода, адресованные человеку, который поклялся ей в любви. Как могла она этому не поверить, когда он так внезапно скрылся с глаз, явно избегая встречи с ней, избегая появляться на Эклстон-сквер? Сколько бы ни ломала она себе голову, причина этого исчезновения оставалась для нее загадкой. Порой бедная девушка принималась винить себя, как это нередко делают женщины в подобных случаях.

«Я не бывала в свете,— говорила она себе.— Разве я могу сравниться с женщинами, о которых пишут в романах? У меня нет и сотой доли их очарования. Конечно, я должна была казаться ему скучной и бесцветной. Но все же... все же...» И всякий раз в результате этих

размышлений у нее возникало смутное ощущенне чего-то таинственного н неразгаданного.

Эзру Гердлстона она всячески старалась нзбегать н, когда ои бывал дома, почтн ие выходнла из своей комнаты. Но так как он по совету отца прекратнл свон настойчнвые ухажнвання н ограннчнвался лишь тем молчалнвым проявлением заботы н вннмаиия, которое было описаио выше, оиа мало-помалу перестала его бояться, н жизиь ее вериулась в привычное русло. В душе оиа даже искреиие жалела молодого коммерсаита, который так осуиулся н исхудал за последиие днн. «Бедняжка! — думала Кэт, наблюдая за ннм.— Он в самом деле любнт меня. Ах, Том, Том! Если бы ты был так же верен н предаи мие, как мы былн бы счастлнвы!» Иной раз у нее даже возиикало желаиие ободрить Эзру ласковым словом нлн взглядом. А ои, само собой разумеется, воспрнняв это как поощренне, решил возобиовнть свою атаку. Быть может, в каком-то смысле он даже рассуждал правнльио, нбо мы знаем, что сострадаиие иередко подменяет собой любовь.

Однажды утром после завтрака Гердлстон-старшнй отозвал своего сына в сторону, н они пошли в библнотеку.

— Срок выплаты днвидендов приближается,— сказал он,— и наше время нстекает, Эзра. Тебе надо поспешнть — довестн дело до конца. Иначе будет слишком поздно.

— Нельзя срывать яблоко, пока оно еще не созрело,— угрюмо ответнл сын.

— Можно хотя бы попытаться проверить его спелость. Еслн увндншь, что оио не созрело, через некоторое время проверь сиова. Мне кажется, сейчас самый благопрнятный момеит. Оиа одиа в столовой, прнслуга уже убрала со стола. Такого случая тебе может больше не представиться. Ступай, мой сын, н да поможет тебе бог!

— Ладно, вы подождите здесь. Я потом расскажу вам, что получнлось.

Молодой человек застегнул сюртук на все пуговицы, выправил манжеты н с выраженнем мрачной решнмостн иа смуглом лице направился в столовую.

Кэт сндела в плетеиом кресле у окна н подбирала букет цветов для вазы. В лучах утреннего солица ее блед-

ное лицо чуть порозовело, густые каштановые волосы нежно золотились. Легкий бледно-розовый пеньюар придавал особую воздушность ее стройной фигурке. Когда Эзра вошел в комнату, она оглянулась и вздрогнула, заметив выражение его лица.

Сердце сразу подсказало ей, зачем он пришел.

— Вы опоздаете в контору,— промолвила она с принужденной улыбкой.— Уже скоро одиннадцать.

— Я сегодня в контору не пойду,— сумрачно ответил Эзра.— Я пришел сюда, Кэт, чтобы узнать свою судьбу. Я люблю вас, и вам это известно, известно уже давно. Согласитесь стать моей женой, и вы сделаете меня счастливым человеком, а я сделаю вас счастливой женщиной. Я не умею произносить пылкие речи, но не бросаю слов на ветер. Каков же будет ваш ответ? — Произнося эту тираду, Эзра машинально взялся за спинку стула и нервно барабанил по ней пальцами.

Кэт уткнулась лицом в цветы; потом подняла голову и поглядела на Эзру открытым, исполненным сочувствия взглядом.

— Выбросьте эти мысли из головы, Эзра,— сказала она тихо, но твердо.— Поверьте, я всегда буду благодарна вам за то, что вы были так добры ко мне в последнее время. Я буду вам сестрой, если вы пожелаете, но женой никогда.

— А почему нет? — спросил Эзра, все еще держась за спинку стула, и его темные глаза блеснули недобрым огоньком.— Почему вы не можете стать моей женой?

— Не могу, Эзра. Вы не должны больше думать об этом. Поверьте, мне больно огорчать вас.

— Значит, вы не можете полюбить меня? — хрипло вскричал молодой коммерсант.— Другие женщины отдали бы все на свете, лишь бы меня заполучить. Вам это известно?

— О, бога ради, ступайте к этим другим,— полусмеясь, полусердито отвечала Кэт.

Тень улыбки, промелькнувшая по ее лицу, подобно искре, воспламенила ярость Эзры.

— Так вы не хотите, чтобы я стал вашим мужем? — злобно воскликнул он.— Я, конечно, не умею ломаться и разыгрывать из себя невесть что, как этот ваш парень.

А вы не можете его забыть, хотя он уже давно связался с другой.

— Как вы смеете так со мной разговаривать! — вскричала глубоко возмущенная Кэт, вскочив со стула.

— Но это же правда, вы сами знаете,— с издевкой сказал Эзра.— Неужели у вас настолько нет гордости, что вы вешаетесь на шею этому малому, который вас знать не хочет, этому сладкоречивому негодяю с заячьим сердцем!

— Будь он здесь, вы бы не посмели так говорить!— надменно сказала Кэт.

— Вы так полагаете? — злобно огрызнулся Эзра.

— Да, не посмели бы. И я не верю, что он изменил мне. Теперь мне ясно, что вы и ваш отец внушили мне это, чтобы разлучить нас.

Одному небу известно, почему такая мысль внезапно озарила Кэт. Быть может, искаженное злобой лицо Эзры смутно подсказало ей, на какую подлость способны подобные натуры. А когда обращенное к ней смуглое лицо еще больше потемнело при ее словах, сердце Кэт радостно забилось, ибо она поняла: в этой неожиданно поразившей ее мысли кроется истина.

— Вот, вы не можете этого отрицать! — воскликнула она, сверкнув глазами и в волнении прижимая руки к груди.— Вы знаете, что это так. Я повидаюсь с ним и услышу из его собственных уст, что́ все это значит. Он попрежнему любит меня, и я люблю его и никогда не переставала любить.

— Ах так? Вы его любите? — прорычал Эзра, делая шаг к девушке, и глаза его зловеще блеснули.— Не много радости будет ему от вашей любви! Мы еще посмотрим, чья возьмет. Мы еще...— Задохнувшись от ярости, он умолк, угрожающе поднял сжатые в кулаки руки, резко повернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Тут ему подвернулся под ноги Фло — щенок-скайтерьер, любимец Кэт. Жестокая натура Эзры ярко проявилась в эту минуту. Ногой в тяжелом башмаке он дал такого пинка бедной крошечной собачонке, что она, с визгом перекувырнувшись в воздухе, отлетела под диван, откуда выползла уже на трех ногах, беспомощно волоча четвертую.

— Грубое животное! — крикнула Кэт вслед Эзре и, лаская искалеченную собачонку, расплакалась от жалости и негодования. Ее нежная душа была так возмущена низким поступком этого искателя ее руки, что, не скройся он вовремя за дверь, она могла бы, казалось ей, наброситься на него с кулаками.

— Мой бедный Фло! Это ведь меня он хотел ударить, а досталось тебе, моя крошка! Ничего, дружок, будет и на нашей улице праздник! Том не забыл меня! Я знаю это теперь! Знаю! — Собачонка сочувственно повизгивала и обрадованно лизала руку своей хозяйке, словно и она, заглядывая в свое собачье будущее, прозревала впереди более светлые дни.

Эзра Гердлстон, рассвирепевший, хмурый, как туча, направился в библиотеку и кратко сообщил отцу о результатах своего сватовства. О чем говорили после этого отец с сыном, осталось тайной для всех. Слуги чувствовали, что в доме что-то неладно; из библиотеки вначале доносились громкие голоса: басовитый — сына и хриплый, раздраженный — отца. Эзра и его отец кричали, перебивая друг друга, нагромождая взаимные обвинения и упреки. А затем внезапно голоса упали до чуть слышного шепота, и тому, кто проходил по коридору, могло бы даже показаться, что за дверью библиотеки царит молчание. Почти беззвучная беседа эта продолжалась добрых полчаса, после чего Гердлстон-младший отбыл в Сити. Было замечено, что с того самого часа и с отцом и с сыном произошла какая-то перемена — настолько неуловимая, что определить ее было бы почти невозможно,— но тем не менее она наложила отпечаток на обоих. Едва ли можно было бы сказать, что землисто-серое, волчье лицо старика стало еще более землистым и еще более свирепым или что в жестоком и надменном лице сына появилось что-то зловещее. Скорее, какая-то тень окутала, казалось, чело обоих, сумрачная, едва уловимая тень, словно каждый из них вынашивал мысль, которая разъедала душу.

А пока в библиотеке происходила вышеупомянутая беседа, Кэт в столовой ухаживала за пострадавшей собачкой и старалась разобраться в своих мыслях. Она теперь настолько не сомневалась в постоянстве Тома, как если бы услышала заверения из его собственных уст. И

все же многое оставалось неразгаданным, многое казалось ей необъяснимым и таинственным. Она испытывала гнетущую тревогу, предчувствие беды. На какую хитрость пустились эти люди, чтобы заставить Тома так долго держаться от нее вдали? Может быть, он тоже введен ими в обман, может быть, стал жертвой какой-то интриги? Но что бы ни произошло, ясно, что это было сделано с благословения ее опекуна. Впервые подлинный характер старика Гердлстона начал раскрываться Кэт, и в душе ее зародилось подозрение, что этот обходительный, благочестивый коммерсант — человек еще более опасный, чем его грубиян сын. И когда она, подняв глаза, внезапно увидала перед собой опекуна, по телу ее пробежала холодная дрожь.

Его появление не сулило добра. Заложив руки за спину, слегка склонив голову набок, он смотрел на нее с нескрываемой злобой.

— Прекрасно вы себя ведете! — произнес он, язвительно усмехаясь.— Прекрасно! Отличное начало дня, мисс Харстон. Вы как нельзя лучше отплатили другу вашего отца за все его заботы о вас.

— Мое единственное желание — как можно скорее покинуть ваш дом! — воскликнула Кэт, и ее синие глаза гневно сверкнули.— Вы злой, жестокий и лицемерный старик! Вы сказали мне неправду о мистере Димсдейле. Я прочла это в глазах вашего сына, а теперь читаю на вашем лице. Как могли вы это сделать, как могли вы быть так бессердечны!

Джон Гердлстон не ожидал такого взрыва ярости от своей послушной и кроткой подопечной.

— Видит бог,— сказал он,— каковы бы ни были мои ошибки, вы не можете обвинить меня в недостатке заботы о вас. Конечно, и я не безгрешен. Даже самый праведный человек может оступиться. Если я пытался вылечить вас от этого глупого любовного увлечения, то единственно для вашей же пользы.

— Вы сказали мне неправду, чтобы заставить меня отвернуться от единственного человека, который искренне меня любил. Вы и ваш ужасный сын старались разрушить мое счастье и разбить мне сердце. Что могли вы сказать Тому, чтобы заставить его держаться вдали от меня? Я увижусь с ним и узнаю правду.

Лицо Кэт было странно спокойно, оно словно окаменело под устремленным на нее злобным взглядом опекуна.

— Замолчи! — хрипло прошипел старик.— Ты забыла свое место в этом доме! Ты слишком злоупотребляешь моей добротой! А все эти детские любовные бредни изволь выкинуть из головы. Я пока еще твой опекун и проявлю преступную нерадивость, если допущу, чтобы ты снова увиделась с этим человеком. Сегодня ты отправишься со мной в Хампшир.

— В Хампшир?

— Да. Я приобрел там небольшую усадьбу и намерен провести этой зимой в ней несколько месяцев. Ты покинешь ее лишь после того, как покончишь со всеми этими романтическими бреднями. Но не раньше, запомни!

— Значит, я останусь там навсегда,— с тяжелым вздохом отвечала Кэт.

— Это будет зависеть только от тебя самой. Там ты по крайней мере будешь ограждена от домогательств всяких прохвостов. Когда достигнешь совершеннолетия, тогда можешь следовать своим глупым прихотям, а до тех пор мой долг требует — а закон дает мне на это право — делать все, что в моих силах, чтобы защитить тебя от последствий твоего собственного легкомыслия. Мы отправляемся с вокзала Ватерлоо в четыре часа.— Гердлстон направился к двери, но на пороге обернулся: — Да смилуется над тобой господь,— торжественно произнес он, воздев к потолку свои тощие руки,— за то, что ты натворила сегодня!

Бедняжка Кэт, оставшись одна, была крайне расстроена этим новым, свалившимся на нее несчастьем. Она знала, что ничто не может помешать опекуну выполнить его план, и все мольбы были бы напрасны. Что же ей делать? На всем белом свете у нее не было ни одного друга, к которому она могла бы обратиться за советом и помощью. Она уже готова была броситься к старикам Димсдейлам в Кенсингтон и искать у них покровительства, н только мысль о Томе удержала ее от этого шага. В сердце своем она уже простила Тома, но все же еще слишком многое требовало объяснения, чтобы у них с Томом все опять стало, как прежде. Она могла бы написать миссис Димсдейл, но ее опекун, сказав, что они едут в

Хампшир, умолчал о том, куда именно. В конце концов Кэт решила, что лучше немного обождать и написать письмо, когда они уже прибудут на место. И она с тяжелым сердцем поднялась к себе в спальню и принялась собирать вещи с помощью своей розовощекой служанки Ребекки.

В половине четвертого к дому подкатил кэб, и из него вышел старик Гердлстон. Чемоданы забросили наверх, и Кэт предложили сесть в экипаж. Гердлстон сел рядом с ней и приказал вознице трогать. Когда экипаж загромыхал по мостовой, Кэт обернулась, чтобы бросить последний взгляд на массивное, угрюмое здание, в котором протекли три последних года ее жизни. Знай она, что ждало ее впереди, быть может, даже этот мрачный, унылый старый дом показался бы ей желанным, надежным приютом!

В тот же вечер другой экипаж появился на Эклстонсквер. Ехавший в нем бледный молодой человек с горящими тревогой глазами то и дело нетерпеливо выглядывал из окна кэба, проверяя, далеко ли ехать. Когда до дома номер 69 оставалось еще довольно изрядное расстояние, молодой человек уже отворил дверцу и стал на подножку, а как только экипаж остановился, спрыгнул на землю и с силой дернул за большой медный колокольчик у дубовой двери.

— Мистер Гердлстон дома? — осведомился он у Ребекки, отворившей ему дверь.

— Нет, сэр.

— А мисс Харстон? — взволнованно спросил молодой человек.

— Нет, сэр. Они все уехали.

— Уехали!

— Да, сэр. Уехали в деревню. И мистер Эзра уехал тоже.

— А когда же они вернутся? — растерянно спросил молодой человек.

— Они пока не собираются возвращаться.

— Но это невозможно! — в отчаянии воскликнул Том.— Какой же у них адрес?

— Адреса они не оставили. Извините, но я ничем не могу вам помочь. До свидания, сэр.— И Ребекка захлопнула дверь, злорадно посмеиваясь в душе над растеряв-

шимся посетителем. Она догадывалась о многом, и, снедаемая завистью к своей молодой госпоже, отнюдь не была огорчена тем, что и у той не все идет гладко.

Том Димсдейл стоял у подъезда, беспомощно глядя в темноту. Он был озадачен и встревожен. Что это, какая-то новая подлость? Опровергает ли этот отъезд то, что сообщил ему немец, или, наоборот, служит подтверждением? При одной мысли о такой возможности холодный пот выступил у него на лбу.

— Я должен разыскать ее! — воскликнул Том, сжав кулаки. Он сбежал с крыльца и с сердцем, исполненным тревоги, затерялся в кипучем потоке лондонских улиц.

ГЛАВА XXXII

РАЗГОВОР В БИБЛИОТЕКЕ ДОМА НА ЭКЛСТОН-СКВЕР

Розовощекая служанка по имени Ребекка все еще стояла в прихожей возле массивной входной двери, прислушиваясь с злорадной усмешкой к затихавшим вдали шагам молодого Димсдейла, когда ухо ее уловило звук других, более быстрых шагов, приближавшихся с противоположной стороны. Улыбка сбежала с ее лица, и оно приняло странное выражение. Трудно было определить, что преобладало в нем: радость или страх. Быстрым, нервным движением она пригладила волосы и провела рукой по щекам, успев в то же время окинуть взглядом свой белоснежный передник, украшенный яркими бантами. Однако дополнить чем-либо свой туалет, даже если ей этого очень хотелось, у нее не было времени, так как ключ уже повернулся в замке, и в прихожей появился Эзра Гердлстон. При виде ее темной фигуры, внезапно выступившей из полумрака, он испуганно вскрикнул и, попятившись, прислонился к дверному косяку.

— Не пугайтесь, мистер Эзра,— прошептала Ребекка,— это я.

— Черт бы тебя побрал! — злобно выругался Эзра.— Чего ты тут торчишь? Ты меня напугала!

— Я не нарочно, мистер Эзра. Я только что отворяла дверь и не успела уйти. И раньше вы никогда не гнева-

лись так, если заставали меня в прихожей, когда возвращались домой.

— Эх, девчонка,— отвечал Эзра,— нервы у меня пошаливают в последнее время. Целый день сегодня было как-то не по себе. Погляди, как дрожат у меня руки.

— Подумать только! — хихикнула девушка, прибавляя свету в газовом рожке.— Вот уж не думала, что вас можно напугать. Ой, да вы бледны, как полотно!

— Ладно, хватит! — грубо оборвал он ее.— Где вся прислуга?

— Джейн ушла. Кухарка, Уильям и мальчишка — внизу.

— Зайди сюда, в библиотеку. Они подумают, что ты где-нибудь наверху, в спальне. Мне надо с тобой поговорить. Зажги настольную лампу. Ну так что, они уехали?

— Да, уехали,— отвечала девушка, стоя возле кушетки, на которой развалился Эзра.— Ваш папенька приехал на извозчике часов около трех и увез ее.

— Она не подняла шума?

— Шума? Нет. А зачем ей подымать шум? Правду сказать, вокруг нее и так уж столько подняли шума... Ах, Эзра, вы были так ласковы со мной, покуда она не стала между нами. Я могла шесть дней в неделю терпеть все злые слова от вас, если знала, что на седьмой день вы проронинте хоть одно доброе словечко. А теперь... вы и не смотрите на меня совсем! — захныкала она и принялась вытирать глаза линялым носовым платком.

— Перестань, слышишь, перестань! — раздраженно прикрикнул на нее Эзра.— Я хочу, чтобы ты сообщала это, что тут делается, а не распускала нюни. Она, значит, примирилась с тем, что надо ехать?

— Да ничего, уехала спокойно,— отвечала девушка, подавляя вздох.

— Налей-ка мне немножко коньяку вон из той бутылки, из той, что откупорена. Ты меня напугала, никак в себя не приду. Отец не говорил, куда они поехали?

— Я слыхала только, что он велел извозчику везти их на вокзал Ватерлоо.

— И больше ты ничего не слыхала?

— Больше ничего.

— Ладно, если он не сказал, так я скажу. Они уехали в Хэмпшир, моя прелесть. Местечко это называется Бедсворт—очаровательный уголок на берегу моря. И я хочу, чтобы ты завтра отправилась туда же.

— Хотите отправить меня туда?

— Да. Им нужен кто-нибудь половчей и порасторопней, чтобы держать дом в порядке. Там уже есть, кажется, какая-то старуха, но она слишком дряхлая, и толку от нее мало. А ты, я уверен, в два счета приведешь все в порядок. Отец намерен пожить там некоторое время вместе с мисс Харстон.

— А вы как же? — спросила девушка, и в ее темных глазах мелькнуло подозрение.

— Обо мне не беспокойся. Я останусь здесь, чтобы вести дела. Ведь кто-то же должен быть в конторе. Полагаю, что кухарка, Джейн и Уильям сумеют позаботиться обо мне втроем.

— А я теперь совсем не буду видеть вас? — воскликнула девушка, и голос ее дрогнул.

— Почему же? Я буду наезжать туда каждую субботу и оставаться до понедельника, а может, и на неделе наведаюсь. Если же дела пойдут хорошо, могу и пожить там немного. Это отчасти будет зависеть от тебя.

Ребекка Тейлфорс с удивлением уставилась на Эзру.

— Как же это так — от меня? — взволнованно спросила она.

— Видишь ли,— с некоторым колебанием произнес Эзра,— это отчасти может зависеть от того, будешь ли ты хорошей девушкой и сделаешь ли то, что я тебе скажу. Ведь ты все для меня сделаешь, правда?

— Вы сами знаете, что сделаю, мистер Эзра. Когда вам что-нибудь потребуется, вы всегда вспомните меня, ну, а как я вам не нужна, так у вас для меня ни доброго словечка, ни доброго взгляда. Будь я собачонкой, вы бы обращались со мной лучше. Я могу стерпеть ваши грубости, стерпела от вас даже побои и не держу злобы на сердце. А вот смотреть, как вы увиваетесь за другой, тут у меня вся душа переворачивается. Такое стерпеть я уж не могу.

— Брось ты об этом думать, девочка,— ласково сказал Эзра.— С этим покончено раз и навсегда. Погляди лучше, что я тебе принес.— Он порылся в кармане, до-

стал небольшой сверток в папиросной бумаге и протянул его Ребекке.

Это был всего-навсего маленький серебряный якорь с вставленными в него агатами, но глаза девушки радостно заблестели, когда она развернула бумагу. Поднеся безделушку к губам, она пылко ее поцеловала.

— Да благословит вас бог! И пусть на этом якоре тоже будет благословение божье! — сказала она.— Я слыхала, что якорь означает надежду, пусть он и мне ее принесет. Ах, Эзра, может, вы уедете далеко и встретите там разных девушек, которые умеют играть и петь и знают много всяких вещей, в которых я ничего не смыслю, все равно ни одна из них не будет любить вас так, как я.

— Я это знаю, моя милая, знаю,— сказал Эзра и погладил ее темные волосы, когда она опустилась на колени возле его кушетки.— Я еще никогда не встречал такой девушки, как ты. Вот поэтому я и хочу, чтобы ты поехала в Бедсворт. Мне нужно, чтобы там был человек, которому я доверяю.

— А что я должна там делать, в этом Бедсворте? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты приглядела за мисс Харстон. Ей будет одиноко там и захочется, чтобы возле нее была женщина, которая могла бы о ней позаботиться.

— Чтоб ей пропасть! — вскричала Ребекка, вскочив на ноги, и глаза ее сверкнули.— Значит, вы все еще думаете о ней! Ей нужно то, да ей нужно это! А все другие для вас — дрянь, ничего не стоят! Так вот, не стану я прислуживать ей! Хоть убейте, не стану!

— Ребекка,— с расстановкой произнес Эзра,— ты ненавидишь Кэт Харстон?

— Да, ненавижу всем сердцем,— отвечала Ребекка.

— Так вот, если ты ненавидишь ее, знай, что я ненавижу ее в тысячу раз сильнее. Ты думаешь, что я без ума от нее? Так можешь успокоиться. С этим покончено.

— Чего же тогда вы так заботитесь о ней? — с недоверием спросила девушка.

— Я хочу, чтобы возле нее находился тот, кто питает к ней такие же чувства, как я. А если она даже никогда не вернется из Бедсворта, мне на это наплевать.

— А почему вы так странно смотрите на меня? — спросила девушка, невольно съеживаясь под его пристальным взглядом.

— Так, ничего. Поезжай туда. Со временем ты поймешь многое, то, что сейчас кажется тебе странным. А пока что окажи мне услугу, сделай, что я прошу. Поедешь?

— Ладно, поеду.

— Ну вот и умница. Поцелуй меня, милочка. Ты девчонка что надо! Я выясню, когда уходит завтра поезд, и напишу отцу — предупрежу о твоем приезде. А теперь ступай к себе, не то на кухне сейчас начнут чесать языки. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Эзра,— сказала девушка, взявшись за ручку двери.— Вот поговорила с вами, и на сердце полегчало. Я ведь только и живу надеждой, только надеждой...

«Хотелось бы мне знать, на что она надеется, черт побери! — подумал молодой коммерсант, когда за служанкой захлопнулась дверь.— Должно быть, думает, что я женюсь на ней. Нахальная особа! Но в Бедсворте она будет просто неоценима. Даже если не пригодится ни на что другое, то шпионка из нее выйдет первоклассная». Эзра растянулся на кушетке и, нахмурив брови, закусив губу, погрузился в размышления о будущем.

Пока в библиотеке на Эклстон-сквер происходил этот диалог, Том Димсдейл все еще держал путь домой, и на душе у него было тяжело: его мучило предчувствие беды. Напрасно твердил он себе, что Кэт исчезла не навсегда, а слух о ее помолвке с Эзрой слишком нелеп, чтобы хоть на секунду можно было ему поверить. Как бы он себя ни успокаивал, страх и ужасное чувство надвигающейся опасности не покидали его. Поверить, что Кэт ему неверна, он не мог, но тем не менее казалось крайне странным, что она исчезла из Лондона именно в тот день, когда до него дошел слух о ее помолвке. Как горько упрекал он себя сейчас за то, что, поддавшись уговорам Джона Гердлстона, перестал встречаться и переписываться с Кэт! Он уже начинал понимать, что его одурачили, что все эти щедрые обещания дать впоследствии согласие на их союз были лишь уловкой с целью усыпить его подозрения и, воспользовавшись этим, по-

хитить у него сокровище. Что же ему теперь делать, как исправить свою оплошность? Пока оставалось только одно: подождать до завтра и посмотреть, явится ли старший компаньон фирмы в контору. А если явится, Том был исполнен решимости поговорить с ним начистоту.

Он был так подавлен и угнетен, что, добравшись до Филлимор-Гарденс, хотел проскользнуть прямо к себе в комнату, но на лестнице столкнулся со своим почтенным родителем.

— Как, сразу в постель? — загремел старик в ответ на извинения сына.— Ни под каким видом, молодой человек. Пойдем в гостиную, выкурим по трубке. Мать ждала тебя весь вечер.

— Я задержался, мама, простите меня,— сказал юноша, целуя мать.— Целый день проторчал в порту, работы было по горло да и хлопот много.

Миссис Димсдейл с вязаньем в руках сидела у камина. Услыхав голос сына, она с беспокойством взглянула ему в лицо, и материнское сердце сразу забило тревогу.

— Что случилось, мой мальчик? — спросила она.— Ты сам на себя не похож. Что-то у тебя неладно. Надеюсь, у тебя нет секретов от твоей старой матери?

— Полагаю, что он не настолько глуп,— сказал доктор серьезно.— Если тебя что-то заботит, мой мальчик, выкладывай. Ручаюсь, что как бы далеко ни зашло дело, всегда еще можно кое-что исправить.

И, подчинившись этому двойному натиску, Том поведал о том, какую новость услышал от фон Баумсера в «Петухе и куроклепе», и о своем последующем визите на Эклстон-сквер.

— Я все еще никак не могу в это поверить,— сказал он в заключение.— Голова идет кругом, и я просто не в состоянии осмыслить, что произошло.

Старики родители внимательно выслушали Тома и, когда он закончил свой рассказ, некоторое время тоже молчали. Мать заговорила первая.

— Я всегда чувствовала,— сказала она,— что мы зря прекратили с ней переписку по просьбе мистера Гердлстона.

— Теперь легко так говорить,— уныло сказал Том.— А тогда казалось, что мы не можем поступить иначе.

— После драки кулаками не машут,— хмуро заметил старик доктор, выслушав рассказ сына.— Теперь нужно исправить ошибку. За одно можно поручиться, Том: такая девушка, как Кэт Харстон, не могла совершить бесчестный поступок. Если она сказала тебе, мой мальчик, что будет тебя ждать, можешь быть спокоен. А если ты хоть на секунду усомнился в ней, то тебе, черт побери, должно быть стыдно!

— Правильно, отец! — воскликнул Том, и лицо его расцвело.— Я и сам так думаю, но только уж слишком много остается необъяснимого. Зачем понадобилось им уезжать из Лондона, и куда это они отправились?

— Этот старый негодяй Гердлстон понял, конечно, что твое терпение может лопнуть, и поспешил тебя опередить, сплавив девушку в деревню.

— А если так, то что мне делать?

— Ничего. Он имеет на это право.

— Имеет право запрятать ее в какой-то домишко в деревне, где эта скотина Эзра Гердлстон будет увиваться за ней с утра до ночи? От одной этой мысли можно сойти с ума!

— А ты верь в Кэт, мой мальчик,— сказал старик доктор.— Мы же со своей стороны постараемся узнать, куда он ее увез. Если ей плохо, если она нуждается в дружеской поддержке, можешь не сомневаться, что твоя мать получит от нее весточку.

— Да, верно, на это я тоже надеюсь,— обрадованно сказал Том.— А завтра я постараюсь разузнать что-нибудь в конторе.

— Только смотри, не ссорься с Гердлстонами. В конце концов, если они увезли ее, у них есть на это право.

— Может быть, юридически у них и есть такое право,— возмущенно сказал Том,— но ведь у меня же со стариком был уговор, а он его нарушил.

— Неважно. Главное, не теряй самообладания, этим только дашь им лишний козырь в руки.

Так доктор еще некоторое время продолжал наставлять сына, и его слова да и уговоры матери мало-помалу подняли дух юноши. Тем не менее, когда все отправились на покой, лицо мистера Димсдейла оставалось серьезным и задумчивым.

— Не нравится мне это,— несколько раз повторил он.— Не нравится мне, Матильда, что бедная девушка целиком отдана во власть этим двум ловкачам. Дай бог, чтобы не случилось с ней никакой беды!

И добрая Матильда от всего сердца присоединилась к его мольбе.

ГЛАВА XXXIII

ПУТЕШЕСТВИЕ В АББАТСТВО

Уже смеркалось, когда Джон Гердлстон и его подопечная прибыли на вокзал Ватерлоо. Гердлстон приказал отправить багаж по месту назначения, но принял меры к тому, чтобы название станции не достигло ушей Кэт. Стремительно проведя девушку по платформе мимо беспорядочных груд чемоданов, корзин и торопливо снующих взад и вперед пассажиров, он втолкнул ее в купе первого класса и сам прыгнул на подножку в ту секунду, когда прозвенел звонок и колеса паровоза пришли в движение.

В купе они оказались одни. Кэт съежилась в углу, прижавшись к спинке сиденья, закутавшись поплотнее в плед: холод пронизывал ее до костей. Старый коммерсант достал из кармана записную книжку и принялся при свете лампы, висевшей под самым потолком, подсчитывать какие-то колонки цифр. Он сидел прямой, как палка, и, казалось, с головой ушел в работу, словно и не покидал своей конторы на Фенчерч-стрит. На Кэт он даже не взглянул и ни разу не спросил, удобно ли ей.

Кэт сидела напротив опекуна и не могла отвести глаз от его сурового лица, жесткие черты которого еще резче выступали в тусклом желтоватом свете. Эти глубоко посаженные глаза и запавшие щеки — сколько лет видела она их перед собой! Почему же только сейчас, впервые, что-то невыразимо страшное почудилось ей в этом лице? Может быть, виной всему то новое, что она уловила в нем,— эта жестокая, непреклонная складка в углу рта, придававшая такое зловещее выражение всему лицу? Кэт смотрела на своего опекуна, и чувство невыразимого отвращения и страха вдруг пронизало все ее

существо, н крик ужаса едва не слетел с губ. Чтобы подавить этот рвавшийся из груди крик, оиа глубоко перевела дыхаине и иевольно сжала рукой горло. И в это мгиовеине ее опекуи, оторвавшись от запнсной кинжки, устремил на нее произительиый взгляд своих светлых серых глаз.

— Ну, ну, без истерики! — крикиул он.— Вы н так достаточно иаделали иам хлопот!

— О, почему вы обращаетесь со мной так грубо? — воскликиула девушка, с трогательиой мольбой протягивая к нему руки, и слезы заструились по ее щекам.— Что совершила я столь чудовнщиого? Я не люблю вашего сына, я люблю другого. Мне очеиь, очень жаль, что я обидела этим вас. Вы были прежде так добры ко мие, вы замеиилн мие отца.

— А вы как отблагодарилн меня за это? «Чтн отца своего»,— говорнтся в Священном писании. Как же вы чтите меия? Прекословите мне всегда и во всем. Конечно, в какой-то мере я должеи виинть самого себя: не иадо было отпускать вас в эту оказавшуюся столь пагубиой поездку в Шотландию, где вы попали в общество некоего молодого аваитюриста благодаря уловкам старого дурака, его отца.

Понстиие потребовалась бы кисть Рембраидта, чтобы запечатлеть этн два выступавшие из полумрака лица: худое, нзборождеииое резкими морщииамн лицо старого коммерсанта и прелестиое лицо молодой девушки, с мольбой обращеиное к нему. Но при последннх его словах оиа смахиула с глаз слезы, н гневный румяиец заиграл иа ее щеках.

— Про меня вы можете говорить все, что вам заблагорассудится,— сказала она с горечью.— Вероятио, это одна из привилегий опекуиа. Но говорнть дурио о моих друзьях вы не вправе. «Кто дурио отзовется о брате своем...» Мие кажется, в Священиом писаиин сказано прнмерио так.

Гердлстон был иесколько озадачен этой неожидаииой отповедью. Сняв свою шнрокополую шляпу, ои почтнтельно склоиил голову перед Кэт н опустил глаза.

— «Устами младеицев глаголет истииа»! — произиес ои.— Вы правы. Я погорячнлся. Вниой всему моя неусыпиая забота о вас.

— Видимо, эта же самая забота побудила вас наговорить мне столько дурного про мистера Димсдейла? А я теперь знаю, что это неправда! — гневно сказала Кэт, осмелев при мысли о нанесенных ей обидах.

— Вы уже позволяете себе дерзить,— сказал опекун и вернулся к своей записной книжке и к вычислениям.

Кэт снова съежилась в своем углу. Поезд с грохотом, звоном и скрипом мчался куда-то сквозь мрак. В запотевшем окне время от времени мелькали редкие огоньки придорожных селений. Порой красный глаз семафора проплывал за окном, и было в нем что-то сатанинское, словно сам властитель этого царства стали, железа и пара поглядывал на пассажиров из тьмы; да бледный завиток дыма казался единственным следом, который они оставили позади. На Кэт все это навевало такое же уныние и тоску, как ее собственные мрачные мысли.

А мысли эти были чрезвычайно мрачны и унылы. Куда ее увозят? Надолго ли? Что она будет там делать? Она не знала решительно ничего. Что за причина этого внезапного бегства из Лондона? Опекун мог разлучить ее с Томом Димсдейлом десятками других, куда менее сложных способов. Неужели он задумал угнетать и мучить ее до тех пор, пока она не согласится принять предложение Эзры? При этой мысли Кэт стиснула свои белые зубки и поклялась, что никакая сила на свете не заставит ее уступить. Будущее было темно и неизвестно, и единственным светлым проблеском оставалась надежда на то, что по приезде Кэт тут же напишет миссис Димсдейл, сообщит ей свой адрес и спросит ее напрямик, почему они все вдруг забыли про нее? Как глупо, что она не сделала этого раньше! Пустая гордость удержала ее.

Поезд остановился на большой станции. Поглядев в окно, Кэт при свете фонарей разобрала название: Гилдфорд. Потом снова мрак, бесконечная тряска, грохот, и наконец они прибыли на вторую крупную станцию — Питерсфилд.

— Мы подъезжаем,— заметил Гердлстон, пряча в карман записную книжку.

Поезд остановился на небольшом полустанке, который освещался единственным фонарем и предпочитал не открывать своего наименования. Гердлстон и Кэт были единственными пассажирами, пожелавшими сойти здесь,

а поезд покатил дальше в Портсмут, оставив их со всем багажом на плохо освещенной узкой платформе. Была темная, безлунная ночь, в резком ветре ощущалась влажность — то ли от недавно прошедшего дождя, то ли от близости океана. Кэт совсем закоченела от холода, и даже ее мрачный спутник поеживался и притопывал ногами, оглядываясь по сторонам.

— Я телеграфировал, чтобы прислали двуколку,— сказал он железнодорожному служащему.— Разве нас здесь никто не ждет?

— Как же, как же, сэр. Вы не мистер ли Гердлстон будете? Тут прислали двуколку из «Летящего быка». Эй, Каркер, сюда! Вот этот господин, которого ты ждешь.

При этом призыве в пятно света, отбрасываемое единственным фонарем, вступил довольно грубый с виду возница и, приподняв шапку, сиплым басом объявил, что он именно тот, о ком идет речь. Вместе с железнодорожным сторожем он принялся перетаскивать багаж в двуколку. Это был не слишком вместительный экипаж с высоким сиденьем спереди для возницы.

— Куда везти, сэр? — спросил возница, когда путешественники уселись в двуколку.

— В Хэмптонское аббатство. Ты знаешь, как туда ехать?

— Больше двух миль отсюда, и все вдоль полотна,— сказал возница.— Уже, почитай, два года, как никто там не живет.

— Нас ждут, все приготовлено к нашему приезду,— сказал Гердлстон.— Поезжай как можно быстрей, мы замерзли.

Возница щелкнул кнутом, и лошадка бодро затрусила по темной проселочной дороге.

Поглядывая по сторонам, Кэт заметила, что они проехали по широкой главной улице довольно большого поселка, от которого ответвлялись узкие проулочки. Показалась церковь и напротив церкви — трактир. Дверь его была распахнута настежь, из-за красных штор пивного зала пробивались лучи света, словно сообщая о том, что там внутри уютно и тепло. Звон пивных кружек и веселый рокот голосов долетали оттуда, и Кэт еще острее ощутила свою бесприютность и одиночество. Гердл-

стон тоже покосился на пивную, но совсем с другим чувством.

— Еще одно чумное место,— сказал он, кивнув в сторону постоялого двора.— Что в городе, что в деревне — везде одно и то же. Эти торговцы ядом расплодились по всей земле, и каждый такой притон — рассадник зла и заразы.

— Прошу прощения, сэр,— возразил угрюмый возница, поворачиваясь на сиденье.— Это вот и есть «Летящий бык», сэр, я сам тут работаю, и никакой это не притон, а очень даже распрекрасная пивная, и ядом тут отродясь не торговали.

— Все эти напитки — отрава, а место, где они продаются,— притон,— отрезал старый коммерсант.

— Только не скажите это моему хозяину,— заметил возница.— Он у нас крепкий мужик, и рука у него тяжелая, а нрав горячий. Эй ты, полегче!

Последнее предостережение относилось уже к лошади, споткнувшейся на крутом склоне. Двуколка выехала из селения, и вдоль дороги потянулись высокие изгороди, погружавшие ее в беспросветный мрак. Тусклые фонарики, покачиваясь на оглоблях двуколки, бороздили этот мрак желтыми полосами света. Возница закинул вожжи на спину лошади, предоставив ей самой выбирать дорогу. Вскоре узкий проселок вывел их на более широкий тракт, и Кэт воскликнула в радостном изумлении:

— Там море!

Сквозь тучи пробилась луна, и широкая морская гладь серебрилась в ее лучах.

— Да, там море,— сказал возница,— а вон там, подальше, огоньки, это Ли-Клакстон, где все наши рыбаки живут. А там,— указал он кнутом на длинную черную тень, выступавшую из воды,— это Остравайт.

— Простите, не поняла.

— Он хочет сказать, остров Уайт,— заметил Гердлстон.

Возница поглядел на него с укором.

— Ну, понятное дело, вам, лондонцам, лучше знать. Не нам вас учить, хоть каждый из нас тут родился и вырос! — И с этим саркастическим замечанием он замкнулся в себе и не вымолвил больше ни слова, пока двуколка не прибыла на место.

Да и ехать нм оставалось не так уж далеко. Мнновав нзрытую глубокнмн колеями равнину, они прнблизнлись к высокой камеиной ограде, протяиувшейся примерно ярдов на двестн. Ограда, иасколько можно было суднть при таком иеверном свете, нмела довольио обветшалый внд. Они подъехали к чугунным воротам, подвешеиным иа двух высоких каменных столбах, увеичанных полуразрушеннымн гербамн. От ворот через парк вела нзвилнстая аллея, похожая на туннель: деревья, сплетясь ветвями, образовалн здесь плотный темио-зеленый свод. Эта аллея вывела их на открытую площадку, в центре которой возвышалось массивиое, беленное известкой здание неправнльной формы — старое Хэмптоиское аббатство. Нижний этаж его был погружеи во мрак, а верхнне окна, отражая бледный свет луны, блестелн таинствеино и тускло, и все зданне в целом производило столь мрачиое, зловещее впечатленне, что у Кэт упало сердце. Двуколка подкатнла к крыльцу, и Гердлстои помог Кэт спрыгнуть иа землю.

Ни в одиом окне ие засветнлся прнветствеиный огоиек, но когда онн прнннялнсь вытаскнвать из двуколки свои пожитки, отворилась дверь, н иа крыльцо вышла малеиькая старушонка с горящей свечой в руке. Загораживая свечу рукой, чтобы ее не задуло ветром, старуха вглядывалась в темиоту.

— Это вы, мнстер Гердлстон? — крнкнула оиа.

— Разумеется, я,— нетерпелнво отвечал коммерсант.— Я же послал вам телеграмму, известнл о нашем приезде.

— Да, да,— отвечала старуха, ковыляя к иему иавстречу со своей свечой.— А это та самая барышия? Входите, моя дорогая, входнте. У нас тут еще не все готово, но мы скоро иаведем порядок.

Она пошла вперед, указывая нм дорогу, н через огромную пустую прихожую провела их в такую же огромную комнату, которая явно была когда-то моиастырской трапезной. В углу, в большом камнне за чугуииой решеткой, потрескнвали, рассыпая искры, полеиья, но в комнате было холодно н уиыло. На огие стояла сковородка, а на простом некрашеиом столе посреди комнаты былн расставлены довольно грубые тарелкн. Единственным освещеннем служнла принесенная старухой

свеча да колыхавшиеся в камине языки пламени, которые отбрасывали на стены и тяжелые дубовые балки потолка странные, причудливые тени.

— Садись поближе к огню, голубка,— сказала старуха.— Сними плащ, обогрейся.— И она протянула к огню свои сморщенные руки, словно недолгое пребывание на ночном холоде успело заморозить ее до костей. Кэт украдкой поглядывала на ее острый нос и подбородок с пучком седой щетины, на отвислую нижнюю губу, обнажавшую желтые зубы, и думала о том, какое у нее хитрое лицо.

Снаружи донесся скрип гравия, и двуколка затарахтела по аллее. Кэт прислушивалась к стуку колес, пока он не замер в отдалении. Распалось, казалось ей, последнее звено, соединявшее ее с миром и людьми. Мужество совсем покинуло Кэт, и она разрыдалась.

— Что случилось? — спросила старуха, поглядев на нее.— О чем это ты плачешь?

— Ах, я так одинока, так несчастна! — воскликнула Кэт.— Что я сделала дурного, почему я должна так страдать? Зачем привезли меня сюда в этот ужасный, ужасный дом?

— А чем тебе не по нраву этот дом? — спросила старуха.— Не пойму, чем он так плох. Вот идет мистер Гердлстон. Он, небось, вполне доволен этим домом.

Коммерсант, только что выдержавший перебранку с возницей из-за платы, был в прескверном расположении духа.

— Как, опять за свое? — грубо спросил он.— По-моему, это я должен был бы плакать, после того как ваше непослушание и недомыслие доставили мне столько неудобств и хлопот.

Кэт ничего не ответила; она опустилась на деревянный табурет возле камина и уткнулась лицом в ладони. Душа ее была полна неясных предчувствий и страха. Что-то делает сейчас Том? Он бы прилетел к ней на крыльях ветра, знай он, в каком она находится положении! Кэт твердо решила завтра утром написать миссис Димсдейл и сообщить ей, куда ее увезли и что с ней произошло. При мысли об этом у нее немного отлегло от сердца, и она даже заставила себя поесть супа, который

старуха поставила на стол. Это была самая простая похлебка, но во время столь долгого путешествия Кэт успела все же проголодаться, и даже старик Гердлстон, обычно чрезвычайно разборчивый в пище, съел изрядную толику этого варева.

Когда с ужином было покончено, Джоррокс — так именовал эту старую каргу Гердлстон — отвела Кэт наверх, в ее комнату. Если крайне простая обстановка столовой могла бы назваться спартанской, то спальня Кэт тем более отвечала этому идеалу, ибо здесь не было ничего, кроме узкой железной кровати, не бывшей в употреблении годами и совсем заржавевшей, и большого деревянного ящика, на котором лежали самые примитивные туалетные принадлежности. Но Кэт обрадовалась этой жалкой комнатенке, как еще не радовалась никогда своей роскошной спальне в старом доме на Эклстон-сквер. Крошечная каморка с деревянным, не застеленным ковром полом показалась ей долгожданной пристанью, где она сможет наконец отдохнуть и хотя бы на эту ночь остаться одна со своими мыслями. Однако, лежа в постели, она невольно прислушивалась к доносившимся снизу приглушенным раскатам голоса Гердлстона, к которым присоединялся порой пронзительный голос старухи. Они о чем-то очень оживленно беседовали, и хотя находились слишком далеко, чтобы Кэт могла разобрать хоть слово, все же сердце подсказывало ей, что разговор касается ее самой и не сулит ей добра.

ГЛАВА XXXIV

ЧЕЛОВЕК СО СКЛАДНЫМ СТУЛОМ

Наутро, пробудившись от сна, Кэт не сразу вспомнила, где она находится и какие события повлекли за собой такую резкую перемену в ее жизни. Пустая, холодная комната, беленные известкой стены и узкая железная кровать привели ей сначала на память больничную палату, в которой она побывала однажды в Эдинбурге, и ее первой мыслью было, что с ней что-то случилось и ее отвезли в больницу. Но это заблуждение тотчас рассеялось, ибо, похолодев от страха, она тут же вспомнила

все, что произошло. Увы, из этих двух зол Кэт предпочла бы больницу.

Небольшое окошко ее спальни закрывала грязная муслиновая занавеска. Кэт встала с постели и, отодвинув занавеску, поглядела в окно. Ей припомнилась дорога сюда, и у нее зародилась надежда, что ее одиночество в этой тюрьме, в которую ее запрятали, будет скрашено хотя бы красотой окружающей природы. Однако то, что предстало ее взору, развеяло эту надежду, как дым. Старый парк и подъездная аллея находились по другую сторону дома, а перед окном Кэт простирался унылый плоский илистый берег, и лишь где-то вдали на горизонте виднелась узкая полоска моря. Во время прилива это огромное грязно-серое пространство ила и мокрого песка бывало покрыто водой, но сейчас оно лежало перед ней во всей своей отталкивающей наготе, как подлинный символ безлюдья, тоски, одиночества. Две-три худосочных камышинки да клочок ядовито-зеленой пены, оставшейся на поверхности ила, тщетно пытались оживить этот безрадостный пейзаж. Повсюду, куда бы ни обратился взгляд, был все тот же серый ил; лишь кое-где его бесцветную монотонность нарушали стаи чаек и других морских птиц, опускавшихся на берег в надежде, что море, отхлынув, оставило им чем поживиться. И только на горизонте искрилась под солнцем кайма белой пены, за которой лежал океан.

В восточной стороне, примерно милях в двух от дома, Кэт различила на берегу очертания домиков и голубой дымок, поднимавшийся к небу. Она догадалась, что это, вероятно, был тот самый рыбачий поселок Ли-Клакстон, о котором упоминал вчера их возница. И, глядя на крошечные хижины и мачты рыбачьих баркасов, Кэт почувствовала вдруг, что даже в этом глухом, уединенном месте она не совсем одна на свете, что и здесь есть честные сердца, к сочувствию которых она может в случае крайней нужды прибегнуть.

Кэт еще все стояла у окна, когда раздался стук в дверь, и она услышала голос старухи, которая явилась ее будить.

— Завтрак на столе,— сказала старуха,— и хозяин спрашивает, чего это вы прохлаждаетесь.

После такого приглашения Кэт поспешно оделась и по скрипучей винтовой лестнице спустилась в столовую, где ужинала накануне. Воистину каменное сердце должен был иметь Гердлстон, чтобы оно не оттаяло при виде этого прелестного юного создания. Но его лицо оставалось все таким же жестким и непреклонным, и он встретил Кэт гневным взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Вы опоздали к завтраку,— сказал он холодно.— Потрудитесь запомнить, что вы не на Эклстон-сквер. «Кто зевает, тот воду хлебает»,— говорит пословица. Вы находитесь здесь, чтобы научиться дисциплине, и обязаны дисциплинировать себя.

— Прошу меня извинить,— сказала Кэт.— Вероятно, я устала с дороги.

При свете дня столовая имела еще более унылый и нежилой вид, чем вечером. На столе стояла яичница с ветчиной. Джон Гердлстон положил кусок яичницы на тарелку и пододвинул тарелку Кэт. Девушка опустилась на один из деревянных некрашеных табуретов и без всякого аппетита принялась за еду, раздумывая, чем все это может кончиться.

После завтрака Гердлстон приказал старухе выйти за дверь, стал перед камином, заложив руки за спину, и широко расставив длинные худые ноги, и предельно ясно, резко и лаконично изложил Кэт свои намерения.

— Уже давно мною было принято решение,— сказал он,— в случае, если вы станете действовать вопреки моим желаниям и упорствовать в своей безрассудной привязанности к этому шалопаю, отправить вас в какое-либо уединенное место, где бы вы могли пересмотреть свое поведение и выработать для себя более разумный образ действий на будущее. Этот сельский дом превосходно отвечает такой задаче, а когда выяснилось, что моя прежняя служанка миссис Джоррокс проживает поблизости, я попросил ее привести дом в порядок, дабы мы могли прибыть сюда в любую минуту. Однако ваше сумасбродство и бессердечие заставили меня ускорить дело, и мы явились сюда раньше, чем были закончены необходимые приготовления. Поэтому в дальнейшем обстановка в этом доме будет менее примитивной, чем в настоящий

момент. И здесь, моя дорогая, вы будете оставаться до тех пор, пока не проявите раскаяния и стремления исправить содеянное вами зло.

— Если вы хотите сказать: до тех пор, пока я не соглашусь стать женой вашего сына, то это значит только, что я останусь здесь навсегда и здесь и умру,— мужественно отвечала девушка.

— Все будет зависеть только от вас. Как я уже сказал, вы находитесь здесь, чтобы научиться дисциплине, и дом на Эклстон-сквер может показаться вам райским садом по сравнению с тем образом жизни, к которому вам придется привыкать здесь.

— Могу я взять сюда мою служанку? — спросила Кэт.— Как здесь жить, если в доме нет никого, кроме этой старухи?

— Сюда приедет Ребекка. Эзра сообщил мне об этом телеграммой, и он сам будет наведываться к нам на день-два каждую неделю.

— И Эзра будет здесь! — в ужасе воскликнула Кэт. Единственным утешением для нее среди всех этих треволнений была мысль о том, что благодаря этому переезду она по крайней мере отделается от своего чудовищного поклонника.

— А почему бы нет? — сердито спросил старик.— Или вы уж так восстановлены против мальчика, что хотите лишить его даже общества родного отца?

От дальнейших попреков Кэт спасло появление старухи, которая пришла убрать со стола. Последнее сообщение, нанесся Кэт страшный удар, в то же время чрезвычайно ее изумило. Что делать этому гуляке и повесе, этому городскому щеголю в таком мрачном жилище? Кэт хорошо знала Эзру и была уверена, что он не из тех, кто станет менять свои привычки или терпеть хоть малейшее неудобство без крайней необходимости. И инстинктивно ей почудилась в этом еще одна петля той страшной сети, которой ее стремились опутать.

Когда опекун вышел из комнаты, Кэт попросила миссис Джоррокс дать ей листок бумаги. Но старая карга только покачала головой, язвительно выпятив свою отвислую губу.

— Мистер Гердлстон так и знал, что вы будете просить бумаги,— сказала она.— Нету здесь ни бумаги, ни карандаша, ни чернил.

— Как? Ничего нет? Дорогая миссис Джоррокс, умоляю вас, сжальтесь надо мной, достаньте мне хоть какой-нибудь клочок, пусть хоть грязный, хоть мятый! Вот смотрите, у меня есть немножко денег. Я с радостью заплачу вам, если вы дадите мне возможность написать письмо.

Мутные глазки миссис Джоррокс с вожделением впились в монеты, которые протягивала ей девушка, однако она снова покачала головой.

— Никак нельзя,— сказала она.— Меня прогонят с места.

— Тогда я сама пойду в Бедсворт,— гневно сказала Кэт.— Никто не может запретить мне написать на почте письмо.

Старая карга затряслась в беззвучном хохоте; жилы на ее морщинистой шее натянулись так, что, казалось, вот-вот лопнут. Она все еще продолжала фыркать и кряхтеть, когда в столовую вошел Гердлстон.

— Что тут происходит? — спросил он строго, переводя взгляд со старухи на Кэт и обратно. Всякое проявление веселья было настолько противно его природе, что неизменно вызывало в нем раздражение.— Почему вы смеетесь, миссис Джоррокс?

— Вот над ней смеюсь,— прохрипела старуха, тыча в Кэт трясущимся пальцем.— Выпрашивает у меня бумагу и говорит, что пойдет в Бедсворт и напишет там письмо на почте.

— Вы должны уяснить себе раз и навсегда,— загремел Гердлстон, резко оборачиваясь к девушке,— что вы здесь полностью отрезаны от внешнего мира. Я не намерен оставлять вам никаких лазеек, которые вы могли бы использовать для сношения с нежелательными мне лицами. Я распорядился, чтобы никто не смел снабжать вас ни бумагой, ни чернилами.

Рушилась последняя надежда бедняжки Кэт. Сердце у нее совсем упало, но она храбро старалась не подавать виду, не желая, чтобы опекун заподозрил, как подействовали на нее его слова. В голове у нее уже созрел отчаянный план, и она считала, что ей легче будет при-

вести его в исполнение, если Гердлстон не будет все время начеку.

Утро она провела в своей маленькой каморке. Ее снабдили огромной библией в коричневом переплете с аккуратно вырванными чистыми страницами, и она пыталась ее читать, хотя мысли ее витали далеко. После полудня Кэт услышала стук копыт и громыхание колес на подъездной аллее. Спустившись вниз, она увидела, что приехала подвода с мебелью из Бедсворта. Возница с помощью Гердлстона начал перетаскивать на второй этаж столы, шкафы, ковры и другие предметы. Старуха тоже была наверху. Кэт решила, что сейчас самый удобный момент привести в исполнение свой замысел: ведь такой случай мог больше не представиться. Она надела шляпку и начала с рассеянным видом прогуливаться перед домом, время от времени подбирая с запущенного газона опавшие листья. Прогуливаясь так, она как бы невзначай приблизилась к аллее, боязливо оглянулась по сторонам, скользнула между деревьев и припустилась бежать.

О, какую радость испытала она, когда высокие деревья заслонили от нее большой белый дом, уже ставший ей столь ненавистным! Она хорошо запомнила дорогу, по которой ехала накануне вечером, и ей казалось, что теперь все ее тревоги остались позади. Впереди, в конце этой аллеи, были ворота, а за ними Бедсворт и освобождение. Она пошлет доктору Димсдейлу письмо и телеграмму и объяснит ему все, что с ней случилось. Если только этому доброму и энергичному человеку станет известно о ее судьбе, он не даст ее в обиду. Она напишет ему, а потом вернется, и пусть опекун делает с ней, что хочет, она уже не будет трепетать перед ним. Впереди показались замшелые каменные столбы с полуразрушенными гербами наверху. Чугунные ворота были растворены. С радостным восклицанием Кэт прибавила шагу. Еще мгновение, и она была бы уже за воротами, на проселочной дороге, но тут...

— Эй, эй, куда это вы направляетесь? — послышался грубый оклик. Голос доносился откуда-то из-за кустов, росших по обе стороны ворот.

Девушка замерла на месте, вся дрожа. В тени под деревом стоял складной стул, и на нем сидел свирепого ви-

да мужчина, одетый в черную плисовую пару, и курил потемневшую от времени глиняную трубку. Медно-красное, обветренное лицо его было щедро разукрашено оспой; недуг этот оставил после себя и другую память: один глаз несчастного взирал на мир голубоватым невидящим бельмом. Человек встал со стула и шагнул вперед, преграждая Кэт путь за ворота.

— Чтоб мне подохнуть, если это не она,—медленно проговорил он, оглядывая Кэт с головы до пят.— Сказали, девчонка что надо. Что ж, правильно, так оно и есть.— И, вынеся этот вердикт, он отступил еще на шаг и снова оглядел Кэт своим единственным глазом.

— Очень вас прошу,— сказала Кэт дрожащим голосом, ибо внешность этого человека никак не могла придать ей бодрости,— мне нужно пройти, я хочу попасть в Бедсворт. Вот вам шиллинг, пожалуйста, не задерживайте меня.

Человек протянул грязную ручищу, взял у Кэт монету, подбросил ее в воздух, поймал, попробовал на зуб и погрузил в карман своих плисовых штанов.

— Тут нет проходу, барышня,— сказал он.— Я дал слово хозяину, значит, не пойду на попятную.

— Но вы не имеете права задерживать меня! — гневно воскликнула Кэт.— У меня есть друзья в Лондоне, и вы ответите за это.

— А она, похоже, собирается буянить,—сказал одноглазый.— Похоже, убей меня бог!

— Все равно я пройду! — в полном отчаянии воскликнула Кэт. Дорога, ведущая на свободу, была всего в десяти шагах, и Кэт метнулась в сторону, по женской своей неопытности надеясь как-нибудь проскользнуть мимо этого чудовищного стража, но он обхватил ее ручищами за талию и так грубо отшвырнул назад, что перебросил через аллею, и Кэт едва не упала, но, налетев со всего маху на дерево, устояла на ногах. Она была вся в ссадинах и царапинах и еле переводила дух.

— Ну так и есть,— сказал одноглазый, вынимая трубку изо рта,— уже буянит! Провалиться мне, если она еще и не буйно помешанная.— Он взял свой складной стул, поставил его в воротах и уселся на него.— Вы видите, барышня,— заметил он,— все вы это зря. Убежите отсюда, так посадят в сумасшедший дом.

— В сумасшедший дом? — ахнула Кэт, всхлипывая от боли и страха.— Вы что же думаете, что я сумасшедшая?

— Ничего я не думаю,— сказал одноглазый спокойно.— Я знаю, что сумасшедшая.

Это было новым потрясением для Кэт. Впрочем, она была в такой тревоге и расстройстве, что плохо отдавала себе отчет, что все это значит.

— Кто вы такой? — спросила она.— Почему вы так грубо со мной обращаетесь?

— Ну, вот, давно бы так,— сказал одноглазый с довольным видом, поудобнее вытягивая ноги и пуская вверх огромные клубы дыма.— Это уже больше похоже на разумный разговор. Кто я такой, спрашиваете? Меня зовут Стивенс — Билл Стивенс, эсквайр из Клакстона, из графства Хэнтс. Я служил матросом на корабле — могу показать пенсионную книжку. А потом работал в лечебнице для умалишенных в Портсмуте. Был вторым смотрителем в отделении для самоубийц; больше двух лет проторчал там. А потом сидел без работы, и мистер Гердлстон пришел ко мне и говорит: «Вы будете Уильям Стивенс, эсквайр? «Я»,— говорю. «Вам приходилось иметь дело с умалишенными?» — спрашивает он. «Приходилось»,— говорю я. «Значит, вы тот, кто мне нужен,— говорит он.— Будете получать фунт стерлингов в неделю, работы от вас никакой не потребуется». «Самое разлюбезное дело»,— говорю. «Будете сидеть у ворот,— говорит он,—и следить, чтобы одна наша пациентка не убежала, только и всего». Ну, а потом вас привозят из Лондона, а я приезжаю из Клакстона, и вот мы оба здесь, и все обстоит как нельзя лучше. Так что видите, барышня, все это вы зря, вам тут все равно никак не пройти.

— Но если вы меня пропустите, мистер Гердлстон подумает, что вы не успели меня поймать, потому что я пробежала очень быстро, и не будет особенно сердиться, а я дам вам больше денег, чем он дает.

— Нет, нет,— сказал одноглазый, решительно тряся головой.— Я своему слову не изменю, пусть меня повесят! Чтоб меня кто подкупил, такого еще не бывало да и не будет, разве что вы положите деньги на бочку, а то

посулить-то всякий может. Старому человеку все подавай сейчас, что ему жить-то осталось.

— Увы! — горестно вскричала Кэт.— У меня при себе нет денег, всего несколько шиллингов.

— Ну и давайте их сюда.— Монеты исчезли в том же кармане плисовых штанов.— Ладно, все будет в порядке, барышня,— шепнул одноглазый, обдав Кэт запахом пива.— Я, так и быть, ничего не скажу мистеру Гердлстону о том, что вы тут вытворяли. Слово даю. А слово Уильяма Стивенса, эсквайра, верное! А то ведь хозяин взбеленится, если узнает. О, черт, вон моя старуха плетется с обедом! Брысь, брысь отсюда! Если моя хозяйка увидит, что мы тут с тобой разговоры разговариваем, она тебе все волосы повыдергает. Уж больно ревнива, вот в чем беда. Как померещится ей, что какая-нибудь девчонка заглядывается на меня, так она прямо вся не своя сделается и, не говоря худого слова, кинется прямо за волосы. Да уж, попадись ей только, пух и перья полетят! Брысь отсюда, тебе говорят!

Бедняжка Кэт, напуганная перспективой нажить себе еще одного врага, повернулась и грустно побрела по аллее обратно к дому. Оглянувшись, она увидела худую женщину с хмурым, суровым лицом, направляющуюся к воротам с жестяным судком в руке. Одинокая и потерянная Кэт все же еще не окончательно утратила надежду и, свернув с дороги, стала пробираться среди деревьев и кустов к ограде. Это была массивная каменная стена, футов девяти в вышину; последний ряд каменной кладки поблескивал торчащими из него зазубренными кусками битого стекла. Колючие кустарники исцарапали в кровь нежную кожу Кэт, пока она пробиралась вдоль стены. В конце концов ей пришлось убедиться, что перелезть через стену невозможно. Она обнаружила в стене только одну маленькую деревянную калитку, выходившую на железнодорожное полотно, но и та была заперта на замок. Проникнуть за стену можно было только через столь надежно охраняемые ворота. Щемящая тоска сжала сердце Кэт, когда она вдруг отчетливо поняла, что, лишь имея крылья, могла бы она вырваться отсюда или хотя бы послать кому-то о себе весть.

Усталая, измученная, с растрепавшимися волосами возвратилась она домой после своих бесплодных пои-

сков. Гердлстон встретил ее на крыльце; на губах его нграла язвнтельиая улыбка.

— Как вам поиравился парк? — спроснл ои, и Кэт впервые в жизни уловила в его голосе иечто похожее на игривый смешок.— А камениая ограда и ее разиообразные украшеиия? А иаш привратиик? Как вам все это поиравнлось?

Кэт собралась с духом, чтобы дать ему достойиый н храбрый ответ, ио стараиня ее были тщетны. Губы ее задрожали, глаза иаполиились слезами и с возгласом, нсполненным такого отчаяиия н горя, что ои, казалось, мог бы тронуть сердце дикого зверя, она броснлась по лестннце к себе в комиату, упала на постель и расплакалась столь горькнми слезами, горше которых не проливала еще ии одиа жеищииа иа земле.

ГЛАВА XXXV

РАЗГОВОР НА ЛУЖАЙКЕ ПЕРЕД ДОМОМ

В тот же вечер из Лоидоиа приехала Ребекка. Ее приезд обрадовал Кэт, несмотря иа то, что оиа никогда не испытывала особой симпатии к этой гориичной н ие слишком доверяла ей. Кэт словио бы почувствовала себя в большей безопасности и меиее одииокой, когда возле появился кто-то одного с ней возраста. Обстановка ее комиаты тоже претерпела кое-какие изменеиия к лучшему, а служанке была отведена соседняя комната, так что Кэт всегда могла позвать ее, постучав в стену. Это было большнм утешением для Кэт, ибо по ночам в старом доме трещала покоробнвшаяся мебель, где-то бегали крысы, н ощущеине одиночества становилось непереиосимым.

Но, помимо этих вселяющнх ужас ночных звуков, существовалн н другне обстоятельства, благодаря которым обитель пользовалась весьма дурной славой. Здаиие это даже с первого взгляда производнло зловещее впечатление. Его высокие белые стены былн покрыты пятиами плесенн, а кое-где по растрескавшейся штукатурке, подобно следам пролнтых слез, от самой крыши до фундамента струились зелеиоватые полосы. Внутри, в тес-

ных, низких коридорах и на узких лестницах, держался сырой, могильный запах. Прогнившие полы и потолки были одинаково изъедены червем. В коридорах валялись большие куски отвалившейся от стен штукатурки. В бесчисленные трещины и щели постоянно задувал ветер, и в больших, унылых комнатах то и дело слышались какие-то вздохи, шорохи, шелест, и это производило впечатление чего-то почти сверхъестественного.

Вскоре Кэт узнала, что старый монастырь страшен не только этими жуткими особенностями, которые, воздействуя на впечатлительную душу, наполняли ее смутной тревогой,— с этим аббатством было связано страшное поверье. Обстоятельно и жестоко, не упуская ни единой подробности, опекун поведал Кэт эту легенду о таинственном призраке, обитающем в мрачных монастырских коридорах.

Когда-то в давние времена это аббатство принадлежало ордену доминиканских монахов, который с годами мало-помалу утратил всю свою былую святость. Суровый вид монахов еще поддерживал в народе веру в их благочестие, но в стенах своей обители они втайне предавались беспутству и совершали самые страшные злодеяния.

И вот, когда вся монастырская братия — от настоятеля до послушника,— соперничая друг с другом, погрязла в грехе и достигла крайнего нравственного упадка, один набожный юноша из соседнего селения явился в монастырь и заявил о своем желании вступить в орден. Слава о незапятнанной чистоте и святости ордена, сказал он, привлекла его сюда. Монахи приняли юношу в обитель, но первое время не допускали его на свои попойки. Однако со временем, решив, что совесть его достаточно загрубела, они перестали от него таиться и мало-помалу посвятили его в свои тайные дела. Добрый юноша пришел в ужас, но ему удалось до поры до времени сдержать свой гнев; когда же все мерзости, творимые монахами, открылись ему до конца, он однажды, стоя на ступенях алтаря, огненными, бичующими словами начал клеймить их пороки. Этой же ночью он покинет аббатство, заявил юноша, и по всей стране пронесет весть о том, что он здесь видел и слышал. Встревоженные и взбешенные монахи, быстро посовещавшись, схватили

молодого послушника, бросили его в подвал и заперли там. Подвал этот кишмя кишел огромными свирепыми крысами, такими сильными и злыми, что они нападали даже днем на всех, кто туда входил. И предание гласит, что всю ночь по длинным монастырским коридорам разносились отчаянные крики и ужасный шум борьбы несчастного пленника, сражавшегося за свою жизнь с бесчисленными свирепыми животными.

— Говорят, что его тень и сейчас появляется порой и бродит по дому,— сказал Гердлстон, заканчивая свое повествование.— Никто с тех пор не решался обосноваться здесь надолго. Но, я полагаю, что такую лишенную предрассудков молодую особу, как вы, не пожелавшую подчиняться даже воле своего опекуна, не могут напугать подобные детские побасенки.

— Я не верю в привидения, и меня эта история действительно не пугает,— храбро отвечала Кэт. Тем не менее страшный этот рассказ запал ей в душу, и ко всем окружавшим ее страхам с этой минуты прибавился еще один.

Комната опекуна была расположена непосредственно над комнатой Кэт. На второй день своего заключения в аббатстве Кэт поднялась туда; у нее не было других книг, кроме библии, не было ни карандаша, ни бумаги — оставалось только бродить по дому или по саду. Дверь в комнату опекуна была открыта настежь, и когда Кэт проходила мимо, ей бросилось в глаза, что эта комната обставлена элегантно и с комфортом. Точно так же была обставлена и соседняя комната, дверь которой тоже была распахнута. Добротная мебель и дорогие ковры являли резкий контраст с голыми беленными известкой стенами ее каморки. И все это указывало на то, что ее переселение в аббатство не было случайным и внезапным, что старый коммерсант замыслил его давно и заранее обдумал каждую деталь. А ее отказ выйти замуж за Эзру был только предлогом, чтобы осуществить давно задуманный план. Но какова же его цель, к чему в конце концов должно все это привести? Этот вопрос возникал перед Кэт ежечасно, ежеминутно, и всякий раз ответ на него представлялся ей все более мрачным и грозным.

Однако в цепи всех этих загадочных событий имелось одно звено, о котором Кэт не имела ни малейшего

представления. Ей никогда и в голову не приходило, что ее личное состояние может представлять какой-либо интерес для фирмы. Она так привыкла слышать, как Эзра и его отец во всех своих беседах бойко и небрежно оперируют миллионными суммами, что не придавала значения своему скромному капиталу и совершенно не понимала, какую роль может он сыграть для фирмы в критическую минуту. И столь же далека была она и от мысли о возможности каких-либо серьезных затруднений для торгового дома Гердлстон, так как с детства привыкла слышать от отца о надежности этого коммерческого предприятия и о его крупных ресурсах. Ни одной секунды не подозревала она о том, что дела торгового дома находятся в крайне плачевном состоянии и что только ее капитал еще мог бы как-то спасти его от полного краха.

А необходимость прибегнуть к этому последнему средству росла с каждым днем и становилась неизбежной. Эзра в Лондоне со всей присущей ему неукротимой энергией и редкой деловой хваткой продолжал вести борьбу. Когда наступал срок выплаты по очередному векселю, он добивался отсрочки у кредиторов, действуя столь искусно, предъявляя столь правдоподобные объяснения, что ему удавалось добиваться своего, не вызывая подозрений. Но день ото дня делать это становилось все труднее: Эзра чувствовал, что он ставит подпорки под насквозь прогнившим сводом, который рано или поздно рухнет и погребет его под обломками. И когда сей молодой человек прибыл в субботу в аббатство, его исхудалое, осунувшееся лицо и беспокойный взгляд без слов говорили о том, через какое горнило испытаний пришлось ему пройти.

Когда он приехал, Кэт уже успела подняться к себе. Но услыхав шум подъехавшей двуколки, она догадалась, кого привез этот экипаж, раньше, чем в прихожей раздался басовитый мужской голос. А несколько позже, глянув в окно, она увидела, что Эзра с отцом прогуливаются перед домом по залитой лунным светом лужайке и о чем-то взволнованно беседуют. Вечер был прохладный, и Кэт удивило, почему они не ведут свою беседу в столовой у камина. Примерно около часа продолжали метаться по лужайке их тени, а потом до Кэт долетел стук за-

хлопиувшейся двери, и вскоре оиа услышала, как отец с сыном прошли мимо ее комиаты н подиялнсь по лестиице наверх.

Эта беседа, которую ей довелось наблюдать нз окиа, была иемаловажна. Эзра доказывал отцу, что скрывать нх банкротство долее уже невозможио н крах иензбежеи, если откуда-инбудь срочио ие придет помощь.

— Пока, мне кажется, онн еще не учуялн, что дело наше швах,— сказал ои.— Мортимер и Джонсои довольно иахальио требовалн уплаты по счету, ио я их живо прнструиил. Выиул мою чековую книжку и сказал: «Вот что, джеитльмеиы, если вы настаиваете, я немедлеино выпнсываю чек на всю сумму. Но на этом нашн с вами деловые отиошеиия прекращаются. Такая солидиая фирма, как наша, ие желает терпеть неудобства от того, что ее будут тревожить по пустякам». Оии сразу забили отбой. Но момент был довольио непрнятный: ведь согласись оии взять чек, и все бы выплыло иаружу, а для нас это было бы равиосильио убнйству.

При последиих словах старнк вздрогиул, бросил быстрый взгляд иа сына н зябко потер рукн, словио иа него виезапио повеяло холодом.

— Тебе ие кажется, Эзра,— сказал он, хватая сына за локоть,— что ты зря поставнл этн слова рядом: «выплыло наружу» и «убийство»... Я помию, как одии полицейский агеит по нмеии Пилкингтон, который посещал тот же храм, что н я, на Дэрхем-стрит, сказал мие одиажды, что, по его миеиию, людей беспрерывно отправляют иа тот свет, но только одии случай из десяти выплывает иаружу. Так что видишь, Эзра, один шанс из десяти. И притом открываются обычио самые грубые, баиальиые случаи. Если за это дело берется человек с головой, шаисов очень мало, что его карты будут раскрыты. Какой холодный сегодня вечер!

— Да, прохладио,— согласился сын.— Но все же о таких вещах лучше говорить вие стен дома. Ну, а у вас тут как идут дела?

— Отлично. Первый день она металась и все хотела пробраться в Бедсворт. Но теперь, мие кажется, уже отказалась от этой пустой затеи. Стивенс, иаш сторож, вполие иадежный малый.

— Какие вы уже предприияли шагн? — спросил Эз-

ра, зажигая не гаснущую на ветру спичку и закуривая сигару.

— Я постарался, чтобы и в Бедсворте и в Клакстоне все были осведомлены о ее болезни. И теперь всем уже известно, что в аббатстве находится какая-то молодая особа, совсем больная, бедняжка. Кроме того, я распустил слух, что она немного не в себе, почему ее, естественно, и держат в таком уединении. Когда произойдет то, что...

— Христа ради, тише! — вздрогнув, прошипел Эзра.— Это очень страшное дело. Я даже подумать об этом не могу.

— Да, конечно, это печальная необходимость. Но что еще нам остается делать?

— И как вы рассчитываете это совершить? — прошептал Эзра.— Без применения насилия, я надеюсь?

— Все может случиться. Все. Однако у меня другой план, и сначала мы испробуем его. Мне кажется, я вижу один способ, который может все упростить.

— На крайний случай, если другого выхода не будет, у меня есть человек, готовый взяться за любое дело такого сорта.

— Вот как? Кто же это такой?

— Один малый, который умеет бить без промаха, что мне-то уж доподлинно известно. Его зовут Бурт. Это он проломил мне череп в Африке. Потом я встретил его в Лондоне и узнал мгновенно. Он подыхает с голоду, бедняга, и готов на все. Сейчас он в самом подходящем настроении для такого дела. Он целиком у меня в руках и прекрасно это понимает, поэтому я могу приказать ему все, что захочу. По-моему, это дело должно даже доставить ему удовольствие, так как он, в сущности, скорее животное, чем человек!

— Печально, крайне печально! — промолвил Гердлстон.— Да, стоит человеку хоть раз преступить заповедь божью, и он уже ничем не отличается от животного. Где же я найду этого человека?

— Пошлите мне телеграмму. Напишите так: «Присылай врача». Для меня это будет достаточно, а на почте не вызовет никаких подозрений. После этого я приму меры, чтобы он приехал с ближайшим поездом. Вам придется встретить его на станции, потому что он, вероятнее всего, будет пьян.

— Привези его сам,— сказал Гердлстон.— Тебе тоже надо быть здесь.

— По-моему, вы отлично можете обойтись без меня.

— Нет, нет. Мы должны победить или погибнуть вместе.

— А я вот возьму и плюну на эту вашу затею,— сказал Эзра, резко останавливаясь и оборачиваясь к отцу.— Меня уже от всего этого мутит.

— Что? Пойти на попятную? — страстно вскричал старик.— Нет, ни за что на свете! Какое малодушие! Все сейчас складывается как нельзя лучше, и от нас требуется только одно — твердость духа. Ах, мой мальчик, мой мальчик! Подумай: на одной чаше весов — бесчестие, разорение, убогое, нищенское существование, насмешки и презрение всех твоих былых товарищей и друзей; на другой чаше весов — богатство, успех, известность — все то, что делает жизнь приятной. И ты знаешь не хуже меня, что деньги этой девчонки сразу перетянут чашу весов, и жизнь снова станет прекрасной. Вся твоя дальнейшая судьба зависит от того, будет Кэт жить или умрет. Мы дали ей полную возможность выбора. Она надсмеялась над твоей любовью. Так пусть же узнает теперь твою ненависть.

— Тут вы, конечно, правы,— сказал Эзра, снова принимаясь шагать по лужайке.— Почему я должен ее жалеть? Что посеешь, то пожнешь. Тьфу, я, кажется, заразился вашей проклятой привычкой говорить пословицами и цитировать библию.

— Я знал, что ты у меня молодец, не струсишь,— вскричал отец.— Теперь уже нельзя идти на попятную.

— Ребекка будет вам здесь полезна,— сказал Эзра.— Можете во всем на нее положиться.

— Ты хорошо сделал, что прислал ее. Ну, а обо мне часто там справляются?

— Часто. И я всем твержу одно: нервное переутомление, врачи запретили беспокоить вас деловыми письмами. Единственно, кто, как мне кажется, пронюхал, что тут что-то неладное, это Том Димсдейл.

— Вот как! — хмыкнул старик.— Наше исчезновение, конечно, должно было его удивить.

— Он как сумасшедший налетел на меня, спрашивает, куда вы уехали. Я ответил ему то же, что всем, но тут

он разбушевался, стал кричать, что имеет право узнать ваш адрес и все равно узнает. Так разошелся, что мы с ним чуть не сцепились тут же, в конторе, на глазах у клерков. А теперь каждый вечер он неотступно следует за мной до Эклстон-сквер и до полуночи сторожит под окнами — боится, как бы я не сбежал.

— Вон что! Сторожит тебя?

— Да, а сегодня следовал за мной до самого вокзала. Надел длинное пальто и до половины закутал лицо шарфом. Но я, разумеется, его узнал. Тогда я взял билет до Колчестера. Он взял билет туда же и сел в колчестерский поезд. А я ускользнул от него, взял другой билет и приехал сюда. Не сомневаюсь, что он сейчас уже носится по Колчестеру.

— Помни, мой мальчик,— сказал коммерсант, когда они поднялись на крыльцо,— это наше последнее испытание. Если мы одержим победу, нас ждет светлое будущее.

— Мы провалились с алмазами, провалились с женитьбой. Да поможет нам теперь нечистая сила,—сказал Эзра и, швырнув сигару, последовал за отцом.

ГЛАВА XXXVI

ЧТО ПРОИЗОШЛО В КОРИДОРЕ

Когда Кэт на следующее утро спустилась к завтраку, Эзра ограничился кратким приветствием и не промолвил больше ни слова. Он явно чувствовал себя неловко и, встречаясь взглядом с Кэт, тотчас отводил глаза, хотя потом нет-нет да и посматривал на нее украдкой. Отец расспрашивал его о том, что делается в Сити, но он отвечал ему односложно и с неохотой. Эзра не выспался в эту ночь: сон его был тревожен, обрывки разговора, который произошел у него с отцом накануне, надоедливо вторгались в его сновидения.

Кэт поспешила при первой же возможности покинуть столовую и, надев шляпку, отправилась бродить по парку. Ей хотелось немного прогуляться; к тому же она еще не теряла надежду найти какую-нибудь лазейку. Одноглазый страж был на своем посту, и увидав ее,

разразнлся дикнм хохотом. Кэт свернула в сторону, чтобы скрыться от него, н еще раз обошла весь парк, держась вдоль ограды, стараясь тщательио ее осмотреть. Колючнй шиповннк н кусты ежевнки пышно разрослись у самой стены, н местамн продираться сквозь этн заросли было нелегко, но Кэт, проявнв упорство, шаг за шагом осмотрела всю стену и убеднлась, что она везде одинаковой высоты н в ней иет ни едниной лазейкн, за нсключеннем небольшой деревяниой калнтки, крепко запертой на замок.

И все же Кэт иабрела на такое местечко, где перед ней блеснул луч надежды. В одиом углу, образованном стеной, стоял заброшенный дощатый сарай, где, должио быть, хранилнсь когда-то садовые прннадлежностн в те днн, когда парк еще содержался в порядке. Сарай не прнмыкал к стене вплотиую — ои иаходнлся от нее в футах восьмн — десятн, а возле сарая стояла пустая бочка, служнвшая, как вндно, для сбора дождевой воды Кэт забралась на бочку, а с бочки ей удалось вскарабкаться на покатую крышу. Добравшнсь до крышн, Кэт оказалась довольно высоко иад землей. Отсюда уже можно было заглянуть за монастырскую стену, по ту сторону которой пролегала проселочиая дорога, а дальше виднелось железиодорожное полотно. Конечио, перепрыгиуть с крышн сарая на стену Кэт ие могла, ио она подумала, что, оклнкнув кого-ннбудь нз прохожнх, сумеет убеднть нх отправнть из Бедсворта пнсьмо нлн прннести ей оттуда клочок бумагн. И прн этой мыслн она снова воспрянула духом.

Гинлые доски были далеко не иадежиой опорой — они скрнпели н гнулнсь под ногамн, ио Кэт была готова на любой рнск, лншь бы увндеть чье-инбудь дружеское лнцо И вот иа дороге появились двое деревеиских ребят — подростки лет по шестиадцати; одни из них что-то насвнстывал, другой жевал сырую репу. Оии иетороплнво брели по дороге, пока ие поравиялись с иаблюдательной вышкой бедияжкн Кэт. Тут одии из мальчишек поднял глаза и увидел бледиое лнцо девушки, выглядывавшее из-за ограды.

— Билл, глянь-ка! — крикнул он своему товарищу.— Провалнться мне, если это не та самая полоумная девка, видишь, куда забралась!

— Ясно она! — уверенно подтвердил второй.— Дай-ка мне твой огрызок, Джимми, я запущу в нее.

— Еще чего! Я сам запущу! — отвечал галантный Джимми и не бросил слов на ветер: огрызок репы тотчас просвистел над самой головой Кэт.

— Ну вот, не попал! — сердито закричал его товарищ.— Давай поищи, нет ли здесь где камня.

Но прежде чем камень был обнаружен, бедная девушка, совсем упав духом, поспешила спуститься вниз.

«Это безнадежно, мне нет спасения,— горестно думала она.— Все ополчились против меня. А мой единственный верный друг далеко». И она вернулась в дом совершенно удрученная и отчаявшаяся.

Перед обедом опекун постучал к ней в дверь.

— Я надеюсь,— сказал он,— что вы прочли воскресные молитвы? Рекомендую не забывать об этом, раз вы не можете посещать храм божий.

— А почему вы лишаете меня возможности пойти в церковь? — спросила Кэт.

— Что посеешь, то пожнешь, моя милая,— сказал он с язвительной насмешкой.— Вы теперь вкушаете горькие плоды своего непослушания. Советую вам раскаяться, пока не поздно!

— Мне не в чем раскаиваться,— сказала Кэт, и глаза ее сверкнули.— Это вам следует раскаяться, потому что вы жестокий и лицемерный человек. И вы ответите за ваши притворно благочестивые слова и нечестивые, злые поступки. Есть над нами тот, кто нас когда-нибудь рассудит и покарает вас за то, что вы нарушили клятву, данную умирающему другу, и были бесчеловечно жестоки с тем, кого вверили вашему попечению.— Щеки Кэт пылали, и слова так гневно и бесстрашно слетали с ее уст, что хладнокровный делец, гроза Сити, вздрогнул и попятился от нее.

— Это покажет будущее,— сказал он.— Я пришел сюда с добрым намерением, а вы проклинаете меня. Я узнал, что в этом доме водятся тараканы и другие насекомые. Брызните одну-две капли из этого пузырька по углам, и они все разбегутся. Но будьте осторожны — это мгновенно, хотя и безболезненно действующий яд. Для человека он смертелен.— И он протянул Кэт склянку с мутной коричневатой жидкостью и большой красной

наклейкой, свидетельствующей о том, что в пузырьке яд. Кэт молча взяла пузырек и поставила на каминную полку. Гердлстон, уходя, бросил на Кэт быстрый, пронзительный взгляд. Перемена, которая произошла в ней за последние дни, удивила его. Лицо ее побледнело, щеки ввалились, и только два лихорадочных пятнышка на скулах выдавали бурлившее в ее душе волнение, да в глазах появился какой-то неестественный блеск. И вместе с тем лицо ее приобрело новое и какое-то странное выражение. Быть может, его вымысел становится правдой, подумалось Гердлстону, и рассудок девушки и в самом деле расстроен? Однако запас ее жизненных сил был значительно больше, чем предполагал Гердлстон. И в тот самый момент, когда он уже приходил к выводу, что дух ее сломлен, в уме ее созревал новый план спасения, для выполнения которого требовалась большая решимость и мужество.

Прошло еще несколько дней. Кэт старалась сблизиться с Ребеккой, но все ее попытки наталкивались на непреодолимую неприязнь, которую девушка испытывала к ней с тех пор, как Эзра почтил Кэт своим непрошеным вниманием. Ребекка прислуживала Кэт, затаив в сердце ненависть и злобу, и глаза ее часто светились торжеством при виде бедственного положения хозяйки.

У Кэт зародилась мысль о том, что сторож Стивенс, вероятно, несет свою службу только днем, а во время беседы с ним ей бросилось в глаза, что за сломанные чугунные ворота нетрудно пробраться, даже если они будут заперты на замок. В крайнем случае через них можно было бы перелезть. Если бы только удалось ускользнуть из дома ночью, думала Кэт; там уж ничто не может помешать ей добраться до Бедсворта, а оттуда доехать до Портсмута, до которого не больше семи миль. В Портсмуте же, без сомнения, найдутся добрые люди — приютят ее у себя на несколько дней и дадут о ней знать ее друзьям.

Парадная дверь дома ежевечерне запиралась, но рядом с дверью в стену был вбит гвоздь, и Кэт полагала, что на этот гвоздь вешают на ночь ключ от дверей. Кроме того, в доме имелся еще выход на задний двор. А в случае, если ни ту, ни другую дверь не удастся открыть, Кэт решила попытаться вылезть в одно из окон

нижнего этажа. Ей казалось, что так или иначе она сумеет выбраться из дому — лишь бы никого не разбудить. Ну, а в крайнем случае, если даже ее поймают, хуже, чем сейчас, ей все равно не будет.

Эзра отбыл в Лондон, и в доме теперь оставалось всего три тюремщика: Гердлстон, Ребекка и старуха Джоррокс. Спальня Гердлстона помещалась на верхнем этаже. Миссис Джоррокс представляла наибольшую опасность, так как ее комната находилась внизу, но старуха была, по счастью, глуховата, и Кэт надеялась, что ей удастся ее не потревожить. Труднее всего было проскользнуть мимо комнаты Ребекки. Однако служанка обычно спала непробудным сном, и поэтому и здесь можно было рассчитывать на успех.

До самого вечера Кэт просидела у окна, стараясь укрепить свой дух перед предстоящим испытанием. Ее замысел требовал решимости и отваги, а бедная девушка была слаба и растеряна. Ее мысли невольно обращались в прошлое: она думала об отце и о матери, которой не знала, но миниатюрный портрет которой был одним из драгоценнейших ее сокровищ, и эти думы помогали ей перенести то, что было всего тягостнее,— ужасное чувство полного одиночества.

Был яркий, солнечный и холодный день. Уже начался прилив, и волны плескались у старых стен аббатства. Воздух был так чист и прозрачен, что Кэт различала очертания домов на восточном берегу острова Уайт. Высунувшись из окна, она увидела, что по правую сторону аббатства море образует довольно большую бухту, которая, вероятно, обычно тоже имела унылый вид илистой трясины, но в часы прилива походила на большое опоясанное камышами озеро. Это был Лейгстонский залив, и Кэт удалось даже разглядеть в глубине его группу строений — лечебный курорт Хейлинг.

Заметила она и другие признаки жизни в этом безлюдье. Большие военные корабли, покинув гавань Спитхед, выходили в Ла-Манш; иные, наоборот, держали курс в гавань. Одни, глубоко сидящие в воде, имели грозный вид: у них были крошечные мачты и массивные орудийные башни, а у других над длинным темным корпусом высокие мачты вздымали широкие белые паруса. Временами проплывала белая пограничная канонерка, похожая

на призрак или на усталую морскую птицу, которая спешит вернуться в родное гнездо. Это было одним из немногих развлечений Кэт — следить за проплывавшими мимо судами и стараться угадать, откуда они плывут и куда.

В тот ставший достопамятным вечер Ребекка отправилась спать раньше обычного. Кэт тоже поднялась к себе в комнату, положила кое-какие драгоценности в карман, чтобы расплачиваться ими вместо денег, и, закончив последние приготовления, прилегла на кровать, вся дрожа при мысли о том, что ей предстояло совершить. Снизу доносился звук шагов — это ее опекун расхаживал по столовой. Затем она услышала, как заскрипел ржавый замок. Гердлстон запер входную дверь и вскоре поднялся по лестнице к себе в комнату. Миссис Джоррокс тоже отправилась спать, и в доме все стихло.

Кэт понимала, что ей нужно переждать час-другой, прежде чем она рискнет привести в исполнение свой план. Она читала где-то, что сон человека обычно бывает особенно глубок в два часа пополуночи, и поэтому решила начать действовать именно в это время. Она надела платье потеплее и обула самые толстые башмаки, обвязав их тряпками, чтобы заглушить шаги. Она старалась принять все предосторожности, какие только в состоянии была придумать, и теперь оставалось только одно — как-то скоротать эти часы, пока не настанет время действовать.

Кэт встала и снова выглянула из окна. Начался отлив, и океан, отхлынув от берега, серебрился вдали под луной. Но уже наползал туман; он двигался стремительно, и было видно, как он набрасывает на все свою пелену. Становилось очень холодно. У Кэт от озноба стучали зубы. Она снова прилегла на постель, закуталась в одеяло с головой и, совершенно измученная усталостью и тревогой, забылась беспокойным сном.

В этом забытьи она пробыла несколько часов.

Очнувшись, она взглянула на часы и увидела, что уже далеко за полночь. Дальше медлить было нельзя. Взяв небольшой узелок с наиболее ценными вещами, она, затаив дыхание, словно пловец перед прыжком вниз головой в воду, проскользнула мимо полуотворенной двери в

комнату Ребекки и стала осторожно, ощупью спускаться с лестницы.

Еще днем она не раз замечала, как скрипят и трещат старые ступени под ногами. А теперь в мертвой ночной тиши этот скрип был так громок, что у Кэт от ужаса сердце уходило в пятки. Раза два она останавливалась, убежденная, что ее сейчас поймают на месте преступления, но вокруг все было тихо. Спустившись с лестницы, она почувствовала некоторое облегчение и начала все так же ощупью пробираться по коридору к выходной двери.

Вся дрожа от холода и страха, она протянула руку и нащупала замок. Ключа не было. Пошарив в темноте, она нашла гвоздь, но и здесь ничего не обнаружила. Ее предусмотрительный тюремщик, по-видимому, унес ключ с собой. Поступил ли он так же и с ключом от черного хода? Кэт хотелось верить, что мог же он где-то допустить недосмотр. И она начала пробираться обратно по коридору, миновала комнату миссис Джоррокс, откуда доносилось мирное похрапывание старухи, и ощупью впотьмах стала красться дальше через все огромное пустынное здание.

Через весь нижний этаж — от входной двери до черного хода — шел длинный коридор с рядом окон в одной из стен. В конце коридора была дверь, и к этой двери направлялась Кэт. Свет луны пробился сквозь пелену тумана, и на полу коридора против каждого окна лежали мерцающие серебристые блики. Все остальное тонуло во мраке, и эти тусклые призрачные полосы света как бы перемежались черными провалами тьмы. Кэт, нащупав рукой стену, ступила в коридор и приостановилась на мгновение, оробев,— эти призрачные лунные пятна, эта таинственная игра мрака и света наполнили ее душу безотчетным страхом. И вот, когда она стояла так, опираясь рукой о стену, ее глаза внезапно расширились от ужаса: ей почудилось, что из мрака кто-то движется навстречу по коридору.

Какая-то темная бесформенная фигура появилась в конце коридора. Эта фигура приближалась; она пересекла полосу света, погрузилась во мрак и снова возникла в полосе света, затем снова растаяла во мраке и снова вышла на свет. Теперь она уже миновала половину

коридора и продолжала приближаться к Кэт. Оцепенев от ужаса, Кэт не в силах была двинуться с места и ждала. Тень приближалась. Вот она снова вышла из мрака и вступила в последнюю полосу света. Она направлялась прямо к Кэт. Боже праведный! Перед Кэт стоял доминиканский монах! В холодном свете луны четко вырисовывалась его изможденная фигура в мрачном одеянии. Крик смертельного ужаса прорезал тишину старой обители, и несчастная девушка, всплеснув руками, упала навзничь без чувств.

ГЛАВА XXXVII

ПОГОНЯ И СХВАТКА

Трудно описать состояние тревоги, в котором Том Димсдейл пребывал в эти дни. Все его усилия узнать, куда скрылись беглецы, были тщетны. Он бесцельно бродил по Лондону, заходил то в одну сыскную контору, то в другую, рассказывал о своей беде, взывал о помощи. Он дал объявление в газетах и приставал с вопросами ко всем, кто, по его мнению, мог сообщить ему хоть какие-нибудь сведения. Никто, однако, ничем не мог ему помочь, никто не мог пролить свет на эту тайну.

В конторе также ничего не было известно о местопребывании главы фирмы. Эзра на все вопросы отвечал одно: врачи прописали его отцу полный покой и велели отдохнуть где-нибудь в сельской местности. Из вечера в вечер Том неотступно следовал за Эзрой по пятам в надежде хоть что-нибудь разузнать, но все было напрасно. В субботу он проследил Эзру до вокзала, но там, как мы знаем, Эзре удалось от него ускользнуть.

Состояние Тома начало вызывать серьезные опасения у его отца. Том почти ничего не ел, и сон его был тревожен. Родители всеми силами старались его успокоить, внушали ему, что следует потерпеть.

— Этот малый, Эзра, знает, куда они скрылись,— кричал Том, яростно шагая из угла в угол, ероша волосы и сжимая кулаки.— Я у него узнаю правду, из глотки вырву!

— Потише, потише, сынок,— пытался утихомирить его доктор.— Силой ты немногого добьешься. Они пока что не сделали ничего противозаконного, и если ты начнешь буянить, то окажешься кругом виноват. Да и Кэт написала бы нам, если бы ей было плохо.

— Да, конечно. Она, верно, забыла нас. Но как она могла, как она могла после всех ее клятв!

— Будем уповать на лучшее, будем уповать на лучшее,— старался ободрить его доктор. Однако надо признаться, что доктор и сам был немало озадачен таким неожиданным оборотом событий. В силу своей профессии ему приходилось сталкиваться с самыми различными людьми, и он научился неплохо разбираться в их характерах. Весь его жизненный опыт и чутье говорили ему, что Кэт Харстон не из тех, чье сердце изменчиво и легковерно. И это было так не похоже на нее — уехать из Лондона и не черкнуть ни строчки друзьям, не сообщить им, куда и почему она уезжает. Если она молчит, к этому должны быть особые причины, и таких причин, думалось доктору, могло быть только две: либо она так больна, что не в состоянии взять пера в руки, либо каким-то образом лишена свободы и возможности дать о себе знать. И второе предположение казалось доктору особенно грозным.

Знай он о состоянии дел торгового дома Гердлстон и о том, как остро нуждается эта фирма в деньгах, чтобы спастись от краха, разгадка тайны мгновенно блеснула бы перед ним. Однако, не имея об этом ни малейшего представления, доктор все же инстинктивно был исполнен глубочайшего недоверия и к отцу и к сыну. Ему было известно, что завещание Джона Харстона содержит пункт, согласно которому наследство может перейти от его дочери к ее опекуну, и чрезвычайно об этом сожалел. Ведь сорок тысяч фунтов стерлингов могли послужить приманкой даже для богатого человека и совратить его с пути истинного.

Настала суббота — третья суббота после исчезновения Гердлстона вместе с его подопечной. Том был исполнен решимости: на сей раз Эзре не удастся ускользнуть от него, он последует за ним, куда бы тот ни направился. До сих пор каждую субботу молодому коммерсанту удавалось скрыться от Тома, и появлялся он только

в понедельник утром. Том понимал, что два дня Эзра проводит где-то в обществе Кэт и своего отца, и мысль эта была мучительной и горькой. Но теперь, решил Том, Эзре не удастся сбить его со следа.

Оба юноши оставались в конторе до двух часов пополудни, после чего Эзра надел шляпу, пальто и застегнулся на все пуговицы, так как погода была прескверная. Том немедленно схватил свою широкополую фетровую шляпу и выбежал следом за Эзрой на Фенчерч-стрит — дверь не успела захлопнуться за одним, как в нее уже ринулся второй. Услыхав за спиной шаги, Эзра оглянулся и, словно цепная собака, злобно оскалил зубы. Оба юноши уже давно отбросили напускную учтивость и всякое притворство, и если их взгляды встречались, в них можно было прочесть только ненависть и вызов.

По улице проезжал кэб, и Эзра, крикнув что-то на ходу вознице, вскочил в экипаж. По счастью, другой кэб только что высадил седока и стоял в ожидании у тротуара. Том бросился к нему.

— Поезжай за тем красным кэбом, не упускай его из виду,— крикнул он.— Делай что хочешь, лишь бы он от тебя не скрылся.

Извозчик, слов даром не тратя, понимающе кивнул и стегнул кнутом лошадь.

И судьбе было угодно, чтобы эта лошадка оказалась то ли помоложе, то ли более быстроногой, чем та, что везла молодого коммерсанта. Красный кэб прогромыхал по Флит-стрит, затем повернул и помчался тем же путем обратно, мимо собора Святого Павла, нырнул в лабиринт переулков и, поплутав по ним, выбрался наконец на набережную Темзы. Однако, несмотря на все старания, ему не удалось освободиться от своего преследователя. Красный кэб покатил по набережной, потом свернул на мост, но ловкий возница Тома не отставал от него. На одной из узких улочек на суррейском берегу красный кэб остановился перед какой-то пивной. Том на своем извозчике подъехал следом и тоже остановился — ярдах в ста,— откуда ему было все хорошо видно. Эзра выскочил из экипажа и вошел в пивную. Том терпеливо караулил —ждал, когда он появится обратно. Все эти действия Эзры совершенно поставили его в тупик.

У него мелькнула даже дикая мысль, что Кэт держат взаперти где-то здесь, в этом убогом домишке, но, поразмыслив немного, он сам понял нелепость такого предположения.

Ждать ему пришлось не очень долго. Через несколько минут мистер Гердлстон-младший появился снова в сопровождении здоровенного детины, обросшего косматой рыжей бородой, оборванного и по всем признакам крепко навеселе. С помощью Эзры детина забрался в кэб, и они покатили дальше. Тревога Тома росла. Кто этот малый и какое он имеет отношение к тому, чем были полны сейчас все мысли Тома?

Словно собака-ищейка, идущая по следу, кэб, в котором ехал Том, ни на мгновение не теряя из виду свою добычу, прокладывал себе путь в потоке экипажей, лившемся по лондонским улицам. Вот оба экипажа свернули на Ватерлоо-роуд и стали приближаться к вокзалу Ватерлоо. Красный кэб еще раз резко повернул и покатил в гору, прямо к главному входу. Том выскочил из кэба, сунул вознице соверен и припустился со всех ног туда же.

Вбежав в здание вокзала, Том сразу увидел Эзру Гердлстона и рыжебородого незнакомца. По случаю субботы количество пригородных поездов было увеличено, и в вокзале толпилась уйма народу. Боясь, как бы Эзра и его спутник не затерялись в толпе, Том, хорошенько поработав локтями, протолкался к ним так близко, что мог бы коснуться их рукой. Они уже подходили к билетной кассе, когда Эзра оглянулся и увидел своего соперника позади себя. Злобно выругавшись, он шепнул что-то на ухо своему полупьяному спутнику. Тот тоже обернулся и со звериным, нечленораздельным криком бросился на Тома и схватил его за горло своими жилистыми руками.

Но одно дело — схватить человека за горло, а другое — удержать его в этом положении, особенно если ваш противник невзначай оказывается неплохим регбистом из международной сборной. Для Тома этот внезапно вцепившийся в него рыжебородый хулиган был ничуть не страшней великанов-форвардов, несчетное количество раз налетавших на него в былые дни на зеленом поле с разных сторон. С легкостью, выдававшей некоторый опыт в такого рода делах, Том обхватил обидчика

своими длинными мускулистыми руками, крепко его сжал, сделал рывок, так что видно было, как напряглась каждая жилка в его гибком теле, и толстые бесформенные ноги рыжебородого описали в воздухе полукруг, и огромная эта туша грохнулась на пол, ловя воздух широко открытым ртом.

Том, разгоряченный этой схваткой, повернулся к Эзре, и серые глаза его блеснули дьявольским огоньком. Все предостережения отца, все увещевания матери были забыты, когда он увидел перед собой своего врага. Но Эзра, отдадим ему должное, не растерялся — он прыгнул навстречу Тому, нацелив на него кулаки. Они были под стать друг другу: оба — на редкость сильные юноши, оба — опытные, хорошо тренированные боксеры. Эзра, пожалуй, был несколько покрепче, но не в такой хорошей форме, как Том. Произошла короткая и весьма решительная схватка — удары и контрудары сыпались с обеих сторон с такой быстротой, что глаз не мог за ними уследить,— но тут в дело вмешались железнодорожные служащие и кое-кто из пассажиров, и противников удалось растащить. У Тома на лбу вздулась здоровенная шишка. Эзра, выплюнув остатки выбитого зуба, утирал обильно текущую из носа кровь. Оба они бешено вырывались, стремясь снова броситься друг на друга, в результате чего их еще дальше растаскивали в разные стороны. Наконец появился дородный полицейский и, схватив Тома за воротник, пригвоздил его к месту.

— Где он? — кричал Том, выворачивая шею, чтобы увидеть своего противника.— Пустите, не то он удерет от меня.

— Это меня не касается,— бесстрастно отвечал блюститель порядка.—Постыдились бы вы,— такой приличный с виду молодой человек. Ну, спокойнее, спокойнее! Стойте смирно, говорю!

Последнее восклицание явилось ответом на чрезмерно энергичную попытку узника обрести свободу.

— Они же удерут! Понимаете, они удерут! — кричал Том в отчаянии, заметив, что Эзра и его спутник — а это был не кто иной, как Бурт, знакомый нам уже по Африке,— скрылись из виду.

Опасения Тома были не напрасны. Когда ему удалось наконец вырваться из крепких рук закона, его

врагов уже и след простыл. Десяток зевак, иаблюдавших драку, указали ему десять различиых иаправлеиий, в которых скрылись враги. Том метался по огромному вокзалу, бросался с одной платформы на другую... Враги ускользиули между пальцев, и Том в отчаяиии готов был рвать иа себе волосы. Примерио через час ои прекратил свои бесцельные поиски и выиужден был признаться, что Эзре удалось провести его в третий раз и что теперь ему предстоит ждать еще иеделю, прежде чем ои получит возможиость сиова сделать попытку проиикиуть в тайну.

Грустиый и унылый Том вышел из вокзала и иехотя побрел по мосту Ватерлоо, раздумывая над тем, что произошло, и проклиная себя за свою глупость — зачем позволил он втянуть себя в эту идиотскую драку, в то время как для того, чтобы достичь своей цели, ему надо было иезаметио следить за Эзрой. Едииствениым утешением служила мысль о том, как крепко заехал ои Эзре в челюсть. Со смешанным чувством удовлетворения и брезгливости Том поглядел на все еще кровоточившие костяшки пальцев. Криво улыбиувшись, ои сунул окровавлеииую руку в кармаи, поднял голову и увидел, что к иему навстречу, с иеобычайио взволноваииым видом, спешит какой-то румяиый господии.

Мы бы погрешили против истины, сказав, что румяный господин шел; однако вместе с тем иельзя и сказать, чтобы ои бежал. Такой способ передвижеиия скорее можио охарактеризовать как ряд последовательных, коротких и довольно иеуклюжих прыжков, производивших впечатление самой крайней спешки, поскольку оии выполиялись весьма корпулентиым господииом довольно почтенного возраста. Лицо у иего блестело от пота, крахмальный воротничок обмяк и утратил всякую форму по той же самой причине. Его румяное и донельзя встревоженное лицо показалось Тому зиакомым. Право же, этот гляицевитый цилиндр, эти щеголеватые гетры и длинный сюртук ие могли принадлежать иикому другому, кроме как Тобиасу Клаттербеку, бравому майору сто девятнадцатого полка Ее Величества.

Приближаясь к Тому, бравый воин прибавил прыти, и когда оии почти столкиулись нос к иосу, уже ие мог вы-

молвить ни слова и, только пыхтя и отдуваясь, протянул юноше измятый конверт.

— Прочтите! — прохрипел он.

Том вынул письмо из конверта, пробежал его глазами и побледнел—почти столь же интенсивно, как покраснел майор. Дочитав письмо до конца, Том повернулся и, не говоря ни слова, бросился бежать в обратном направлении. Майор, еще не успев отдышаться, поспешил за ним.

ГЛАВА XXXVIII

ГЕРДЛСТОН ВЫЗЫВАЕТ ДОКТОРА

Когда Кэт после ужасной встречи в коридоре, помешавшей ее бегству, пришла наконец в чувство, она поняла, что лежит на кровати в своей каморке. В окно лился яркий солнечный свет — время близилось к полудню. Голова у Кэт разламывалась от боли, и она едва нашла в себе силы приподнять ее от подушки. Оглядевшись, Кэт увидела Ребекку. Служанка сидела возле камина на стуле, который она, видимо, принесла из своей комнаты. Услыхав шорох, Ребекка подняла голову и заметила, что Кэт пришла в себя.

— Господи помилуй, ну и напугали же вы нас! — воскликнула служанка.— Мы уж думали, вы не очнетесь. Вы же пролежали так всю ночь, а сейчас скоро двенадцать.

Кэт молчала, стараясь припомнить все, что произошло.

— Ах, Ребекка! — воскликнула она вдруг, задрожав всем телом, когда ужасное воспоминание воскресло перед ней.— Если бы ты знала, что я видела! Это так страшно! Я или сошла с ума, или это было привидение.

— А мы так думали, что это вы — привидение,— с упреком сказала служанка.— Как вы закричали—просто ужас! А потом мы смотрим: вы лежите, вся белая, в коридоре на полу. Прямо поседеть можно со страху. Это мистер Гердлстон поднял вас и принес сюда. И до чего же он расстроился, бедный старик, когда понял, что вы задумали — удрать от него хотели.

— Я здесь умру, умру! — со слезамн вскричала Кэт.— Я умру в этом чудовищиом доме! Не могу я тут больше оставаться. Что мие делать, Ребекка? Ах, Ребекка, Ребекка, что мне делать?

Розовощекая служаика подошла к Кэт и присела на край постели. На смазливом ее личике играла притворная улыбка.

— Что же это такое с вами случилось? — спроснла оиа.— Что вы там увидели?

— Я видела... Ах, Ребекка, это даже вымолвить страшио. Я видела этого иесчастного моиаха, которого заточили в погребе. Я не выдумываю. Я видела его так же, как вижу сейчас тебя. Он был высокий, худой, в длииом балахоие с коричиевым капюшоиом, надвииутым иа лицо.

— Господн, спаси нас н помилуй! — воскликиула Ребекка, боязливо огляиувшись.— Вот страсти-то! Меия прямо в дрожь бросило.

— Я молю бога, чтобы иикогда мне этого больше не увидеть. Ах, Ребекка, если у тебя есть сердце, помоги мие выбраться отсюда. Оин задумали уморить меия здесь. Я прочла это в глазах моего опекуна. Он жаждет моей смерти. Ну, скажи, скажн, как мне лучше поступить?

— Дивлюсь я на вас,— высокомерно отвечала служанка.— Мистер Гердлстои и мистер Эзра так к вам добры, привезли вас сюда отдохиуть на вольном воздухе. Чем, спрашивается, не жизнь? А вы что вытворяете? Бегаете да визжите по ночам, а потом еще жалуетесь, что кто-то вас тут убить собирается среди бела дия. Право, чудно! Слышите: мистер Гердлстон меня кличет. Узнал бы он, бедияжка, что вы тут иа него плетете, так своим ушам не поверил бы.— И Ребекка, излив свой праведный гиев, направилась к двери, но чериые глаза ее блеснули мстительио и жестоко.

Оставшись одиа, Кэт встала с постели и кое-как оделась, преодолевая слабость. Она вздрагивала при малейшем шуме: так взвиичеиы были у нее нервы—и, взглянув в зеркало, с трудом узиала свое исхудалое, бледное лицо. Едва успела оиа одеться, как к ией в комиату вошел опекуи.

— Вы, я вижу, оправились? — сказал он.

— Я совсем больиа,— тихо отвечала Кэт.

— Ннчего иет удивительиого после таких безумных выходок. Что это вам вздумалось бегать по коридорам среди иочи? Ребекка сказала мие, будто вы виделн какой-то призрак. Почему вы плачете? Вы что, очень иесчастны?

— Очеиь, очеиь иесчастна,— пробормотала Кэт, закрыв лнцо руками.

— Ах, только в жнзни вечной можем мы обрести душевиый покой н радость,— вкрадчнво произиес Гердлстои. Голос его прозвучал так мягко, что какой-то проблеск иадежды забрезжил перед Кэт, и иа душе у иее потеплело. Ей показалось, что вид ее страданий смягчил камеииое сердце этого человека.

— Покой обретем мы за могнлой,— все так же мягко и вкрадчнво продолжал Гердлстон.— Порой мие кажется, что если бы ие возложенный иа меня долг, ие обязаииости мои перед людьмн, чья судьба от меия зависит, быть может, н я поддался бы соблазиу прервать свое бреиное существоваиие н приблизить вечиый покой. Найдутся педаиты, которые скажут, что самовольно обрывать нить жизин — грех. Я инкогда ие разделял этого взгляда, а вместе с тем мои иравствеииые устои весьма тверды. Я полагаю, что из всего, чем иам даио обладать иа этой земле, жизнь наша — это то, что наиболее полно и безраздельно прииадлежит нам, и посему нмеиио ею мы прежде всего вольны распоряжаться по собствеииому усмотреиию и обрывать ее по своему желаиию.— Взяв с камина иебольшую склянку, ои задумчнво повертел ее в руке.— Как страино,— продолжал ои,— как страино, что этот маленькнй пузырек тант в себе избавленне от всех несчастнй и бед нашей земной юдоли! Однн глоток — и душа, освободнвшнсь от своей бренной оболочки, как от неиужной ветошн, воспарнт ввысь, прекрасная и свободиая. И все тревоги останутся позадн. Один глоток... Ах, дайте сюда! Стойте! Что вы делаете?

Но Кэт, выхватив у него пузырек, уже швыриула его нзо всех своих слабых сил о стену. Стекло разлетелось вдребезгн, н едкнй запах скнпндара распространнлся по комнате. Кэт была так слаба, что это резкое двнжение заставнло ее пошатнуться, н, не устояв иа ногах, оиа опустилась иа край постели. Опекун впился в иее мрачным, нсполнеиным угрозы взглядом, а его длнниые

костлявые пальцы судорожно сжимались и разжимались, словно норовя сомкнуться вокруг ее горла.

— Я не стану вам в этом помогать,— чуть слышно, но твердо промолвила Кэт.— Вы хотите убить не только тело мое, но и душу.

Гердлстон больше не притворялся, он сбросил маску. Теперь это было лицо хищного волка, с беспощадной ненавистью пожирающего глазами свою жертву.

— Идиотка! — прошипел он.

— Я смерти не боюсь,— сказала Кэт и смело взглянула ему прямо в глаза.

Гердлстон, сделав над собой усилие, взял себя в руки.

— У меня больше нет сомнений,— сказал он спокойно,— что ваш рассудок расстроен. Какая смерть? Что за чушь плетет ваш язык? Вам решительно ничто не угрожает, кроме собственного безумия.— И, резко повернувшись, он твердым, стремительным шагом вышел из комнаты, словно приняв внезапно какое-то бесповоротное решение.

Суровое, мрачное лицо его, казалось, окаменело. Поднявшись к себе в спальню, он порылся в ящике письменного стола и достал телеграфный бланк. Написав на нем несколько слов, он спустился вниз, надел шляпу и тотчас направился на почту в Бедсворт.

У ворот на своем складном стуле, как всегда, угрюмый, восседал страж.

— Она совсем плоха, Стивенс,— сказал Гердлстон, остановившись возле него и кивая в сторону дома.— С каждым днем все хуже и хуже. Боюсь, что долго не протянет. Если тебя кто-нибудь спросит про нее, скажи, что состояние ее безнадежно. А я иду на почту послать телеграмму в Лондон, хочу вызвать к ней хорошего врача, может быть, он что-нибудь посоветует.

Стивенс почтительно приподнял засаленную шляпу.

— Она как-то раз и сюда заявилась,— сказал он.— И бог знает, как безобразничала здесь. «Пропусти меня,— говорит.— Я дам тебе десять золотых гиней». Так и сказала. «Только даже за тысячу золотых гиней не позволит себе Уильям Стивенс, эсквайр, сделать то, что не положено»,— сказал я ей.

— Похвально, очень похвально, друг мой,— одобрительно произнес Гердлстон.— Каждый человек, на ка-

ком бы посту он ни находился, должен честно выполнить свои обязанности, и в зависимости от того, как он их выполнит — хорошо или дурно,— он и будет вознагражден. Я позабочусь о том, чтобы твоя преданность не осталась без награды.

— Спасибо, хозяин.

— У нее сейчас буйное состояние и бред. Несмотря на слабость, она не сидит на месте и может сделать попытку убежать, так что смотри в оба. Ну, прощай.

— Доброго вам здоровья, сэр.

Уильям Стивенс, стоя в воротах, задумчиво поглядел вслед Гердлстону, затем уселся на свой складной стул, раскурил трубку и принялся размышлять.

«Чудно,— бормотал он, почесывая затылок.— Ей-богу, чудно, ничего я что-то не пойму. Хозяин говорит: она совсем плоха — и тут же говорит: смотри, как бы она не убежала. Много я их насмотрелся таких, что там помирали, а вот чтобы так — то помирали, то воскресали,— этого видеть не доводилось. Уж кто сам по себе умирает, так тот и умирает. Да, что-то чудно. Пошел теперь посылать доктору телеграмму в Лондон, а ведь, кажись, доктор Корбет в два счета прискакал бы из Клакстона или доктор Хеттон — из Бедсворта, позови их только. Вот и пойми, чего ему надо. Эй, глядите-ка, никак и сама умирающая сюда пожаловала! — воскликнул он и от удивления даже забыл про свою трубку.— Легка на помине, пропади я пропадом!»

И это в самом деле была Кэт. Заметив, что опекун ушел, она выскользнула из дома в смутной надежде предпринять что-нибудь, чтобы обрести свободу. Отчаяние придало ей храбрости, и она направилась по аллее прямо туда, где, как ей казалось, имелась единственная возможность выбраться на волю.

— Доброе утро, барышня,— приветствовал ее Стивенс.— Вид у вас и правда неважный сегодня, ну, да и не такой уж плохой, как ваш опекун тут расписывал. Вы, сдается мне, еще довольно крепко держитесь на ногах.

— Я совершенно здорова,— серьезно отвечала Кэт.— Уверяю вас. И рассудок у меня в полном порядке. Я не больше сумасшедшая, чем вы.

— Ясно! Они все так говорят,— хмыкнул бывший больничный служитель.

— Но я в самом деле здорова. И не могу больше оставаться в этом доме. Не могу, мистер Стивенс, не могу! Тут по ночам бродят привидения, а мой опекун задумал меня убить. И он убьет меня. Я вижу это по его глазам. Он уже пытался — сегодня утром. Но умереть так — не простившись с близкими... И никто даже не узнает, что тут произошло... Разве это не ужасно?

— Ужасно, черт возьми, ужасно! — воскликнул одноглазый страж.— Еще бы не ужасно! Так он задумал убить вас, говорите вы? Зачем же это ему понадобилось?

— Я не знаю! Он ненавидит меня почему-то. Я никогда не перечила ему, только раз не послушалась и никогда в этом не послушаюсь, потому что так распоряжаться моей судьбой он не имеет права.

— Что верно, то верно! — сказал Стивенс, подмигивая своим единственным глазом.— Я тоже так считаю, провалиться мне! «Твоя, дружок, твоя навеки», как поется в песенке.

— Почему вы не хотите выпустить меня отсюда? — умоляюще промолвила Кэт.— Может быть, у вас есть дочь. Что бы вы сделали, если бы с ней стали обращаться так, как здесь обращаются со мной? Будь у меня деньги, я бы отдала их вам, но у меня нет при себе. Прошу вас, прошу, позвольте мне пройти! Господь вознаградит вас за это. Быть может, в ваш смертный час это доброе дело перевесит все злые поступки, которые вы совершили.

— Нет, вы послушайте только — как складно говорит! — сказал Стивенс, доверительно адресуясь к ближайшему дереву.— Прямо как по книге.

— Да и при жизни вы тоже будете вознаграждены,— горячо продолжала девушка.— Вот смотрите: у меня есть часы с цепочкой. Я отдам вам их, если вы пропустите меня за ворота.

— Ну-ка дайте поглядеть!— Стивенс открыл крышечку и принялся скептически рассматривать часики.— Восемнадцать камней, подумаешь, это же всего-навсего женевское изделие! Разве в Женеве могут изготовить что-нибудь стоящее!

— Вы получите еще пятьдесят фунтов, как только я доберусь до моих друзей. Пропустите же меня, дорогой мистер Стивенс! Мой опекун может вернуться домой каждую минуту.

— Вот что, барышня,— торжественно изрек Стивенс,— служба есть служба. Если б даже каждый ваш волосок был унизан жемчужинами и вы бы сказали: «Остриги меня, Стивенс»,— я бы и тогда не пропустил вас за ворота. Ну, а вот ежели вы хотите написать своим друзьям, я могу опустить ваше письмецо в Бедсворте в обмен на часики, хоть это всего-навсего женевское изделие.

— Вы хороший, добрый человек! — взволнованно воскликнула Кэт.— Карандаш у меня есть, но где взять бумагу? — Она торопливо поглядела по сторонам и увидела какой-то крошечный обрывок, валявшийся под кустом. С радостным возгласом она схватила этот грязный клочок грубой, оберточной бумаги и кое-как нацарапала на нем несколько слов, описав свое положение и моля о помощи.— Адрес я напишу на обороте,— сказала она.— А вы в Бедсворте на почте купите конверт и попросите кого-нибудь переписать адрес.

— Я подрядился опустить ваше письмо за эту женевскую штуковину,— сказал Стивенс.— Насчет конвертов и адресов уговору не было. Славный это у вас карандашик в чехольчике. Можем договориться, ежели вы добавите и его.

Кэт молча протянула ему карандаш. Луч света пробился наконец сквозь окружающий ее беспросветный мрак. Стивенс опустил часы и карандаш в карман и взял у Кэт крошечный клочок бумаги, от которого зависело так много. Протягивая ему бумажку, Кэт увидела, что по проселочной дороге катит кабриолет, запряженный пони. Цветущая дама средних лет правила лошадкой, а возле нее сидел мальчик-слуга. Холеная гнедая лошадка уверенно и неторопливо трусила по дороге, всем своим видом показывая, что она здесь — главное действующее лицо, и весь этот маленький выезд, казалось, дышал довольством и благополучием. При виде этих, хотя и чужих, но не враждебно настроенных людей бедняжка Кэт, истосковавшаяся в своем одиночестве, почувствовала, как у нее отлегло от сердца — таким теплом и уютом

повеяло на ее истерзанную суевериями страхами душу от этой простой житейской картины.

— Едет кто-то! — воскликнул Стивенс.— Убирайся отсюда живее! Опекун не велел подпускать тебя к воротам.

— О, прошу вас, разрешите мне сказать несколько слов этой даме!

Стивенс угрожающе поднял дубинку.

— Убирайся! — злобно прохрипел он и, замахнувшись дубинкой, двинулся к Кэт. Кэт отшатнулась, и в это мгновение ее поразила неожиданная мысль. Собрав все силы, она бросилась что есть духу через парк. И как только она скрылась из глаз, Стивенс тщательно и неторопливо разорвал доверенный ему листок бумаги на мелкие клочки и развеял их по ветру.

ГЛАВА XXXIX

ПРОБЛЕСК НАДЕЖДЫ

Кэт Харстон, не помня себя, бежала через парк, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь колючие кусты шиповника и ежевики, не замечая царапин, не ощущая боли, готовая смести все преграды на своем пути к освобождению. Быстро отыскав сарай, она, как и в прошлый раз, с помощью бочки взобралась на него. Встав на цыпочки, она окинула взглядом длинный пыльный проселок, пожухшие живые изгороди вдоль него и унылую железнодорожную насыпь по ту сторону проселка. Кабриолета нигде не было видно.

Впрочем, Кэт и не ждала, что он появится так быстро,— ведь она бежала наперерез, через парк, а экипаж должен был его обогнуть. Проселочная дорога, по которой ехал кабриолет, пересекалась с другим проселком под прямым углом, и этот второй проселок был ей отсюда хорошо виден. Кабриолет мог свернуть на этот проселок или проехать прямо. Если он не свернет, Кэт не сможет привлечь к себе внимание дамы. Кэт не сводила глаз с пересечения дорог, и ей казалось, что сердце у нее перестает биться.

Но вот она услышала скрип колес, и гнедая лошадка выбежала из-за угла. Кабриолет подкатил к перекрестку, и дама, словно в нерешительности, придержала лошадку, видимо, не зная, какой путь ей следует избрать. Затем она шевельнула вожжами, и лошадка затрусила прямо. Крик отчаяния вырвался из груди Кэт, когда она увидела, как разлетается в прах ее последняя надежда.

По счастью, мальчик-слуга, сидевший в экипаже, отличался завидной остротой слуха, нередкой, впрочем, в его возрасте. Он услышал возглас Кэт, обернулся и в просвете живой изгороди увидел над монастырской стеной женское лицо, которое смотрело вслед их экипажу. Он обратил на это внимание своей хозяйки.

— Может, повернем обратно, мэм? — спросил он.

— А может, все-таки не стоит, Джон,— сказала миловидная дама.— Каждый волен смотреть из-за своей садовой ограды, куда ему вздумается. Это еще не дает нам повода совать свой нос в чужие дела, не так ли?

— Так, мэм, но она же что-то кричала нам.

— Разве, Джон? Разве она нам кричала? Может быть, это частное владение, и мы не имеем права проезжать по этой дороге?

— Нет, она вроде как звала на помощь, словно на нее напал кто-то,— убежденно сказал Джон.

— Тогда поехали обратно,— решила дама и повернула кабриолет.

Кэт с упавшим сердцем уже начала спускаться со своего наблюдательного поста и вдруг застыла на месте, словно пронзенная электрическим током: она увидела, что гнедая лошадка появилась снова из-за поворота дороги и несется обратно вскачь с резвостью, совершенно необычной для этого четвероногого. От волнения девушка так побледнела, и вместе с тем лицо ее засветилось такой радостью, что подъехавшая в кабриолете дама больше не сомневалась: какие-то крайне немаловажные обстоятельства заставили эту девушку позвать на помощь.

— Что случилось, моя дорогая? — крикнула дама, натягивая вожжи, когда экипаж поравнялся с Кэт. Обращенное к ней с мольбой прелестное лицо мгновенно тронуло ее доброе сердце.

— Ах, сударыня,— понизив голос, быстро проговорила Кэт,— я с вами незнакома, но уверена, что это господь бог послал вас сегодня сюда. Меня держат взаперти за этой оградой и убьют, если никто не придет мне на помощь.

— Вас убьют? — воскликнула дама, откинувшись на сиденье и всплеснув от удивления руками.

— Поверьте, это так,— сказала Кэт, стараясь говорить как можно яснее и короче, чтобы ее слова звучали убедительнее, но чувствуя в то же время, что к горлу у нее подкатывает комок и она того и гляди разрыдается.— Мой опекун держит меня здесь взаперти уже несколько недель, и я твердо знаю, что живую он меня отсюда не выпустит. О, молю вас, молю, не думайте, что я в не в своем уме! Я совершенно здорова, хотя, видит бог, после всего, что я здесь испытала, легко можно лишиться рассудка.

Выражение недоверия и сомнения, отразившееся на лице дамы, заставило Кэт поспешить с этим заявлением. И ее слова достигли своей цели. Они звучали так правдиво и такая тревога и страх были написаны на ее лице, что это не могло не рассеять сомнений незнакомки. Она подъехала еще ближе к ограде, следя, однако, за тем, чтобы лицо Кэт не скрылось из виду.

— Моя дорогая,— сказала она,— вы можете полностью мне довериться. Все, что только в моих силах сделать, будет для вас сделано, а там, где окажусь бессильной я, мне на помощь придут мои друзья. Меня зовут Лавиния, миссис Лавиния Скэлли, я из Лондона. Не плачьте, дитя мое! Расскажите мне все по порядку, и мы подумаем вместе, что нам следует предпринять.

Ободренная этими словами, Кэт утерла слезы, заструившиеся по ее щекам, когда она уловила в голосе незнакомки столь непривычную теперь для нее нотку участия. Ухватившись за толстый сук дерева, простертый над крышей сарая, она наклонилась к ограде и коротко поведала обо всем, что с ней произошло, стараясь все же ничего не упустить. Она рассказала о том, как опекун хотел во что бы то ни стало выдать ее замуж за своего сына, как она ответила решительным отказом и как после этого он внезапно увез ее из Лондона; описала

свою жизнь в этом аббатстве и меры, которые были приняты, чтобы отрезать ее от всего мира, и, наконец, постаралась объяснить, почему пришла она к заключению, что ее жизни угрожает опасность. Закончила она свое повествование описанием утренней сцены, когда опекун пытался склонить ее к самоубийству. Лишь об одном умолчала Кэт — о том, что произошло накануне ночью: она боялась утратить доверие миссис Скэлли, подвергнув его столь суровому испытанию. Да она и себя уже почти сумела убедить в том, что этот ночной призрак — плод ее расстроенного воображения, и всему причиной ее болезненное состояние.

Закончив историю своих злоключений, она стала молить ниспосланную ей судьбой спасительницу сообщить ее друзьям в Лондоне, где она сейчас находится и какая ее постигла участь.

Миссис Скэлли внимательно слушала Кэт, и на лице ее попеременно отражалось то живейшее участие, то самое жгучее негодование. Когда Кэт умолкла, она несколько минут тоже сидела молча, погруженная в раздумье, а затем внезапно, подняв хлыст, с такой силой рассекла им воздух и такой гнев исказил при этом ее миловидные черты, что Кэт с испугом подумала, не мог ли ее рассказ чем-нибудь оскорбить эту даму. Но тут миссис Скэлли взглянула на Кэт и так ласково улыбнулась ей, что девушка поняла: она обрела наконец искреннего и готового прийти ей на помощь друга.

— Надо действовать, не теряя времени,— сказала миссис Скэлли.— Мы ведь не знаем, что у них на уме и какой они выработали план. Кто эти ваши друзья, о которых вы упомянули?

— Доктор Димсдейл. Его адрес: Филлимор-Гарденс, Кенсингтон.

— А молодой Димсдейл — это не его ли сын?

— Да,— промолвила Кэт, и щеки ее слегка порозовели.

— Так, так! — лукаво улыбнувшись, воскликнула эта славная женщина.— Теперь мне все понятно. Ну, разумеется, чему ж тут удивляться. Помнится, я что-то слышала об этом молодом человеке. И об этих Гердлстонах слыхала тоже. Это коммерсанты из Сити, их фирма ведет

торговлю с Африкой. Видите, мне уже все про вас известно.

— Вы знаете Тома? — изумленно спросила Кэт.

— Пожалуй, нам сейчас лучше не заниматься Томом,— добродушно заметила миссис Скэлли.— Когда женщины пускаются в разговор такого рода, тогда прости-прощай все самые срочные дела. А я сейчас хочу думать только о делах. Прежде всего я немедленно возвращаюсь в Бедсворт и посылаю весточку в Лондон.

— Благослови вас бог! — воскликнула Кэт.

— Не на Филлимор-Гарденс. В подобных обстоятельствах молодые, горячие головы способны натворить безрассудных дел. А тут нужно действовать крайне осторожно. Я знаю в Лондоне одного господина — это именно тот человек, какой нам нужен, и он почтет за честь прийти на выручку даме, которой угрожает опасность. Господин этот — офицер в отставке, его зовут майор Клаттербек, майор Тобиас Клаттербек.

— О, я же его хорошо знаю, н о вас я слышала тоже,— улыбаясь, сказала Кэт.— Теперь, когда вы упомянули о нем, я вспомнила, где мне доводилось слышать ваше имя.

На этот раз пришлось покраснеть и миссис Скэлли.

— Ну, это не имеет значения,— сказала она.— Во всяком случае, я могу положиться на майора и знаю, что по первому моему слову он будет здесь. Я все ему опишу, а он уже сам, если найдет нужным, сообщит Димсдейлам. До свиданья, моя дорогая, и, пожалуйста, больше не унывайте. Помните, что у вас есть друзья, которые очень скоро все уладят. До встречи! — И, весело помахав Кэт на прощание рукой, добрая вдова подобрала вожжи, пробудив от сладкой дремы свою лошадку, и кабриолет покатил обратно в ту сторону, откуда прибыл.

ГЛАВА XL

МАЙОР ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО

В четыре часа дня мистер Гердлстон появился на телеграфе в Бедсворте и отправил следующую короткую депешу: «Состояние безнадежно, привези завтра док-

тора». Он знал, что, получив это извещение, его сын, как было условлено, тотчас прибудет на место вместе с тем головорезом, о котором шла речь во время их последнего свидания. И тогда вверенная его попечению девушка должна будет умереть — другого выхода не было. Медлить дальше Гердлстон не считал возможным. Крах фирмы мог произойти раньше, чем они завладеют деньгами, и тогда на их долю достались бы только бесплодные сожаления.

Гердлстону казалось, что он почти ничем не рискует. Кэт была лишена всяких средств общения с внешним миром, что же касается тех, кто ее окружал, то миссис Джоррокс на старости выжила из ума, Ребекка Тейлфорс зарекомендовала себя человеком глубоко преданным и надежным, а Стивенсу ничего не было известно. По всей округе уже был распущен слух о том, что в старом аббатстве находится тяжелобольная девушка. Известие о ее кончине не должно было никого удивить. Гердлстон не мог пригласить к ней кого-либо из местных эскулапов, но его изобретательный ум преодолел и это затруднение и нашел средство обвести вокруг пальца как докторов, так и судебную экспертизу. Если ему удастся осуществить свой план, думал Гердлстон, концы будут надежно спрятаны в воду, и никто не сможет его изобличить. Будь он беден, полученное им после покойной наследство могло бы возбудить подозрение, но Гердлстон правильно рассудил, что при его репутации такие соображения едва ли кому-нибудь придут в голову.

Отправив телеграмму и тем самым сделав решающий шаг, Джон Гердлстон вздохнул свободно. Он гордился своей решимостью и энергией. С видом величественным и задумчивым шагал он по улицам поселка, а сердце его ликовало, когда он вспоминал различные перипетии долгой, упорной борьбы с злополучной своей судьбой. Он перебирал в памяти все спекуляции, все займы, все уловки и хитрости, к которым приходилось прибегать фирме, чтобы уцелеть. Однако, невзирая на все опасности и трудности, торговый дом Гердлстон все так же горделиво плыл по волнам, и глава фирмы верил, что выйдет победителем из этой схватки с коварной стихией. С угрюмым торжеством Гердлстон подумал о том, что

едва ли найдется в Сити хоть один еще коммерсант, который сумел бы на протяжении целого года проявлять такую выдержку, упорство и решимость.

«Опиши это кто-нибудь в романе,— думал он,— никто бы, вероятно, не поверил. Да и я разве мог бы это совершить своими слабыми силами, не будь мне поддержки свыше».

Этот человек даже не почувствовал, сколь кощунственны были его мысли. Он так же глубоко верил в свою правоту, как те религиозные фанатики, которые на протяжении всей истории человечества разрушали, грабили, жгли, творили самые греховные дела во имя бога всемогущего и всемилостивейшего и во славу его.

На обратном пути ему повстречался запряженный пони кабриолет, стремительно катившийся в сторону Бедсворта. Лошадкой правила миловидная дама средних лет; рядом с дамой сидел мальчик-слуга. Дорога здесь была неширока, а пешеходная тропа и вовсе отсутствовала, и когда кабриолет подкатил ближе, Гердлстону невольно бросилось в глаза хмурое и негодующее выражение лица дамы, чрезвычайно не вязавшееся со всем ее обликом. Меж бровями у нее залегла суровая складка, а на губах играла довольно-таки угрюмая улыбка. Гердлстон отступил в сторону, пропуская экипаж, но дама, резко дернув правую вожжу, так круто повернула кабриолет, что его колеса едва не отдавили Гердлстону пальцы на ногах. В испуге он отскочил назад и прижался к живой изгороди, а, поглядев на свои светло-серые брюки, увидел, что они забрызганы грязью. Но больше всего расстроило и озадачило его то, как весело, от всей души, расхохотались миловидная дама и мальчик-слуга, когда они покатили в своем кабриолете дальше. И, шагая по дороге, коммерсант не мог надивиться душевной черствости и злобе человеческой натуры, столь глубоко погрязшей в грехе. А добрая миссис Скэлли и не подозревала о том, насколько безотлагательным было дело, за которое она взялась. Если бы она могла видеть только что отправленную Гердлстоном телеграмму, быть может, ей удалось бы прочесть в ней что-то между строк, и тогда, действуя более быстро и решительно, она могла бы помешать совершиться ужасному преступлению. Но сия достойная особа при всей

симпатии, которую пробудила в ней Кэт, отнеслась к ее рассказу с некоторым недоверием. Ей показалось совершенно невероятным и невозможным, чтобы в девятнадцатом столетии, в христианской Англии могло произойти нечто подобное — сознательное, тщательно подготовленное убийство. Теоретически мы все допускаем, что такие вещи все еще случаются на белом свете, но поверить, что они могут произойти с кем-либо из нас или почти на наших глазах, нам крайне трудно. И миссис Скэлли не придала особого значения опасениям Кэт за свою жизнь, решив, что у девушки просто разыгралось воображение. Однако вместе с тем она сочла совершенно возмутительным и чудовищным, что молодую девушку держат взаперти, лишив ее всякой связи с внешним миром, да еще в таком мрачном и уединенном месте, как это старое аббатство. Именно это соображение — ни о чем более страшном добрая миссис Скэлли и не помышляла — исказило таким негодованием ее миловидные черты и заставило ее обратиться к друзьям Кэт с целью обуздать жестокосердного опекуна.

Сначала миссис Скэлли решила было отправить в Лондон телеграмму, но, приехав в Бедсворт, после некоторого размышления пришла к выводу, что в телеграмме будет крайне трудно объяснить все. А если сейчас отправить майору письмо, подумала она, он получит его в субботу с утренней почтой. Освобождение Кэт задержится из-за этого всего на несколько часов, что не может иметь особого значения для девушки. Она напишет майору, объяснит ему все обстоятельства дела и предоставит ему решить самому, как лучше действовать.

Миссис Лавинию Скэлли хорошо знали на почте в Бедсворте и тотчас снабдили бумагой и чернилами. И через пятнадцать минут было написано, положено в конверт, запечатано и отправлено в Лондон следующее послание:

«Мой милый Тоби,

Боюсь, что эти дни искуса кажутся вам слишком тягостными. Что поделывает сейчас мой бедный мальчик? Ни сыграть партию в бильярд, ни сразиться в картишки, ни побиться об заклад... как же ухитряется он коротать свои дни? Курит, надо полагать, погляды-

вает в окно и изливается в жалобах мистеру фон Баумсеру. Вы еще не раскаялись в том, что свели коекакие знакомства на втором этаже пансиона Моррисон? Ах, бедный Тоби!

Как вы думаете, кого я здесь повстречала? Можете себе представить — мисс Харстон, подопечную Джона Гердлстона. Я помню, как вы рассказывали мне про нее, и знаю, что вы являетесь большим ее поклонником. Вы были бы поражены, увидав ее,— так она поблекла и исхудала. Впрочем, она и сейчас еще очень мила и красива, и я никак не скажу, чтобы у вас был дурной вкус... Да и как бы я могла это сказать после того, как вы почтили своим вниманием меня?

Опекун привез ее сюда и запер в огромном мрачном здании, именуемом аббатством. Ей здесь даже поговорить не с кем, а письма писать запрещено. Она очень расстроена тем, что никому из ее друзей не известно, где она находится, и боится, как бы они не подумали, что она скрылась от них по доброй воле. Под своими друзьями она, конечно, в первую очередь подразумевает некоего курчавого молодого человека по фамилии Димсдейл, о котором вы мне тоже говорили. Бедная девушка очень подавлена. Она разговаривала со мной через ограду парка и сказала, что боится своего опекуна,— по ее мнению, он задумал лишить ее жизни. В это я не совсем верю, но то, что ей там очень плохо, не подлежит сомнению, и она действительно может лишиться рассудка, если ее будут держать там взаперти. Мы должны во что бы то ни стало вызволить ее оттуда. Думаю, однако, что опекун действует на основании имеющихся у него полномочий и прибегать к помощи полиции бесполезно. Подумайте сами, как тут следует поступить и, если найдете нужным, оповестите обо всем молодого Димсдейла. Он, без сомнения, захочет приехать сюда, чтобы встретиться с Кэт, и если мой Тоби приедет вместе с ним, я не очень буду огорчена.

Сначала я думала послать вам телеграмму, но разве в телеграмме все объяснишь! Поверьте мне, что состояние бедной девушки просто ужасно, и нам нужно действовать решительно. Было просто невыносимо слушать, с каким жаром утверждала она, что опекун намерен ее убить, хотя объяснить, зачем может ему понадобиться

совершить такое страшное злодейство, она даже не пыталась. Возле ворот я видела какое-то одноглазое страшилище, которое, по-видимому, сторожит вход, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Возвращаясь в Бедсворт, мы повстречали самого мистера Гердлстона, и ваша покорная слуга оказалась такой неуклюжей возницей, что забрызгала его, бедняжку, грязью с головы до пят. Какая непростительная и прискорбная неосторожность! Почему-то мне показалось, что Тоби сейчас улыбнулся.

Прощайте, мой дорогой мальчик. Будьте паинькой. Я знаю, что вы немного отвыкли от этого, но упорство творит чудеса. Навеки ваша Лавиния Скэлли».

В то утро, когда это послание прибыло на Кеннедиплейс, фон Баумсер оставался дома. Майор, только что завершив свой туалет, расхаживал из угла в угол с папиросой в зубах и «Юнайтед сервис газетт» в руках и, по обычаю всех воинов в отставке, весьма красноречиво распространялся о том, что в главном штабе, как всегда, свои любимчики и что армия идет бог знает куда.

— Вы поглядите-ка на этого Кармайкеля! — возбужденно воскликнул он, комкая газету и стуча по ней кулаком.— Его уже произвели в генерал-лейтенанты! А это же набитый болван, самый тупой дурак во всем полку! Он даже не был никогда на действительной службе, никогда не нюхал пороху! Получил повышение за какую-то вымышленную битву! Командовал, видите ли, оборонительными частями, расположенными вдоль Темзы и выставленными против армии, наступавшей со стороны Гилдфорда. Слышали ли вы когда-нибудь такую несусветную чепуху? А Стейрс, а Найк, а Ундервуд, а еще десятки других, которые добровольно принимали участие во всех боях, начиная с сикхской кампании в сорок шестом году,— про них забыли, сэр, забыли! Нет, я вам говорю, английская армия летит к чертям.

— Это очень опасная перспектива для чертей,— отозвался фон Баумсер, наливая себе чашку кофе.

Майор продолжал сердито шагать из угла в угол.

— Вот почему мы никогда не могли по-настоящему побить наших европейских противников,— снова взор-

вался он.— Все наши победы — это всегда ни то ни се и не приводят ни к чему. А ведь от природы мы все солдаты что надо, и каждый англичанин умеет сражаться, как лев, и наша армия могла бы стать лучшей в мире.

— После, разумеется, армии его величества императора Вильгельма,— произнес фон Баумсер с набитым ртом.— А вот девочка с письмом идет. Может, даст бог, это мои денежки из Франкфурта.

— Ставлю два против одного, что это мне письмо.

— Э, нет, вы не должны биться об заклад! — воскликнул фон Баумсер, торжественно подняв вверх указательный палец.— Но, между прочим, вы правы. Письмо действительно вам, и, кажется, оттуда, откуда следует.

Это было то самое письмо, с содержанием которого мы уже успели познакомиться. Майор распечатал конверт, внимательно прочел письмо, после чего тут же прочел его еще раз. Фон Баумсер, наблюдавший за ним, заметил, что румяное лицо майора приняло чрезвычайно озабоченное выражение.

— Надеюсь, с моим добрым другом мадам Скэлли ничего дурного не приключилось? — спросил немец.

— Нет, у нее все в порядке. А вот кое с кем другим...— И майор прочел своему другу вслух ту часть письма, которая относилась к судьбе Кэт Харстон.

— Это дело не шуточное совсем,— заметил немец и погрузился в размышления.

Его примеру последовал и майор, положив письмо на колено.

— Ну, так что вы скажете? — спросил наконец майор.

— Скажу, что дело, по-моему, обстоит хуже куда, чем эта добрая мадам Скэлли, кажется, думает. Скажу, что если мисс Харстон говорит, что Гердлстон ее убить намерен, так очень на то похоже, что он и в самом деле намерен.

— Да, черт побери, этот человек ни перед чем не остановится! — сказал майор, в задумчивости почесывая подбородок.— Хорошенькая история. Однако на черта ему это нужно?

— Деньги, деньги. Я ведь вам говорил, мой друг, что вот уже год, как дела этой фирмы крепко пошатну-

лись. Это мало кому известно, но я-то знаю, да и еще кое-кто. А у этой девушки, я слышал, есть капитал, и в случае ее смерти он перейдет к старику Гердлстону. Это же все ясно, как мои пять пальцев на моей руке.

— Скверная, черт побери, получается история!—сказал майор, снова принимаясь расхаживать по комнате.— Этот старик и его красавчик сын способны на все. Боюсь, Лавиния взглянула на вещи слишком легко. И вместе с тем трудно вообразить себе, чтобы у кого-нибудь поднялась рука убить эту милую девушку. Черт побери, Баумсер, да у меня при одной мысли кровь закипает в жилах!

— Это кипение может быть очень полезно для вашей крови, дорогой мой друг,—сказал фон Баумсер,— но чтото не вижу я, какой нам от того толк. Давайте-ка подойдем к делу практически и подумаем, что нам предпринять.

— Я должен сейчас же разыскать молодого Димсдейла. Ему следует знать все.

— Да, я полагаю, его найти надо. И туда, в это аббатство, вы должны вместе с ним немедленно отправиться. Я этого молодчика знаю. Никакая сила его здесь не удержит, когда он услышит, что там происходит. А вы должны поехать туда, чтобы помешать ему натворить разных безумств. Ну, и еще потому, что добрая мадам Скэлли выразила такое желание в своем письме.

— Разумеется. Мы отправимся туда вместе. Один из нас должен во что бы то ни стало найти способ увидеться с мисс Харстон и узнать, не требуется ли ей наша помощь. И если да, то она ее получит, черт побери, и плевал я на всех опекунов! Пусть меня разрубят на куски, если мы ее не вызволим оттуда в два счета!

— Только вам надо держать в голове,— предостерег его Баумсер,— что эти Гердлстоны — отчаянный народ. Если они задумали убить женщину, так почему бы им еще и мужчину одного-второго не прикончить. И вы же не знаете, сколько их там может быть. Гердлстон, и его сын там есть, и еще этот одноглазый. Ну, а больше мадам Скэлли откуда известно, кто там есть в доме. И притом учтите, полиция не на вашей стороне будет, а скорее совсем напротив, ведь пока никаких доказательств нет, что там затевается убийство. Вы подумайте хорошень-

ко н, верно, согласитесь со мной, что вам бы неплохо прихватить туда еще двух-трех надежных людей, которые пойдут за вами... это самое... в огонь и в воду.

Майор был так поглощен сборами, что только молча кивнул. Однако через некоторое время он спросил:

— А где я возьму таких людей?

— Во-первых, вы возьмете меня,— сказал немец, загибая один толстый красный палец,— а затем в нашем кружке найдется еще кое-кто для такого дела, и вы на них можете положиться. Ну, хотя бы Фриц Бюлов из Киля. Потом еще один русский... вот имя его я все забываю... но это очень надежный человек. Он нигилист из Одессы, приговорен к смерти, и его обязательно казнят, надо только сперва поймать. У нас и еще хорошие люди есть, но сейчас их уже не успеть разыскать. А этих двоих раздобыть легко. Они живут вместе и совсем свободны, потому что ничем не заняты.

— Тогда тащите их,— сказал майор,— берите извозчика и поезжайте прямо на вокзал Ватерлоо. Оттуда отходят поезда на Бедсворт. А я разыщу Димсдейла, и мы присоединимся к вам на вокзале. Времени терять нельзя, я так считаю.

Майор был уже в полной готовности, и фон Баумсер тоже надел пальто и шляпу и взял из угла свою толстую палку.

— Она может нам пригодиться,— заметил он.

— Я прихватил свой пистолет,— сказал майор.

Они вместе вышли из дому, и фон Баумсер направился в сторону Ист-Энда, где проживали его политические единомышленники, а майор крикнул извозчика и покатил на Филлимор-Гарденс, однако того, кто был ему нужен, там не нашел. Тогда он бросился бежать по Стрэнду, решил сесть на ближайший поезд и поехать без Тома, но — как уже было описано в одной из предыдущих глав — неподалеку от вокзала Ватерлоо наткнулся прямехонько на него самого.

Письмо миссис Скэлли поразило Тома, как гром. Даже в самых мрачных своих предположениях он никогда не заходил так далеко. Он опрометью бросился обратно на вокзал. Бедный майор, пыхтя и отдуваясь, едва поспевал за ним, но тем не менее мужественно старался не отставать и по дороге услышал от Тома о всех его зло-

ключениях в то утро и о том, что Эзра Гердлстон уже успел отбыть куда-то вместе со своим рыжебородым приятелем. При этом сообщении лицо майора совсем потемнело от тревоги.

— Хоть бы нам не опоздать! — задыхаясь, прохрипел он.

ГЛАВА XLI
ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Кэт Харстон, поведав доброй вдове все свои тревоги и заручившись ее обещанием помочь ей в беде, почувствовала, что у нее точно камень с души свалился, и спрыгнула с крыши сарая на землю уже снова возрожденная к жизни. Все эти ужасные недели, проведенные в мрачном старом аббатстве, скоро останутся позади, как страшный сон, думала Кэт. Она не сомневалась, что либо Том, либо майор еще сегодня дадут ей о себе знать. И при мысли об этом сердце ее затрепетало от радости, щеки порозовели, и, направляясь через парк к дому, она даже запела — так легко стало у нее на душе.

Миссис Джоррокс и Ребекка заметили происшедшую с Кэт перемену и немало ей подивились. Кэт хотела было даже помочь миссис Джоррокс по хозяйству, но старая карга отказалась от ее помощи и грубо прогнала ее от себя. Ребекка тоже не поддержала попытки Кэт побеседовать с ней и поглядывала на девушку весьма недружелюбно.

— Ночью вы вроде натерпелись всяких страхов,— заметила горничная,— с чего же это вы теперь распелись?

— Ах, не вспоминай об этом,— сказала Кэт.— Я, верно, очень всех напугала. Может быть, этот ужасный монах мне просто почудился, я очень плохо чувствовала себя накануне. Но тогда, ночью, мне, право же, показалось, что я вижу его так же отчетливо, как сейчас тебя.

— О чем это она? — спросила миссис Джоррокс, приставив ладонь к уху.

— Она говорит, что видела ночью привидение, так же, дескать, ясно видела, как вот вас сейчас.

— Вранье! — проворчала старуха, разгребая кочергой угли в камине.— Ее тут еще и в помине не было, когда я жила одна-одинешенька во всем доме, и что-то никаких привидений не объявлялось. Не знает уж, что выдумать! Привидение увидала!

— Нет, нет, я ни на что не жалуюсь,— весело сказала Кэт.— Право же, я всем довольна.

— Вот, вот, теперь будет все говорить наперекор,— сердито прохрипела миссис Джоррокс.— Она же всегда говорит наперекор.

— По-моему, вы сегодня не в духе,— сказала Кэт и поднялась к себе наверх, прыгая, совсем как прежде, через две ступеньки.

Ребекка последовала за ней и, наблюдая все эти перемены, истолковала их на свой лад.

— Ишь как вы сегодня развеселились,— сказала она, остановившись в дверях спальни Кэт и с недоброй улыбкой заглядывая в комнату.— Верно, потому что завтра суббота. Вот чему вы радуетесь.

— Потому что завтра суббота? — как эхо, удивленно повторила Кэт.

— А то как же. Будто вы не знаете, о чем я говорю. Бросьте притворяться-то.

Служанка произнесла это с такой злобой, что Кэт удивилась еще больше.

— Не имею ни малейшего представления, что ты имеешь в виду,— отвечала она.

— Ну да, рассказывайте! — подбоченясь, крикнула Ребекка с издевкой.— Она, видите ли, не знает, что я хочу сказать! Она не знает, что ее молодчик пожалует сюда в субботу. Она знать не знает о том, что мистер Эзра таскается сюда по субботам из самого Лондона, чтобы повидать ее! Значит, не поэтому вы сегодня так развеселились, нет? Эх вы, притворщица! — Смазливое личико горничной было искажено злобой, руки безотчетно сжались в кулаки.

— Ребекка! — вне себя воскликнула Кэт.— В жизни я не видела такой идиотки, как ты! Должна тебе напомнить, что я — твоя хозяйка, а ты — моя горничная. Как смеешь ты разговаривать со мной подобным образом? Изволь немедленно удалиться из моей комнаты.

Служанка не шевельнулась; она нахально смотрела на Кэт в упор н, казалось, готова была постоять за себя, но в голосе Кэт прозвучало такое нскреннее негодоваиие и она с таким достоинством шагнула вперед, что Ребекка все же попятнлась, отвела свой наглый взор и, что-то пробормотав себе под нос, выскользнула из комиаты. Кэт заперла за иен дверь н, когда смехотворность положения одержала верх иад ее гневом, громко расхохоталась впервые за все время своего пребывання в аббатстве. Это уж было чересчур! Казалось невероятным, чтобы даже самый отпетый дурак мог вообразить себе, что она жаждет свндаиия с Эзрой Гердлстоном! Но мысль о нем тотчас положила конец ее веселью, потому что какинкак, а в одиом служаика была права: завтра настаиет суббота, н сиова появнтся Эзра. Но, быть может, ее друзья опередят его. Дай-то бог!

День выдался прохладный, но ясный. За окном на темиой сниеве залива белелн паруса рыбачьих лодок. Среди ннх — словно горделивый лебедь среди уток — парусиый трехмачтовик стремил протнв ветра свой бег, держа курс иа Портсмут нли Саутгемптон. Далеко вправо, за каймой белой пеиы, лежал Унинер-Сэндс. Уже начался прилив, н наносы нла нсчезлн под водой, лншь коегде нх тускло-серые, округлые вершнны выглядывалн на поверхность, словио спнны спящнх левнафанов. Широкнм треугольннком распластавшнсь в небе, большая стая дикнх гусей улетала на юг. Кэт смотрела в окно, н все, что оиа вндела, жнвнло ее душу, вселяло в нее бодрость. Она снова готова была радоваться жнзни, снова была нсполнена надежд, и ей даже не верилось, что это она еще сегодня утром отшвыриула от себя пузырек с ядом, нбо зиала в глубиие души, что может последовать зловещим советам опекуна. Однако это было, было на самом деле: иа иекрашеном полу поблескнвали кое-где кусочки разбитого стекла, и тошнотворный запах ядовнтого снадобья еще не выветрнлся, хотя Кэт н открыла окно, чтобы нзбавиться от него. И все же сейчас, когда она вспомиила утреннюю сцену, все представлялось ей каким-то чудовищным, нелепым кошмаром.

Кэт и сама не знала, чего именно ждет от своих друзей, что могут оин предпрннять, ио ни на секуиду не сомиевалась: онн спасут ее, н прнтом очень скоро. Нуж-

но только терпелнво ждать, и тогда все уладнтся. Завтра вечером, уж ннкак не позднее, всем ее бедам н страхам прндет конец.

Именно так думал н Джон Гердлстон, задумчиво глядя нз-под косматых бровей на тлеющне угли камина. Завтра вечером все должно решнться, решиться раз н навсегда. В пять часов прнедут Эзра н Бурт, н это будет началом конца. Дальнейшая судьба самого Бурта не занимала Джона Гердлстона. Бурт был конченый человек. Еслн давать ему напнваться вдоволь, ему долго не протянуть, н он быстро перестанет обременять нх своей особой. А если донесет на нних, то ничего не вынграет, а только все потеряет. И уж на самый худой конец, разве может бред сумасшедшего повреднть такому человеку, как нзвестный коммерсант Джон Гердлстон, ведущий торговлю с Афрнкой? Нет, все было обдумано, все предусмотрено, хнтрый старик не упустнл нз внду ннчего. А самое главное — нзобретенный нм план делал для него неопасным даже судебное следствне; благодаря этому плану он мог ннчего не страшнться.

Сндя в большой комнате, служившей одновременно н столовой н кухней, он поманнл к себе мнссис Джоррокс.

— Когда прибывает завтра последний поезд? — спроснл он.

— Есть один какой-то, что прнходнт в Бедсворт без четвертн десять.

— Значнт, тут, мимо дома, он проходит, верно, без двадцати мннут десять?

— Да, да, я всегда проверяю по этому поезду часы.

— Так. А где мнсс Харстон?

— У себя. Прнбежала домой, развеселая, залнвается, хохочет! И послушалн бы вы, как она нахально разговаривает со старымн людьмн, у которых уже сгорбнло спнну, когда ее еще н на свете-то не было.

— Хохочет? — переспросил Гердлстон, приподняв бровн.— Сегодня утром, по-моему, ей было совсем не до смеха. Может быть, она потеряла рассудок? Вы ннчего не заметнли такого?

— А почем я знаю. Вот Ребекка пришла вся в слезах, потому что она выставила ее за дверь. Да она тут распоряжается, как хозяйка, право слово. Скоро она нас всех отсюда повыгоняет.

Гердлстон погрузился в молчание. Видно было, что сообщение миссис Джоррокс несколько его озадачило.

В эту ночь Кэт спала крепко, без сновидений. В таком возрасте все тревоги и заботы спадают с души, как капля дождя с крыла птицы. Дни уныния и мрака остались позади, впереди забрезжила заря более счастливых дней. Кэт проснулась веселая, на сердце у нее было легко. И она почувствовала, что как только ей будет снова дана свобода, она все забудет и все им простит — и опекуну, и Ребекке, и остальным... даже Эзре. Да, как только этот ужас останется позади, она никогда и не вспомнит о нем.

Она провела все утро, стараясь представить себе, как будут разворачиваться события в Лондоне, и гадая, скоро ли придет какая-нибудь весточка от ее друзей. Если миссис Скэлли послала телеграмму, они должны бы получить ее еще вчера вечером. Возможно, что, помимо телеграммы, миссис Скэлли написала и письмо, чтобы рассказать обо всем поподробнее. Почту разносят часов около девяти, прикидывала Кэт. После этого майору понадобится еще какое-то время, чтобы разыскать Тома. Потом они, конечно, начнут совещаться, как им лучше поступить, и, быть может, найдут нужным пойти посоветоваться с доктором Димсдейлом. На это, пожалуй, уйдет не только утро, но и половина дня. Значит, они едва ли доберутся сюда раньше вечера.

К тому времени Эзра будет уже здесь. Прошлую субботу еще не было шести, когда он приехал. При мысли, что ей предстоит встретиться с молодым коммерсантом снова, Кэт обуял великий страх. Но это была лишь инстинктивная, чисто женская боязнь всякой грубости и жестокости. Кэт не предчувствовала грозящей ей опасности, не догадывалась о том, что означал для нее этот приезд Эзры.

В это утро во время завтрака ее опекун был с ней более любезен, чем обычно. Казалось, он стремился изгладить из ее памяти все, что наговорил ей накануне,— все свои страшные намеки и угрозы. Даже прислуживавшая за столом Ребекка была поражена елейностью его тона. Джон Гердлстон был человеком действия, и, когда время действовать настало, это взбодрило его,

вило в него новые силы, и даже его манеры приобрели большую живость, стали менее тяжеловесны и неуклюжи.

— Вам неплохо бы заняться ботаникой, пока мы живем здесь,— благожелательно посоветовал он Кэт.— Поверьте мне, в молодости можно преуспеть во всем. А изучение естественных наук помогает нам постичь чудесную гармонию мироздания и облагораживает ум и душу.

— Я бы с удовольствием познакомилась с этой областью науки,— отвечала Кэт.— Не знаю только, хватит ли у меня на это способностей.

— Парк здесь полон чудес. Самый крошечный грибок так же примечателен и достоин изучения, как самый древний дуб. Кстати, ваш отец отличался большой любовью к растениям и животным.

— Да, я помню,— сказала Кэт, и лицо ее затуманилось, когда воспоминания унесли ее в прошлое. Что сказал бы отец, промелькнула у нее мысль, узнай он, как обращается с ней этот человек, который сидит сейчас напротив нее? А, впрочем, стоит ли об этом думать, ведь она скоро вырвется из плена!

— Помню, когда мы с ним, еще учениками, снимали вместе комнату в Сити над конторой,—сказал Гердлстон, задумчиво помешивая ложечкой чай в стакане,— он держал дома соню и очень был к ней привязан. Каждую свободную минуту ухаживал за этим созданием, чистил его клетку. По-моему, это было его единственным удовольствием и развлечением. Как-то раз вечером зверек бежал по полу, и я наступил на него.

— О, бедный папа! — воскликнула Кэт.

— Я сделал это намеренно. «Ты посвящаешь слишком много времени животному,— сказал я.— Возвысь свои мысли над мелочами!» Он сначала очень расстроился и рассердился на меня, а потом был мне благодарен. Я дал ему полезный урок.

Этот рассказ так ошеломил Кэт, что несколько минут она сидела молча.

— Сколько лет было вам тогда? — спросила она наконец.

— Около шестнадцати.

— Значит, вы всегда отличались такими... такими наклонностями? — Смягчить резкость тона Кэт было нелегко.

— Да, я почувствовал свое призвание еще в ранней юности. И в самом раннем возрасте был уже причислен к избранным.

— А кто такие эти избранные? — сдержанно спросила Кэт.

— Члены общины тринитариев. Во всяком случае, те из них, кто посещает часовню на Пербрук-стрит. Я бывал в других молельнях и убедился, что проповедники там искажают слово божье и не ведут свою паству по верному пути.

— Значит,— сказала Кэт,— в рай попадут только те, кто посещает молельню на Пербрук-стрит?

— Да, и те не все. О, нет, один из десяти, не больше,— доверительно и не без самодовольства заверил ее старый коммерсант.

— Должно быть, в раю очень мало места,— заметила Кэт, поднимаясь из-за стола.

— Куда вы теперь направляетесь?

— Я хотела прогуляться по парку.

— Во время прогулки повторяйте про себя слова Священного писания. Ничего не может быть лучше, как начинать с этого день.

— Какие же слова вы мне посоветуете вспомнить? — с улыбкой спросила Кэт, стоя на пороге, вся в ореоле солнечных лучей, лившихся в растворенную дверь.

— «В расцвете жизни мы уже на краю могилы»,— торжественно изрек опекун.

Голос его звучал столь сурово и глухо, что у девушки сжалось сердце. Впрочем, она тут же стряхнула с себя уныние. День был так ясен, ветерок так свеж, что предаваться меланхолии было невозможно. Да и час освобождения приближался! Нет, в это утро она не позволит себе терзаться смутной тревогой и темными предчувствиями. А перемена в обращении с ней опекуна облегчала эту задачу, и Кэт уже почти убедила себя, что она неправильно истолковала наканune его слова и намерения.

Она прогулялась по аллее до ворот и перекинулась несколькими фразами со своим стражем. И он тоже не

вызывал в ней сегодня досады,— его странности и чудачества скорее даже позабавили ее. А Стивенс был весьма ие в духе из-за некоторых осложнений домашиего характера. Жена иалетела на иего и задала ему трепку.

— Прежде, бывало, она побранит сиачала, а потом уж хватается за кочергу,— сокрушенно пожаловался он.— А теперь сразу в ход идет кочерга, браии даже и ие слышио.

Кэт поглядела на мощиый торс и свирепое лицо и подумала, что его жеиа, должио быть, очень храбрая жеищина.

— А все почему? Потому что мие от здешних рыбачек покою нет,— осклабившись, продолжал Стивеис.— А ей это ие по нутру, чтоб мие пропасть, если вру! А я чем виноват? Женщины всегда липли ко мне, как мухи.

— Вы отправили мое письмо? — спросила Кэт.

— А как же, ясное дело, отправил,— отвечал страж.— Оио уже в Лоидоие, иебось.— И его единствеиный глаз так плутовато забегал по сторонам, что Кэт сразу заподозрила обман, и еще жарче возблагодарила судьбу за то, что ей не пришлось возлагать все свои иадежды только на посулы этого иегодяя.

На дороге ничего ие было видио, кроме единственной телеги, рядом с которой шагал простоватого вида парень. Но после воскресной встречи с двумя деревеискими хулигаиами Кэт стала уже опасаться местных жителей и поспешно отошла от ворот. Пройдя через парк, оиа снова забралась на крышу сарая. По ту сторону ограды стоял мальчик в ливрее. Он стоял так неподвижио, что его можио было прииять за восковую фигуру из паиоптикума, если бы ие его взгляд, рыскавший во всех направлениях и в конце коицов остановившийся на Кэт.

— Доброе утро, мисс,— произиес этот персонаж.

— Доброе утро,— отвечала Кэт.— Я, кажется, видела тебя вчера с миссис Скэлли?

— Верио, мисс. А теперь хозяйка велела мне ожидать здесь и ие сходить с места, пока я не увижу вас. Вы, мол, иепременно сюда придете. Вот я уже почитай что час вас жду.

— Твоя хозяйка — настоящий ангел,— с жаром сказала Кэт,— а ты хороший, славный мальчик.

— Насчет хозяйки это вы в самую точку, мисс,— прохрипел шепотом мальчишка и энергично закивал головой в подтверждение своих слов.— У нее сердце — во! На троих хватит.

Его горячая восторженность невольно заставила Кэт улыбнуться.

— Ты, я вижу, очень к ней привязан,— заметила она.

— Да как же бы это я не любил такую хозяйку! Она меня из работного дома взяла, даже никаких бумажек не спросила, а теперь обучает, хочет сделать образованным. Послала сюда с поручением.

— Какое же поручение?

— Велела сказать, что отправила письмо, а не телеграмму, потому как много надо было объяснить, а в телеграмме всего не напишешь.

— Я так и предполагала,— сказала Кэт.

— Она написала письмо майору... майору... как его... ну, тому, что ее обхаживает. И говорит, что он уж непременно сегодня же явится сюда. А вам велела держаться покрепче и сказать, не обижают ли вас тут.

— Нет, нет! Нет, нисколько! — отвечала Кэт с улыбкой.— Передай своей хозяйке, что мой опекун был сегодня гораздо добрее ко мне, и я полна надежд. И скажи еще, что я от всего сердца благодарю ее за доброту.

— Ладно, мисс. А этот кривой — тот, что у ворот, он не нахальничает?

— Нет, нет, Джон.

Джон недоверчиво на нее покосился.

— Ну, нет, так ладно,— сказал он.— Только, сдается мне, вы не из тех, кто любит жаловаться.— Он разжал кулаки и показал Кэт довольно большой зазубренный камень.— А то, пусть только тронет,— последний глаз выбью!

— Пожалуйста, не вздумай ничего вытворять, Джон. Будь умником и беги скорей домой.

— Ладно, мисс, до свидания!

«Торговый дом Гердлстон»

«Торговый дом Гердлстон»

Мальчишка зашагал по дороге, а Кэт смотрела ему вслед. У перекрестка он остановился, словно в нерешительности, и Кэт вздохнула с облегчением, когда увидела, что он швырнул камень в поле, засаженное репой, и, повернувшись к воротам аббатства спиной, направился в противоположную сторону.

ГЛАВА XLII

ТРИ ЛИЦА ЗА ОКНОМ

Вечером приехал Эзра. Кэт стояла у окна в коридоре, когда он в высокой двуколке подкатил к дому. Рядом с ним сидел дюжий рыжебородый детина, а на запятках стоял конюх из «Летящего быка». Кэт кинулась к окну, как только заслышала скрип колес,— у нее мелькнула надежда, что друзья явились к ней на выручку раньше, чем она ожидала. Но один взгляд, брошенный в окно, убедил Кэт, что надежда ее обманула. Спрятавшись за портьерой, она наблюдала, как Эзра и его спутник вышли из экипажа и направились в дом, а двуколка покатила обратно в Бедсворт.

Кэт поднялась в свою спальню, раздумывая, кого это Эзра привез с собой. Она заметила, что незнакомец был одет, как простолюдин; это особенно бросалось в глаза рядом с крикливо щеголеватым костюмом молодого коммерсанта. По-видимому, посетитель намерен был переночевать в аббатстве, ибо они отпустили экипаж. Кэт, пожалуй, была этому даже рада, полагая, что присутствие постороннего лица не позволит Гердлстонам слишком распоясаться. Несмотря на то, что во время завтрака опекун держался более мягко, Кэт еще не забыла слов, сказанных им накануне утром, не забыла и эпизода с пузырьком яда. Она по-прежнему была уверена, что у него дурное на уме, но перестала его бояться. Ни разу не мелькнуло у нее мысли о том, что Гердлстон может осуществить свои коварные замыслы раньше, чем явятся ее избавители.

В напряженном ожидании медленно тянулся вечер; нетерпение Кэт все возрастало. Сначала она занялась

шитьем, но потом почувствовала, что не в состоянии больше класть стежок за стежком, и принялась нервно расхаживать по своей тесной каморке из угла в угол. Снизу неумолчно и монотонно доносились приглушенные голоса мужчин, прерываемые время от времени восклицаниями одного из них. Голос его был так громок и груб, что больше походил на рык дикого зверя. Должно быть, это говорил рыжебородый. О чем это они так оживленно беседуют, думала Кэт. Верно, все о делах, о каких-то важных коммерческих операциях. Ей припомнилось, как кто-то сказал однажды, что многие крупные воротилы с биржи — большие чудаки и одеваются крайне неряшливо. Быть может, этот гость — более важная персона, чем кажется с виду.

Сначала Кэт решила совсем не выходить из своей комнаты в этот вечер, чтобы избежать встречи с Эзрой, но беспокойство ее было слишком велико, ее сжигало нетерпение, и она не находила себе места. Надо выйти подышать свежим воздухом, наконец решила она и стала осторожно спускаться с лестницы, стараясь ступать как можно тише, чтобы ее шагов не услышали мужчины, беседовавшие в столовой. Все же какой-то шорох, по-видимому, долетел до них, потому что разговор внезапно оборвался, и за дверью столовой воцарилась мертвая тишина.

Кэт остановилась на небольшой лужайке перед домом. Здесь когда-то были разбиты цветочные клумбы, но теперь никто за ними не ухаживал, и они все заросли сорняками. Чтобы чем-нибудь себя занять, Кэт присела на корточки возле одной из клумб и принялась выпалывать сорняки. В центре клумбы торчали засохшие стебли роз, и Кэт удалила их и стала наводить порядок среди тех растений, которых еще не успели заглушить сорняки. Она работала с лихорадочным усердием, но время от времени замирала, чутко прислушиваясь к каждому звуку, и вглядывалась в глубь темной аллеи.

В разгар работы она случайно обернулась и поглядела на дом. Окна столовой выходили прямо на лужайку, и в одном из них она увидела троих мужчин. Все трое смотрели на нее. Оба Гердлстона, словно подтверждая что-то стоявшему между ними незнакомцу, согласно кив-

нулн головой, указывая иа Кэт, а незиакомец смотрел на нее с большим интересом. Глаза их встретились, и Кэт подумала, что никогда еще не видела более грубого и свирепого лица. Незнакомец смеялся, багровые щеки его лоснились. Эзра, наоборот, был бледен и казался озабоченным. Заметив, что Кэт смотрит на них, все трое поспешно отошли от окна. Кэт видела их в окне всего несколько мгиовений, ио эти три лица — свирепое, багровое лицо незнакомца посередине н два бледных, угрюмых, столь хорошо знакомых лица справа и слева — врезались ей в память.

Джон Гердлстон был очень доволен, что его сообщники ие замедлили прибыть и, следовательно, его замысел может накоиец осуществиться; он принял нх с радушием, совершеиио несвойственным его натуре.

— Как всегда, пунктуален, дорогой мой мальчик, как всегда, верен своему слову,— сказал он.— Положительно ты образец для всех наших молодых дельцов. И вас, мистер Бурт,— продолжал он, пожимая загрубелую руку рудокопа,—я счастлив приветствовать в этой обители, сколь ни прискорбны для меня обстоятельства, заставившие вас прибыть сюда.

— Об этом поговорим потом,— прервал его Эзра.— Мы с Буртом еще не обедали.

— Подыхаю с голоду, будь я проклят,— проворчал Бурт, тяжело опускаясь на стул. Эзра неусыпно следил за ним всю дорогу, чтобы не дать ему напиться, и Бурт был трезв или, во всяком случае, настолько трезв, насколько это достижимо для человека, чей мозг пропитан алкоголем.

Гердлстон кликнул миссис Джоррокс, и она накрыла на стол: постелила скатерть, поставила кусок холодной солонины и кувшин пива. Эзра не проявил аппетита, но Бурт насыщался весьма жадно н то и дело наполнял свой стакан пивом. Когда с едой было покоичено и кувшии опустошен, он удовлетворенно икнул, вытащил из карманa пачку черного табака, отрезал от нее кусок и принялся набивать трубку. Эзра пододвинул свой стул поближе к огню, и отец его сделал то же самое, предварительно отослав служанку н тщательно заперев за нею дверь.

— Ты уже переговорил со своим приятелем относительно нашего дела? — спросил он сына, указав кивком головы на Бурта.

— Говорил. Я все ему разъяснил.

— Пятьсот фунтов наличными, и вы меня бесплатно переправляете в Африку,— заявил Бурт.

— Такой энергичный человек, как вы, с пятью сотнями в кармане может больших дел натворить в колониях,— заметил Джон Гердлстон.

— Чего я там натворю — это уже не ваша забота, хозяин,— угрюмо проворчал Бурт.— Я делаю свое дело — вы платите мне денежки, а остальное вас не касается.

— Совершенно справедливо,— примирительно сказал старый коммерсант.— Вы вольны делать с вашими деньгами все, что вам заблагорассудится.

— И у вас не спрошусь,— буркнул рудокоп. Казалось, он нарочно нарывается на ссору, но таков уж был его раздражительный, неуживчивый нрав.

— Теперь вопрос только в том, как все это осуществить,— вмешался Эзра. Ему было явно не по себе, он нервничал. При всей его черствости ему не хватало псевдорелигиозного фанатизма отца и полного душевного огрубения Бурта, и мысль о том, что им предстояло совершить, приводила его в содрогание. Веки у него покраснели, взгляд был тускл, он сидел как-то боком, закинув одну руку за спинку стула, а другой беспокойно барабанил по колену.— У вас, без сомнения, уже созрел в голове какой-то план,— продолжал он, обращаясь к отцу.— Значит, пора приводить его в исполнение, иначе нам на Фенчерч-стрит придется прикрыть свою лавочку.

При одном упоминании о грозящем банкротстве отец вздрогнул.

— Все, что угодно, только не это,— сказал он.

— Не успеете оглянуться, как до этого дойдет. Я всю неделю сражался против этого, как сатана.

— А что у тебя с губой? Она как будто распухла.

— Не поладил немного с этим малым, с Димсдейлом,— отвечал Эзра, прикрывая рукой обезображенную губу.— Он увязался за нами и преследовал до самого

вокзала. Нужно было от него отделаться, но боюсь, что и я оставил на нем кое-какие отметины.

— Он выкинул со мной какой-то чертов фокус — так ловко подставил подножку, что чуть не вышиб из меня дух вон,— сообщил Бурт.— Видать, какой-то новомодный приемчик. А я теперь, когда грохнусь, уже не могу так ловко вскочить на ноги, как прежде.

— А он не выследил вас? — обеспокоенно спросил Гердлстон.— Он не может появиться здесь и испортить нам все дело?

— Никоим образом,— уверенно сказал Эзра.— Его тут же забрали в полицию.

— Ну, это хорошо. Теперь, прежде чем мы приступим к делу, я бы хотел сказать несколько слов мистеру Бурту — объяснить ему, каким образом мы пришли к такому решению.

— А у вас не найдется чего-нибудь выпить, хозяин?

— Да, да, разумеется. Что там, в этой бутылке? А, имбирное вино. Подойдет?

— Здесь есть кое-что получше,— сказал Эзра, открывая буфет.— Вот бутылочка джина. Из личных запасов миссис Джоррокс, насколько я понимаю.

Бурт налил себе полстакана виски и разбавил водой.

— Ну, валяйте,— сказал он,— я слушаю.

Гердлстон встал, повернулся спиной к огню и заложил руки за спину, под фалды сюртука.

— Я хочу, чтобы вы знали,— сказал он,— что решение это не возникло у нас внезапно, но обстоятельства складывались таким образом, что мы неизбежно должны были его принять. Честь нашей фирмы, ее доброе имя дороже для нас всего на свете, и мы оба единодушно пришли к заключению, что готовы ради этого пожертвовать чем угодно. К несчастью, в последнее время дела нашей фирмы несколько пошатнулись, и, чтобы вывести ее из затруднительного положения, потребовалось срочно раздобыть наличные деньги. Мы рассчитывали получить необходимую нам сумму посредством смелой спекуляции на алмазах, блестяще задуманной — хотя, быть может, мне и не следовало бы этого говорить — и весьма искусно проведенной в жизнь операции, которая, несомненно, увенчалась бы полным успехом, если бы не одна прискорбная случайность.

— Это я помню,— сказал Бурт.

— Да, конечно. Вы были там в то время. После этого нам еще некоторое время удавалось держаться благодаря кое-каким займам и торговым операциям в Африке. Однако подошло время платить по займам, и дела фирмы снова оказались под угрозой. Лишь тогда нам впервые пришла в голову мысль о капитале моей подопечной. Эти деньги, имей мы возможность ими воспользоваться, могли бы круто изменить состояние наших дел. Но, чтобы получить к ним доступ, существовало только два пути. Один путь — женитьба мистера Эзры на моей подопечной; другой путь — смерть этой молодой особы. Вы следите за моей мыслью?

Бурт кивнул косматой головой.

— При таком положении вещей мы прежде всего приложили все силы к тому, чтобы осуществить этот брак. По чести могу сказать, что ни одна девушка не была окружена таким почтительным, таким нежным и деликатным вниманием, какое оказывал этой молодой особе мой сын Эзра. Я, со своей стороны, также употребил все свое влияние, чтобы убедить ее отнестись благосклонно к ухаживанию мистера Эзры. Однако, невзирая на все наши усилия, она самым решительным образом отвергла его и дала нам понять, что никогда не изменит своего решения и пытаться переубедить ее бесполезно.

— Верно, другой есть на примете,— заметил Бурт.

— Тот самый малый, который уложил тебя сегодня на обе лопатки,— пояснил Эзра.

— А! Ну, он у меня поплатится,— зловеще проворчал рудокоп.

— Мистер Бурт,— торжественно продолжал Гердлстон,— жизнь человеческая — вещь священная, но жизнь человеческая, положенная на одну чашу весов, в то время, как на другой — дела целого торгового дома, солидной фирмы, дающей средства к существованию сотням людей, в этих условиях жизнь человеческая — вещь ничтожная и, право же, не заслуживающая внимания. Когда встает вопрос, чье существование ценнее — мисс Кэт Харстон или крупного коммерческого предприятия торгового дома Гердлстон,— не может возникнуть

сомиения в том, что имеиио должио быть прииесеио в жертву.

Бурт снова кивиул и снова подлил себе голландского виски из квадратной бутылки.

— Предвидя, что такая прискорбная иеобходимость может возникнуть,— продолжал Гердлстон,— я уже заранее сделал иекоторые приготовлеиия. Это здание, как вы могли заметить, приближаясь к нему, расположено в крайне уединенном месте. Оно окружено высокой стеной, так что всякий, попавший сюда, может легко оказаться в положении узника. Я увез эту молодую особу столь внезапно, что ни единая душа ие знает, где она находится, а здесь я уже распространил слух о ее тяжелом заболевании, так что смерть ее ие может иикого удивить.

— Но ведь непремеиио возиикнет расследование. И потребуется медицинское заключение,— сказал Эзра.

— Я даже сам буду настаивать на судебно-медицинской экспертизе.

— Вы будете настаивать? Вы что, рехнулись?

— Выслушай меня до конца, и, думаю, ты скажешь совсем иное. Мие кажется, я набрел иа такой способ, который воистину превосходеи, который можио назвать безупречным, да, безупречиым при всей его простоте.— И, довольный своей изобретательиостью, Гердлстон лихорадочио потер руки и улыбиулся, обиажив желтые клыки.

Бурт и Эзра подались вперед, ожидая дальнейших разъясненний, а старик продолжал, понизив голос до шепота:

— Все считают ее безумиой.

— Ну да.

— В ограде есть калитка, оттуда до железнодорожиого полотна рукой подать.

— Так. Ну и что же?

— Допустим, что калитку забыли запереть. Может так случиться, что умалишениая жеищина выбежит за ограду и попадет под поезд? В десять часов вечера тут проходит экспресс.

— Может, если оиа выбежит на рельсы имеиио в эту самую миииуту.

— Ты ие совсем улавливаешь мою мысль. Допустим, что под экспресс попадает тело мертвой жеищины. Существует ли какая-ибудь возможиость обиаружить потом, что оиа была уже мертва, когда произошел этот несчастный случай? Как ты полагаешь, может ли кому-ибудь прийти в голову, что поезд задавил труп?

— Теперь я понимаю,— раздумчиво произиес сын.— Вы хотите прикончить ее, а потом положить иа рельсы.

— Вот именно. Что может быть проще — это же восхитительный плаи. Наш друг Бурт сделает свое дело, мы вынесем ее через калитку и уложим на рельсы, где потемиее. Проходит некоторое время, и мы обиаруживаем ее исчезиовеиие из дому. Подимается тревога, начинаются поиски. Кто-то замечает открытую калитку. Мы, естествеиио, берем фоиари и находим иа железиодорожном полотие ее труп. После этого, мие кажется, иам совершеиио иечего опасаться судебиого следствия или чего бы то ни было еще.

— А у него котелок здорово варит, у иашего хозяииа! — вскричал Бурт, восторжеиио хлопиув себя по ляжкам.— Хитро ои все это обмозговал, лучше не придумаешь.

— Вы сущий сатаиа, как я погляжу,— произиес Эзра, с ужасом н восхищением уставившись иа отца.— Ну, а как быть со старухой Джоррокс, со Стивенсом, с Ребеккой? Вы хотите довериться им?

— Ни в коем случае,— сказал Гердлстои.— Это совсем не обязательио. Мистер Бурт может сделать, что ему положеио, вие стеи дома. Нам иадо под каким-ибудь предлогом заманить ее в парк. Никто ии о чем ие должен подозревать.

— Но слуги зиают, что иикакая оиа ие сумасшедшая.

— Так оии решат, что она сознательно покоичила с собой. А мы трое схороним эту тайну в наших сердцах. Дружище Бурт, сделав свое дело сегодня ночью, отбывает в колоиии обеспечеииым человеком, а торговый дом Гердлстон получает возможиость сиова высоко держать голову, и честь фирмы остается иезапятиаииой.

— Тише! — прошипел Эзра.— Слышнте, оиа спускается с лестницы!

Все замерли, прислушиваясь к легким, упругим шагам за дверью.

— Поди сюда, Бурт,— сказал после некоторого молчания Эзра,— вон она около клумбы. Подойди-ка погляди на нее.

Все трое подошли к окну. Вот тогда Кэт, подняв глаза, встретила три беспощадных взгляда, устремленных на нее в упор.

— А она ведь красоточка,— проворчал Бурт, когда они отошли от окна.— Ну и работка мне предстоит, хуже не бывало.

— Но мы можем на вас положиться? — спросил Гердлстон, поглядев на него из-под хмуро сдвинутых бровей.

— Пока будете платить мне деньги — можете,— флегматично отвечал рудокоп и возвратился к своей трубке и к джину миссис Джоррокс.

ГЛАВА XLIII

ПРИМАНКА НАСАЖЕНА НА КРЮЧОК

Уже сгущались серые зимние сумерки, когда заговорщики обсудили все детали и закончили все приготовления. На дворе стало так холодно, что Кэт, отказавшись от своей попытки привести в порядок клумбу, поднялась к себе в спальню. Эзра оставил отца и Бурта у камина, вышел в прихожую и, распахнув дверь, стал на пороге. Дул резкий ветер, раскачивая голые ветви мрачных, похожих на призраки старых деревьев. Наползавший с моря туман окутывал их верхушки и свисал с ветвей подобно газовому покрывалу. При виде этой унылой картины по телу Эзры пробежала дрожь. Внезапно он почувствовал чью-то руку у себя на плече и, оглянувшись, увидел, что рядом с ним стоит Ребекка.

— Неужто вы ни словечка мне не скажете? — грустно сказала девушка, заглядывая ему в лицо.— И так уж приезжаете только раз в неделю — и ни одного ласкового слова.

— Я сегодня что-то еще не видел тебя, моя красавица,— сказал Эзра.— Ну, как тебе живется в этой обители?

— Что здесь, что там — для меня везде одинаково,— угрюмо сказала девушка.— Вы велели мне приехать сюда, и я приехала. Вы же говорили, что я могу вам тут чем-то услужить. Когда же вы скажете, что надо для вас сделать?

— Да тут нет никакого секрета. Ты уже услужила мне тем, что ухаживаешь за моим отцом. Эта старуха никак не могла бы одна справиться со всем домом.

— Нет, у вас тогда что-то другое было на уме,— сказала девушка, пытливо вглядываясь в его лицо.— Я помню, как вы на меня тогда посмотрели. Да и сейчас у вас тоже что-то другое на уме, только вы не хотите сказать. Почему вы не доверяете мне?

— Не мели чепуху! — резко оборвал ее Эзра.— Ты же знаешь: у меня дела, мало ли что может меня тревожить. Не хватает еще, чтобы я говорил с тобой о делах фирмы, много ты в них смыслишь!

— Дела-то делами,— проговорила Ребекка упрямо,— только тут еще что-то. Что это за человек приехал с вами?

— Один коммерсант из Лондона. Приехал посоветоваться с моим отцом по коммерческим вопросам. Ну, что тебе еще хочется знать?

— А долго мы будем торчать здесь, и зачем все это понадобилось?

— Пробудем мы здесь до конца зимы, а приехали сюда потому, что мисс Харстон нездорова и ей необходимо было переменить обстановку. Надеюсь, теперь все?

Эзра изо всех сил старался рассеять подозрения, которые могли зародиться у девушки.

— А вы зачем ездите сюда? — спросила она, все так же пытливо заглядывая ему в глаза.— Вы-то без причины в такую дыру не поедете. Я подумала было, что вы и вправду хотите встречаться со мной, а теперь вижу — нет. Прошло то время, когда вы были от меня без ума.

— Я и сейчас от тебя без ума, моя радость.

— Оио и похоже! Прошлый раз, как приехали,— ии словечка. Даже ие поглядели иа меия! А что-то вас все-таки сюда тяиет.

— Что же тут страииого, если сыи приезжает проведать своего родиого отца?

— А в Лоидоие вы не очеиь-то о ием пеклись,— с недоброй усмешкой промолвила горничиая.— Да лежн ои сейчас в могиле, это бы вас иичуть ие опечалило. А я так считаю: приезжаете вы сюда ради этой куклы, что сидит там, иаверху.

— А иу замолчи! — грубо прикрикнул на иее Эзра.— Надоело мие, черт побери, слушать твою дурацкую болтовию.

— Небось, с ией-то вы ие так разговариваете! — горячо воскликиула девушка.—Вы смеетесь иадо мией, а я вам вот что скажу: если ваша любовь не для меия, так и иикому оиа ие достанется. Во мне ведь есть цыгаиская кровь, иебось, зиаете. Не получит вас эта девчонка. Зарежу ее, да и вас заодио! — Оиа погрозила ему кулаком, и в лице ее было столько страсти и мстительиой злобы, что Эзра отшатиулся пораженииый.

— Я всегда знал, что ты злючка,— сказал ои,— ио до такого ты еще никогда не доходила.

Однако девушка уже опомиилась, и слезы покатились по ее щекам.

— Только ие бросайте меия! Не броснте, нет? — вскричала оиа, схватив его за руку.— Лучше уж я буду делить вас с другой, лишь бы вы не отвернулись от меня совсем.

— Не ори так! Не хватало еще, чтобы отец прибежал сюда иа твои дурацкие вопли!— сказал Эзра.— Ступай умойся.

Его приказ был для иее закоиом, н, продолжая горестно всхлипывать, она направилась к двери. Винмание, которое молодой коммерсаит время от времеин оказывал ей, было едииствеиимым ярким пятиом в ее тусклой, безрадостиой жизни. В своем воображеиии она иаделяла его иебывалыми качествами, ои казался ей лучшнм из мужчии, героем, достойным обожаиня и преклоиеиия. Оиа готова была ради иего иа все. Но, преданиая ему, как собачоика, оиа, как собачоика, свнрепо ощеривала зубы, еслн замечала, что кто-то другой пося-

гает на любовь ее хозяина. Душу ее вечно терзало подозрение, что между мужчиной, которого она любила, и женщиной, которую она ненавидела, существует тайный сговор, и никакие заверения не могли ее в этом разубедить.

Поднявшись к себе в комнату, Ребекка приняла твердое решение: на этот раз она выследит их, не дав им обменяться ни словом, ни взглядом за ее спиной. Она знала, что шпионить за Эзрой опасно и что ее пол — как она уже убедилась — не послужит ей защитой от его грубости. И все же она принялась за выполнение своего плана с упорством и хитростью снедаемой ревностью женщины.

Когда последние дневные лучи померкли и серые сумерки перешли в ночь, Кэт в терпеливом ожидании продолжала сидеть в своей маленькой полупустой каморке. За ржавой решеткой камина, потрескивая, мерцал огонь, рядом стояло жестяное ведерко с углем, чтобы огонь можно было поддерживать, и все же в комнате было холодно, и Кэт, придвинув свой единственный стул поближе к камину, грела руки над огнем. Тоскливо тянулись часы в одиноком ожидании; ветер уныло завывал за окном в ветвях деревьев и жалобно стонал во всех щелях и закоулках старого здания. Когда же наконец прибудут ее друзья? Быть может, что-то задержало их, помешало им приехать сегодня? Утром такое предположение казалось бы Кэт невероятным, но теперь, когда уже пришло время им появиться, Кэт стала допускать возможность какой-то задержки. Но завтра-то уж, во всяком случае, они приедут. Она старалась предугадать, как они поступят, прибыв сюда. Храбро направятся по аллее прямо к дому и потребуют у Гердлстона, чтобы он выдал им ее, или постараются сначала увидеться с ней тайком? Но все равно, какое бы решение они ни приняли, оно, несомненно, будет самым лучшим.

Кэт подошла к окну и выглянула наружу. Ночь обещала быть ветреной и ненастной. В юго-западной части неба у горизонта клубились тяжелые, грозовые тучи, и оттуда ветер разметал по небу темные клочья облаков, похожие на летящие пики. Лишь кое-где в просветах между облаками тускло мерцала одинокая звезда. Грозным

казалось потемневшее небо, а мрак уже так сгустился, что море пропало из глаз и напоминало о себе лишь глухим, мерным шумом разбивавшихся о берег волн да солеными брызгами, то и дело залетавшими в распахнутое окно. Кэт притворила окно и снова села поближе к огню: ее пробирала дрожь — то ли от ночной прохлады, то ли от каких-то неясных, но дурных предчувствий.

Прошел час, а может быть, и более, и вот наконец она услышала на лестнице чьи-то шаги, и в дверь постучали. Появилась Ребекка с чашкой чая и ломтиком намазанного маслом хлеба на подносе. Кэт была тронута таким проявлением внимания: ведь это спасало ее от необходимости спускаться вниз в столовую, давало ей возможность избежать встречи с Эзрой и его неприятным спутником. Ребекка поставила поднос, потом, к удивлению Кэт, повернулась и поплотнее прикрыла дверь. Лицо ее было очень бледно, движения резки и решительны.

— Тут для вас записка,— сказала она.— Миссис Джоррокс было велено передать ее вам, но старухе трудно лазить по лестнице, ну она и отдала мне записку...— И она протянула Кэт небольшой листок бумаги.

Записка? Неужели ее друзья уже прибыли и как-то ухитрились передать ей весточку? Похоже, что так. Кэт взяла у Ребекки записку, заметив при этом, что горничную трясет, как в лихорадке.

— Ты нездорова, Ребекка? — участливо спросила Кэт.

— Вовсе нет, с чего вы взяли? Читайте свою записку, а на меня не обращайте внимания,— как всегда, угрюмо отвечала девушка. Однако вместо того, чтобы покинуть комнату, она начала возиться возле постели, делая вид, что наводит порядок.

Нетерпение Кэт было слишком велико, и она, не дожидаясь, когда горничная уйдет, развернула сложенный пополам листок. В глубине души она надеялась увидеть внизу послания подпись своего возлюбленного, но вместо этого в глаза ей сразу бросилась подпись Эзры Гердлстона. О чем может он ей писать? Она взяла свою единственную свечу, поставила ее на каминную полку

и прочла наспех нацарапанное на листке простой бумаги следующее послание:

«Дорогая мисс Харстон!

Боюсь, что пребывание здесь томит вас своей монотонностью и скукой. Я неоднократно просил отца смягчить условия вашего заточения, внести какое-то разнообразие в вашу жизнь, но неизменно получал отказ. Видя, что он упорен и мне его не переубедить, я хочу предложить вам свою помощь и доказать, что я ваш друг, невзирая ни на что. Постарайтесь незаметно ускользнуть из дому сегодня в девять часов; я буду ждать вас у сухого дуба в конце аллеи и провожу в Бедсворт, откуда вы, если пожелаете, можете направиться в Портсмут со следующим поездом. Я устрою так, что входная дверь будет в этот час открыта. Сопровождать вас в Портсмут я, разумеется, не могу: мне придется после того, как я доставлю вас на станцию, вернуться домой. Я хочу оказать вам эту маленькую услугу, дабы убедить вас, что мои чувства к вам, даже если вы не оставляете мне никакой надежды, все так же искренни и глубоки, как прежде.

Ваш *Э. Гердлстон*».

Это послание так поразило нашу героиню, что она некоторое время сидела, погрузившись в размышления, сжимая в пальцах листок бумаги. Когда она подняла голову и оглянулась, Ребекки в комнате уже не было. Кэт скомкала записку и бросила ее в огонь. Эзра все же, по-видимому, не столь жестокосерд, как ей казалось. Он пытался даже воздействовать на отца, смягчить его сердце. Что же ей делать: воспользоваться этим неожиданным предложением или ждать весточки от друзей? Быть может, они уже в Бедсворте, но не знают, как дать ей о себе знать? Тогда предложение Эзры пришлось как нельзя кстати. Но так или иначе она может добраться до Портсмута и послать оттуда телеграмму Димсдейлам. Нет, нельзя упускать такую возможность. И Кэт решила, что она примет предложение Эзры. Уже пробило восемь, а он будет ждать ее в девять. Она встала — нужно было собраться, надеть плащ и капор.

ГЛАВА XLIV

ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

После своего разговора с Ребеккой Эзра решил, что он, вероятио, сумеет повлнять иа Кэт и выманить ее из дому, в парк, где оиа окажется во власти Бурта. Он предложил этот плаи отцу, и тот горячо его одобрил. Только одно обстоятельство вызывало беспокойство: решится ли девушка выйти из дому в такую ненастную зимнюю ночь. Единственно, что, по-видимому, могло заставнть ее отважиться на такой шаг,— это надежда спастись отсюда навсегда. Искусно сыграв на этом, можно было, пожалуй, надеяться заманить ее в ловушку. Отец с сыном совместно составили вышеозначенное послание, и последний, вручив записку миссис Джоррокс, приказал доставить ее Кэт.

Однако Ребекка, иеусыпно следившая за своей хозяйкой и молодым коммерсантом, была на страже и сразу заметила, что старая ведьма ковыляет по коридору с письмом в руке.

— Куда это вы, мамаша? — спросила Ребекка.

— Да вот пнсьмо ей иесу,— прохрипела старуха, кивая трясущейся головой в сторону спальни Кэт.

— Давайте я сиесу,— живо сказала Ребекка.— Я как раз собралась подать ей чай.

— Вот и спасибо. А то, глядишь, мой ревматизм доконает меия с этими лестницами.

Ребекка взяла записку и поднялась наверх. Но прежде чем отнестн ее хозяйке, она направилась к себе в комнату и прочла всю записку от первого до последнего слова. Это послание, казалось, подтверждало самые черные ее подозрения. Эзра просил свидания у женщины, которую, по его словам, он неиавидел. Правда, просьба была изложена в довольно сдержанных выражеииях н под самым благовидиым предлогом. Но можно ли было сомневаться, что все это лишь для отвода глаз — на случай, если записка попадет кому-нибудь в руки? Конечно, между иими существует сговор, и это — просто-напросто любовное свидание. И Ребекка, словно раненая львица, металась по комнате, в ярости ломая руки и кусая губы до крови. Прошло немало времени, прежде чем она на-

столько овладела собой, что смогла доставить записку по назначению, но тут, как мы видели, Кэт бросилось в глаза ее возбужденное состояние. Однако Кэт, разумеется, не подозревала о том, какие страсти бушуют в груди темноглазой служанки, какие усилия она прилагает, чтобы не броситься на свою воображаемую соперницу и, сдавив руками ее белое горло, не задушить ее насмерть.

Внизу Эзра беседовал с отцом.

— Уже восемь часов,— сказал он.— Пойдет она или не пойдет, хотелось бы мне знать.

— Пойдет, можешь не сомневаться,— уверенно сказал отец.

— А если все же не пойдет?

— Тогда нам придется найти другой способ выманить ее из дому. Мы слишком далеко зашли, чтобы в последнюю минуту отступать перед мелочами.

— Мне надо чего-нибудь выпить,— помолчав, сказал Эзра и налил себе виски.— Я весь продрог и просто сам не свой, точно кот, учуявший мышь. Не понимаю, как это вам удается сохранять хладнокровие. Вы так спокойны, словно вам предстоит проверить счета или подписать накладную. А я думаю только об одном — скорей бы! Это ожидание непереносимо.

— Что ж, тогда проведем время с пользой для души,— сказал Джон Гердлстон, и, достав из кармана небольшую пухлую библию, голосом торжественным и звучным начал читать из нее вслух. При этом он наклонился поближе к свече, и в желтом ее свете отчетливо выступили его крупные, резкие черты. Ястребиный нос и впалые щеки придавали ему хищное выражение, которое еще усиливалось блеском его глубоко посаженных глаз.

Отблески огня играли на осунувшемся, но все же красивом лице Эзры; развалившись в кресле, он с недоверчивым изумлением наблюдал за своим отцом. Эзра никогда не мог до конца решить для себя вопрос: что за человек его отец — отъявленный лицемер или религиозный маньяк? Бурт, взгромоздив ноги на каминную решетку, спал непробудным сном и громко храпел; голова у него свисала с ручки кресла.

— Не пора ли его будить? — спросил Эзра, прерывая отца.

— Да, думаю, что пора, — отвечал старый коммерсант, благоговейно закрывая священную книгу и пряча ее в нагрудный карман.

Эзра взял свечу и, подняв ее повыше, осветил лицо спящего Бурта.

— Ну и животное! — пробормотал он. — Видели ли вы когда-нибудь второй подобный экземпляр?

Рудокоп и вправду представлял собой малопривлекательное зрелище. Он полулежал в кресле, раскинув в разные стороны руки и ноги, голова у него как-то нелепо свесилась набок, а огненно-рыжая борода торчала вверх, обнажив массивную жилистую шею. Налитые кровью, остекленелые глаза были полуоткрыты, толстые губы вздрагивали всякий раз, как дыхание со свистом и хрипом вырывалось из его груди. Грязная коричневая куртка была распахнута, и из кармана торчала короткая, толстая дубинка со свинцовой головкой.

Джон Гердлстон вытащил дубинку у него из кармана и подбросил в воздух.

— Мне кажется, этой штукой можно убить быка, — сказал он.

— Не крутите ее у меня над головой! — рявкнул Эзра. — Посмотрели б вы сейчас на себя со стороны — как вы стоите, на фоне огня: длинные ноги врозь, и размахиваете дубинкой!.. У вас и так-то не слишком привлекательная внешность, а с этой штукой в руках и подавно.

Джон Гердлстон улыбнулся и сунул дубинку в карман спящего Бурта.

— Проснитесь, Бурт! — крикнул он и потряс рудокопа за плечо. — Уже половина девятого.

Рудокоп с проклятием вскочил на ноги и тут же рухнул обратно в кресло; он тупо озирался по сторонам и никак не мог сообразить, куда это его занесло. Но тут на глаза ему попалась бутылка голландского виски, уже наполовину пустая, и он обрадованно потянулся к ней, как к старой знакомой.

— А я вздремнул, хозяин, — пробормотал он хрипло. — Надо бы промочить горло, чтобы очухаться. Говорите, приспело время за работу приниматься?

— Мы все подготовили так, чтобы она к девяти часам была в парке у сухого дуба.

— Так до девяти же еще целых полчаса,— хмуро сказал Бурт.— Могли бы пока меня не будить.

— Нет, нам следует уже сейчас направиться туда. Она может прийти немного раньше.

— Ну, тогда пошли! — сказал рудокоп, застегивая куртку и обкручивая шею рваным шарфом.— Кто идет со мной?

— Мы оба пойдем,— сказал Джон Гердлстон твердо.— Мы должны помочь вам оттащить ее на рельсы.

— Будто уж Бурт не может сделать этого сам,— сказал Эзра.— Что она весит-то!

Гердлстон отвел сына в сторону.

— Не будь дураком, Эзра,— сказал он.— Мы не можем довериться этому полупьяному кретину. Все должно быть выполнено крайне тщательно и четко и притом так, чтобы не осталось никаких следов. Ты знаешь старый девиз нашей фирмы: наблюдай за всем сам, и сегодня мы, безусловно, должны им руководствоваться.

— Вся эта затея чудовищна! — передернувшись, словно от озноба, сказал Эзра.— Как я жалею, что ввязался в нее!

— Завтра утром ты уже этого не скажешь. Да, завтра утром — после того, как поймешь, что фирма спасена и никто ничего не знает и не узнает. Бурт уже направился в парк. Не теряй его из виду.

Отец и сын поспешили к выходу и увидели, что Бурт стоит на пороге. Пронизывающий, ледяной ветер все крепчал, предвещая шторм. Голые вершины деревьев уныло и глухо шумели, и время от времени доносился треск — это ветер отламывал и швырял наземь какой-нибудь высохший сук. В просветы рваных, гонимых ветром туч порой проглядывала луна, и старый парк и стены древнего монастыря то серебрились в ее лучах, то погружались во мрак. Горевшая в прихожей лампа бросала широкую золотистую полосу света на лужайку перед домом, и на фоне желтого проема двери три темные фигуры и три длинные причудливые тени казались чем-то жутким и нереальным.

— Прихватим с собой фонарь? — спросил Бурт.

— Нет, ни в коем случае! — воскликнул Эзра.— И без фонаря прекрасно все видно. Свет нам не нужен.

— У меня есть с собой фонарь,— сказал старый коммерсант.— Мы им воспользуемся, если понадобится. А сейчас, мне кажется, надо поспешить на место. Она может появиться раньше, чем мы ожидаем. А дверь мы так вот и оставим — настежь. Тогда она сразу увидит, что путь свободен.

— Пошевелите мозгами,— сказал Эзра.— Если оставить дверь настежь, она еще может заподозрить ловушку. Дверь столовой надо затворить совсем, а выходную прикрыть так, чтобы осталась небольшая щелка. Так будет выглядеть натуральнее. И она решит, что Бурт и вы, отец, дома.

— А где Джоррокс и Ребекка? — спросил Гердлстон, притворяя дверь, как было предложено.

— Джоррокс у себя в комнате, и Ребекка, само собой разумеется, тоже у себя.

— Ну, как будто все в порядке. Пошли, Бурт. Вот сюда.

Все трое зашагали по усыпанной гравием аллее, потом свернули с нее и по мокрой траве углубились в парк.

— Вон сухой дуб,— сказал Гердлстон, когда впереди из мрака проступили темные очертания дерева. Дуб стоял несколько в стороне на довольно большой лужайке, и вокруг него не было кустов куманики, разросшейся по всему парку.

Бурт обошел вокруг толстого ствола дуба и тщательно, насколько позволял мрак, осмотрел землю.

— Может быть, вам нужен фонарь? — спросил Гердлстон.

— Нет. Все в порядке. Я уже знаю, как с ней расправиться. А вы спрячьтесь вон там за деревьями или еще где, мне все равно, лишь бы не путались под ногами. Помощников мне не надо. Джим Бурт — мастер своего дела, и если уж он за что взялся, так все будет в ажуре. Только чтобы никто сюда не совался.

— Мы и не помышляли вмешиваться в ваши дела,— сказал Гердлстон.

— Вот и не вмешивайтесь! — проворчал Бурт.—

Я спрячусь за этим дубом, понятно? Она прибежит, посмотрит и решит, что он еще не пришел. Будет стоять и ждать. А я улучу удобную минутку, подойду сзади, и пусть себе думает на том свете, что ее молнией убило.

— Превосходно! — воскликнул Джон Гердлстон.— Превосходно! Ну, нам, пожалуй, пора отойти в сторонку.

— С ней надо покончить одним ударом, понимаешь? — сказал Эзра.— Чтобы не было никаких криков и воплей. Я могу вынести что угодно, только не это.

— Вы что, не знаете, как я бью? — промолвил Бурт со зловещей усмешкой, оставшейся не замеченной в темноте.— Череп у вас больно крепок, а то бы не стоять вам сейчас здесь.

Рука Эзры невольно потянулась к старому шраму.

— Да, пожалуй, такого удара будет для нее предостаточно! — пробормотал он, отходя в сторону вслед за отцом. Они укрылись в густой тени деревьев, ярдах в пятидесяти от сухого дуба, за которым, в ожидании своей жертвы, притаился Бурт с дубинкой в руке.

Эзра, обычно смелый и решительный во всех своих действиях, на этот раз совсем утратил самообладание; он дрожал, как в лихорадке, у него зуб не попадал на зуб. Старый коммерсант, наоборот, был бесстрастен и хладнокровен, как всегда.

— Уже почти девять,— прошептал Эзра.

— Без десяти минут,— отвечал отец, с трудом вглядываясь в темноте в циферблат большого золотого хронометра.

— А что если она не придет?

— Придумаем какой-нибудь другой способ выманить ее из дома.

Оттуда, где они стояли, все здание старого монастыря было видно, как на ладони. Кэт не могла пройти незамеченной. Над входной дверью дома было высокое стрельчатое окно, выходившее на лестницу, и взоры отца и сына были прикованы к этому окну — они знали, что увидят Кэт, когда та будет спускаться с лестницы. И вот тускло освещенная амбразура окна потемнела, затем осветилась снова.

— Она спускается по лестнице!

— Молчи!

Протекло в ожидаиии еще несколько секунд, и входиая дверь медленно отворилась. Золотистая полоса света сиова легла через всю лужайку, едва не достнгнув деревьев, за которыми спрятались заговорщики. На крыльце в этой полосе света стояла темная фигура — фигура девушки. Даже на таком расстояиии было видно, что она закутана в серый плащ, который всегда надевала Кэт, и на голове у нее низко надвинутый на глаза капор. Чтобы спастись от бешеных порывов ветра, она повязала на шею шарф, закрыв им нижнюю часть лица. С мииуту оиа стояла иеподвижио, вглядываясь во мрак и словио не зная, на что решиться: спуститься с крыльца или воротиться обратно. Затем внезапно стремительно повернулась и притворила дверь. Полоса света исчезла, но заговорщики зиали, что нх жертва стоит там, на крыльце, н что встреча состоится.

Казалось, протекла целая вечность, прежде чем онн услышали ее шаги. Она шла медленно, осторожно ступая, словно боясь наткиуться на что-нибудь в темноте и упасть. Раза два она совсем остаиовилась, стараясь, должио быть, оглядеться и удостовериться, туда ли оиа ндет. В это мгновение луиа выглянула из-за туч н осветила ее темную фигуру — она стояла уже совсем близко от заговорщиков. Увидев сухой дуб, оиа быстро направнлась прямо к иему, но, подойдя ближе н заметив, должно быть, что явилась первой, снова замедлила шаги и стала неспешно приближаться к дереву, как делают, когда хотят протянуть время ожндания. Облака опять набежали на луну, мрак сгустнлся.

— Я вижу ее,— прошептал Эзра, в волнении хватая отца за руку.

Старнк иичего не ответил, напряженно впиваясь взглядом в темиоту.

— Вот оиа, стоит почти возле самого дуба,— шептал Эзра, тыча куда-то дрожащим пальцем.— Оиа далеко от него, он оттуда до нее ие достаиет.

— Вон он — вышел из-за дерева,— хрипло прошептал старик.— Видишь — подкрадывается сзади.

— Вижу,— отвечал сын, и в приглушенном ше-

поте его звучал ужас.— Смотрите, он остановился! Нет, приближается к ней опять! О господи, он уже у нее за спиной! Она не видит его, смотрит в другую сторону!

Край луны показался в просвете между туч, и в этом смутном серебристом свете отчетливо возникли две темные фигуры — не подозревающая об опасности девушка и мужчина, притаившийся за ее спиной, подобно хищному зверю, стерегущему свою добычу. Вот он сделал еще шаг вперед и оказался почти рядом с ней. Должно быть, ее ухо уловило в реве бури шорох его шагов, потому что она внезапно обернулась к нему. И в то же мгновение на нее обрушился страшный удар. Она не успела произнести слова молитвы, не успела даже вскрикнуть. Мгновение назад она стояла перед ним во всем блеске своей молодости и красоты, теперь она лежала у его ног бесчувственным, бездыханным трупом. Рудокоп мог получить свои запятнанные кровью деньги. Он сдержал слово.

Услышав страшный звук удара и увидав, как упала девушка, старик отец и сын выскочили из засады. Бурт с дубинкой в руке стоял над распростертым на земле телом.

— Даже не пискнула! — сказал он.— Ну, что скажете?

Джон Герлдстон пожал ему руку и с жаром поздравил его с успешным завершением дела.

— Зажечь фонарь? — спросил он.

— Бога ради, не надо! — взмолился Эзра.

— Вот уж никак не ожидал, что ты такой слабонервный, сынок,— заметил старый коммерсант.— Ну что ж, я и с завязанными глазами найду дорогу к калитке. Как приятно, что обошлось без пролития крови! Вот преимущества дубинки перед ножом.

— Неплохо сказано, хозяин,— одобрительно хмыкнул Бурт.

— Вас я попрошу взяться за ноги, а я понесу ее за плечи. Разрешите мне пойти вперед — я лучше знаю дорогу. Поезд будет здесь минут через двадцать, так что нам теперь недолго ждать. А после этого уже ничто не может открыться.

Гердлстон приподнял голову убитой, Бурт взялся за ноги. Эзра как в тяжелом бреду шагал позади. Он сознательно шел на это убийство, признавая его необходимость, но никогда не отдавал себе отчета в том, насколько чудовищно все это будет выглядеть на деле. Он уже горько раскаивался, что уступил настояниям отца. Но тут же мелькнула мысль о заманчивых перспективах торговли с Африкой и о том, что только смерть этой женщины могла спасти их от полного разорения. А если бы фирма потерпела крах, разве мог бы он с его привередливостью, с его привычкой к роскоши влачить убогое, нищенское существование? Нет, уж лучше яд или веревка! Вот какие мысли бродили в его мозгу, когда он плелся через парк по скользкой от дождя тропинке к деревянной калитке в монастырской ограде.

ГЛАВА XLV

ВТОРЖЕНИЕ В ХАМПШИР

Когда Том и майор прибыли на вокзал Ватерлоо — майор, как было описано выше, в состоянии, близком к удушью,— фон Баумсер уже поджидал их там со своими друзьями-эмигрантами. Один из джентльменов — тот, что отличался нигилистическими наклонностями, был высок и худ: его застегнутый на все пуговицы сюртук заметно поистерся на швах. У него была короткая щетинистая борода и длинная седая шевелюра. Он стоял, заложив одну руку за борт сюртука, уперев другую в бедро, словно заранее готовясь позировать для своего монумента, который будет воздвигнут у него на родине, в России, когда народ возьмет власть в свои руки и упразднит деспотизм. Несмотря на потрепанное одеяние, внешность этого человека производила впечатление незаурядности и благородства, а непринужденная грация его поклона, когда фон Баумсер представил его майору и Тому, могла бы сделать честь двору любого европейского монарха. На шее у него на довольно грубом шнурке висело пенсне. Он водрузил его на свой ястребиный нос и окинул внимательным взглядом двух джентльменов, которым взялся услужить.

Бюлов нз Кнля — иевысокий, темноглазый, чисто выбритый, очеиь подвижиый н эиергнчиый — больше походил на кельта, чем на тевтона. Он весь светнлся дружелюбнем и поспешил на чудовищном английском языке заявить майору, как счастлнв он оказать услугу тому, кто был всегда так добр к нх уважаемому, подвергавшемуся многим гонеииям коллеге н патроиту фон Баумсеру. Оба джеитльмена держались с Баумсером крайне почтнтельно, и майор решил, что его друг — довольно важная персона в социалнстнческих кругах. Иностранцы поиравнлись ему с первого взгляда, и ои мыслеино поздравнл себя с тем, что заручнлся нх помощью в предстоящем деле.

Однако экспеднции нх с первых же шагов ие повезло. В бнлетиой кассе оин узнали, что иужиый нм поезд прибудет только через два часа, да и тот пойдет со всеми остановкамн, так что раиьше восьми часов нм никак не попасть в Бедсворт. Прн этом сообщеиин Том Димсдейл совершенно потерял голову и в полном отчаянии прниялся бегать по всему вокзалу и заклннать железнодорожных служащих пустить дополнительный поезд, утверждая, что не остаиовится ни перед какимн затратамн. Тем не менее сделать это оказалось невозможным, так как в субботнне дии путь был снльио загружен. Не оставалось ничего другого, как ждать. Все трое нностранцев отправнлнсь раздобыть какой-ибудь еды и иабрелн на довольио сносную харчевию, в недрах которой фои Баумсер с царской щедростью угостил нх на славу. Майор Тобнас Клаттербек остался с Томом, ибо тот наотрез отказался покниуть платформу. Майору было хорошо нзвестно одио уютное н укромное местечко неподалеку от вокзала, где можио было бы с прнятностью провестн оставшееся до поезда время, но деликатность не позволяла ему покниуть своего молодого спутннка нн иа минуту, н думается мне, что этн два часа ожидания на продуваемой сквозным ветром платформе, без сомиения, зачтутся старому грешинку где-нибудь на иебесах.

И в самом деле, это было большнм счастьем для молодого Димсдейла, что в день нспытаний друзья не оставилн его в беде. Внд Тома был столь страиен н дик, что прохожне невольно оборачивались посмотреть на иего

еще разок. Блуждающий взгляд его широко открытых глаз пугал всех встречных. Том не мог ни единой секунды усидеть на месте и носился по платформе то туда, то сюда, снедаемый жгучей тревогой, а майор мужественно шагал рядом, всячески стараясь утешить его и подбодрить и рассказывая десятки невероятных историй, подлинных и вымышленных, больше половины которых пролетало у Тома мимо ушей.

Эзра Гердлстон опередил их на четыре часа. Эта мысль язвила мозг Тома и сводила на нет все другие умозаключения. Хорошо зная характер Кэт, Том был убежден, что она никогда не высказала бы миссис Скэлли опасений за свою жизнь, не будь у нее на то самых веских причин. Но даже если не принимать во внимание ее письма, что могло скрываться за всей этой таинственностью, за этим внезапным затворничеством, как не какие-то преступные планы? После того, как Тому стали известны махинации со страховкой судов, после того, как Гердлстон хитростью и обманом заставил его прервать переписку с Кэт, он уже считал своего компаньона способным на все. И он знал, что в случае смерти Кэт ее состояние переходит к опекуну. Таким образом, все логически увязывалось одно с другим и все с полной очевидностью указывало, что замышляется преступление. А кто этот, похожий на мясника верзила, которого Эзра потащил с собой? И Том готов был волосы на себе рвать при мысли о том, какого он свалял дурака, позволив Эзре Гердлстону ускользнуть от него, и поэтому теперь все еще бессилен прийти на помощь Кэт.

А майор тем временем отметил про себя, что никогда еще два часа не тянулись для него столь долго, и Том, без сомнения, мог бы поставить под этим утверждением свою подпись. Но всему приходит конец, и стрелки вокзальных часов, которые порой, казалось, совсем перестали двигаться, начали все же приближаться к той минуте, когда должен был отправиться поезд на Портсмут. Появился фон Баумсер со своими друзьями: все трое курили папиросы, и все заметно повеселели после посещения харчевни. Наконец пятеро путешественников разместились в купе первого класса и снова принялись ждать. Кончат здесь когда-нибудь проверять билеты,

штемпелевать багаж и проделывать прочие нудные формальности? Ну наконец-то, слава тебе господи! Раздается свисток, паровоз пыхтит в ответ, и, кажется, они и в самом деле трогаются в путь — вперед, на помощь Кэт!

Теперь предстояло еще выработать план действий. Том, фон Баумсер и майор совещались, понизив голос, а оба социалиста пока что болтали друг с другом по-немецки и истребляли несметное количество папирос. Том стоял за то, чтобы направиться прямиком в аббатство и потребовать у Гердлстона свидания с Кэт. Однако и майору и немцу это казалось неразумным, так как с юридической точки зрения сразу ставило их в ложное положение. Гердлстону достаточно будет заявить, и он, конечно, не преминет это сделать, что все их обвинения — смехотворная чушь, и что тогда? Какие доказательства могут они привести в подкрепление своих слов и чем оправдают свое вторжение? Сколь бы ни были обоснованны их подозрения, в конце концов это только подозрения, и те же самые факты в глазах других людей могут предстать совсем в другом свете.

— Что же вы в таком случае предлагаете? — вопросил Том, потирая ладонью пылающий лоб.

— А вот что, черт побери, сейчас я вам это изложу,— отвечал старый солдат.— И думаю, что мой друг фон Баумсер согласится со мной. Насколько я понимаю, это аббатство окружено стеной, в которой имеются только одни ворота. По-моему, мы все должны ждать снаружи, а один из нас проникнет за ограду как лазутчик и разузнает, что там происходит. Он должен выяснить у самой мисс Кэт, действительно ли она нуждается в том, чтобы ей была немедленно оказана помощь и в какой именно форме. Если же ему не удастся проникнуть к этой молодой особе, пусть понаблюдает за домом и постарается побольше увидеть и услышать. Тогда, быть может, у нас появятся какие-нибудь основания, чтобы действовать. Я прихватил с собой — прицепил к часовой цепочке — свисток, который подарил мне когда-то мой приятель Чарли Джилл из Иннескиллевского полка. Наш лазутчик может взять с собой этот свисток, и если ему срочно потребуется наша помощь, пусть толь-

ко свнстнет, и мы все четверо тотчас бросимся к нему на выручку. Хотя как, черт побери, перелезу я через стеиу, мие пока еще ие ясио,— сокрушенно заключил майор, окидывая скептическим взглядом свою дородиую фигуру.

— Надеюсь, друг мой,— сказал фои Баумсер,— что вы окажете мне честь — дадите пробраться туда первому. В свое время в Швабском егерском я был иа очеиь хорошем счету как лазутчик.

— Нет, это мое право,— решнтельно заявил Том.

— Ваши притязаиия основательиы,— сказал майор.— Но что это за поезд! Ои движется ие быстрее того, иа котором путешествовал в Америке Джимми Траверс. По словам Джимми, оии себе пыхтели ие спеша и вдруг увидели впереди иа железиодорожиом полотие корову, шагавшую в том же иаправлеиии, что и поезд. Оии, коиечно, подумали, что сейчас ее переедут, но только иичего подобного ие произошло — им так и не удалось ее иагиать, оиа себе шла н шла и в коице концов просто скрылась нз глаз. Ну вот, кажется, мы прибылн на какую-то стаицию! Далеко еще до Бедсворта, проводиик?

— Следующая остановка Бедсворт, сэр.

— Слава тебе, господи! Уже без двадцати восемь. Здорово мы запоздали. Так всегда получается, когда спешишь.

Когда оин прибыли в Бедсворт, было уже почти восемь часов. Начальиик станции посоветовал им обратиться в трактир «Летящий бык», где они раздобыли ту самую повозку, которая в свое время доставила в аббатство Кэт и ее опекуиа. Пока запрягали лошадь, прошло еще около получаса.

— Гони во весь дух в аббатство, дружище,— сказал майор.

Угрюмый возница ответствовал иа это молчанием, ио что-то похожее иа удивление потревожило его флегматичиые черты. Столько лет иикто ие заглядывал в старую обнтель, что в Бедсворте сталн уже забывать о ее существоваиии. А теперь вот целые отряды лондонцев прибывают иа станцию один за другим н требуют, чтобы нх везлн в монастырь! Всю дорогу возница,

погоняя свою лошадку, размышлял над этим странным обстоятельством, но единственный вывод, к которому сумел прийти ум этого поселянина, сводился к тому, что пора, видно, брать побольше с тех, кто захочет поехать туда.

Была ненастная ночь; дул пронзительный холодный ветер с дождем. Впрочем, всем пятерым мужчинам, ехавшим в аббатство, было сейчас не до погоды. Даже двое иностранцев так заразились скрытым волнением своих спутников и так близко принимали к сердцу их тревогу, что тоже были охвачены нетерпеливым волнением.

— Далеко еще? — спросил майор.

— Вон там, за поворотом дороги, сразу будут ворота, сэр!

— Не останавливайся у ворот, проезжай немного дальше.

— Кроме как через ворота, вы туда никак не попадете,— возразил возница.

— Делай, что тебе велят,— строго сказал майор.

И снова на лице возницы отразилось удивление. Полуобернувшись на козлах, он окинул долгим, пристальным взглядом лица своих седоков, неясно различимые в полумраке. Кажется, у него мелькнула мысль, что, похоже, ему еще придется опознавать их в полицейском участке. «Вот того, толстого, с красным лицом, я, пожалуй, признаю,— подумалось ему.— Да и этого — с рыжей бородой и палкой — тоже».

Они миновали каменные столбы ворот с полуразрушенными геральдическими гербами и двинулись дальше вдоль парковой ограды. Проехав ярдов сто, майор приказал вознице остановиться, и все вышли из повозки. Повышенная плата за проезд была уплачена без малейших возражений, и возница погнал свой экипаж обратно, окончательно решив отправиться прямо в полицейский участок и сообщить там о подозрительных личностях, которых он доставил в старое аббатство.

— Ворота, разумеется, кто-нибудь сторожит,— сказал майор.— Значит, надобно держаться от них подалее. А стена-то высоченная. Давайте обойдем кругом — посмотрим, может, где будет пониже.

— Я и здесь могу перелезть,— нетерпеливо заявил Том.

— Обождите. Две-три минуты дела не меняют. Старик сэр Колин говорил, бывало, что из-за излишней спешки было проиграно больше сражений, чем из-за излишних промедлений. А что это за насыпь там, справа?

— Это — железнодорожное полотно,— сказал фон Баумсер.— Вон, видите, столбы, а там, вдали,— красные огоньки.

— Да, вы правы. И ограда здесь вроде бы пониже. А что это там темнеет? Смотрите-ка, тут есть калитка в парк!

— Верно, только она заперта.

— Слушайте, подсадите-ка меня здесь,— умоляюще сказал Том.— Ведь каждая минута дорога. Неизвестно, что сейчас творится там, за этой стеной. Может быть, в эту самую секунду они готовятся ее убить.

— Он дело говорит,— сказал фон Баумсер.— А мы стоять будем, сигнала от вас ждать. Помогите-ка ему, друзья,— вверх его толкайте!

Том ухватился за верх ограды, сильно порезав себе руки битым стеклом. Он подтянулся, вскарабкался на стену и уселся на ней верхом.

— Возьмите свисток,— сказал майор, поднимаясь на цыпочки и стараясь дотянуться до руки Тома.— Если понадобится наша помощь, свистите в него посильнее, и мы будем возле вас в мгновение ока. Не перелезем через ограду, так выломаем калитку. Сам черт с рогами нас не остановит!

Том уже готовился спрыгнуть со стены, как вдруг все наблюдавшие за ним снизу заметили, что он распластался на стене и замер, притаившись; казалось, он к чему-то прислушивался.

— Тише! — прошептал Том, наклоняясь к ним.— Кто-то идет через парк.

Ветер затих, буря улеглась. Уже слышнее стал звук шагов и приглушенные голоса. Все прижались к ограде, прячась в ее тени. Том лежал наверху — прямо на битом стекле; совсем слившись со стеной, он был почти неразличим в полумраке.

Шаги все ближе и ближе, все громче звучат голоса... Вот они уже почти у самой ограды — по ту сторону ее. Слышно, что идут несколько человек — они дышат тяжело, тяжело ступают. Скрежещет ключ, поворачиваясь в замочной скважине, скрипят ржавые петли, и деревянная калитка распахивается. Появляются три темные фигуры: они, по-видимому, что-то несут.

Притаившиеся у стены еще теснее прижались к ней; все глаза тревожно, напряженно вглядывались во мрак. Они не могли разглядеть ничего, кроме неясных очертаний темных мужских фигур, и тем не менее при виде их безотчетный страх заползал к ним в душу, леденя в жилах кровь. На них повеяло дыханием смерти.

Три темные тени пересекли дорогу, пробрались между негустых кустов живой изгороди и поднялись на насыпь. Видно было, что ноша их изрядно тяжела, потому что, взбираясь по крутому травянистому склону, они раза два приостановились, а когда были уже почти на самом верху, у края насыпи, один из них поскользнулся и, по-видимому, упал на колени, глухо выбранившись. Но вот они все взобрались на насыпь, и их фигуры, почти скрывшиеся из глаз, снова стали отчетливо видны на фоне серого, пасмурного неба. Наклонившись, они осторожно опустили на рельсы свою темную, бесформенную ношу.

— Надо бы посветить,— сказал один.

— Нет, нет, совершенно ни к чему,— возразил другой.

— Куда это годится — работать в темноте,— сказал третий, очень громко и хрипло.— Где ваш фонарь, хозяин? Спички у меня есть.

— Надо же положить так, чтобы колеса пришлись куда следует,— сказал первый.— Давай, Бурт, зажигай.

Резко чиркнула спичка, и слабый, мерцающий огонек вспыхнул во мраке. Он колыхался на ветру, и казалось, вот-вот погаснет, но тут затеплился фитиль фонаря, вырвав из мрака пятно резкого желтого света. Луч фонаря упал на майора и его товарищей, уже вышедших на дорогу, и осветил группу мужчин, стоявших на железнодорожном полотне. Но пораженные ужасом убийцы смотрели не на майора и его товарищей, а те тоже забыли

на мгновение о преступниках, ибо там, на рельсах, словно призрак с того света, стояла та самая несчастная, замученная страдалица, для которой предназначался удар смертоносной дубинки Бурта, и колеблющийся свет фонаря играл на ее нежном, бледном, без кровинки лице.

Несколько мгновений она стояла так, совершенно неподвижно, и все вокруг, словно в оцепенении, не двигались с места и не произносили ни слова. А затем над насыпью разнесся крик — крик столь дикий, столь неистовый, что он вечно будет звучать в ушах тех, кто его слышал, и Бурт упал на колени, закрыв руками лицо, словно стараясь защититься от представшего перед ним видения. И тогда Джон Гердлстон, белый как мел, с остановившимся взглядом безумца, которому явился сам сатана, схватил своего сына за руку и, не разбирая дороги, обезумев от ужаса, бросился прочь в темноту, увлекая сына за собой. А Том спрыгнул с ограды и, подбежав к Кэт, заключил ее в объятия, и она, плача, и смеясь, и перемежая смех и слезы вопросами, восклицаниями и очаровательными в своей бесподобной женственности ахами и охами, прильнула к его груди, обретя наконец спасение от так долго угрожавшей смертельной опасности.

ГЛАВА XLVI

ПОЛНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Едва ли можно было бы сыскать на свете людей, столь же испуганных и павших духом, как эти двое — Джон Гердлстон и его сын. Грязные, промокшие до нитки, они все еще продолжали свое безудержное, безотчетное бегство, устремляясь куда глаза глядят, продираясь сквозь живые изгороди, перелезая, перепрыгивая через всевозможные препятствия, гонимые одним безумным желанием — скрыться, убежать как можно дальше от бледного, выносящего им приговор лица. Задыхаясь, изнемогая от усталости, они продолжали единоборствовать с ветром и мраком, пока впереди не забелела полоса морского прибоя и не стал слышен шум набегающих

на плоский берег волн. Тогда они остановились, утопая по щиколотку в песке и мелкой гальке. Небо прояснилось, луна спокойно и торжественно плыла по небу, заливая своим мирным сиянием разбушевавшийся океан и убегающий вдаль Хампширский берег. И при свете луны отец и сын поглядели друг на друга, словно две заблудшие души, услыхавшие, как захлопываются за ними врата ада.

Кто бы мог теперь узнать в этих людях почтенного коммерсанта с Фенчерч-стрит и его щеголеватого сына! Одежда их была разорвана, на перепачканных грязью лицах — царапины, оставленные колючими кустами куманики и шиповника, старик потерял шляпу, и его серебристые седые волосы, спутанные, взлохмаченные, развевались на ветру. Но перемена в их поведении и выражении лиц была еще разительнее, чем в их одежде. У обоих был перепуганный, затравленный вид, как у загнанного зверя, который слышит в отдалении приближающийся лай гончих. Руки у них тряслись, они с трудом переводили дыхание. Еле держась на ногах от усталости, они продолжали дико озираться по сторонам, и казалось, малейший шорох может снова обратить их в бегство.

— Вы — дьявол! — внезапно прохрипел Эзра, делая шаг к отцу, и занес над головой руку, словно для удара.— Вот что вы наделали! Это все ваше ханжество, ваши хитрости, ваши интриги! Ну, а мне что теперь делать? Отвечайте! — И, схватив старика за лацканы пиджака, он принялся яростно его трясти.

Лицо Гердлстона помертвело, казалось, он вот-вот лишится чувств; остекленелые глаза смотрели тупо. Свет луны отражался в них и придавал призрачный вид его искаженным чертам.

— Ты видел ее? — прошептали его трясущиеся губы.— Ты видел ее?

— Еще бы, конечно, я ее видел,— отвечал сын грубо.— И видел еще этого проклятого молодчика из нашей Лондонской конторы, и майора, и черт его знает кого еще. Вы растревожили все их осиное гнездо.

— Это был ее призрак,— замирающим от ужаса голосом произнес старик.— Призрак убиенной дочери Джона Харстона.

«Торговый дом Гердлстон»

«Школьный учитель»

— Никакой это был не призрак, а сама девчонка,— сказал Эзра. Перетрусивший вначале не меньше отца, он во время их безумного бегства сумел все же собраться с мыслями и сообразить, что произошло.— В хорошую историю мы влипли с этим делом!

— Сама девчонка?! — в полной растерянности вскричал старик Гердлстон.— Ради всего святого, перестань издеваться надо мной! А кого же тогда мы вынесли из парка и положили на рельсы?

— Кого? Да эту ревнивую шлюху Ребекку Тэйлфорс — вот кого! Она, верно, прочла мою записку, стащила у той, другой, ее плащ и капор и явилась послушать, что я ей буду говорить. Проклятая идиотка!

— Так мы убили не ту женщину! — пробормотал старик все с тем же отупелым выражением лица.— И все напрасно, значит... Все напрасно!

— Да хватит вам стоять и бормотать себе под нос! — воскликнул Эзра, хватая отца за руку и увлекая за собой вдоль берега.— Вы что, не понимаете, что они там всех подняли на ноги и за нами уже гонятся и вздернут в два счета, если только поймают. Очнитесь, возьмите себя в руки! Или вы считаете, что виселица — достойный финал всех ваших благочестивых проповедей и молитв?

Они торопливо зашагали по берегу, глубоко увязая в грудах мелкой гальки, спотыкаясь о большие кучи морских водорослей, выброшенных на берег только что пронесшимся штормом. С моря все еще задувал крепкий ветер, и они шагали, наклонив голову, согнувшись, выставив вперед плечи, а соленые морские брызги разъедали им глаза и солью высыхали на губах.

— Куда ты ведешь меня, сын мой? — осведомился через некоторое время старик.

— Туда, где у нас еще есть шанс спастись — и единственный притом. Следуйте за мной и не задавайте вопросов.

В сером полумраке ночи впереди тускло замерцал огонек. По-видимому, он и манил к себе Эзру. Они продолжали брести вперед, а огонек все рос, становился все ярче и наконец получил очертания лампы, горевшей за небольшим квадратным окошком. Гердлстон узнал на-

конец домишко и понял, куда они пришли. Здесь, в этой хибарке, жил рыбак по имени Сэмпсон. Отсюда до Клакстона было немногим больше мили. Гердлстон вспомнил, как эта хибарка привлекала его внимание своим необычным видом, так как была сложена из останков выброшенного на берег норвежского трехмачтовика. Тростниковая кровля и прорезанные в корпусе судна окна и двери придавали хибарке вид какого-то странного гибрида и приковывали к ней любопытствующие взоры проезжих. Сэмпсон владел довольно большим шлюпом, на котором он рыбачил вместе со своим старшим сыном, и, как говорили, жил не так чтоб бедно.

— Что ты намерен делать? — спросил Гердлстон Эзру, когда тот направился к двери хибарки.

— Приведите себя в порядок, вы похожи на привидение,— сердито прошипел в ответ Эзра.— Мы еще можем спастись, если не будем терять головы.

— Да, да, я уже оправился. Не беспокойся за меня.

— Тогда улыбайтесь и как можно приветливее,— сказал Эзра и громко постучал в дверь хибарки.

Из-за шума ветра обитатели хижины не слышали, по-видимому, ни шагов, ни голосов, но как только Эзра постучал в дверь, в хижине громко залаяла собака и там начали переговариваться. Затем раздался глухой удар, и лай смолк,— должно быть, кто-то запустил в собаку сапогом, решил Эзра.

— У нас наживки нет! — прокричал из-за двери грубый голос.

— Мне надо видеть мистера Сэмпсона! — крикнул Эзра.

— Говорят тебе, у нас нет наживки,— еще более раздраженно загремел тот же голос.

— Нам не нужно наживки. Мы хотим поговорить,— сказал Эзра.

Дверь распахнулась, и на пороге возник грузный мужчина средних лет в красной рубахе, довольно точно отражавшей цвет его лица.

— У нас наживки...— начал было он, но тут же умолк, узнав своих ночных посетителей, и уставился на них, разинув рот; беспредельное изумление отразилось в каждой черточке его лица.— Глядите-ка, да

ведь это вроде как тот господин, что проживает сейчас в обители,— воскликнул он наконец и даже присвистнул, что, по-видимому, являлось у него своеобразным способом давать выход своему удивлению, когда он не хотел, чтобы оно оставалось закупоренным внутри его системы.

— Могли бы мы перекинуться с вами словечком, мистер Сэмпсон? — спросил Эзра.

— Само собой, сэр, само собой! —сказал рыбак, бросаясь обратно в хибарку и смахивая рукавом воображаемую пыль с двух табуреток.— Входите! Эй, Джордж, пододвинь-ка табуреты поближе к огню, присаживайтесь, господа.

Получив это распоряжение, долговязый, неуклюжий подросток в высоких рыбачьих сапогах пододвинул табуреты к очагу, в котором весело потрескивали поленья. Старик Гердлстон и Эзра опустились на табуреты, радуясь теплу, а рыбак и его сын молча глазели на них, словно на каких-то диковинных морских животных, прибитых к берегу штормом.

— Пошла прочь, Сэмми! — сердито шуганул рыбак большую шотландскую овчарку, вознамерившуюся лизнуть руку Гердлстону.— Чего она вас лижет? Э, сэр, да никак у вас руки в крови!

— Отец оцарапал руку,— быстро сказал Эзра.— Потом у него унесло ветром шляпу, и мы в темноте сбились с пути, так что, в общем, попали в переделку.

— Да оно и видно! — сказал Сэмпсон, оглядывая их с головы до пят.— Когда вы постучали, я подумал, что это ребята из Клакстона — они вечно тащатся сюда, когда у них выходит вся наживка. А больше к нам никто и не заглядывает, верно, Джордж?

Призванный в свидетели Джордж промычал нечто нечленораздельное, а затем оглушительно расхохотался, широко разинув огромный рот.

— Ну, нам требуется нечто другое, и вы за это получите больше, чем за вашу наживку,— сказал Эзра.— Вы помните, мы случайно встретились с вами как-то в субботу вечером, недели три назад, и я расспрашивал вас про этот ваш домик, и шлюп, и разные прочие вещи?

Рыбак молча кивнул.

— Вы говорили тогда, что ваш шлюп — надежное мореходное суденышко и такое вместительное, почти как яхта. А я, помнится, сказал вам, что, может быть, мне когда-нибудь захочется воспользоваться им.

Рыбак снова кивнул. Его изумленный взгляд все еще перебегал с одного посетителя на другого, отмечая каждую прореху в одежде, каждое грязное пятно.

— Нам с отцом нужно попасть в Даунс. Вот мы и подумали: почему бы нам не воспользоваться вашим шлюпом и не попросить вас и вашего сына оказать нам услугу? Полагаю, что ваша посудина выдержит такое расстояние?

— Выдержит ли? Это до Даунса-то? Да на ней плыви хоть в Америку! Отсюда до Даунса никак не больше ста двадцати миль. При попутном ветре это ей один день пути. Завтра после обеда можно и отшвартоваться, если ветер малость поутихнет.

— Завтра после обеда? К этому времени мы уже должны быть там. Мы хотим отправиться сегодня же ночью.

Рыбак покосился на сына, и мальчишка снова прыснул со смеху.

— Пускаться в плавание поздней ночью, когда с юго-востока задувает почитай что шторм,— это уж что-то больно чудно, я никогда такого и не слыхивал.

— Видите ли, какое дело,— сказал Эзра, наклоняясь вперед и отчеканивая каждое слово,— мы уже твердо решили отправиться сейчас, и готовы заплатить за эту нашу причуду. И чем быстрее мы тронемся в путь, тем лучше. Назовите вашу цену. Если вы не хотите доставить нас в Даунс, в Клакстоне, я полагаю, найдется немало желающих.

— Да ведь ночка-то не приведи господь,— сказал рыбак.— Будь я проклят, если шлюп после этого не придется подновлять, да и снасти, верно, тоже. А мы его только-только покрасили, и вся наша работа, стало быть, полетит к черту. В такую непогоду это путь неблизкий, а потом ведь еще надо ворочаться назад. Значит, два, а то и три рабочих дня потеряем, а сейчас тут возле берега полным-полно рыбы, и на рынке на нее хороший спрос.

— Тридцать фунтов — и по рукам? — спросил Эзра.

Предложенная сумма значнтельно превышала ту, которую рыбак отважнлся бы назвать. Однако самая ее фантастнчность раззадорила его, вселнв надежду, что можно сорвать н побольше.

— И за трндцать пять не соглашусь. Разве это окупнт мой труд да убыткн, не счнтая уж ремонта шлюпа?

— Пусть будет сорок,— сказал Эзра.— Дороговато, конечно, за такую пустую прнхоть, но мы не станем ряднться нз-за одного-двух фунтов.

Старый моряк в раздумье поскреб затылок, словно не зная, радоваться лн этой ннспосланной небом удаче, нлн поторговаться еще.

Но Эзра, вскочнв с табурета, положнл конец его колебанням.

— Пошлн в Клакстон, отец,— сказал он.— Там мы добудем все, что нам надо.

— Зачем горячиться, сэр! — поспешно сказал рыбак.— Разве я говорю, что работа не по мне? За те деньгн, что вы даете, я согласен. Давай, Джордж, пошевелнвайся, ступай, готовь лодку.

Получнв это распоряженне, парень в резнновых рыбачьнх сапогах сразу проявнл бурную деятельность н прннялся бегать нз хнбаркн на берег н обратно, перетаскнвая какне-то предметы н выказывая проворство, ннкак не вязавшееся с его неуклюжей внешностью.

— Нельзя лн мне помыть рукн? — спроснл Гердлстон. На руках его все еще розовелн пятна, оставшнеся после прнкосновення к телу убнтой девушкн. По-вндммому, дубннка Бурта оказалась не такнм уж бескровным оружнем в конце концов.

— Вот здесь, в бадейке, есть вода, сэр. Может, отрезать вам кусочек пластыря, залепнть порез?

— Нет, не стонт, это совсем пустячная царапнна,— поспешнл отказаться старый коммерсант.

— Ну, так я пойду,— сказал рыбак.— Со шлюпом еще прндется повознться. Боюсь, что вы проголодаетесь дорогой: кроме солоннны, галет н пресной воды, у нас ничего больше нет.

— Об этом не беспокойтесь. Главное — поторопнтесь.

Рыбак ушел на берег, и Эзра остался в хижине наедине с отцом. Старик тщательно вымыл руки и выплеснул грязную воду за дверь.

— Каким образом рассчитываешь ты расплатиться с этим человеком? — спросил он.

— Я зашил немного денег в подкладку жилета,— ответил Эзра.—Я же все-таки не совсем дурак и прекрасно понимал, что мы в любую минуту можем оказаться на мели. И я твердо решил, что не все достанется нашим кредиторам.

— Сколько же ты припрятал?

— А какое ваше дело! —сердито сказал Эзра.— Не суйте свой нос куда не следует. Это мои деньги, потому что их спас я. Хватит с вас и того, что я потрачу часть их, чтобы помочь вам скрыться.

— Я ведь не оспариваю твоих прав, сынок,— кротко сказал старик.— Великое счастье, что ты оказался достаточно предусмотрительным и сумел сохранить эти деньги. Ты думаешь, нам следует бежать во Францию?

— Во Францию! Вздор! Телеграф уже поднял там на ноги всю береговую полицию. Нет, нет, там нам не спастись!

— А где же тогда?

— Куда провалился этот рыбак? — спросил Эзра, внезапно исполнившись подозрения, и, приотворив дверь, впился взглядом в темноту.— Никто не должен знать, куда мы направляемся. А мы в Даунсе пересядем к капитану Миггсу на его корабль. «Черный орел» должен был спуститься по Темзе сегодня и лечь на якорь в Грейвсенде, а потом отплыть в Даунс и прибыть туда завтра. А поскольку завтра воскресенье, до них еще не дойдет никаких вестей. Если только нам удастся уплыть на «Черном орле», мы собьем наших ищеек со следа. А Миггсу мы велим высадить нас на испанском берегу. Думаю, что полиция станет тогда в тупик. А сейчас они, конечно, уже ведут наблюдение за всеми железнодорожными станциями. Интересно, что там с Буртом?

— Надеюсь, что они его повесят! —с оттенком прежней деловитой энергии вскричал Джон Гердлстон.— Если бы он дал себе труд проверить, та ли это девушка, ничего бы не произошло.

— Не сваливайте всю вину на Бурта,— с горечью произнес Эзра.— Кто все время толкал нас на это преступление, даже тогда, когда мы готовы были отступить? Да и вообще это был ваш замысел, никому, кроме вас, это и в голову бы не пришло.

— Я старался действовать всем на благо! — вскричал старик, с жалобной мольбой простирая руки к сыну.— Не тебе бы, сынок, упрекать меня. Моей единственной мечтой было сделать тебя богатым и всеми уважаемым, ведь только этим я и руководствовался. И ради этого был готов на все.

— Вы всегда полны самых благих намерений,— жестко сказал сын.— Но, как ни странно, на деле все получается наоборот. Осторожнее, идет Сэмпсон!

Послышался скрип гальки под тяжелой поступью рыбака, и в дверь просунулась багровая физиономия, блестевшая от пота и морской воды.

— У нас все готово, сэр,— сказал рыбак.— Сейчас мы с Джорджем накинем резиновые плащи, и можно запирать домишко. Придется нашей хибарке самой постеречь себя, пока мы вернемся.

Старик Гердлстон и Эзра направились к берегу. Там была привязана небольшая лодка, а рыбачий шлюп стоял на якоре в некотором отдалении от берега. Очертания шлюпа смутно выступали из темноты, прибой покачивал его, и похожие на призрак снасти то клонились к воде, то взмывали вверх. Чернота океана за белой пенистой полосой прибоя казалась ощеренной пастью какого-то чудовища. Шторм бушевал уже где-то вдали, но с юго-запада еще налетали временами яростные порывы ветра, и темные облака величественной и грозной процессией тянулись по небу и черным водопадом низвергались на горизонте — там все еще неистовствовала буря. Эзра и его отец застегнули на все пуговицы сюртуки, спасаясь от ледяного, пронизывающего ветра, и хлопали себя ладонями по бокам, стараясь согреться.

Вскоре из хижины вышел Сэмпсон и за ним его сын; в обеих руках у них было по фонарю. Рыбаки замкнули дверь хижины на замок — как видно, со сборами было покончено. При свете фонарей можно было различить, что оба рыбака в предвидении непогоды надели желтые непромокаемые плащи и зюйдвестки.

— Как же вы выйдете в море в такой одежде? — спросил Сэмпсон.— Вы ж промокнете до нитки.

— Это уж наша забота,— отвечал Эзра.— Не будем терять времени.

— Что ж, прыгайте в лодку, сэр, а мы за вами.

Рыбаки оттолкнули лодку от берега и сели на весла. Гердлстоны остались на корме. Море еще не улеглось, оно гнало такие высокие волны, что, когда рыбачья лодчонка скатывалась с гребня вниз, в темную бездну, все исчезало из виду — и шлюп, к которому они держали путь, и оставшийся позади берег,— кругом были только черные шипучие волны, готовые, казалось, сомкнуться над головой. Потом их лодчонку снова взмывало на гребень большого вала, а впереди снова разверзалась черная бездна, в которую она тут же устремлялась с неудержимой силой. Взлетая на гребень, они видели весь шлюп, покачивавшийся на волнах, а в следующую секунду только верхушка его мачты торчала над водой. До шлюпа было не больше сотни-другой ярдов, но продрогшим до костей беглецам казалось, что этому путешествию не будет конца.

— Приготовь отпорный крюк! — послышался наконец крик Сэмпсона.

Темный корпус шлюпа вздымался уже прямо над ними.

— Есть, отец!

Лодчонку подтянули к шлюпу, и Гердлстоны с помощью рыбаков кое-как вскарабкались на борт.

— Где у тебя фалинь, Джордж?

— Здесь, отец.

— Давай, закрепляй.

Джордж закрепил канат, пришвартовав лодку возле румпеля. После этого он с отцом принялись ставить парус и поворачивать шлюп.

— Сейчас увалимся под ветер! — крикнул Сэмпсон.— Давайте-ка, сэр, подсобите нам малость.

Эзра поймал конец брошенного ему каната и принялся тянуть. Он был рад заняться хоть чем-нибудь, лишь бы отвлечь мысли от ужасных событий этой ночи.

— Готово, сэр! —крикнул рыбак и, перегнувшись за борт, перехватил у Эзры канат, поднял якорь и с грохотом опустил его на палубу.

— Ну, Джордж, теперь бери три рифа и можно ставить грот.

Еще некоторое время рыбаки тянули какие-то снасти, заставляя своих пассажиров помогать им и обмениваясь непонятными для них морскими терминами, и наконец большой небеленый парус был поднят. Его тотчас надуло ветром, и шлюп накренился так, что его подветренный борт лег вровень с водой, а палуба стала торчком, и Гердлстоны, только ухватившись за снасти с наветренной стороны, смогли устоять на ногах. Волны бешено плясали, и пенились вокруг, и били в корму, но стойкий маленький шлюп, презирая бурю, храбро резал их носом, держа путь на восток.

— Насчет помещения у нас не богато,— смущенно сказал Сэмпсон.— А все ж кое-какая каютка есть, спускайтесь вниз.

— Спасибо, мы пока останемся на палубе,— сказал Эзра.— Когда примерно можно на этой посудине попасть в Даунс?

— Если и дальше будем идти таким ходом, то завтра после полудня.

— Годится.

Моряк с сыном поочередно становились к штурвалу, несли вахту, переставляли парус. Их пассажиры, уцепившись за поручни с наветренной стороны, не покидали палубы. Все молчали, каждый был занят своими мыслями. Шлюп миновал Клактон, обогнул мыс, и внезапно взору предстало старое аббатство, все до единого окна которого были ярко освещены, и на этом сверкающем фоне двигались какие-то тени.

— Погляди,— прошептал старик Гердлстон.

— Да, полиция не заставила себя ждать,— отвечал сын.

Джон Гердлстон промолчал. Затем внезапно закрыл лицо руками, и впервые за всю его долгую жизнь хриплые рыдания вырвались у него из груди.

— Боже праведный! Что будет в понедельник на Фенчерч-стрит! — простонал он.— Столько трудов, дело всей жизни, и такой конец! О моя фирма, мое детище, создание моих рук! Это разбивает мне сердце!

И так всю долгую ненастную зимнюю ночь они сидели, скорчившись, на палубе рыбачьего шлюпа, держав-

шего путь вдоль берегов Ла-Манша. О чем думали они, подставляя бледные, застывшие лица встречному ветру и мраку? Какие мрачные бездны открывались их мысленному взору, когда они заглядывали в свое безрадостное будущее? И не лучше ли им было разделить судьбу той, чьи безжизненные останки вынесли они за ограду аббатства, чем пасть жертвой безжалостных демонов раскаяния, бесплодных сожалений и страха, терзавших их души вечными воспоминаниями о тяжком, несмываемом грехе убийства?

ГЛАВА XLVII

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

Такой невыразимый ужас обуял Бурта при виде той, которая, как ему казалось, пала от его руки, что, рухнув к ногам своей жертвы, он лежал на рельсах, стеная от страха, и даже не пытался ни бежать, ни оказать сопротивление, когда майор вместе со своими спутниками схватил его, а русский нигилист проворно и ловко связал ему руки носовым платком, проявив при этом большую сноровку. Затем, не торопясь, извлек из недр своего сюртука длинный блестящий нож, приставил его сначала к кончику носа преступника, чтобы привлечь его внимание, и затем грозно помахал им в знак того, что всякая попытка к бегству будет небезопасна.

— А эта женщина, кто же она? — спросил фон Баумсер, приподняв голову убитой.

— Бедняжка! Кто бы она ни была, ей уже не открыть глаз,— сказал майор, освещая фонарем бледное, застывшее лицо.— Видите, куда этот трус нанес ей удар? Вероятно, смерть была мгновенной, и она даже не почувствовала боли. А я бы ни секунды не усомнился в том, что это та самая барышня, которую мы явились сюда спасать, если бы, благодарение богу, она не стояла тут, перед нами, живехонька!

— А где же те-то, другие? — спросил фон Баумсер, вперяя взгляд в темноту и бережно опуская голову девушки на землю. — Если в этой стране справедливость есть, их за то, что они тут натворили, повесить должны.

— Они удрали, — сказал майор, — и преследовать их сейчас бесполезно: местность эта нам незнакома, и мы не знаем, в каком направлении скрылись преступники. Они же скатились с насыпи, как безумные! Эй! Это еще что за чертовщина?

Восклицание это относилось к трем ярким светящимся точкам, которые появились из-за поворота дороги и довольно быстро приближались, становясь при этом все ярче. Затем из темноты послышался голос:

— Они здесь, ребята! Окружайте их! Смотрите, чтоб ни один не удрал!

И прежде чем майор или кто-нибудь из его друзей успел опомниться и сообразить, в чем дело, все они были храбро взяты в плен теми доблестными и несокрушимыми, как скала, представителями рода человеческого, которые именуются английскими констеблями.

Нужна немалая отвага, чтобы, кинувшись в разбушевавшуюся морскую стихию, бросить конец каната терпящему крушение судну. Не меньшая отвага нужна и для того, чтобы, прыгнув за борт корабля, спасти утопающего, зная, что каждую секунду в зеленой глуби океана может мелькнуть грозная тень, и страшный хищник океанских джунглей, повернув вверх свое белое брюхо, бросится на свою беззащитную жертву. И рядовому пехотинцу нужна отвага, когда он, крепко сжимая в руках винтовку, твердо идет вперед, бок о бок со своими товарищами, навстречу мчащимся, как вихрь, уланам. Но все это меркнет перед делами нашего простого констебля, когда он темной ноябрьской ночью, обходя свой участок, видит распахнутую настежь дверь, останавливается, прислушивается и понимает, что настал час проявить все то мужество, на какое он способен. Он должен действовать вслепую, наугад, во мраке. Он должен один-одинешенек поймать этих отпетых головорезов, как крыс в норе. Он должен быть готов пустить в ход свое нехитрое оружие против их шестизарядного револьвера и кастета. Все эти мысли ураганом проносятся в его голове. Он

вспоминает жену и детей, оставленных дома, и невольно думает о том, как было бы просто не заметить открытой настежь двери. И затем — как же он поступает? Да, с сердцем, исполненным чувства долга, и со своей простой дубинкой в руке он идет навстречу опасности, а нередко и смерти, как и подобает благородному рыцарю-англичанину, чья возвышенная душа больше страшится укоров совести, нежели кастета и пули.

Сие патетическое отступление имеет своей целью подчеркнуть тот факт, что три дородных гэмпширских полицейских, пущенных по следу наших друзей сметливым возницей из трактира «Летящий бык» и получивших возможность самолично удостовериться в безусловно крайне подозрительном поведении вышеупомянутых лиц, проявили поистине неукротимую энергию, и не успели Том, майор и фон Баумсер опомниться, как они оказались в надежных и крепких руках закона. Нигилист же, чья ненависть к закону была неистребима, так как ничто на свете не в состоянии было убедить его в том, что при каких бы то ни было обстоятельствах закон может оказаться на его стороне, выпрямился во весь рост, прижав к бедру нож и всем своим видом показывая, что не постесняется пустить его в ход. Не менее воинственную позу принял и его приятель из Киля. По счастью, однако, внешность преступников и несколько торопливых слов, сказанных майором, помогли полицейскому инспектору быстро разобраться что к чему, и, тотчас перенеся свое внимание на Бурта, он в мгновение ока надел на него наручники, после чего майор изложил ему уже во всех подробностях обстоятельства дела.

— Кто эта молодая особа? — спросил полицейский, указывая на Кэт.

— Это та самая мисс Харстон, которую мы хотели спасти, ради чего и прибыли сюда, и для которой, без сомнения, и предназначался удар, поразивший насмерть другую бедняжку.

— Вам, пожалуй, лучше увести ее в дом, сэр,— сказал инспектор Тому.

— Очень вам благодарен, —сказал Том и, взяв Кэт под руку, повел ее через парк к аббатству.

По дороге Кэт рассказала ему, как сначала понапрасну разыскивала свой плащ и капор, которые, как оказалось, выкрала у нее Ребекка, а потом решила пойти к условленному месту без них. Однако эти поиски задержали ее, и она пришла чуточку позже назначенного часа. Под сухим дубом никого не оказалось, но в глубине парка раздались голоса и шум шагов, и она пошла в этом направлении, увидела открытую калитку, вышла за ограду, поднялась на насыпь, и тут в лицо ей ударил свет фонаря и открыл ее присутствие как друзьям, так и врагам. Впрочем, Кэт не успела довести своего повествования до конца, ибо Том заметил, что она все тяжелее и тяжелее опирается на него, и, подхватив ее на руки, понес к дому. Тяжкие испытания последних недель, ужасные события этой ночи и нежданная радость избавления подорвали силы Кэт. Том внес ее в дом, положил в столовой на кушетку, поближе к очагу, и, заботливо склонившись над ней, призвал на помощь все свои скромные познания в медицине, дабы облегчить ее состояние.

Тем временем полицейский инспектор, полностью уразумев положение дел, с предельной четкостью и ясностью обрисованное ему майором, уже принимал энергичные меры и стремительно отдавал распоряжения.

— Ты, констебль Джоис, отправляйся на станцию,— приказал он.— Отправь телеграмму в Лондон: «Разыскиваются убийцы: Джон Гердлстон, шестидесяти одного года, и его сын, двадцати восьми лет, проживающие на Эклстон-сквер и имеющие контору в Сити, на Фенчерч-стрит». Потом добавь еще описание: «Отец — рост 6 футов один дюйм, лицо продолговатое, черты лица резкие, седые волосы, седые усы, глубоко посаженные глаза, нависшие брови, сутулится. Сын — рост пять футов десять дюймов, смуглое лицо, черные глаза, черные курчавые волосы, атлетическое телосложение, ноги кривоваты, одет богато, носит в галстуке булавку с собачьей головой». По-моему, сойдет!

— Да, описание довольно точное,— заметил майор.

— Разошли телеграммы по всем железнодорожным станциям на этой линии, чтобы везде были начеку. Пошли описания начальнику полиции в Портсмут, в порту

надо тоже установить наблюдение. Либо тут, либо там их должны поймать!

— И поймают,— убежденно сказал фон Баумсер.— Побьюсь об заклад, что поймают.

По счастью, желающих принять это пари не нашлось, и содержимое кармана нашего друга не пострадало.

— Давайте-ка отнесем эту бедняжку в дом,—сказал инспектор, после того как он весьма тщательно осмотрел землю вокруг трупа.

Убитую подняли и понесли обратно той же дорогой, какой она была доставлена на железнодорожное полотно.

Бурт грузно шагал за ними следом под охраной полицейского. Нигилист замыкал процессию. Острый взгляд его был прикован к Бурту, рука в любую минуту готова была пустить в ход нож. Преступника надежно заперли в одну из бесчисленных пустых комнат аббатства, а мертвую Ребекку отнесли наверх в ее комнату и положили на постель.

— Мы обязаны обыскать дом,— заявил инспектор.

Миссис Джоррокс вызвали из ее спальни, и после того, как она упала в обморок и была приведена в чувство, ей предложили сопровождать полицейских, пока они будут производить обыск. Она подчинилась этому распоряжению с растерянным и отупелым видом. Добиться от нее хотя бы слова было невозможно до тех пор, пока вместе с полицейскими она не перешла в столовую, где ее глазам предстала бутылка с остатками джина; тут она мгновенно обрела голос и разразилась проклятиями по адресу всех присутствующих, начиная с инспектора, и оказалась необычайно говорливой и изобретательной по части брани. Немного облегчив себе душу, она закончила речь ослепительным каскадом богохульств и, растолкав полицейских, бросилась обратно в свою комнату и заперлась там, после чего из-за двери долгое время доносился дробный стук пяток о пол, откуда можно было заключить, что миссис Джоррокс катается по полу в истерике.

Однако к этому времени Кэт уже настолько оправилась, что нашла в себе силы провести полицейских по дому и объяснить им, кто в какой комнате проживал.

Инспектор с большим интересом осмотрел убогую обстановку спальни Кэт.

— Вы говорите, что провели здесь около трех недель? — спросил он.

— Почти месяц,— отвечала Кэт.

— Боже милостивый, не диво, что вы такая бледненькая, словно больная. Один вид из окна чего стоит!

Инспектор, раздвинув шторы, вперил свой взор в расстилавшийся за окном полумрак. Тусклый свет луны серебрил разбушевавшиеся волны, и в самом центре этой серебряной дорожки покачивался одинокий рыбачий шлюп, устремлявший к востоку свой бег, поставив под ветер небеленый парус. Острый взгляд инспектора задержался на секунду на этом суденышке. Затем инспектор опустил штору и отвернулся от окна. Могло ли прийти ему в голову, что преступники, о розыске которых он объявил, избрали этот способ бегства и уже ускользнули у него из-под носа!

Инспектор произвел самый тщательный обыск в комнатах Эзры Гердлстона и его отца. Обе комнаты были прекрасно обставлены. На кроватях лежали пружинные матрацы, пол устилали ковры. В спальне молодого коммерсанта, кроме мебели, не было почти никаких вещей по той вполне понятной причине, что он бывал в аббатстве лишь наездами. В комнате же старика инспектор обнаружил много книг и бумаг. На небольшом квадратном столике лежал вырванный из блокнота листок бумаги, весь исписанный цифрами. По-видимому, Гердлстон подводил здесь печальный баланс своей фирмы. Рядом лежал небольшой дневник в переплете из телячьей кожи. Инспектор пробежал глазами одну страницу, и негодующий возглас сорвался с его губ.

— Хорошенькое дело. Послушайте только, что он тут пишет: «Ощущаю движение божественной силы внутри себя». «Молился, чтобы господь вдохнул в мою душу еще больше усердия к Священному писанию!» Да тут полно такого! — продолжал инспектор, перелистывая страницы.— Этот старик, как видно, лицемерил даже сам с собой. Ведь он же не предполагал, что этот дневник попадет кому-нибудь в руки.

— Если его примут на небеса, там, должно быть, странная компания собирается,— заметил фон Баумсер.

— А это еще что? — спросил инспектор, приподнимая носком сапога кучу каких-то тряпок, сваленных в углу.— Да у него тут никак монашеская ряса!

При этих словах Кэт так и подскочила на месте.

—Значит, я все-таки видела его! — вскричала девушка.— А я совсем было убедила себя, что мне это все почудилось.

— Что вам почудилось, барышня?

Кэт поведала о своем ночном приключении, и инспектор записал ее рассказ.

— Ну и хитрый же пес этот старик! — сказал инспектор.— Ясное дело, если бы ему удалось напугать вас насмерть, с этим как-никак легче было бы примирить свою совесть, чем с обыкновенным убийством. Он рассказывал вам все эти небылицы нарочно, чтобы у вас разыгралась фантазия, а сам обрядился в этот балахон и подкарауливал вас — знал ведь, что рано или поздно вы как-нибудь ночью попытаетесь отсюда удрать. Диво просто, что его план сорвался — что вы не умерли от страха и не сошли с ума.

— Не думайте об этом больше, дорогая,— прошептал Том, заметив испуг, промелькнувший в глазах Кэт при этих воспоминаниях.— Забудьте все эти ужасы. Теперь вы в полной безопасности, а скоро будете на Филлимор-Гарденс, в объятиях моей матери. А сейчас, мне кажется, вам бы надо лечь поспать.

— Вы правы, Том, я, пожалуй, лягу.

— Вы не боитесь спать в вашей комнате?

— Нет, теперь, когда вы здесь, рядом, я не боюсь ничего. Я была уверена, что вы явитесь сюда, и весь вечер ждала вас.

— Прямо не знаю, как мне и благодарить наших друзей за помощь, которую они мне оказали! — вскричал Том, обращаясь к своим спутникам.

— Это я должна благодарить их,— с чувством сказала Кэт.— Я обрела истинных друзей. Кто после этого посмеет сказать, что времена рыцарства канули в прошлое!

— Моя дорогая мисс Кэт,— сказал майор, отвешивая ей поклон с врожденной грацией ирландца и дворянина.— Ваши слова согрели наши души. Что касается меня, то я, как вам известно, лишь исполнял приказ: мне

было сказано «иди», и я пошел,— у меня ведь не было другого выбора. И тем не менее вы, я надеюсь, не усомнитесь в том, что и я, наравне с моими товарищами, не замешкался бы прийти на помощь даме, даже если бы миссис Скэлли не владела всеми моими помыслами. Тобиас Клаттербек, дорогая мисс Харстон, хотя и стар, но сердце его не настолько зачерствело, чтобы не оттаять при известии об опасности, грозящей красоте.

И майор, излив свои чувства в такой возвышенной форме, приложил пухлую руку к сердцу и поклонился снова и еще более изысканно, чем прежде. Трое же иностранцев, стоя несколько поодаль, ограничились тем, что просияли самыми задушевными улыбками и усердно закивали головой в подтверждение того, что майор как нельзя лучше выразил обуревавшие их всех чувства, и в памяти Кэт, когда она удалялась к себе после этой незабываемой ночи, надолго запечатлелись улыбающиеся физиономии фон Баумсера, Бюлова и безымянного русского, напутствовавших ее самыми добрыми пожеланиями.

ГЛАВА XLVIII

КАПИТАНУ ГАМИЛЬТОНУ МИГГСУ ЯВЛЯЕТСЯ ВИДЕНИЕ

Уже не раз на протяжении своей жизни Эзра Гердлстон в различных обстоятельствах — и в Африке и у себя на родине — выказывал недюжинную способность быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и мгновенно принимать нужные решения. Но никогда еще эта его способность не проявлялась столь ярко, как в ту критическую минуту, когда он понял, что убийство, участником которого он был, не только совершено напрасно, но даже и разоблачено, а он сам и его отец отныне — преступники, которых преследует закон.

Блестящая интуиция, сделавшая его первоклассным дельцом, и тут мгновенно подсказала ему единственно возможный путь к спасению, и, не теряя ни секунды,

он постарался им воспользоваться. Теперь, если бы им удалось попасть на корабль капитана Гамильтона Миггса, они могли еще бросить вызов карающей деснице закона.

«Черный орел» отшвартовался от причала на Темзе в ту самую столь богатую событиями субботу, и капитан Миггс должен был зайти в Грейвсенд и оттуда направиться в Даунс, где ему надлежало ждать дальнейших распоряжений фирмы. До капитана Миггса едва ли могли уже долететь какие-либо вести. Благодаря отсутствию утренних газет в воскресный день он, вероятнее всего, должен был пребывать еще в неведении событий, происшедших в Хампшире, и Гердлстонам нужно было лишь попасть на борт корабля, прежде чем он снимется с якоря, да придумать правдоподобное объяснение внезапно припавшей им охоте путешествовать, а затем, когда придет время, они просто предложат капитану высадить их на испанском берегу. Где тот сыщик, что отыщет их след в безбрежном океане, когда берега Англии скроются из глаз?

Разумеется, как только Сэмпсон возвратится в свою хибарку, вся история их бегства выплывет наружу. Однако Эзра прикинул, что рыбак не так-то скоро попадет домой. Сюда они плыли с попутным ветром — это значит, что обратный путь рыбакам придется проделать против ветра и они смогут с неделю прокантелиться, сражаясь с ветром и меняя галс, а к тому времени Эзра надеялся быть уже вне пределов досягаемости. Под подкладкой его жилета было зашито на пять тысяч фунтов стерлингов ассигнациями английского банка. Зная, что крах фирмы может произойти в любую минуту, он заранее принял меры, чтобы себя обеспечить. Эзра считал, что с этими деньгами он сможет начать жизнь заново в какой-нибудь другой стране, а его молодость и энергия помогут ему добиться успеха и завоевать положение. Что до отца, то Эзра твердо решил расстаться с ним навсегда при первой же возможности.

И всю долгую зимнюю ночь рыбачий шлюп шел под ветром, держа путь прямо на восток, а двое беглецов не покидали палубы. Промокнув до нитки от дождя

и морских брызг, они все же испытывали какое-то странное облегчение среди этой разбушевавшейся стихии, не позволявшей им погружаться в тягостные мысли. Рассвирепевшее море и бешеный шквал были как-никак приятнее воспоминаний об оставленном на рельсах трупе убитой ими девушки и о полицейских ищейках.

Поглядев на луну, вокруг которой ветер разметал облака, придав им какую-то причудливую прямоугольную форму, Эзра воскликнул:

— Взгляните! Как эти облака похожи на виселицу!

— А какой смысл жить? — отозвался его отец, подняв к небу бледное лицо с запавшими глазами, в которых отражался холодный блеск луны.

— Для вас-то, может, особого смысла и нет,— возразил сын.— Вы свое отгуляли. А я молод и еще не взял от жизни всего. Перспектива быть вздернутым на виселице меня пока что не прельщает.

— Бедняжка! — пробормотал отец.— Ах, бедняжка!

— Ну, меня пока не сцапали,— сказал Эзра.— А если даже и сцапают, то еще посмотрим, что они могут мне сделать. Нельзя повесить троих людей за убийство одного человека. Значит, висеть, насколько я понимаю, придется вам, а остальное уже не так существенно.

Часа в два пополуночи они увидели цепочку огней, и рыбак сказал, что это город Уэртниг, а перед рассветом шлюп проплыл мимо города Брайтона, еще ярче расцвеченного огнями. Теперь уже половина пути осталась позади. Когда забрезжила заря, темные штормовые облака стянулись к горизонту на северной стороне неба, отбросив густую тень на побережье, небо очистилось, и лишь кое-где в синем воздушном океане прозрачно белело легкое облачко, похожее на крыло какой-то гигантской птицы. В жемчужно-серой предрассветной мгле облачка эти постепенно стали лиловеть, потом края их заалели и вдруг внезапно засверкали пурпуром, когда багряный диск солнца торжественно поднялся над горизонтом. И казалось, что природа разметала все свои искры по палитре неба — от нежно-голубой в зените до ослепительно-малиновой на востоке. Сверкающие краски

неба отражались в океане, и пенистые гребни волн розовели в лучах зари.

— Словно море крови! — пробормотал старый коммерсант при виде этого необычайного зрелища, и по телу его пробежала дрожь.

Теперь, при свете дня, беглецы невольно внимательнее приглядывались друг к другу. Оба были бледны, взлохмачены; у обоих был измученный вид, налитые кровью, обведенные черными кругами глаза, усталые и встревоженные лица.

— Нет, этак никуда не годится! — заметил Эзра.— Стоит Миггсу поглядеть на нас, он сразу заподозрит неладное.

Он зачерпнул ведерком воды, потом, пошарив в каком-то рундуке, извлек на свет божий небольшой обмылок и сломанную гребенку. С помощью этих находок они с отцом принялись приводить в порядок свой туалет и чистить друг другу одежду, после чего Эзра выторговал у Сэмпсона для отца зюйдвестку, которая придала странно залихватский вид мрачным и резким чертам Джона Гердлстона-старшего.

— Гляньте, красота какая! — сказал Сэмпсон, указывая на берег и стараясь привлечь внимание пассажиров, только что закончивших возню со своим туалетом.

Шлюп шел вдоль гряды высоких утесов, протянувшейся на довольно большое расстояние. Некоторые утесы были меловые, другие — бурые, как земля. Один утес вздымался над всеми остальными, привлекая к себе внимание не только высотой, но и необычайно резким, отчетливым контуром. На вершине утеса стоял маяк, и в прозрачном утреннем воздухе так ясно вырисовывались все предметы, что беглецы могли различить зеленую лужайку у подножия маяка и фигуру сторожа, неспешно прохаживавшегося по сигнальной площадке и поглядывавшего со своего возвышения вниз на их утлое суденышко. А дальше к востоку за меловым мысом по берегам извилистого, глубокого залива широким полукругом раскинулся большой красивый город.

— Это Бичи-Хед,— сказал Сэмпсон, указывая на утес.— Самая высокая скала на всем побережье Ла-Ман-

ша. Там поставили сторожевой маяк, чтобы следить за проходящими судами. Его воздвиг мастер Ллойд. Кто он такой был, этот самый мастер Ллойд, не знаю, но, видать, крепко интересовался всем, что делается на море. Верно, адмирал был или еще какая важная шишка.

Ни один из Гердлстонов не проявил особой готовности помочь Сэмпсону разобраться в этом вопросе.

— А что это за город? — спросил Эзра.

— Истбори,— кратко ответствовал рыбак и отправился на нос корабля, оставив у штурвала своего сына.

Беглецы позавтракали. Поскольку трапеза состояла из солонины и галет, она была непродолжительной, да и Гердлстоны не проявили особого аппетита. Поев, они снова сидели у шкотов и рассеянно следили взглядом за проплывающей перед ними величественной панорамой одетых лесами зеленых холмов вдали и прибрежных скал, то громоздящихся ввысь, то спускающихся к воде. А по другому борту расстилался широкий простор знаменитого водного пути, пестревший всеми видами судов — от двухмачтовика из Портленда и небольшого брига с грузом угля из Сандерленда до величественного четырехмачтового лайнера, стремительно резавшего носом зеленоватые волны, оставляя раздвоенный пенистый след за кормой.

Заметив любопытные лица, глазевшие на них с палубы одного из больших пароходов, Эзра шепнул отцу, что им не следует сидеть на виду.

— Мы в этих наших костюмах представляем довольно необычное зрелище на борту рыбачьего шлюпа,— сказал он.— Привлекать к себе внимание зевак отнюдь не в наших интересах.

По-прежнему дул свежий ветер, и маленькое суденышко все так же ходко шло под парусом, делая от шести до восьми узлов.

— Попутный ветер — это наша удача,— пробормотал Эзра, не столько адресуясь к отцу, сколько к самому себе.

— Провидение ниспослало его нам,— торжественно провозгласил Джон Гердлстон, еще раз демонстрируя этим странную особенность своего мышления.

В десять часов утра они миновали каменистые террасы Гастингса и в половине одиннадцатого увидели мачты рыбачьих судов у берега Винчелси. Около часу дня, обогнув высокий, острый мыс Данжиесса, они отдалились от берега, вышли в открытое море, и длинная белая стена и шпили Фолкстона и Дувра отступили к горизонту. С противоположной стороны, там, где синева моря сливалась с синевой неба, в туманной дымке лежал французский берег. Время уже подходило к пяти часам, и солнце снова стало клониться к закату, когда рыбак, уже давно вглядывавшийся вдаль, заслонив загрубелой рукой глаза от солнца, тронул Эзру за рукав.

— Смотрите сюда, видите эти буруны? — сказал он, указывая куда-то по правому борту. Эзра, всмотревшись, различил длинную белую полосу пены, нарушавшую однообразную синеву океана.— Это Гудуинс,— продолжал рыбак.— А там дальше стоят на якоре суда у входа в Даунс.

До этих судов нужно было покрыть еще не одну милю, но лицо Эзры просветлело, когда он воочию увидел цель, к которой стремился. Он тут же принялся снова приводить в порядок свой костюм и одежду отца.

— Наконец-то! — с глубоким вздохом облегчения пробормотал он, вглядываясь в очертания судов, которые росли и становились все более четкими с каждой минутой.— Вон тот корабль с краю, ручаюсь, что это «Черный орел». Он стоит на якоре.

— Да, это «Черный орел»,— убежденно подтвердил его отец.— Я узнаю профиль его кормы и наклон мачт.

Когда они подошли ближе, последние сомнения рассеялись.

— Видите белую полосу на борту? — сказал Эзра.— Все ясно, это «Черный орел». Вам теперь нужно доставить нас на этот корабль, который стоит там с краю, Сэмпсон.

Рыбак снова поглядел вдаль.

— На этот трехмачтовик, который только что поднял якорь? — спросил он.— Ну нет, нам теперь уже не догнать его.

— Он поднял якорь?! — взвизгнул Эзра.— Вы что, хотите сказать, что он уходит?

— А вы поглядите сами,— сказал рыбак.

И все увидели, как на судне заплескал сначала один большой квадратный парус, потом развернулся второй, и вот корабль уже распростер по ветру все свои белые крылья.

— Так что ж, не можем мы разве его догнать?! — яростно выбранившись, воскликнул Эзра.— Мы должны остановить его, понимаешь ты! Во что бы то ни стало.

— Ему придется три раза менять галс, прежде чем он ляжет на курс и разовьет ход, а нам нужно только полным ходом идти вперед, и мы можем, пожалуй, нагнать его.

— Во имя всего святого, ставь все паруса, какие у тебя есть! Отдавай рифы! — Дрожащими руками Эзра сам отдал рифы, и подхваченный ветром шлюп сильно накренился.— Можешь ты поставить еще один парус?

— Можно было бы поставить еще треугольный парус,— сказал рыбак.— Мы уже на три румба привелись к ветру. Больше ничего сделать нельзя.

— Мне кажется, мы нагоняем его,— воскликнул Джон Гердлстон, не отрывая глаз от трехмачтовика, до которого оставалось еще мили полторы.

— Да, сейчас мы его нагоняем, но ведь он еще поворачивает. А потом пойдет вперед полным ходом, верно я говорю, Джордж?

Сын рыбака утвердительно кивнул и рассмеялся хрипло.

— Прямо как на гонках,— весело объявил он.

— А приз — наши головы,— пробормотал Эзра про себя.— Слишком большой риск, чтобы получать от этого удовольствие. Однако мы его нагоняем.

Темный корпус корабля, обращенный к ним кормой, и его высокие паруса были им отчетливо видны. Корабль маневрировал, стараясь использовать ветер, чтобы, выйдя из бухты Гудуинс, лечь на курс в Ла-Манше.

— Он делает поворот оверштаг,— сказал Сэмпсон.

И в эту минуту вся снежно-белая масса парусов накренилась в противоположную сторону, и корабль повернулся к ним боком, так что стал виден весь, от носа до кормы, и каждый парус, словно вырезанный из слоновой кости, обозначился на фоне холодного, бледно-голубого неба.

— Если мы не нагоним его сейчас, пока он на этом галсе, он уйдет от нас,— заметил рыбак.— Еще раз переменит галс и будет уже в Ла-Манше.

— Есть у вас какая-нибудь белая тряпка? — крикнул Эзра.— Он нырнул вниз, в каюту, и тут же вернулся с грязной скатертью в руках.— Станьте здесь, отец! Возьмите это и махайте! Они должны вас увидеть.

— А мы здорово их нагоняем,— заметил сын рыбака.

— Да, пока что нагоняем,— подтвердил отец.— А вот успеем ли нагнать да задержать, прежде чем он развернется?

Старик Гердлстон, стоя на носу шлюпа, размахивал скатертью над головой. Сын, присоединившись к нему, махал носовым платком.

— Мне кажется, до них уже не больше полмили. Давайте попробуем кричать.

Эзра и его отец огласили море хриплыми, нестройными криками, к которым присоединили свои голоса оба рыбака.

— Ну-ка, еще разок! — сказал Эзра.

И снова над морем разнесся долгий, протяжный крик, полный тоски и отчаяния. Но трехмачтовик твердо держался своего курса.

— Если они еще минут пять не повернут оверштаг и не увалятся под ветер, им тогда уже от нас не удрать, мы их нагоним,— сказал рыбак.

— Вы слышите? — крикнул Эзра отцу, и оба с удвоенной энергией принялись махать и кричать.

— Они снова поворачивают оверштаг,— внезапно крикнул Джордж.— Все пропало!

Старик Гердлстон застонал, увидав, как поворачивается грот-рей. Все глаза были прикованы к кораблю, все ождали продолжения маневра. Но он задерживался.

— Они заметили нас! — воскликнул рыбак.— Ждут, хотят взять нас на борт!

— Значит, мы спасены! — сказал Эзра и спрыгнул с носа на палубу, утирая пот со лба.— Спуститесь в каюту, отец, и приведите себя в порядок. Вы похожи на привидение.

Напитки, подаваемые в «Петухе и курослепе», так пришлись по вкусу капитану Гамильтону Миггсу — вопреки уже отмеченному выше саркастическому складу его ума,— что он возвратился на свой корабль в крайне неустойчивом и физически и морально состоянии. Будучи яростным приверженцем гомеопатии и свято веря в ее доктрину, врачевания подобного подобным, он, едва поднявшись на борт, приступил к восстановлению своего баланса путем поглощения не поддающегося учету количества корабельного рома.

— На черта мне держать на борту лоцмана, если я зачем-то должен оставаться трезвым? — икая, вопросил он своего помощника Макферсона. И с этой неопровержимой логической предпосылкой он затворился в своей каюте и от самого Лондона до Грейвсенда распевал во все горло веселые песенки. Это занятие столь его утомило, что в конце концов он уснул как убитый и, мощно прохрапев пятнадцать часов кряду, появился на палубе, когда «Черный орел», подняв якорь, намеревался выйти из бухты Гудуинс и устремить свой бег в Ла-Манш.

Капитан Гамильтон Миггс, засунув руки в карманы, наблюдал за перестановкой парусов и очень щедро и изобретательно осыпал бранью всех—от помощника капитана до младшего юнги, выказывая большую широту ума, не признающего званий и рангов. Временно истощив весь свой запас ругани, капитан снова спустился в каюту, дабы подкрепить силы ромом. Эта операция, по-видимому, освежила его память или подхлестнула изобретательность, ибо он снова появился на палубе и обрушил новое многоэтажное сооружение на голову стоявшего у штурвала, после чего мрачно и величественно принялся расхаживать взад и вперед по шканцам, бросая неодобрительные взгляды то на облака, то на паруса и явно стараясь произвести на команду впечатление своей необычайной проницательностью.

«Черный орел» уже вторично сделал поворот оверштаг и готов был, покинув бухту Гудуинс, выйти в открытое море, когда на глаза капитану Миггсу случайно попался рыбачий шлюп, на носу которого мельтешило что-то белое. Шлюп под всеми парусами шел прямо на корабль. Кое-как укрепив дрожащей рукой подзорную трубу на поручнях, капитан принялся разглядывать шлюп. На лице его отразилось изумление, сменившееся вскоре покорным ужасом.

— Они опять здесь, Мак!—отнесся он к помощнику.

— Кто «они», сэр?

— Черти, кикиморы, привидения! Нельзя мне было выходить на сквозняк.

— А вид у вас неплохой,— сочувственно подбодрил его помощник.

— Все может быть. Но только они опять мне являются. Раньше все больше были крысы... крысы, а иной раз тараканы. Ну, а сейчас кое-что похуже. Я как поглядел в трубу на этот шлюп у нас за кормой, так сразу их увидел, не сойти мне с этого места,— и молодого мистера Эзру и самого старика Гердлстона. А старик, представь, в зюйдвестке набекрень и машет полотенцем! Такой чертовщины мне еще ни разу не мерещилось. Пойду выпью капель — у меня там еще немного осталось после давешнего приступа — и вздремну малость.

И с этими словами капитан загромыхал вниз по трапу, проглотил изрядную дозу бромистого калия и повалился на койку, кляня на чем свет свою судьбу.

Макферсон изумился не меньше капитана, когда, поглядев в подзорную трубу, удостоверился, вне всяких сомнений, что в рыбачьем шлюпе находятся оба его работодателя. Он тотчас приказал вернуть грот-рей на место и ждать, пока подойдет шлюп. Через несколько минут шлюп уже подтянулся к кораблю, оттуда сбросили трап, и оба Гердлстона поднялись на борт своего собственного судна.

— Где капитан? — вопросил глава фирмы.

— Он в каюте, сэр. Не вполне здоров, небольшая потеря эквилибриума, сэр,— отвечал Макферсон, отдаваясь во власть своей неукротимой страсти, мгновенно возобладавшей в нем над всеми остальными чувствами.

— Можете переставлять грот-рей,— сказал Эзра.— Мы уходим в море с вами.

— Есть, сэр. Эй вы, давай грот-рей!

На грот-мачте переставили парус, и «Черный орел» лег на курс.

— Кое-какие неотложные дела призывают нас в Испанию,— сказал Джон Гердлстон Макферсону.— Мы узнали об этом совершенно внезапно, иначе, конечно, заранее поставили бы вас в известность. Нам необходимо заняться этими делами лично, и мы решили, что удобнее совершить это путешествие на собственном корабле, не дожидаясь пассажирского рейса.

— Только где же вы будете спать, сэр? — осведомился Макферсон.— Боюсь, что наша посудина не может похвалиться комфортабельностью.

— В каюте должны быть две банкетки. Нам этого вполне хватит. И, пожалуй, нам лучше сразу спуститься вниз — мы здорово утомились, пока добрались до вас сюда.

Оба коммерсанта спустились в каюту, а Макферсон еще долго мерил палубу, и лицо его было задумчиво и серьезно. Подобно большинству своих соотечественников, он был сметлив и проницателен. Ему сразу бросилась в глаза эта странность: как могли оба компаньона одновременно оставить фирму на произвол судьбы? И где же их багаж? Весьма и весьма темные подозрения зашевелились в его уме. Однако он держал их при себе и помалкивал, ограничившись лишь мимоходом брошенным плотнику замечанием, что он, дескать, в жизни не видел ничего более «экстраординаторного».

ГЛАВА XLIX
ПЛАВАНИЕ НА ОБРЕЧЕННОМ КОРАБЛЕ

Плавание «Черного орла» началось весьма удачно. Ветер задул с востока, и они ходко шли по Ла-Маншу, так что на третий день на горизонте показался остров Уэссан. Они ни разу не видели ни любопытной канонерки, ни коварного полицейского катера, но при приближении любого судна сердце Эзры Гердлстона мучитель-

но сжималось от страха. Как-то небольшой бриг начал подавать им сигналы, и измученные тревогой беглецы, заметив, как подымаются флаги, уже решили, что все пропало. Но тут выяснилось, что бригу понадобились какие-то обычные сведения, и оба Гердлстона вздохнули свободнее.

В тот день, когда «Черный орел» вышел из Ла-Манша, ветер стих, и поверхность океана мерцала под лучами зимнего солнца, как огромное ртутное озеро. Зыбь после недавнего шторма еще не улеглась, и судно качалось так, словно переняло привычки своего пьяницы-шкипера. Небо было чисто, но горизонт тонул в туманной мгле. Тишина стояла такая, что хриплые крики чаек, круживших над ютом, казались очень громкими, и было отчетливо слышно, как поскрипывают в такт качке шлюпбалки и снасти. Порой снизу доносился грохот, завершавшийся звуком приглушенного удара,— это значило, что от крена в трюме что-то сорвалось со своего места и катится в сторону. Однако, оттеняя все эти звуки, непрерывно раздавалось глухое позвякивание, настолько напоминавшее шум винта, что можно было подумать, будто это не парусное судно, а пароход.

— Что это за шум, капитан Миггс? — спросил Джон Гердлстон, который, облокотившись о перила квартердека, смотрел, как старый морской волк с секстаном в руке производит обычные полуденные измерения (с той минуты, когда его хозяева неожиданно поднялись на борт «Черного орла», капитан вел себя безупречно и в эту минуту был — неслыханное дело! — абсолютно трезв).

— Это помпы работают,— ответил Миггс, укладывая секстан в футляр.

— Помпы? А мне казалось, что их пускают в ход, лишь когда кораблю грозит опасность,— заметил Эзра, который только что поднялся на палубу и теперь с интересом прислушивался к разговору.

— А этому кораблю и грозит опасность,— невозмутимо ответил Миггс.

— Опасность! — воскликнул Эзра, обводя взглядом ясное небо и тихое море.— Какая опасность? Вот не думал, что вы такая трусливая баба, Миггс.

— Это уж положим! — сердито огрызнулся шкипер.— Коли у корабля нет днища, так ему всегда грозит опасность — хоть в шторм, хоть в мертвый штиль.

— Вы что же, считаете, что у «Черного орла» нет днища? Вы это хотите сказать?

— Я хочу сказать, что у него в днище такие щели, куда кулак пролезет. Его только помпы и держат на плаву.

— Неслыханно! — воскликнул Гердлстон.— Почему мне об этом не сообщили прежде? Такое положение вещей крайне опасно.

— Не сообщили?! — воскликнул Миггс.— Вам не сообщили? Да разве же я не являлся к вам после каждого плавания, мистер Гердлстон, и не говорил, что сам дивлюсь, как это я живым добрался до Лондона? Да я же год назад доложил вам все как есть, а вы меня высмеяли. Разве не так? А теперь, когда вы оказались на «Черном орле» в открытом море, вы, значит, поняли, каково это морякам плавать на такой лохани?

Гердлстон уже собирался сердито отчитать капитана за его дерзость, но сын предостерегающе положил руку ему на плечо. Ссориться с Гамильтоном Миггсом до тех пор, пока корабль находился в море, не стоило — ведь они были всецело в его власти.

— А знаете, капитан совершенно прав,— заметил Эзра со смехом,— такие вещи начинаешь понимать, только когда познакомишься с ними на практике. По возвращении в порт «Черный орел» будет немедленно поставлен на капитальный ремонт, и мы обсудим, нельзя ли увеличить жалованье его капитану.

Миггс что-то невнятно буркнул, не то благодаря, не то выражая сомнение, а скорее всего и то и другое вместе.

— Я полагаю,— сказал Гердлстон примирительным тоном,— что кораблю не грозит никакая опасность, пока море спокойно.

— Ну, оно недолго останется спокойным,— угрюмо ответил капитан.— Перед тем, как я вышел на палубу, барометр стоял ниже тридцати дюймов, и он быстро падает. Мне и прежде доводилось бывать тут зимой

в полный штиль с такой вот зыбью, когда барометр падает. Ничего хорошего из этого не получалось. Ну-ка, гляньте на север! Что скажешь, Сэнди?

— В сочетании с падающим барометром признак самый зловещий,— ответил шотландец, многозначительно растягивая последнее слово.

Коммерсант и его сын не могли взять в толк, что так встревожило моряков. Просто дымка в северной части горизонта казалась более густой, и оттуда по ясному холодному небу протянулось несколько узеньких и прозрачных облачных полос, напоминавших щупальца гигантского осьминога, притаившегося в туманной мгле. И море теперь в некоторых местах походило уже не на ртуть, а на матовое стекло.

— Это ветер,— уверенно заявил Миггс.— Я бы убрал брамсель и спустил кливера, мистер Макферсон.— Отдавая приказание, Миггс неизменно титуловал своего помощника по всем правилам, хотя во всех остальных случаях называл его просто Сэнди или Мак.

Пока помощник отдавал необходимые распоряжения, Миггс сбегал к себе в каюту. Когда он вновь появился на палубе, его лицо стало еще более мрачным.

— Барометр упал почти до двадцати восьми,— объявил он.— Сколько лет плаваю, а на этом делении я его еще не видал. Уберите грот, мистер Макферсон, и возьмите рифы на топселях.

— Есть, сэр!

Теперь уже нельзя было пожаловаться на тишину: матросы тянули фалы с возгласами, напоминавшими крики бесчисленных морских птиц. Человек шесть перегибались через реи, убирая грот и крепя сезни.

— Взять рифы на фоке!— рявкнул помощник.— Да поживей!

— А ну, быстрее, бездельники! — взревел Миггс.— Вас всех сдует в море, если вы не поторопитесь.

Теперь даже Гердлстон и Эзра могли убедиться, что им грозит вовсе не воображаемая опасность и что вот-вот разразится буря. Все это время темная полоса дымки ширилась и сгущалась, так что теперь небо на севере было затянуто огромной черной тучей — ее рваные клубящиеся края ясно показывали, какой свирепый гонит ее ветер. Там и сям на черном фоне четко выделя-

лись беловато-желтые завитки, придававшие туче особенно жуткий вид. Огромная клубящаяся масса надвигалась на них с чудовищной быстротой, в которой было что-то величественное, и океан под ней темнел, а в воздухе слышалось глухое бормотание, неописуемо зловещее и наводящее тоску.

— Может, это тот же самый шторм, который прошел здесь несколько дней назад,— заметил Миггс.— Они частенько движутся по кругу и возвращаются туда, откуда начались.

— Само по себе это бы и не страшно, да только наш корабль и небольшой трепки не выдержит,— мрачно сказал его помощник.

Все чаще налетали короткие шквалы, поверхность моря покрылась рябью, и «Черный орел» толчками переваливал через волны. По палубе застучали редкие капли дождя. Туча была уже над самым кораблем и продолжала бешено мчаться вперед.

— Берегись! — крикнул старик боцман.— Сейчас начнется!

Не успел он договорить, как буря обрушилась на корабль с диким свистом, словно все демоны воздуха внезапно вырвались на свободу. Сила удара была столь велика, что Гердлстону на мгновение показалось, будто он столкнулся со скалой. Барк накренился так, что фальшборт коснулся воды, и чуть ли не минуту оставался в этом положении среди бешено кипящей пены. Палуба вздыбилась почти вертикально, и казалось, что барк никогда не выпрямится. Однако постепенно он выровнялся, задрожал и затрясся, словно живое существо, а затем понесся вперед, как клочок бумаги, увлекаемый ветром.

К вечеру ураган достиг полной силы. «Черный орел» держал только грот-марсель и фор-стаксель. Море разбушевалось почти мгновенно, как всегда бывает в тех случаях, когда буре предшествует мертвая зыбь. Насколько хватал глаз, кругом вздымались огромные волны, увенчанные грозными гребнями пены. Когда барк проваливался между волнами, их белые верхушки достигали его грот-рея, и Гердлстон с Эзрой, цепляясь за леера, с ужасом и изумлением смотрели на водяные горы, которые нависали над их головами. Раза два волны обру-

шивались прямо на корабль, с ревом прокатывались по палубе, а затем вода медленно просачивалась в щели настила и уходила через шпигаты. И каждый раз бедный прогнивший корабль дергался и трепетал каждой доской, словно предчувствуя свою судьбу.

Наступила ночь — страшная ночь для всех, кто находился на борту «Черного орла». При свете дня по крайней мере было видно, какая им грозит опасность, но теперь барк метался и бился в чернильном мраке. Он то стремительно возносился на гребень огромного вала, то проваливался в черную бездну с такой силой, что столкновение со следующей волной заставляло его содрогаться от клотика до киля. У руля стояло два человека и два у вспомогательных талей, но и вчетвером им еле-еле удавалось удерживать барк на курсе среди этого дикого разгула стихий.

Все оставались на палубе. Каждый предпочитал видеть и знать худшее, а спуститься в каюту значило бы оказаться в гробу без малейшей надежды на спасение. Капитан Гамильтон Миггс с трудом пробрался вдоль борта к тому месту, где стояли Гердлстон и Эзра.

— Поглядите-ка туда! — рявкнул он, указывая на что-то в наветренной стороне.

Лишь с большим трудом им удалось повернуться прямо навстречу ветру, подставив лицо под режущие удары града и брызг. Прикрывая глаза ладонью, они вглядывались во мрак. Среди бушующих валов, не далее, как в двухстах ярдах от барка, виднелось багровое пятно света, которое, ныряя на волнах, быстро приближалось к нему. Вокруг яркого центра располагались мерцающие точки. Это световое пятно на фоне непроглядной черноты внизу и вверху, несомненно, вдохновило бы Тернера.

— Что это такое?

— Пароход! — прокричал капитан, с большим трудом перекрывая вой ветра и рев волн.

— А каково наше положение? — спросил Эзра.

— Скверное,— ответил Миггс,— хуже некуда! — И он снова направился к корме, цепляясь за стойки и леера, точно попугай за прутья клетки.

К утру тучи немного разошлись, но ураган не утихал. В прорехи облаков кое-где проглядывали звезды,

а один раз на несколько минут показалась бледная луна, затянутая клубящейся дымкой. Наконец унылый рассвет открыл взгляду бешеное кипение бесконечных свинцовых валов, и одинокий барк, который почти без парусов, словно чайка с подбитым крылом, тяжело двигался к югу.

Даже Гердлстоны заметили, что волны теперь захлестывают корабль непрерывно и на палубах все время стоит вода — в начале бури это случалось редко, но с рассветом валы с ревом перекатывались через наветренный фальшборт уже безостановочно. Миггс, давно с тревогой это наблюдавший, мрачно сказал помощнику:

— Не нравится мне, как он себя ведет, Мак! Совсем на волны лезть не хочет.

— В трюме, наверное, полным-полно воды,— угрюмо ответил помощник.

Он знал, какая им грозит опасность, и мысли его все чаще уносились к маленькому, крытому черепицей домику вблизи Питерхеда. Правда, в этом домике почти ничего не было, кроме жены, которая, по слухам, без устали пилила Сэнди, а иной раз пускала в ход доводы более веские, нежели простые слова. Однако любовь капризна и пути ее неисповедимы — во всяком случае, когда великан-шотландец понял, что, быть может, ему уже никогда не доведется вновь увидеть ни этот домик, ни его обитательницу, глаза его увлажнились, и не только из-за соленых брызг.

— Да и не удивительно,— буркнул Миггс,— ведь «Орел» хлебает воду и сверху и снизу. Ребята у помп совсем замучились, а вода все прибывает.

— Как погляжу, это — наше с вами последнее плавание,— сказал помощник.

— Может, ляжем в дрейф?

— Не стоит. Он тогда сразу пойдет ко дну. По моим выкладкам выходит, что испанский берег совсем недалеко. И, пожалуй, нам-то удастся спастись. Ну, а «Орел» такой волны, боюсь, не выдержит.

— Твоя правда. Так еще можем кое-как выкарабкаться. А если лечь в дрейф, «Орел» наверняка и десяти минут на воде не продержится. Черт подери, Мак, а я прямо рад, что это с нами приключилось теперь,

когда эта парочка у нас на борту. Мы нм покажем, каково плавать в шторм на таком гробу.— И грубый моряк хрнпло расхохотался.

Тут к ним на корму кое-как взобрался плотннк — палуба стояла почтн вертнкально.

— Вода в трюме прнбывает вовсю,— доложнл он,— н качать уже ннкакнх снл нет. Справа по носу земля.

Капнтан н его помощннк, напрягая зренне, вглядедись в густую завесу нз брызг н тумана. Там справа действнтельно вставал большой темный утес — крутой, непрнветлнвый н зловещнй.

— Лучше будет повернуть к нему,— заметил помощник.— «Орла» мы, конечио, не спасем, но, может, удастся выброснть его на берег.

— Да нет, ои прежде потонет,— угрюмо буркнул плотннк.

— А ну, ие хныкать! — прнкрнкнул Мнггс н почти ползком добрался до Гердлстонов.— Кораблю крышка, но мы еще можем спастнсь,— сказал он,— а пока вам прндется встать к помпам.

Онн молча н покорно последовалн за ннм к носу. Измученные матросы стояли у помп, совсем обесснлев. В днком реве бурн слабый стук помп напомннал тнканье часов.

— Подбодрнсь, ребята! — рявкнул Мнггс.— Вот онн пришлн вам подсобнть. И еще плотннк с помощннком.

Эзра н Гердлстон, чьн седые волосы трепал ветер, вцепнлнсь в канат н началн помогать матросам, с трудом удержнвая равновесие на скользкой накреннвшейся палубе. Мнггс спустнлся к себе в каюту. С самого начала бурн капнтан вел себя образцово, но теперь, прнзнав, что сделать больше ннчего нельзя, он перестал внимать велению долга и вернулся к свонм прежннм прнвычкам. Налнв почти полный стакан чнстого рома, он залпом его выпнл, потом затянул песню н в самом веселом н беззаботном настроеннн вернулся на палубу.

Корабль по-прежнему двнгался по направленню к ломаной лнннн утесов, которая теперь тянулась по всему горнзонту, завершаясь большнм мысом справа. «Черный орел» все больше н больше погружался в воду, тяжело ныряя в волну, вместо того чтобы подннматься на нее, как прежде. Его трюмы совсем заполннлнсь

водой, и было совершенно очевидно, что скоро барк уже не сможет держаться на плаву. Щели в его корпусе, которые следовало бы заделать уже давным-давно, теперь совсем разошлись, и от помп не было никакого толку. А небо тем временем немного очистилось, и ветер заметно утратил прежнюю свирепость. Между двумя быстро летящими облаками засияло солнце, и волны стали изумрудно-зелеными, засверкали снежно-белыми гребнями пены. От этой внезапной перемены и радостного света солнца морякам на борту тонущего судна стало особенно горько.

— Шторм стихает,— заметил Макферсон.— Если бы наш корабль не прогнил насквозь, как души его хозяев, мы бы еще на нем поплавали.

— Верно, Сэнди, старина! А теперь мы все потонем — и капитан, и хозяева, и вся шатия-братия! — с хохотом провозгласил Миггс.

Помощник поглядел на него удивленно и с некоторой долей презрения.

— А вы уже нализались,— сказал он.— Но ведь если мы утонем — дело-то, похоже, к этому идет,— так даже подумать страшно, что явишься к своему Творцу, а твоя жалкая душонка вся насквозь проспиртована.

— Спустился бы ты вниз да и выпил бы стаканчик-другой,— хрипло посоветовал Миггс.

— Нет, нет... Если уж мне суждено умереть, так я умру трезвым.

— Дураком ты помрешь, вот что! — злобно выкрикнул шкипер.— А, вот и проповедничек! Видишь теперь, до чего нас довели твои страховки да взятки? Как тебе твои штучки нравятся теперь, когда корабль у нас тонет прямо под ногами? А? Стал бы ты его чинить, если бы добрался на нем до доков Альберта, а?

Последние слова были обращены к старику Гердлстону, который, бросив качать и прислонившись к стенке камбуза, с тоской смотрел на длинную цепь бурых утесов, встававших над морем всего лишь в полумиле от судна. До них уже доносился рев бурунов, и они видели, как вскипала белая пена там, где Атлантический океан в ярости обрушивался на этот природный волнолом.

— Он не в состоянии командовать,— сказал Эзра помощнику.— Что посоветуете вы?

— Подойдем поближе и спустим шлюпки с подветренной стороны. Может, они и разобьются, но другого выхода у нас все равно нет. А в двух шлюпках мы разместимся свободно.

Барк погружался так быстро, что спустить шлюпки оказалось очень легко. От поверхности моря их отделяло всего несколько футов. Большинство команды благополучно перебралось в вельбот, а Гердлстоны, Миггс и четверо матросов воспользовались гичкой. Обе шлюпки чуть было не разбились вдребезги, потому что волны с необоримой силой то гнали их к борту корабля, то грозили столкнуть, но в конце концов благодаря искусству гребцов и рулевых и той и другой удалось благополучно отойти от барка.

Однако всю мощь разбушевавшегося моря они почувствовали, только когда покинули судно, укрывавшее их от ветра. Если волны казались чудовищными с палубы «Черного орла», то насколько более грозными выглядели они теперь, когда их поверхности можно было коснуться рукой. Огромные стеклянно-зеленые валы швыряли шлюпки вверх и вниз, трясли их и раскачивали, словно это были игрушки, прочность которых они вознамерились проверить. Гердлстон, бледный и угрюмый, сидел рядом с Эзрой. Молодой человек смотрел перед собой с решимостью храбреца, понимающего, какая опасность ему грозит, но намеренного напрячь все силы, чтобы спастись. Его губы были плотно сжаты, а черные брови совсем сошлись над зоркими глазами, которые быстро метались по сторонам, как крыса в крысоловке. Миггс, державший румпель, время от времени разражался пьяным хохотом, а четверо матросов, притихшие и оробевшие, осторожно гребли, стараясь удерживать лодку в равновесии, и время от времени оглядывались через плечо на кипящие впереди буруны. Солнце ярко освещало угрюмые обрывы и зеленую траву на их вершине, где, сбившись в темную кучку, стояли крестьяне и внимательно глядели на развертывавшуюся перед ними сцену, хотя и не делали никаких попыток помочь терпящим бедствие. У этих последних не было выбора — следовало как можно быстрее грести к ближайшему мыску, потому что шлюпки наполнялись водой и могли затонуть в любую минуту.

— Корабль пошел ко дну! — воскликнул Эзра, когда они оказались на гребне волны.

Едва их подхватила следующая волна, как все поглядели туда, где еще недавно находился злополучный «Черный орел», но он исчез бесследно.

— Дайте только добраться до бурунов — и мы все за ним отправимся! — закричал капитан Гамильтон Миггс.— Эй, черти, навались! Обгоним шлюпку помощника! Это же гонки, ребята! А к финишу мы придем в аду.

Эзра покосился на отца и увидел, что он дрожащими губами шепчет молитву.

— И тут за свое,— с усмешкой сказал молодой человек.

— Я готовлюсь предстать перед Творцом,— торжественно ответил старик,— и вера моя мне поистине посох и опора. Я вспоминаю всю свою долгую жизнь и вижу, что чаще ходил я путями праведными, хотя были в моем прошлом и горестные ошибки. С самой юности был я воздержан и трудолюбив. Сын мой, обрати взыскательный взор в свое сердце и подумай, готов ли ты встретить свой час.

— Загляните-ка лучше в свое,— ответил Эзра, не отводя глаз от клокочущей полосы прибоя, которая с каждой секундой все приближалась и приближалась.— Вспомните-ка про дочку Джона Харстона! — Даже в этот грозный час Эзра почувствовал злобное удовольствие, заметив, как судорожно исказилось лицо его отца при упоминании о Кэт.

— Если я согрешил, то согрешил во имя достойной цели. Я поступил так, дабы спасти свою фирму. Ее банкротство — это поношение праведности и торжество зла. Господи, в руки твои предаю я дух свой...

Едва он договорил эти слова, как огромная волна подхватила лодку и швырнула ее на острые камни у подножия утеса. Раздался томительный, жуткий треск, и крепкий киль переломился пополам, а вторая волна пронеслась над ним, увлекая за собой барахтающихся людей только для того, чтобы швырнуть их на вторую цепь камней. Крестьяне на обрыве испустили вопль ужаса, который смешался с предсмертными стонами и криками утопающих и с громом безжалостного прибоя. Те, кто

смотрел вниз, видели, как черные точки — головы несчастных моряков — исчезали одна за другой. Тех, кто не разбился о рифы, увлекло назад в море сильное подводное течение.

Эзра был прекрасным пловцом, но когда он выбрался из обломков шлюпки и ударом ноги оттолкнул цеплявшегося за него матроса, то даже не попытался плыть вперед. Он прекрасно понимал, что волны неизбежно понесут его на рифы, и сберегал силы, чтобы выбраться из бурунов. Гигантская волна перекатилась через внешнюю гряду скал, подхватила Эзру, как перышко, и швырнула его об утес. Барахтаясь на ее гребне, Эзра машинально протянул руки вперед и уцепился за небольшой выступ. В следующее мгновение его ударило об утес, но, и оглушенный, он не разжал рук, и когда вода отхлынула, оказалось, что он стоит на крохотной площадке, где места хватало только-только, чтобы поставить ногу. Он задыхался, все его тело было покрыто синяками, и все же случившееся было чудом: осмотревшись, Эзра убедился, что это был единственный выступ на гладком обрыве.

Но до спасения было еще далеко. Волна, подобная той, которая принесла его сюда, могла стащить его вниз на камни. Поглядев в море, он увидел, как волна поменьше разбилась гораздо ниже его ног, но тут на него надвинулся новый гигантский вал. Эзра глядел на эту зеленую гору, прикидывая, что она достанет ему по крайней мере до колен. Будет ли он сбит с уступа или сумеет удержаться? Молодой человек расставил пошире ноги, весь напрягся и так впился ногтями в неровный камень, что из-под них брызнула кровь. Вода захлестнула его и, как злобный демон, била и дергала его ноги, но он держался крепко, и наконец напор волны ослабел. Поглядев вниз, он увидел, как она скатывается по обрыву. Но ей навстречу уже ринулась другая волна. Вновь возле утеса вырос огромный вал, и вдруг Эзра увидел, что из его зеленых глубин поднялась длинная белая рука и ухватилась за край его площадки.

Еще не видя лица, молодой человек узнал отцовскую руку. За правой рукой поднялась левая, и наконец над водой появилось лицо старого коммерсанта. Он был весь в синяках, разорванная одежда висела на нем клочья-

ми. Увидев сына, он обратил иа него умоляющий взгляд, продолжая изо всех сил цепляться за уступ. Площадка была так мала, что скрюченные пальцы касалнсь башмаков Эзры.

— Здесь нет места,— безжалостно сказал молодой человек.

— Во имя господа!..

— Я н сам еле держусь.

Гердлстон внсел на утесе, иаполовнну погруженный в воду. Прошло лишь несколько мгновеинй, но в памяти старика успело промелькиуть миого картнн былого. Виовь он увидел темную комнату и себя, склонившегося иад умирающим. Какие слова зазвенели в его ушах, заглушая грохот прибоя? «Как ты поступишь с ней, так да поступит с тобой твоя собственная плоть и кровь!» Ои снова с мольбой посмотрел иа сына. Эзра увидел, что следующая волна поднимет старика на уступ, а в этом случае ои сам вряд ли удержится.

— Отпустнте! — крнкнул он.

— Помоги мие, Эзра.

Сын с силой ударнл каблуком по побелевшим от иапряжения пальцам. Старый коммерсант проиэнтельио вскрикнул н упал в море. Глядя вииз, Эзра увидел в воде нскажеиное отчаянием лнцо своего отца. Оно медлеино уходнло в глубину и накоиец превратилось в мутиое беловатое пятнышко средн зеленых теней. В то же мгновение вниз по обрыву скользнула толстая веревка, и молодой человек поиял, что ои спасен.

ГЛАВА L,

В КОТОРОЙ НИТЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ДВУМЯ УЗЕЛКАМИ

Трудно опнсать, с каким волнеиием достойные супругн встретнлн Кэт Харстон, когда ее прнвезлн к ннм на Фнллимор-Гарденс. Добрая мнссис Димсдейл прижнмала ее к своей обшириой грудн, целовала, бранила н проливала иад ней слезы, а доктор был так взволиован, что прннялся свнрепо хмурнться, покрнкивать и громко

топать иогами, чтобы хоть как-то сдержать свои чувства.

— Неужели вы правда думали, что мы могли вас забыть, хотя мы настолько обезумели, что по требованию этого злодея перестали вам писать? — спросил он, погладив Кэт по бледной щечке и нежно ее поцеловав.

— Я оказалась такой глупенькой,— ответила она, мило краснея и поправляя волосы, несколько растрепавшиеся от столь нежной встречи.

— Но какой негодяй... какие негодяи! — зарычал доктор, взмахивая кулаком и пританцовывая на половичке перед камином.— Дай бог, чтобы их изловили до начала суда!

Однако молитва доброго доктора услышана не была, и перед судом предстал один только Бурт. Все наши друзья отправились в Винчестер, чтобы давать показания, и бывший рудокоп был признан виновным в убийстве Ребекки Тейлфорс и приговорен к смерти. Он был казнен через три недели и умер, как и жил, нераскаянным грешником.

Неподалеку от Филлимор-Гарденс есть маленькая скромная церковь, в которой маленький скромный священник каждое воскресенье произносит проповедь с простенькой кафедры. Церковь эта находится в Каслейн, узеньком тупичке, и, хотя всего в каких-нибудь ста ярдах от нее проходят сотни благочестивых людей, о ее существовании почти никто не знает, ибо она так и не обзавелась гордым шпилем, а колокол ее столь мал, что обычный разносчик подымает куда больший трезвон. Вот почему прихожане ее очень немногочисленны и непостоянны, если не считать двух-трех семей, которые, случайно зайдя в нее, почувствовали, что обрели здесь истинный духовный приют. Не раз бедный священник готов был проливать слезы, когда, потратив неделю на то, чтобы отделать и отшлифовать свою проповедь, он вдруг обнаруживал в воскресенье, что должен произносить ее перед пустыми скамьями.

Так вообразите же удивление доброго старика, когда к нему обратились с просьбой объявить одновременно о бракосочетании двух пар (причем, как ему было известно, и невесты и женихи принадлежали к избранному

кругу), а кроме того, сообщили, что соединит эти пары вечными узами он сам в своей церкви. От полноты чувств он немедленно купил чрезвычайно аляповатую черную шляпку, украшенную веткой сирени и красными вишнями, и торжественно преподнес ее своей супруге, которая по доброте сердечной не замедлила прийти в восторг, а потом потихоньку спорола все крикливые украшения и заменила по своему вкусу. Немногочисленные прихожане были не менее удивлены, услышав, что Тобиас Клаттербек, холостяк, намерен сочетаться браком с Лавинией Скэлли, вдовой, а Томас Димсдейл питает такие же намерения по отношению к Кэтрин Харстон, девице. Они не замедлили сообщить об этом своим друзьям и знакомым, так что маленькая церковь вдруг прославилась, и священник не только произнес свою любимую проповедь о бесплодной смоковнице перед многочисленными слушателями, но и собрал в этот день такую сумму пожертвований, о которой никогда не смел и мечтать.

Но если это оглашение прославило церквушку в Касл-лейн, то что же можно сказать о том дне, когда к ней подкатила вереница великолепных карет с великолепнейшими кучерами, которые все, будучи людьми женатыми, хранили на лице выражение брезгливой скуки, словно желая показать, что они сами через это давно прошли и все это им досконально известно. Из первой кареты выпрыгнул весьма щеголевато одетый джентльмен, правда, средних лет и склонный к полноте, но очень бодрый и румяный. Его сопровождал высокий человек со светло-каштановой бородой, то и дело поглядывавший на своего спутника с озабоченностью, которую во время важного боксерского матча испытывает секундант, опасающийся, что его подопечный вот-вот будет нокаутирован. Из второго экипажа вышел загорелый молодой человек атлетического сложения, а за ним — морщинистый старичок, одетый весьма элегантно. Этот последний сильно волновался и, пока они шли по проходу, дважды ронял бледно-зеленую перчатку. Все четверо остановились в дальнем углу и начали тихо переговариваться, изнывая от невыносимой неловкости — обычный удел сильного пола при подобных обстоятельствах. Мистер Гилрей, шафер Тома, был представлен фон Баумсеру;

все держались чрезвычайно любезно и отчаянно нервничали.

Но вот послышалось шуршание шелка, и все глаза устремились к центральному проходу, по которому шествовали к алтарю невесты. Миссис Скэлли выглядела столь же очаровательно, как и в тот день, пятнадцать лет назад, когда она в последний раз участвовала в подобной церемонии. На ней было жемчужно-серое платье и такая же шляпка, а в руке она держала изящнейший букетик, ради которого майору пришлось обегать весь Ковентгарденский рынок. За ней шла Кэт, необыкновенно прелестная в атласном платье цвета слоновой кости и в кружевной вуали, словно сотканной феями. Темные ресницы ее фиалковых глаз были опущены, а щеки окрасил легкий румянец смущения, но походка ее была твердой, и она без колебания отвечала, как положено, на вопросы маленького священника, державшегося очень торжественно. Посаженый отец, доктор Димсдейл, в роскошном жилете, сияя улыбкой, вручал невест их будущим мужьям самым широким жестом. А рядом стояла его супруга в слезах и лиловом бархате. Присутствовало при церемонии и множество родственников и друзей, включая обоих социалистов, которых пригласил майор,— сидя на боковой скамье, они широко улыбались всем окружающим.

Затем участники церемонии расписались в церковной книге, и начались такие поцелуи, рыдания и раздача вознаграждений, каких эта церквушка еще ни разу не видела. Миссис Димсдейл была свидетельницей и непременно хотела расписаться на строчке, предназначенной для невесты, что вызвало множество веселых шуток и смеха. Затем одышливый орган заиграл «Свадебный марш» Мендельсона, и майор, выпятив грудь, прошествовал со своей супругой по проходу, а за ним Том вел Кэт, глядя по сторонам гордыми и счастливыми глазами. Кареты подкатили к крыльцу, захлопали дверцы, защелкали кнуты, и еще две пары рука об руку отправились по дороге жизни, которая ведет... кто знает куда.

Свадебный завтрак был устроен на Филлимор-Гарденс — великолепнейший завтрак. Присутствовавшие до сих пор вспоминают, какой тост за здоровье новобрачных

провозгласил доктор Димсдейл и с каким восторгом встретили этот тост все остальные. Вспоминают они и витиеватую речь, которую произнес майор, благодаря за этот тост, и мужественную скромность Тома, говорившего вслед за ним. Вспоминают они и множество других прекрасных речей и забавных происшествий. Как фон Баумсер предложил выпить за здоровье Бюлова из Киля, а Бюлов из Киля — за здоровье доктора Димсдейла, который выпил за здоровье русского с непроизносимой фамилией, после чего русский, не имевший возможности ответить речью, спел революционную песню, которой никто не понял. Так весело и приятно прошел этот завтрак, а потом были поданы кареты, и молодожены, осыпаемые рисом и добрыми пожеланиями, отправились в свои свадебные путешествия.

Долги фирмы «Гердлстон» оказались менее грозными, чем полагали. После исчезновения главы фирмы в конторе на Фенчерч-стрит началась было паника, но ревизия книг показала, что, несмотря на неверные записи, торговля последнее время шла чрезвычайно удачно и потребуется не слишком значительная сумма, чтобы фирма могла вновь встать на ноги. Димсдейл отдал этому предприятию весь свой капитал и всю свою энергию, а кроме того, предложил Гилрею стать его компаньоном, что принесло много пользы им обоим. И теперь фирма «Димсдейл и Гилрей» занимает видное и почетное место среди компаний, ведущих торговлю с Африкой. Из служащих у них капитанов самым большим их доверием и уважением пользуется Макферсон, чья шлюпка благополучно преодолела буруны, погубившие его бывшего шкипера, как и его хозяина.

Дальнейшая судьба Эзры Гердлстона неизвестна. Правда, много лет спустя некий коммивояжер рассказал Тому о нищем, опустившемся оборванце, завсегдатае самых низкопробных притонов Сан-Франциско, который в конце концов был убит во время пьяной драки. По описанию, он был похож на младшего Гердлстона, однако ничего определенного выяснить так и не удалось.

А теперь я должен проститься с рожденными моим пером людьми, в обществе которых я провел столько времени. Я вижу, как они уходят в будущее, становясь муд-

рее и счастливее. Вот майор, все так же выпячивающий грудь, излеченный от многих своих богемных привычек, но все такой же добряк и искусный рассказчик. А вот и его верный приятель фон Баумсер, постоянный гость за его гостеприимным столом, с таким упорством пичкающий сластями юного Клаттербека, не замедлившего появиться на свет, что его можно заподозрить в сговоре с семейным доктором. Миссис Клаттербек, все такая же пышная и добродушная, неустанно пытается положить конец этой тайной контрабанде, но коварный немец умудряется перехитрить даже ее. Я вижу, как Кэт и ее муж, ставшие еще лучше из-за перенесенных страданий, делают безоблачно счастливыми последние годы добрых старичков, которые так гордятся своим сыном. Я гляжу на них всех, а они все дальше отодвигаются в смутный сумрак грядущего; но, закрывая эту книгу, я знаю: что бы ни ожидало нас там, им извечная справедливость всего сущего сулит одно только счастье.

Рассказы

ТАЙНА ЗАМКА ГОРСОРП-ГРЭЙНДЖ

Я убежден, что природа не предназначала меня на роль человека, самостоятельно пробивающего себе дорогу в жизни. Иной раз мне кажется совершенно невероятным, что целых двадцать лет я провел за прилавком магазина бакалейных товаров в Ист-Энде в Лондоне и именно этим путем приобрел состояние и Горсорп-Грэйндж. Я консервативен в своих привычках, вкусы у меня изысканны и аристократичны. Душа моя не выносит вульгарной черни. Род наш восходит к еще доисторическим временам — это можно заключить из того факта, что появление нашей фамилии Д'Одд на исторической арене Британии не упоминается ни единым авторитетным историком-летописцем. Инстинкт подсказывает мне, что в жилах моих течет кровь рыцаря-крестоносца. Даже теперь, по прошествии стольких лет, с моих уст сами собой слетают такие восклицания, как «Клянусь божьей матерью!», и мне думается, что если бы того потребовали обстоятельства, я был бы способен приподняться в стременах и нанести удар неверному, скажем, булавой, и тем немало его поразить.

Горсорп-Грэйндж, как указывалось в объявлении и что сразу же привлекло мое внимание,— феодальный замок. Именно это обстоятельство невероятно повлияло на его цену, преимущества же оказались, пожалуй, скорее романтического, нежели реального характера. И все же мне приятно думать, что, поднимаясь по винтовой лестнице моей башни, я могу через амбразуры пускать стрелы. Приятно также сознание своей силы, уверенности

в том, что в моем распоряжении сложный механизм, с помощью которого можно лить расплавленный свинец на голову непрошеного гостя. Все это вполне соответствует моим склонностям, и я не жалею денег, потраченных на свои удовольствия. Я горжусь зубчатыми стенами и рвом — открытой сточной канавой, опоясывающей мои владения. Я горжусь опускной решеткой в крепостных стенах и двумя башнями. Для полной атмосферы средневековья в моем замке не хватает лишь одного, что придало бы ему полную законченность и настоящую индивидуальность: в Горсорп-Грэйндж нет привидений.

Отсутствие их разочаровало бы всякого, кто стремится устроить себе жилище согласно своим консервативным понятиям и тяготению к старине. Мне же это казалось особенно несправедливым. С раннего детства я горячо интересуюсь всем, что касается сверхъестественного, и твердо в него верю. Я упивался литературой о духах и призраках: едва ли сыщется хотя бы одна книга по данному вопросу, мною еще не прочитанная. Я изучил немецкий язык с единственной целью осилить труд по демонологии. Еще ребенком я прятался в темных комнатах в надежде увидеть тех страшилищ, которыми пугала меня нянька,— желание это не остыло во мне по сей день. И я весьма гордился тем, что привидение — это один из доступных мне предметов роскоши.

Да, конечно, о привидениях в объявлении не упоминалось, но, осматривая заплесневелые стены и темные коридоры, я ни на минуту не усомнился в том, что они населены духами. Я убежден, что как наличие собачьей конуры предполагает присутствие собаки, так в столь подходящем месте не может не обитать хотя бы один неприкаянный загробный дух. Господи боже ты мой, о чем же думали в течение нескольких столетий предки тех отпрысков благородного рода, у которых я купил поместье? Неужели не нашлось среди них ни одного достаточно энергичного и решительного, кто бы отправил на тот свет возлюбленную или предпринял какие-либо другие меры, которые обеспечили бы появление фамильного призрака? Даже теперь, когда я пишу эти строки, меня разбирает досада при одной только мысли о подобном упущении.

Я долгое время ждал и не терял надежды. Стоило пискнуть крысе за деревянной панелью или застучать дождю сквозь прохудившуюся крышу, и меня всего бросало в дрожь: уж не появился ли наконец, думал я, признак долгожданного духа? Страха во мне подобные явления не вызывали. Если это случалось ночью, я посылал миссис Д'Одд, женщину очень решительную, выяснить, в чем дело, а сам, накрывшись одеялом с головой, наслаждался предвкушением событий. Увы, результат оказывался всегда один и тот же! Подозрительные звуки объяснялись так нелепо прозаически и банально, что самое пылкое воображение не могло облечь их блестящим покровом романтики.

Возможно, я бы примирился с таким положением вещей, если бы не Джоррокс, хозяин фермы Хэвисток, грубый, вульгарный тип, воплощение прозы,— я знаком с ним лишь в силу того случайного обстоятельства, что его поля соседствуют с моими владениями. И вот этот-то человек, абсолютно неспособный оценить, какое важное значение имеет завершенность замысла, обладает подлинным и несомненным привидением. Появление его относится, кажется, всего-навсего ко времени царствования Георга II, когда некая юная дева перерезала себе горло, узнав о смерти возлюбленного, павшего в битве при Деттингене[1]. И все же это придает дому внушительность, в особенности когда в нем имеются еще и кровавые пятна на полу. Джоррокс, со свойственной ему тупостью, не может понять, до чего ему повезло,— нельзя без содрогания слушать, в каких выражениях отзывается он о призраке. Он и не подозревает, как жажду я, чтобы у меня в доме раздавались по ночам глухие стоны и завывания, по поводу которых он высказывает такую неуместную досаду! Да, плохо же обстоит дело, если призракам дозволяется покидать родные поместья и замки и, ломая социальные перегородки, искать убежища в домах незначительных личностей!

Я обладаю большой настойчивостью и целеустремленностью. Только эти качества и могли поднять меня до

---

[1] Деттинген — баварская деревня на реке Майн, где в 1743 году, во время войны за австрийское наследство, англо-австрийские войска одержали победу над французами.

подобающего мне положення, если вспомиить, в сколь чуждом аитураже провел я свон юиые годы. Я хотел во что бы то ни стало завестн у себя фамильный призрак, ио как это сделать, ни я, ни миссnс Д'Одд решнтельио не знали. Из чтеиня соответствующнх киHг мие было известио, что подобные феиомены возникают в результате какого-лнбо преступлеиня. Но какого нмеиио и кому следует его совершнть? Мие прншла в голову шальиая мысль уговорить Уоткииса, нашего дворецкого, чтобы он за определеииое возиаграждеиие согласился во имя добрых старых традицнй прииестн в жертву самого себя нли кого-либо другого. Я сделал ему это предложеине в полушутлнвой форме, ио оно, по-виднмому, ие произвело иа иего благоприятиого впечатления. Остальиые слуги разделилн его точку зрения — во всяком случае, только этим могу я объяснить тот факт, что к коицу дия онн все до одного отказались от места и покнHули замок.

— Дорогой,— обратилась ко мие мнссис Д'Одд както после обеда, когда я, будучи в дурном настроеиии, сидел и потягнвал мальвазию — люблю славиые, стариные назваиня,— дорогой, ты зиаешь, этот отвратительиый призрак в доме Джоррокса опять пошаливает.

— Пусть его пошалнвает,— ответил я бездумно.

Миссис Д'Одд взяла иесколько аккордов иа спиете[1] н задумчиво поглядела в камнн.

— Знаешь, что я тебе скажу, Арджеитайн,— накоиец проговорила она, назвав меня ласково тем именем, которым мы обычно заменяем мое имя Сайлас,— иужно, чтобы иам прнслалн привидеиие нз Лоидона.

— Как ты можешь городить такой вздор, Матнльда!— сказал я сердито.— Ну кто может прислать нам привидеиие?

— Мой кузеи Джек Брокет,— ответила оиа убеждеино.

Надо заметнть, что этот кузеи Матильды всегда был иеприятиой темой в иаших с ней беседах. Джек, бойкнй и

[1] Спинет — старинный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

неглупый молодой человек, брался за самые разнообразные занятия, но ему не хватало настойчивости, и он не преуспел ни в чем. В это время он проживал в Лондоне в меблированных комнатах и выдавал себя за ходатая по всяческим делам; по правде сказать, он жил главным образом за счет своей смекалки. Матильде удалось устроить так, что почти все наши дела проходили через его руки, и это, разумеется, избавило меня от многих хлопот. Но, просматривая счета, я обнаружил, что комиссионные Джеку обычно превышают все остальные статьи расхода, вместе взятые. Данное обстоятельство побудило меня воспротивиться дальнейшим деловым связям с этим молодым человеком.

— Да-да, уверяю тебя, Джек сможет,— настаивала миссис Д'Одд, прочтя на моем лице неодобрение.— Помнишь, как удачно вышло у него с этим гербом.

— Это было всего-навсего восстановление старого фамильного герба, моя дорогая,— возразил я.

Матильда улыбнулась, и в ее улыбке было что-то раздражающее.

— А восстановление фамильных портретов, дорогой? — напомнила она.— Согласись, что Джек подобрал их очень толково.

Я представил себе длинную галерею персонажей, украшающую стены моего пиршественного зала, начиная с дюжего разбойника-нормана и далее через все градации шлемов, плюмажей и брыжей до мрачного субъекта в длинном сюртуке в талию, словно налетевшего на колонну, оттого что отвергли его первую рукопись, которую он конвульсивно сжимал правой рукой. Я был вынужден признать, что Джек неплохо справился с задачей и справедливость требует, чтобы я заказал именно ему — на обычных комиссионных началах — фамильное привидение, если раздобыть таковое возможно.

Одно из моих неукоснительных правил — действовать немедленно по принятии решения. Полдень следующего дня застал меня на каменной винтовой лестнице, ведущей в комнаты мистера Брокета, и я мог любоваться начертанными на выбеленных стенах стрелами и указующими перстами, направляющими путь в апартаменты этого джентльмена. Но все эти искусственные меры

былн нзлншии: звукн лихой пляски, раздававшиеся у меня над головой, моглн идти только из квартиры Джека Брокета. Оии резко оборвались, едва я достиг верхнего этажа. Дверь мие открыл какой-то юиец, очевндио, нзумлеииый появлеиием клиеита, и провел меня к моему молодому другу. Джек эиергичио строчил что-то в огромиом гроссбухе, лежащем вверх ногами, как я потом убедился.

После обмеиа прнветствиямн я сразу же прнступил к делу.

— Послушай, Джек,—иачал было я.— Нет ли у тебя... мне бы хотелось...

— Рюмочку виица? — с готовностью подхватнл кузен моей жеиы, сунул руку в корзииу для бумаг и с ловкостью фокусинка извлек оттуда бутылку.— Что ж, выпьем!

Я подиял руку, безмолвио возражая против употреблеиия алкоголя в столь рaииий час, ио, опустив ее, почти невольно взял бокал, поставлеииый передо миой Джеком. Я поспешно проглотил содержнмое бокала, опасаясь, что вдруг кто-иибудь случайио войдет н прнмет меня за пьяиицу. Право, в эксцентричиости этого молодого человека было что-то забавиое.

— Нет, Джек, я ие то имел в виду, мие иужеи дух, призрак,— объяснил я, улыбаясь.— Нет ли у тебя возможности раздобыть его? Я готов вступнть в переговоры.

— Вам иужио фамильное привидеиие для Горсорп-Грэйндж? — осведомился Джек Брокет с таким хладиокровнем, как если бы речь шла о мебели для гостниой.

— Да,— ответнл я.

— Ннчего не может быть проще,— сказал он н, иесмотря иа все протесты, сиова иаполиил мой бокал.— Сейчас посмотрим.— Ои достал толстую красиую тетрадь, снабжеииую алфавитом.— Зиачнт, вы говорите, вам требуется привидение — так? «П»... Парикн... пилы... пистолеты... помады... попуган... порох... Ага, вот оно! Привидеиия. Том девятый, раздел шестой, страница сорок первая. Извините, одну миутку!

Джек мигом взобрался по лесенке к высокой полке иа стеие и прииялся там рыться средн гроссбухов. Я хотел

было, пока Джек стоит ко мне спиной, вылить вино из бокала в плевательницу, но, подумав, отделался от него обычным способом.

— Нашел! — крикнул мой лондонский агент, с шумом и треском спрыгивая с лесенки и бросая на стол огромный том.— Тут у меня все размечено, в момент найду любое, что требуется. Да нет, вино слабое (он снова наполнил наши бокалы). Так что мы ищем?

— Привидения,— подсказал я.

— Совершенно верно. Привидения. Страница сорок первая. Вот то, что нам нужно: «Дж. Х. Фаулер и Сын, Дакл-стрит. Поставщики медиумов дворянству и знати. Продажа амулетов и любовных напитков. Мумифицирование. Составление гороскопов». Нет, по вашей части тут, пожалуй, ничего не найдется, а?

Я уныло помотал головой.

— «Фредерик Тэбб,— продолжал кузен моей жены.— Единственный посредник в сношениях между живыми и мертвыми. Владелец духа Байрона, Керка Уайта[1], Гримальди[2], Тома Крибба[3] и Иниго Джонса[4]». Вот этот как будто больше подходит.

— Ну что здесь романтического? — возразил я.— Господи боже мой! Только представить себе духа с синяком под глазом и подпоясанного платком, кувыркающегося через голову и задающего вопросы вроде: «Ну, как поживаете завтра?»

Сама эта мысль до такой степени меня разгорячила, что я осушил свой бокал и снова его наполнил.

— А вот еще,— сказал мой собеседник.— «Кристофер Маккарти. Сеансы дважды в неделю. Вызов духов всех выдающихся людей древности и современности. Гороскопы. Амулеты. Заклинания. Сношения с загробным миром». Пожалуй, этот может быть полезным. Впрочем, завтра я сам все разузнаю, повидаюсь кое с кем из них. Мне известно, где они обретаются, и я буду не я, если не достану по сходной цене все, что нам надо. Ну, с делами покончено,— заключил Джек,

---

[1] Уайт, Генри Керк (1785—1806) — английский поэт.

[2] Гримальди, Джозеф (1779—1837) — английский комический актер.

[3] Крибб, Том (1781—1848) — английский боксер.

[4] Джонс, Иниго (1573—1652) — английский архитектор.

швыряя книгу куда-то в угол.— Теперь полагается выпить.

Выпить нам нужно было за многое, и потому на следующее утро мои мыслительные способности были заметно притуплены и мне было затруднительно объяснить миссис Д'Одд, почему я, перед тем как лечь в постель, повесил на крючок вместе с костюмом также сапоги и очки. Надежды, вновь ожившие во мне благодаря уверенности, с какой Джек взялся за порученное ему дело, оказались сильнее последствий возлияния накануне, и я расхаживал по обветшалым коридорам и старинным залам, пытаясь представить себе, как будет выглядеть мое новое приобретение и где именно его присутствие окажется наиболее уместным. После долгих размышлений я остановился на пиршественном зале. Это было длинное помещение, с низким потолком, все увешанное ценными гобеленами и любопытными реликвиями древнего рода, прежних владельцев замка. Кольчуги и доспехи поблескивали, едва на них падал отсвет из горящего камина, из-под дверей дул ветер, колыхая тоскливо шуршащие портьеры. В одном конце зала возвышался помост, там в старые времена пировал за столом хозяин со своими гостями. От помоста шло несколько ступеней в нижнюю часть залы, где бражничали вассалы и слуги. Пол не был покрыт коврами, я распорядился, чтобы его устлали камышом. В общем, в этой комнате не имелось решительно ничего, что напоминало бы о девятнадцатом веке, за исключением массивного столового серебра с моим восстановленным фамильным гербом — оно красовалось на дубовом столе в центре зала. Вот здесь, решил я, и будет обитать дух, если кузену Матильды удастся договориться с поставщиками призраков. А пока не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать новостей о результате поисков Джека.

Через несколько дней от него пришло письмо, краткое, но обнадеживающее. Оно было нацарапано карандашом на обратной стороне театральной программы и запечатано, по всей вероятности, табачным набойником. В письме я прочел: «Кое-что разыскал. От профессиональных поставщиков толку не добился, но вчера подцепил в пивной одного типа, он берется устроить то, что вы желали. Направляю его к вам — если не согласны,

предупредите телеграммой. Зовут его Абрахамс, ему уже приходилось выполнять поручения такого рода». Письмо заканчивалось туманными намеками на высылку чека и было подписано: «Ваш любящий брат Джек Брокет».

Нечего и говорить, что телеграммы я не послал и с большим нетерпением стал ожидать прибытия мистера Абрахамса. Невзирая на свою веру в сверхъестественное, я с трудом допускал мысль, что смертному может быть дано так властвовать над миром духов и даже торговать ими, обменивая на земное золото. Однако Джек заверял меня, что подобный вид коммерции существует, и даже нашелся джентльмен с иудейской фамилией, готовый продемонстрировать свою власть над духами. Каким заурядным и вульгарным покажется привидение Джоррокса, восходящее всего лишь к восемнадцатому веку, если мне действительно посчастливится стать обладателем настоящего средневекового призрака! Я даже подумал, не выслали ли мне его заранее, так как однажды поздно вечером, перед сном, прогуливаясь вдоль рва, я наткнулся на темную фигуру, разглядывающую мою опускную решетку и подъемный мост. Но то, как незнакомец вздрогнул, завидев меня, и как поспешно кинулся прочь и скрылся в темноте, тут же убедило меня в его земном происхождении. Я принял эту неизвестную личность за воздыхателя одной из моих служанок, томящегося у грязного Геллеспонта, отделяющего его от возлюбленной. Но кто бы ни был этот незнакомец, он исчез и больше не показывался, хотя я еще побродил вокруг этого места, надеясь увидеть его и дать ему почувствовать мои феодальные права.

Джек Брокет слово сдержал. На следующий вечер, едва начали сгущаться сумерки, как звон колокольчика у ворот Горсорп-Грэйндж и скрип махового колеса у подъемного моста возвестили о прибытии мистера Абрахамса. Я поспешил ему навстречу, почти ожидая увидеть человека с печальным взглядом и впалыми щеками, а за ним пеструю толпу призраков. Но торговец привидениями оказался коренастым здоровяком, с поразительно острыми, сверкающими глазами, и рот у него то и дело растягивался в добродушную, хотя, быть может, и несколько деланную улыбку. Весь его ком-

мерческий реквизит состоял из небольшого кожаного саквояжа, крепко запертого и стянутого ремнями. Когда мистер Абрахамс поставил его на каменные плиты холла, он издал странное металлическое лязганье.

— Как поживаете, сэр? — спросил меня мистер Абрахамс, с жаром тряся мне руку.— И как поживает миссис? И как поживают все остальные — все ли в добром здравии?

Я заверил его, что все в доме чувствуют себя вполне удовлетворительно, но мистер Абрахамс, заприметив издали миссис Д'Одд, кинулся к ней с теми же расспросами о состоянии ее здоровья. Он говорил так многословно и горячо, что я невольно подумал: сейчас он начнет проверять ее пульс и потребует, чтобы она показала ему язык. И все время глаза у него так и бегали — с пола на потолок, с потолка на стены. Одним взглядом он как будто охватывал сразу все мельчайшие предметы обстановки.

Успокоившись на том, что все мы пребываем в нормальном физическом состоянии, мистер Абрахамс пошел вслед за мной вверх по лестнице в комнату, где для него была приготовлена обильная снедь — он ее не отверг. Таинственный маленький саквояж, он потащил с собой и во время обеда держал у себя под стулом. Только когда убрали со стола и мы остались одни, мистер Абрахамс заговорил о деле, ради которого прибыл.

— Если я вас верно понял,— начал он, попыхивая своей «тричинополи»,— вы желаете, чтобы я помог вам снабдить этот дом привидением. Так или нет?

Я подтвердил правильность этого предположения, не переставая дивиться беспокойному взгляду гостя, озирающего комнату так, будто он занимался описью имущества.

— Так знайте же, более подходящего человека, чем я, вам не найти, говорю по чести,—продолжал мой собеседник.— Что ответил я тому молодому джентльмену в трактире «Хромой пес»? Он меня спросил: «Беретесь устроить это дело?» И я сказал: «Вы только испытайте, проверьте, на что способен я и мой ма-

ленький саквояж». Лучше ответить я не мог, говорю по чести.

Мое уважение к коммерческим способностям Джека заметно возросло. Он, безусловно, устроил все отлично.

— Неужели вы держите... духов в саквояжах? — спросил я нерешительно.

Мистер Абрахамс улыбнулся снисходительной улыбкой человека, уверенного в своем превосходстве.

— Подождите, подождите,— сказал он.— Только дайте мне подходящее место, подходящее время да бутылочку люкоподикуса,— он извлек из жилетного кармана небольшой пузырек,— и вам станет ясно, что нет такого духа, с которым я не сладил бы. Вы сами их увидите, своими глазами. Лучше я сказать не могу, говорю по чести.

Заверения мистера Абрахамса в своей честности сопровождались хитрой усмешкой и подмигиванием проницательных глаз, что несколько ослабляло уверенность в искренности его слов.

— Когда вы намерены приступить к делу? — осведомился я почтительно.

— Без десяти час,— проговорил он твердо.— Некоторые считают, что надо ровно в полночь, а я говорю: нет, лучше попозже, тогда уже нет такой толчеи, и можно подобрать духа, какой приглянется. А теперь,— продолжал он, вставая со стула,— не пройтись ли нам по дому? Вы мне покажете, куда решили его поселить. Духи ведь какие: одни места им нравятся, а о других они и слышать не хотят, даже если им и деваться больше некуда.

Мистер Абрахамс осмотрел коридоры и комнаты очень внимательно, с видом знатока пощупал гобелены и сказал вполголоса: «Очень-очень подходит»,—но только когда мы вошли в пиршественный зал, восхищение его перешло в настоящий энтузиазм.

— Ну, как раз то, что надо! — восклицал он, приплясывая с саквояжем в руке вокруг стола, на котором было расставлено фамильное серебро; мне показалось, что в эту минуту маленький, юркий мистер Абрахамс и сам напоминал какое-то странное порождение нечистой силы.— Очень все подходяще, лучше не придумаешь! Прекрасно! Благородно, внушительно! Не то что тепереш-

не накладное серебро, а настоящее, массивное! Да, сэр, именно так оно все и должно быть. Места вволю, есть где им разгуляться. Пришлите-ка мне сюда коньяку и сигар. Я тут посижу у огонька, подготовлю все, что требуется,— повозиться придется немало. Эти духи, пока не сообразят, с кем имеют дело, иной раз такой шум и гам поднимут, только держись. Вы пока уходите, не то они вас еще, чего доброго, в куски разорвут. Лучше я буду тут один с ними управляться, а в половине первого возвращайтесь, к тому времени они поутихнут.

Требования мистера Абрахамса показались мне вполне резонными, и я ушел, оставив его одного в кресле перед камином; задрав ноги на каминную решетку, он стал готовиться к встрече со строптивыми пришельцами из иного мира, подкрепляя себя с помощью указанных им средств.

Мы с миссис Д'Одд сидели в комнате внизу, прямо под пиршественным залом, и я слышал, как некоторое время спустя мистер Абрахамс поднялся и начал расхаживать по залу быстрым, нетерпеливым шагом. Потом мы с Матильдой оба услышали, как он проверил запор на двери, пододвинул к окнам что-то тяжелое из мебели и, по-видимому, взобрался на нее, потому что я расслышал скрип ржавых петель на ромбовидной оконной раме,— стоя на полу, низкорослый мистер Абрахамс, безусловно, не смог бы дотянуться до окна. Миссис Д'Одд уверяет, что она различила его торопливый, приглушенный голос, но, возможно, это ей лишь показалось. Должен сознаться, что все происходящее произвело на меня впечатление более сильное, чем я того ожидал. Жутко было думать, что простой смертный стоит в полном одиночестве у открытого окна и призывает из тьмы исчадия ада. Я с трепетом, который едва мог скрыть от Матильды, увидел, что часовая стрелка приближается к назначенному сроку и мне пора идти наверх, разделить ночное бдение мистера Абрахамса.

Он сидел все там же, в той же позе, и не было заметно никаких следов таинственных шумов и шорохов, услышанных нами внизу, только круглое лицо мистера Абрахамса раскраснелось— похоже было, будто он только что изрядно потрудился.

— Ну как, получается? — спросил я с притворно-беспечным видом, но невольно озираясь, чтобы проверить, одни ли мы в комнате.

— Теперь требуется только ваша помощь, и дело завершено,— сказал мистер Абрахамс торжественно.— Садитесь рядом, примите люкоптоликус — это снимет пелену с ваших земных глаз. Что бы вы ни увидели, молчите и не шевелитесь, не то разрушите чары.

Манеры мистера Абрахамса стали как-то мягче, присущая ему вульгарность лондонского кокни совершенно исчезла. Я сел в указанное мне кресло и стал ждать, что будет дальше.

Мистер Абрахамс сгреб камыш с пола около камина и, став на четвереньки, начертил мелом полуокружность, охватившую камин и нас обоих. По краю меловой линии он написал несколько иероглифов, что-то вроде знаков Зодиака. Затем, поднявшись, властитель духов произнес заклинание такой скороговоркой, что оно прозвучало как одно необыкновенно длинное слово на каком-то гортанном языке. Покончив с заклинанием, мистер Абрахамс достал тот самый пузырек, что показывал мне раньше, налил из него в фиал несколько чайных ложек чистой, прозрачной жидкости и подал ее мне.

У нее был чуть сладковатый запах, напоминающий запах некоторых сортов яблок. Я не решался коснуться ее губами, но нетерпеливый жест мистера Абрахамса заставил меня преодолеть сомнения, и я выпил все залпом. Напиток по вкусу не лишен был приятности, но никакого мгновенного действия не оказал, и я откинулся в кресле в ожидании дальнейшего. Мистер Абрахамс сидел в кресле рядом, и я замечал, что время от времени он внимательно вглядывается мне в лицо, бормоча при этом свои заклинания.

Постепенно меня охватило блаженное чувство тепла и расслабленности — отчасти причиной тому был жар из камина, отчасти что-то еще. Неудержимое желание спать смежало мне веки, но мозг работал с необыкновенной ясностью, в голове у меня теснились, сменяя одна другую, чудесные, забавные мысли. Меня совершенно сковала дрема. Я сознавал, что мой гость положил мне руку на область сердца, как бы проверяя его биение, но я не вос-

противился, даже не спросил, с какой целью он это делает. Все предметы в комнате вдруг закружились вокруг меня в медленном, томном танце. Большая голова лося в конце зала начала раскачиваться, ведерко для вина и нарядная ваза — настольное украшение—двигались в котильоне с массивными подносами. Моя отяжелевшая голова сама опустилась на грудь, и я бы совсем заснул, если бы внезапно открывшаяся в конце зала дверь не заставила меня очнуться. Дверь вела прямо на помост, туда, где когда-то пировал глава дома. Створка двери медленно подавалась назад. Я выпрямился, опершись о ручки кресла, и, не отрывая глаз, с ужасом смотрел в темный провал коридора за дверью. Оттуда двигалось нечто бестелесное, бесформенное, но я все же ясно его ощущал. Я видел, как смутная тень переступила порог — по залу пронесся ледяной сквозняк, заморозив мне, казалось, самое сердце. Затем я услышал голос, подобный вздоху восточного ветра в верхушках сосен на пустынном морском берегу.

Дух молвил:

— Я незримое ничто. Мне присуща неуловимость. Я преисполнено электричества и магнетизма, я спиритуалистично. Я великое, эфемерное, испускающее вздохи. Я убиваю собак. О смертный, остановишь ли ты на мне свой выбор?

Я силился ответить, но слова застряли у меня в горле, и, прежде чем я успел их произнести, тень скользнула по залу и растаяла в глубине его — в воздухе пронесся долгий, печальный вздох.

Я снова обратил взгляд на дверь и к изумлению своему увидел низенькую, сгорбленную старуху; ковыляя по коридору, она ступила за порог и вошла в зал. Несколько раз она прошлась взад и вперед, затем замерла, скорчившись, у самого края меловой черты на полу, и вдруг подняла голову — никогда не забыть мне выражения чудовищной злобы, написанной на ее безобразном лице, на котором, казалось, все самые низкие страсти оставили свои следы.

— Ха-ха-ха! — захохотала старуха, вытянув вперед высохшие, сморщенные руки, похожие на когти какой-то отвратительной птицы.— Видишь, кто я такая? Я злобная старуха. Я одета в шелка табачного цвета.

Я обрушиваю на людей проклятия. Меня очень жаловал сэр Вальтер Скотт. Забираешь меня к себе, смертный?

Мне удалось отрицательно помотать головой — я был в ужасе, а она замахнулась на меня клюкой и исчезла, испустив жуткий, душераздирающий вопль.

Теперь я, естественно, снова стал смотреть в открытую дверь и почти не удивился, заметив, как вошел высокий мужчина благородной осанки. Чело его покрывала смертельная бледность, но оно было в ореоле темных волос, спускавшихся завитками на плечи. Подбородок скрывала короткая бородка клином. На призраке была свободная, ниспадающая одежда, по-видимому, из желтого атласа, шею прикрывало широкое белое жабо. Он прошел по залу медленным, величественным шагом и, обернувшись, заговорил со мной голосом мягким, с изысканными модуляциями.

— Я дух благородного кавалера. Меня пронзают, и я пронзаю. Вот моя рапира. Я лязгаю сталью. На груди слева, где сердце, у меня кровавое пятно. Я испускаю глухие стоны. Мне покровительствуют многие родовитые консервативные семьи. Я подлинное привидение старинных поместий и замков. Я действую один или в обществе вскрикивающих дев.

Он изящно склонил голову, как бы в ожидании моего ответа, но слова застряли у меня в горле, я опять не смог ничего произнести. Отвесив глубокий поклон, дух исчез.

Не успел он скрыться, как меня снова охватил невыразимый ужас — я ощутил появление страшного, сверхъестественного существа. Я различал только смутные очертания и неопределенную форму; то казалось, что оно заполняет собой всю комнату, то становилось вовсе невидимо, но я все время ясно чувствовал его присутствие. Когда призрак заговорил, голос у него был дрожащий и прерывистый:

— Я оставляю следы и проливаю кровь. Я брожу по коридорам. Обо мне упоминал Чарльз Диккенс. Я издаю странные, неприятные звуки. Я вырываю письма и кладу невидимые руки на запястья людям. Я веселый дух. Я разражаюсь взрывами ужасающего смеха. Показать, как я смеюсь?

Я поднял руку, чтобы остановить его, но опоздал и тут же услышал страшный, оглушительный хохот, прокатившийся эхом по залу. Я еще не успел опустить руку, как видение исчезло.

Я снова повернулся к двери, и как раз вовремя: из темного коридора в комнату торопливо проскользнул новый посетитель. Это был загорелый, мощного сложения мужчина, в ушах у него поблескивали серьги, вокруг шеи был повязан шелковый платок. Голова незнакомца поникла на грудь, казалось, его невыносимо терзала совесть. Сперва он метнулся в одну, затем в другую сторону, словно тигр в клетке. В одной руке у него блеснуло лезвие ножа, другой незнакомец сжимал лист пергамента. У этого духа голос был глубокий и звучный.

— Я убийца,— произнес он.— Я негодяй. Я хожу крадучись. Я ступаю бесшумно. Я специалист по затерянным сокровищам. Я знаю кое-что об испанских морях. У меня есть планы и карты. Вполне трудоспособен и отличный ходок. Могу служить привидением в обширном парке.

Он смотрел на меня умоляюще, но я еще не успел подать ему знак, как почувствовал, что цепенею от страха при виде нового ужасного зрелища у раскрытой двери.

Там стоял необыкновенно высокого роста человек, если только можно назвать человеком эту странную фигуру — тощие кости торчали сквозь полусгнившую плоть, лицо было свинцово-серого цвета. Он был закутан в саван с капюшоном, из-под которого глядели глубоко сидящие в глазницах злобные глаза; они сверкали и метали искры, как раскаленные угли. Нижняя челюсть отвисла, обнажая сморщенный, съежившийся язык и два ряда черных, щербатых клыков. Я вздрогнул и отшатнулся от страшного видения, приблизившегося к меловой черте на полу.

— Я американское страшилище, замораживающее кровь в жилах,— проговорил призрак глухим голосом, как будто идущим откуда-то из-под земли.— Все остальные — подделки. Только я подлинное создание Эдгара Аллана По. Я самый мерзкий, гнетущий душу призрак. Обратите внимание на мою кровь и на мою плоть. Я внушаю ужас, я отвратителен. Дополнительными ис-

кусствеиными ресурсами не пользуюсь. Мои атрибуты — саван, крышка гроба н гальваиическая батарея. Люди от меня седеют за одну иочь.

Призрак протяиул ко мие свои почтн лишенные плоти руки, как бы умоляя меня, ио я замотал головой, и он нсчез, оставнв после себя гнусиый, тошиотворный запах. Я откннулся иа спнику кресла, потрясеииый страхом н отвращеннем до такой степени, что в этот момеит охотио отказался бы от самой мыслн о прнобретеинн духа, еслн бы был увереи, что это последиее из кошмариых видеинй.

Легкий шорох волочащейся по полу одежды дал мие понять, что меня ждет иовая встреча. Я подиял глаза н увидел фигуру в белом, только что появившуюся из тьмы корндора н перешагнувшую порог. Это была прекрасиая, молодая женщнна, одетая по моде давио прошедшнх лет. Она прнжнмала рукн к груди, на ее бледном, гордом лнце были следы страстей и страдаинй. Оиа прошла через зал, и платье ее шелестело, как осеиние лнстья. Обратив ко мне свои дивиые, иевыразимо печальные глаза, оиа проговорнла:

— Я нежная, скорбящая, прекрасиая и обижеиная. Меня покииулн, мне изменили. В иочиые часы я вскрнкиваю н пробегаю по коридору. Предки мои почтеины н аристократичны. Я эстетка. Мебель старого дуба в этом зале как раз в моем вкусе, хорошо бы еще побольше кольчуг, лат н гобеленов. Я подхожу вам?

Голос ее постепенио замирал н иакоиец умолк. Она воздела рукн в иемой мольбе. Я неравиодушен к жеиским чарам. И затем — что такое прнзрак Джоррокса по сравиеиию с этнм виденнем? Что может быть прекраснее, изыскаинее? К чему терзать дальше иервную систему зрелищем прнзраков вроде того, предпоследнего? Не лучше ли накоиец остаиовнть свой выбор? Как будто прочтя мои мысли, красавнца улыбиулась мие аигельской улыбкой. Эта улыбка решнла дело.

— Подойдет! — воскликиул я. — Я выбираю ее, вот этот прнзрак!

В порыве энтузназма я шагнул вперед и ступнл за черту магического круга.

— Арджентайн, нас обокрали!

Пронзительный крик звенел и звенел у меня в ушах, слова смутно доходили до моего сознания, но я не понимал их смысла — они как будто совпали с ритмом стучащей в висках крови, и я закрыл глаза под убаюкивающий напев: «обокрали... обокрали... обокрали...»

Кто-то сильно меня встряхнул, я открыл глаза. Вид миссис Д'Одд в самом скудном, какой только можно себе представить, наряде и в самом яростном настроении произвел на меня достаточно внушительное впечатление — я сделал усилие, собрал мысли и понял, что лежу навзничь на полу, головою в кучке пепла, выпавшего из камина, а в руке сжимаю небольшой стеклянный пузырек.

Я встал, пошатываясь, но чувствовал такую слабость и головокружение, что тут же упал в кресло. Постепенно мысли у меня прояснились, чему содействовали непрекращающиеся восклицания и крики Матильды. Я постарался мысленно восстановить события ночи. Вот дверь, через которую являлись гости из потустороннего мира. Вот начертанная мелом на полу полуокружность и вокруг нее иероглифы. Вот коробка от сигар и бутылка с коньяком, которому оказал честь мистер Абрахамс. Но где же сам властитель духов, где же он? И что значит открытое окно и свисающая из него наружу веревка? И где... о, где же гордость и краса замка Горсорп-Грэйндж, великолепное фамильное серебро, предназначенное быть гордостью будущих поколений Д'Оддов? И почему миссис Д'Одд стоит в сером сумраке рассвета, ломает руки и все выкрикивает свой рефрен? Очень не скоро мой затуманенный мозг осознал один за другим все эти факты и понял их взаимосвязь.

Читатель, я больше никогда не видел мистера Абрахамса, я больше никогда не видел столового серебра с восстановленным фамильным гербом. И, что всего обиднее, я больше никогда, ни на одно мгновение не увидел печального призрака в платье со шлейфом и у меня нет надежды когда-либо его увидеть. Правду сказать, ночное происшествие излечило меня от моей страсти к сверхъестественному, и я вполне примирился с жизнью в самом заурядном доме, выстроенном в девятнадцатом веке на

окраине Лондона, куда Матильда давно стремилась перебраться.

Что касается объяснения всему случившемуся, тут можно делать различные предположения. В Скотленд-Ярде почти не сомневаются, что мистер Абрахамс не кто иной, как Джемми Уилсон, alias[1] Ноттингем Крэстер, знаменитый громила,—во всяком случае, описания внешности вполне совпадают. Небольшой саквояж, упомянутый мною выше, был на следующий же день найден на соседнем поле и оказался заполненным отличным набором отмычек и сверл. Глубоко отпечатавшиеся следы ног в грязи по обе стороны рва показали, что сообщник мистера Абрахамса, стоя под окошком, принял спущенный из него мешок с драгоценным серебром. Несомненно, что эта пара негодяев, рыская в поисках «дела», прослышала о нескромных расспросах Джека Брокета и решила немедля воспользоваться столь соблазнительной возможностью поживиться.

Что касается моих менее реальных посетителей — странных, фантастических видений той ночи,— я не знал, можно ли это действительно отнести за счет власти над оккультным миром моего друга из Ноттингема. Долгое время я был полон сомнений, но в конце концов разрешил их, обратившись за советом к известному медику и специалисту по химическим анализам, которому отослал для исследования сохранившиеся в пузырьке несколько капель так называемого люкоптоликуса. Прилагаю письмо, полученное в ответ,— рад возможности заключить свой небольшой рассказ вескими словами человека науки:

«Эсквайру Арджентайну Д'Одд
Брикстон, «Буки».

Эрандл-стрит.

Дорогой сэр!

Меня чрезвычайно заинтересовал Ваш необыкновенный случай. В присланном Вами пузырьке содержался сильный раствор хлорала, и, судя по Вашим описа-

[1] Он же *(лат.)*.

нням, приинятая Вами доза была, вероятио, ие меиее восьмидесяти гран. Подобиое количество, безусловно, должно было довести Вас до частичиой, а затем и полной потери созиаиия. При таком состояиии вполие возможны бреды и галлюциииации, в особеииости у людей, иепрнвычиых к иаркотикам. В своем письме Вы говорите, что зачитывались оккультиой литературой и что у вас с давиих пор иездоровый нитерес к тому, в каких имеиио образах могут являться призраки. Не забудьте также, что Вы рассчитывали увидеть иечто в этом роде и Ваша нервиая система была доведеиа до крайиего иапряження.

Учитывая все эти обстоятельства, я полагаю, что описаииые Вамн последствия отиюдь ие удивительны. Более того, всякому специалисту по иаркотикам показалось бы очеиь странным, если бы приинятое сиадобье ие оказало иа Вас подобиого действия.

Остаюсь, сэр, нскреиие Вас уважающий

Т. Е. Штубе, доктор медицины».

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КАЙНПЛАТЦЕ [1]

Из всех наук, над коими бились умы сынов человеческих, ни одна не занимала ученого профессора фон Баумгартена столь сильно, как та, что имеет дело с психологией и недостаточно изученными взаимоотношениями духа и материи. Прославленный анатом, глубокий знаток химии и один из первых европейских физиологов, он без сожаления оставил все эти науки и направил свои разносторонние познания на изучение души и таинственных духовных взаимосвязей. Вначале, когда он, будучи еще молодым человеком, пытался проникнуть в тайны месмеризма, мысль его, казалось, плутала в загадочном мире, где все было хаос и тьма и лишь иногда возникал немаловажный факт, но не связанный с другими и не находящий себе объяснения. Однако, по мере того как шли годы и багаж знаний достойного профессора приумножался — ибо знание порождает знание, как деньги наращивают проценты,— многое из того, что прежде казалось странным и необъяснимым, начинало принимать в его глазах иную, более ясную форму. Мысль ученого потекла по новым путям, и он стал усматривать связующие звенья там, где когда-то все было туманно и непостижимо. Более двадцати лет проделывая эксперимент за экспериментом, он накопил достаточно неоспоримых фактов, и у него возникла честолюбивая мечта создать на их основе новую точную науку, которая явилась бы синтезом месмеризма, спиритуализма и других

[1] Кайнплатц (*нем.* Keinplatz) — нигде.

родственных учений. В этом ему чрезвычайно помогало доскональное знание того сложного раздела физиологии животных, который посвящен изучению нервной системы и мозговой деятельности, ибо Алексис фон Баумгартен, профессор, возглавляющий кафедру в университете Кайнплатца, располагал для своих глубоких научных исследований всем необходимым, что дает лаборатория.

Профессор фон Баумгартен был высокого роста и худощав, лицо у него было продолговатое, с острыми чертами, а глаза — цвета стали, необычайно яркие и проницательные. Постоянная работа мысли избороздила его лоб морщинами, свела в одну линию густые, нависшие брови, и потому казалось, что профессор всегда нахмурен. Это многих вводило в заблуждение относительно характера профессора, который при всей своей суровости обладал мягким сердцем. Среди студентов он пользовался популярностью. После лекций они окружали ученого и жадно слушали изложение его странных теорий. Он часто вызывал добровольцев для своих экспериментов, и в конце концов в классе не осталось ни одного юнца, кто раньше или позже не был бы усыплен гипнотическими пассами профессора.

Среди этих молодых ревностных служителей науки не находилось ни одного, кто мог бы равняться по степени энтузиазма с Фрицем фон Хартманном. Его приятели-студенты часто диву давались, как этот сумасброд и отчаяннейший повеса, какой когда-либо являлся в Кайнплатц с берегов Рейна, не жалеет ни времени, ни усилий на чтение головоломных научных трудов и ассистирует профессору при его загадочных экспериментах. Но дело в том, что Фриц был сообразительным и дальновидным молодым человеком. Вот уже несколько месяцев, как он пылал любовью к юной Элизе — голубоглазой, белокурой дочке фон Баумгартена. Хотя Фрицу удалось вырвать у нее признание, что его ухаживания не оставляют ее равнодушной, он не смел и мечтать о том, чтобы явиться к родителям Элизы в качестве официального искателя руки их дочери. Ему было бы нелегко находить поводы свидеться с избранницей своего сердца, если бы он не усмотрел способ стать полезным профессору. В результате его стараний фон Баумгартен стал часто приглашать студента в свой дом, и Фриц охотно

позволял проделывать над собой какие угодно опыты, если это давало ему возможиость перехватнть взгляд ясных глазок Элизы илн коснуться ее ручки.

Фрнц фои Хартмаин был молодым человеком, несомненно, вполне прнвлекательиой наружиостн. К тому же по смертн отца ему предстояло уиаследовать обширные поместья. В глазах миогнх он казался бы завндиым женихом, ио мадам фои Баумгартеи хмурилась, когда он бывал у них в доме, н порой выговаривала супругу за то, что он разрешает такому волку рыскать вокруг нх овечки. Правду сказать, Фриц фон Хартмаин прнобрел в Кайиплатце довольио скверную репутацию. Случнсь где шумиая ссора, или дуэль, илн какое другое бесчинство, молодой выходец с рейиских берегов оказывался главиым зачиищиком. Не было ннкого, кто бы так сквернословнл, так миого пнл, так часто нграл в карты и так предавался лени во всем, кроме одиого — занятий с профессором. Не удивнтельио поэтому, что почтеиная фрау профессорша прятала свою дочку под крылышко от такого mauvais sujet [1]. Что касается достойиого профессора, он был слишком поглощеи своими таииственными научнымн нзысканиямн н не составнл себе об этом никакого миеиия.

Вот уже миого лет одни и тот же неотвязный вопрос заинмал мысли фои Баумгартена. Все его эксперименты и теоретические построеиия были иаправлены к решению все той же проблемы: по сотне раз на дию профессор спрашивал себя, может ли душа человека в течеиие некоторого времени существовать отдельио от тела н затем снова в него вернуться? Когда ои впервые представнл себе такую возможность, его ум учеиого решнтельио восстал протнв подобной иесуразиости. Это оказывалось в слишком резком протнворечии с предвзятыми миеииямн и предрассудками, внушеииыми ему еще в юности. Одиако постепеино, продвигаясь все дальше путем иовых, оригииальных методов нсследоваиия, мысль его стряхнула с себя старые оковы н прнготовилась приизять любые выводы, продиктоваиные фактами. У иего было достаточно основаиий вернть, что духовиое иачало способио существовать независимо от матерни. И вот он

[1] Никудышный человек *(франц.)*.

надумал окончательно решить этот вопрос путем смелого, небывалого эксперимента.

«Совершенно очевидно,— писал он в своей знаменитой статье о невидимых существах, приблизительно в это самое время опубликованной в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца» и удивившей весь научный мир,— совершенно очевидно, что при наличии определенных условий душа, или дух человека, освобождается от телесной оболочки. Тело загипнотизированного пребывает в состоянии каталепсии, но душа его где-то витает. Возможно, мне возразят, что душа остается в теле, но также находится в процессе сна. Я отвечу, что это не так — иначе чем объяснить ясновидение, феномен, к которому перестали относиться с должной серьезностью по милости шарлатанов с их мошенническими трюками, но который, как то может быть легко доказано, представляет собой несомненный факт? Я сам, работая с особо восприимчивым медиумом, добивался от него точного описания происходящего в соседней комнате или в соседнем доме. Какой другой гипотезой можно объяснить эту осведомленность медиума, как не тем, что дух его покинул тело и блуждает в пространстве? На мгновение она возвращается по призыву гипнотизера и сообщает о виденном, затем снова отлетает прочь. Так как дух по самой своей природе невидим, мы не можем наблюдать эти появления и исчезновения, но замечаем их воздействие на тело медиума,— то застывшее, инертное, то делающее усилия передать восприятия, которые никоим образом не могли быть им получены естественным путем. Имеется, я полагаю, только один способ доказать это. Плотскими глазами мы не в состоянии узреть дух, покинувший тело, но наш собственный дух, если бы его удалось отделить от тела, будет ощущать присутствие других освобожденных душ. Посему я имею намерение, загипнотизировав одного из моих учеников, усыпить затем и самого себя способом, вполне мне доступным. И тогда, если предлагаемая мною теория справедлива, моя душа не встретит затруднений для общения с душой моего ученика, так как обе они окажутся отделенными от тела. Надеюсь в следующем номере «Медицинского еженедельника Кайнплатца» опубликовать результаты этого интересного эксперимента».

Когда почтенный профессор исполнил наконец обещание и напечатал отчет о происшедшем, сообщение это было до такой степени поразительным, что к нему отнеслись с недоверием. Тон некоторых газет, комментировавших статью, носил столь оскорбительный характер, что разгневанный ученый поклялся никогда более не раскрывать рта и не печатать никаких сообщений на данную тему — угрозу эту он привел в исполнение. Тем не менее предлагаемый здесь рассказ опирается на сведения, почерпнутые из достоверных источников, и приводимые факты в основе своей изложены совершенно точно.

Однажды, вскоре после того как у него зародилась мысль проделать вышеупомянутый эксперимент, профессор фон Баумгартен задумчиво шел к дому после долгого дня, проведенного в лаборатории. Навстречу ему двигалась шумная ватага студентов, только что покинувших кабачок. Во главе их, сильно навеселе и держась весьма развязно, шагал молодой Фриц фон Хартманн. Профессор прошел было мимо, но его ученик кинулся ему наперерез и загородил дорогу.

— Послушайте, достойный мой наставник,— начал он, ухватив старика за рукав и увлекая его за собой,— мне надо с вами кое о чем поговорить, и мне легче сделать это сейчас, пока в голове шумит добрый хмель.

— В чем дело, Фриц? — спросил физиолог, глядя на него с некоторым удивлением.

— Я слышал, господин профессор, что вы задумали какой-то удивительный эксперимент — хотите извлечь из тела душу и потом загнать ее обратно? Это правда?

— Правда, Фриц.

— А вы не подумали, дорогой профессор, что не всякий захочет, чтобы над ним проделывали такие штуки? Potztausend! [1] А что, если душа выйдет и обратно не вернется? Тогда дело дрянь. Кто станет рисковать, а?

— Но, Фриц, я рассчитывал на вашу помощь! — воскликнул профессор, пораженный такой точкой зрения на его серьезный научный опыт.— Неужели вы меня покинете? Подумайте о чести, о славе.

— Дудки! — воскликнул студент сердито.— И всегда вы со мной будете так расплачиваться? Разве не стоял

[1] Тысяча чертей! *(нем.).*

я по два часа под стеклянным колпаком, пока вы пропускали через меня электричество? Разве вы не раздражали мне тем же электричеством нервы грудобрюшной преграды и не мне ли испортили пищеварение, пропуская через мой желудок гальванический ток? Вы усыпляли меня тридцать четыре раза, и что я за все это получил? Ровно ничего! А теперь еще собираетесь вытащить из меня душу, словно механизм из часов. Хватит с меня, всякому терпению приходит конец.

— Ах, боже мой, боже мой! — восклицал профессор в величайшей растерянности.— Верно, Фриц, верно! Я как-то никогда об этом не думал. Если вы подскажете мне, каким образом я могу отблагодарить вас за ваши услуги, я охотно исполню ваше желание.

— Тогда слушайте,— проговорил Фриц торжественно.— Если вы даете слово, что после эксперимента я получу руку вашей дочери, я согласен вам помочь. Если же нет — отказываюсь наотрез. Таковы мои условия.

— А что скажет на это моя дочь? — воскликнул профессор, на мгновение потерявший было дар речи.

— Элиза будет в восторге,— ответил молодой человек.— Мы давно любим друг друга.

— В таком случае она будет ваша,— сказал физиолог решительно.— У вас доброе сердце, и вы мой лучший медиум — разумеется, когда не находитесь под воздействием алкоголя. Эксперимент состоится четвертого числа следующего месяца. В двенадцать часов ждите меня в лаборатории. Это будет незабываемый день, Фриц. Приедет фон Грубен из Йены и Хинтерштейн из Базеля. Соберутся все столпы науки Южной Германии.

— Я явлюсь вовремя,— коротко ответил студент, и они разошлись. Профессор побрел к дому, размышляя о великих грядущих событиях, а молодой человек, спотыкаясь, побежал догонять своих шумных товарищей, занятый мыслями только о голубоглазой Элизе и о сделке, заключенной с ее отцом.

Фон Баумгартен не преувеличивал, говоря о необыкновенно широком интересе, какой вызвал его новый психофизиологический опыт. Задолго до назначенного часа зал наполнился целым созвездием талантов. Помимо упомянутых им знаменитостей, прибыл крупней-

ший лондонский ученый, профессор Лерчер, только что прославившийся своим замечательным трудом о мозговых центрах. На небывалый эксперимент собрались с дальних концов несколько звезд из плеяды спиритуалистов, приехал последователь Сведенборга [1], полагавший, что эксперимент прольет свет на доктрину розенкрейцеров [2].

Высокая аудитория продолжительными аплодисментами встретила появление профессора фон Баумгартена и его медиума. В нескольких продуманных словах профессор пояснил суть своих теоретических положений и предстоящие методы их проверки.

— Я утверждаю,— сказал он,— что у лица, находящегося под действием гипноза, дух на некоторое время высвобождается из тела. И пусть кто-нибудь попробует выдвинуть другую гипотезу, которая истолковала бы природу ясновидения. Надеюсь, что, усыпив моего юного друга и затем также себя, я дам возможность нашим освобожденным от телесной оболочки душам общаться между собой, пока тела наши будут инертны и неподвижны. Через некоторое время души вернутся в свои тела, и все станет по-прежнему. С вашего любезного позволения мы приступим к эксперименту.

Речь фон Баумгартена вызвала новую бурю аплодисментов, и все замерли в ожидании. Несколькими быстрыми пассами профессор усыпил молодого человека, и тот откинулся в кресле, бледный и неподвижный. Вынув из кармана яркий хрустальный шарик, профессор стал смотреть на него, не отрываясь, явно делая какие-то мощные внутренние усилия, и вскоре действительно погрузился в сон. То было невиданное, незабываемое зрелище: старик и юноша, сидящие друг против друга в одинаковом состоянии каталепсии. Куда же устремились их души? Вот вопрос, который задавал себе каждый из присутствующих.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Еще пятнадцать, а профессор и его ученик продолжали сидеть

---

[1] Сведенборг, Эммануил (1688—1772) — шведский мистик и теософ.

[2] Розенкрейцеры — члены одного из тайных религиозно-мистических масонских обществ XVII—XVIII веков.

в тех же застывших позах. За все это время ни один из собравшихся ученых мужей не проронил ни слова, все взгляды были устремлены на два бледных лица — все ждали первых признаков возвращения сознания. Прошел почти целый час, и наконец терпение зрителей было вознаграждено. Слабый румянец начал покрывать щеки профессора фон Баумгартена — душа вновь возвращалась в свою земную обитель. Вдруг он вытянул свои длинные, тощие руки, как бы потягиваясь после сна, протер глаза, поднялся с кресла и начал оглядываться по сторонам, словно не понимая, где он находится. И вдруг, к величайшему изумлению всей аудитории и возмущению последователя Сведенборга, профессор воскликнул: «Tausend Teufel!»[1] — и разразился страшным южнонемецким ругательством.

— Где я, черт побери, и что за дьявольщина тут происходит? Ага, вспомнил! Этот дурацкий гипнотический сеанс. Ну ни черта не вышло. Как заснул, больше ничего не помню. Так что вы, мои почтенные ученые коллеги, притащились сюда попусту. Вот потеха-то!

И профессор, глава кафедры физиологии, покатился со смеху, хлопая себя по ляжкам самым неприличным образом. Аудитория пришла в такое негодование от непристойного поведения профессора фон Баумгартена, что мог бы разразиться настоящий скандал, если бы не тактичное вмешательство Фрица фон Хартманна, к этому времени также очнувшегося от гипнотического сна. Подойдя к краю эстрады, молодой человек извинился за поведение гипнотизера.

— К сожалению, вынужден признаться, что этот человек действительно несколько необуздан, хотя вначале он отнесся с подобающей серьезностью к эксперименту. Он еще находится в состоянии реакции после гипноза и не вполне ответствен за свои слова и поступки. Что касается нашего опыта, я не считаю, что он потерпел неудачу. Возможно, что в течение этого часа наши души общались между собой, но, к несчастью, грубая телесная память не соответствует субстанции духа, и мы не смогли вспомнить случившегося. Отныне моя деятельность будет направлена на изыскание средств заста-

[1] Тысяча чертей! *(нем.)*

вить души помнить то, что происходит с ними в период их высвобождения, и я надеюсь, что по разрешении данной задачи буду иметь удовольствие снова встретить вас в этом зале и продемонстрировать результаты.

Подобное заявление, исходящее от молодого студента, вызвало среди присутствующих в аудитории большое удивление. Некоторые почли себя оскорбленными, полагая, что он взял на себя слишком большую смелость. Большинство, однако, расценило его как обещающего молодого ученого, и, покидая зал, многие сравнивали его достойное поведение с неприличной развязностью профессора, который все это время продолжал хохотать в уголке, нимало не смутившись провалом эксперимента.

Но хотя все эти ученые мужи выходили из зала в полной уверенности, что они так ничего замечательного и не увидели, на самом деле на их глазах произошло величайшее чудо. Профессор фон Баумгартен был абсолютно прав в своей теории, его дух и дух студента действительно на некоторое время покинули телесную оболочку. Но затем получилось странное и непредвиденное осложнение. Дух Фрица фон Хартманна, возвратившись, вошел в тело Алексиса фон Баумгартена, а дух Алексиса фон Баумгартена — в телесную оболочку Фрица фон Хартманна. Этим и объяснялись сквернословие и шутовские выходки серьезного профессора и веские, солидные заявления, исходящие от беззаботного студента. Случай был беспрецедентный, но никто о том не подозревал, и меньше всего те, кого это непосредственно касалось.

Профессор, почувствовав вдруг необычайную сухость в горле, выбрался на улицу, все еще посмеиваясь про себя по поводу результатов эксперимента, ибо душа Фрица, заключенная в профессорском теле, преисполнилась веселья и бесшабашной удали при мысли о том, как легко ему досталась невеста. Первым его побуждением было пойти повидать ее, но, пораздумав, он решил временно держаться в тени, пока профессор фон Баумгартен не оповестит супругу о заключенном соглашении. Посему он отправился в кабачок «Зеленый молодчик», излюбленное место сборищ студентов-гуляк. Лихо размахивая тростью, он вбежал в маленький зал, где сидели

Шпигель, Мюллер и еще человек шесть веселых собутыльннков.

— Здорово, прнятелн! — заорал ои.— Так н знал, что застану вас здесь. Пейте все, кому что охота, заказывайте что угодно, сегодня за все плачу я!

Еслн бы сам «зеленый молодчнк», нзображенный на вывеске этого популярного кабачка, вошел вдруг в зал и потребовал бутылку вниа, это нзумило бы студентов ие столь сильно, как неожндаиное появлеиие уважаемого профессора. С мннуту онн, совершенно ошеломленные, таращили глаза, будучн не в состояннн ответнть на это сердечиое приветствие.

— Donner und Blitzen! [1] — серднто гаркиул профессор.— Да что это с вами, черт вас подерн? Что это вы таращнтесь иа меия, как поросята иа вертеле? Что тут стряслось?

— Такая иеожнданная честь...— забормотал Шпигель, возглавлявший компанню.

— Честь? Ерунда и чушь,— заявнл профессор раздраженно.— Думаете, еслн я показываю гнпнотнческне фокусы кучке старых развалнн, так я уж и возгордился, ие желаю больше водить дружбу с закадычнымн прнятелямн? Ну-ка, Шпнгель, дружище, слезай со стула, командовать буду я. Пнво, вино, шнапс — требуйте все, что душе угодно, все за мой счет!

Ннкогда еще ие бывало столь буйного веселья в кабачке «Зелеиый молодчнк». Пенящнеся кружки с пнвом н бутылкн с зелеиым горлышком, полные рейнвейна, бойко ходнлн по кругу. Постепенио студенты перестали робеть перед профессором. А ои пел, вопнл во все горло, баланснровал длииной табачной трубкой, положнв ее себе на нос, и предлагал каждому по очередн бежать с инм наперегонкн иа днстаицню в сто ярдов. За дверью удивленно шушукалнсь кельиер и служанка, пораженные поведеиием высокоуважаемого профессора, возглавляющего кафедру в старииином уииверситете Кайнплатца. У них стало еще больше поводов шушукаться, когда ученый муж стукнул кельнера по макушке, а служанку расцеловал, поймав ее возле двери в кухню.

[1] Гром и молння! *(нем.)*.

— Господа! — крикнул профессор, поднявшись со своего места в конце стола. Он стоял, пошатываясь, и вертел в костлявой руке старомодный винный бокал.— Сейчас я объясню причину сегодняшнего торжества.

— Слушайте! Слушайте! — заорали студенты, стуча о стол пивными кружками.— Речь, речь! Тише вы!

— Дело в том, друзья мои,— сказал профессор, сияя глазами сквозь стекла очков,— что я надеюсь в недалеком будущем сыграть свою свадьбу.

— Как? Сыграть свадьбу? — воскликнул один из студентов побойчее.— А мадам? Разве мадам умерла?

— Какая мадам?

— То есть как это какая? Мадам фон Баумгартен!

— Ха-ха-ха! — засмеялся профессор.— Я вижу, вы в курсе моих прежних маленьких затруднений. Нет, она жива, но, надеюсь, браку моему больше противиться не будет.

— Очень мило с ее стороны,— заметил кто-то из компании.

— Мало того,— продолжал профессор,— я даже рассчитываю, что она посодействует мне заполучить мою невесту. Мы с мадам никогда особенно не ладили, но теперь, я думаю, со всем этим будет покончено. Когда я женюсь, она может остаться с нами, я не возражаю.

— Счастливое семейство! — выкрикнул какой-то шутник.

— Ну да! И, надеюсь, все вы придете ко мне на свадьбу. Имени молодой особы называть не буду, но... Да здравствует моя невеста!

И профессор помахал бокалом.

— Ура! За его невесту!—надрывались буяны, покатываясь со смеху.— За ее здоровье! Soll sie leben — hoch! [1]

Пирушка становилась шумнее и беспорядочнее по мере того, как студенты один за другим, следуя примеру профессора, пили каждый за даму своего сердца.

Пока в «Зеленом молодчике» шло это веселье, неподалеку разыгрывалась совсем иная сцена. После эксперимента Фриц фон Хартманн все в той же сдержанной манере и храня на лице торжественное выражение, сделал и записал кое-какие вычисления и, дав несколько указа-

[1] За ее здоровье! *(нем.)*

ний, вышел на улицу. Медленно двигаясь к дому фон Баумгартена, он увидел идущего впереди фон Альтхауса, профессора анатомии. Ускорив шаг, Фриц догнал его.

— Послушайте, фон Альтхаус,— проговорил он, тронув профессора за рукав.— На днях вы справлялись у меня относительно среднего покрова артерий мозга. Так вот...

— Donnerwetter! [1]— заорал фон Альтхаус, очень вспыльчивый старик.— Что значит эта дерзость? Я подам на вас жалобу, сударь!

После этой угрозы он круто повернулся и пошел прочь.

Фон Хартманн опешил. «Это из-за провала моего эксперимента»,— подумал он и уныло продолжал свой путь.

Однако его ждали новые сюрпризы. Его нагнали два студента, и эти юнцы вместо того, чтобы снять свои шапочки или выказать какие-либо другие знаки уважения, завидев его, издали восторженные крики и, кинувшись к нему, подхватили его под руки и потащили с собой.

— Gott im Himmel! [2] — закричал фон Хартманн.— Что означает эта бесподобная наглость? Куда вы меня тащите?

— Распить с нами бутылочку,— сказал один из студентов.— Ну идем же! От такого приглашения ты никогда не отказывался.

— В жизни не слышал большего бесстыдства! — воскликнул фон Хартманн.— Отпустите меня немедленно! Я потребую, чтобы вы получили строгое взыскание! Отпустите, я говорю!

Он яростно отбивался от своих мучителей.

— Ну, если ты вздумал упрямиться, сделай милость, отправляйся куда хочешь,— сказали студенты, отпуская его.— И без тебя отлично обойдемся.

— Я вас обоих знаю! Вы мне за это поплатитесь!— кричал фон Хартманн вне себя от гнева. Он вновь на-

---

[1] Черт побери! *(нем.)*
[2] Отец небесный! *(нем.)*

правился к своему, как он полагал, дому, очень рассерженный происшедшими с ним по пути эпизодами.

Мадам фон Баумгартен поглядывала в окно, недоумевая, почему муж запаздывает к обеду, и была весьма поражена, завидев шествующего по дороге студента. Как было замечено выше, она питала к нему сильную антипатию, и если молодой человек осмеливался заходить к ним в дом, то лишь с молчаливого согласия и под эгидой профессора. Она удивилась еще больше, когда Фриц вошел в садовую калитку и зашагал дальше с видом хозяина дома. С трудом веря своим глазам, она поспешила к двери — материнский инстинкт заставил ее насторожиться. Из окна комнаты наверху прелестная Элиза также наблюдала отважное шествие своего возлюбленного, и сердце ее билось учащенно от гордости и страха.

— Добрый день, сударь,— приветствовала мадам фон Баумгартен незваного гостя у входа, приняв величественную позу.

— День и в самом деле неплохой,— ответил ей Фриц.— Ну что же ты стоишь в позе статуи Юноны? Пошевеливайся, Марта, скорее подавай обед. Я буквально умираю с голоду.

— Марта?! Обед?!— воскликнула пораженная мадам фон Баумгартен, отшатнувшись.

— Ну да, обед, именно обед! — завопил фон Хартманн, раздражаясь все больше.— Что такого особенного в этом требовании, если человек целый день не был дома? Я буду ждать в столовой. Подавай, что есть — все сойдет. Ветчину, сосиски, компот — все, что найдется в доме. Ну вот! А ты все стоишь и смотришь на меня. Послушай, Марта, ты сдвинешься с места или нет?

Это последнее обращение, сопровождаемое настоящим воплем ярости, возымело на почтенную профессоршу столь сильное действие, что она стремглав промчалась через весь коридор, затем через кухню и, бросившись в кладовку, заперлась там и закатила бурную истерику. Фон Хартманн тем временем вошел в столовую и растянулся на диване, пребывая в том же отменно дурном настроении.

— Элиза! — закричал он сердито.— Элиза! Куда девалась эта девчонка? Элиза!

Призваиная таким иелюбезиым образом, юиая фрейлейн робко спустилась в столовую и предстала перед своим возлюбленным.

— Дорогой! — воскликиула оиа, обвивая его шею рукамн.— Я знаю, ты все это сделал радн меия! Это уловка, чтобы меия увидеть!

Вие себя от этой иовой напасти фои Хартмаин на минуту оиемел и только сверкал глазамн н сжимал кулаки, барахтаясь в объятиях Элнзы. Когда он наконец снова обрел дар речи, Элиза услышала такой взрыв возмущения, что отступила иазад и, оцепенев от страха, упала в кресло.

— Сегодия самый ужасиый деиь в моей жизии! — крнчал фои Хартмаин, топая иогамн.— Опыт мой провалился. Фон Альтхаус иаиес мие оскорблеиие. Два студеита силой волокли меия по дороге. Жеиа чуть ие падает в обморок, когда я прошу ее подать обед, а дочь бросается иа меня н душит, словио медведь.

— Ты болеи, дорогой мой! — воскликиула фрейлейи.— У тебя помутился разум. Ты даже ни разу не поцеловал меия...

— Да? И ие собираюсь! — ответствовал фон Хартманн решительно.— Стыдись! Лучше пойдн н прниесн мне мои шлепаицы да помоги матерн накрыть на стол.

— Ради чего я так страстио любнла тебя целых десять месяцев? — плакала Элиза, уткиувшись лицом в носовой платок.— Ради чего терпела маменькии гиев? О, ты разбил мие сердце — да, да!

И она нстерически зарыдала.

— Нет, больше терпеть это я не желаю! — заорал фон Хартмаии, окончательио рассвирепев.—Что это зиачнт, девчоика, черт тебя подери? Что такое я сделал десять месяцев иазад, что виушил тебе столь иеобыкновенную любовь? Еслн ты действительио так меня любишь, пойди скорее и разыщи ветчииу н хлеб, вместо того чтобы болтать тут всякий вздор.

— О дорогой, дорогой мой! — рыдала иесчастная девица, бросаясь к тому, кого почитала своим возлюблеиным.— Ты просто шутишь, чтобы иапугать свою малеиькую Элизу!

Все это время фон Хартмани опнрался о валик дивана, который, как бо́льшая часть иемецкой мебели, был в

несколько расшатанном состоянии. Именно у этого края дивана стоял аквариум, полный воды: профессор проделывал какие-то опыты с рыбьей икрой и держал аквариум в гостиной ради сохранения ровной температуры воды. От дополнительного веса девицы, слишком бурно кинувшейся на шею фон Хартманна, ненадежный диван рухнул, и несчастный студент упал прямо в аквариум: голова его и плечи застряли, а нижние конечности беспомощно болтались в воздухе. Терпению фон Хартманна пришел конец. Еле высвободившись, он испустил нечленораздельный вопль ярости и ринулся вон из комнаты, невзирая на мольбы Элизы. Схватив шляпу, промокший, растрепанный, он помчался прямо в город с намерением разыскать какой-нибудь трактир и обрести там покой и пищу, в которых ему было отказано дома.

Когда дух фон Баумгартена, заключенный в тело фон Хартманна, мрачно размышляя о многочисленных обидах, продвигался по извилистой дороге, ведущей в город, он заметил, что к нему приближается престарелый человек, находящийся, по-видимому, в крайней степени опьянения. Фон Хартманн остановился и наблюдал, как тот бредет, спотыкаясь, качаясь из стороны в сторону и распевая студенческую песню хриплым, пьяным голосом. Сперва интерес фон Хартманна был вызван лишь тем, что человек, с виду весьма почтенный, допустил себя до столь позорного состояния, но по мере того как тот подходил ближе, фон Хартманн ощутил уверенность, что где-то видел старика; однако не мог вспомнить, где и когда именно. Уверенность эта все более крепла, и когда незнакомец поравнялся с ним, фон Хартманн подошел к нему и стал внимательно всматриваться в его лицо.

— Эй, сынок,— заговорил пьяный, едва держась на ногах и оглядывая фон Хартманна.— Где, черт возьми, я тебя видел? Знаю тебя преотлично, прямо как самого себя. Кто ты такой, дьявол тебя забери?

— Я профессор фон Баумгартен,— ответствовал студент.— Могу я спросить, кто вы такой? Ваша внешность мне как-то странно знакома.

— Молодой человек, никогда не нужно врать,— последовал ответ.— Уж, конечно, сударь, вы не профес-

сор,— того я знаю — старый, чванливый урод, а вы здоровенный, широкоплечий молодчик. А я, Фриц фон Хартманн, к вашим услугам.

— Это ложь! — воскликнул фон Хартманн.— Вы скорее могли бы быть его отцом. Но позвольте, сударь, известно ли вам, что на вас мои запонки и часовая цепочка?

— Donnerwetter,— икнул пьяный.— Пусть я вовек не возьму в рот ни капли пива, если брюки на вас не те самые, за которые портной собирается подать на меня в суд.

Тут фон Хартманн, совершенно сбитый с толку странными происшествиями дня, провел рукой по лбу и, опустив глаза, случайно заметил свое отражение в луже, оставшейся после дождя на дороге. К полному своему изумлению, он увидел молодое лицо, франтоватый студенческий костюм и понял, что внешне он являет собой полную противоположность той почтенной фигуре ученого, к которой привыкла его духовная сущность. В одно мгновение острый ум фон Баумгартена пробежал через всю цепь последних событий и сделал вывод. Это был удар, и несчастный профессор пошатнулся.

— Himmel! — воскликнул он.— Теперь я все понял! Наши души попали не в предназначенные им тела. Я — это вы, а вы — это я. Моя теория оправдалась. Но как дорого это обошлось! Может ли самый образованный ум во всей Европе помещаться в столь фривольной оболочке? О боже, погибли труды целой жизни! — И в отчаянии он стал бить себя кулаками в грудь.

— Послушайте-ка,— сказал настоящий фон Хартманн.— Я вас понимаю, все это действительно очень серьезно. Но вы обращаетесь с моим телом слишком бесцеремонно. Вы получили его в превосходном состоянии. Но уже успели, как я вижу, и расцарапать его и где-то промокли. И засыпали пластрон моей рубашки нюхательным табаком.

— Ах, это не имеет большого значения,— сказал дух профессора угрюмо.— Каковы мы есть, такими нам и суждено остаться. Справедливость моей теории блистательно доказана, но какой ужасной ценой!

— Действительно, это было бы ужасно, если бы я

разделял ваше мнение,— произнес дух студента.— Что бы я стал делать с этими старыми негнущимися руками и ногами, как бы я ухаживал за Элизой, как смог бы убедить ее, что я не ее отец? Нет, благодарение богу, хоть пиво и помутило мне голову так, как еще ни разу не случалось, когда я был самим собой, все же я не совсем потерял голову. Я вижу выход.

— Какой? — едва выговорил от волнения профессор.

— Надо повторить эксперимент, вот и все! Высвободите снова наши души, и, как знать, может, они на этот раз вернутся, каждая куда ей полагается.

Не так утопающий хватается за соломинку, как дух фон Баумгартена ухватился за эту идею. С лихорадочной поспешностью он поволок фон Хартманна к обочине дороги и тут же его усыпил и затем, вынув из кармана свой хрустальный шарик, проделал то же самое и с собой.

Несколько студентов и окрестных крестьян, случайно проходивших мимо, были весьма озадачены, увидев достойного профессора физиологии и его любимого ученика, сидящих на обочине грязной дороги в бессознательном состоянии. Не прошло и часа, как собралась целая толпа, и уже начали поговаривать, не послать ли за санитарной повозкой и отвезти их в больницу; но тут ученый муж открыл вдруг глаза и обвел присутствующих мутным взглядом. В первое мгновение он, очевидно, не мог вспомнить, как сюда попал, но потом поразил собравшихся, воздев тощие руки над головой и закричав восторженно:

— Gott sei gedanket! [1] Я опять стал самим собой! Я это ясно чувствую!

Изумление толпы возросло, когда студент, вскочив на ноги, разразился таким же бурным выражением восторга. Затем и тот и другой исполнили прямо на дороге нечто вроде pas de joie [2].

Некоторое время спустя после этого эпизода многие сомневались, в здравом ли рассудке оба его действующих лица. Когда профессор опубликовал все эти факты в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца», как это было им обещано, даже его коллеги стали намекать, что

---

[1] Благодарение богу! *(нем.)*.
[2] Танец веселья *(франц.)*.

ему не мешало бы немного подлечиться и что еще одна подобная статья, несомненно, приведет его прямо в сумасшедший дом. Студент, на собственном опыте убедившись, что благоразумнее помалкивать, не слишком распространялся обо всей этой истории.

Когда почтенный профессор вернулся в тот вечер домой, его ждал не слишком сердечный прием, на что он мог бы рассчитывать после стольких злоключений. Напротив, обе дамы как следует отчитали его за то, что от него пахнет вином и табаком, и за то, что он где-то разгуливал в то время, как молодой шалопай ворвался в дом и оскорбил хозяек. Прошло немало времени, пока домашняя атмосфера семьи фон Баумгартена обрела свое обычное спокойное состояние, и понадобилось еще больше времени, прежде чем веселая физиономия фон Хартманна вновь стала появляться в доме профессора. Настойчивость, однако, побеждает все препятствия, и студенту удалось в конце концов умилостивить обеих разгневанных дам и восстановить прежнее положение в доме. А теперь у него уже нет никаких причин опасаться недоброжелательства фрау фон Баумгартен, ибо он стал капитаном императорских уланов и его любящая жена Элиза успела подарить ему как вещественное доказательство своей любви двух маленьких уланчиков.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА

С отроческих лет во мне жнла твердая, иесокрушимая увереииость в том, что мое истинное прнзваиие — литература. Но иайти сведущего человека, который проявил бы ко мие участие, оказалось, как это нн странно, невероятно трудным. Правда, близкне друзья, ознакомнвшись с моимн вдохновеииыми твореннямн, случалось, говорнлн: «А знаешь, Смнт, не так уж плохо!» нлн «Послушай моего совета, дружище, отправь это в какой-нибудь журиал»,— н у меня ие хватало мужества признаться, что мои опусы побывалн чуть ли не у всех лондоиских издателей, всякий раз возвращаясь с необычайной быстротой н пунктуальностью и тем наглядно показывая нсправную н четкую работу нашей почты.

Будь мои рукописи бумажными бумераигами, они не могли бы с большей точностью попадать обратно в руки пославшего нх неудачника. Как это мерзко и оскорбительио, когда безжалостный почтальон вручает тебе свериутые в узкую трубку мелко нсписанные н теперь уже потрепаниые лнстки, всего иесколько дней иазад такие безукорнзненно свежне, сулившие столько иадежд! И какая моральная иизость сквозит в смехотворном доводе издателя: «нз-за отсутствия места»! Но тема эта слишком иеприятна, к тому же уводнт от задуманного мною простого нзложення фактов.

С семнадцатн и до двадцатн трех лет я писал так много, что был подобен непрестанно нзвергающемуся вулкану. Стихн и рассказы, статьи и обзоры — ннчто не было чуждо моему перу. Я готов был писать что угодно и

о чем угодио, иачиная с морской змеи и кончая небулярной космогонической теорией, и смело могу сказать, что, затрагивая тот или иной вопрос, я почти всегда старался осветить его с новой точки зрения. Однако больше всего меня привлекали поэзия и художественная проза. Какие слезы проливал я над страданиями своих героинь, как смеялся над забавными выходками своих комических персонажей! Увы, я так и не встретил никого, кто бы сошелся со мной в оценке моих произведений, а неразделенные восторги собственным талантом, сколь бы ни были они искренни, скоро остывают. Отец отнюдь не поощрял мои литературные занятия, почитая их пустой тратой времени и денег, и в конце концов я был вынужден отказаться от мечты стать независимым литератором и заиял должность клерка в коммерческой фирме, ведущей оптовую торговлю с Западной Африкой.

Но, даже принуждаемый к ставшим моим уделом прозаическим обязанностям конторского служащего, я оставался верен своей первой любви и вводил живые краски в самые банальные деловые письма, весьма, как мне передавали, изумляя тем адресатов. Мой тонкий сарказм заставлял хмуриться и корчиться уклончивых кредиторов. Иногда, подобно Сайласу Веггу [1], я вдруг переходил на стихотворную форму, придавая возвышенный стиль коммерческой корреспонденции. Что может быть изысканнее, например, вот этого, переложенного мною на стихи распоряжения фирмы, адресованного капитану одного из ее судов?

Из Англии вам должно, капитан, отплыть
В Мадеру — бочки с солониной там сгрузить.
Оттуда в Тенериф вы сразу курс берите:
С канарскими купцами востро ухо держите,
Ведите дело с толком, не слишком торопитесь,
Терпения и выдержки побольше наберитесь.
До Калабара дальше с пассатами вам плыть.
И на Фернандо-По и в Бонни заходить.

И так четыре страницы подряд. Капитан не только не оценил по достоинству этот небольшой шедевр, но на следующий же день явился в контору и с неуместной горячностью потребовал, чтобы ему объяснили, что все

[1] Сайлас Вегг — персонаж романа Ч. Диккенса «Наш общий друг».

это значит, и мне пришлось перевести весь текст обратно на язык прозы. На сей раз, как и в других подобных случаях, мой патрон сурово меня отчитал — излишне говорить, что человек этот не обладал ни малейшим литературным вкусом!

Но все сказанное — лишь вступление к главному. Примерно на десятом году служебной лямки я получил наследство — небольшое, но при моих скромных потребностях вполне достаточное. Обретя вдруг независимость, я снял уютный домик подальше от лондонского шума и суеты и поселился там с намерением создать некое великое произведение, которое возвысило бы меня над всем нашим родом Смитов и сделало бы мое имя бессмертным. Я купил несколько дестей писчей бумаги, коробку гусиных перьев и пузырек чернил за шесть пенсов и, наказав служанке не пускать ко мне никаких посетителей, стал подыскивать подходящую тему.

Я искал ее несколько недель, и к этому времени выяснилось, что, постоянно грызя перья, я уничтожил их изрядное количество и извел столько чернил на кляксы, брызги и не имевшие продолжения начала, что чернила имелись повсюду, только не в пузырьке. Сам же роман не двигался с места, легкость пера, столь присущая мне в юности, совершенно исчезла — воображение бездействовало, в голове было абсолютно пусто. Как я ни старался, я не мог подстегнуть бессильную фантазию, мне не удавалось сочинить ни единого эпизода, ни создать хотя бы один персонаж.

Тогда я решил наскоро перечитать всех выдающихся английских романистов, начиная с Даниэля Дефо и кончая современными знаменитостями: я надеялся таким образом пробудить дремлющие мысли, а также получить представление об общем направлении в литературе. Прежде я избегал заглядывать в какие бы то ни было книги, ибо величайшим моим недостатком была бессознательная, но неудержимая тяга к подражанию автору последнего прочитанного произведения. Но теперь, думал я, такая опасность мне не грозит: читая подряд всех английских классиков, я избегну слишком явного подражания кому-либо одному из них. Ко времени, к которому относится мой рассказ, я только что закончил чтение наиболее прославленных английских романов.

Было без двадцати десять вечера четвертого июня тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, когда я, поужинав гренками с сыром и смочив их пинтой пива, уселся в кресло, поставил ноги на скамейку и, как обычно, закурил трубку. Пульс и температура у меня, насколько мне то известно, были совершенно нормальны. Я мог бы также сообщить о тогдашнем состоянии погоды, но, к сожалению, накануне барометр неожиданно и резко упал — с гвоздя на землю, с высоты в сорок два дюйма, и потому его показания ненадежны. Мы живем в век господства науки, и я льщу себя надеждой, что шагаю в ногу с веком.

Погруженный в приятную дремоту, какая обычно сопутствует пищеварению и отравлению никотином, я внезапно увидел, что происходит нечто невероятное: моя маленькая гостиная вытянулась в длину и превратилась в большой зал, скромных размеров стол претерпел подобные же изменения. А вокруг этого, теперь огромного, заваленного книгами и трактатами стола красного дерева сидело множество людей, ведущих серьезную беседу. Мне сразу бросились в глаза костюмы этих людей — какое-то невероятное смешение эпох. У сидевших на конце стола, ближайшего ко мне, я заметил парики, шпаги и все признаки моды двухсотлетней давности. Центр занимали джентльмены в узких панталонах до колен, высоко повязанных галстуках и с тяжелыми связками печаток. Находившиеся в противоположном от меня конце в большинстве своем были в костюмах самых что ни на есть современных — там, к своему изумлению, я увидел несколько выдающихся писателей нашего времени, которых имел честь хорошо знать в лицо. В этом обществе были две или три дамы. Мне следовало бы встать и приветствовать неожиданных гостей, но я, очевидно, утратил способность двигаться и мог только, оставаясь в кресле, прислушиваться к разговору, который, как я скоро понял, шел обо мне.

— Да нет, ей-богу же! — воскликнул грубоватого вида, с обветренным лицом человек, куривший трубку на длинном черенке и сидевший неподалеку от меня.— Душа у меня болит за него. Ведь признаемся, други, мы и сами бывали в сходных положениях. Божусь, ни одна мать не сокрушалась так о своем первенце, как я о своем

Рори Рэндоме, когда он пошел искать счастья по белу свету.

— Верно, Тобиас, верно! — откликнулся кто-то почти рядом со мной. — Говорю по чести, из-за моего бедного Робина, выброшенного на остров, я потерял здоровья больше, чем если бы меня дважды трепала лихорадка. Сочинение уже подходило к концу, когда вдруг является лорд Рочестер — блистательный кавалер, чье слово в литературных делах могло и вознести и низвергнуть. «Ну как, Дефо, — спрашивает он, — готовишь нам что-нибудь?» «Да, милорд», — отвечаю я. «Надеюсь, это веселая история. Поведай мне о героине — она, разумеется, дивная красавица?» «А героини в книге нет», — отвечаю я. «Не придирайся к словам, Дефо, — говорит лорд Рочестер, — ты их взвешиваешь, как старый, прожженный стряпчий. Расскажи о главном женском персонаже, будь то героиня или нет». «Милорд, — говорю я, — в моей книге нет женского персонажа». «Черт побери тебя и твою книгу! — крикнул он. — Отлично сделаешь, если бросишь ее в огонь!» И удалился в превеликом возмущении. А я остался оплакивать свой роман, можно сказать, приговоренный к смерти еще до своего рождения. А нынче на каждую тысячу тех, кто знает моего Робина и его верного Пятницу, едва ли придется один, кому довелось слышать о лорде Рочестере.

— Справедливо сказано, Дефо, — заметил добродушного вида джентльмен в красном жилете, сидевший среди современных писателей. — Но все это не поможет нашему славному другу Смиту начать свой рассказ, а ведь именно для этого, я полагаю, мы и собрались.

— Он прав, мой сосед справа! — проговорил, заикаясь, сидевший с ним рядом человек довольно хрупкого сложения, и все рассмеялись, особенно тот, добродушный, в красном жилете, который воскликнул:

— Ах, Чарли Лэм, Чарли Лэм, ты неисправим! Ты не перестанешь каламбурить, даже если тебе будет грозить виселица.

— Ну нет, такая узда всякого обуздает, — ответил Чарльз Лэм, и это снова вызвало общий смех.

Мой затуманенный мозг постепенно прояснялся — я понял, как велика оказанная мне честь. Крупнейшие мастера английской художественной прозы всех столетий

назначили randez-vous [1] у меня в доме, дабы помочь мне разрешить мои трудности. Многих я не узнал, но потом вгляделся пристальнее, и некоторые лица показались мне очень знакомыми — или по портретам, или по описаниям. Так, например, между Дефо и Смоллетом, которые заговорили первыми и сразу себя выдали, сидел, саркастически кривя губы, дородный старик, темноволосый, с резкими чертами лица — то был, безусловно, не кто иной, как знаменитый автор «Гулливера». Среди сидевших за дальним концом стола я разглядел Филдинга и Ричардсона и готов поклясться, что человек с худым, мертвенно-бледным лицом был Лоренс Стерн. Я заметил также высокий лоб сэра Вальтера Скотта, мужественные черты Джордж Элиот [2] и приплюснутый нос Теккерея, а среди современников увидел Джеймса Пэйна [3], Уолтера Безента [4], леди, известную под именем «Уида» [5], Роберта Льюиса Стивенсона и несколько менее прославленных авторов. Вероятно, никогда не собиралось под одной крышей столь многочисленное и блестящее общество великих призраков.

— Господа,— заговорил сэр Вальтер Скотт с очень заметным шотландским акцентом.— Полагаю, вы не запамятовали старую поговорку: «У семи поваров обед не готов»? Или как пел застольный бард:

Черный Джонстон и в придачу десять воинов в доспехах
напугают хоть кого,
Только будет много хуже, если Джонстона ты встретишь
ненароком одного.

Джонстон происходил из рода Ридсдэлов, троюродных братьев Армстронгов, через брак породнившийся...

— Быть может, сэр Вальтер,— прервал его Теккерей,—вы снимете с нас ответственность и продиктуете начало рассказа этому молодому начинающему автору.

— Нет-нет! — воскликнул сэр Вальтер.— Свою лепту я внесу, упираться не стану, но ведь тут Чарли, этот

[1] Свидание (*франц.*).
[2] Джордж Элиот (1819—1880) — псевдоним английской писательницы Мэри-Анн Эванс.
[3] Джеймс Пэйн (1830—1898) — английский писатель.
[4] Уолтер Безент (1836—1901) — английский писатель.
[5] Уида (1839—1908) — псевдоним английской писательницы Марии Луизы де ля Раме.

юнец, напичкан остротами, как радикал изменами. Уж он сумеет придумать веселую завязку.

Диккенс покачал головой, очевидно, собираясь отказаться от предложенной чести, но тут кто-то из современных писателей — из-за толпы мне его не было видно — проговорил:

— А что, если начать с того конца стола и продолжать далее всем подряд, чтобы каждый мог добавить, что подскажет ему фантазия?

— Принято! Принято! — раздались голоса, и все повернулись в сторону Дефо; несколько смущенный, он набивал трубку из массивной табакерки.

— Послушайте, други, здесь есть более достойные...— начал было он, но громкие протесты не дали ему договорить.

А Смоллет крикнул:

— Не отвиливай, Дэн, не отвиливай! Тебе, мне и декану надобно тремя короткими галсами вывести судно из гавани, а потом пусть себе плывет, куда заблагорассудится!

Поощряемый таким образом, Дефо откашлялся и повел рассказ на свой лад, время от времени попыхивая трубкой:

«Отца моего, зажиточного фермера в Чешире, звали Сайприен Овербек, но, женившись в году приблизительно 1617, он принял фамилию жены, которая была из рода Уэллсов, и потому я, старший сын, получил имя Сайприен Овербек Уэллс. Ферма давала хорошие доходы, пастбища ее славились в тех краях, и отец мой сумел скопить тысячу крон, которую вложил в торговые операции с Вест-Индией, завершившиеся столь успешно, что через три года капитал отца учетверился. Ободренный такой удачей, он купил на паях торговое судно, загрузил его наиболее ходким товаром (старыми мушкетами, ножами, топорами, зеркалами, иголками и тому подобным) и в качестве суперкарго посадил на борт и меня, наказал мне блюсти его интересы и напутствовал своим благословением.

До островов Зеленого мыса мы шли с попутным ветром, далее попали в полосу северо-западных пассатов и потому быстро продвигались вдоль африканского побережья. Если не считать замеченного вдали корабля

берберийских пиратов, сильно напугавшего наших матросов, которые уже почли себя захваченными в рабство, нам сопутствовала удача, пока мы не оказались в сотне лиг от Мыса Доброй Надежды, где ветер вдруг круто повернул к югу и стал дуть с неимоверной силой. Волны поднимались на такую высоту, что грот-рея оказывалась под водой, и я слышал, как капитан сказал, что, хотя он плавает по морям вот уже тридцать пять лет, такого ему видеть еще не приходилось, и надежды уцелеть для нас мало. В отчаянии я принялся ломать руки и оплакивать свою участь, но тут с треском рухнула за борт мачта, я решил, что корабль дал течь, и от ужаса упал без чувств, свалившись в шпигаты [1], и лежал там, словно мертвый, что и спасло меня от гибели, как будет видно в дальнейшем. Ибо матросы, потеряв всякую надежду на то, что корабль устоит против бури, и каждое мгновение ожидая, что он вот-вот пойдет ко дну, кинулись в баркас и, по всей вероятности, встретили именно ту судьбу, какой думали избежать, потому что с того дня я больше никогда ничего о них не слышал. Я же, очнувшись, увидел, что по милости провидения море утихло, волны улеглись и я один на всем судне. Это открытие привело меня в такой ужас, что я мог только стоять, в отчаянии ломая руки и оплакивая свою печальную участь; наконец я несколько успокоился и, сравнив свою долю с судьбой несчастных товарищей, немного повеселел, и на душе у меня отлегло. Спустившись в капитанскую каюту, я подкрепился снедью, находившейся в шкафчике капитана».

Дойдя до этого места, Дефо заявил, что, по его мнению, он дал хорошее начало и теперь очередь Свифта. Выразив опасение, как бы и ему не пришлось, подобно юному Сайприену Овербеку Уэллсу «плавать по воле волн», автор «Гулливера» продолжал рассказ:

«В течение двух дней я плыл, пребывая в великой тревоге, так как опасался возобновления шторма, и неустанно всматривался в даль в надежде увидеть моих пропавших товарищей. К концу третьего дня я с величайшим удивлением заметил, что корабль, подхваченный

[1] Шпигаты *(морск.)* — отверстия в палубной настилке для удаления с палубы воды.

мощным течением, идущим на северо-восток, мчится, то носом вперед, то кормой, то, словно краб, повертываясь боком, со скоростью, как я определил, не менее двенадцати, если не пятнадцати узлов в час. В продолжении нескольких недель меня уносило все дальше, но вот однажды утром, к неописуемой своей радости, я увидел по правому борту остров. Течение, несомненно, пронесло бы меня мимо, если бы я, хотя и располагая всего лишь парой собственных своих рук, не изловчился повернуть кливер так, что мой корабль оказался носом к острову, и, мгновенно подняв паруса шпринтова, лиселя и фок-мачты, взял на гитовы фалы со стороны левого борта и сильно повернул руль в сторону правого борта — ветер дул северо-востоко-восток».

Я заметил, что при описании этого морского маневра Смоллет усмехнулся, а сидевший у дальнего конца стола человек в форме офицера королевского флота, в ком я узнал капитана Марриэта [1], выказал признаки беспокойства и заерзал на стуле.

«Таким способом я выбрался из течения,— продолжал Свифт,— и смог приблизиться к берегу на расстояние в четверть мили и, несомненно, подошел бы ближе, вторично повернув на другой галс, но, будучи отличным пловцом, рассудил за лучшее оставить корабль, к этому времени почти затонувший, и добраться до берега вплавь.

Я не знал, обитаем ли открытый мною остров, но, поднятый на гребень волны, различил на прибрежной полосе какие-то фигуры: очевидно, и меня и корабль заметили. Радость моя, однако, сильно уменьшилась, когда, выбравшись на сушу, я убедился в том, что это были не люди, а самые разнообразные звери, стоявшие отдельными группами и тотчас кинувшиеся к воде, мне навстречу. Я не успел ступить ногой на песок, как меня окружили толпы оленей, собак, диких кабанов, бизонов и других четвероногих, из которых ни одно не выказало ни малейшего страха ни передо мной, ни друг перед другом — напротив, их всех объединяло чувство любопытства к моей особе, а также, казалось, и некоторого отвращения».

---

[1] Марриэт, Фредерик (1792—1848)—английский писатель.

— Второй вариант «Гулливера»,— шепнул Лоренс Стерн соседу.— «Гулливер», подогретый к ужину.

— Вы изволили что-то сказать? — спросил декан очень строго, по-видимому, расслышав шепот Стерна.

— Мои слова были адресованы не вам, сэр,— ответил Стерн, глядя довольно испуганно.

— Все равно, они беспримерно дерзки! — крикнул декан.— Уж, конечно, ваше преподобие сделало бы из рассказа новое «Сентиментальное путешествие». Ты принялся бы рыдать и оплакивать дохлого осла. Хотя, право, не следует укорять тебя за то, что ты горюешь над своими сородичами.

— Это все же лучше, чем барахтаться в грязи с вашими йеху,— ответил Стерн запальчиво, и, конечно, вспыхнула бы ссора, не вмешайся остальные. Декан, кипя негодованием, наотрез отказался продолжать рассказ, Стерн также не пожелал принять участия в его сочинении и, насмешливо фыркнув, заметил, что «не дело насаживать добрую сталь на негодную рукоятку». Тут чуть не завязалась новая перепалка, но Смоллет быстро подхватил нить рассказа, поведя его уже от третьего лица:

«Наш герой, немало встревоженный сим странным приемом, не теряя времени, вновь нырнул в море и догнал корабль, полагая, что наихудшее зло, какого можно ждать от стихии,— сущая малость по сравнению с неведомыми опасностями загадочного острова. И, как показало дальнейшее, он рассудил здраво, ибо еще до наступления ночи судно взял на буксир, а самого его принял на борт английский военный корабль «Молния», возвращавшийся из Вест-Индии, где он составлял часть флотилии под командой адмирала Бенбоу. Юный Уэллс, молодец хоть куда, речистый и превеселого нрава, был немедля занесен в списки экипажа в качестве офицерского слуги, в каковой должности снискал всеобщее расположение непринужденностью манер и умением находить поводы для забавных шуток, на что был превеликий мастер.

Среди рулевых «Молнии» был некий Джедедия Энкерсток, внешность коего была весьма необычна и тотчас привлекла к себе внимание нашего героя. Этот моряк, от роду лет пятидесяти, с лицом темным от загара и ветров, был такого высокого роста, что, когда шел между

палубами, должен был наклоняться чуть не до земли. Но самым удивительным в нем была другая особенность: еще в бытность его мальчишкой какой-то злой шутник вытатуировал ему по всей физиономии глаза, да с таким редким искусством, что даже на близком расстоянии затруднительно было распознать настоящие среди множества поддельных. Вот этого-то необыкновенного субъекта юный Сайприен и наметил для своих веселых проказ, особенно после того, как прослышал, что рулевой Эйкерсток весьма суеверен, а также о том, что им оставлена в Портсмуте супруга, дама нрава решительного и сурового, перед которой Джедедия Эйкерсток смертельно труснл. Итак, задумав подшутить над рулевым, наш герой раздобыл одну из овец, взятых на борт для офицерского стола, и, влив ей в глотку рому, привел ее в состояние крайнего опьянения. Затем он притащил ее в каюту, где была койка Эйкерстока, и с помощью таких же сорванцов, как и сам, надел на овцу высокий чепец и сорочку, уложил ее на койку и накрыл одеялом.

Когда рулевой возвращался с вахты, наш герой, притворившись взволнованным, встретил его у дверей каюты.

— Мистер Эйкерсток,— сказал он,— может ли статься, что ваша жена находится на борту?

— Жена? — заорал изумленный моряк.— Что ты хочешь этим сказать, ты, белолицая швабра?

— Ежели ее нет на борту, следовательно, нам привиделся ее дух,— ответствовал Сайприен, мрачно покачивая головой.

— На борту? Да как, черт подери, могла она сюда попасть? Я вижу, у тебя чердак не в порядке, коли тебе взбрела в голову такая чушь. Моя Полли и кормой и носом пришвартована в Портсмуте, поболе чем за две тысячи миль отсюда.

— Даю слово,— молвил наш герой наисерьезнейшим тоном.— И пяти минут не прошло, как из вашей каюты вдруг выглянула женщина.

— Да-да, мистер Эйкерсток,— подхватили остальные заговорщики.— Мы все ее видели: весьма быстроходное судно и на одном борту глухой иллюминатор.

— Что верно, то верно,— отвечал Эйкерсток, пораженный столь многими свидетельскими показаниями.—

У моей Полли глаз по правому борту притушила навеки долговязая Сью Уильямс из Гарда. Ну, ежели кто есть там, надобно поглядеть, дух это или живая душа.

И честный малый, в большой тревоге и дрожа всем телом, двинулся в каюту, неся перед собой зажженный фонарь. Случилось так, что злосчастная овца, спавшая глубоким сном под воздействием необычного для нее напитка, пробудилась от шума и, испугавшись непривычной обстановки, спрыгнула с койки, опрометью кинулась к двери, громко блея и вертясь на месте, как бриг, попавший в смерч, отчасти от опьянения, отчасти из-за наряда, препятствовавшего ее движениям. Эйкерсток, потрясенный этим зрелищем, испустил вопль и грохнулся наземь, убежденный, что к нему действительно пожаловал призрак, чему немало способствовали страшные, глухие стоны и крики, которые хором испускали заговорщики. Шутка чуть не зашла далее, чем то было в намерении шалунов, ибо рулевой лежал замертво, и стоило немалых усилий привести его в чувство. До конца рейса он твердо стоял на том, что видел пребывавшую на родине миссис Эйкерсток, сопровождая свои заверения божбой и клятвами, что хотя он и был до смерти напуган и не слишком разглядел физиономию супруги, но безошибочно ясно почувствовал сильный запах рома, столь свойственный его прекрасной половине.

Случилось так, что вскоре после этой истории был день рождения короля, отмеченный на борту «Молнии» необыкновенным событием: смертью капитана при очень странных обстоятельствах. Сей офицер, прежалкий моряк, еле отличавший киль от вымпела, добился должности капитана путем протекции и оказался столь злобным тираном, что заслужил всеобщую к себе ненависть. Так сильно невзлюбили его на корабле, что, когда возник заговор всей команды покарать капитана за его злодеяния смертью, среди шести сотен душ не нашлось никого, кто пожелал бы предупредить его об опасности. На борту королевских судов водился обычай в день рождения короля созывать на палубу весь экипаж, и по команде матросам надлежало одновременно палить из мушкетов в честь его величества. И вот пущено было тайное указание, чтобы каждый матрос зарядил мушкет не холостым патроном, а пулей. Боцман дал сигнал дудкой, матросы

выстроились на палубе в шеренгу. Капитан, встав перед ними, держал речь, которую заключил такими словами:

— Стреляйте по моему знаку, и, клянусь всеми чертями ада, того, кто выстрелит секундой раньше или секундой позже, я привяжу к снастям с подветренной стороны.— И тут же крикнул зычно: — Огонь!

Все как один навели мушкеты прямо ему в голову и спустили курки. И так точен был прицел и так мала дистанция, что более пяти сотен пуль ударили в него одновременно и разнесли вдребезги голову и часть туловища. Столь великое множество людей было замешано в это дело, что нельзя было установить виновность хотя бы одного из них, и посему офицеры не сочли возможным покарать кого-либо, тем более что заносчивое обращение капитана сделало его ненавистным не только простым матросам, но и всем офицерам.

Умением позабавить и приятной естественностью манер наш герой расположил к себе весь экипаж, и по прибытии корабля в Англию полюбившие Сайприена моряки отпустили его с величайшим сожалением. Однако сыновний долг понуждал его вернуться домой к отцу, с каковой целью он и отправился в почтовом дилижансе из Портсмута в Лондон, имея намерение проследовать затем в Шропшир. Но случилось так, что во время проезда через Чичестер одна из лошадей вывихнула переднюю ногу, и, так как добыть свежих лошадей не представлялось возможным, Сайприен вынужден был переночевать в гостинице при трактире «Корона и бык».

— Нет, ей-богу,— сказал вдруг рассказчик со смехом,— отродясь не мог пройти мимо удобной гостиницы, не остановившись, и посему делаю здесь остановку, а кому желательно, пусть ведет далее нашего приятеля Сайприена к новым приключениям. Быть может, теперь вы, сэр Вальтер, наш «северный колдун», внесете свой вклад?

Смоллет вытащил трубку, набил ее табаком из табакерки Дефо и стал терпеливо ждать продолжения рассказа.

— Ну что ж, за мной дело не станет,— ответил прославленный шотландский бард и взял понюшку табаку.— Но, с вашего дозволения, я переброшу мистера Уэллса на несколько столетий назад, ибо мне люб дух средневековья. Итак, приступаю:

«Нашему герою не терпелось поскорее двинуться дальше, и, разузнав, что потребуется немало времени на подыскание подходящего экипажа, он решил продолжать путь в одиночку, верхом на своем благородном сером скакуне. Путешествие по дорогам в ту пору было весьма опасно, ибо, помимо обычных неприятных случайностей, подстерегающих путника, на юге Англии было очень неспокойно, в любую минуту готовы были вспыхнуть мятежи. Но наш юный герой, высвободив меч из ножен, чтобы быть наготове к встрече с любой неожиданностью, и стараясь находить дорогу при свете восходящей луны, весело поскакал вперед.

Он еще не успел далеко отъехать, как вынужден был признать, что предостережения хозяина гостиницы, внушенные, как ему казалось, лишь своекорыстными интересами, оказались вполне справедливыми. Там, где дорога, проходя через болотистую местность, стала особенно трудной, наметанный глаз Сайприена увидел поблизости от себя темные, приникшие к земле фигуры. Натянув поводья, он остановился в нескольких шагах от них, перекинул плащ на левую руку и громким голосом потребовал, чтобы скрывавшиеся в засаде вышли вперед.

— Эй вы, удалые молодчики! — крикнул Сайприен.— Неужто не хватает постелей, что вы завалились спать на проезжей дороге, мешая добрым людям? Нет, клянусь святой Урсулой Альпухаррской, я полагал, что ночные птицы охотятся за лучшей дичью, чем за болотными куропатками или вальдшнепами.

— Разрази меня на месте! — воскликнул здоровенный верзила, вместе со своими товарищами выскакивая на середину дороги и становясь прямо перед испуганным конем.— Какой это головорез и бездельник нарушает покой подданных его королевского величества? А, это soldado [1], вот кто! Ну, сэр, или милорд, или ваша милость, или уж не знаю, как следует величать достопочтенного рыцаря,— попридержи-ка язык, не то, клянусь семью ведьмами Гэймблсайдскими, тебе не поздоровится!

— Тогда, прошу тебя, откройся, кто ты такой и кто твои товарищи,— молвил наш герой.— И не замышляе-

[1] Солдат, воин *(испан.)*.

те ли вы что-либо такое, чего не может одобрить честный человек. А что до твоих угроз, так они отскакивают от меня, как отскочит ваше презренное оружие от моей кольчуги миланской работы.

— Подожди-ка, Аллен,— сказал один из шайки, обращаясь к тому, кто, по-видимому, был ее главарем.— Этот молодец — лихой задира, как раз такой, какие требуются нашему славному Джеку. Но мы переманиваем ястребов не пустыми руками. Послушай, приятель, присоединяйся к нам — есть дичь, для которой нужны смелые охотники, вроде тебя. Распей с нами бочонок канарского, и мы подыщем для твоего меча работу получше, чем попусту вовлекать своего владельца в ссоры да кровопролития. Миланская работа или не миланская, нам до того дела нет, а вот если мой меч звякнет о твою железную рубашку, худой то будет день для сына твоего отца!

Одно мгновение наш герой колебался, не зная, на что решиться: следует ли ему, блюдя рыцарские традиции, ринуться на врагов или разумнее подчиниться. Осторожность, а также и немалая доля любопытства в конце концов одержали верх, и, спешившись, наш герой дал понять, что готов следовать туда, куда его поведут.

— Вот это настоящий мужчина! — воскликнул тот, кого называли Алленом.— Джек Кейд порадуется, что ему завербовали такого удальца! Ад и вся его нечистая сила! Да у тебя шея покрепче, чем у молодого быка! Клянусь рукояткой своего меча, туго пришлось бы комунибудь из нас, если бы ты не послушал наших уговоров!

— Нет-нет, добрейший наш Аллен! — пропищал вдруг какой-то коротыш, прятавшийся позади остальных, пока грозила схватка, но теперь протолкнувшийся вперед.— Будь ты с ним один на один, оно и могло так статься, но для того, кто умеет владеть мечом, справиться с эдаким юнцом — сущая безделица. Помнится мне, как в Палатинате я рассек барона фон Слогстафа чуть не до самого хребта. Он ударил меня вот так, глядите, но я щитом и мечом отразил удар и в свой черед размахнулся и воздал ему втрое, и тут он... Святая Агнесса, защити и спаси нас! Кто это идет сюда?

Явление, испугавшее болтуна, и в самом деле было достаточно странным, чтобы вселить тревогу даже в серд-

це нашего рыцаря. Из тьмы вдруг выступила фигура гигантских размеров, и грубый голос, раздавшийся где-то над головами стоявших на дороге, резко нарушил ночную тишину:

— Сто чертей! Горе тебе, Томас Аллен, если ты покинул свой пост без важной на то причины! Клянусь святым Ансельмом, лучше бы тебе было вовсе не родиться, чем нынче ночью навлечь на себя мой гнев! Что это ты и твои люди вздумали таскаться по болотам, как стадо гусей под Михайлов день?

— Наш славный капитан,— отвечал ему Аллен, сдернув с головы шапку, примеру его последовали и остальные члены отряда.— Мы захватили молодого храбреца, скакавшего по лондонской дороге. За такую услугу, сдается мне, надлежало бы сказать спасибо, а не корить да стращать угрозами.

— Ну-ну, отважный Аллен, не принимай это так близко к сердцу! — воскликнул вожак, ибо то был не кто иной, как сам прославленный Джек Кейд.— Тебе с давних пор должно быть ведомо, что нрав у меня крутоват и язык не смазан медом, как у сладкоречивых лордов. А ты,— продолжал он, повернувшись вдруг в сторону нашего героя,— готов ли ты примкнуть к великому делу, которое вновь обратит Англию в такую, какой она была в царствование ученейшего Альфреда? Отвечай же, дьявол тебя возьми, да без лишних слов!

— Я готов служить вашему делу, если оно пристало рыцарю и дворянину,— твердо отвечал молодой воин.

— Долой налоги! — с жаром воскликнул Кейд.— Долой подати и дани, долой церковную десятину и государственные сборы! Солонки бедняков и их бочки с мукой будут так же свободны от налогов, как винные погреба вельмож! Ну, что ты на это скажешь?

— Ты говоришь справедливо,— отвечал наш герой.— А вот нам уготована такая справедливость, какую получает зайчонок от сокола! — громовым голосом крикнул Кейд.— Долой всех до единого! Лорда, судью, священника и короля — всех долой!

— Нет,— сказал сэр Овербек Уэллс, выпрямившись во весь рост и хватаясь за рукоятку меча.— Тут я вам не товарищ. Вы, я вижу, изменники и предатели, за-

мышляете недоброе и восстаете против короля, да защитит его святая дева Мария!

Смелые слова и звучавший в них бесстрашный вызов смутили было мятежников, но, ободренные хриплым окриком вожака, они кинулись, размахивая оружием, на нашего рыцаря, который принял оборонительную позицию и ждал нападения».

— И хватит с вас! — заключил сэр Вальтер, посмеиваясь и потирая руки.— Я крепко загнал молодчика в угол, посмотрим, как-то вы, новые писатели, вызволите его оттуда, а я ему на выручку не пойду. От меня больше ни слова не дождетесь!

— Джеймс, попробуй теперь ты! — раздалось несколько голосов сразу, но этот автор успел сказать лишь «тут подъехал какой-то одинокий всадник», как его прервал высокий джентльмен, сидевший от него чуть поодаль. Он заговорил, слегка заикаясь и очень нервно.

— Простите,— сказал он,— но, мне думается, я мог бы кое-что добавить. О некоторых моих скромных произведениях говорят, что они превосходят лучшие творения сэра Вальтера, и, в общем, я, безусловно, сильнее. Я могу описывать и современное общество и общество прошлых лет. А что касается моих пьес, так Шекспир никогда не имел такого успеха, как я с моей «Леди из Лиона». Тут у меня есть одна вещица...— Он принялся рыться в большой груде бумаг, лежавших перед ним на столе.— Нет, не то — это мой доклад, когда я был в Индии... Вот она! Нет, это одна из моих парламентских речей... А это критическая статья о Теннисоне. Неплохо я его отделал, а? Нет, не могу отыскать, но, конечно, вы все читали мои книги — «Риенци», «Гарольд», «Последний барон»... Их знает наизусть каждый школьник, как сказал бы бедняга Маколей [1]. Разрешите дать вам образчик:

«Несмотря на бесстрашное сопротивление отважного рыцаря, меч его был разрублен ударом алебарды, а самого его свалили на землю: силы сторон были слишком неравны. Он уже ждал неминуемой смерти, но, как видно, у напавших на него разбойников были иные намерения.

---

[1] Маколей, Томас (1800—1859) — английский писатель и государственный деятель.

Связав Сайприена по рукам н ногам, они перекинулн юношу через седло его собствеииого коня и повезли по бездорожным болотам к своему надежному укрытню.

В далекой глуши стояло каменное строеине, когда-то служившее фермой, но по неизвестным причинам брошенное ее владельцем и превратившееся в развалины — теперь здесь расположнлся стан мятежииков во главе с Джеком Кейдом. Просторный хлев вблнзи фермы был местом ночлега для всей шайки; щели в стенах главного помещения фермы былн кое-как заткнуты, чтобы защититься от непогоды. Здесь для вернувшегося отряда была собрана грубая еда, а нашего героя, все еще связанного, втолкнули в пустой сарай ожидать своей участн».

Сэр Вальтер проявлял величайшее нетерпение, пока Бульвер Литтон вел свой рассказ, н, когда тот подошел к этой части своего повествования, раздраженно прервал его:

— Мы бы хотели послушать что-нибудь в твоей собственной манере, молодой человек,— сказал он.— Анималистнко - магнитическо - электро-истерико-бнолого-мнстическнй рассказ — вот твой подлинный стиль, а то, что ты сейчас наговорнл,— всего лншь жалкая копня с меня, и ничего больше.

Средн собравшихся пронесся гул одобрения, а Дефо заметил:

— Право, мистер Литтон, хотя, быть может, это всего лишь простая случайность, но сходство, сдается мие, чертовски разительное. Замечания иашего друга сэра Вальтера нельзя не почесть справедлнвыми.

— Быть может, вы н это сочтете за подражанне,— ответил Литтон с горечью и, откинувшись в кресле и глядя скорбно, так продолжал рассказ:

«Едва иаш герой улегся на соломе, устилавшей пол его темнargmax, как вдруг в стене открылась потайная дверь и за ее порог величаво ступил почтенного внда старец. Пленник смотрел на него с изумленнем, смешанным с благоговейным страхом, нбо на высоком челе старца лежала печать великого знания, недоступного сынам человеческим. Незнакомец был облачен в длинное белое одеяние, расшитое арабскимн кабалистнческнми письменами; высокая алая тиара, с снмволнческими знаками квадрата н круга, усугубляла величие его облика.

— Сын мой,— промолвил старец, обратив проницательный и вместе с тем затуманенный взор на сэра Овербека.— Все вещи и явлеиия ведут к иебытию, и небытие есть первопричина всего сущего. Космос непостижим. В чем же тогда цель нашего существования?

Пораженный глубиной этого вопроса и философическими взглядами старца, наш герой приветствовал гостя и осведомился об его имени и звании. Старец ответил, и голос его то крепнул, то замирал в музыкальной каденции, подобно вздоху восточного ветра, и тонкие ароматические пары наполнили помещение.

— Я — извечное отрицание не-я,— вновь заговорил старец.— Я квинтэссенция небытия, нескончаемая сущность несуществующего. В моем облике ты видишь то, что существовало до возникиовения материи и за многие-многие годы до начала времени. Я алгебраический икс, обозиачающий бесконечиую делимость коиечной частицы.

Сэр Овербек почувствовал трепет, как если бы холодная, как лед, рука легла ему на лоб.

— Зачем ты явился, чей ты послаиец? — прошептал он, простираясь перед таинственным гостем.

— Я пришел поведать тебе о том, что вечности порождают хаос и что безмериости зависят от божественной ананке[1]. Бескоиечиость пресмыкается перед индивидуальностью. Движущая сущность — перводвигатель в мире духовного, и мыслитель бессилен перед пульсирующей пустотой. Космический процесс завершается только непознаваемым и непроизносимым...» —Могу я спросить вас, мистер Смоллет, что вас так смешит?

— Нет-нет, черт побери! — воскликиул Смоллет, давно уже посмеивавшийся.— Можешь не опасаться, что кто-нибудь станет оспаривать твой стиль, мистер Литтон!

— Спору иет, это твой и только твой стиль,— пробормотал сэр Вальтер.

— И притом прелестный,— вставил Лоренс Стерн с ядовитой усмешкой.— Прошу пояснить, сэр, иа каком языке вы изволили говорить?

Эти замечания, поддержанные одобрением всех ос-

---

[1] Ананке *(греч.)* — рок.

тальных, до такой степени разъярили Литтона, что он, сперва заикаясь, пытался что-то ответить, но затем, совершенно перестав собой владеть, подобрал со стола разрозненные листки и вышел вон, на каждом шагу роняя свои памфлеты и речи. Все это так распотешило общество, что в течение нескольких минут в комнате не смолкал смех. Звук его отдавался у меня в ушах все громче, а огни на столе тускнели, люди вокруг него таяли и, наконец, исчезли один за другим. Я сидел перед тлеющими в кучке пепла углями — все, что осталось от яркого, бушевавшего пламени,— а веселый смех высоких гостей превратился в недовольный голос моей жены, которая, тряся меня за плечи, говорила, что мне следовало бы выбрать более подходящее место для сна. Так окончились удивительные приключения Сайприена Овербека Уэллса, но я все еще лелею надежду, что как-нибудь в одном из моих будущих снов великие мастера слова закончат начатое ими повествование.

НАШИ СТАВКИ НА ДЕРБИ

— Боб! — крикнула я.

Никакого ответа.

— Боб!

Нарастающий бурный храп и протяжный вдох.

— Проснись же, Боб!

— Что стряслось, черт побери?! — произнес сонный голос.

— Пора завтракать,— пояснила я.

— Подумаешь, завтракать! — донесся из постели мятежный ответ.

— И тебе, Боб, письмо,— добавила я.

— Что же ты сразу не сказала? Тащи его сюда!

Получив такое радушное приглашение, я вошла в комнату брата и примостилась на краешке кровати.

— Получай,— сказала я.— Марка индийская, а почтовый штемпель поставлен в Бриндизи. От кого бы это?

— Не суй нос не в свои дела, Коротышечка,— ответил брат, отбросив со лба спутанные кудри, и, протерев глаза, он сломал сургучную печать.

Я терпеть не могу, когда меня называют Коротышкой. Когда я еще была маленькой, бессердечная нянька наградила меня этим прозвищем, обнаружив диспропорцию между моей круглой серьезной физиономией и коротенькими ножками. А я, право же, не больше коротышка, чем любая другая семнадцатилетняя девушка. На этот раз вне себя от благородного гнева я уже была готова обрушить на голову брата карающую

подушку, но меня остановило выражение его глаз: в них загорелся живой интерес.

— А знаешь, Нелли, кто к нам едет? — спросил он.— Твой старый друг!

— Как? Из Индии? Да неужели Джек Хоторн?

— Он самый,— ответил Боб.— Джек возвращается в Англию и намерен погостить у нас. Он пишет, что будет здесь почти одновременно с письмом. Да перестань ты плясать! Свалишь ружья или еще что-нибудь натворишь. Будь паинькой и сядь ко мне.

Боб говорил со всей солидностью человека, над кудлатой головой которого уже промчалось двадцать две весны, и потому я угомонилась и заняла прежнюю позицию.

— То-то будет весело! — воскликнула я.— Но только, Боб, Джек был еще мальчишкой, когда мы видели его в последний раз, а теперь он мужчина. Это уже будет совсем не тот Джек.

— Ну и что же,— ответил Боб,— ты тогда тоже была еще девочкой — противной маленькой девчонкой с кудряшками, теперь же...

— А что теперь? — спросила я.

Мне показалось, что брат готов сказать мне комплимент.

— Ну, теперь у тебя нет кудряшек, ты выросла и стала еще противнее.

В одном отношении братья благо. Ни одна девица, если бог наградил ее братьями, не может без достаточных оснований вырасти самодовольной.

По-моему, все очень обрадовались, услышав за завтраком, что приезжает Джек Хоторн. «Все»— это моя мама, Элси и Боб. Но когда, захлебываясь от восторга, я объявила эту новость, лицо нашего кузена Соломона Баркера не засияло радостью. Раньше это никогда не приходило мне в голову, но, быть может, юноше нравится Элси и он боится соперника? А иначе зачем бы он, услышав самую обычную вещь, вдруг отодвинул яйцо, сказав, что совершенно сыт, причем таким вызывающим тоном, что все усомнились в его искренности? А Грейс Маберли, подруга Элси, сохранила свое обычное благожелательное спокойствие.

Я же бурно выражала восторг. Мы с Джеком вместе росли. Он был мне как старший брат, пока не поступил в военное училище и не уехал. Сколько раз они с Бобом забирались на яблоню старика Брауна, а я стояла под деревом и собирала в белый передничек их добычу. Как мне помнится, Джек был деятельным участником всех наших проказ. Но теперь он уже лейтенант Хоторн, участвовал в афганской войне и, по словам Боба, стал «опытным воином». Как же он теперь выглядит? При слове «воин» Джек почему-то представлялся мне в латах и шлеме с перьями, он жаждал крови и рубил кого-то огромным мечом. Я боялась, что после всего этого он уже не захочет принимать участия в шумных играх, шарадах и прочих развлечениях, принятых в Хазерли-хаус.

Все следующие дни кузен Сол явно пребывал в плохом настроении. С трудом удавалось уговорить его быть четвертым, когда играли в теннис; он обнаружил необычайное пристрастие к уединению и курил крепчайший табак. Мы встречали его в самых неожиданных местах: то в глухих уголках сада, то на реке, и, если имелась хоть малейшая возможность избежать с нами встречи, он всякий раз глядел вдаль и делал вид, что совсем не замечает нас, хотя мы окликали его и махали зонтиками. Он вел себя, конечно, крайне невежливо. Однажды вечером, перед обедом, я все-таки его поймала и, выпрямившись во весь рост — пять футов четыре с половиной дюйма,— высказала ему все, что о нем думаю. Такие мои действия Боб именует верхом благотворительности, потому что я при этом раздаю перлы мудрости, которых мне-то самой как раз и не хватает.

Кузен Сол полулежал в качалке перед камином. Держа в руках «Таймс», он меланхолично смотрел поверх газеты в огонь. Я приблизилась к нему сбоку и дала залп из бортовых орудий.

— Мы, кажется, чем-то оскорбили вас, мистер Баркер,— с высокомерной учтивостью заметила я.

— Что вы, Нелл, хотите этим сказать? — спросил Сол, с удивлением глядя на меня. Мой кузен Сол имел обыкновение как-то очень странно смотреть на меня.

— Вы, по-видимому, лишили нас чести быть знакомыми с вами,— ответила я, но тут же оставила вы-

сокопарный стиль.— Это же просто глупо, Сол! Что с вами?

— Ничего, Нелл. Во всяком случае, ничего достойного внимания. Вы же знаете, через два месяца у меня экзамен по медицине и я много занимаюсь.

— Ах, так!— вскипела я.— Если все дело в этом, мне больше сказать нечего. Разумеется, если вы предпочитаете своим родственникам кости, это ваше право. Конечно, есть молодые люди, которые ведут себя любезно и не прячутся по углам, чтобы учиться, как втыкать ножи в человека.—Дав столь исчерпывающее определение благородной хирургической науке, я с излишней горячностью принялась поправлять на кресле сбившийся чехол.

Я видела, что Сол весело улыбался, глядя на стоявшую перед ним сердитую молодую особу с голубыми глазами.

— Пощадите меня, Нелл,— сказал он.— Вы ведь знаете, я уже на одном экзамене провалился. Кроме того,—Сол стал серьезен,—вам предстоит много развлечений, когда приедет этот — как его? — лейтенант Хотори.

— Уж, во всяком случае, Джек не станет всему предпочитать общество скелетов и мумий.

— Вы всегда называете его Джеком? — спросил Сол.

— Конечно, Джон звучит слишком официально.

— Ах, вот как? — с сомнением произнес мой собеседник.

Моя теория насчет Элси все еще не выходила у меня из головы, и я решила, что дело, пожалуй, можно представить не в столь трагическом свете. Сол встал с качалки и глядел теперь в открытое окно. Я подошла к нему и робко посмотрела в его обычно такое добродушное, а сейчас мрачное лицо. Он был очень застенчив, но я подумала, что сумею заставить его признаться.

— А ведь вы ревнивы, старина,— заметила я.

Он покраснел и посмотрел на меня сверху вниз.

— Я знаю ваш секрет,— смело заявила я.

— Какой секрет? — сказал Сол, еще больше краснея.

— Неважно, но я его знаю. Позвольте мне сказать вам вот что,— еще смелее продолжала я.— Элси и Джек никогда не ладили. Скорее уж Джек влюбится в меня. Мы всегда с ним дружили.

Если бы я воткнула в кузена Сола вязальную спицу, которую держала в руке, то и тогда он вряд ли подпрыгнул бы выше.

— Бог мой! — воскликнул он, и в сумерках я разглядела, что его темные глаза впились в меня.— Неужели вы на самом деле думаете, что мне нравится ваша сестра?

— Разумеется,— невозмутимо ответила я, не собираясь сдаваться.

Никогда еще ни одно слово не производило такого эффекта. Изумленно ахнув, кузен Сол повернулся и выпрыгнул в окно. Он всегда выражал свои чувства довольно странно, но на этот раз оригинальность его поведения меня просто ошеломила. Я вглядывалась в сгущавшиеся сумерки. И вдруг на фоне лужайки передо мной возникло смущенное и полное недоумения лицо.

— Мне нравитесь вы, Нелл,— сказало это лицо и сразу исчезло, и я услышала, как кто-то бросился бежать по аллее. Удивительно экстравагантным был этот юноша.

Хотя кузен Сол и заявил о своих симпатиях в присущей ему манере, жизнь в Хазерли-хаус текла по-прежнему. Он не попытался узнать, каковы мои чувства, и несколько дней вообще не касался этой темы. Очевидно, он полагал, что проделал все необходимое в подобных случаях. Однако порой он ставил меня в крайне неловкое положение, когда, внезапно появившись, усаживался напротив и молча устремлял на меня упорный взгляд, от которого мне становилось просто страшно.

— Не надо, Сол,— как-то сказала я ему.— У меня от этого мурашки по коже бегают.

— Но почему, Нелл? — спросил Сол.— Разве я вам совсем не нравлюсь?

— Да нет, нравитесь,— ответила я.— Лорд Нельсон мне тоже нравится, но мне было бы не очень приятно, если бы сюда явился его памятник и целый час на меня глядел.

— А почему вы вдруг заговорили про лорда Нельсона? — спросил кузен.

— Сама не знаю.

— Значит, Нелл, я нравлюсь вам так же, как лорд Нельсон?

— Да, только больше.

Этим лучом надежды бедняге Солу и пришлось удовольствоваться, потому что в комнату вбежали Элси и мисс Маберли и нарушили наш tête à tête[1].

Кузен мне, конечно, очень нравился... Я знала, какая чистая, преданная душа скрывается под его невозмутимой внешностью. Но мысль о том, чтобы иметь возлюбленным Сола Баркера, того самого Сола, чье имя служило синонимом застенчивости, была нелепа. Отчего он не влюбился в Грейс или Элси? Они-то уж знали бы, как с ним обойтись: они были старше меня и сумели бы поощрить его или отвергнуть, по своему усмотрению. Но Грейс слегка флиртовала с моим братом Бобом, а Элси словно вообще ничего не замечала. Мне вспоминается один случай, характерный для кузена, и я не могу не упомянуть о нем здесь, хотя случай этот никак не связан с моим повествованием. Произошел он, когда Сол впервые приехал в Хазерли-хаус.

Однажды нам нанесла визит жена приходского священника, и принимать ее пришлось мне и Солу. Сначала все шло хорошо. Вопреки обыкновению Сол был весел и разговорчив. К несчастью, им овладел жар гостеприимства, и, несмотря на все мои знаки и подмигивания, он спросил гостью, не желает ли она выпить бокал вина. На беду, вино в доме как раз кончилось, и, хотя мы уже написали в Лондон, новая партия вин еще не прибыла. Затаив дыхание, я ждала, что же ответит гостья, надеясь, что она откажется, но, к моему ужасу, она охотно приняла предложение Сола.

— Не трудись звонить, Нелл,— сказал Сол,— я исполню роль дворецкого.— И с безмятежной улыбкой направился к стенному шкафу, где хранилось вино. Только забравшись в него, Сол внезапно припомнил, как утром кто-то сказал, что вино кончилось. Сол оцепенел от ужаса и до окончания визита миссис Солтер просидел в шкафу, решительно отказываясь выйти, пока гостья не удалилась. Если бы можно было сделать вид, что из шкафа есть выход, или дверь в другую комнату, дело обстояло бы не так скверно, но я знала, что расположе-

[1] Уединение (франц.).

ние нашего дома известно миссис Солтер не хуже, чем мне. Она прождала возвращения Сола почти час, а затем удалилась, глубоко возмущенная.

— Дорогой,— сказала она, описывая случившееся своему супругу и от гнева впадая в библейский тон,— шкаф, казалось, разверзся и поглотил его!

Однажды утром Боб вышел к завтраку, держа в руках телеграмму.

— Джек приезжает с двухчасовым.

Я видела, что Сол посмотрел на меня с укором, но это не помешало мне выразить свою радость.

— Вот уж начнется веселье, когда он приедет!— сказал Боб.— Станем ловить в пруду бреднем рыбу и всячески развлекаться. Верно, Сол?

Сол, видимо, почувствовал слишком большую радость: он даже не смог выразить ее словами и в ответ лишь что-то буркнул.

В то утро я долго раздумывала в саду о Джеке. Я ведь в конце концов стала уже взрослой девушкой, о чем бесцеремонно напомнил мне Боб. Теперь я должна вести себя осмотрительно. Ведь настоящий мужчина уже взглянул на меня глазами любящего человека. Конечно, не было ничего дурного, что в детстве Джек повсюду ходил за мной и целовал меня, но теперь я должна держать его на расстоянии. Я вспомнила, как Джек подарил мне однажды дохлую рыбу, которую он выловил в хазерлейской речушке, и я бережно хранила ее среди самых драгоценных моих сокровищ, пока наконец тошнотворный запах в доме не заставил мою мать написать мистеру Бартону возмущенное письмо, а он в ответ сообщил, что все трубы в нашем доме вполне исправны. Я должна научиться держаться холодно и с достоинством. Я представила себе нашу встречу и решила ее прорепетировать. Вообразив, что куст остролиста — это Джек, я не спеша приблизилась к нему, сделала глубокий реверанс и, протянув руку, произнесла: «Рада вас видеть, лейтенант Хоторн!» Тут из дома появилась Элси, но ничего не сказала. Однако за завтраком она спросила Сола, наследственная ли болезнь идиотизм, или же она поражает отдельных индивидов; бедняга Сол отчаянно покраснел и так и не смог ей что-либо вразумительно объяснить.

Наш скотный двор выходит на аллею, расположенную между Хазерли-хаус и сторожкой. Я, Сол и мистер Николас Кронин, сын помещика, нашего соседа, отправились туда после завтрака. Такое представительное шествие имело целью утихомирить мятеж в курятнике. Первые известия о восстании доставил в дом юный Бейлис, сын и наследник старика, ходившего за птицей, и меня настоятельно просили прийти. Тут мне следует в скобках объяснить, что наши куры находились исключительно в моем ведении и на птичнике ничего не делалось без моего совета и помощи. Старик Бейлис вышел, прихрамывая, нам навстречу и доложил все подробности переполоха. Оказалось, что у одной хохлатки и у бентамского петуха настолько отросли крылья, что они смогли уже перелететь в парк, и пример этих вожаков оказался таким заразительным, что дух бродяжничества овладел солидными матронами вроде криволапых кохинхинок и они также проникли на запретную территорию. В птичнике состоялся военный совет, и было единодушно решено подрезать непокорным крылья.

Ну и пришлось же нам побегать! «Нам», то есть мне и мистеру Кронину, потому что кузен Сол суетился с ножницами на заднем плане и подбадривал нас криками. Оба преступника, несомненно, знали, что охотятся за ними: они с таким проворством ныряли под кормушки и перелетали через клетки, что вскоре нам уже казалось, будто во дворе мечется целая дюжина хохлаток и бентамских петухов. Остальных кур все происходящее интересовало мало, и только любимая супруга бентамского петуха, взобравшись на крышу курятника, без устали обливала нас презрением. Больше всех осложняли дело утки; к причине переполоха они не имели никакого отношения, но очень сочувствовали беглецам и ковыляли вслед за ними со всей быстротой, на которую были способны, и поэтому все время путались под ногами у преследователей.

— Все, попалась! — крикнула я, когда хохлатку загнали в угол.— Хватайте ее, мистер Кронин! Ах, да вы упустили ее! Упустили! Загороди ей, Сол, дорогу! Боже мой, она бежит ко мне!

— Ловко, мисс Монтегю! — воскликнул мистер Кронин, когда я ухватила пролетавшую мимо меня курицу

за лапу и зажала ее под мышкой, чтобы она не вырвалась.— Позвольте, я отнесу ее.

— Нет, нет. Вы должны поймать петуха. Вон он, за кормушкой. Забегайте с того края, а я с этого.

— Он убегает через калитку!— крикнул Сол.

— Кыш! Кыш! — закричала я.— Убежал! — И оба мы кинулись за петухом в парк, выскочили на аллею, свернули, и я нос к носу столкнулась с загорелым молодым человеком в костюме из твида, который неторопливо шел к дому.

Я сразу узнала эти смеющиеся серые глаза — ошибиться было невозможно,— хотя, мне кажется, если б я даже и не посмотрела на него, инстинкт подсказал бы мне, что передо мной Джек. Как могла я сохранить достоинство с хохлаткой под мышкой? Я попыталась выпрямиться, но злосчастной курице показалось, что она обрела защитника, и она закудахтала громче прежнего. Я махнула на все рукой и засмеялась, и Джек вместе со мной.

— Как поживаете, Нелл?— спросил он, протягивая мне руку, и тут же удивленно добавил: — Да вы же стали совсем другой!

— Ну да, прежде у меня под мышкой не было хохлатки,— ответила я.

— Ну кто бы мог подумать, что маленькая Нелл может превратиться в женщину? — Джек никак не мог прийти в себя.

— Не ожидали же вы, что я превращусь в мужчину? — с возмущением спросила я. Но тут же оставила церемонный тон.— Мы ужасно рады, Джек, вашему приезду. В дом попасть вы еще успеете, а сейчас помогите нам изловить бентамского петуха.

— С удовольствием,— весело, как встарь, ответил Джек, все еще не сводя глаз с моего лица.— Вперед!— И мы все трое стремглав бросились в парк, а бедняга Сол в тылу поощрял нас криками, с ножницами и пленницей в руках. Когда Джек явился поздороваться с моей матушкой, вид у него был весьма помятый, а мое намерение вести себя с ним сдержанно и с достоинством развеялось, как дым.

В тот май в Хазерли-хаус собралось большое общество. Боб, Сол, Джек Хоторн и мистер Николас Кронин;

а кроме них, мисс Маберли, и Элси, и мама, и я. В случае необходимости, когда играли в шарады или ставили любительский спектакль, мы всегда могли раздобыть зрителей, пригласив пять-шесть соседей. Мистер Кронин, веселый, атлетического сложения оксфордский студент, оказался замечательным приобретением, просто удивительно, как он умел придумывать и устраивать всяческие затеи. Джек в значительной мере утратил былую живость, и все мы дружно объявили, что он, разумеется, влюблен. Выглядел он при этом не менее глупо, чем выглядит в таких случаях любой молодой человек, но даже не пытался отпираться.

— Что будем делать сегодня?— спросил как-то утром Боб.— Кто что может предложить?

— Ловить рыбу в пруду,— сказал мистер Кронин.

— Мало мужчин,— ответил Боб.— Что еще?

— Мы должны сделать ставки на дерби,— заметил Джек.

— Ну, для этого времени хватит. Скачки состоятся лишь через две недели. Что еще?

— Теннис? — неуверенно предложил Сол.

— Надоело.

— Вы можете устроить пикник в хазерлейском аббатстве,— предложила я.

— Отлично! — воскликнул мистер Кронин.— Лучше не придумаешь.

— Как твое мнение, Боб?

— Первоклассно,— ответил брат, ухватившись за подсказанную мысль. Пикники необычайно привлекают тех, чьим сердцем еще только овладевает нежная страсть.

— А как мы туда доберемся, Нелл? — спросила Элси.

— Я-то совсем не пойду,— ответила я.— Мне бы очень хотелось, только надо посадить папоротники, которые раздобыл для меня Сол. Добираться туда лучше пешком. Тут всего три мили, а юного Бейлиса с корзиной провизии можно послать вперед.

— Ты пойдешь, Джек? — спросил Боб.

Новая помеха: накануне лейтенант вывихнул себе лодыжку. Тогда он об этом никому не сказал. Но теперь лодыжка начала болеть.

— Слишком далеко для меня,— сказал Джек.— Три мили туда да три обратно!

— Пойдем. Не ленись же,— бросил Боб.

— Дорогой мой,— ответил лейтенант,— я уже столько отшагал, что с меня хватит до самой могилы. Видели бы вы, как наш бравый генерал заставил меня пройтись от Кабула до Кандахара,— вы бы мне посочувствовали.

— Оставьте ветерана в покое,— сказал мистер Кронин.

— Сжальтесь над измученным войной солдатом,— заметил Боб.

— Ну, довольно смеяться,— сказал Джек и, просияв, добавил:— Вот что. Я возьму, Боб, если разрешишь, твою двуколку, и, как только Нелл посадит свои папоротники, мы к вам приедем. И корзинку можем взять с собой. Вы поедете, Нелл, правда?

— Хорошо,— ответила я. Боб согласился с таким оборотом дела, и так как все остались довольны, за исключением мистера Соломона Баркера, который весьма злобно посмотрел на лейтенанта, то сразу начались сборы, и вскоре веселое общество пустилось в путь.

Просто удивительно, до чего быстро прошла больная лодыжка после того, как последний из участников пикника скрылся за поворотом аллеи. А к тому моменту, когда папоротники были посажены и двуколка готова, Джек уже был весел и, как никогда, полон энергии.

— Что-то уж очень внезапно вы поправились,— заметила ему я, когда мы ехали по узкой, извилистой проселочной дороге.

— Да,— ответил Джек,— но дело в том, Нелл, что со мной ничего и не было. Просто мне надо поговорить с вами.

— Неужели вы способны прибегнуть ко лжи, лишь бы поговорить со мной? — сказала я с упреком.

— Хоть сорок раз,— твердо ответил Джек.

Я попыталась измерить всю глубину коварства, таившегося в Джеке, и ничего не ответила. Меня занимал вопрос: была бы Элси польщена или рассердилась, если бы кто-нибудь солгал ради нее столько раз?

— Когда мы были детьми, мы очень дружили, Нелл,— заметил мой спутник.

— Да.— Я глядела на полсть, закрывавшую мне колени. Как видите, к этому времени я уже приобрела кое-какой опыт и научилась различать интонации мужского голоса, что невозможно без некоторой практики.

— Кажется, теперь я вам совсем безразличен, не то что тогда,— продолжал Джек.

Шкура леопарда на моих коленях по-прежнему поглощала все мое внимание.

— А знаете, Нелл,— продолжал Джек,— когда я мерз в палатке на перевалах среди гималайских снегов, когда я видел перед собой вражеские войска, да и вообще,— голос Джека внезапно стал жалобным,— все время, пока я был в этой гнусной дыре, в Афганистане, я не переставал думать о маленькой девочке, которую оставил в Англии...

— Неужели?— пробормотала я.

— Да, я хранил память о вас в сердце, а когда я вернулся, вы уже перестали быть маленькой девочкой. Вы, Нелли, превратились в прелестную женщину и, наверное, забыли те далекие дни.

От волнения Джек заговорил очень поэтично. Он предоставил старенькому гнедому полную свободу, и тот, остановившись, мог вволю любоваться окрестностями.

— Послушайте, Нелли,— сказал Джек, вздохнув, как человек, который готов дернуть шнур и открыть душ,— походная жизнь учит, в частности, сразу брать то хорошее, что тебе встречается. Раздумывать и колебаться нельзя: пока ты размышляешь, другой может тебя опередить.

«Вот оно,— в отчаянии подумала я.— И тут нет окна, в которое Джек, сделав решительный шаг, мог бы выпрыгнуть».

После признания бедняги Сола любовь для меня ассоциировалась с прыжками из окон.

— Как вам кажется, Нелл, стану ли я вам когда-нибудь настолько дорог, чтоб вы решились разделить мою судьбу? Согласитесь вы стать моей женой?

Он даже не соскочил с двуколки, а продолжал сидеть рядом со мной и жадно смотрел на меня своими серыми глазами, а пони брел себе по дороге, пощипы-

вая то слева, то справа полевые цветы. Было совершенно очевидно, что Джек намерен получить ответ. Я сидела, потупившись, и вот мне показалось, что на меня смотрит бледное, застенчивое лицо, и я слышу, как Сол признается мне в любви. Бедняга! И во всяком случае, он признался первым.

— Вы согласны, Нелл? — снова спросил Джек.

— Вы мне очень нравитесь, Джек,— ответила я, тревожно взглянув на него,— но... — как изменилось его лицо при этом коротеньком слове! — мне кажется, не настолько. И, кроме того, я ведь еще очень молода. Наверное, ваше предложение должно быть для меня очень лестно и вообще, только... вы не должны больше думать обо мне.

— Значит, вы мне отказываете? — спросил Джек, слегка побледнев.

— Почему вы не пойдете к Элси и не сделаете предложение ей? — в отчаянии воскликнула я.— Отчего все вы идете именно ко мне?

— Элси мне не нужна,— ответил Джек и так ударил кнутом пони, что привел это добродушное четвероногое в немалое изумление.— Почему вы сказали «все»?

Ответа не последовало.

— Теперь мне все понятно,— с горечью сказал Джек.— Я уже заметил, что с тех пор, как я приехал, этот ваш кузен ни на шаг от вас не отходит. Вы обручены с ним?

— Нет, не обручена.

— Благодарение богу! — благочестиво воскликнул Джек.— Значит, я еще могу надеяться. Может быть, со временем вы и передумаете. Скажите мне, Нелли, вам нравится этот дуралей-медик?

— Он не дуралей,— возмутилась я,— и он нравится мне так же, как вы.

— Ну, в таком случае он вам вовсе не нравится,— надувшись, заметил Джек. И мы больше не проронили ни слова до тех пор, пока оглушительные крики Боба и мистера Кроннна не возвестили о близости остальных участников пикника.

Если пикник и удался, то только благодаря стараниям этого последнего. Из четырех участвовавших в пикнике мужчин трое были влюблены — пропорция не-

подходящая,— и мистеру Кроиииу приходилось поистине быть душой общества, чтобы поддержать веселье вопреки этому иеблагоприятиому обстоятельству. Очарованный Боб был всецело поглощеи мисс Маберли, бедияжка Элси прозябала в одиночестве, а оба моих поклонника были заняты тем, что попеременно свирепо смотрели то друг иа друга, то иа меия. Мистер Кронии, однако, мужествеино боролся с общим уныиием, был любезен со всеми и с одииаковым усердием обследовал развалины аббатства и откупоривал бутылки.

Кузен Сол был особеиио мрачен и угиетен. Он, коиечно, думал,что мы заранее сговорились с Джеком проехаться вдвоем. И, однако, в глазах его сквозило больше печали, чем злости, а Джек, должиа с огорчеиием заметить, был явно зол. Имеиио поэтому после завтрака, когда мы пошли гулять по лесу, я выбрала себе в спутники моего кузеиа. Джек держался с иевыиосимой самоувереииостью собствеиника, и я хотела раз и иавсегда положить этому конец. Сердилась я на него и за то, что он вообразил, будто я, отказав ему, его обидела, и за то, что ои пытался дурио говорить про бедиого Сола за его спиной. Я совсем не была влюблеиа ии в того, ии в другого, но мое детское представлеиие о честиой игре ие позволяло мие мириться с тем, чтобы кто-либо из моих поклоиииков прибегал к нечестиым приемам. Если бы не появился Джек, я, иавериое, в коице коицов приияла бы предложеиие кузена, но, с другой стороиы, если б не Сол, я бы иикогда не отказала Джеку. А сейчас они оба мие слишком иравились, чтобы предпочесть одного другому. «Чем же все это коичится?» — думала я. Надо иа что-то решиться, а быть может, лучше выждать и посмотреть, что прииесет будущее.

Сол немиюго удивился, когда я выбрала в спутники его, но принял мое приглашеиие с благодариой улыбкой. Он, иесомнеиио, испытал большое облегчеиие.

— Зиачит, я не потерял тебя, Нелл,— пробормотал ои, когда голоса остальных уже все глуше долетали до иас из-за громадиых деревьев.

— Никто ие может потерять меия,— сказала я,— потому, что пока меия еще иикто ие завоевал. Пожалуйста,

не надо об этом. Почему ты не можешь говорнть просто, без противной сентимеитальностн, как говорил два года назад.

— Когда-ннбудь ты это узнаешь, Нелл,— с укором ответил мне Сол.— Когда влюбншься сама, тогда ты поймешь.

Я недоверчиво фыркнула.

— Прнсядь, Нелл, вот тут,— сказал кузеи Сол, подведя меня к прнгорку, поросшему мхом н земляникой, н сам прнстраиваясь рядом на пеньке.— Я только прошу тебя ответнть мне на иесколько вопросов и больше не стану тебе надоедать.

Я покорно уселась, сложнв ладонн на коленях.

— Ты обручена с лейтенантом Хоторном?

— Нет,— решнтельно ответила я.

— Он тебе иравится больше, чем я?

— Нет, не больше.

Термометр счастья Сола сделал скачок вверх до ста градусов в тени, не меньше.

— Значнт, Неллн, я тебе иравлюсь больше? — сказал он очень иежно.

— Нет.

Температура снова упала до нуля.

— Ты хочешь сказать, что для тебя мы оба совсем одинаковы?

— Да.

— Но ведь когда-ннбудь тебе прндется сделать выбор, ты эиаешь,— сказал кузен Сол с легким укором.

— Ну до чего же хочется, чтобы вы мне не надоедали!— воскликнула я, рассерднвшнсь, как частенько делают жеищнны, когда они ие правы.— Обо мие вы совсем не думаете, не то бы вы меия не терзалн. Вы вдвоем доведете меня до сумасшествия.

Тут я начала всхлнпывать, а баркеровская фракция, потерпев пораженне, прншла в совершеннейшее смятенне.

— Пойми же, Сол,— сказала я, улыбаясь сквозь слезы при внде его горестной фнзиономнн.— Ну представь себе, что ты вырос вместе с двумя девочкамн н обенх очеиь полюбил, но ннкогда не предпочитал одну другой и не помышлял женнться на одной нз ннх. И вдруг

тебе говорят, что ты должен выбрать одну и тем самым сделать очень несчастной другую. Так, по-твоему, это легко сделать?

— Наверное, нет,— сказал студент.

— Тогда ты не можешь меня винить.

— Я не виню тебя, Нелли,— ответил он, ударив тростью по громадной лиловой поганке.— Я думаю, ты совершенно права, желая разобраться в своих чувствах. По-моему,— продолжал он, с запинкой, но честно высказывая свои мысли, как и подобает истинному английскому джентльмену, каким он и был,— по-моему, Хотори — отличный малый. Он повидал на своем веку гораздо больше моего и всегда говорит и делает именно то, что надо, а мне этого как раз и недостает. Он из прекрасной семьи, перед ним открыто хорошее будущее. Я могу быть тебе только благодарен, Нелл, за твои колебания,— они говорят о твоей доброте.

— Давай никогда больше об этом не говорить,— сказала я, а сама подумала: насколько же он благороднее того, кого хвалил.— Смотри, я весь жакет выпачкала этими мерзкими поганками. Не лучше ль нам присоединиться к остальным? Интересно, где они сейчас?

Вскоре мы это узнали. Сначала мы услышали разносившиеся по длинным просекам крики и смех, а когда пошли в ту сторону, с изумлением увидели, что всегда флегматичная Элси, как стрела, несется по лесу — шляпа у сестры слетела, волосы развеваются по ветру. Сначала я подумала, что стряслось что-нибудь ужасное — вдруг на нее напали разбойники или бешеная собака,— и я заметила, что сильная рука моего спутника крепко стиснула трость. Но тут же выяснилось, что ничего трагического не произошло, а просто неутомимый мистер Кронин затеял игру в прятки. Как весело было нам бегать и прятаться среди хазерлейских дубов! А как ужаснулся бы старик аббат, посадивший эти дубы, и многие поколения облаченных в черные рясы монахов, бормотавших в их благодатной тени свои молитвы! Джек, сославшись на вывихнутую лодыжку, играть в прятки отказался и, полный негодования, лежал, покуривая в тени, бросая недобрые взгляды на мистера Соломона Баркера, а этот джентльмен с азартом участвовал в игре и отли-

чался тем, что его все время ловили, сам же он никого ни разу не поймал.

Бедный Джек! В этот день ему, несомненно, не везло. Я думаю, что происшествие, случившееся на обратном пути, могло бы выбить из колен даже поклонника, которому ответили взаимностью. Двуколку с пустыми корзинами уже отправили домой, и было решено, что все пойдут пешком полями. Едва мы перебрались через перелаз, собираясь пересечь участок в десять акров, принадлежавший старику Брауну, как вдруг мистер Кронин остановился и сказал, что лучше нам идти по дороге.

— По дороге? — спросил Джек.— Чепуха! Полем мы сократим себе путь на целых четверть мили.

— Да, но это весьма опасно. Лучше обойти.

— Что ж нам грозит? — спросил наш воин, презрительно покручивая свой ус.

— Да ничего особенного,— отвечал Кронин.— Вон то четвероногое, что стоит посреди поля — бык, и не слишком-то добродушный. Только и всего. Полагаю, что нельзя позволить идти туда дамам.

— Мы и не пойдем,— хором заявили дамы.

— Так идемте вдоль изгороди к дороге,— предложил Сол.

— Вы идите, где хотите,— холодно сказал Джек,— а я пойду через поле.

— Не валяй дурака,— сказал мой брат.

— Вы, друзья, считаете возможным спасовать перед старой коровой, но я так не считаю. Я должен сохранить к себе уважение. Поэтому я присоединюсь к вам по ту сторону фермы.

С этими словами Джек свирепо застегнул на все пуговицы свой сюртук, легко взмахнул тростью и небрежной походкой двинулся через участок Брауна.

Мы столпились около перелаза и с тревогой следили за ним. Джек старался показать, что он целиком поглощен окружающим ландшафтом и погодой: он с безразличным видом смотрел по сторонам и на облака. Однако его взгляд в конце концов обязательно обращался на быка. Животное, уставившись на незваного гостя, попятилось в тень изгороди, а Джек стал пересекать поле.

— Все в порядке,— сказала я.— Бык уступил ему дорогу.

— А по-моему, бык его заманивает,— сказал мистер Николас Кронин.— Это злобная, хитрая тварь.

Мистер Кронин не успел договорить, как бык отошел от изгороди, стал рыть копытом землю и замотал своей страшной черной головой. Джек, который достиг уже середины поля, притворился, будто не замечает этого маневра, однако слегка ускорил шаг. Затем бык быстро описал два-три круга, внезапно остановился, замычал, опустил голову, поднял хвост и со всех ног устремился к Джеку. Притворяться дальше и не замечать быка было бессмысленно. Джек обернулся и посмотрел на врага. На него неслось полтонны рассвирепевшего мяса, а у него в руке была лишь тонкая тросточка, и Джек сделал единственное, что ему оставалось,— поспешил к изгороди на противоположном конце поля.

Сначала он не снизошел до бега и двинулся небрежной рысцой — это был своего рода компромисс между страхом и чувством собственного достоинства, но зрелище было такое нелепое, что, несмотря на испуг, мы все дружно расхохотались. Однако слыша, что стук копыт раздается все ближе, Джек ускорил шаг и в конце концов он уже мчался во весь дух. Шляпа у него слетела, фалды сюртука развевались на ветру, а враг был от него уже в десяти ярдах. Если бы за ним гналась вся конница Аюб-хана, наш афганский герой не смог бы проворнее преодолеть оставшееся расстояние. Как ни быстро он бежал, бык мчался еще быстрее, и оба достигли изгороди почти одновременно. Джек отважно прыгнул в кусты и через мгновенье вылетел из них, как ядро из пушки, бык же просунул в образовавшуюся дыру морду, и воздух несколько раз огласился его торжествующим ревом. Мы с облегчением увидели, как Джек поднялся и, не обернувшись в нашу сторону, пошел домой. Когда мы добрались туда, он уже ушел к себе в комнату и только на другой день вышел, прихрамывая, к завтраку с весьма удрученным видом. Однако ни у кого из нас не хватило жестокости напомнить Джеку о вчерашнем происшествии, так что благодаря нашей тактичности он еще до второго завтрака обрел свое обычное хладнокровие.

Дня через два после пикника настало время сделать ставки на дерби. Эту ежегодную церемонию в Хазерлихаус никогда не пропускали, и желающих приобрести билеты из числа гостей и соседей обычно набиралось столько же, сколько записано было лошадей на скачках.

— Дамы и господа, сегодня вечером будем ставить на дерби,— объявил Боб как глава дома.— Цена билета — десять шиллингов, второй выигравший получает четверть всей суммы, а третьему возвращается его ставка. Каждый может приобрести лишь один билет, и никто не имеет права свой билет продавать. Тянуть билеты будем в семь часов.

Все это Боб произнес весьма напыщенно и официально, но звучное «аминь!», которым заключил его речь мистер Николас Кронин, сильно испортило весь эффект.

Тут я должна на время отказаться от повествования в первом лице. До сих пор я брала отдельные записи из своего дневника, но теперь я должна описать сцену, о которой мне рассказали лишь много месяцев спустя.

Лейтенант Хоторн, или Джек,— не могу удержаться, чтоб не называть его так,— со дня нашего пикника стал очень молчалив и задумчив. И вот случилось так, что в тот день, когда ставили на дерби, мистер Соломон Баркер, прохаживаясь после второго завтрака, забрел в курительную и обнаружил в ней лейтенанта, который сидел в торжественном одиночестве на одном из диванов и курил, погрузившись в размышления. Уйти означало бы проявить трусость, и студент, молча усевшись, стал перелистывать «График». Оба соперника немного растерялись. Они привыкли избегать друг друга, а теперь неожиданно оказались лицом к лицу, и не было никого третьего, чтобы послужить буфером. Молчание становилось гнетущим. Лейтенант зевнул и с подчеркнутым безразличием кашлянул, а честный Сол чувствовал себя крайне неловко и угрюмо глядел в газету. Тиканье часов и стук бильярдных шаров по ту сторону коридора казались теперь нестерпимо громкими и назойливыми. Сол бросил взгляд на Джека, но его сосед проделал то же самое, и обоих юношей сразу же необычайно заинтересовал лепной карниз.

«Почему я должен с ним ссориться? — подумал Сол. — В конце концов я ведь только хочу, чтобы игра была честной. Возможно, он меня оборвет, но я могу дать ему повод к разговору».

Сигара у Сола потухла — такой удобный случай нельзя было упустить.

— Не будете ли вы любезны, лейтенант, дать мне спички? — спросил он.

Лейтенант выразил сожаление — он крайне сожалеет, но спичек у него нет.

Начало оказалось плохим. Холодная вежливость была еще более отвратительна, чем откровенная грубость. Но мистер Соломон Баркер, как многие застенчивые люди, раз сломав лед, вел себя очень смело. Он не желал больше никаких намеков или недомолвок. Настало время прийти к какому-то соглашению. Он передвинул свое кресло через всю комнату и расположился напротив ошеломленного воина.

— Вы любите мисс Нелли Монтегю? — спросил Сол.

Джек соскочил с дивана так проворно, словно в окне показался бык фермера Брауна.

— Если даже и так, сэр, — сказал он, крутя свой рыжеватый ус, — какое, черт побери, до этого дело вам?

— Успокойтесь, — сказал Сол. — Садитесь и обсудим все, как разумные люди. Я тоже ее люблю.

«Куда, черт побери, гнет этот малый?» — размышлял Джек, усаживаясь на прежнее место и все еще с трудом сдерживаясь после недавней вспышки.

— Короче говоря, мы любим ее оба, — объявил Сол, подчеркивая сказанное взмахом своего тонкого пальца.

— Так что же? — сказал лейтенант, проявляя некоторые симптомы нарастающего гнева. — Я полагаю, победит достойнейший, и мисс Монтегю вполне в состоянии сама сделать выбор. Ведь не рассчитывали же вы, что я откажусь от борьбы только потому, что и вы хотите завоевать приз?

— В том-то и дело! — воскликнул Сол. — Один из нас должен отказаться от борьбы. В этом вы совершенно правы. Понимаете, Нелли — то есть мисс Монтегю, — насколько я могу судить, гораздо больше нравитесь вы,

чем я, но она достаточно расположена ко мне и не хочет огорчать меня решительным отказом.

— По совести говоря,— сказал Джек уже более миролюбиво,— Нелли — то есть мисс Монтегю — гораздо больше нравитесь вы, чем я; но все же, как вы выразились, она достаточно расположена ко мне, чтобы в моем присутствии не предпочитать открыто моего соперника.

— Полагаю, что вы ошибаетесь,— возразил студент.— То есть, я это определенно знаю — она сама мне об этом говорила. Тем не менее сказанное поможет нам договориться. Ясно одно: пока оба мы показываем, что в равной мере любим ее, ни один из нас не имеет ни малейшей надежды на успех.

— Вообще-то это разумно,— задумчиво заметил лейтенант,— но что же вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы один из нас, говоря вашими словами, отказался от борьбы. Другого выхода нет.

— Но кто же из нас? — спросил Джек.

— В том-то и дело!

— Я могу сказать, что познакомился с ней раньше, чем вы.

— Я могу сказать, что полюбил ее раньше, чем вы.

Казалось, дело зашло в тупик. Ни тот, ни другой не имел ни малейшего намерения уступить сопернику.

— Послушайте, так бросим жребий,— сказал студент.

Это казалось справедливым, и оба согласились. Но тут обнаружилась новая трудность. Нежные чувства не позволили им доверить судьбу своего ангела такой случайности, как полет монетки или длина соломинки. И в этот критический момент лейтенанта Хоторна осенило.

— Я знаю, как мы это решим,— сказал он.— И вы и я собираемся ставить на дерби. Если ваша лошадь обойдет мою, я слагаю оружие, если же моя обойдет вашу, вы бесповоротно откажетесь от мисс Монтегю. Согласны?

— При одном условии,— сказал Сол.— До скачек еще целых десять дней. В течение этого времени ни один

из нас не будет пытаться завоевать расположение Нелли в ущерб другому. Мы должны договориться, что, пока дело не решено, ни вы, ни я не станем за ней ухаживать.

— Идет! — сказал воин.

— Идет! — сказал Соломон.

И они скрепили договор рукопожатием.

Как я уже упомянула, я не знала об этом разговоре моих поклонников. В скобках замечу, что в это время я была в библиотеке, где мистер Николас Кронин читал мне своим низким, мелодичным голосом стихи Теннисона. Однако вечером я заметила, что оба молодых человека очень волновались, делая ставки на лошадей, и не проявляли ни малейшего намерения быть любезными со мной, и я рада заметить, что судьба их покарала — они вытянули явных аутсайдеров. По-моему, лошадь, на которую поставил Сол, звали Эвридикой, а Джек поставил на Велосипеда. Мистер Кронин вытянул американскую лошадь по кличке Ирокез, а все остальные, кажется, остались довольны. Перед тем как идти спать, я заглянула в курительную, и мне стало смешно, когда я увидела, что Джек изучает спортивные предсказания в «Филде», в то время как внимание Сола целиком поглотила «Газета». Это внезапное увлечение скачками показалось мне тем более странным, что кузен Сол, как мне было известно, едва мог отличить лошадь от коровы — и то к некоторому удивлению своих друзей.

Многие из обитателей нашего дома нашли, что последующие десять дней тянулись невыносимо медленно. Однако я этого мнения не разделяла. Возможно, потому, что за это время случилось нечто весьма неожиданное и приятное. Было таким облегчением не бояться больше ранить чувства моих прежних поклонников. Теперь я могла делать и говорить что хотела — ведь они совершенно покинули меня и предоставили мне проводить время в обществе моего брата Боба и мистера Николаса Кронина. Увлечение скачками, казалось, совершенно изгнало из их сердец прежнюю страсть. Никогда еще наш дом не наводняло столько специальных, полученных частным образом. сведений и всевозможных низкопробных газетенок, в которых могли оказаться ка-

кие-либо подробности относительно подготовленности лошадей и их родословной. Даже конюхи уже устали повторять, что Велосипед — сын Самоката, и объяснять жадно слушавшему студенту-медику, что Эвридика — дочь Орфея и Фурии.

Один из конюхов обнаружил, что бабушка Эвридики по материнской линии пришла третьей в гандикапе Эбора, но он так нелепо вставил полученные за эти сведения полкроны в левый глаз, а правым глазом так подмигнул кучеру, что достоверность его слов могла показаться сомнительной. К тому же вечером за кружкой пива он сказал шепотом:

— Этот дурак ни черта не смыслит,— думает, что за свои полкроны он от меня узнал правду.

Приближался день скачек, и волнение все возрастало. Мы с мистером Кронином переглядывались и улыбались, когда Джек и Сол за завтраком кидались на газеты и внимательно изучали котировку лошадей. Но все достигло кульминации вечером накануне дня скачек. Лейтенант побежал на станцию узнать последние новости и, запыхавшись, вернулся домой, размахивая, как сумасшедший, смятой газетой.

— Эвридику сняли! — крикнул он.— Ваша лошадь, Баркер, не бежит!

— Что? — взревел Сол.

— Не бежит — сухожилие полетело к чертям, и ее сняли!

— Дайте я взгляну,— простонал кузен, хватая газету, потом отшвырнул ее, бросился вон из комнаты и кинулся вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки. Мы увидели его только поздно вечером, когда он, весь взъерошенный, прокрался в дом и молча проскользнул в свою комнату. Бедняга! Я бы, конечно, ему посочувствовала, если бы он сам не поступил со мной так вероломно.

С этой минуты Джека как подменили. Он сразу же стал настойчиво за мной ухаживать, и это крайне раздражало меня и еще кое-кого в комнате. Джек играл, и пел, затевал игры — словом, узурпировал роль, которую обычно играл мистер Николас Кронин.

Помню, как поразило меня то обстоятельство, что утром того самого дня, когда происходили дерби, лейте-

наит совершенно перестал интересоваться скачкой. За завтраком он был в отличнейшем расположении духа, но даже не развернул лежавшую перед ним газету. Именно мистер Кронин наконец раскрыл и просмотрел ее.

— Что нового, Ник? — спросил мой брат Боб.

— Ничего особенного. Ах, нет, вот кое-что. Еще один несчастный случай на железной дороге. По-видимому, столкновение, отказали тормоза. Двое убитых, семеро раненых и — черт побери! Послушайте-ка: «Среди жертв оказалась и одна из участниц сегодняшней конской Олимпиады. Острая щепка проткнула ей бок, и из чувства гуманности пришлось положить конец страданиям ценного животного. Лошадь звали Велосипед». Э, да вы, Хоторн, опрокинули свой кофе и залили всю скатерть. Ах! Я и забыл — Велосипед был вашей лошадью, не так ли? Боюсь, у вас нет больше шансов. Теперь фаворитом стал Ирокез, который вначале почти не котировался.

Это были пророческие слова, как, несомненно, подсказывала вам, читатель, по крайней мере на протяжении последних трех страниц ваша проницательность.

Но прежде, чем назвать меня легкомысленной кокеткой, взвесьте тщательно факты. Вспомните, как было задето мое самолюбие, когда мои поклонники внезапно меня бросили; представьте себе мой восторг, когда я услышала признание от человека, которого я любила, хотя даже самой себе боялась в этом признаться. И не забудьте, какие возможности открылись перед ним после того, как Джек и Сол, соблюдая свой глупый уговор, стали меня всячески избегать. Взвесьте все, и кто тогда первым бросит камень в маленький скромный приз, который разыгрывали в тот раз на дерби?

Вот как выглядело это через три коротких месяца в «Морнинг-пост»:

«12 августа в Хазерлейской церкви состоится бракосочетание Николоса Кронина, эсквайра, старшего сына Николаса Кронина, эсквайра, Будлендс Кропшир, с мисс Элеонорой Монтегю, дочерью покойного Джеймса Монтегю, эсквайра, мирового судьи Хазерлихаус».

Джек уехал, объявив, что собирается отправиться на Северный полюс с экспедицией воздухоплавателей. Однако через три дня он вернулся и сказал, что передумал,— он намерен по примеру Стенли пешком пересечь экваториальную Африку. С тех пор несколько раз он грустно намекал на свои разбитые надежды и несказанные радости смерти, но, в общем, заметно оправился и в последнее время иногда ворчал: то баранина не дожарена, то бифштекс пережарен, а это симптомы весьма обнадеживающие.

Сол воспринял все гораздо спокойнее, но боюсь, что сердечная рана его была глубже. Однако он взял себя в руки, как славный мужественный юноша, каким он и был, и даже, собравшись с духом, за свадебным завтраком предложил тост за подружек невесты, но безнадежно запутался в торжественных словах и сел на место; все зааплодировали, а он покраснел до ушей. Я узнала, что он поведал о своем горе и разочаровании сестре Грейс Маберли и нашел у нее желанное сочувствие. Боб и Грейс поженятся через несколько месяцев, так что надо готовиться к новой свадьбе.

НОМЕР 249

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлса и преподобного Пламптри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершенно выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светильники науки, определить их можно лишь приблизительно и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, околь-

ных троп, по которым способен бродить человеческий дух.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы, густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща — будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На нее выходят две площадки, а третья завершает; ее ступени истерты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своем пути эти впадины. От облаченных в длинные мантии, педантичных школяров времен Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох — какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища стершаяся надпись, да еще, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но цела безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой еще можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем — будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили три молодых человека. Каждый занимал две комнаты — спальню и гостиную,— выходившие на площадки старой лестницы. В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлс, в обязанности которого входило прислуживать трем верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Беллингем — под ним, а Уильям Монкхауз Ли — внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решетку

камнна ногн и покурнвая трубку. По другую стороиу камнна в таком же кресле и столь же удобно расположнлся старый школьный товарнщ Смита Джефро Хасти. Вечер молодые люди провели иа реке и потому были в спортнвных костюмах, ио н, помимо этого, стоило взглянуть на их жнвые, энергичные лица, как становилось ясно,— оба много бывают иа воздухе, их влечет и занимает все, что по плечу людям отважным и сильным. Хасти н в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смнт был гребцом еще более сильным, но тень прнблнжающнхся экзаменов уже легла иа него, и сейчас он усердно заинмался, уделяя спорту лишь несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды кннг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомнческие таблицы объясняли, что именно н в каком объеме изучал Смнт, а висевшие иад каминной полкой учебные рапиры и боксерские перчатки иамекали на способ, посредством которого Смнт с помощью Хастн мог наиболее эффективио, тут же, иа месте, заниматься спортом. Оин были большими друзьями, иастолько большими, что теперь сидели, погрузившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

— Налей себе внски,— сказал иаконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит.— Шотландское в графине, а в бутыле— ирландское.

— Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?

— Деиь н иочь заинмаюсь. Пожалуй, обойдемся без внскн.

Хасти кивиул, и оба умнротвореиио умолкли.

— Кстати, Смит,— заговорил вскоре Хасти,— ты уже позиакомился со своими соседями?

— Прн встрече киваем друг другу. И только.

— Хм. По-моему, лучше этнм и ограиичиться. Мне кое-что нзвестио про инх обоих. Не много, ио и этого довольио. На твоем месте я бы ие стал с ними близко сходиться. Правда, о Монкхаузе Ли иичего дурного сказать нельзя.

— Ты нмеешь в внду худого?

— Именно. Ои вполне джентльмеи н человек поря-

дочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Беллингемом.

— Ты имеешь в виду толстяка?

— Да, его. А с таким субъектом я бы не стал знакомиться.

Аберкромб Смит удивленно поднял брови и посмотрел на друга.

— А что такое? — спросил он.— Пьет? Картежник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.

— Сразу видно, что ты с ним незнаком, не то бы не спрашивал. Есть в нем что-то гнусное, змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предается тайным порокам — зловещий человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных — такого знатока еще не бывало в колледже.

— Медицина или классическая филология?

— Восточные языки. Тут он сущий дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле, у вторых порогов, Беллингем болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями — по-древнееврейски, с бедуинами — по-арабски, и они были готовы целовать край его плаща. Там еще не перевелись старики отшельники — сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев. Но, едва завидев Беллингема — он и двух слов сказать не успел,— они сразу же начинали ползать на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного. А Беллингем принимал все как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Не дурно для студента нашего колледжа, а?

— А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Беллингемом?

— Беллингем помолвлен с его сестрой Эвелиной. Прелестная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Аберкромб Смит ухмыльнулся и выколотил трубку об решетку камина.

— Вот ты, старина, и выдал себя с головой. Какой ты жуткий ревнивец! Право же, только поэтому ты на него и злишься.

— Верно. Я знал ее еще ребенком, и мне горько видеть, как она рискует своим счастьем. А она рискует. Выглядит он мерзостно. И характер у него мерзкий, злобный. Помнишь его историю с Лонгом Нортоном?

— Нет. Ты все забываешь, что я тут человек новый.

— Да-да, верно, это ведь случилось прошлой зимой. Ну так вот, знаешь тропу вдоль речки? Шли как-то по ней несколько студентов, Беллингем впереди всех, а навстречу им — старуха, рыночная торговка. Лил дождь, а тебе известно, во что превращаются там поля после ливня. Тропа шла между речкой и громадной лужей, почти с реку шириной. И эта свинья, продолжая идти посреди тропинки, столкнул старушку в грязь. Представляешь, во что превратилась она сама и весь ее товар? Такая это была мерзость, и Лонг Нортон, человек на редкость кроткий, откровенно высказал ему свое мнение. Слово за слово, а кончилось тем, что Нортон ударил Беллингема тростью. Скандал вышел грандиозный, и теперь прямо смех берет, когда видишь, какие кровожадные взгляды бросает Беллингем на Нортона при встрече. Черт побери, Смит, уже почти одиннадцать!

— Не спеши. Выкури еще трубку.

— Не могу. Я ведь тренируюсь. Мне бы давно надо спать, а я сижу тут у тебя и болтаю. Если можно, я позаимствую твой череп. Мой взял на месяц Уильямс. Я прихвачу и твои ушные кости, если они тебе на самом деле не нужны. Премного благодарен. Сумка мне не понадобится, прекрасно донесу все в руках. Спокойной ночи, сын мой, да не забывай, что я тебе сказал про соседа.

Когда Хасти, прихватив свою анатомическую добычу, сбежал по винтовой лестнице, Аберкромб Смит швырнул трубку в корзину для бумаг и, придвинув стул поближе к лампе, погрузился в толстый зеленый том, украшенный огромными цветными схемами таинственного царства наших внутренностей, которым каждый из нас тщетно пытается править. Хоть и новичок в Оксфорде, наш студент не был новичком в медицине — он уже четыре года занимался в Глазго и Берлине, и предстоящий экзамен обещал ему диплом врача.

Решительный рот, большой лоб, немного грубоватые черты лица говорили о том, что если владелец их и не наделен блестящими способностями, то его упорство, терпение и выносливость, возможно, позволят ему затмить таланты куда более яркие. Того, кто сумел поставить себя среди шотландцев и немцев, затереть не так-то просто. Смит хорошо зарекомендовал себя в Глазго и Берлине и решил упорным трудом создать себе такую же репутацию в Оксфорде.

Он читал почти час, и стрелки часов, громко тикавших на столике в углу, уже почти сошлись на двенадцати, когда до слуха Смита внезапно донесся резкий, пронзительный звук, словно кто-то в величайшем волнении, задохнувшись, со свистом втянул в себя воздух. Смит отложил книгу и прислушался. По сторонам и над ним никого не было, а значит, помешавший ему звук мог раздаться только у нижнего соседа — у того самого, о котором так нелестно отзывался Хасти. Для Смита этот сосед был всего лишь обрюзгшим, молчаливым человеком с бледным лицом; правда, очень усердным: когда сам он уже гасил лампу, от лампы соседа продолжал падать из окна старой башни золотистый луч света. Эта общность поздних занятий походила на какую-то безмолвную связь. И глубокой ночью, когда уже близился рассвет, Смиту было отрадно сознавать, что где-то рядом кто-то столь же мало дорожит сном, как и он. И даже сейчас, обратившись мыслями к соседу, Смит испытывал к нему добрые чувства. Хасти — человек хороший, но грубоватый, толстокожий, не наделенный чуткостью и воображением. Всякое отклонение от того, что казалось ему образцом мужественности, его раздражало. Для Хасти не существовали люди, к которым не подходили мерки, принятые в закрытых учебных заведениях. Как и многие здоровые люди, он был склонен видеть в телосложении человека признаки его характера и считать проявлением дурных наклонностей то, что на самом деле было просто недостаточно хорошим кровообращением. Смит, наделенный более острым умом, знал эту особенность своего друга и помнил о ней, когда обратился мыслями к человеку, проживавшему внизу.

Странный звук больше не повторялся, и Смит уже принялся было снова за работу, когда в ночной тишине

раздался хриплый крик, вернее, вопль — зов до смерти испуганного, не владеющего собой человека. Смит вскочил на ноги и уронил книгу. Он был не робкого десятка, но в этом внезапном крике ужаса прозвучало такое, что кровь у него застыла в жилах и по спине побежали мурашки. Крик прозвучал в таком месте и в такой час, что на ум ему пришли тысячи самых невероятных предположений. Броситься вниз или же подождать? Как истый англичанин, Смит терпеть не мог оказываться в глупом положении, а соседа своего он знал так мало, что вмешаться в его дела было для него совсем не просто. Но пока он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить, на лестнице послышались торопливые шаги, и Монкхауз Ли, в одном белье, бледный как полотно, вбежал в комнату.

— Бегите скорее вниз! — задыхаясь, крикнул он.— Беллингему плохо.

Аберкромб Смит бросился следом за Ли по лестнице в гостиную, расположенную под его гостиной, однако как ни был он озабочен случившимся, переступив порог, он невольно с удивлением оглядел ее. Такой комнаты он еще никогда не видывал — она скорее напоминала музей. Стены и потолок ее сплошь покрывали сотни разнообразных диковинок из Египта и других восточных стран. Высокие угловатые фигуры с ношей или оружием в руках шествовали вокруг комнаты, напоминая нелепый фриз. Выше располагались изваяния с головой быка, аиста, кошки, совы и среди них, увенчанные змеями, владыки с миндалевидными глазами, а также странные, похожие на скарабеев божества, вырезанные из голубой египетской ляпис-лазури. Из каждой ниши, с каждой полки смотрели Гор, Изида и Озирис, а под потолком, разинув пасть, висел в двойной петле истинный сын древнего Нила — громадный крокодил.

В центре этой необычайной комнаты стоял большой квадратный стол, заваленный бумагами, склянками и высушенными листьями какого-то красивого, похожего на пальму растения. Все это было сдвинуто в кучу, чтобы освободить место для деревянного футляра мумии, который отодвинули от стены — около нее было пустое пространство — и поставили на стол. Сама мумия —

страшная, черная и высохшая, похожая на сучковатую обуглившуюся головешку, была наполовину вынута из футляра, напоминавшая птичью лапу рука лежала на столе. К футляру был прислонен древний, пожелтевший свиток папируса, и перед всем этим сидел в деревянном кресле хозяин комнаты. Голова его была откинута, полный ужаса взгляд широко открытых глаз прикован к висящему под потолком крокодилу, синие, толстые губы при каждом выдохе с шумом выпячивались.

— Боже мой! Он умирает! — в отчаянии крикнул Монкхауз Ли.

Ли был стройный красивый юноша, темноглазый и смуглый, больше похожий на испанца, чем на англичанина, и присущая ему кельтская живость резко контрастировала с саксонской флегматичностью Аберкромба Смита.

— По-моему, это всего лишь обморок,— сказал студент-медик.— Помогите-ка мне. Беритесь за ноги. Теперь положим его на диван. Можете вы скинуть на пол все эти чертовы деревяшки? Ну и кавардак! Сейчас расстегнем ему воротник, дадим воды, и он очнется. Чем он тут занимался?

— Не знаю. Я услышал его крик. Прибежал к нему. Мы ведь близко знакомы. Очень любезно с вашей стороны, что вы спустились к нему.

— Сердце стучит, словно кастаньеты,— сказал Смит, положив руку на грудь Беллингема.— По-моему, что-то его до смерти напугало. Облейте его водой. Ну и лицо же у него!

И действительно, странное лицо Беллингема казалось необычайно отталкивающим, ибо цвет и черты его были совершенно противоестественными. Оно было белым, но то не была обычная при испуге бледность, нет, то была абсолютно бескровная белизна — как брюхо камбалы. Полное лицо это, казалось, было раньше еще полнее — сейчас кожа на нем обвисла складками, и его покрывала густая сеть морщин. Темные, короткие, непокорные волосы стояли дыбом, толстые морщинистые уши оттопыривались. Светлые серые глаза были открыты, зрачки расширены, в застывшем взгляде читался ужас. Смит смотрел, и ему казалось, что никогда

еще иа лице человека не проступали так явствеиио прнзнаки порочной натуры, и он уже более серьезно отиесся к предупреждению, полученному час назад от Хасти.

— Что же, черт поберн, могло его так напугать? — спросил ои.

— Мумня.

— Мумня? Как так?

— Не зиаю. Она отвратнтельная, и в ней есть что-то жуткое. Хоть бы он с ией расстался! Уж второй раз пугает меия. Прошлой знмой случнлось то же самое. Я застал его в таком же состоянии — н тогда перед инм была эта мерзкая штука.

— Но зачем же ему эта мумня?

— Видите лн, он человек с прнчудами. Это его страсть. О такнх вещах он в Англин знает больше всех. Да только, по-моему, лучше бы ему не знать! Ах, он, кажется, иачннает прнходнть в себя!

На мертвеино бледных щеках Беллнигема стали медлеино проступать жнвые краскн, н векн его дрогнулн, как вздрагнвает парус прн первом порыве ветра. Он сжал н разжал кулаки, со свистом втянул сквозь зубы воздух, затем резко вскинул голову н уже осмысленно оглядел комнату. Когда взгляд его упал иа мумню, он вскочнл, схватил свнток папнруса, сунул его в ящик стола, запер на ключ н, пошатываясь, побрел назад к днвану.

— Что случнлось? Что вам тут надо?

— Ты крнчал и подиял ужасиый тарарам,— ответил Моикхауз Лн.— Еслн б не прншел наш верхннй сосед, не зиаю, что бы я один стал с тобой делать.

— Ах, так это Аберкромб Смит! — сказал Беллингем, глядя на Смнта.— Очень любезно, что вы прншли. Какой же я дурак! О господн, какой дурак!

Он закрыл лнцо рукамн и разразнлся нстерическим смехом.

— Послушайте! Перестаньте! — закрнчал Смнт, грубо тряся Беллиигема за плечо.— Нервы у вас совсем расшатались, вы должны прекратить этн ночные развлечеиия с мумней, не то совсем рехнетесь. Вы и так уже на пределе.

— Интересно,— начал Беллингем,— сохранили бы вы на моем месте хоть столько хладнокровия, если бы...

— Что?

— Да так, ничего. Просто интересно, смогли бы вы без ущерба для своей нервной системы просидеть целую ночь наедине с мумией. Но вы, конечно, правы. Пожалуй, я действительно за последнее время подверг свои нервы слишком тяжким испытаниям. Но теперь уже все в порядке. Только не уходите. Побудьте здесь несколько минут, пока я совсем не приду в себя.

— В комнате очень душно,— заметил Ли и, распахнув окно, впустил свежий ночной воздух.

— Это бальзамическая смола,— сказал Беллингем.

Он взял со стола один из сухих листьев и подержал его над лампой,— лист затрещал, взвилось кольцо густого дыма, и комнату наполнил острый, едкий запах.

— Это священное растение — растение жрецов,— объяснил Беллингем.— Вы, Смит, хоть немного знакомы с восточными языками?

— Совсем не знаком. Ни слова не знаю.

Услыхав это, египтолог, казалось, почувствовал облегчение.

— Между прочим,— продолжал он,— после того как вы прибежали, сколько я еще пробыл в обмороке?

— Недолго. Минут пять.

— Я так и думал, что это не могло продолжаться слишком долго,— сказал Беллингем, глубоко вздохнув.— Какое странное явление — потеря сознания! Его нельзя измерить. Мои собственные ощущения не могут определить, длилось оно секунды или недели. Взять хотя бы господина, который лежит на столе. Умер он в эпоху одиннадцатой династии, веков сорок назад, но если бы к нему вернулся дар речи, он бы сказал нам, что закрыл глаза всего лишь миг назад. Мумия эта, Смит, необычайно хороша.

Смит подошел к столу и окинул темную скрюченную фигуру профессиональным взглядом. Черты лица, хоть и неприятно бесцветные, были безупречны, и два маленьких, напоминающих орехи глаза все еще прятались в темных провалах глазных впадин. Покрытая пятнами кожа туго обтягивала кости, и спутанные пряди

жестких черных волос падали на уши. Два острых, как у крысы, зуба прикусили сморщившуюся нижнюю губу. Мумия словно вся подобралась — руки были согнуты, голова подалась вперед, во всей ее ужасной фигуре угадывалась скрытая сила — Смиту стало жутко. Были видны истончавшие, словно пергаментом покрытые ребра, ввалившийся, свинцово-серый живот с длинным разрезом — след бальзамирования,— но нижние конечности были спеленаты грубыми желтыми бинтами. Тут и там на теле и внутри футляра лежали веточки мирра и кассии.

— Не знаю, как его зовут,— сказал Беллингем, проведя рукой по ссохшейся голове.— Видите ли, саркофаг с письменами утерян. Номер 249 — вот и весь его нынешний титул. Смотрите, вот он обозначен на футляре. Под таким номером он значился на аукционе, где я его приобрел.

— В свое время он был не из последнего десятка,— заметил Аберкромб Смит.

— Он был великаном. В мумии шесть футов семь дюймов. Там он слыл великаном: ведь египтяне никогда не были особенно рослыми. А пощупайте эти крупные, шишковатые кости! С таким молодцом лучше было не связываться.

— Возможно, эти самые руки помогали укладывать камни в пирамиды,— предположил Монкхауз Ли, с отвращением рассматривая скрюченные пальцы, похожие на когти хищной птицы.

— Вряд ли,— ответил Беллингем.— Его погружали в раствор натронных солей и очень бережно за ним ухаживали. С простыми каменщиками так не обходились. Обыкновенная соль или асфальт были для них достаточно хороши. Подсчитано, что такие похороны стоили бы на наши деньги около семисот тридцати фунтов стерлингов. Наш друг по меньшей мере принадлежал к знати. А как по-вашему, Смит, что означает эта короткая надпись на его ноге у ступни?

— Я уже сказал вам, что не знаю восточных языков.

— Ах, да, верно. По-моему, тут обозначено имя того, кто бальзамировал труп. И, вероятно, это был очень добросовестный мастер. Многое ли из того, что

создаио в наши дни, просуществует четыре тысячи лет?

Беллингем продолжал болтать быстро и иеприиуждеино, но Аберкромб Смит ясио видел, что его все еще переполияет страх. Руки Беллингема тряслись, нижияя губа вздрагнвала, и взгляд, куда бы он ни смотрел, опять обращался к его жуткому компаньону. Но, несмотря иа страх, в тоне н поведении Белльнигема сквозило торжество. Глаза египтолога сверкали, он бойко, иеприиуждениo расхаживал по комиате. Беллннгем походил иа человека, прошедшего сквозь тяжкое испытаиие, от которого он еще не совсем оправился, но которое помогло ему достичь поставленной цели.

— Неужели вы уходите? — воскликнул ои, увидев, что Смит подиялся с диваиа.

При мыслн, что сейчас ои останется один, к нему, казалось, вернулись все его страхи, и Беллиигем протянул руку, словио хотел задержать Смита.

— Да, мне пора. Я должен еще поработать. Вы уже совсем оправились. Думаю, что с такой нервиой системой вам бы лучше изучать что-иибудь не столь страшиое.

— Ну, обычио я ие теряю хладиокровия. Мне н раньше приходилось распелеиывать мумии.

— В прошлый раз вы потеряли созианне,— заметил Монкхауз Ли.

— Да, верно. Надо заияться иервами—поприиимать лекарства илн подлечиться электричеством. Вы ведь не уходите, Лн?

— Я в вашем распоряжении, Нэд.

— Тогда я спущусь к вам и устроюсь у вас на днваие. Спокойной ночи, Смит. Очень сожалею, что нз-за моей глупости пришлось вас потревожить.

Они обмеиялись рукопожатием, и, подинмаясь по выщербленным ступеиям виитовой лестницы, студеит-медик услышал, как повериулся в двери ключ и его иовые знакомые спустились этажом ниже.

Так необычно состоялось знакомство Эдварда Беллинтема с Аберкромбом Смитом, и, по крайией мере, последний ие имел желаиия его поддерживать. А Беллии-

гем, казалось, напротив, проникся симпатией к своему резковатому соседу и проявлял ее в такой форме, что положить этому конец можно было, лишь прибегнув к откровенной грубости. Он дважды заходил к Смиту поблагодарить за оказанную помощь, а затем неоднократно заглядывал к нему, любезно предлагая книги, газеты и многое другое, чем могут поделиться холостяки-соседи. Смит вскоре обнаружил, что Беллингем — человек очень эрудированный, с хорошим вкусом, весьма много читает и обладает феноменальной памятью. А приятные манеры и обходительность мало-помалу заставили Смита привыкнуть к его отталкивающей внешности. Для переутомленного занятиями студента он оказался прекрасным собеседником, и немного погодя Смит обнаружил, что уже предвкушает посещения соседа и сам наносит ответные визиты.

Но хотя Беллингем был, несомненно, умен, студент-медик замечал в нем что-то ненормальное: иногда он разражался выспренними речами, которые совершенно не вязались с простотой его повседневной жизни.

— Как восхитительно,— восклицал он,— чувствовать, что можешь распоряжаться силами добра и зла,— быть ангелом милосердия или демоном отмщения!

А о Монкхаузе Ли он как-то заметил:

— Ли — хороший, честный, но в нем нет настоящего честолюбия. Он не способен стать сотоварищем человека предприимчивого и смелого. Он не способен стать мне достойным сотоварищем.

Выслушивая подобные намеки и иносказания, флегматичный Смит, невозмутимо попыхивая трубкой, только поднимал брови, качал головой и подавал незатейливые медицинские советы — пораньше ложиться спать и почаще бывать на свежем воздухе.

В последнее время у Беллингема появилась привычка, которая, как знал Смит, часто предвещает некоторое умственное расстройство. Он как будто все время разговаривал сам с собой. Поздно ночью, когда Беллингем уже не мог принимать гостей, до Смита доносился снизу его голос — негромкий, приглушенный монолог переходил иногда почти в шепот, но в ночной тишине он был отчетливо слышен.

Это бормотание отвлекало и раздражало студента, и он неоднократно высказывал соседу свое неудовольствие. Беллингем при этом обвинении краснел и сердито все отрицал; вообще же проявлял по этому поводу гораздо больше беспокойства, чем следовало.

Если бы у Смита возникли сомнения, ему не пришлось бы далеко ходить за подтверждением того, что слух его не обманывает. Том Стайлз, сморщенный старикашка, который с незапамятных времен прислуживал обитателям башни, был не менее серьезно обеспокоен этим обстоятельством.

— Прошу прощения, сэр,— начал он однажды утром, убирая верхние комнаты,— вам не кажется, что мистер Беллингем немного повредился?

— Повредился, Стайлз?

— Да, сэр. Головой повредился.

— С чего вы это взяли?

— Да как вам сказать, сэр. Последнее время он стал совсем другой. Не такой, как раньше, хоть он никогда и не был джентльменом в моем вкусе, как мистер Хасти или вы, сэр. Он до того пристрастился говорить сам с собой — прямо страх берет. Верно, это и вам мешает. Прямо не знаю, что и думать, сэр.

— Мне кажется, все это никак не должно касаться вас, Стайлз.

— Дело в том, что я здесь не совсем посторонний, мистер Смит. Может, я себе лишнее позволяю, да только я по-другому не могу. Иной раз мне кажется, что я своим молодым джентльменам и мать родная и отец. Случись что да как понаедут родственники, я за все и в ответе. А о мистере Беллингеме, сэр, вот что хотелось бы мне знать: кто это расхаживает у него по комнате, когда самого его дома нет да и дверь снаружи заперта?

— Что? Вы говорите чепуху, Стайлз.

— Может, оно и чепуха, сэр. Да только я не один раз своими собственными ушами слышал шаги.

— Глупости, Стайлз.

— Как вам угодно, сэр. Коли понадоблюсь вам — позвоните.

Аберкромб Смит не придал значения болтовне старика слуги, но через несколько дней случилось маленькое происшествие, которое произвело на Смита неприятное впечатление и живо напомнило ему слова Стайлза.

Как-то поздно вечером Беллингем зашел к Смиту и развлекал его, рассказывая интереснейшие вещи о скальных гробницах в Бени-Гассане, в Верхнем Египте, как вдруг Смит, обладавший необычайно тонким слухом, отчетливо расслышал, что этажом ниже открылась дверь.

— Кто-то вошел или вышел из вашей комнаты,— заметил он.

Беллингем вскочил на ноги и секунду стоял в растерянности — он словно и не поверил Смиту, но в то же время испугался.

— Я уверен, что запер дверь. Я же наверняка ее запер,— запинаясь, пробормотал он.— Открыть ее никто не мог.

— Но я слышу, кто-то поднимается по лестнице,— продолжал Смит.

Беллингем поспешно выскочил из комнаты, с силой захлопнул дверь и кинулся вниз по лестнице. Смит услышал, что на полпути он остановился и как будто что-то зашептал. Минуту спустя внизу хлопнула дверь, и ключ скрипнул в замке, а Беллингем снова поднялся наверх и вошел к Смиту. На бледном лице его выступили капли пота.

— Все в порядке,— сказал он, бросаясь в кресло.— Дуралей пес. Распахнул дверь. Не понимаю, как это я забыл ее запереть.

— А я не знал, что у вас есть собака,— произнес Смит, пристально глядя в лицо своему взволнованному собеседнику.

— Да, пес у меня недавно. Но надо от него избавиться. Слишком много хлопот.

— Да, конечно, раз вам приходится держать его взаперти. Я полагал, что достаточно только закрыть дверь, не запирая ее.

— Мне не хочется, чтобы старик Стайлз случайно выпустил собаку. Пес, знаете ли, породистый, и было бы глупо просто так его лишиться.

— Я тоже люблю собак,— сказал Смит, по-прежнему упорно искоса поглядывая на собеседника.— Может быть, вы разрешите мне взглянуть на вашего пса?

— Разумеется. Боюсь только, что не сегодня — мне предстоит еще деловое свидание. Ваши часы не спешат? Раз так, я уже на пятнадцать минут опоздал. Надеюсь, вы меня извините.

Беллингем взял шляпу и поспешно покинул комнату. Несмотря на деловое свидание, Смит услышал, что он вернулся к себе и заперся изнутри.

Разговор этот оставил у Смита неприятный осадок. Беллингем ему лгал, и лгал так грубо, словно находился в безвыходном положении и во что бы то ни стало должен был скрыть правду. Смит знал, что никакой собаки у соседа нет. Кроме того, он знал, что шаги, которые он слышал на лестнице, принадлежали не животному. В таком случае кто же это был? Старик Стайлз утверждал, что, когда Беллингема нет дома, кто-то расхаживает у него по комнате. Может быть, женщина? Это казалось всего вероятнее. Если бы об этом узнало университетское начальство, Беллингема с позором выгнали бы из университета, и, значит, его испуг и ложь вызваны именно этим. Но все-таки невероятно, чтобы студент мог спрятать у себя в комнатах женщину и избежать немедленного разоблачения. Однако, как ни объясняй, во всем этом было что-то неблаговидное, и, принявшись снова за свои книги, Смит твердо решил: какие бы попытки к сближению ни предпринимал его сладкоречивый и неприятный сосед, он станет их решительно пресекать.

Но в этот вечер Смиту не суждено было спокойно поработать. Едва он восстановил в памяти то, на чем его прервали, как на лестнице послышались громкие, уверенные шаги — кто-то прыгал через три ступеньки, и в комнату вошел Хастин. Он был в свитере и спортивных брюках.

— Все занимаешься! — воскликнул он и бросился в свое любимое кресло.— Ну и любитель же ты корпеть над книгами! Случись у нас землетрясение и рассыпься до основания весь Оксфорд, ты бы, по-моему, преспо-

койно сидел себе среди руин, зарывшись в книги. Ладно уж, не стану тебе мешать. Разочек-другой затянусь да и побегу.

— Что новенького? — спросил Смит, уминая в трубке табак.

— Да ничего особенного. Уилсон, играя в команде первокурсников, сделал 70 против 11. Говорят, его поставят вместо Беднкомба, тот совсем выдохся. Когда-то он крепко бил мяч, но теперь может только перехватывать.

— Ну, это не совсем правильно,— отозвался Смит с той особой серьезностью, с какой университетские мужи науки обычно говорят о спорте.

— Слишком торопится — вырывается вперед. А с ударом запаздывает. Да, кстати, ты слышал про Нортона?

— А что с ним?

— На него напали.

— Напали?

— Да. Как раз когда он сворачивал с Хай-стрит, в сотне шагов от ворот колледжа.

— Кто же?

— В этом-то и загвоздка! Было бы точнее, если б ты сказал не «кто», а «что». Нортон клянется, что это был не человек. И правда, судя по царапинам у него на горле, я готов с ним согласиться.

— Кто же тогда? Неужели мы докатились до привидений?

И, пыхнув трубкой, Аберкромб Смит выразил презрение ученого.

— Да нет, этого еще никто не предполагал. Я скорее думаю, что если бы недавно у какого-нибудь циркача пропала большая обезьяна и очутилась в наших краях, то присяжные сочли бы виновной ее. Видишь ли, Нортон каждый вечер проходил по этой дороге почти в одно и то же время. Над тротуаром в этом месте низко нависают ветви дерева — большого вяза, который растет в саду Райни. Нортон считает, что эта тварь свалилась на него именно с вяза. Но как бы то ни было, его чуть не задушили две руки, по словам Нортона, сильные и тонкие, как стальные обручи. Он ничего не видел, кроме этих

дьявольских рук, которые все крепче сжимали ему горло. Он завопил во всю мочь, и двое ребят подбежали к нему, а эта тварь, как кошка, перемахнула через забор. Нортону так и не удалось ее как следует разглядеть. Для Нортона это было хорошенькой встряской. Вроде как побывал на курорте, сказал я ему.

— Скорее всего это вор-душитель,— заметил Смит.

— Вполне возможно. Нортон с этим не согласен, но его слова в расчет брать нельзя. У этого вора длинные ногти, и он очень ловко перемахнул через забор. Кстати, твой распрекрасный сосед очень бы обрадовался, услыхав обо всем этом. У него на Нортона зуб, и, насколько мне известно, он не такто легко забывает обиды. Но что тебя, старина, встревожило?

— Ничего,— коротко ответил Смит.

Он привскочил на стуле, и на лице его промелькнуло выражение, какое появляется у человека, когда его вдруг осеняет неприятная догадка.

— Вид у тебя такой, будто что-то сказанное мною задело тебя за живое. Между прочим, после моего последнего к тебе визита ты, кажется, познакомился с господином Б., не так ли? Молодой Монкхауз Ли что-то говорил мне об этом.

— Да, мы немного знакомы. Он несколько раз заходил ко мне.

— Ну, ты достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. А знакомство с ним я не считаю подходящим, хотя он, несомненно, весьма умен и все такое прочее. Ну да ты скоро сам в этом убедишься. Ли — малый хороший и очень порядочный. Ну, прощай, старина. В среду гонки на приз ректора, я состязаюсь с Муллинсом, так что не забудь явиться,— возможно, до соревнований мы больше не увидимся.

Невозмутимый Смит отложил в сторону трубку и снова упрямо принялся за учебники. Однако вскоре понял, что никакое напряжение воли не поможет ему сосредоточиться на занятиях. Мысли сами собой обращались к тому, кто жил под ним, и к тайне, скрытой в его жили-

ще. Потом оин перескочили к иеобычайиому нападенню, о котором рассказал Хастн, и к обиде, которую Беллингем затаил на жертву этого иападения. Этн два обстоятельства упорио соедииялись в сознаинн Смита, словио между ними существовала тесиая виутреиняя связь. И все же подозрение оставалось таким смутным н неясным, что его трудио было облечь в слова.

— Да будь он проклят! — воскликиул Смит, и брошенный им учебник патологии перелетел через всю комиату.— Испортнл сегодня мие все вечерние заиятия. Одного этого достаточио, чтобы больше не нметь с иим дела.

Следующие десять дней студеит-меднк был настолько поглощеи своими занятнями, что нн разу ие видел иикого из своих инжиих соседей н ннчего про них не слышал. В те часы, когда Беллиигем обычио прнходил к нему, Смит закрывал обе двери, и, хотя ие раз слышал стук в паружиую дверь, он упорио не откликался. Однако как-то дием, когда он спускался по лестнице н проходил мимо квартиры Беллнигема, дверь распахиулась, и нз нее вышел молодой Моикхауз Ли — глаза его горели, смуглые щеки пылалн гневным румянцем. По пятам за иим следовал Белллнгем — его толстое, сероватое лицо искажала злоба.

— Глупец! — прошипел он.— Вы об этом еще пожалеете.

— Очеиь может быть! — крикиул в ответ Лн.— Запомните, что я сказал! Все коичено! И слышать ннчего не хочу!

— Но вы дали мне слово.

— И сдержу его. Буду молчать. Только уж лучше видеть крошку Еву мертвой. Все кончено, раз н навсегда. Оиа поступит, как я ей велю. Мы больше не желаем вас видеть.

Все это Смнт поневоле услышал, но поспешнл вниз, не желая оказаться втянутым в спор. Ему стало ясио одно: между друзьями пронзошла серьезная ссора, и Лн намереи расстроить помолвку сестры с Беллингемом. Смнт вспоминл, как Хасти сравннвал нх с жабой и голубкой, и обрадовался, что свадьбе ие бывать. На лицо Беллиигема, когда ои разъярится, было не слиш-

ком приятно смотреть. Такому человеку нельзя доверить судьбу девушки.

Продолжая свой путь, Смит лениво раздумывал о том, что могло вызвать эту ссору и что за обещание дал Монкхауз Ли Беллингему, для которого так важно, чтобы оно не было нарушено.

В этот день Хасти и Муллинс должны были состязаться в гребле, и людской поток двигался к берегам реки. Майское солнце ярко светило, и желтую дорожку пересекали темные тени высоких вязов. Справа и слева в глубине стояли серые здания колледжей — старые, убеленные сединами обители знаний смотрели высокими стрельчатыми окнами на поток юной жизни, который так весело катился мимо них. Облаченные в черные мантии профессора, бледные от занятий ученые, чопорные деканы и проректоры, загорелые молодые спортсмены в соломенных шляпах и белых либо пестрых свитерах — все спешили к синей извилистой реке, которая протекает, петляя, по лугам Оксфорда.

Аберкромб Смит расположился в таком месте, где, как подсказывало ему чутье бывалого гребца, должна была произойти — если она вообще будет — решающая схватка. Он услышал вдалеке гул, означавший, что гонки начались; лодки приближались, и рев нарастал, потом раздался громовый топот ног и крики зрителей, расположившихся в своих лодках прямо под ним. Мимо Смита, тяжело дыша, сбросив куртки, промчалось несколько человек, и, вытянув шею, Смит разглядел за их спинами Хасти — он греб ровно и уверенно, а его частивший веслами противник отстал от него почти на длину лодки. Смит криком подбодрил друга, взглянул на часы и намеревался уже отправиться к себе, когда кто-то тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоит Монкхауз Ли.

— Я заметил вас тут,— робко начал юноша.— И мне бы хотелось поговорить с вами, если вы можете уделить мне полчаса. Я живу вот в этом коттедже вместе с Харрингтоном из Королевского колледжа. Зайдите, пожалуйста, выпейте чашку чаю.

— Мне пора возвращаться,— ответил Смит.— Я сейчас усиленно зубрю. Но с удовольствием зайду на не-

сколько минут. Я бы и сюда не выбрался, но Хасти — мой друг.

— И мой тоже. Красиво гребет, правда? У Муллинса совсем не то. Зайдемте же. Дом немного тесноват, но в летние месяцы работать тут очень приятно.

Коттедж, стоявший ярдах в пятидесяти от берега реки, представлял собой небольшое белое квадратное здание с зелеными дверьми и ставнями; крыльцо украшала деревянная решетка. Самую просторную комнату кое-как приспособили под рабочий кабинет. Сосновый стол, деревянные некрашеные полки с книгами, на стенах несколько дешевых олеографий. На спиртовке пел, закипая, чайник, а на столе стоял поднос с чашками.

— Садитесь в это кресло и берите сигарету,— сказал Ли.— А я налью вам чаю. Я вам очень благодарен, что вы зашли, я знаю — у вас каждая минута на счету. Мне хотелось только сказать вам, что на вашем месте я бы немедленно переменил местожительство.

— Что такое?

Смит, с зажженной спичкой в одной руке и сигаретой в другой, изумленно уставился на Ли.

— Да, это, конечно, звучит очень странно, и хуже всего то, что я не могу объяснить вам, почему даю такой совет,— я связан обещанием и не могу его нарушить. Но все же я вправе предупредить вас, что жить рядом с таким человеком, как Беллингем, небезопасно. Сам я намерен пока пожить в этом коттедже.

— Небезопасно? Что вы имеете в виду?

— Вот этого я и не должен говорить. Но, прошу вас, послушайтесь меня, уезжайте из этих комнат. Сегодня мы окончательно рассорились. Вы в это время спускались по лестнице и, конечно, слышали.

— Я заметил, что разговор у вас был неприятный.

— Он негодяй, Смит. Иначе не скажешь. Кое-что я начал подозревать с того вечера, когда он упал в обморок,— помните, вы тогда еще спустились к нему? Сегодня я потребовал у него объяснений, и он рассказал мне такие вещи, что волосы у меня встали дыбом. Он хотел, чтобы я ему помог. Я не ханжа, но я все-таки сын священника, и я считаю, что есть пределы,

которые преступать нельзя. Благодарю бога, что узнал его вовремя,— он ведь должен был с нами породниться.

— Все это превосходно, Ли,— резко заметил Аберкромб Смит.— Но только вы сказали или слишком много, или же слишком мало.

— Я предупредил вас.

— Раз для этого действительно есть основания, никакое обещание не может вас связывать. Если я вижу, что какой-то негодяй хочет взорвать динамитом дом, я стараюсь помешать ему, невзирая ни на какие обещания.

— Да, но я не могу ему помешать, я только могу предупредить вас.

— Не сказав, чего я должен опасаться.

— Беллингема.

— Но это же ребячество. Почему я должен бояться его или кого-либо другого?

— Этого я не могу объяснить. Могу только умолять вас уехать из этих комнат. Там вы в опасности. Я даже не утверждаю, что Беллингем захочет причинить вам вред, но это может случиться — сейчас его соседство опасно.

— Допустим, я знаю больше, чем вы думаете,— сказал Смит, многозначительно глядя в серьезное лицо юноши.— Допустим, я скажу вам, что у Беллингема кто-то живет.

Не в силах сдержать волнение, Монкхауз Ли вскочил со стула.

— Значит, вы знаете? — с трудом произнес он.

— Женщина.

Ли со стоном упал на стул.

— Я должен молчать. Должен.

— Во всяком случае,— сказал Смит, вставая,— вряд ли я позволю себя запугать и покину комнаты, в которых мне очень удобно. Вашего утверждения, что Беллингем может каким-то непостижимым образом причинить мне вред, еще недостаточно, чтобы куда-то переезжать. Я рискну остаться на старом месте, и, поскольку на часах уже почти пять, я, с вашего позволения, ухожу.

Смит коротко попрощался с молодым студентом и направился домой в теплых весенних сумерках, полусердясь, полусмеясь — так бывает с волевыми здравомыслящими людьми, когда им грозят неведомой опасностью.

Как бы усердно Смит ни занимался, он неизменно позволял себе одну маленькую поблажку. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, он непременно отправлялся пешком в Фарлингфорд, загородный дом доктора Пламптрн Питерсона, расположенный в полутора милях от Оксфорда. Доктор Пламптрн Питерсон был близким другом Фрэнсиса, старшего брата Аберкромба Смита. И поскольку у состоятельного холостяка Питерсона винный погреб был хорош, а библиотека — еще лучше, дом его являлся желанной целью для человека, нуждавшегося в освежающих прогулках. Таким образом, дважды в неделю студент-медик размашисто вышагивал по темным проселочным дорогам, а потом с наслаждением проводил часок в уютном кабинете Питерсона, рассказывая ему за стаканом старого портвейна университетские сплетни или обсуждая последние новинки медицины, и особенно хирургии.

На другой день после разговора с Монкхаузом Ли Смит захлопнул свои книги в четверть восьмого — в этот час он обычно отправлялся к своему другу. Когда он выходил из комнаты, ему случайно попалась на глаза одна из книг Беллингема, и ему стало совестно, что он ее до сих пор не вернул. Как ни противен тебе человек, приличия соблюдать надо. Прихватив книгу, Смит спустился по лестнице и постучался к соседу. Ему никто не ответил, но, повернув ручку, он увидел, что дверь не заперта. Обрадовавшись, что можно избежать с Беллингемом встречи, Смит вошел в комнату и оставил на столе книгу и свою визитную карточку.

Лампа была прикручена, но Смит смог разглядеть все довольно хорошо. В комнате все было, как прежде: фриз, божества с головами животных, под потолком крокодил, на столе бумаги и сухие листья. Футляр мумии был прислонен к стене, но мумии в нем не оказалось. Не было заметно, чтобы в комнате жил кто-то еще, и, уходя, Смит подумал, что, вероятно, он был к Беллингему несправедлив. Скрывай тот какой-нибудь

неблаговидный секрет, вряд ли он оставил бы дверь незапертой.

На винтовой лестнице была тьма кромешная, и Смит осторожно спускался вниз, как вдруг почувствовал, что в темноте мимо него что-то проскользнуло. Чуть слышный звук, дуновение воздуха, прикосновение к локтю, но такое легкое, что оно могло просто почудиться. Смит замер и прислушался, но услышал только, как снаружи ветер шуршал листьями плюща.

— Это вы, Стайлз? — крикнул Смит.

Никакого ответа, и за спиной тишина. Он решил, что всему виной сквозняк — в старой башне полно трещин и щелей. И все же он был почти готов поклясться, что слышал совсем рядом шаги. Теряясь в догадках, Смит вышел во дворик. Навстречу по лужайке бежал какой-то человек.

— Это ты, Смит?

— Добрый вечер, Хасти!

— Ради бога, бежим скорее! Ли утонул. Мне сказал об этом Харрингтон из Королевского колледжа. Доктора нет дома. Ты можешь его заменить, только идем немедленно. Кажется, он еще жив.

— У тебя есть коньяк?

— Нет.

— Я прихвачу. Фляжка у меня на столе.

Смит бросился наверх, прыгая через три ступеньки, схватил фляжку и кинулся вниз, но, пробегая мимо двери Беллингема, увидел нечто такое, от чего дыхание у него перехватило, и он остановился, растерянно глядя перед собой.

Дверь, которую он закрыл, сейчас была распахнута, и прямо перед ним, освещенный лампой, стоял футляр. Три минуты назад он был пуст. Смит мог в этом поклясться. А сейчас в нем находилось тощее тело его страшного обитателя — он стоял мрачный и застывший, обратив темное, ссохшееся лицо к двери. Безжизненная, безучастная фигура, но Смиту почудился в ней зловещий отзвук одушевленности: искра сознания в маленьких глазах, прятавшихся в глубоких впадинах. Смита это настолько потрясло, что он совсем забыл, куда и зачем направлялся, и все смотрел на тощую, высох-

шую фигуру, пока его не заставил опомниться голос Хасти.

— Спускайся же, Смит! — кричал Хасти. — Ведь дело идет о жизни и смерти. Скорей! Ну, а теперь, — добавил он, когда студент-медик наконец появился в дверях, — побежали. Надо за пять минут пробежать почти милю. Жизнь человека — бо́льшая награда, чем кубок.

Плечо к плечу мчались друзья сквозь темноту, пока, задыхаясь и совсем без сил, не достигли маленького коттеджа у реки. На диване, весь мокрый, как сорванные водоросли, лежал Ли; к темным волосам его пристала зеленая тина, на свинцовых губах выступила полоска белой пены. Харрингтон — студент, с которым Ли жил в коттедже, — стоя возле него на коленях, растирал его окостеневшие руки, стараясь их согреть.

— По-моему, он еще жив, — сказал Смит, положив руку на грудь юноши. — Приложите к его губам ваши часы. Да, стекло помутнело. Берись, Хасти, за эту руку. Делай то же, что и я, и мы его скоро приведем в чувство.

Минут десять они работали молча, подымая и сдавливая грудь лежавшего в беспамятстве Ли. Наконец по телу его пробежала дрожь, губы шевельнулись, и Ли открыл глаза. Три студента невольно вскрикнули от радости.

— Очнись же, старина. Ну и напугал ты нас.

— Хлебните коньяку. Прямо из фляжки.

— Теперь он пришел в себя, — сказал Харрингтон, сосед пострадавшего. — Господи, до чего же я испугался! Я сидел тут и читал, а он отправился прогуляться до реки, как вдруг я услышал вопль и всплеск. Я бросился туда, но, пока разыскал его и вытащил, в нем не осталось никаких признаков жизни. Симпсон не мог пойти за доктором — он же калека, пришлось мне бежать. Просто не знаю, что бы я без вас стал делать. Правильно, старина. Попробуй сесть.

Монкхауз Ли приподнялся на локтях и дико озирался по сторонам.

— Что случилось? — спросил он.— Я весь мокрый. Ах да, вспомнил!

В глазах его мелькнул страх, и он закрыл лицо руками.

— Как же ты свалился в реку?

— Я не свалился.

— А что же случилось?

— Меня столкнули. Я стоял на берегу, что-то подхватило меня сзади, как перышко, и швырнуло вниз. Я ничего не слышал и не видел. Но я знаю, что это было.

— И я тоже,— прошептал Смит.

Ли взглянул на него с удивлением.

— Значит, вы узнали? Помните мой совет?

— Да, и я, пожалуй, ему последую.

— Не знаю, о чем, черт возьми, вы толкуете,— сказал Хасти,— но на вашем месте, Харрингтон, я бы немедленно уложил Ли в постель. Еще будет время обсудить, отчего и как все произошло, когда он немного окрепнет. По-моему, Смит, мы с вами можем теперь оставить их одних. Я возвращаюсь в колледж, если нам по пути — поболтаем дорогой.

Но на обратном пути они почти не разговаривали. Мысли Смита были заняты событиями этого вечера: исчезновение мумии из комнаты соседа, шаги, прошелестевшие мимо него на лестнице, и появление мумии в футляре — удивительное, уму непостижимое появление в нем ужасной твари,— а потом это нападение на Ли, точно повторившее нападение на другого человека, к которому Беллингем питал вражду. Все это соединялось в голове Смита, сплетаясь в единое целое, и подтверждалось разными мелочами, которые вызвали у него неприязнь к соседу, а также необычайные обстоятельства его первого визита к Беллингему. То, что прежде было лишь неясным подозрением, смутной, фантастической догадкой, внезапно приняло ясные очертания и четко выступило в его сознании как факт, отрицать который невозможно. И все же это было чудовищно! Невероятно! И недоступно пониманию! Любой беспристрастный судья, даже его друг, тот, что шагает сейчас с ним рядом, просто-напросто сказал бы, что его обмануло зрение, что мумия все время была на своем месте, что Ли

свалился в реку, как может свалиться в нее любой человек, и что при больной печени лучше всего принимать синие пилюли. Окажись на его месте кто-то другой, то же самое сказал бы он сам. И все-таки он готов был поклясться, что Беллингем в душе убийца и в руках у него такое оружие, каким за всю мрачную историю человеческих преступлений никто никогда не пользовался.

Хасти направился к себе, весьма откровенно и едко посмеявшись над неразговорчивостью своего друга, что касается Аберкромба Смита, то он пересек внутренний дворик и направился к угловой башне, испытывая большое отвращение к своему обитателю и всему, что с ним связано. Он решил последовать совету Ли и как можно скорее перебраться из этих комнат в другое место — разве возможно заниматься, все время прислушиваясь к бормотанию и шагам под тобой? Пересекая лужайку, он заметил, что в окне у Беллингема все еще горит свет, а когда он проходил по лестничной площадке, дверь отворилась и из нее выглянул сам Беллингем. Пухлое зловещее лицо его напоминало раздувшегося паука, только что соткавшего свою губительную сеть.

— Добрый вечер,— сказал он.— Не зайдете ли?

— Нет! — свирепо отрезал Смит.

— Нет? Вы, как всегда, заняты? Мне хотелось расспросить вас о Ли. К сожалению, с ним, кажется, что-то случилось.

Лицо Беллингема было серьезно, но, когда он заговорил, в глазах его мелькнула скрытая усмешка, и Смит, заметив это, едва не набросился на лингвиста с кулаками.

— Вы будете еще больше сожалеть, узнав, что Ли вполне здоров и находится вне опасности,— сказал он.— На сей раз ваша дьявольская проделка сорвалась. Не пытайтесь отпираться. Мне все известно.

Беллингем попятился от разгневанного студента и, словно обороняясь, немного притворил дверь.

— Вы с ума сошли! О чем вы говорите? Или вы утверждаете, будто я имею какое-то отношение к тому, что случилось с Ли?

— Да,— загремел Смит.— Вы и этот мешок с костями, что у вас за спиной. Вы действуете заодно. И вот что, мистер Беллингем: таких, как вы, теперь не сжигают на кострах, но у нас еще есть палач! И, черт побери, если, пока вы тут, в колледже умрет хоть один человек, я выведу вас на чистую воду, и коли вас не вздернут, то уж никак не по моей вине. И вы убедитесь, что в Англии ваши мерзкие египетские штучки не пройдут.

— Да вы буйнопомешанный,— сказал Беллингем.

— Пусть так. Только хорошенько запомните мои слова, вы еще убедитесь, что я не бросаю их на ветер.

Дверь захлопнулась. Смит, пылая гневом, поднялся к себе, заперся и полночи курил трубку, раздумывая над всем, что случилось в этот вечер.

На другое утро Беллингема не было слышно, а днем зашел Харрингтон и сообщил Смиту, что Ли уже почти совсем оправился. Весь день Смит усердно занимался, однако вечером решил все-таки навестить своего друга доктора Питерсона, к которому он отправился, да так и не добрался накануне вечером.

Он решил, что хорошая прогулка и дружеская беседа успокоят его взвинченные нервы.

Когда Смит проходил мимо двери Беллингема, она была закрыта, но, отойдя на некоторое расстояние от башни, студент оглянулся и увидел в окне силуэт соседа: свет лампы, по-видимому, падал на него сзади, он всматривался в темноту, прижимаясь к стеклу лицом. Обрадовавшись, что сможет хоть несколько часов побыть вдали от Беллингема, Смит бодро зашагал по дороге, с наслаждением вдыхая ласковый весенний воздух. На западе между двух готических башенок виднелся серп месяца, и ажурная тень их ложилась на посеребренные плиты улицы. Дул свежий ветерок, легкие кудрявые облачка быстро бежали по небу. Колледж находился на окраине городка, и уже через пять минут Смит, оставив позади дома, оказался на одной из дорог Оксфорда, обсаженной цветущими, благоухающими кустами.

По уединенной дороге, которая вела к дому его друга, редко кто ходил, и, хотя было еще совсем рано, Смит никого не встретил. Он быстро дошел до ворот Фарлинг-

форда, за которым начиналась длинная, посыпанная гравием аллея. Впереди сквозь листву приветливо мигали в окнах оранжевые огоньки. Взявшись за железную щеколду калитки, Смит оглянулся на дорогу, по которой пришел. По ней что-то быстро приближалось.

Оно двигалось в тени кустов, бесшумно крадучись,— темная пригнувшаяся фигура, с трудом различимая на темном фоне. Она приближалась с удивительной быстротой. В темноте Смит разглядел только тощую шею да два глаза, которые до конца дней будут преследовать его в кошмарных снах. Смит повернулся и, вскрикнув от ужаса, бросился бежать что было сил. До оранжевых окон, означавших для него спасение, было рукой подать. Смит слыл хорошим бегуном, но так, как в эту ночь, он еще никогда не бегал.

Тяжелая калитка захлопнулась за ним, но он услышал, как она тотчас распахнулась перед его преследователем. Обезумев, он мчался сквозь тьму, слыша за собой дробный топот, и, оглянувшись, увидел, что это жуткое видение настигает его огромными прыжками, сверкая глазами, вытянув вперед костлявую руку. Слава богу, дверь была распахнута настежь. Смит увидел узкую полоску света горевшей в передней лампы. Но топот раздавался уже совсем рядом, и у самого уха Смит услышал хриплое клокотание. Он с воплем влетел в дверь, захлопнул ее, запер за собой и, теряя сознание, упал на стул.

— Господи, Смит, что случилось? —спросил Питерсон, появляясь в дверях кабинета.

— Дайте мне глоток коньяку!

Питерсон исчез и появился снова, уже с графином и рюмкой.

— Вам это необходимо,— сказал он, когда его гость выпил коньяк.— Да вы белый как мел.

Смит отставил рюмку, поднялся на ноги и перевел дух.

— Теперь я взял себя в руки,— сказал он.— Впервые в жизни я потерял над собой контроль. Все же, Питерсон, если позволите, я заночую сегодня у вас: я не уверен, что найду в себе силы пройти по этой дороге

иначе, как днем. Я знаю, что это — малодушие, но ничего не могу поделать.

Питерсон с великим изумлением посмотрел на своего гостя.

— Конечно, вы заночуете у меня. Я велю миссис Берни постелить вам. Куда это вы собрались?

— Подойдемте к окну, из которого видна входная дверь. Мне хочется, чтобы вы увидели то, что видел я.

Они поднялись на второй этаж и подошли к окну, откуда были видны все подступы к дому. Подъездная аллея и окрестные поля, полные тишины и покоя, мирно купались в лунном сиянии.

— Право же, Смит,— начал Питерсон,— если бы я не знал вас как человека воздержанного, то я подумал бы бог знает что. Что же могло вас так напугать?

— Сейчас расскажу. Но куда же оно могло деться? А, вон! Смотрите же! Где дорога сворачивает, сразу за вашими воротами.

— Да-да, вижу. Незачем щипать меня за руку. Я видел, кто-то прошел. По-моему, человек довольно худой и высокий, очень высокий. Но при чем тут он? И что с вами? Вы все еще дрожите как осиновый лист.

— Просто дьявол чуть было не схватил меня за горло. Но вернемся в ваш кабинет, и я все вам расскажу.

Так он и сделал. Приветливо светила лампа, рядом на столе стояла рюмка с вином, и, глядя на дородную фигуру и румяное лицо своего друга, Смит рассказал по порядку обо всех событиях — важных и незначительных, которые сложились в столь странную цепь, начиная с той ночи, когда он увидел потерявшего сознание Беллингема перед футляром с мумией, и кончая кошмаром, который пережил всего час назад.

— Таково это гнусное дело,— заключил Смит.— Чудовищно, невероятно, но это чистая правда.

Доктор Пламптри Питерсон некоторое время молчал; на лице его читалось величайшее недоумение.

— В жизни моей не слыхал ничего подобного! — наконец произнес он.— Вы изложили мне факты, а теперь поделитесь своими выводами.

— Вы можете сделать их сами.

— Но мне хочется послушать ваши. Вы же обдумывали все это, а я нет.

— Кое-какие частности остаются загадкой, но главное, мне кажется, вполне ясно. Изучая Восток, Беллингем овладел каким-то дьявольским секретом, благодаря которому возможно на время оживлять мумии или, может быть, только эту мумию. Такую мерзость он и пытался проделать в тот вечер, когда потерял сознание. Вид ожившей твари, конечно, его потряс, хотя он этого и ждал. Если помните, очнувшись, он тут же назвал себя дураком. Постепенно он стал менее чувствительным и, проделывая эту штуку, уже не падал в обморок. Беллингем, очевидно, мог оживлять ее только на недолгий срок — ведь я часто видел мумию в футляре, и она была мертвее мертвого. Думаю, что ее оживление — процесс весьма сложный. Добившись этого, Беллингем, естественно, захотел использовать мумию в своих целях. Она обладает разумом и силой. Из каких-то соображений Беллингем посвятил в свою тайну Ли, но тот, как добрый христианин, не захотел участвовать в таком деле. Они поссорились, и Ли поклялся, что откроет сестре истинный характер Беллингема. Беллингем стремился этому помешать, что ему чуть было не удалось, когда он выпустил по следам Ли свою тварь. До того он уже испробовал силу мумии на другом человеке — на ненавистном ему Нортоне. И только по чистой случайности у него на совести нет двух убийств. Когда же я обвинил его в этом, у него появились серьезные причины убрать меня с дороги, прежде чем я расскажу обо всем кому-либо еще. Случай представился, когда я вышел из дому,— ведь он знал мои привычки, знал, куда я направлялся. Я был на волосок от гибели, Питерсон, лишь по счастливой случайности вам не пришлось обнаружить утром труп на своем крыльце. Я человек не слабонервный и никогда не думал, что мне придется испытать такой смертельный страх, как сегодня.

— Мой милый, вы слишком сгущаете краски,— сказал Питерсон.— От чрезмерных занятий нервы у вас расшатались. Да как же может такое чудовище разгуливать по улицам Оксфорда, пусть даже ночью, и остаться незамеченным?

— Его видели. Жители города напуганы, ходят слухи о сбежавшей горилле. Все только об этом и говорят.

— Действительно, стечение обстоятельств удивительное. И все же, мой милый, вы должны согласиться, что сам по себе каждый из этих случаев можно объяснить гораздо естественнее.

— Как? Даже то, что случилось со мной сегодня?

— Несомненно. Когда вы вышли из дому, нервы у вас были напряжены до предела, а голова забита этими вашими теориями. За вами стал красться какой-то изможденный, изголодавшийся бродяга. Увидав, что вы кинулись бежать, он осмелел и бросился за вами. Остальное сделали ваш испуг и ваше воображение.

— Нет, Питерсон, это не так.

— Что же касается случая, когда вы обнаружили, что мумии в футляре нет, а через несколько минут увидели ее там, то ведь был вечер, лампа горела слабо, а у вас не было особых причин рассматривать футляр. Весьма вероятно, что в первый раз вы эту мумию просто не разглядели.

— Нет, это исключено.

— И Ли мог просто упасть в реку, а Нортона пытался задушить грабитель. Обвинения ваши против Беллингема, конечно, серьезны, но, если вы заявите в полицию, над вами просто посмеются.

— Я знаю. Потому я и хочу заняться этим сам.

— Каким образом?

— На мне лежит долг перед обществом, и, кроме того, мне надо позаботиться о собственной безопасности, если я не желаю, чтобы этот негодяй выжил меня из колледжа. А этого я не допущу. Я твердо решил, что должен делать. И прежде всего разрешите мне воспользоваться вашими письменными принадлежностями.

— Разумеется. Вы все найдете на том вон столике.

Аберкромб Смит уселся перед стопкой чистых листов, и целых два часа перо его скользило по бумаге. Одна заполненная страница за другой отлетала в сторону, а друг Смита, удобно расположившись в кресле, терпеливо, с неослабевающим интересом наблюдал за ним. Наконец с возгласом удовлетворения Смит вскочил на

ноги, сложил листы по порядку, а последний положил на рабочий стол Питерсона.

— Будьте любезны, подпишитесь вот тут как свидетель,— сказал он.

— А что я должен засвидетельствовать?

— Мою подпись и число. Дата очень важна. От этого, Питерсон, может зависеть моя жизнь.

— Дорогой мой Смит, вы говорите чепуху. Убедительно прошу вас: ложитесь в постель.

— Напротив, никогда в жизни не взвешивал я так тщательно своих слов. И обещаю вам: как только вы подпишете, я сразу же лягу.

— Но что здесь написано?

— Я изложил тут все, что рассказал вам сегодня. И хочу, чтобы вы это засвидетельствовали.

— Непременно,— сказал Питерсон и поставил свою подпись под подписью Смита.— Ну вот! Только зачем это?

— Пожалуйста, сохраните запись, чтобы предъявить, если меня арестуют.

— Арестуют? За что?

— За убийство. Это очень вероятно. Я хочу быть готовым ко всему. Мне остается только один выход, и я намерен им воспользоваться.

— Бога ради, не предпринимайте неразумных шагов!

— Поверьте мне, неразумно было бы отказаться от моего плана. Надеюсь, вас беспокоить не придется, но я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у вас в руках есть объяснение моих действий. А теперь я готов последовать вашему совету и лечь,— завтра мне понадобятся все мои силы.

Иметь Аберкромба Смита врагом было не слишком-то приятно. Обычно неторопливый и покладистый, он становился грозен, когда его вынуждали к действию. Любую в жизни цель он преследовал с тем же расчетливым упорством, с каким изучал науки. В этот день он пожертвовал занятиями, но не собирался тратить его попусту. Он ни слова не сказал Питерсону о своих планах, но в девять утра уже шагал в Оксфорд.

На Хай-стрит он зашел к оружейнику Клиффорду, купил у него крупнокалиберный револьвер и коробку патронов к нему. Заложив в барабан все шесть патронов, он взвел предохранитель и положил оружие в карман пиджака. Затем направился к жилищу Хасти и застал великого гребца за завтраком; к кофейнику был прислонен «Спортивный вестник».

— А, здравствуй! Что стряслось? — воскликнул Хасти.— Хочешь кофе?

— Нет, благодарю. Надо, Хасти, чтобы ты пошел со мной и сделал то, что я попрошу.

— Конечно, дружище.

— И прихвати с собой трость потяжелее.

— Так!— Хасти огляделся.— Вот этим охотничьим хлыстом можно быка свалить.

— И еще одно. У тебя есть набор ланцетов. Дай мне самый длинный.

— Вот, бери. Ты как будто вышел на тропу войны. Еще что-нибудь?

— Нет, этого достаточно.— Смит сунул во внутренний карман ланцет и первым вышел во двор.— Мы с тобой, Хасти, не трусы,— сказал он.— Думаю, что справлюсь один, а тебя пригласил из предосторожности. Мне надо потолковать кое о чем с Беллингемом. Если придется иметь дело с ним одним, ты мне, конечно, не понадобишься. Но если же я крикну, являйся немедленно и бей что есть силы. Ты все понял?

— Да. Как услышу твой крик, сразу прибегу.

— Ну так подожди тут. Возможно, я задержусь, но ты никуда не уходи.

— Стою как вкопанный.

Смит поднялся по лестнице, открыл дверь Беллингема и вошел внутрь. Беллингем сидел за столом и писал. Рядом с ним среди хаоса всяких диковинных вещей высился футляр — к нему по-прежнему был прикреплен номер 249, под которым продавалась мумия, и его страшный обитатель находился внутри, застывший и неподвижный. Смит не спеша огляделся, закрыл дверь, запер ее, вынул ключ, затем подошел к камину, чиркнул спичкой и разжег огонь. Беллингем с изумлением

следил за ним, и его одутловатое лицо исказилось от гнева.

— Вы хозяйничаете, как у себя дома,— задыхаясь, сказал он.

Смит неторопливо уселся, положил на стол перед собой часы, вынул пистолет, взвел курок и положил оружие на колени. Потом вытащил из-за пазухи длинный ланцет и бросил его Беллингему.

— Ну,—сказал Смит,—беритесь за работу. Разрежьте на куски эту мумию.

— А, так вот в чем дело? — с насмешкой спросил Беллингем.

— Да, вот в чем дело. Мне объяснили, что уголовные законы тут бессильны. Но у меня в руках закон, который все быстро уладит. Если через пять минут вы не приступите к делу, клянусь создателем, я продырявлю вам череп.

— Вы намерены убить меня?

Беллингем привстал, его лицо стало серым, как замазка.

— Да.

— За что?

— Чтобы прекратить ваши злодеяния. Одна минута прошла.

— Но что я сделал?

— Я знаю, что, и вы знаете.

— Это насилие.

— Прошло две минуты.

— Но вы должны объяснить мне. Вы сумасшедший, опасный сумасшедший. Почему я должен уничтожить свою собственность? Мумия эта очень ценная.

— Вы должны разрезать ее и сжечь.

— Я не сделаю ни того, ни другого.

— Прошло четыре минуты.

Смит с неумолимым видом взял пистолет и посмотрел на Беллингема. Секундная стрелка двигалась по кругу, он поднял руку и положил палец на спусковой крючок.

— Постойте! Погодите! Я все сделаю! — взвизгнул Беллингем.

Он торопливо взял ланцет и принялся кромсать мумию, то и дело оглядываясь и каждый раз убеждаясь, что взгляд и оружие его грозного гостя устремлены на него. Под ударами острого лезвия мумия трещала и хрустела. Над ней поднималась густая желтая пыль. Высохшие благовония и всякие снадобья сыпались на пол. Вдруг, захрустев, сломался позвоночник, и темная груда рухнула на пол.

— А теперь — в огонь! — приказал Смит.

Пламя взметнулось и загудело, пожирая сухие горючие обломки. Небольшая комната напоминала кочегарку парохода, и по лицам обоих мужчин струился пот; но один, согнувшись, продолжал трудиться, а другой, с каменным лицом, по-прежнему не спускал с него глаз. От огня поднимался густой темный дым, едкий запах горящей смолы и паленых волос пропитал воздух. Через четверть часа от номера 249 осталось лишь несколько обуглившихся, хрупких головешек.

— Ну, теперь вы довольны,— прошипел Беллингем, оглянувшись на своего мучителя. Его серые глазки были полны страха и ненависти.

— Нет, я намерен уничтожить все ваши материалы. Чтобы в будущем не случалось никаких дьявольских штук. В огонь эти листья! Они, конечно, имеют к этому отношение.

— Что теперь? — спросил Беллингем, когда и листья последовали за мумией в пламя.

— Теперь свиток папируса, который лежал в тот вечер у вас на столе. По-моему, он вон в том ящике.

— Нет! — завопил Беллингем.— Не сжигайте его! Вы же не понимаете, что делаете. Это редчайший папирус. В нем заключена мудрость, которую больше нигде нельзя найти.

— Доставайте его!

— Но послушайте, Смит, вы же не можете всерьез этого требовать. Всем, что знаю, я поделюсь с вами. Я научу вас тому, о чем сказано в папирусе. Дайте мне хоть снять копию, прежде чем вы его сожжете.

Смит подошел к ящику стола и повернул ключ. Взяв желтый свиток папируса, он бросил его в огонь и прида-

вил каблуком. Беллингем взвизгнул и попытался схватить папирус, но Смит оттолкнул его и стоял над свитком, пока тот не превратился в бесформенную груду пепла.

— Ну что же, мистер Беллингем,— сказал Смит,— думаю, я вырвал у вас все ваши ядовитые зубы. Если вы приметесь за старое, вы снова обо мне услышите. И позвольте проститься с вами: мне пора снова браться за учебники.

Вот что поведал Аберкромб Смит о необычайных происшествиях, случившихся в старейшем колледже Оксфорда весной 1884 года. Поскольку Беллингем сразу же после этого покинул университет и, по последним сведениям, находится в Судане, опровергнуть заявление Смита некому. Но мудрость людская ничтожна, а пути природы неисповедимы, и кому же дано обуздать темные силы, которые может обнаружить тот, кто их ищет!

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЭКСТРЕННЫЙ ПОЕЗД

Признание Эрбера де Лернака, приговоренного к смертной казни в Марселе, пролило свет на одно из самых загадочных преступлений нашего века, подобных которому, по-моему, нельзя найти в анналах преступлений ни одной страны.

Хотя официальные круги предпочитают хранить молчание и прессу информировали крайне скудно, все же заявление закоренелого преступника подтверждается фактами, и мы наконец узнали разгадку этого поразительного происшествия. Поскольку эти события имели место восемь лет назад и в то время очередной политический кризис отвлекал внимание публики, не оценившей всю важность случившегося, то лучше всего будет, вероятно, изложить факты, которые удалось установить. Они сверены с сообщениями ливерпулских газет того времени, с протоколами расследования, касающегося машиниста Джона Слейтера, и отчетами железнодорожных компаний Лондона и Западного побережья, которые были любезно предоставлены в мое распоряжение. Вот факты, изложенные вкратце.

3 июня 1890 года некий господин, назвавшийся мосье Луи Караталем, пожелал встретиться с мистером Джеймсом Бландом, директором ливерпулского вокзала линии Лондон — Западное побережье. Караталь был невысокий человек средних лет, брюнет, настолько сутулый, что казался горбатым. Его сопровождал друг — мужчина, по-видимому, очень сильный, чья почтитель-

иость н услужливость по отношениию к мосье Караталю свндетельствовали о его подчнненном положении. Этот друг или спутннк Каратаeasy, чье нмя осталось иензвестным, был явно ннострандем н, судя по смуглому цвету кожи, скорее всего нспанцем либо латниоамернканцем. Ои обращал иа себя вннмание одиой особеиностью. В левой руке ои держал малеиькую курьерскую сумку из черной кожн, и иаблюдательиый клерк иа ливерпулском вокзале заметнл, что сумка была прикреплена к его запястью ремешком. В то время иа это обстоятельство ие обратилн винмання, но ввнду последовавшнх событий оио прнобрело известное значенне. Мосье Карataля проводнли в кабинет мистера Бланда, а его спутиик остался в прнемиой.

Дело мосье Караталя не заияло много временн. Ои только что прибыл нз Центральиой Америки. Обстоятельства чрезвычайной важиостн требуют, чтобы он добрался до Парнжа как можио быстрее. На лоидоиский экспресс ои опоздал и хочет заказать экстрениый поезд. Расходы зиачення ие нмеют, главиое — время. Ои готов заплатить, сколько потребует компання, лишь бы сразу троиуться в путь.

Мнстер Блаид иажал киопку электрического звоика, вызвал мнстера Поттера Гуда, иачальинка службы двнжения, н в пять мниут все устронлось. Поезд отправнтся через три четвертн часа, когда освободится лииия. К мощиому паровозу «Рочдейль» (в реестре компаннн ои зиачился под № 247) прнцепили два пассажирскнх вагона н багажиый. Первый вагои иужен был лншь для того, чтобы умеиьшнть иеприятиую вибрацню, иеизбежиую прн большой скоростн. Второй вагои был разделеи, как обычно, иа четыре купе: первого класса, первого класса для курящих, второго класса и второго класса для курящнх. Первое купе, самое ближиее к паровозу, предиазиачалось для путешествеииков. Трн других пустовалн. Коидуктором экстрениого поезда был Джеймс Макферсои, уже иесколько лет состоявшнй иа службе у компаиин. Кочегар Унльям Смит был человеком новым.

Мосье Караталь, выйдя из кабннета днректора, присоеднннлся к своему спутннку, и, судя по всему, им не терпелось поскорее уехать. Уплатнв, сколько требова-

лось — а именно пятьдесят фунтов пять шиллингов (обычная такса для экстренных поездов — пять шиллингов за милю),— они попросили, чтобы их проводили в вагон, и остались в нем, хотя их заверили, что пройдет добрых полчаса, прежде чем удастся освободить линию. Тем временем в кабинете, который только что покинул мосье Караталь, случилось нечто удивительное.

В богатом коммерческом центре экстренные поезда заказывают довольно часто, но два таких заказа в один и тот же день — это уже редчайшее совпадение. И тем не менее едва мистер Бланд отпустил первого путешественника, как к нему с такой же просьбой обратился второй. Это был некий мистер Хорес Мур, человек весьма почтенный, похожий на военного; сообщив, что в Лондоне внезапно очень серьезно заболела его жена, он заявил, что должен, ни минуты не медля, ехать в столицу. Его тревога и горе были столь очевидны, что мистер Бланд сделал все возможное, чтобы помочь ему. О втором экстренном поезде не могло быть и речи: движение местных поездов было и так уже отчасти нарушено из-за первого. Однако мистер Мур мог бы оплатить часть расходов за экстренный поезд мосье Караталя и поехать во втором, пустом, купе первого класса, если мосье Караталь не разрешит ему ехать в своем купе. Казалось, такой вариант не должен был встретить возражений, и, однако, едва мистер Поттер Гуд это предложил, как мосье Караталь тотчас же категорически его отверг.

Поезд этот его, заявил мистер Караталь, и только он им и воспользуется. Не помогли никакие уговоры, мосье Караталь резко отказывал снова и снова, и в конце концов пришлось отступиться.

Мистер Хорес Мур, необычайно огорчившись, покинул вокзал после того, как ему сообщили, что он сможет уехать лишь с обычным поездом, отправляющимся из Ливерпула в шесть вечера. Точно в четыре часа тридцать одну минуту, по вокзальным часам, экстренный поезд с горбатым мосье Каратаелем и его великаном-спутником, отошел от ливерпульского вокзала. Линия к этому моменту была уже свободна, и до самого Манчестера не предполагалось ни одной остановки.

Поезда компании Лондон — Западное побережье до этого города движутся по линии, принадлежащей другой компании, и экстренный поезд должен был прибыть туда задолго до шести. В четверть седьмого, к немалому изумлению и испугу администрации ливерпулского вокзала, из Манчестера была получена телеграмма, сообщавшая, что экстренный поезд туда еще не прибыл. На запрос, отправленный в Сент-Хеленс — третью станцию по пути следования экспресса — получили ответ:

«Ливерпул, Джеймсу Бланду, директору Компании Лондон — Западное побережье. Экстренный прошел у нас в 4.52, без опоздания. Даузер, Сент-Хеленс».

Эта телеграмма была получена в 6.40. В 6.50 из Манчестера пришло второе сообщение:

«Никаких признаков экстренного, о котором вы извещали».

А через десять минут принесли третью телеграмму, еще более пугающую:

«Вероятно, не поняли, как будет следовать экстренный поезд. Местный из Сент-Хеленс, который должен был пройти после него, только что прибыл и не видел никакого экстренного. Будьте добры, телеграфируйте, что предпринять. Манчестер».

Дело принимало в высшей степени удивительный оборот, хотя последняя телеграмма отчасти успокоила ливерпулское начальство. Если бы экстренный потерпел крушение, то местный, следуя по той же линии, наверняка бы это заметил. Но что же все-таки произошло? Где сейчас этот поезд? Может быть, его по каким-либо причинам перевели на запасный путь, чтобы пропустить местный поезд? Так действительно могло случиться, если вдруг понадобилось устранить какую-нибудь неисправность.

На каждую станцию, расположенную между Сент-Хеленс и Манчестером, отправили запрос, и директор вместе с начальником службы движения, полные жгучего беспокойства, ждали у аппарата ответных телеграмм, которые должны были объяснить, что же произошло с пропавшим поездом. Ответы пришли один за другим — станции отвечали в том порядке, в каком их запрашивали, начиная от Сент-Хеленс:

«Экстренный прошел в 5.00. Коллинс-Грин».

«Экстренный прошел в 5. 06. Эрлстаун».

«Экстренный прошел в 5.10. Ньютон».

«Экстренный прошел в 5.20. Кеньон».

«Экстренный не проходил. Бартон-Мосс».

Оба должностных лица в изумлении уставились друг на друга.

— Такого за тридцать лет моей службы еще не бывало,— сказал мистер Бланд.

— Беспрецедентно и абсолютно необъяснимо, сэр. Между Кеньоном и Бартон-Мосс с экстренным что-то случилось.

— Но если память мне не изменяет, между этими станциями нет никакого запасного пути. Значит, экстренный сошел с рельсов.

Но как же мог поезд проследовать в 4.50 по этой же линии и ничего не заметить?

— Что-либо иное исключается, мистер Гуд. Могло произойти только это. Возможно, с местного поезда заметили что-нибудь, что может пролить свет на это дело. Мы запросим Манчестер, нет ли еще каких-нибудь сведений, а в Кеньон телеграфируем, чтобы до самого Бартон-Мосс линия была немедленно обследована.

Ответ из Манчестера пришел через несколько минут.

«Ничего нового о пропавшем экстренном. Машинист и кондуктор местного поезда уверены, что между Кеньоном и Бартон-Мосс не произошло никакого крушения. Линия была совершенно свободна, и нет никаких следов чего-либо необычного. Манчестер».

— Этого машиниста и кондуктора придется уволить,— мрачно сказал мистер Бланд.— Произошло крушение, а они ничего не заметили. Ясно, что экстренный слетел под откос, не повредив линии. Как это могло произойти, я не понимаю, но могло случиться только это, и вскоре мы получим телеграмму из Кеньона или из Бартон-Мосс, сообщающую, что поезд обнаружили под насыпью.

Но предсказанию мистера Бланда не суждено было сбыться. Через полчаса от начальника станции в Кеньоне пришло следующее донесение:

«Никаких следов пропавшего экстренного. Совершенно очевидно, что он прошел здесь и не прибыл в Бартон-Мосс. Мы отцепили паровоз от товарного состава, и я сам проехал по линии, но она в полном порядке, никаких признаков крушения».

Ошеломленный мистер Блаид рвал на себе волосы.

— Это же безумие, Гуд,— вопил он.— Может ли в Англии средь бела дня при ясной погоде пропасть поезд? Чистейшая нелепость! Паровоз, тендер, два пассажирских вагона, багажный вагон, пять человек — и все это исчезло на прямой железнодорожной линии! Если в течение часа мы не узнаем ничего определенного, я забираю инспектора Коллинса и отправляюсь туда сам.

И тут наконец произошло что-то определенное. Из Кеньона пришла новая телеграмма.

«С прискорбием сообщаем, что среди кустов в двух с четвертью милях от станции обнаружен труп Джона Слейтера, машиниста экстренного поезда. Упал с паровоза и скатился по насыпи в кусты. По-видимому, причина смерти — повреждение головы при падении. Все вокруг тщательно осмотрено, никаких следов пропавшего поезда».

Как уже было сказано раньше, Англию лихорадил политический кризис, а, кроме того, публику занимали важные и сенсационные события в Париже, где грандиозный скандал грозил свалить правительство и погубить репутацию многих видных политических деятелей. Газеты писали только об этом, и необычайное исчезновение экстренного поезда привлекло к себе гораздо меньше внимания, чем если бы это случилось в более спокойное время. Да и абсурдность происшествия умаляла его важность, газеты просто не поверили сообщенным им фактам. Две-три лондонские газеты сочли это просто ловкой мистификацией, и только расследование гибели несчастного машиниста (не установившее ничего важного) убедило их в подлинности и трагичности случившегося.

Мистер Блаид в сопровождении Коллинса, инспектора железнодорожной полиции, вечером того же дня отправился в Кеньон, и на другой день они произвели расследование, не давшее решительно никаких результа-

тов. Не только не было обнаружено никаких признаков пропавшего поезда, но не выдвигалось даже никаких предположений, объяснивших бы случившееся. В то же время рапорт инспектора Коллинса (который сейчас, когда я пишу, лежит передо мной) показывает, что всяких возможностей оказалось гораздо больше, чем можно было ожидать.

«Между двумя этими пунктами,— говорится в рапорте,— железная дорога проходит через местность, где имеется много чугуноплавильных заводов и каменноугольных копей. Последние частично заброшены. Из них не менее двенадцати имеют узкоколейки, по которым вагонетки с углем отправляют до железнодорожной линии. Эти ветки, разумеется, в расчет принимать нельзя. Однако, помимо них, есть еще семь шахт, которые связаны или были связаны с главной линией боковыми ветками, чтобы можно было сразу доставлять уголь к месту потребления. Однако длина веток не превышает нескольких миль. Из этих семи четыре ветки ведут к заброшенным выработкам или к шахтам, где добыча угля прекращена. Это шахты «Красная рукавица», «Герой», «Ров отчаяния» и «Радость сердца». Последняя десять лет тому назад была одной из главных шахт Ланкашира. Эти четыре ветки не представляют для нас интереса, так как во избежание несчастных случаев они с линией разъединены — стрелки сняты и рельсы убраны. Остаются еще боковые ветки, которые ведут:

а) к чугунолитейному заводу Карнстока,
б) к шахте «Большой Бен»,
в) к шахте «Упорство».

Из них ветка «Большой Бен», длиной всего в четверть мили, упирается в гору угля, который надо откатывать от входа в шахту. Там не видели ничего из ряда вон выходящего и не слышали ничего необычного. На ветке чугунолитейного завода весь день третьего июня стоял состав из шестнадцати вагонов с рудой. Это одноколейка, и проехать по ней никто не мог. Ветка, ведущая к шахте «Упорство»,— двухколейная, и движение на ней большое, так как добыча руды тут очень велика. Третьего июня движение поездов по ней шло, как обычно; сотни людей, в том числе бригада укладчиков шпал, работа-

ли на всем ее протяжении в две с половиной мили, и неизвестный поезд никак не мог пройти по ней незамеченным. В заключение следует указать, что эта ветка ближе к Сент-Хеленс, чем то место, где был обнаружен труп машиниста, так что мы имеем все основания полагать, что несчастье с поездом случилось после того, как он миновал этот пункт.

Что же касается Джона Слейтера, то ни его вид, ни характер повреждений не дают ключа к разгадке случившегося. Можно только сделать вывод, что он погиб, упав с паровоза, хотя я не могу объяснить, почему он упал и что случилось с поездом после его падения».

В заключение инспектор просил правление об отставке, так как его сильно уязвили обвинения некоторых лондонских газет в некомпетентности.

Прошел месяц, в течение которого и полиция и компания продолжали расследования, но тщетно. Была обещана награда, прощение вины, если было совершено преступление, но и это ничего не дало. День за днем читатели разворачивали свои газеты в уверенности, что эта нелепая тайна наконец-то раскрыта, но шли недели, а до разгадки было все так же далеко.

Днем в самой густонаселенной части Англии поезд с ехавшими в нем людьми исчез без следа — словно какой-то гениальный химик превратил его в газ. И действительно, среди догадок, высказанных в газетах, были и вполне серьезные ссылки на сверхъестественные или по крайней мере противоестественные силы и на то, что горбатый мосье Караталь, по всей вероятности,— особа более известная под гораздо менее благозвучным именем. Другие утверждали, что все это — дело рук его смуглого спутника, но что же именно он сделал, так и не смогли вразумительно объяснить.

Среди множества предположений, выдвигавшихся различными газетами и частными лицами, два-три были достаточно вероятными и привлекли внимание публики. В письме, появившемся в «Таймс» за подписью довольно известного в те времена дилетанта-логика, про-

нсшедшее рассматривалось с критических н полунаучных позиций. Достаточно привести небольшую выдержку нз этого пнсьма, но тот, кто заинтересуется, может прочесть его целиком в номере от третьего июля.

«Один из основных принципов практической логики сводится к тому,— замечает автор письма,— что после исключения невозможного оставшееся, каким бы неправдоподобным оно ни казалось, должно быть истиной. Поезд, несомненно, отошел от Кеньона. Поезд, несомненно, не дошел до Бартон-Мосс. Крайне невероятно, но все же возможно, что он свернул на одну из семи боковых веток. Поскольку поезд не может проехать там, где нет рельсов, это исключается. Следовательно, область невероятного исчерпывается тремя действующими ветками, ведущими к заводу Карнстока, к «Большому Бену» и к «Упорству». Существует ли секретное общество углекопов, английская camorra [1], которая способна уничтожить и поезд и пассажиров? Это неправдоподобно, но не невероятно. Признаюсь, я не могу предложить иного решения загадки. Во всяком случае, я порекомендовал бы железнодорожной компании заняться этими тремя линиями и теми, кто там работает. Тщательное наблюдение за закладными лавками в этом районе, возможно, и выявит какие-нибудь небезынтересные факты».

Предположение, исходящее от признанного в таких вопросах авторитета, вызвало значительный интерес и резкую оппозицию со стороны тех, кто счел подобное заявление нелепой клеветой на честных и достойных людей. Единственным ответом на эту критику явился вызов противникам — предложить другое, более вероятное объяснение. Их было даже два («Таймс» от 7 и 9 июля).

Во-первых, предположили, что поезд мог сойти с рельсов и лежит на дне стаффордширского канала, который на протяжении нескольких сотен ярдов проходит параллельно железнодорожному полотну. В ответ на это появилось сообщение, что канал слишком мелок и вагоны были бы видны.

---

[1] Банда *(итал.)*.

Во втором письме указывалось, что курьерская сумка, которая, по-видимому, составляла единственный багаж путешественников, могла скрывать новое взрывчатое вещество невероятной силы. Однако полная абсурдность предположения, будто целый поезд мог разлететься в пыль, а рельсы при этом совсем не пострадали, вызывала только улыбку.

Расследование зашло, таким образом, в полный тупик, но тут случилось нечто совсем неожиданное.

А именно: миссис Макферсон получила письмо от своего мужа Джеймса Макферсона, кондуктора исчезнувшего поезда. Письмо, датированное пятым июля 1890 года, было опущено в Нью-Йорке и пришло четырнадцатого июля. Были высказаны сомнения в его подлинности, но миссис Макферсон утверждала, что это почерк ее мужа, а тот факт, что к письму было приложено сто долларов в пятидолларовых купюрах, исключал возможность мистификации. Обратного адреса в письме не было. Вот его содержание:

«Дорогая жена, я долго обо всем думал, и мне очень тяжело расстаться с тобой навсегда. И с Лиззи тоже. Я стараюсь о вас не думать, но ничего не могу с собой поделать. Посылаю вам немного денег, которые составят двадцать английских фунтов. Этого вам с Лиззи хватит на проезд в Америку, а гамбургские пароходы, заходящие в Саутгемптон, очень хороши и проезд на них дешевле, чем на ливерпульских. Если вам удастся приехать сюда и остановиться в Джонстон-Хаусе, я постараюсь сообщить вам, где мы можем встретиться, но сейчас положение мое очень трудное и я не очень-то счастлив,— слишком тяжко мне терять вас обеих. Вот пока и все, твой любящий муж. Джеймс Макферсон».

Это письмо пробудило твердую надежду, что скоро все объяснится, так как было установлено, что седьмого июня в Саутгемптоне на пароход «Вистула» (линия Гамбург — Нью-Йорк) сел пассажир, назвавшийся Саммерсом, но очень похожий по описанию на исчезнувшего кондуктора. Миссис Макферсон и ее сестра Лиззи Долтон отправились в Нью-Йорк и три недели прожили в Джонстон-Хаусе, но больше не получили от Макферсона никаких известий. Возможно, неосторожные комментарии газет подсказали ему, что полиция решила уст-

роить ему ловушку. Но как бы то ни было, Макферсон не написал и не появился, так что обеим женщинам пришлось в конце концов вернуться в Ливерпул.

Так обстояло дело вплоть до нынешнего, 1898 года. Как ни невероятно, но за эти восемь лет не было обнаружено ничего, что бы могло пролить малейший свет на необычайное исчезновение экстренного поезда, в котором ехали мосье Караталь и его спутник. Тщательное расследование прошлого этих двух путешественников позволило установить лишь, что мосье Караталь был в Центральной Америке весьма известным финансистом и политическим деятелем и что, отправившись в Европу, он стремился как можно скорее попасть в Париж. Его спутник, значившийся в списке пассажиров под именем Эдуардо Гомеса, был человеком с темной репутацией наемного убийцы и негодяя. Однако имеются доказательства того, что он был по-настоящему предан мосье Караталю, и последний, будучи человеком физически слабым, нанял Гомеса в качестве телохранителя. Можно еще добавить, что из Парижа не поступило никаких сведений относительно того, почему так спешил туда мосье Караталь. Вот и все, что было известно об этом деле, вплоть до опубликования в марсельских газетах признания Эрбера де Лернака, ныне приговоренного к смертной казни за убийство торговца по фамилии Бонвало. Далее следует точный перевод его заявления.

«Я сообщаю это не для того, чтоб просто похвастаться,— я мог бы рассказать о дюжине других, не менее блестящих операций; я делаю это, чтоб некоторые господа в Париже поняли — раз уж я могу поведать о судьбе мосье Караталя, то могу сообщить и о том, в чьих интересах и по заказу кого было это сделано,— если только в самое ближайшее время, как я ожидаю,— не объявят об отмене мне смертного приговора. Предупреждаю вас, господа, пока еще не поздно! Вы знаете Эрбера де Лернака — слово у него не расходится с делом. Поспешите или вы погибли!

Пока я не стану называть имен — если б вы только услышали эти имена!— а просто расскажу, как ловко я все проделал. Я был верен тем, кто меня нанял, и они, конечно, будут верны мне сейчас. Я на это надеюсь, и пока не буду убежден, что они меня предали, имена эти,

способные заставить содрогнуться всю Европу, не будут преданы гласности. Но в тот день... впрочем, пока достаточно.

Короче говоря, тогда, в 1890 году, в Париже шел громкий процесс, связанный с грандиозным скандалом в политических и финансовых сферах. Насколько он был грандиозен, известно лишь тайным агентам вроде меня. Честь и карьера многих выдающихся людей Франции были поставлены на карту. Вы видели, как стоят кегли — такие чопорные, непреклонные, высокомерные. И вот откуда-то издалека появляется шар. «Хлоп-хлоп-хлоп» — и все кегли валяются на земле. Вот и представьте себе, что некоторые из величайших людей Франции — кегли, а мосье Караталь — шар, и еще издали видно, как он приближается. Если бы он прибыл, то «хлоп-хлоп-хлоп» — и с ними было бы покончено. Вот почему он не должен был прибыть в Париж.

Я не утверждаю, будто все эти люди ясно понимали, что должно произойти. Как я уже сказал, на карту были поставлены значительные финансовые и политические интересы, и чтобы привести это дело к благополучному окончанию, был создан синдикат. Многие, вступившие в этот синдикат, вряд ли отдавали себе отчет, каковы его цели. Но другие все понимали отлично, и они могут не сомневаться, что я не забыл их имена. Им стало известно о поездке мосье Караталя еще задолго до того, как он покинул Америку, и эти люди знали, что имеющиеся у него доказательства означают для всех них гибель. Синдикат располагал неограниченными средствами — абсолютно неограниченными. Теперь им был нужен агент, способный применить эту гигантскую силу. Этот человек должен был быть изобретательным, решительным, находчивым — одним на миллион. Выбор пал на Эрбера де Лернака, и, я должен признать, они поступили правильно.

Мне поручили подыскать себе помощников и пустить в ход все, что могут сделать деньги, чтобы мосье Караталь не прибыл в Париж. С обычной своей энергией я приступил к выполнению поручения тотчас же, как получил инструкции, и шаги, которые я предпринял, были наилучшими из всех возможных для осуществления намеченного.

Мой доверенный немедленно отправился в Америку, чтобы вернуться обратно с мосье Караталем. Если бы он прибыл туда вовремя, пароход никогда бы не достиг Ливерпула; но, увы! — пароход вышел в море, прежде чем мой агент до него добрался. Я снарядил маленький вооруженный бриг, чтобы перехватить пароход, но опять потерпел неудачу. Однако, как и все великие организаторы, я был готов к провалу и имел в запасе несколько других планов, один из которых должен был увенчаться успехом. Вам не следует недооценивать трудности этого предприятия, или воображать, что тут достаточно было ограничиться обыкновенным убийством. Надо было уничтожить не только мосье Караталя, но и его документы, а также и спутников мосье Караталя, коль скоро мы имели основания полагать, что он доверил им свои секреты. И не забывайте, что они были начеку и принимали меры предосторожности. Это была достойная меня задача, ибо там, где другие теряются, я действую мастерски.

Я во всеоружии ожидал в Ливерпуле прибытия мосье Караталя и был тем более полон нетерпения, что по имевшимся у меня сведениям в Лондоне он уже будет находиться под сильной охраной.

Задуманное должно было произойти между тем моментом, когда он ступит на ливерпулскую набережную и до его прибытия на Лондонский вокзал.

Мы разработали шесть планов, один лучше другого; окончательный выбор зависел от действий мосье Караталя. Однако, что бы он ни предпринял, мы были готовы ко всему. Если б он остался в Ливерпуле, мы были к этому готовы. Если б он поехал обычным поездом, или экспрессом, или экстренным, мы были готовы и к этому. Все было предусмотрено и предвосхищено.

Вы можете подумать, что я не мог проделать всего этого сам. Что мне было известно об английских железных дорогах?

Но деньги в любой части света найдут ревностных помощников, и вскоре мне уже помогал один из самых выдающихся умов Англии. Имен я никаких не назову, но было бы несправедливо приписывать все заслуги себе. Мой английский союзник был достоин работать со мной. Он досконально знал линию Лондон—Западное побе-

режье и имел в своем распоряженнн несколько рабочих, умиых и вполие ему предаиных. Идея операции прннадлежит ему, и со миой советовались только относительно некоторых частиостей. Мы подкупили нескольких служащих компании, в том числе — что самое важиое — Джеймса Макферсона, который, как мы установили, обычно сопровождал экстрениые поезда. Кочегара Смита мы тоже подкупили. Пыталнсь договориться с Джоном Слейтером, машннистом, однако он оказался человеком упрямым н опасиым, и после первой же попытки мы решили с ним ие связываться.

У нас не было абсолютиой уверенности, что мосье Караталь закажет экстренный поезд, но мы счнтали это весьма вероятиым, так как ему было крайие важно без промедлеиия прибыть в Париж. И на этот случай мы кое-что подготовнлн, прнчем все приготовления закончились задолго до того, как пароход мосье Караталя вошел в английские воды. Вы посмеетесь, узнав, что в лоцманском катере, встретившем пароход, находился один из моих агеитов.

Едва Караталь прибыл в Ливерпул, как мы догадались, что ои подозревает об опасиости н держится начеку. Он привез с собой в качестве телохраиителя отчаянного головореза по нмеии Гомес, человека, нмевшего прн себе оружие н готового пустнть его в ход. Гомес носнл секретные докумеиты Караталя и был готов защищать н эти бумаги и их владельца. Мы полагали, что Караталь посвятнл его в свои дела, н убрать Караталя, ие убрав Гомеса, было бы пустой тратой сил и времени. Их должиа была постигнуть общая судьба, н, заказав экстрениый поезд, они в этом смысле сыграли иам на руку.

В этом поезде двое служащнх компании из трех точно выполияли нашн инструкцнн за сумму, которая могла обеспечнть их до конца жнзии. Не берусь утверждать, что английская нацня честиее другнх, но я обиаружил, что купить аиглнчан стоит гораздо дороже.

Я уже говорил о моем английском агеите: у этого человека блестящее будущее, еслн только болезнь горла не сведет его преждевременно в могилу. Он отвечал за все приготовления в Ливерпуле, в то время как я остаиовнл-

ся в гостинице в Кеньоне, где и ожидал зашифрованного сигнала к действию. Едва экстренный поезд был заказан, мой агент немедленно телеграфировал мне и предупредил, к какому времени я должен все приготовить. Сам он под именем Хореса Мура немедленно попытался заказать экстренный поезд в надежде, что ему позволят ехать в Лондон вместе с мосье Караталем — это при известных условиях могло нам помочь. Если бы, например, наш главный coup[1] сорвался, мой агент должен был застрелить их обоих и уничтожить бумаги. Каратáль, однако, был настороже и отказался впустить в поезд постороннего пассажира. Тогда мой агент покинул вокзал, вернулся с другого входа, влез в багажный вагон со стороны противоположной платформы и поехал вместе с кондуктором Макферсоном.

Вас, конечно, интересует, что тем временем предпринимал я. Все было готово еще за несколько дней, недоставало лишь завершающих штрихов. Заброшенная боковая ветка, которую мы выбрали, раньше соединялась с главной линией. Надо было лишь уложить на место несколько рельсов, чтобы снова их соединить. Рельсы были почти все уложены, но из опасения привлечь внимание к нашей работе, завершить ее решили в последний момент — уложить остальные рельсы и восстановить стрелки. Шпалы оставались нетронутыми, а рельсы, стыковые накладки и гайки были под рукой — мы взяли их с соседней заброшенной ветки. Моя небольшая, но умелая группа рабочих закончила все задолго до прибытия экстренного поезда. А прибыв, он так плавно свернул на боковую ветку, что оба путешественника вряд ли даже заметили толчок на стрелках.

По нашему плану кочегар Смит должен был усыпить машиниста Джона Слейтера, чтобы он исчез вместе с остальными. И в этой части — только в этой — планы наши сорвались, не считая, конечно, преступной глупости Макферсона, написавшего жене. Кочегар так неловко выполнил данное ему поручение, что, пока они боролись, Слейтер упал с паровоза, и хотя судьба нам благоприятствовала и он, падая, сломал себе шею, это все же остается пятном на операции, которая, не случись этого, стала

[1] Удар (*франц.*).

бы одним из тех совершенных шедевров, которымн любуешься в немом восхищении. Эксперт-криминалист сразу заметнт, что Джон Слейтер — единственый промах в наших великолепных комбинациях. Человек, у которого было столько триумфов, сколько у меня, может себе позволить быть откровенным, и я прямо заявляю, что Джон Слейтер — наше упущение.

Но вот экстренный поезд свернул на маленькую ветку длиной в два километра, или, вернее, в милю с небольшим, которая ведет (а вернее, когда-то вела) к ныне заброшенной шахте «Радость сердца», прежде одной из самых больших шахт в Англии. Вы спросите, как же так получилось, что никто не заметил, как прошел поезд по этой заброшенной линии. Дело в том, что на всем своем протяжении линия идет по глубокой выемке и увидеть поезд мог только тот, кто стоял на краю этой выемки. И там кто-то стоял. Это был я. А теперь я расскажу вам, что я видел.

Мой помощник остался у стрелки, чтобы перевести поезд на другой путь. С ним было четверо вооруженных людей на случай, если бы поезд сошел с рельсов, — мы считали это возможным, так как стрелки были очень ржавые. Когда мой помощник убедился, что поезд благополучно свернул на боковую ветку, его миссия кончилась, и за все дальнейшее отвечал я. Я ждал в таком месте, откуда был виден вход в шахту. Я так же, как и два моих подчиненных, ждавших вместе со мной, был вооружен. Это должно вас убедить, что я действительно предусмотрел все.

В тот момент, когда поезд пошел по боковой ветке, Смит, кочегар, замедлил ход, затем, поставив регулятор на максимальную скорость, вместе с моим английским помощником и Макферсоном спрыгнул, пока еще было не поздно, с поезда. Возможно, именно это замедление движения и привлекло внимание путешественников, но когда их головы появились в открытом окне, поезд уже снова мчался на полной скорости.

Я улыбаюсь, воображая, как они опешили. Представьте, что вы почувствуете, если, выглянув из своего роскошного купе, внезапно увидите, что рельсы, по которым вы мчитесь, заржавели и погнулись — ведь колею за ненадобностью давно забросили. Как, должно быть, перехва-

тило у них дыхание, когда они вдруг поняли, что не Манчестер, а сама смерть ждет их в конце этой зловещей линии. Но поезд мчался с бешеной скоростью, подскакивая и раскачиваясь на расшатанных шпалах, и колеса жутко скрежетали по заржавевшим рельсам. Я стоял к ним очень близко и разглядел их лица. Караталь молился — в руке у него, по-моему, болтались четки. Гомес ревел, как бык, почуявший запах крови на бойне. Он увидел нас на насыпи и замахал нам рукой, как сумасшедший. Потом он оторвал от запястья курьерскую сумку и швырнул ее в окно в нашу сторону. Смысл этого, разумеется, был ясен: то были доказательства, и они обещали молчать, если им даруют жизнь. Конечно, это было бы очень хорошо, но дело есть дело. Кроме того, мы, так же, как и они, не могли уже остановить поезд.

Гомес перестал вопить, когда поезд проскрежетал на повороте, и они увидели, как перед ними разверзлось устье шахты. Мы заранее убрали доски, прикрывавшие его, и расчистили квадратный вход. Линия довольно близко подходила к стволу шахты, чтобы удобнее было грузить уголь, и нам оставалось лишь добавить два-три рельса, чтобы довести ее до самого ствола шахты. Собственно говоря, последние два рельса даже не уложились полностью и торчали над краем ствола фута на три. В окне мы увидели две головы: Караталь внизу, Гомес сверху; открывшееся им зрелище заставило обоих онеметь. И все-таки они были не в силах отпрянуть от окна: их словно парализовало.

Меня очень занимало, как именно поезд, несущийся с громадной скоростью, обрушится в шахту, в которую я его направил, и мне было очень интересно за этим наблюдать. Один из моих помощников полагал, что он просто перепрыгнет через ствол, и действительно, чуть было так и не вышло. К счастью, однако, инерция оказалась недостаточной, буфер паровоза с неимоверным треском стукнулся о противоположный край шахты. Труба взлетела в воздух. Тендер и вагоны смешались в одну бесформенную массу, которая вместе с останками паровоза на мгновение закупорила отверстие шахты. Потом что-то в середине подалось, и вся куча зеленого железа, дымящегося угля, медных поручней, колес, деревянных

панелей и подушек сдвинулась и рухнула в глубь шахты. Мы слышали, как обломки ударялись о стенки, а потом, значительное время спустя, из глубины донесся гул — то, что осталось от поезда, ударилось о дно шахты. Вероятно, взорвался котел, потому что за прокатившимся гулом послышался резкий грохот, а потом из черных недр вырвалось густое облако дыма и пара и осело вокруг нас брызгами, крупными, как дождевые капли. Потом пар превратился в мелкие клочья, они растаяли в солнечном сиянии летнего дня, и на шахте «Радость сердца» снова воцарилась тишина.

Теперь, после успешного завершения нашего плана, надо было уничтожить все следы. Наши рабочие на том конце линии уже сняли рельсы, соединявшие боковую ветку с главной линией, и положили их на прежнее место. Мы были заняты тем же у шахты. Трубу и прочие обломки сбросили вниз, вход снова загородили досками, а рельсы, которые вели к шахте, сняли и убрали. Затем, без лишней торопливости, но и без промедления, мы все покинули пределы Англии — большинство отправилось в Париж, мой английский коллега — в Манчестер, а Макферсон — в Саутгемптон, откуда он эмигрировал в Америку. Пусть английские газеты того времени поведают вам, как тщательно мы проделали свою работу и как мы поставили в тупик самых умных из сыщиков.

Не забудьте, что Гомес выбросил в окно сумку с документами; разумеется, я сохранил эту сумку и доставил ее тем, кто меня нанял. Возможно, им будет небезынтересно узнать, что я предварительно извлек из этой сумки два-три маленьких документа — на память о случившемся. У меня нет никакого желания опубликовать эти бумаги, но своя рубашка ближе к телу, и что же мне остается делать, если мои друзья не придут мне на помощь, когда я в них нуждаюсь? Можете мне поверить, господа, что Эрбер де Лернак столь же грозен, когда он против вас, как и когда он за вас, и что он не тот, кто отправится на гильотину, не отправив всех вас в Новую Каледонию[1]. Ради вашего собственного спасения, если

[1] Новая Каледония — французская колония, куда ссылали на каторжные работы.

не ради моего, поспешите, мосье де..., генерал... и барон... Читая, вы сами заполните пропуски. Обещаю вам, что в следующем номере газеты эти пропуски уже будут заполнены.

P. S. Просмотрев свое заявление, я обнаружил в нем только одну неясность: это касается незадачливого Макферсона, который по глупости написал жене и назначил ей в Нью-Йорке свидание. Нетрудно понять, что, когда на карту поставлены такие интересы, как наши, мы не можем полагаться на волю случая и зависеть от того, выдаст ли простолюдин, вроде Макферсона, нашу тайну женщине или нет. Раз уж он нарушил данную нам клятву и написал жене, мы больше не могли ему доверять. И поэтому приняли меры, чтобы он больше не увидел своей жены. Порой мне приходило в голову, что было бы добрым делом известить эту женщину, что ничто не препятствует ей снова вступить в брак».

Б. 24

Я рассказал эту нсторию, когда меия арестовали, но никто меня не слушал. Потом сиова рассказывал ее иа суде — все, как было, ие прибавнл нн единого слова. Я нзложнл все до точностн, да поможет мне бог,— все, что ледн Маннеринг говорила н делала, н все, что я говорнл и делал,— словом, так, как оио было. И чего я добился? «Арестованный сделал бессвязное, несерьезное заявленне, неправдоподобное по деталям н совершеино не подкрепленное доказательствами». Вот что написала одна лондонская газета, а остальные н вовсе ие упомянулн о моем выступленин, будто я и не защнщался. И все-такн я своимн глазами вндел, как убилн лорда Маниерннга, н виновеи я в этом ннчуть не больше, чем любой из присяжных, которые меня судили.

Ваше дело, сэр,— получать прошения от заключенных. Все завнсит от вас. Я прошу об одном: чтобы вы прочлн это, просто прочли, а потом навели справки, кто такая эта «ледн» Маниерннг, еслн она еще сохраняет то нмя, которое у нее было трн года назад, когда я на свою беду н погнбель встретнл ее. Приглаcнте частного сыщнка нлн хорошего стряпчего, н вы скоро узиаете достаточно и поймете, что правду-то сказал я. Подумайте только, как вы прославнтесь, еслн все газеты иапншут, что лншь благодаря вашей настойчнвостн н уму удалось предотвратить ужасную судебную ошнбку! Это и будет вашей наградой. Но если вы этого не сделаете, то чтоб вам больше не заснуть в своей постелн! И пусть вас каждую ночь преследует мысль о человеке, который

гниет в тюрьме из-за того, что вы не выполнили своей обязанности, а ведь вам платят жалованье, чтобы вы ее выполняли! Но вы это сделаете, сэр, я знаю. Просто наведите одну-две справки — и скоро поймете, в чем загвоздка. И запомните: единственный человек, которому преступление было выгодно,— это она сама, потому что была она несчастная жена, а теперь стала молодой вдовой. Вот уже один конец веревочки у вас в руках, и вам надо только идти по ней дальше и смотреть, куда она ведет.

Имейте в виду, сэр, насчет кражи со взломом — тут я ничего не говорю, если я что заслужил, так я не хнычу, пока что получил я лишь то, чего заслуживал. Верно, кража со взломом была, и эти три года — расплата за нее. На суде всплыло, что я был замешан в Мертонкросском деле и отсидел за него год, и на мой рассказ из-за этого не очень обратили внимание. Если человек уже попадался, его никогда не судят по справедливости. Что до кражи со взломом, тут признаюсь: виновен, но когда тебя обвиняют в убийстве и сажают пожизненно, а любой судья, кроме сэра Джеймса, отправил бы меня на виселицу,— тут уж я вам заявляю, что я никого не убивал и никакой моей вины нет. А теперь я расскажу без утайки все, что случилось в ту ночь тринадцатого сентября тысяча восемьсот девяносто четвертого года, и пусть десница господня поразит меня, если я солгу или хоть малость отступлю от правды.

Летом я был в Бристоле — искал работу, а потом узнал, что могу найти что-нибудь в Портсмуте, ведь я был хорошим механиком; и вот я побрел пешком через юг Англии, подрабатывая по дороге чем придется. Я всячески старался избегать неприятностей, потому что уже отсидел год в Эксетерской тюрьме и был сыт по горло гостеприимством королевы Виктории. Но чертовски трудно найти работу, если на твоем имени пятно, и я еле-еле перебивался. Десять дней я за гроши рубил дрова и дробил камни и, наконец, очутился возле Солсбери; в кармане у меня было всего-навсего два шиллинга, а моим башмакам и терпению пришел конец. На дороге между Блэндфордом и Солсбери есть трактир под названием «Бодрый дух», и там на ночь я снял койку. Я сидел перед закрытием один в пивном зале, и тут хозяин трак-

тира — фамилия его была Аллен — подсел ко мне н начал болтать о своих соседях. Человек этот любил поговорнть н любил, чтобы его слушалн; вот я н сидел, курил, попивал эль, который ои мне подиес, и ие слншком интересовался, что ои там рассказывает, пока ои как на грех ие заговорил о богатствах Маннеринг-холла.

— Это вот тот большой дом по правую сторону, как подходишь к деревне? — спросил я.— Тот, что стоит в парке?

— Он самый,— ответил хозяин (я передаю весь наш разговор, чтобы вы зиали, что я говорю вам правду н иичего ие утаиваю).— Длиный белый дом с колоннами,— продолжал он.— Сбоку от Блэндфордской дорогн.

А я как раз поглядел на этот дом, когда проходил мимо, н мие пришло в голову, — думать-то ведь ие запрещается, — что в него легко забраться: уж больио много там больших окон н стеклянных дверей. Я выбросил это из головы, а вот теперь хозяин трактира навел меия иа такие мысли своими рассказами о богатствах, которые находятся в доме. Я молчал и слушал, а он, на мою беду, все снова н сиова заводил речь о том же.

— Лорд Маииеринг и в молодости был скуп, так что можете себе представить, каков он сейчас,— сказал трактирщик.— И все же кое-какой толк ему от этих денег был!

— Что толку в деньгах, еслн человек нх не тратнт?

— Ои купил себе иа них жеиу — первейшую красавицу в Англин — вот какой толк; она-то, небось, думала, что сможет их тратить, да ие вышло.

— А кем она была раиьше?

— Да никем ие была, пока старый лорд не сделал ее своей леди,— сказал ои.— Оиа сама из Лоидона; говорнли, что она нграла на сцене, ио точно ннкто не зиает. Старый лорд год был в отъезде и вернулся с молодой женой; с тех пор она тут н жнвет. Стнвенс, дворецкий, мие както говорил, что весь дом прямо ожнл, когда она приехала; ио от скаредиостн н грубостн мужа, да еще от одиночества — ои гостей терпеть ие может,— н от ядовитого его языка, а язык у иего, как осиное жало, вся живость ее нсчезла, она стала такая бледиая, молчаливая, угрюмая, только бродит по проселкам. Говорят, будто она другого любила и измеиила своему милому потому, что

польстилась на богатства старого лорда, и теперь она вся исстрадалась — одно потеряла, а другого не нашла: если поглядеть, сколько у нее бывает в руках денег, так, пожалуй, во всем приходе беднее ее женщины нет.

Сами понимаете, сэр, мне было не очень интересно слушать о раздорах между лордом и леди. Какое мне дело, что она не выносит звука его голоса, а он ее всячески оскорбляет, надеется переломить ее характер и разговаривает с ней так, как никогда не посмел бы разговаривать со своей прислугой! Трактирщик рассказал мне обо всем этом и о многом другом в том же роде, но я все пропускал мимо ушей, потому что меня это не касалось. А вот что за богатства у лорда Маннеринга — это меня очень интересовало; документы на недвижимость и биржевые сертификаты — всего лишь бумага, и для того, кто их берет, они не столько выгодны, сколько опасны. Зато золото и драгоценные камни стоят того, чтобы рискнуть. И тогда, словно угадав мои тайные мысли, хозяин рассказал мне об огромной коллекции золотых медалей лорда Маннеринга, ценнейшей в мире, и о том, что если их сложить в мешок, то самый сильный человек в приходе его не поднимет. Тут хозяина позвала жена, и мы разошлись по своим кроватям.

Я не оправдываюсь, но умоляю вас, сэр, припомните все факты и спросите себя, может ли человек устоять перед таким искушением. Осмелюсь сказать, тут не многие бы устояли. Я лежал в ту ночь на койке в полном отчаянии, без надежды, без работы, с последним шиллингом в кармане. Я старался быть честным, а честные люди отворачивались от меня. Когда я воровал, они глумились надо мной и все же толкали меня на новое воровство. Меня несло по течению, и я не мог выбраться на берег. А тут была такая возможность: огромный дом с большими окнами и золотые медали, которые легко расплавить. Это все равно, что положить хлеб перед умирающим от голода человеком и думать, что он не станет его есть. Я некоторое время пытался бороться с соблазном, но напрасно. Наконец я сел на кровати и поклялся, что этой ночью я либо стану богатым человеком, либо снова попаду в кандалы. Потом я оделся, положил на стол шиллинг, — потому что хозяин обошелся со мной хорошо и

я не хотел его обманывать,— и вылез через окно в сад возле трактира.

Этот сад был окружен высокой стеной, и мне пришлось попыхтеть, прежде чем я перелез через нее, но дальше все шло как по маслу. На дороге я не встретил ни души, и железные ворота в парк были открыты. В домике привратника не было заметно никакого движения. Светила луна, и я видел огромный дом, тускло белевший под сводами деревьев. Я прошел с четверть мили по подъездной аллее и оказался на широкой, посыпанной гравием площадке перед парадной дверью. Я стал в тени и принялся рассматривать длинное здание, в окнах которого отражалась полная луна, серебрившая высокий каменный фасад. Я стоял некоторое время не двигаясь и раздумывал о том, где здесь легче всего проникнуть внутрь. Угловое окно сбоку просматривалось меньше всего и было закрыто тяжелой занавесью из плюща. Очевидно, надо было попытать счастья там. Я пробрался под деревьями к задней стене и медленно пошел в черной тени дома. Собака гавкнула и зазвенела цепью; я подождал, пока она успокоилась, а потом снова стал красться и наконец добрался до облюбованного мною окна.

Удивительно, как люди беззаботны в деревне, вдалеке от больших городов,— мысль о ворах никогда не приходит им в голову. А если бедный человек без всякого злого умысла берется за ручку двери и дверь распахивается перед ним,— какое это для него искушение! Тут оказалось, не совсем так, но все же окно было просто закрыто на обыкновенный крючок, который я откинул лезвием ножа. Я рывком приподнял раму, просунул нож в щель между ставнями и раздвинул их. Это были двустворчатые ставни; я толкнул их и влез в комнату.

— Добрый вечер, сэр! Прошу пожаловать! — сказал чей-то голос.

В жизни мне приходилось пугаться, но никакой испуг не идет в сравнение с тем, что я пережил. Передо мной стояла женщина с огарком восковой свечи в руке. Она была высокая, стройная и тонкая, с красивым бледным лицом, словно высеченным из белого мрамора, а волосы и глаза у нее были черные, как ночь. На ней было что-то вроде длинного белого халата, и этой одеждой и лицом она походила на ангела, сошедшего с небес. Колени мои

задрожали, и я схватился за ставень, чтобы не упасть. Я бы повернулся и убежал, да совсем обессилел и мог только стоять и смотреть на нее.

Она быстро привела меня в чувство.

— Не пугайтесь! — сказала она. (Странно было вору слышать такие слова от хозяйки дома, который он собирался ограбить.) — Я увидела вас из окна моей спальни, когда вы прятались под теми деревьями, спустилась вниз и услышала ваши шаги у окна. Я бы открыла его вам, если бы вы подождали, но вы сами с ним справились, как раз когда я вошла.

Я все еще держал в руке длинный складной нож, которым открывал ставни. За неделю, что я бродил по дорогам, я оброс и весь пропитался пылью. Короче говоря, не многие захотели бы встретиться со мной в час ночи; но эта женщина смотрела на меня так приветливо, словно я был ее любовником, пришедшим на свидание. Она взяла меня за рукав и потянула в комнату.

— В чем дело, мэм? Не пытайтесь меня одурачить! — сказал я самым грубым тоном, а я умею говорить грубо, когда захочу.— Если вы решили подшутить надо мной, так вам же будет хуже,— добавил я, показывая ей нож.

— Я и не думаю шутить с вами,— сказала она.— Наоборот, я ваш друг и хочу вам помочь.

— Простите, мэм, но трудно в это поверить,— сказал я.— Почему вы хотите мне помочь?

— У меня есть на это свои причины,— сказала она, и черные глаза ее сверкнули на белом лице.— Потому что я ненавижу его, ненавижу, ненавижу! Теперь понимаете?

Я вспомнил, что говорил хозяин трактира, и все понял. Я взглянул в лицо ее светлости, и мне стало ясно, что я могу ей довериться. Она хотела отомстить мужу. Хотела ударить его по самому больному месту — по карману. Она его так ненавидела, что согласилась даже унизиться и открыть свою тайну такому человеку, как я, лишь бы добиться своей цели. Было время, я тоже кое-кого ненавидел, но я и не знал, что такое ненависть, пока не увидел лица этой женщины при свете свечи.

— Теперь вы мне верите? — спросила она, снова прикасаясь к моему рукаву.

— Да, ваша светлость.

— Значит, вы знаете, кто я?

— Могу догадаться.

— Наверное, все графство говорит об обидах, которые я терплю. Но разве это его интересует? Во всем мире его интересует только одно, и вы сможете забрать это сегодня ночью. У вас есть мешок?

— Нет, ваша светлость.

— Закройте ставни. Тогда никто не увидит огня. Вы в полной безопасности. Слуги спят в другом крыле. Я покажу вам, где находятся наиболее ценные вещи. Вы не сможете унести их все, поэтому надо выбрать самые лучшие.

Комната, в которой я очутился, была длинная и низкая, со множеством ковров и звериных шкур, разбросанных по натертому паркетному полу. Повсюду стояли маленькие ящички, стены были украшены копьями, мечами, веслами и другими предметами, какие обычно встречаются в музеях. Тут были и какие-то странные одежды из диких стран, и леди вытащила из-под них большой кожаный мешок.

— Этот спальный мешок подойдет,— сказала она.— Теперь идите за мной, и я покажу вам, где лежат медали.

Подумать только, эта высокая бледная женщина — хозяйка дома, и она помогает мне грабить свое собственное жилище. Нет, это похоже было на сон. Я чуть не расхохотался, но в ее бледном лице было что-то такое, что мне сразу стало не до смеха, я даже похолодел. Она проскользнула мимо меня, как привидение, с зеленой свечой в руке, я шел за ней с мешком, и вот мы остановились у двери в конце музея. Дверь была заперта, но ключ торчал в замке, и леди впустила меня.

За дверью была маленькая комната, вся увешанная занавесями с рисунками. На них была изображена охота на оленя, и при дрожащем свете свечи, ей-богу, казалось, что собаки и лошади несутся по стенам. Еще в комнате стояли ящики из орехового дерева с бронзовыми украшениями. Ящики были застеклены, и под стеклом я увидел ряды золотых медалей, некоторые большие, как тарелки, и в полдюйма толщиной; все они лежали на красном бархате и поблескивали в темноте. У меня зачесались руки, и я подсунул нож под крышку одного ящика, чтобы взломать замок.

— Погодите,— сказала леди, беря меия за руку.— Можно найти кое-что и получше.

— Уж куда лучше, мэм!— сказал я.— Премного благодареи вашей светлости за помощь.

— Можно иайти и получше,— повторила она.— Я думаю, золотые совереиы устроят вас больше, чем эти вещи?

— Еще бы!— сказал я.— Это было бы самое лучшее.

— Ну так вот,— сказала она.— Он спит прямо иад нашей головой. Всего несколько ступенек вверх. И у него под кроватью стонт оловянный суидук с деньгамн, там их столько, что этот мешок будет полон.

— Да как же я возьму? Ои просиется!

— Ну н что? — Она пристальио посмотрела на меия.— Вы бы не допустили, чтобы ои позвал на помощь.

— Нет, иет, мэм, я ннчего такого не стану делать.

— Как хотнте,— сказала она.— С вниду вы показались мие смелым человеком, ио, должно быть, я ошиблась. Если вы боитесь какого-то старика, тогда, конечио, вам иечего рассчитывать на золото, которое лежит у него под кроватью. Разумеется, это ваше дело, но, по-моему, лучше вам заияться чем-ннбудь другнм.

— Я ие возьму иа душу убийства.

— Вы могли бы справиться с инм, ие причиняя ему вреда. Я ии слова ие говорила об убийстве. Деиьгн лежат под его кроватью. Но если вы трус, тогда вам незачем н пытаться.

Оиа так меия раззадорила — и издевкой своей н этнми деиьгамн, которые она словио держала у меия перед глазами,— что я, наверное, сдался бы и пошел иаверх попытать счастья, если бы ие ее глаза, — она так хитро н злобно поглядывала на меня, следнла, какая борьба идет во мие. Тут я сообразил, что оиа хочет сделать меия орудием своей мести и мие остается только либо прнкончить старика, лнбо попасть ему в руки. Оиа вдруг поняла, что выдала себя, н сразу же улыбнулась приветливой, дружелюбной улыбкой, но было поздио: я уже получнл предупреждение.

— Я не пойду наверх,— сказал я.— Все, что мие нужно, есть н здесь.

Она с презрением посмотрела иа меня: никто не мог бы сделать это откровениее.

— Очень хорошо. Можете взять эти медали. Я бы только проснла вас начать с этого конца. Я думаю, вам все равно, ведь, когда вы нх расплавнте, онн будут цениться только по весу, но вот этн — самые редкие, и потому он больше дорожнт ими. Нет надобности ломать замок. Нажмнте эту медную шншечку,— там есть потайная пружина. Так! Возьмите сначала эту малеиькую — он бережет ее, как зеницу ока.

Она открыла ящик, и все эти прекрасные вещи очутнлнсь прямо передо мной, я уже протянул было руку к той медали, на которую она мне показала, но вдруг ее лицо нзменилось, и она предостерегающе подняла палец.

— Тс-с! — прошептала оиа.— Что это?

В тишине дома мы услышалн слабый тягучий звук, затем чьи-то шаркающие шаги. Она мгновенио закрыла и заперла ящнк.

— Это муж! — шепнула она.— Ничего. Не тревожьтесь. Я все устрою. Сюда! Быстро, встаиьте за гобелеи!

Она толкнула меия за разрнсованный занавес на стене, н я спрятался там, все еще держа в руке пустой мешок. Сама же она взяла свечку н поспешнла в комнату, из которой мы пришли. С того места, где я стоял, мие было вндно ее через открытую дверь.

— Это вы, Роберт? — крикнула она.

Пламя свечн осветило дверь музея; шарканье слышалось все ближе и ближе. Потом я увидел в дверях огромное, тяжелое лицо, все в морщинах и складках, с большнм крючковатым носом, на носу очки в золотой оправе. Старику приходилось откидывать голову назад, чтобы смотреть через очкн, н тогда нос его задирался вверх н торчал, будто клюв диковииной совы. Человек он был крупный, очень высокий н плотный, так что его фнгура в широком халате заслоняла собой весь дверной проем. На голове у него была копна седых вьющнхся волос, но усы н бороду он брил. Под длинным, властным носом прятался тонкнй, маленькнй аккуратный ротнк. Он стоял, держа перед собой свечу, н смотрел на жену со странным, злобным блеском в глазах. Достаточно мне было увндеть нх вместе, как я сразу понял, что он любит ее ие больше, чем она его.

— В чем дело? — спросил он. — Что это за новый каприз? С какой стати вы бродите по дому? И почему не ложитесь?

— Мне не спится, — ответила она томным, усталым голосом. Если она когда-то была актрисой, то не позабыла свою профессию.

— Могу ли я дать один совет? — сказал он все тем же издевательским тоном. — Чистая совесть — превосходное снотворное.

— Этого не может быть, — ответила она, — ведь вы-то спите прекрасно.

— Я только одного стыжусь в своей жизни, — сказал он; от гнева волосы у него встали дыбом, и он стал похож на старого какаду. — И вы прекрасно знаете, чего именно. За эту свою ошибку я и несу теперь наказание.

— Не только вы, но и я тоже, учтите!

— Ну, вам-то о чем жалеть! Это я унизился, а вы возвысились.

— Возвысилась?

— Да, возвысились. Я полагаю, вы не станете отрицать, что сменить мюзик-холл на Маннеринг-холл — это все-таки повышение. Какой я был глупец, что вытащил вас из вашей подлинной стихии!

— Если вы так считаете, почему же вы не хотите развестись?

— Потому что скрытое несчастье лучше публичного позора. Потому что легче страдать от ошибки, чем признать ее. И еще потому, что мне нравится держать вас в поле зрения и знать, что вы не можете вернуться к нему...

— Вы негодяй! Трусливый негодяй!

— Да, да, миледи. Я знаю ваше тайное желание, но оно никогда не сбудется, пока я жив, а если это произойдет после моей смерти, то уж я позабочусь, чтобы вы ушли к нему нищей. Вы с вашим дорогим Эдвардом никогда не будете иметь удовольствия расточать мои деньги, имейте это в виду, миледи. Почему ставни и окно открыты?

— Ночь очень душная.

— Это небезопасно. Откуда вы знаете, что там снаружи не стоит какой-нибудь бродяга? Вы отдаете себе отчет, что моя коллекция медалей — самая ценная в ми-

ре? Вы и дверь оставили открытой. Приходи кто угодно и обчищай все ящики!

— Но я же была здесь.

— Я знаю. Я слышал, как вы ходили по медальной комнате, поэтому я и спустился. Что вы тут делали?

— Смотрела на медали. Что я могла еще делать?

— Такая любознательность — это что-то новое.

Он подозрительно взглянул на нее и двинулся к внутренней комнате; она пошла вместе с ним.

В эту самую минуту я увидел одну вещь и страшно испугался. Я оставил свой складной нож открытым на крышке одного из ящиков, и он лежал там на самом виду. Она заметила это раньше его и с женской хитростью протянула руку со свечой так, чтобы пламя оказалось перед глазами лорда Маннеринга и заслонило от него нож. Потом она накрыла нож левой рукой и прижала к халату — так, чтобы муж не видел. Он же осматривал ящик за ящиком — в какую-то минуту я мог бы даже схватить его за длинный нос, но медалей как будто никто не трогал, и он, все еще ворча и огрызаясь, зашаркал вон из комнаты.

Теперь я буду больше говорить о том, что я слышал, а не о том, что видел, но клянусь, это так же верно, как то, что придет день, когда я предстану перед создателем.

Когда они перешли в другую комнату, он поставил свечу на угол одного из столиков и сел, но так, что я его не видел. А она, должно быть, встала позади него, потому что пламя ее свечи отбрасывало на пол перед ним длинную бугристую тень. Он заговорил об этом человеке, которого называл Эдвардом, и каждое его слово жгло, как кислота. Говорил он негромко, и я не все слышал, но из услышанного можно было понять, что ей легче было бы вынести удары хлыстом. Сперва она раздраженно отвечала ему, потом умолкла, а он все говорил и говорил своим холодным, насмешливым голосом, издевался, оскорблял и мучил ее, так что я даже стал удивляться, как у нее хватает терпения стоять там столько времени молча и слушать все это. Вдруг он резко выкрикнул:

— Не стойте у меня за спиной! Отпустите мой воротник! Что? Вы осмелитесь поднять на меня руку?

Раздался какой-то звук вроде удара, глухой шум падения, и я услышал, как он воскликнул:

— Боже мой, это же кровь!

Он зашаркал ногами, словно хотел подняться, потом еще удар, он закричал: «Ах, чертовка!» — и все затихло, только слышно было, как что-то капало на пол.

Тогда я выскочил из-за занавеса и, дрожа от ужаса, побежал в соседнюю комнату. Старик сполз с кресла, халат у него задрался на спину, собрался складками и стал похож на огромный горб. Голова свалилась набок, очки в золотой оправе все еще торчали у него на носу, а маленький рот раскрылся, как у дохлой рыбы. Я не видел, откуда идет кровь, но еще было слышно, как она барабанит по полу. Леди стояла за ним со свечой, которая освещала ее лицо. Губы у нее были сжаты, глаза сверкали, на щеках горели пятна румянца. Теперь она стала настоящей красавицей — красивее женщины я в жизни не видывал.

— Вы добились своего! — сказал я.

— Да,— ответила она ровным голосом,— я этого добилась.

— Что же вы теперь будете делать? — спросил я.— Вас притянут за убийство как пить дать.

— Обо мне не беспокойтесь. Мне незачем жить, и все это не имеет значения. Помогите посадить его прямо. Очень страшно смотреть на него, когда он в такой позе!

Я выполнил ее просьбу, хотя весь похолодел, когда до него дотронулся. Кровь попала мне на руку, и меня затошнило.

— Теперь,— сказала она,— пусть эти медали лучше достанутся вам, чем кому-нибудь другому. Берите их и идите.

— Не нужны они мне. Я хочу только уйти отсюда. Я в такие дела никогда еще не впутывался.

— Глупости! — сказала она.— Вы пришли за медалями, и они ваши. Почему же вам их не взять? Никто вам не мешает.

Я все еще держал мешок в руке. Она открыла ящик, и мы с ней побросали в мешок штук сто медалей. Они все были из одного ящика, но выбора у меня не было: не мог я там дольше находиться. Я кинулся к окну, потому

что самый воздух этого дома казался мне отравленным после всего, что я видел и слышал. Я оглянулся; она стояла там, высокая и красивая, со свечой в руке — совсем такая же, как в ту минуту, когда я впервые ее увидел. Она помахала мне рукой на прощание, я махнул ей в ответ и спрыгнул на гравиевую дорожку.

Слава богу, я могу, положа руку на сердце, сказать, что никогда никого не убивал, но могло быть и по-иному, если бы я сумел прочесть мысли этой женщины. В комнате оказалось бы два трупа вместо одного, если бы я мог понять, что скрывается за ее прощальной улыбкой. Но я думал только о том, как бы унести ноги, и мне в голову не приходило, что она затягивает петлю на моей шее. Я стал пробираться в тени дома тем же путем, каким пришел, но не успел я отойти на пять шагов от окна, как услышал дикий вопль, поднявший весь приход на ноги, а потом еще и еще.

— Караул! — кричала она. — Убийца! Убийца! Помогите! — И голос ее в ночной тишине разносился далеко окрест. От этого ужасного крика я прямо оторопел. Сразу же замелькали огни, распахнулись окна не только в доме сзади меня, но и в домике привратника и в конюшнях передо мной. Я помчался по дороге, как испуганный кролик, но, не успев добежать до ворот, услышал, как они со скрежетом захлопнулись. Тогда я спрятал мешок с медалями в сухом хворосте и попробовал уйти через парк, но кто-то заметил меня при свете луны, и скоро с полдюжины людей с собаками бежали за мной по пятам. Я припал к земле за кустами ежевики, но собаки одолели меня, и я был даже рад, когда подоспели люди и помешали им разорвать меня на части. Тут меня схватили и потащили обратно в комнату, из которой я только что ушел.

— Это тот человек, ваша светлость? — спросил старший слуга, который, как оказалось потом, был дворецким.

Она стояла, склонившись над трупом и держа платок у глаз; тут она, точно фурия, повернулась ко мне. Ох, какая это была актриса!

— Да, да, тот самый! — закричала она. — О злодей, жестокий злодей, так разделаться со стариком!

Там был какой-то человек, похожий на деревенского констебля. Он положил мне руку на плечо.

— Что ты иа это скажешь? — спросил ои.

— Это оиа сделала! — закричал я, указывая иа жеищииу, ио оиа даже глаз ие опустила.

— Как же, как же! Придумай еще что-иибудь! — сказал коистебль, а одии из слуг ударил меия кулаком.

— Говорю вам, я видел, как оиа это сделала. Оиа два раза всадила в иего иож. Сиачала помогла мие его ограбить, а потом убила его.

Слуга хотел было сиова меия ударить, ио оиа удержала его руку.

— Не бейте его,— сказала оиа.— Можио ие сомиеваться, что закои его иакажет.

— Уж я об этом позабочусь, ваша светлость,— сказал коистебль.— Ваша светлость видели сами, как было совершеио преступлеиие?

— Да, да, я своими глазами все видела. Это было ужасио. Мы услышали шум и спустились вииз. Мой бедиый муж шел впереди. Этот человек открыл одии из ящиков и вываливал медали в черный кожаиый мешок, который ои держал в руках. Ои кииулся было бежать, ио мой муж схватил его. Началась борьба, и ои дважды раиил мужа. Если я ие ошибаюсь, его иож все еще в теле лорда Маииеринга.

— Посмотрите, у иее руки в крови! — закричал я.

— Оиа приподиимала голову его светлости, подлый ты вруи! — сказал дворецкий.

— А вот и мешок, о котором говорила ее светлость,— сказал коистебль, когда коиюх вошел с мешком, который я бросил во время бегства.— А вот и медали в ием. По-моему, вполие достаточио. Ночью мы постережем его здесь, а завтра с ииспектором отвезем в Солсбери.

— Бедияга! — сказала оиа.— Что касается меия, то я прощаю все оскорблеиия, которые ои мие иаиес. Кто зиает, какие соблазиы толкиули его иа преступлеиие? Совесть и закои иакажут его достаточио сурово, к чему мие укорять его и делать это иаказаиие еще тяжелее.

Я ие мог слова вымолвить — поиимаете, сэр, ие мог, до того меия ошеломило спокойствие этой жеищииы. И вот, прииияв мое молчаиие за согласие со всем, что оиа сказала, дворецкий и коистебль потащили меия в подвал и заперли там иа ночь.

Ну вот, сэр, я и рассказал вам все события и как случилось, что лорд Маннеринг был убит своей женой в ночь на четырнадцатое сентября тысяча восемьсот девяносто четвертого года. Может быть, вы оставите все это без внимания, как констебль в Маннеринг-холле, а потом судья в суде присяжных. А может быть, вы увидите крупицу правды в том, что я сказал, и доведете дело до конца и навсегда заслужите имя человека, который не щадит своих сил ради торжества правосудия. Мне не на кого надеяться, кроме вас, сэр, и, если вы снимете с моего имени это ложное обвинение, я буду молиться на вас, как ни один человек еще не молился на другого. Но если вы не сделаете этого, клянусь, что через месяц я повешусь на оконной решетке и буду являться по ночам вам во сне, если только человек может являться с того света и тревожить другого. То, о чем я вас прошу, очень просто. Наведите справки об этой женщине, последите за ней, узнайте ее прошлое и что она сделала с деньгами, которые ей достались, и существует ли этот Эдвард, о котором я говорил. И если что-нибудь откроет вам ее настоящее лицо или подтвердит мой рассказ, тогда я буду уповать на доброту вашего сердца и вы спасете невинно осужденного.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мистер Ламзден, старший компаиьон фирмы «Ламздеи и Уэстмекот»,— широко известиого агеитства по иайму учителей и конторских служащих — был иевелик ростом, отличался решительиостью и быстротой движений, резкими, ие слишком церемоииыми маиерами, пронизывающим взглядом и язвительиостью речи.

— Имя, сэр? — спросил он, держа наготове перо и раскрыв перед собой длииный, разлииоваииый в красную линейку гроссбух.

— Гарольд Уэлд.

— Оксфорд или Кембридж?

— Кембридж.

— Награды?

— Никаких, сэр.

— Спортсмен?

— Боюсь, что очеиь посредствеиный.

— Участвовали в состязаниях?

— О иет, сэр.

Мистер Ламздеи сокрушеиио покачал головой и пожал плечами с таким видом, что я утратил последиюю надежду.

— На место учителя очень большая конкуреиция, мистер Уэлд,— сказал ои.— Вакансий мало, а желающих занять их — бесчислеииое миожество. Первоклассный спортсмеи, гребец, игрок в крикет или же человек, блистательио выдержавший экзамеиы, легко иаходит себе место — игроку в крикет, я бы сказал, оио всегда обеспечеио. Но человек с заурядиыми даииыми — прошу

простить мне это выражение, мистер Уэлд,— встречается с большими трудностями, можно сказать, непреодолимыми. В нашем списке свыше сотни таких имен, и если вы считаете целесообразным добавить к ним свое, что ж, по истечении нескольких лет мы, пожалуй, сумеем подобрать для вас...

Его прервал стук в дверь. Вошел клерк с письмом в руках. Мистер Ламзден сломал печать и прочел письмо.

— Вот действительно любопытное совпадение,— сказал он.— Насколько я вас понял, мистер Уэлд, вы преподаете английский и латынь и временно хотели бы получить место учителя в младших классах, чтобы у вас оставалось достаточно времени на ваши личные занятия?

— Совершенно верно.

— Это письмо от одного из наших давнишних клиентов, доктора Фелпса Маккарти, директора школы «Уиллоу Ли» в Западном Хэмстеде. Он обращается к нам с просьбой немедленно прислать ему молодого человека на должность преподавателя латыни и английского в небольшой класс мальчиков-подростков. Его предложение, мне кажется, полностью соответствует тому, что вы ищете. Условия не слишком блестящие: шестьдесят фунтов, стол, квартира и стирка. Но и обязанности необременительные, все вечера у вас будут свободны.

— Мне это вполне подходит! — воскликнул я с энтузиазмом человека, который потратил несколько томительных месяцев на поиски работы и наконец увидел возможность ее получить.

— Не знаю, будет ли это справедливо по отношению к тем, чьи имена давно числятся в нашем списке,— проговорил мистер Ламзден, заглянув в гроссбух,— но совпадение, в самом деле, удивительное, и мне думается, мы должны предоставить право выбора вам.

— В таком случае я согласен занять это место, сэр, и очень вам признателен.

— В письме доктора Маккарти есть одна оговорка. Он ставит непременным условием, чтобы кандидат на это место обладал ровным и спокойным характером.

— Я именно тот, кто ему требуется,— сказал я убежденно.

— Ну что ж,— проговорил мистер Ламзден с неко-

торым сомнением.— Надеюсь, ваш характер действительно таков, как вы утверждаете, иначе в школе Маккарти вам придется нелегко.

— Я полагаю, хороший характер необходим каждому учителю, преподающему в младших классах.

— Да, сэр, разумеется, но считаю долгом предупредить, что в данном случае, по-видимому, имеются особые неблагоприятные обстоятельства. Доктор Фелпс Маккарти не стал бы ставить подобного условия, не будь у него на то серьезных и веских причин.

Он произнес это несколько мрачным тоном, слегка охладив мой восторг по поводу столь неожиданной удачи.

— Могу я узнать, что это за обстоятельства? — спросил я.

— Мы стремимся равно оберегать интересы всех наших клиентов и со всеми с ними быть вполне откровенными. Если бы мне стали известны факты, говорящие против вас, я, безусловно, сообщил бы о них доктору Маккарти, и потому, не колеблясь, могу то же самое сделать и для вас. Я вижу,— продолжал он, снова глянув на страницы своего гроссбуха,— что за последний год мы направили в школу «Уиллоу Ли» не больше не меньше, как семь преподавателей латыни, из коих четверо покинули место так внезапно, что лишились права на месячное жалованье, и ни один не продержался дольше восьми недель.

— А другие учителя? Они остались?

— В школе есть еще только один учитель, по-видимому, он там обосновался прочно. Вы, конечно, понимаете сами, мистер Уэлд,— продолжал агент, закрывая гроссбух и тем заканчивая нашу беседу,— что с точки зрения человека, ищущего места, такая частая смена не обещает ничего хорошего, как бы она ни была выгодна агенту, работающему на комиссионных началах. Я не имею понятия, почему ваши предшественники отказывались от места с такой поспешностью. Передаю вам только сами факты. И советую, не мешкая, повидать доктора Маккарти и сделать собственные выводы.

Велика сила человека, которому нечего терять, и потому я с полной безмятежностью, но преисполненный живейшего любопытства, в середине того же дня дернул

тяжелый чугунный колокольчик у входа в школу «Уиллоу Ли». Это громоздкое квадратное и безобразное здание было расположено на обширном участке; от дороги к нему вела широкая подъездная аллея. Дом стоял на холме, откуда открывался широкий вид на серые крыши и острые шпили северных районов Лондона и на прекрасные, лесистые окрестности этого огромного города. Дверь открыл слуга в ливрее и провел меня в кабинет, содержащийся в образцовом порядке. Вскоре туда вошел и сам глава учебного заведения.

После намеков и предостережений агента я приготовился встретить человека вспыльчивого, властного, способного резкостью обращения оскорбить и возмутить людей, работающих под его началом. Трудно себе представить, до какой степени это было не похоже на действительность. Я увидел приветливого, тщедушного старичка, выбритого, сутулого — чрезмерная его любезность и предупредительность были даже неприятны. Его густая шевелюра совсем поседела; на вид ему было лет шестьдесят. Говорил он негромко и учтиво, двигался какой-то особо деликатной, семенящей походкой. Все в нем ясно показывало, что это человек мягкий, более склонный к ученым занятиям, нежели к практическим делам.

— Мы очень рады, мистер Уэлд, что заручились вашей помощью,— сказал он, предварительно задав мне несколько обычных вопросов, касающихся самого дела.— Мистер Персиваль Мэннерс вчера от нас уехал, и я был бы весьма вам признателен, если бы вы уже с завтрашнего дня приняли на себя его обязанности.

— Могу я спросить, сэр, это мистер Персиваль Мэннерс из Селвина?

— Да. Вы его знаете?

— Он мой приятель.

— Отличный учитель, но не очень терпеливый молодой человек. Это его единственный недостаток. Скажите, мистер Уэлд, умеете вы владеть собой? Предположим, к примеру, что я вдруг настолько забудусь, что позволю себе какую-нибудь бестактность, или заговорю в недопустимом тоне, или чем-то задену ваши чувства, уверены вы, что сумеете себя сдержать и не выразить мне своего возмущения?

Я улыбнулся, так забавна показалась мне мысль, что этот щуплый, обходительный старичок умудрится вывести меня из терпения.

— Полагаю, что могу в том поручиться, сэр.

— Меня крайне огорчают ссоры,— продолжал директор.— Я бы хотел, чтобы под этой кровлей царили мир и согласие. У мистера Персиваля Мэннерса были поводы для неудовольствия, я не стану этого отрицать, но мне нужен человек, который стоял бы выше личных обид и умел пожертвовать своим самолюбием ради общего спокойствия.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, сэр.

— Это лучший ответ, какой вы могли дать, мистер Уэлд. В таком случае буду ждать вас к вечеру, если успеете собрать свои вещи за такой короткий срок.

Я не только успел уложить вещи, но и нашел время зайти в клуб Бенедикта на Пикадилли, где, как я знал, можно было почти наверняка застать Мэннерса, если он еще не выехал из Лондона. Я действительно отыскал своего приятеля в курительной комнате и там за папироской спросил Персиваля, почему он ушел с последнего места.

— Как! Уж не собираешься ли ты поступить к доктору Фелпсу Маккарти? — воскликнул он, с удивлением глядя на меня.— Послушай, дружище, брось эту затею! Все равно ты там не удержишься.

— Но я уже познакомился с доктором и нахожу, что это на редкость приятный, безобидный старик. Мне не приходилось встречать человека более мягкого и обходительного.

— Дело же не в нем. Против него ничего не скажешь. Добрейшая душа. А Теофила Сент-Джеймса ты видел?

— Впервые слышу это имя. Кто он такой?

— Твой коллега. Второй учитель.

— Нет, с ним я еще не познакомился.

— Вот он-то и есть бич этого дома. Если ты окажешься в состоянии терпеть его выходки, значит, либо в тебе мужество истинного христианина, либо ты просто тряпка. Трудно найти большего грубияна и невежу, чем он.

— Однако доктор Маккарти его терпит?

Мой приятель бросил на меня сквозь облачко папиросного дыма многозначительный взгляд и пожал плечами.

— Относительно этого ты составишь собственное мнение. Я свое составил мгновенно и остаюсь при нем поныне.

— Ты окажешь мне услугу, если объяснишь, в чем дело.

— Когда ты видишь, что человек безропотно, без единого слова протеста позволяет, чтобы в его собственном доме ему грубили, не давали покоя, мешали в делах и всячески подрывали его авторитет, причем все это проделывает его же подчиненный, скажи, какие напрашиваются выводы?

— Что этот подчиненный имеет над ним какую-то власть.

Персиваль Мэннерс кивнул.

— Совершенно верно. Ты сразу попал в точку. Да тут другого объяснения и не подыщешь. Очевидно, в свое время доктор что-то натворил. Humanum est errare [1]. Я и сам не безгрешен. Но здесь, вероятно, кроется что-то уж очень серьезное. Этот тип вцепился в старика и крепко держит его в своих лапах. Убежден, что не ошибаюсь. Тут, безусловно, пахнет шантажом. Но мне этого Теофила бояться нечего — с какой же стати я-то буду терпеть его наглость? Вот я и ушел. Не сомневаюсь, что ты последуешь моему примеру.

Он еще некоторое время продолжал говорить на эту тему, не переставая выражать уверенность, что я не слишком задержусь на новом месте.

Не удивительно поэтому, что я без особого удовольствия встретился с человеком, о котором получил такой дурной отзыв. Доктор Маккарти познакомил нас в кабинете в тот же вечер, тотчас по моем прибытии в школу.

— Вот ваш новый коллега, мистер Сент-Джеймс,— сказал он со свойственной ему мягкостью и любезностью.— Надеюсь, вы подружитесь, и под нашей кровлей будут процветать только доброжелательность и взаимная симпатия.

---

[1] Человеку свойственно ошибаться *(лат.)*.

Я был бы рад разделить надежды доктора Маккарти, но вид моего confrère [1] этому не способствовал. Передо мной стоял человек лет тридцати, с бычьей шеей, черноглазый и черноволосый, судя по виду очень сильный. В первый раз видел я человека такого мощного сложения, хотя и заметил у него некоторую склонность к ожирению, свидетельствовавшую о нездоровом образе жизни. Грубая, припухшая, какая-то зверская физиономия. Глубоко посаженные черные глазки, тяжелая складка под подбородком, торчащие уши, кривые ноги — все, вместе взятое, и отталкивало и внушало страх.

— Мне сказали, что вы в первый раз поступаете на место,— сказал он отрывисто, грубым тоном.— Ну, жизнь здесь паршивая: работы уйма, плата нищенская. Сами увидите.

— Но в ней есть и свои преимущества,— сказал директор.— Я думаю, вы с этим согласны, мистер Сент-Джеймс?

— Преимущества? Я пока их не заметил. Что̀ вы называете преимуществами?

— Хотя бы постоянное общение с юными существами. При виде детей у нас самих молодеет душа, они заражают нас своим бодрым духом и жизнерадостностью.

— Звереныши!

— Ну, ну, мистер Сент-Джеймс, вы слишком к ним строги.

— Видеть их не могу! Если бы я мог всех этих мальчишек свалить в одну кучу вместе с их мерзкими тетрадками, книжками и грифельными досками да поджечь, то сегодня же бы это сделал.

— У мистера Сент-Джеймса такая манера шутить,— сказал директор школы, взглянув на меня с нервной улыбкой.— Не принимайте это слишком всерьез. Так вот, мистер Уэлд, вы знаете, где ваша комната, и вам, конечно, надо заняться своими личными делами — распаковать вещи, устроиться. Чем раньше вы это проделаете, тем скорее почувствуете себя дома.

Я подумал, что старику не терпится, чтобы я побыстрее покинул общество этого необыкновенного коллеги, и я рад был уйти, ибо разговор становился тягостным.

---

[1] Собрат *(франц.)*.

Так начался период, который, оглядываясь назад, я считаю самым удивительным в моей жизни. Школа во многих отношениях была превосходной. Маккарти оказался идеальным директором, сторонником методов современных и разумных. Все было налажено так, что лучше и желать нельзя. Но ровный ход этой отлично действующей машины то и дело нарушал, внося смятение и беспорядок, несносный, невыносимый Сент-Джеймс. Он преподавал английский язык и математику. Как он с этим справлялся, я не знаю, потому что наши занятия проходили в разных классах. Твердо знаю лишь, что мальчики его боялись и ненавидели, и у них были на то достаточно веские причины, ибо мои уроки часто прерывались яростными окриками и даже звуками ударов, доносившимися из класса моего коллеги. Маккарти постоянно присутствовал на его занятиях, приглядывая, мне думается, не столько за учениками, сколько за учителем и стараясь усмирить его свирепый нрав.

Но отвратительнее всего держал себя Сент-Джеймс с нашим директором. Разговор в кабинете, состоявшийся при первой нашей встрече, дает прекрасное представление об их взаимоотношениях. Сент-Джеймс вел себя со стариком грубо и откровенно деспотически. Я слышал, как он нагло перечил ему в присутствии всей школы. Ни разу не выказал он ему знаков должного уважения, и во мне все кипело, когда я видел, как смиренно, кротко и безропотно сносит директор такое чудовищное обращение. И в то же время сцены подобного рода вызывали во мне смутный страх. Неужели мой приятель прав в своих догадках — а я не мог вообразить ничего другого,— и как же страшна должна быть тайна, если старик готов терпеть любые грубости и унижения, только бы она не раскрылась? Что, если кроткий, спокойный доктор Маккарти носит личину, а на самом деле это преступник — мошенник, отравитель, что угодно? Только подобная тайна могла дать Сент-Джеймсу такую власть над стариком. Иначе чего ради стал бы директор мириться с его ненавистным пребыванием, пагубно влияющим на дела школы? Почему пал он так низко, что согласен на всяческие унижения, которые не только выдерживать, но и наблюдать со стороны нельзя без негодования?

А коли так, говорил я себе, значит, директор — глубочайший лицемер. Ни единого раза, ни словом, ни жестом не выразил он отвращения по адресу грубияна. Правда, я видел его огорченным после особо возмутительных выходок Сент-Джеймса, но у меня создалось впечатление, что директор страдал за учеников, за меня и никогда за самого себя. Он разговаривал с Сент-Джеймсом и отзывался о нем снисходительно, кротко улыбаясь, а я буквально кипел от возмущения. В том, как старик глядел на молодого человека, как говорил с ним, не было и следа обиды или неприязни. Скорее обратное, во взгляде доктора Маккарти я читал только доброжелательство и даже какую-то мольбу. Он явно искал общества Сент-Джеймса, они подолгу проводили время вместе в кабинете или в саду.

Что касается моих личных отношений с Теофилом Сент-Джеймсом, то с самого начала я решил во что бы то ни стало держать себя в узде, и от решения своего не отступал. Если доктор Маккарти мирился с таким неуважительным к себе отношением и сносил мерзкие выходки молодого человека, это в конце концов было его, а не мое дело. Я видел ясно, что старику больше всего хочется, чтобы у меня с Сент-Джеймсом сохранялись хорошие отношения, и я считал, что лучше всего помогу ему, исполняя его желание. Для этого я избрал наилучший способ — по возможности избегать общения с коллегой. Когда нам все же приходилось встречаться, я держался спокойно, был корректен и вежлив. Он со своей стороны не выказывал в отношении меня никакой злобы, наоборот, обращался ко мне с развязной шутливостью и грубой фамильярностью, очевидно, воображая, что может этим снискать мое расположение. Он много раз пытался затащить меня вечером к себе в комнату — сыграть в карты или распить бутылку вина.

— Старик ворчать не будет,— заверял меня Сент-Джеймс.— Можете не опасаться. Делайте, что вздумается, ручаюсь, он и пикнуть не посмеет.

Я только однажды принял его приглашение. Когда я уходил к себе после скучного, томительного вечера, хозяин валялся на диване мертвецки пьяный. С тех пор, ссылаясь на неотложные занятия, я проводил свободные часы в своей комнате.

Меня чрезвычайно волновал один вопрос: с каких пор начались у них эти отношения, когда именно Сент-Джеймс приобрел власть над Маккарти? Ни от того, ни от другого я никак не мог добиться, давно ли Сент-Джеймс занимает свою должность. На мои наводящие вопросы я либо совсем не получал ответа, либо их обходили стороной, и я скоро понял, что в той же мере, в какой я хочу выяснить этот факт, они стремятся его скрыть. Но вот как-то вечером я разговорился с миссис Картер, нашей экономкой,— доктор Маккарти был вдов,— и от нее я получил сведения, которых добивался. Мне незачем было ее расспрашивать — она дрожала от возмущения и гневно воздевала руки, перечисляя все, что у нее накопилось против моего коллеги.

— Явился он сюда три года назад, мистер Уэлд. Ох, какими же горькими были для меня эти три года! Прежде в школе было пятьдесят учеников, а теперь их всего двадцать два. Вот что он успел натворить! Еще три таких года — и у нас не останется ни одного ученика. А вы видели, как он обращается с доктором, этим ангелом кротости и терпения? А ведь сам подметки его не стоит. Если бы не доктор, я бы и часу не осталась под одной крышей с таким человеком, так я это ему прямо в лицо и заявила. Если бы только мистер Маккарти выгнал его вон!.. Но я что-то лишнее говорю — эти дела меня не касаются.

С трудом сдержавшись, миссис Картер перевела разговор на другую тему. Она вспомнила, что я в доме почти посторонний, и пожалела о своей нескромности.

В поведении моего коллеги были некоторые странности. Прежде всего он очень редко покидал дом. В конце школьного участка была спортивная площадка — дальше нее он никогда не заходил. Если мальчики отправлялись на прогулку, их сопровождал либо я, либо доктор Маккарти. Сент-Джеймс заявил, что несколько лет назад повредил себе колено и долгая ходьба его утомляет. Я решил, что он просто уклоняется от работы, по натуре это был угрюмый лентяй. Но из своего окна я дважды видел, как он поздно ночью, крадучись, уходил куда-то с территории школы, и во второй раз я дождался его возвращения на рассвете — он проскользнул в открытое

окно. Про эти тайные отлучки никто никогда не поминал, но они опровергали историю о больном колене и усилили мою неприязнь и недоверие к этому человеку. Он был порочен до мозга костей.

Еще один факт, сам по себе незначительный, давал мне пищу для размышлений. За все месяцы моего пребывания в «Уиллоу Ли» мой коллега не получил почти ни одного письма, да и те немногие, что приходили на его имя, были, по всей видимости, счетами от торговцев. Я вставал рано и каждое утро сам забирал со стола в передней свою утреннюю почту, поэтому могу судить, как редко получал письма Теофил Сент-Джеймс. Мне это казалось зловещим признаком. Что же это за человек, который, прожив тридцать лет, не завел ни единого друга, даже самого смиренного — хоть кого-нибудь, кто стремился бы поддерживать с ним отношения? И, однако, я все время помнил, что директор не только не гонит прочь этого субъекта,— нет, он даже на дружеской ноге с Сент-Джеймсом! Не раз заставал я их за конфиденциальной беседой — иногда они, взявшись под руку, прогуливались по саду, занятые серьезным разговором. Меня стало снедать сильное любопытство, мне непременно хотелось узнать, что связывает этих людей. Постепенно эта мысль заняла меня целиком, заслонив собой все прочие мои интересы. Во время занятий, в свободные часы, за едой, за играми я не переставал наблюдать за доктором Фелпсом Маккарти и за Теофилом Сент-Джеймсом, силясь проникнуть в их тайну.

Но, к несчастью, я слишком откровенно выражал свое любопытство и не умел скрыть подозрение, которое вызывало во мне непонятное поведение этих людей. Быть может, своими испытующими взглядами или же нескромными вопросами — тем или другим, но я, несомненно, выдавал себя. Как-то вечером я вдруг заметил, что Теофил Сент-Джеймс глядит на меня пристально и угрожающе. Я сразу понял, что это не к добру, и не слишком удивился, когда на следующее утро доктор Маккарти пригласил меня зайти к нему в кабинет.

— Мне искренне жаль, мистер Уэлд,— начал он,— но боюсь, я вынужден отказаться от ваших услуг.

— Быть может, вы объясните мне причину моего увольнения? — сказал я. Я был уверен, что обязанности

свои выполняю добросовестно, и отлично знал, что объяснение может быть только одно.

— Я не могу вас ни в чем упрекнуть,— сказал он и покраснел.

— Вы отказываете мне по настоянию моего коллеги.

Он отвел взгляд в сторону.

— Мы не будем обсуждать этот вопрос, мистер Уэлд. Я не могу вам ничего объяснить. Но, чтобы хоть чем-нибудь вас компенсировать, я дам вам блестящие рекомендации. Больше я ничего не могу добавить. Надеюсь, вы согласитесь исполнять свои обязанности здесь, пока не подыщете другое место.

Я был вне себя от такой несправедливости, но что я мог сделать? Ничего нельзя было изменить, просить было бесполезно. Я поклонился и вышел, преисполненный чувства горькой обиды.

Первым моим побуждением было сложить вещи и уехать. Но ведь директор разрешил мне пробыть здесь до того, как я найду новую работу. Я не сомневался, что Сент-Джеймс ждет не дождется, когда я уеду — для меня это было достаточным основанием остаться,— и я остался. Если мое присутствие бесит его, я постараюсь досаждать ему как можно дольше. Я уже давно его ненавидел и жаждал мести. Он имеет какую-то власть над директором — а что, если я приобрету подобную же власть над ним самим? Ведь страх перед моим любопытством лишь проявление слабости. Он не обращал бы на это ни малейшего внимания, если бы ему нечего было бояться. Я вновь включил свое имя в списки ищущих места, а пока продолжал выполнять свои обязанности в «Уиллоу Ли» — вот каким образом я оказался свидетелем denouement[1] этой необыкновенной истории.

Всю ту неделю — развязка произошла всего через неделю после моего разговора с доктором Маккарти — по окончании занятий я обычно уходил справляться относительно работы. Однажды в холодный и ветреный вечер (был март месяц) я по обыкновению собрался уйти и только что открыл входную дверь, как глазам моим предстало странное зрелище. Под одним из окон притаился человек — он стоял, пригнувшись, и не спу-

[1] Развязка, исход дела (*франц.*).

скал глаз с узкого просвета между шторой и оконной рамой. От окна на землю падал яркий прямоугольник света, и темный силуэт незнакомца отчетливо на нем вырисовывался. Я видел его одно мгновение — человек вдруг повернул голову, заметил меня и тут же исчез в кустах. Я слышал топот ног по дороге, пока он не замер где-то вдали.

Я решил, что мой долг вернуться и сообщить доктору Маккарти о виденном. Я застал его в кабинете. Я ожидал, что этот эпизод его встревожит, но никак не предполагал, что он вызовет такой панический ужас. Старик откинулся в кресле, побелел, дышал с трудом, как человек, ошеломленный страшным известием.

— Под каким окном он стоял, мистер Уэлд? — спросил доктор Маккарти, вытирая лоб.— Под каким окном?

— Под тем, что рядом со столовой — под окном мистера Сент-Джеймса.

— Боже мой, боже мой! Какое несчастье! Кто-то подглядывал в окно к Сент-Джеймсу!

Он ломал руки в полном отчаянии.

— Я буду проходить мимо полицейского участка, сэр. Быть может, мне зайти, сообщить им?

— Нет, нет! — закричал он вдруг, стараясь подавить волнение.— По всей вероятности, это какой-нибудь жалкий бродяга пришел просить милостыню. Я не придаю этому случаю ни малейшего значения, ни малейшего. Прошу вас, мистер Уэлд, забудем об этом. Вы, кажется, собирались выйти из дому — не буду вас задерживать.

Хоть он и старался говорить спокойно, на его лице застыл ужас. Я оставил его в кабинете и направился в контору, но сердце у меня щемило, мне было жаль бедного старичка. Уже выходя из калитки, я обернулся, и на ярком прямоугольнике света, падающего от окна моего коллеги, различил темный силуэт доктора Маккарти, проходящего мимо лампы. Значит, он немедленно отправился к Сент-Джеймсу сообщить о случившемся. Что все это значит — атмосфера тайны, непонятный ужас, странные, секретные переговоры между этими двумя столь разными людьми? Всю дорогу я не переставал об этом думать, но, как ни ломал себе голову, ни до чего не мог додуматься. Я не подозревал, как близка была разгадка.

Было очень поздно, около полуночи, когда я вернулся. Огни в доме были погашены, свет горел только в кабинете директора. Я шел по аллее, на меня надвигалась мрачная, черная громада дома, с единственным пятном тусклого света на фасаде. Я открыл дверь своим ключом и собирался уже пройти к себе в комнату, как до меня донесся и тут же оборвался жалобный стон. Я стоял и прислушивался, держась за ручку двери.

В доме царила тишина, и лишь из комнаты директора доносился звук голосов. Я прокрался по коридору в направлении к ней. Теперь я ясно различал два голоса — грубый, властный голос Сент-Джеймса и тихий, еле слышный — доктора. Первый, по-видимому, на чем-то настаивал, а второй возражал и умолял. Четыре узкие полоски света обрисовывали контур двери, и шаг за шагом я подбирался к ней в темноте все ближе. Голос Сент-Джеймса становился громче, и я ясно расслышал слова:

— Я заберу все — все до единого пенни. Добром не отдашь, возьму силой. Понял?

Я не расслышал ответа доктора Маккарти, но злобный голос снова загремел:

— Разорю тебя? Я оставляю тебе твою школу — это же золотое дно, старику хватит. А как это я смогу обосноваться в Австралии без денег? Ну-ка, скажи!

Снова доктор просительно сказал что-то, но, как видно, слова его только еще больше разъярили Сент-Джеймса.

— Много для меня сделал? Что ты для меня сделал, кроме того, что должен был сделать, а? Ты не меня спасал, не обо мне заботился, ты заботился о своем добром имени. Ну, хватит болтать попусту. До утра я должен успеть уехать. Откроешь ты сейф или нет?

— Ах, Джеймс, как ты можешь так со мной поступать? — послышался молящий голос, а затем раздался жалобный крик. Больше выдержать я не мог и тут потерял самообладание, которым так гордился. Я не мог оставаться безучастным, слыша эту беспомощную мольбу, зная, что там, за дверью, происходит грубое, зверское насилие. Подняв трость, я ворвался в кабинет. И в ту же секунду я услышал, как громко затрезвонил колокольчик у входной двери.

— Негодяй! — закричал я.— Немедленно оставь его!

Оба они стояли перед небольшим сейфом у стены. Сент-Джеймс выворачивал старику руки, требуя, чтобы он отдал ключ от сейфа. Старичок, белый, как мел, но полный решимости, сопротивлялся, изо всех сил пытаясь высвободиться из железных тисков грубого силача. Негодяй поглядел на меня, и на его зверской физиономии я прочел ярость, смешанную с животным страхом. Но, сообразив, что я один, он оставил свою жертву и бросился ко мне, изрыгая гнусные ругательства.

— Подлый шпион! — крикнул Сент-Джеймс.— Ну, прежде чем уехать, я с тобой расправлюсь!

Я не отличаюсь большой физической силой и знал, что мне с ним не справиться. Дважды мне удалось отбиться от него тростью, но затем он, свирепо рыча, кинулся на меня и схватил за горло своими мускулистыми руками. Я упал навзничь — он навалился на меня, продолжая сжимать мне горло. Я уже почти не дышал, я видел его злобные, желтоватые глаза в нескольких дюймах от моих собственных, но тут у меня громко застучало в висках, в ушах зазвенело, и я потерял сознание. Однако до самого последнего момента я не переставал слышать, как яростно трезвонил колокольчик у входа.

Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу на диване в кабинете доктора Маккарти, и он сам сидит подле. Он смотрел на меня напряженным, испуганным взглядом и, едва я открыл глаза, воскликнул облегченно:

— Слава богу! Слава богу!

— Где Сент-Джеймс? — спросил я, оглядывая комнату. И тут я заметил, что мебель валяется, все раскидано — повсюду следы схватки еще более бурной, чем та, в которой участвовал я.

Доктор опустил голову, закрыл лицо руками.

— Они его схватили,— простонал он.— После стольких мучительных лет они снова его схватили... Но как я счастлив, что он не обагрил свои руки кровью во второй раз!

В этот момент я увидел, что в дверях стоит человек в расшитом галунами мундире полицейского инспектора.

— Да, сэр,— сказал он мне.— Еще бы немного, и вам конец. Войди мы минутой позже, и вам не пришлось бы рассказывать, что тут случилось. Никогда еще не видел никого, кто стоял бы вот так, на самом краю могилы.

Я сел, прижимая ладони к вискам, в которых попрежнему сильно стучало.

— Доктор Маккарти,— сказал я,— я решительно ничего не понимаю. Прошу вас, объясните, кто этот человек и почему вы так долго терпели его в своем доме?

— Я обязан сказать все хотя бы из чувства признательности к вам — вы так рыцарски кинулись на мою защиту, чуть не пожертвовав ради меня своей жизнью. Теперь больше нечего таиться. Мистер Уэлд, настоящее имя этого несчастного человека — Джеймс Маккарти, он мой единственный сын...

— Ваш сын?!

— Увы, это так. Не знаю, за какие грехи послано мне это наказание. Еще ребенком он приносил мне только горе. Грубый, упрямый, эгоистичный, распущенный— таким он был всегда. В восемнадцать лет он стал преступником, в двадцать лет в припадке бешенства убил своего собутыльника, и его судили за убийство. Он едва избежал виселицы, его приговорили к каторжным работам. Три года назад ему удалось бежать и, минуя тысячи препятствий, пробраться в Лондон, ко мне. Приговор суда был тяжким ударом для моей жены, она этого удара не перенесла. Джеймсу удалось где-то раздобыть обыкновенный костюм, а когда он явился сюда, его некому было узнать. В течение нескольких месяцев он скрывался у меня на чердаке, выжидая, пока полиция прекратит поиски. Затем, как вы знаете, я устроил его у себя на место школьного учителя, но своими невыносимыми манерами, злобой он отравлял жизнь и мне и товарищам по работе. Вы пробыли с нами четыре месяца, мистер Уэлд,— до вас никто такого срока не выдерживал. Теперь я приношу вам свои извинения за все, что вам пришлось вытерпеть. Но, скажите, что мне оставалось делать? Ради памяти его покойной матери я не мог допустить, чтобы с ним случилась беда, пока в моих силах было помочь ему. В целом мире у него оказалось только одно убежище — мой дом, но разве мог я держать его здесь, не вызывая толков? Необходимо было придумать ему какое-нибудь занятие. Я дал ему место преподавателя английского языка, и таким образом Джеймсу удалось благополучно прожить здесь три года. Вы, несомненно, заметили, что днем он никогда не выходил за пре-

делы школьной территории. Теперь вы понимаете, почему. Но когда сегодня вы пришли и рассказали, что в окно Джеймса кто-то заглядывает, я понял, что его выследили. Я умолял его немедленно бежать, но несчастный был пьян и оставался глух к моим словам. Когда он наконец решил уйти, он потребовал, чтобы я отдал ему все свои деньги — решительно все. Ваш приход спас меня, точно так, как вас спасла вовремя подоспевшая полиция. Укрывая беглого преступника, я нарушил закон и сейчас нахожусь под домашним арестом, но после того, что мне пришлось пережить за эти три года, тюрьма меня не страшит.

— Я полагаю, доктор,— сказал инспектор,— что если вы и нарушили закон, то уже вполне за то наказаны.

— Видит бог, что это так! — воскликнул старик и, уронив голову на грудь, закрыл руками измученное, изможденное лицо.

УЖАС РАСЩЕЛИНЫ ГОЛУБОГО ДЖОНА

Этот рассказ был обнаружен в бумагах доктора Джеймса Хардкастля, скончавшегося от чахотки четвертого февраля 1908 года в Южном Кенсингтоне. Лица, близко знавшие покойного, отказываясь давать оценку изложенным здесь событиям, тем не менее единодушно утверждают, что доктор обладал трезвым, аналитическим умом, совершенно не был склонен к фантазиям и потому никак не мог сочинить всю эту невероятную историю.

Записи покойного были вложены в конверт, на котором значилось «Краткое изложение фактов, имевших место весною прошлого года близ фермы Эллертонов в северо-западном Дербишире». Конверт был запечатан, а на его оборотной стороне приписано карандашом:

«Дорогой Ситон! Возможно, вы заинтересуетесь, а может быть, и огорчитесь, узнав, что недоверие, с каким вы выслушали мой рассказ, побудило меня прекратить всякие разговоры на эту тему. Умирая, я оставляю эти записи; быть может, посторонние отнесутся к ним с бóльшим доверием, нежели вы, мой друг».

Личность Ситона установить не удалось. Могу лишь добавить, что с абсолютной достоверностью подтвердились и пребывание покойного мистера Хардкастля на ферме Эллертонов, и тревога, охватившая в то время население этих мест вне зависимости от объяснений самого доктора.

Сделав такое предисловие, я привожу рассказ доктора дословно. Изложен он в форме дневника, некоторые

записи которого весьма подробны, другие сделаны лишь в самых общих чертах.

«*17 апреля.* Я уже чувствую благотворное влияние здешнего чудесного горного воздуха. Ферма Эллертонов расположена на высоте 1 420 футов над уровнем моря, так что климат тут очень здоровый и бодрящий. Кроме обычного кашля по утрам, меня ничто не беспокоит, а парное молоко и свежая баранина помогут мне и пополнеть. Думаю, Саундерсон будет доволен.

Обе мисс Эллертон немного чудаковаты, но очень милы и добры. Это маленькие трудолюбивые старые девы, и все тепло своих сердец, которое могло бы согревать их мужей и детей, они готовы отдать мне, человеку больному и чужому для них.

Поистине старые девы — самые полезные люди на свете, это один из резервов общества. Иногда о них говорят, что они «лишние» женщины, но что было бы с бедными «лишними» мужчинами без сердечного участия этих женщин? Между прочим, по простоте душевной они почти сразу открыли «секрет», почему Саундерсон рекомендовал мне именно их ферму. Профессор, оказывается, уроженец этих мест, и, я полагаю, что в юности он, вероятно, не считал зазорным гонять ворон на здешних полях.

Ферма — наиболее уединенное место в округе; ее окрестности необычайно живописны. Сама ферма — это, по сути, пастбище, раскинувшееся в неровной долине. Со всех сторон ее окружают известковые холмы самой причудливой формы и из такой мягкой породы, что ее можно крошить пальцами. Эта местность представляет собой впадину. Кажется, ударь по ней гигантским молотом, и она загудит, как барабан, а может быть, провалится и явит взору подземное море. И каким огромным должно быть это море — ведь ручьи, сбегающие сюда со всех сторон, исчезают в недрах горы и нигде не вытекают наружу. В скалах много расщелин; войдя в них, вы попадаете в просторные пещеры, которые уходят в глубь земли. У меня есть маленький велосипедный фонарик, и мне доставляет удовольствие бродить с ним по этим извилистым пустотам, любоваться сказочными, то серебристыми, то черными, бликами, когда я освещаю фонарем сталактиты, свисающие с высоких сводов. По-

гасишь фонарь — и ты в полнейшей темноте, включишь — и перед тобой видения из арабских сказок.

Среди этих необычных расщелин, выходящих на поверхность, особенно интересна одна, ибо она творение рук человека, а не природы.

До приезда сюда я никогда не слыхал о Голубом Джоне. Так называют особый минерал удивительного фиолетового оттенка, который обнаружен всего лишь в двух-трех местах на земном шаре. Он настолько редкий, что простенькая ваза из Голубого Джона стоила бы огромных денег.

Удивительное чутье римлян подсказало им, что диковинный минерал должен быть в этой долине; глубоко в недрах горы они пробили горизонтальную штольню. Входом в шахту, которую все здесь называют расщелиной Голубого Джона, служит вырубленная в скале арка; сейчас она совсем заросла кустарником. Римляне прорыли длинную шахту. Она пересекает несколько карстовых пещер, так что, входя в расщелину Голубого Джона, надо делать зарубки на стенах и захватить с собой побольше свечей, иначе никогда не выбраться обратно к дневному свету.

В шахту я еще не заходил, но сегодня, стоя у входа в нее и вглядываясь в темные глубины, я дал себе слово, что, как только мое здоровье окрепнет, я посвящу несколько дней своего отдыха исследованию этих таинственных глубин и установлю, насколько далеко проникли древние римляне в недра дербиширских холмов.

Поразительно, как суеверны эти сельские жители! Я, например, был лучшего мнения о молодом Армитедже, — он получил кое-какое образование, человек твердого характера и вообще славный малый.

Я стоял у входа в расщелину Голубого Джона, когда Армитедж пересек поле и подошел ко мне.

— Ну, доктор! — воскликнул он. — И вы не боитесь?

— Не боюсь? Но чего же? — удивился я.

— Страшилища, которое живет тут, в пещере Голубого Джона. — И он показал большим пальцем на темный провал.

До чего же легко рождаются легенды в захолустных сельских местностях! Я расспросил его, что́ же внушает ему такой страх. Оказывается, время от времени с паст-

бища пропадают овцы, и, по словам Армитеджа, их кто-то уносит. Он и слушать не стал, когда я высказал мысль, что овцы могли убежать и, заблудившись, пропасть в горах.

— Однажды была обнаружена лужа крови и клочья шерсти,— возражал он.

Я заметил:

— Но это можно объяснить вполне естественными причинами.

— Овцы исчезают только в темные, безлунные ночи.

— Обыкновенно похитители овец выбирают, как правило, такие ночи,— отпарировал я.

— Был случай, когда кто-то сделал в скале пролом и отшвырнул камни на довольно большое расстояние.

— И это — дело рук человеческих,— сказал я.

В конце концов Армитедж привел решающий довод,— он сам слышал рев какого-то зверя, и всякий, кто достаточно долго пробудет около расщелины, тоже его услышит. Рев доносится издалека, но все-таки необычайно сильно. Я не мог не улыбнуться: ведь я знал, что подобные странные звуки могут вызывать подземные воды, текущие в расселинах известковых пород. Такое недоверие рассердило Армитеджа, он круто повернулся и ушел.

И тут произошло нечто странное. Я все еще стоял у входа в расщелину, обдумывая слова Армитеджа и размышляя о том, как легко все это объяснимо, как вдруг из глубины шахты послышался необычайный звук. Как описать его? Прежде всего мне показалось, что он долетел откуда-то издалека, из самых недр земли. Во-вторых, несмотря на это, он был очень громким. И, наконец, это не был гул или грохот, с чем обычно ассоциируется падение массы воды или камней. То был вой — высокий, дрожащий, вибрирующий, как ржание лошади. Должен признаться, что это странное явление, правда, только на одну минуту, придало иное значение словам Армитеджа.

Я прождал возле расщелины Голубого Джона еще с полчаса, но звук этот не повторился, и я отправился на ферму, в высшей степени заинтригованный всем случившимся. Я твердо решил осмотреть шахту, как только достаточно окрепну. Разумеется, доводы Армитеджа слиш-

ком абсурдны, чтобы их обсуждать. Но этот странный звук! Я пишу, а он все еще звенит у меня в ушах.

20 апреля. В последние три дня я предпринял несколько вылазок к расщелине Голубого Джона и даже немного проник в самую шахту, но мой велосипедный фонарик слишком слаб, и я не рискую забираться особенно далеко. Решил действовать более методически. Звуков больше не слышал и склонен прийти к заключению, что я просто оказался жертвой слуховой галлюцинации, вызванной, по-видимому, разговором с Армитеджем. Разумеется, его соображения — сплошная нелепость, и все же кусты у входа в пещеру выглядят так, словно через них действительно продиралось какое-то огромное животное. Меня начинает разбирать любопытство.

Обеим мисс Эллертон я ничего не сказал — они и так предостаточно суеверны, но я купил несколько свечей и собираюсь производить дальнейшие исследования самостоятельно.

Сегодня утром заметил, что один из многочисленных клочьев шерсти, валяющихся в кустах возле пещеры, измазан кровью. Конечно, здравый смысл подсказывает, что, когда овцы бродят по крутым скалам, они легко могут пораниться, и все же кровавое пятно настолько потрясло меня, что я в ужасе отпрянул от древней арки. Казалось, из мрачной глубины, куда я заглядывал, струилось зловонное дыхание. Неужели же на самом деле внизу притаилось загадочное мерзкое существо?

Вряд ли у меня возникли бы подобные мысли, будь я здоров, но, когда здоровье расстроено, человек становится нервным и верит всяческим выдумкам. Я начал колебаться и был готов уже оставить неразгаданной тайну заброшенной шахты, если эта тайна вообще существует. Однако сегодня вечером мой интерес к этой загадочной истории вновь разгорелся, да и нервы немного успокоились. Надеюсь завтра более детально заняться осмотром шахты.

22 апреля. Постараюсь изложить как можно подробнее необычайные происшествия вчерашнего дня.

К расщелине Голубого Джона я отправился после полудня. Признаюсь, стоило мне заглянуть в глубину шахты, как мои опасения вернулись, и я пожалел, что не взял

кого-нибудь с собой. Наконец, решившись, я зажег свечу, пробрался через густой кустарник и вошел в ствол шахты.

Она спускалась вниз под острым углом примерно на пятьдесят футов. Дно ее покрывали обломки камней. Отсюда начинался длинный прямой тоннель, высеченный в твердой скале. Я не геолог, однако сразу заметил, что стены тоннеля из более твердой породы, чем известняк, потому что там и сям можно было заметить следы, оставленные кирками древних рудокопов, и такие свежие, словно их сделали только вчера.

Спотыкаясь на каждом шагу, я спускался вниз по древнему тоннелю; слабое пламя свечи освещало неверным светом лишь маленький круг возле меня, и от этого тени вдали казались еще более темными, угрожающими. Наконец, я добрался до места, где тоннель выходил в карстовую пещеру. Это был гигантский зал, с потолка которого свисали длинные белые сосульки известковых отложений. Находясь в центральной пещере, я различал множество галерей, прорытых подземными водами и исчезавших где-то в недрах земли. Я стоял и раздумывал — не лучше ли мне вернуться или все же рискнуть и углубиться дальше в опасный лабиринт, как вдруг, опустив глаза, замер от удивления.

Большая часть пещеры была усыпана обломками скал или покрыта твердой корой известняка, но именно в этом месте с высокого свода капала вода, и тут образовался довольно большой участок мягкой грязи. В самом центре его я увидел огромный отпечаток, глубокий и широкий, неправильной формы, словно след от большого камня, упавшего сверху. Но нигде не было видно ни одного крупного камня; не было вообще ничего, что могло бы объяснить появление загадочного следа. А отпечаток этот был намного больше следа любого из существующих в природе животных и, кроме того, только один, а участок грязи был таких внушительных размеров, что вряд ли какое-либо из известных мне животных могло перешагнуть его, сделав лишь один шаг. Когда, изучив этот необычайный отпечаток, я вгляделся в обступившие меня черные тени, признаюсь, у меня на миг замерло сердце и задрожала рука, державшая свечу.

Но я тут же овладел собой, сообразив, насколько нелепо отождествлять этот огромный, бесформенный отпечаток на грязи со следом какого-нибудь известного людям животного. Такой след не мог бы оставить даже слон. Поэтому я решил, что никакие бессмысленные страхи не помешают мне продолжать мои исследования. Прежде чем отправиться дальше, я постарался хорошенько запомнить причудливую форму скалы, чтобы найти потом вход в туннель римлян. Эта предосторожность была совершенно необходима, ибо центральную пещеру, насколько я мог видеть, пересекали боковые проходы. Уверившись, что запомнил, где выход, и, осмотрев запас свечей и спичек, я успокоился и стал медленно продвигаться вперед по неровному каменистому дну пещеры.

Теперь я подхожу к описанию места, где со мной стряслась неожиданная и роковая катастрофа. Ручей шириной около двадцати футов преградил мне дорогу, и некоторое время я шел вдоль него, надеясь отыскать место, чтобы перебраться на другую сторону, не замочив ног. Наконец я дошел до подходящего места — почти на самой середине ручья лежал плоский камень, на который я мог ступить, сделав широкий шаг. Но камень, подмытый снизу потоком, был неустойчив, и когда я ступил на него, он перевернулся, и я упал в ледяную воду. Свеча погасла; я барахтался в кромешной тьме.

Не без труда удалось мне подняться на ноги; но вначале происшествие это скорее позабавило меня, нежели встревожило. Правда, свеча погасла и исчезла в потоке, но в кармане у меня оставались еще две запасные свечи, так что волноваться было нечего. Я тут же достал новую свечу, вытащил коробок со спичками, чтобы зажечь ее, и только тут с ужасом сообразил, в какое попал положение. Коробок намок, когда я упал в ручей, и спичку невозможно было зажечь.

Как только я понял это, сердце словно сдавили ледяные пальцы. Вокруг непроглядная, жуткая тьма. Такая тьма, что я невольно дотронулся рукою до лица, чтобы физически ощутить хоть что-нибудь. Я стоял, не шевелясь, и только огромным напряжением воли взял себя в руки. Я попробовал восстановить в памяти дно ущелья, такое, каким я видел его в последний раз. Но увы! При-

меты, которые я запомнил, находились высоко на стене, их было не нащупать. И все-таки я сообразил, как примерно располагались стены, и надеялся, идя вдоль них, ощупью добраться до входа в тоннель римлян. Двигаясь еле-еле, то и дело ударяясь о выступы скал, я приступил к поискам. Но очень скоро понял, что это безнадежно. В черной бархатной тьме моментально теряется всякое представление о направлении. Не сделав и десяти шагов, я окончательно заблудился.

Журчание ручья — единственный слышный звук — указывало, где он находится, но едва я удалялся от берега, как сразу терял ориентировку. Надежда отыскать в полной тьме обратный путь через этот лабиринт известняков была явно неосуществимой.

Я сел на камень и задумался над своим бедственным положением. Я никому не сказал о намерении отправиться в расщелину Голубого Джона, и поэтому нельзя было рассчитывать на то, что меня станут тут разыскивать. Значит, приходилось полагаться только на самого себя. У меня оставалась единственная надежда: спички рано или поздно должны подсохнуть. Свалившись в ручей, я вымок только наполовину: левое мое плечо оставалось над водой. Поэтому я сунул спички под мышку левой руки: возможно, тепло моего тела высушит их. Но, даже учитывая это, я знал, что сумею раздобыть огонь лишь через несколько часов. А пока мне ничего не оставалось, как только ждать.

К счастью, перед уходом с фермы я сунул в карман несколько сухариков. Я тут же съел их и запил водой из проклятого ручья, ставшего причиной всех моих бед. Затем, на ощупь отыскав среди скал местечко поудобнее, я сел, привалившись спиной к скале, вытянул ноги и стал терпеливо ждать.

Было нестерпимо холодно и сыро, но я пытался подбодрить себя мыслью, что современная медицина рекомендует при моей болезни держать окна открытыми и гулять в любую погоду. Постепенно убаюканный монотонным журчанием ручья и окруженный полнейшей темнотой, я погрузился в тревожный сон.

Как долго он длился, сказать не могу, может быть, час, а возможно, и несколько часов. Неожиданно я встрепенулся на своем жестком ложе, каждый нерв во мне на-

прягся, все чувства обострились до предела. Вие всякого сомнения, я услышал какой-то звук, и ои резко отличался от журчаиия воды. Звук замер, ио все еще стоял в моих ушах.

Быть может, это разыскивают меия? Но люди иаверияка стали бы кричать, а этот звук, разбудивший меня, хоть и очеиь далекий, совсем не походил иа человеческий голос.

Я сидел, дрожал и почти ие осмеливался дышать. Звук доиесся сиова! Потом еще раз! Теперь ои ие прерывался. Это был звук шагов, да, иесомиеиио, это двигалось какое-то живое существо. Но что это были за шаги! Оии давали представлеиие об огромиой туше, которую иесли упругие иоги. Это был мягкий, ио оглушавший меня звук. Кругом по-прежиему была полиая тьма, но топот был твердый и размереииый. Какое-то существо, иесомиеиио, приближалось ко мие.

Мороз пробежал у меия по коже и волосы встали дыбом, когда я вслушался в эту равиомериую тяжелую поступь. Это было какое-то животиое, и, судя по тому, как быстро оио ступало, оио отличио видело в темноте. Я съежился на скале, пытаясь слиться с ией. Шаги зазвучали совсем рядом, затем оборвались, и я услышал шумиое лаканье и бульканье. Чудовище пило из ручья. Затем виовь наступила тишииа, иарушаемая лишь громким сопеиьем и фыркаиьем.

Может быть, животиое учуяло человека? У меия кружилась голова от омерзительиого зловоиия, исходившего от этой твари. Я опять услышал топот. Теперь шаги раздавались уже на моей сторòие ручья. В нескольких ярдах от меия послышался грохот осыпающихся камией. Едва дыша, я прииик к скале. Но вот шаги стали удаляться. До меия доиесся громкий плеск воды — животиое сиова перебиралось через поток, и иакоиец звуки замерли в том иаправлеиии, откуда оии вначале послышались.

Долгое время я лежал иа скале, скоааииый ужасом. Я думал о звуке, который доиесся до меия из глубииы ущелья, о страхах Армитеджа, о загадочиом отпечатке на грязи, а теперь вот только что окоичательио и иеопровержимо подтвердилось, что где-то глубоко в иедрах горы таится диковииное страшилище, иечто ужасиое и иевидаииое. Я ие мог представить себе, какое оио и как

выглядит. Ясно было лишь, что оно гигантских размеров и вместе с тем очень проворно.

Во мне шла ожесточенная борьба между рассудком, утверждавшим, что такого не может быть, и чувствами, говорившими о реальности существования чудовища. Наконец, я уже был почти готов уверить себя, что все случившееся — только часть какого-то кошмарного сна и что причина галлюцинации кроется в моем нездоровье и ненормальных условиях, в которых я оказался. Но вскоре произошло нечто, положившее конец всем моим сомнениям.

Я достал из-под мышки спички и ощупал их. Они оказались совсем сухими. Согнувшись в три погибели в расщелине скалы, я чиркнул одной из них. К моему восторгу, она сразу вспыхнула. Я зажег свечу и, в страхе оглядываясь на темные глубины пещеры, поспешил к проходу римлян.

По дороге я миновал участок грязи, на котором видел ранее гигантский отпечаток. Тут я замер в изумлении: на грязи появилось три новых отпечатка! Они были невероятных размеров, их форма и глубина свидетельствовали об огромном весе того, кто их оставил. Меня охватил безумный страх. Заслоняя свечу ладонью, я в ужасе бросился к вырубленному в скале проходу, побежал по нему и ни разу не остановился передохнуть, пока, задыхаясь,— ноги у меня так и подкашивались,— не вскарабкался по последней насыпи из камней, продрался сквозь заросли кустарника и бросился на траву, озаренную мирным мерцанием звезд. Было три часа ночи, когда я вернулся на ферму. Сегодня я чувствую себя совершенно разбитым и содрогаюсь при одном воспоминании о моем ужасном приключении. Пока никому ничего не рассказывал. Тут следует соблюдать крайнюю осторожность. Что подумают бедные одинокие женщины, и как к этому отнесутся невежественные фермеры, если я расскажу им о том, что со мною случилось? Надо поговорить с кем-нибудь, кто сможет помочь мне и дать нужный совет.

25 апреля. Мое невероятное приключение в пещере Голубого Джона на два дня уложило меня в постель. Я не случайно говорю «невероятное», ибо испытал такое потрясение, как никогда в жизни. Я уже писал, что

ищу человека, с которым мог бы посоветоваться. В нескольких мнлях от меня жнвет доктор Марк Джонсон, которого мне рекомендовал профессор Саундерсон. К нему-то я н отправнлся, как только немного окреп, и подробно рассказал обо всех странных происшествиях, случившихся со мной. Он внимательно выслушал меня, затем тщательно обследовал, обратив особое внимание на рефлексы и на зрачки глаз. После осмотра доктор отказался обсуждать рассказанное мною, заявив, что это не входит в его компетенцию. Он, однако, дал мне визитную карточку мистера Пнктона из Кастльтона и посоветовал немедленно отправиться к нему и рассказать все так же подробно. По словам доктора, Пиктон — именно тот человек, который мне необходим. Поэтому я отправился поездом в этот городок, расположенный в нескольких десятках миль от нас.

Мистер Пиктон, по-видимому, очень важная персона. Об этом свидетельствовали внушительные размеры его дома на окраине города. К дверям дома была прибита медная дощечка с именем владельца.

Я уже собрался позвонить, когда какое-то безотчетное подозрение закралось мне в душу и, войдя в лавчонку на другой стороне улицы, я спросил человека за прилавком, не может ли он рассказать мне что-нибудь о мистере Пиктоне.

— Конечно,— услышал я в ответ,— мистер Пиктон — лучший психиатр в Дербншире. А вон там его сумасшедший дом.

Можете мне поверить, что я тут же покинул Кастльтон и возвратился на ферму, проклиная в душе лишенных воображения педантов, не способных поверить в существование чего-то такого, что никогда не попадало в поле их кротового зрения. Теперь, немного успокоившись, я допускаю, что, пожалуй, сам отнесся к Армитеджу не лучше, чем доктор Джонсон ко мне.

27 апреля. В студенческие годы я слыл человеком смелым и предприимчивым. Припоминаю, что, когда в Колтбридже «охотились» за привидениями, именно я провел ночь в засаде на чердаке дома, где, по слухам, водились призраки. Годы, что ли, берут свое, но мне ведь всего тридцать пять лет, или это болезнь так ослабила мой дух, но только сердце мое, несомненно, каждый

раз трепещет, стоит мне вспомнить об этой ужасной расщелине в горе и обитающем в ней чудовище.

Что же делать? Все дни напролет я только об этом и думаю. Промолчу я — и тайна остается неразгаданной. Если же хоть что-нибудь расскажу,— сразу же возникнет альтернатива: либо всю округу охватит безумная паника, либо мне ни на йоту не поверят и, может быть, упрячут в дом для умалишенных. В общем, думаю, что всего лучше выждать и исподволь готовиться к новому походу в пещеру, который должен быть лучше продуман и организован, чем первый. Прежде всего я съездил в Кастльтон и приобрел самое необходимое — большую ацетиленовую лампу и хорошую двустволку. Ружье я взял напрокат и сразу купил к нему дюжину крупнокалиберных патронов, которыми можно свалить и носорога. Теперь я готов к встрече с моим пещерным другом. Только бы немного окрепнуть телом и душой! Уж я постараюсь покончить с ним!.. Но кто и что он такое? Ах! Вопрос этот не дает мне спать. Сколько гипотез я строил и тут же отвергал! Все это так невероятно! И в то же время рев, следы лап, тяжелая поступь в ущелье. Этими фактами невозможно пренебречь.

Невольно вспоминаются стариннные легенды о драконах и других чудовищах. Быть может, и они не просто плод фантазии, как полагаем мы? А если в основе этих легенд лежат реальные факты и мне единственному из смертных суждено приоткрыть эту таинственную завесу?!

3 мая. Капризы нашей английской весны уложили меня на несколько дней в постель, и за эти дни произошли события, истинный и зловещий смысл которых, пожалуй, никто, кроме меня, не может постичь. Должен сказать, что в последнее время здесь были темные безлунные ночи, а мне известно, что именно в такие ночи и исчезали овцы. И несколько овец действительно *пропало*. Две из них принадлежали мисс Эллертон, одна — старому Пирсону и еще одна — миссис Мултон. Четыре овцы за три ночи! От них не осталось и следа, и вся округа только и говорит о цыганах и похитителях овец.

Но случилось и нечто более серьезное. Исчез молодой Армитедж! Он ушел из своего дома поздно вечером

в среду, и больше о нем не слышали. Армитедж — человек одинокий, поэтому его исчезновение не наделало шуму. Общее мнение таково, что он много задолжал, возможно, нанялся на работу в другом месте и вскоре напишет, чтобы ему переслали его пожитки. Но у меня на этот счет самые мрачные опасения. Разве не правильнее предположить, что недавнее исчезновение овец побудило Армитеджа принять какие-то меры, и это привело его самого к гибели? Он мог, например, устроить засаду на зверя, и чудовище утащило его в недра горы. Какой невероятный конец для цивилизованного англичанина двадцатого века! И все же я чувствую, что это вполне вероятно. Но если так, какова же моя доля ответственности за гибель этого несчастного и за все те беды, которые еще могут произойти? Несомненно одно: раз уж мне что-то известно, мой долг — добиться каких-то срочных мер, либо в крайнем случае. предпринять что-то самому. Предстоит последнее, ибо сегодня утром я отправился в местное отделение полиции и все им рассказал. Инспектор записал мою историю в толстую книгу и с самым серьезным видом поблагодарил меня, но не успел я выйти за порог, как услышал взрыв хохота. Без сомнения, инспектор рассказывал о моем приключении.

10 июня. Пишу эти строки лежа в постели, последнюю запись я сделал в этом дневнике шесть недель тому назад. Я пережил ужасное потрясение — и физически и духовно, мало кому из людей довелось испытать такое. Однако я достиг своей цели. Опасность, таившаяся в расщелине Голубого Джона, исчезла навсегда. И это удалось сделать для общего блага мне, больному и беспомощному инвалиду. Постараюсь изложить случившееся с максимальной точностью, насколько это в моих силах.

В пятницу, третьего мая, ночь была темная, пасмурная. Самая подходящая ночь для прогулок чудовища. Около одиннадцати я вышел из дому, взяв с собой лампу и ружье и предварительно оставив на столике в спальне записку, в которой сообщал, что, если я не вернусь, искать меня следует около расщелины. Добравшись до входа в шахту римлян, я притаился среди скал, затемнил лампу и стал терпеливо ожидать, держа наготове заряженное ружье.

Время тянулось томительно долго. Внизу в долине мерцали огоньки в окнах домиков фермеров, и до меня едва доносился бой часов на колокольне в Чэппель-Дэйле. Эти признаки существования других людей лишь усиливали чувство одиночества, и мне пришлось призвать все свое мужество, чтобы побороть страх и не поддаться искушению навсегда оставить эту опасную затею и скорее вернуться домой на ферму. Но самоуважение, заложенное в натуре каждого человека, упорно заставляет его идти к однажды намеченной цели. Одно только чувство собственного достоинства и спасло меня в тот момент; только оно укрепило меня в борьбе с инстинктом самосохранения, который гнал меня прочь от расщелины. Теперь я рад, что у меня хватило выдержки. Как бы дорого ни обошлось мне все это, мужество мое, во всяком случае, было безупречно.

На далекой церкви пробило полночь, затем — час, два. Это было самое темное время ночи. Тучи проносились низко над землей, в небе — ни звездочки. Где-то в скалах громко ухала сова, и более ни звука, только мягкий шелест листвы. И вдруг я услышал его!

Далеко в глубине тоннеля раздались приглушенные шаги, мягкие и в то же время такие грузные. Загрохотали камни, осыпаясь под могучей поступью гиганта. Шаги приближаются. Вот они уже рядом. Затрещали кусты вокруг арки, и в ночной тьме я увидел смутные очертания какого-то огромного, фантастического первобытного существа, бесшумно и проворно выходящего из тоннеля. Изумление и ужас парализовали меня. Я ожидал увидеть нечто страшное, и все же оказался совсем неподготовленным к тому, что предстало перед моими глазами. Я лежал, оцепенев и затаив дыхание, пока огромная черная туша не пронеслась мимо меня и не скрылась в темноте.

Но теперь я твердо решил дождаться возвращения чудовища. Со стороны спящей долины не доносилось ни звука, который свидетельствовал бы, что там бродит на свободе это воплощение ужаса. Ничто не подсказывало мне, как далеко ушло чудовище, что делает и когда может вернуться. Но на этот раз нервы ни на миг не подведут меня, оно не пройдет безнаказанно

мимо. Стиснув зубы, я поклялся себе в этом, когда нацелил ружье со взведенным курком на вход в расщелину.

И все-таки я опять едва не пропустил его. Ничто не предвещало появления зверя, мягко ступавшего по траве. Внезапно, как темная быстрая тень, передо мной появилась громадная масса и устремилась к входу в расщелину. И снова моя воля была парализована — палец бессильно застыл на спусковом крючке. Невероятным усилием я стряхнул с себя оцепенение. В тот момент, когда чудовищная тварь, продравшись сквозь кусты, уже слилась с чернотой расщелины, я выстрелил в удалявшуюся темную тень. В свете яркой вспышки я мельком увидел косматую гору: грубую, ощетинившуюся шерсть, сероватую сверху и почти белую внизу, огромное тело на коротких толстых кривых лапах. Видел я все это лишь одно мгновение. Затем послышался грохот камней — чудовище кинулось в свое логово. И тут, почувствовав необычайный прилив сил и отбросив все страхи, я открыл свою мощную лампу, спрыгнул со скалы и, сжимая ружье, кинулся вслед за чудовищем в шахту римлян. Моя превосходная лампа заливала тоннель ослепительным светом, совсем непохожим на желтое мерцание свечи, с которой я пробирался здесь двенадцать дней тому назад. Стремительно несясь по тоннелю, я видел впереди чудовище; громадное тело его заполняло все пространство между стенами тоннеля. Шерсть, походившая на грубую бесцветную паклю, свисала длинными густыми космами, развевавшимися, когда зверь бежал. Своей шерстью животное напоминало гигантскую неостриженную овцу, но было значительно крупнее самого крупного слона. и почти квадратное. Сейчас мне самому кажется невероятным, что я отважился преследовать такое страшилище в недрах земли, но когда в жилах человека закипает кровь от сознания, что из рук ускользает добыча, в нем пробуждаются первобытные инстинкты охотника, и благоразумие летит к чертям. Сжимая в руке ружье, я изо всех сил бежал за чудовищем.

Я заметил, что животное очень проворно. Вскоре, к несчастью, мне пришлось убедиться на себе самом, что оно к тому же и коварно. Я вообразил, что зверь в па-

нике спасается бегством и мне остается только преследовать его; мысль о том, что он может сам напасть на меня, даже не зародилась в моем разгоряченном мозгу. Я уже упоминал, что тоннель, по которому я бежал, ведет в большую центральную пещеру. В крайнем возбужденнн я влетел в нее, боясь одного — упустнть зверя. И вот в этот момент чудовище неожиданно повернулось ко мне. В один миг мы оказались друг против друга.

То, что я увидел в ослепительном свете лампы, навсегда запечатлелось в моей памятн. Зверь, как медведь, поднялся на задние лапы н навис надо мной — огромный, разъяренный. Ни в одном кошмарном сне я не видел ничего подобного.

Я сказал, что зверь встал на задние лапы, как медведь; в нем н было что-то медвежье, если только можно представить себе медведя раз в десять больше самого гигантского из живущих на земле. И его поза, и повадки, и длинные кривые передние лапы с желтоватыми когтями, лохматая шерсть, красная разверстая пасть с огромными клыкамн — все напоминало медведя. Только одним он отличался и от медведей и от любого нз обнтающих на земле существ. Я содрогнулся от ужаса, когда увндел, что глаза его, заблестевшие при свете лампы, были огромные, выпуклые, белые и незрячие.

Мгновение его огромные лапы качались над моей головой. Потом чудовище бросилось на меня, а я, все еще держа лампу, рухнул на землю и лишнлся сознания.

Очнулся я уже на ферме Эллертонов. Со времени этого ужасного пронсшествия в расщелине Голубого Джона прошло два дня. Похоже, что я всю ночь пролежал без сознания в шахте. У меня оказалось сотрясение мозга, левая рука н два ребра былн сломаны. Оставленную мною записку нашлн утром, н сразу же человек десять фермеров отправились на поиски; меня нашли в расщелине и отнесли домой, после этого я долго лежал в бреду.

От диковинного зверя не осталось и следа, не было даже пятен крови, которые бы указывалн, что моя

пуля попала в него, когда он убегал. Кроме моего бедственного состояния да еще отпечатков на грязи, в пещере не было ничего, что могло бы подтвердить мой рассказ.

С тех пор прошло уже шесть недель, я снова могу выходить и греться на солнышке. Как раз напротив меня высится отвесный склон холма и видны серые известковые скалы, а около них, сбоку,— темная дыра, обозначающая вход в расщелину Голубого Джона. Но она уже никогда больше не будет внушать ужас. Никогда больше ни одно загадочное существо не выползет из этого зловещего тоннеля и не проникнет в мир. Ученые и образованные люди, вроде доктора Джонсона, могут смеяться надо мной, но местные фермеры ни разу не усомнились в моей правдивости.

На следующий день после того, как ко мне вернулось сознание, сотни фермеров собрались у входа в расщелину Голубого Джона.

Вот что писал об этом «Кастльтонский курьер»:

«Наш корреспондент, а также несколько смелых и предприимчивых людей, прибывших из Матлока, Бэкстона и других мест, тщетно требовали позволить им спуститься в шахту, чтобы обследовать ее до самого конца и досконально проверить невероятный рассказ доктора Джеймса Хардкастля. Местные фермеры взяли дело в свои руки. С самого раннего утра они усердно заваливали вход в шахту. Рядом поднимается крутой скалистый склон, и сотни добровольцев скатывали по нему огромные камни в расщелину, пока не завалили вход в нее. Так закончилось это происшествие, породившее столь великое волнение по всей округе.

Мнения местных жителей по этому поводу резко разошлись. Одни считают, что слабое здоровье и, возможно, некоторое повреждение мозга на почве туберкулеза вызывали у доктора Хардкастля странные галлюцинации. Они полагают, что навязчивая идея заставила доктора Хардкастля спуститься в тоннель и что там он ушибся при падении. Противная сторона утверждает, что легенда о загадочном чудовище, таящемся в ущелье, возникла задолго до приезда доктора Хардкастля, и многие фермеры рассматривают рассказ доктора и полученные им ранения, как подтверждение существования

чудовища. Так обстоит дело и таким загадочным оно и останется, ибо нет никакой возможности дать более или менее научное объяснение изложенным выше событиям».

Со стороны газеты было бы более разумным прежде, чем печатать эту статью, направить ко мне своего корреспондента. Я проанализировал события так детально, как никто другой, и, быть может, помог бы устранить некоторые неясности в повествовании и тем самым приблизить вопрос к научному разрешению. Итак, попробую дать то единственное объяснение, которое, как мне кажется, способно пролить свет на эту историю. Гипотеза моя может показаться неправдоподобной, но никто не станет утверждать, что она вздорна.

Моя точка зрения такова — а она возникла, как видно из дневника, задолго до моих личных злоключений в расщелине Голубого Джона. Предполагаю, что в этой части Англии имеется огромное подземное озеро, а возможно, даже и море, которое питается великим множеством речушек, проникающих в недра земли через известняковые породы. Там, где есть большое скопление воды, должно быть и ее испарение с последующим выпадением влаги в виде тумана или дождя, а последнее предполагает наличие и растительного мира. Это, в свою очередь, допускает возможность существования животного мира, возникшего, как и подземный растительный мир, от тех же видов, которые существовали в ранний период истории нашей планеты, когда подземный и внешний миры общались более свободно.

Впоследствии в мире подземных глубин развились собственные флора и фауна; изменения коснулись также всяких существ, вроде того чудовища, которое я видел.

Оно могло быть пещерным медведем древнейших времен, невероятно выросшим и изменившимся в силу новых условий. Многие миллионы лет наземные и подземные обитатели жили обособленно и, развиваясь, все больше отличались друг от друга. Но вот в глубине горы образовалась брешь, позволившая одному из обитателей недр выходить через тоннель римлян на поверхность. Как и все обитатели подземного мира, животное утратило зрение, но потеря эта, несомненно, была воз-

мещеиа развитием других оргаиов. Животиое могло находить дорогу иаверх и иападать иа овец, которые паслись иа склоиах близлежащих холмов. Что же касается темиых иочей, которые чудовище выбирало для своих набегов, то, согласио моей теории, это можио объясиить болезиеииым воздействием света иа выпуклые глаза животиого, привыкшего к мраку. Вероятиее всего, яркий свет лампы и спас мие жизиь, когда я очутился с чудовищем одии иа одии.

Таково мое объясиеиие этой загадки. Я оставляю эти факты иа ваше усмотреиие. Если вы сможете их объяснить,— сделайте это, предпочтете усомииться,— сомиевайтесь. Ваше доверие или иедоверие ие могут ии измеиить вышеизложеииых фактов, ии оскорбить того, чья задача в этом мире уже близится к завершеиию».

Так закаичивается страииый рассказ доктора Джеймса Хардкастля.

«ТОРГОВЫЙ ДОМ ГЕРДЛСТОН»

«Торговый дом Гердлстон. Романтическая история о людях, чуждых романтике» — первый роман А. Конан Дойля. Это традиционный для Англии XIX века социальный роман, роман о ловких дельцах и стяжателях, которые наживаются за счет маленьких людей, оказывающихся в их власти. Его тема, сюжет и характеры свидетельствуют о стремлении автора следовать традиции Чарльза Диккенса. Уже первая глава романа, где дан «портрет» торгового дома, вызывает в памяти сходный образ банкирского дома Теллсона в романе Диккенса «Повесть о двух городах». В диккенсовском же духе, с мягким сочувственным юмором обрисована фигура одного из второстепенных персонажей — несколько эксцентричного, но прямодушного майора Клаттербека.

И центральные образы романа написаны не без влияния сатирических портретов, созданных Диккенсом. Резкими мазками Дойль рисует запоминающиеся фигуры негоциантов — жестокого, лицемерного клятвопреступника Гердлстона-отца, ловкого софиста и ханжу, и его сына, энергичного, хладнокровного, не знающего жалости Эзру, человека совершенно неразборчивого в средствах для достижения своей цели: он готов жениться ради того, чтобы прикарманить деньги невесты и тем самым поправить пошатнувшиеся дела фирмы; осуществляя аферу с алмазами в Африке, он связывается с отпетыми негодяями и не менее энергично и безжалостно преследует их.

Создавая выразительные образы двух владельцев торговой фирмы, писатель однако «сдабривает» все ситуации романа эффек-

тами нередко мелодраматического свойства: Дойлю, в общем, все-таки ближе были романисты, называвшие себя учениками Диккенса, создатели так называемого «сенсационного романа» Чарльз Рид и Уилки Коллинз, особенно первый, который умер незадолго до появления Дойля в литературе.

Африканские эпизоды романа, изображение авантюры Эзры с алмазами в Южной Африке, сближают Конан Дойля с писателями, обращавшимися к ходовой колониальной теме, особенно с «неоромантиком» Райдером Хаггардом.

Роман был напечатан в 1890 году отдельным изданием в Лондоне (изд. Чатто и Уиндус), вслед за первой повестью о Шерлоке Холмсе «Этюд в багровых тонах» (1887).

И. Катарский

СОДЕРЖАНИЕ

ТОРГОВЫЙ ДОМ ГЕРДЛСТОН. *Перевод И. Гуровой и Т. Озерской* 5

РАССКАЗЫ

Тайна замка Горсорп-Грэйндж. *Перевод Н. Дехтеревой* 399

Необычайный эксперимент в Кайнплатце. *Перевод Н. Дехтеревой* 419

Литературная мозаика. *Перевод Н. Дехтеревой* . . . 437

Наши ставки на дерби. *Перевод Н. Высоцкой* . . . 457

Номер 249. *Перевод Н. Высоцкой* 482

Исчезнувший экстренный поезд. *Перевод Н. Высоцкой* 519

Б. 24. *Перевод В. Ашкенази* 538

Школьный учитель. *Перевод Н. Дехтеревой* 553

Ужас расщелины Голубого Джона. *Перевод В. Штенгеля* 570

И. Катарский. «Торговый дом Гердлстон» 589

Артур Конан Дойль.
Собрание сочинений в 8 томах.
Том IV.

Редактор тома
А. Миронова.

Иллюстрации художника
И. Ушакова.

Оформление художника
С. Пожарского.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 31/X 1966 г. Тираж 626 000 экз.
Изд. № 1923. Зак. 2233. Форм. бум. 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 18,5+4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 32,56
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А 47,
улица «Правды», 24

Индекс 70667.

